

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 2

**Ростов-на-Дону
2021**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т.В., доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т.П., доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Ушаков Д.С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В.А., докт. экон. наук, доц.; Золочевская Е.Ю., докт. экон. наук, проф.; Кайль Я.Я., докт. экон. наук, доц.; Кислицын С.А., докт. ист. наук, проф.; Козлюк Н.В.; докт. экон. наук, доц.; Кокин А.В., докт. г.-м. наук, проф.; Колядин А.П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е.М., докт. экон. наук, проф.; Овакимян М.А., канд. экон. наук, доц.; Овчаренко Р.К., докт. социол. наук, доц.; Пешкова Е.П., докт. экон. наук, проф.; Понделков А.В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Попова Е.А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н.Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В.А., докт. социол. наук, проф.; Чернова О.А., докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 2

**Rostov-on-Don
2021**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T.V.,
Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T.P.,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Arsenieva V.A., Doctor of Economic Science, Docent; *Zolochevskaja E.Yu.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kyle Ya.Ya.*, Doctor of Economics, Docent; *Kislitsyn S.A.*, Doctor of Historic Science, Professor; *Kozlyuk N.V.*, Doctor of Economics, Docent; *Kokin A.V.*, Doctor of Geological and Mineralogical Science, Professor; *Kryukova E.M.*, Doctor of Economics, Professor; *Kolyadin A.P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ovakimyan M.A.*, Candidate of Economic Science, Docent; *Ovcharenko R.K.*, Doctor of Sociology, Docent; *Peshkova E.P.*, Doctor of Economics, Professor; *Ponedelkov A.V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; *Popova E.A.*, Doctor of Political Science, Docent; *Skvortsov N.G.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Sologub V.A.*, Doctor of Sociology, Professor; *Chernova O.A.*, Doctor of Economics, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216

Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
А.В. Баранов, О.В. Котлярова ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ	11
И.В. Купцова, Н.Е. Лактаева ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА К ФОРМИРОВАНИЮ ЭКОСИСТЕМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ МИРОВОГО УРОВНЯ	18
П.Ю. Кузнецова, К.С. Николаева СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ.....	28
Ю.Н. Лапыгин, С.А. Болтунов ИНСТРУМЕНТЫ ТРЕХ ЭТАПОВ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	34
Н.Г. Ларкина, В.В. Некрасова, Г.В. Овчаренко ТРАНСФЕР ИННОВАЦИОННЫХ ЗНАНИЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ.....	40
Л.Г. Миляева ДИАГНОСТИКА КАДРОВОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ.....	48
А.Ю. Никитаева РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	56
М.С. Романов МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В РАМКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	63
А.О. Соловцов ВНЕДРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ	71
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	77
К.Г. Абазиева, С.В. Бурмистров, С.И. Самыгин АРХАИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НОВЫХ ТРЕНДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....	77
Н.Н. Ажогина, Л.В. Китаева, О.В. Мальцева ПРИРОДНАЯ РЕНТА И СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕЕ УЛАВЛИВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	83
Е.Х. Бежанова, Л.Г. Темирова, Р.В. Шагошев ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ.....	90
Г.Ю. Волков ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	96
Е.Н. Голик ЦИФРОВИЗАЦИЯ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ НДС В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	103

Т.В. Игнатова, Т.П. Черкасова, Д.Е. Иванова МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА: МИРОВОЙ ОПЫТ.....	110
Н.В. Капустина, В.А. Комаричева, И.Т. Рустамова ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РОСТА.....	117
А.Н. Козлов ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ.....	121
Т.Б. Малкова, П.С. Короткова ОБОСНОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РОСТА ПРЕДПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ (КЕЙС ВАРИАТИВНОСТИ ВЫБОРА)	126
Д.Е. Морковкин ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	135
А.С. Мясникова, Х.У. Магомадов НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ КАК ФАКТОРА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОВЕДЕНИЕ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА.....	140
РУБРИКА НОМЕРА: ЭКОНОМИКА РЕКРЕАЦИИ И ТУРИЗМА	146
Р.М. Арсанова, Н.Н. Киселева УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО И БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКОГО ТИПОВ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	146
Г.Р. Бондаренко МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТЬЮ ГОСТИНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	152
П.Е. Будаев ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ.....	157
Е.Ю. Золочевская, Т.В. Подольская ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ.....	162
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА.....	168
А.Ф. Белозор, Ф.И. Белозор КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ	168
Д.К. Григорян АНАЛИЗ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА КАК ПЛОЩАДКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЭЛИТ.....	178
И.Ф. Денисенко, Е.Н. Тованчова ПЕРЕКОМПОЗИРОВАНИЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	184
А.В. Макаров МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ	189
В.В. Прилепский ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	195
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	201
Э.М. Загирова ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ИНСТИТУТЕ МНОГОЖЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)	201
Я.Г. Зинченко, А.В. Макарова, В.В. Провоторова ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	207
Э.В. Моргунова, С.Н. Смолянинов, А.К. Хаустова ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	213

Н.Б. Помозова	
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КОНТЕКСТА КОНЦЕПЦИИ «МИРНОГО ВОЗВЫШЕНИЯ КИТАЯ» (2002–2004 гг.).....	219
Т.Д. Скуднова	
СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В НАУКЕ.....	224
М.М. Шахбанова	
РЕЛИГИОЗНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА).....	231
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	237
Ван Юйчань	
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ОТРАСЛИ В КИТАЕ И РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.....	237
Д.М. Глуховская	
МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	245
К.А. Дивеева, О.В. Васильева	
ФАКТОРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	250
А.А. Индарбаев	
УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА МЕЗОУРОВНЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	254
Я.Н. Калиниченко	
НАРКОСИТУАЦИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА 2020 г.: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА	259
О.Х. Мусеве	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КЕНИИ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ.....	264
Мэн Юйфэн	
«СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ» В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА: О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ НОВАЦИЯХ В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР	270
А.А. Подгайко	
СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК ЧАСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ.....	278
Г.В. Туманян	
ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К ПАРТИСИПАТИВНЫМ ПРАКТИКАМ, РЕАЛИЗУЕМЫМ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	284
В.В. Щербаков	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ.....	293
О.И. Яковлева	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МЧС РОССИИ.....	298
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	303

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	11
<i>Baranov Alexey Viktorovich, Kotlyarova Olga Vladimirovna</i>	
DIGITAL COMPETENCE OF CIVIL SERVANTS AS A RESOURCE OF POLITICAL POWER.....	11
<i>Kuptsova Irina Valentinovna, Laktaeva Nadezhda Evgenievna</i>	
PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE FORMATION OF ECOSYSTEMS OF WORLD-CLASS SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTERS.....	18
<i>Kuznetsova Polina Yurievna, Nikolaeva Ksenia Sergeevna</i>	
IMPROVEMENT OF COOPERATION BETWEEN AUTHORITIES IN THE IMPLEMENTATION OF HOUSING RIGHTS OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE.....	28
<i>Lapygin Yuri Nikolaevich, Boltunov Sergey Alexandrovich</i>	
TOOLS FOR THREE STEPS ELABORATING OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGY	34
<i>Larkina Nataliya Georgievna, Nekrasova Victoria Vitalievna, Ovcharenko Georgy Vasilyevich</i>	
TRANSFER OF INNOVATIVE KNOWLEDGE AND DOMESTIC TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF A NEW ECONOMIC MODEL	40
<i>Milyaeva Larisa Grigoryevna</i>	
TO THE ISSUE OF DIAGNOSTICS OF PERSONNEL PROTECTION OF THE ENTERPRISE	48
<i>Nikitaeva Anastasia Yurievna</i>	
RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT OF E-GOVERNMENT IN THE DIGITAL ECONOMY.....	56
<i>Romanov Maxim Sergeevich</i>	
METHODOLOGICAL ASPECTS OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT WITHIN DIGITALIZATION.....	63
<i>Solovtsov Aleksey Olegovich</i>	
IMPLEMENTATION ASPECT OF LAND RESOURCES MANAGEMENT	71
PROBLEMS OF ECONOMICS	77
<i>Abazieva Kamilla Grigoryevna, Burmistrov Sergey Vladimirovich, Samygin Sergey Ivanovich</i>	
ARCHAIC FEATURES OF NEW TRENDS IN HUMAN RESOURCE MANAGEMENT UNDER DIGITALIZATION OF RUSSIAN ECONOMY.....	77
<i>Azhogina Natalia Nikolaevna, Kitaeva Ludmila Vasilievna, Maltseva Olga Viktorovna</i>	
NATURAL RENT AND MODERN MECHANISMS OF ITS CAPTURE AND USE.....	83
<i>Bezhanova Elena Khusinovna, Temirova Lilia Gumarovna, Shkhagoshev Rustam Valentinovich</i>	
PROGRAM IMPLEMENTATION OF GOODS-FLOW LOGISTICS PROBLEM	90
<i>Volkov Gennady Yurievich</i>	
DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN OIL INDUSTRY AS A FACTOR OF MAINTAINING COMPETITIVENESS IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL INNOVATION ECONOMY DEVELOPMENT	96
<i>Golik Elena Nikolaevna</i>	
DIGITALIZATION OF VAT ADMINISTRATION IN THE SYSTEM OF ENSURING ECONOMIC SECURITY	103
<i>Ignatova Tatiana Vladimirovna, Cherkasova Tatiana Pavlovna, Ivanova Daria Evgenievna</i>	
MODELS OF STATE INFLUENCE ON INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF NATIONAL BUSINESS: WORLD EXPERIENCE.....	110
<i>Kapustina Nadezhda Valerievna, Komaricheva Victoria Aleksandrovna,</i>	
<i>Rustamova Irada Talyatovna</i>	
KNOWLEDGE ECONOMICS AS AN INNOVATIVE FACTOR FOR ECONOMIC DEVELOPMENT AND GROWTH	117
<i>Kozlov Andrey Nikolaevich</i>	
INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IN THE CONDITIONS OF THE INTENSIFICATION OF THE DIGITAL ENVIRONMENT	121
<i>Malkova Tatyana Borisovna, Korotkova Polina Sergeevna</i>	
ARGUMENTATION OF GROWTH STRATEGY OF REAL SECTOR ENTERPRISE (CASE OF VARIABLE CHOICE)	126

Morkovkin Dmitry Evgenievich	
TRANSFORMATION OF GLOBAL VALUE CHAINS IN THE FACE OF THE COVID-19 PANDEMIC.....	135
Myasnikova Alena Sergeevna, Magomadov Khasan Umarovich	
DIRECTIONS OF INCREASING THE PERFORMANCE OF TAX CONTROL AS A FACTOR OF IMPACT ON THE BEHAVIOR OF A TAXPAYER.....	140
SPECIAL TOPIC OF ISSUE: ECONOMY OF RECREATION AND TOURISM	146
Arsanova Roza Mairoevna, Kiseleva Natalia Nikolaevna	
CONDITIONS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL CLUSTERS OF TOURIST-RECREATIONAL AND BALNEOLOGICAL TYPES IN THE CHECHEN REPUBLIC.....	146
Bondarenko Georgy Ruslanovich	
METHODOLOGICAL APPROACH TO EVALUATION OF EFFICIENCY OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY OF HOTEL ORGANIZATIONS.....	152
Budaev Pavel Evgenevich	
PECULIARITIES OF THE POSITIONING OF TOURIST DESTINATIONS.....	157
Zolocheskaya Elena Yurevna, Podolskaya Tatiana Valentinovna	
HEALTH TOURISM IN THE PERIOD OF COVID-19 PANDEMIC: ASSESSING THE ECONOMIC IMPACT.....	162
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	168
Belozor Alina Fedorovna, Belozor Fedor Ivanovich	
CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CHALLENGES.....	168
Grigoryan David Kromvelovich	
ANALYSIS OF THE ARMENIAN-AZERBAIJANI CONFLICT AS A PLATFORM FOR CONFRONTATION BETWEEN THE RUSSIAN AND TURKISH ELITES.....	178
Denisenko Ivan Fedorovich, Tovanchova Elena Nikolaevna	
RE-COMPOSING PEACE-POLITICAL RELATIONS AND SOCIO-POLITICAL ROLES IN TODAY'S GLOBAL WORLD	184
Makarov Aleksey Vladimirovich	
MODEL OF GLOBAL LEADERSHIP IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPHERE AND ITS COMPONENTS.....	189
Prilepsky Vadim Vladimirovich	
CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT	195
SOCIOLOGY PROBLEMS.....	201
Zagirova Elvira Makhachevna	
PUBLIC OPINION ABOUT THE INSTITUTE OF POLYGAMY (ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN).....	201
Zinchenko Yaroslava Gennadievna, Makarova Anastasia Vladimirovna, Provotorova Valeria Vladimirovna	
INSTITUTIONALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM AS A FACTOR OF THE LEGAL AND SOCIAL ORDER OF MODERN RUSSIAN SOCIETY.....	207
Morgunova Eleonora Viktorovna, Smolyaninov Sergey Nikolaevich, Khaustova Anna Konstantinovna	
PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE INSTITUTIONAL EDUCATIONAL SPACE	213
Pomozova Natalia Borisovna	
SOCIOLOGICAL DISCOURSE-ANALYSIS OF THE CONTEXT OF THE "CHINA'S PEACEFUL RISE" CONCEPT (2002-2004).....	219
Skudnova Tatyana Dmitrievna	
SOCIAL FUNCTIONS OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL TURN IN SCIENCE.....	224
Shakhbanova Madina Magomedkamilovna	
RELIGIOUSNESS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN (ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)	231

YOUNG SCIENTISTS	237
<i>Wang Yuchan</i>	
HIGH-TECH INDUSTRIES IN CHINA AND RUSSIA: PRESENT SITUATION AND IMPACT ON ECONOMIC DEVELOPMENT	237
<i>Glukhovskaya Daria Mikhailovna</i>	
MEDIA SPACE AS A SUBJECT OF STUDY IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE.....	245
<i>Diveeva Ksenia Alexandrovna, Vasilyeva Olga Vladimirovna</i>	
FACTORS OF RADICALIZATION OF THE MUSLIMS COMMUNITY OF RUSSIA IN SOCIAL NETWORKS.....	250
<i>Indarbaev Askhab Aliyevich</i>	
RISK MANAGEMENT OF THE MESOLEVEL INVESTMENT PROJECT IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC.....	254
<i>Kalinichenko Yana Nikolaevna</i>	
DRUG SITUATION IN THE KRASNOYARSK TERRITORY ON THE RESULTS OF ANNUAL MONITORING 2020: STATE AND DYNAMICS	259
<i>Museve Audrey Khalenya</i>	
INSTITUTIONAL REFORMS IN SOCIAL PROTECTION OF OLDER PEOPLE IN KENYA: THE VIEW OF EXPERTS	264
<i>Meng Yufeng</i>	
"SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS" IN THE ERA OF XI JINPING: ON CONCEPTUAL INNOVATIONS IN THE OFFICIAL POLITICAL DISCOURSE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA	270
<i>Podgayko Alexey Andreevich</i>	
SOCIAL SOLIDARITY AS PART OF THE INSTITUTIONAL MATRIX IN THE KNOWLEDGE ECONOMY.....	278
<i>Tumanyan Garnik Vaginakovich</i>	
ATTITUDE OF CITIZENS TO PARTICIPATORY PRACTICES IMPLEMENTED AT THE LEVEL OF A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS.....	284
<i>Shcherbakov Vadim Valerievich</i>	
IMPROVING THE MANAGEMENT ACCOUNTING SYSTEM OF AN ENTERPRISE IN A COMPETITIVE ENVIRONMENT	293
<i>Yakovleva Olga Ivanovna</i>	
PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF STUDENTS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS EMERCOM OF RUSSIA	298
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES.....	303

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Баранов Алексей Викторович	заместитель директора, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: bav.skags@gmail.com
Котлярова Ольга Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59А). E-mail: olya-apriori@yandex.ru

Аннотация

В представленной статье цифровая компетентность и составляющие ее цифровые компетенции государственных служащих анализируются в качестве интеллектуального ресурса политической власти. Включен обзор научной литературы, в котором обсуждаются актуальные направления цифровых трансформаций в разных сферах жизнедеятельности государства. Определены факторы, стимулирующие развитие цифровой компетентности современных государственных служащих. Также представлен опыт Центра подготовки руководителей цифровой трансформации, основанный на базе Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, по нашему мнению, являющийся инновационным и передовым с позиции трансформационных цифровых изменений при подготовке кадрового потенциала государственной службы.

Ключевые слова: *политические ресурсы, цифровая трансформация государственного управления, интеллектуальные ресурсы, публичность государственного управления, профессиональная компетентность, цифровая компетенция, дополнительно профессиональное образование, дополнительные профессиональные программы, профессиональная переподготовка, повышение квалификации.*

Публичная открытость, демонстративность государственного управления, прозрачность управленческих решений и процессов позволяют гражданам переставать воспринимать политическую власть как феномен неравенства.

Политический институт государственной службы подвергается масштабным цифровым трансформациям, которые поддерживаются, в том числе, экономическими, административными, информационными, социальными, силовыми и другими ресурсами.

К интеллектуальным ресурсам политической власти традиционно относят весь масштабный спектр компетентностного потенциала государственных служащих. Необходимость осуществлять ежедневную профессиональную деятельность в условиях усиленно развивающейся цифровизации ставит представителей властных структур в затруднительную ситуацию. Они вынуждены не просто осознавать процессы цифровой трансформации государственного управления, но и организовывать мероприятия, поддерживающие эти процессы, руководить ими. В этой связи неотъемлемой частью профессионального развития государственных служащих становится непрерывное формирование цифровых компетенций.

Отметим, что процессы цифровой трансформации в российском обществе специфичны и, с одной стороны, соответствуют некоторым качественным и количественным показателям мирового уровня, к примеру, Единый портал государственных услуг насчитывает число пользователей, не уступающее лидирующим в этом отношении Великобритании и Австралии. С другой стороны, процесс перехода к государственному управлению, основанному на данных, сопровождается серьезными организационными, ресурсными и другими барьерами.

Большинство исследователей согласны в том, что цифровая трансформация государственного управления позволит кастомизировать и персонифицировать предоставление государственных услуг посредством ориентации на индивидуальные запросы конкретных граждан или организаций, а также не просто минимизировать управленческие риски, но вырабатывать и совершенствовать модели рисков, позволяющие объективно распределять ресурсы для их устранения и предупреждения.

По мнению экспертов, авторов доклада «Государство как платформа», представителей Высшей школы государственного управления РАНХиГС необходимость принятия грамотных решений обуславливает переход «к управлению на основе данных (datadriven decision management)»¹. Исследователи-эксперты выделяют три трансформационных блока, в совокупности структурирующих управление на основе данных: 1) разработку логичной архитектуры данных, подразумевающую функционирование государственной единой среды управления данными, удовлетворяющей потребности граждан, государственных органов и представителей бизнес-структур; 2) цифровую идентичность, то есть соблюдение цифровых приоритетов личности и общества, основанное на доверии к инфраструктуре данных; 3) соблюдение правового режима использования общедоступных данных, основанного на принципе открытости и одинаковых условиях для всех участников процесса.

В связи с вышесказанным, логично, что деятельность представителей государственной службы меняется коренным образом, трансформационные процессы внедряются в их привычную деятельность и действуют не только локально, то есть изменяют регламент профессиональной деятельности конкретного служащего, но и реформируют все социально-экономические сферы государственного управления.

Однако цифровая трансформация государственного управления, прежде всего, развивается не на основе ресурсов и технологий, а на основе культурно-управленческих изменений, подразумевающих формирование у представителей государственного управления *цифровой ментальности*.

Под цифровой ментальностью понимается *реализация профессиональной деятельности в сфере государственного управления с учетом актуальных цифровых трансформаций, действующих в социально-экономических сферах государства*. Иными словами, это 1) осознание и принятие государственными служащими изменений государственного управления, основанного на цифровых трансформациях; 2) быстрая безболезненная адаптация к трансформационным процессам, 3) повышение результативности собственной профессиональной деятельности при помощи использования цифровых новаций.

Формирование цифровой ментальности конкретного государственного служащего сопровождается совершенствованием цифровой компетентности, которая, в свою очередь, структурируется на основе системы цифровых навыков.

Определяемые ранее гибкие (soft skills), жесткие (hard skills) и цифровые навыки (digital skills) подвергаются новым классификациям. Так, к примеру, исследователи Высшей школы экономики все цифровые навыки дифференцируют на общие и профессиональные цифровые компетенции [1].

Уровень владения цифровыми компетенциями определяет степень цифровой компетентности специалиста в разных областях профессиональной деятельности. В этой связи актуальны исследования цифровой компетентности педагогических сотрудников, как носителей и катализаторов цифровых навыков. Основной целью преподавателей, педагогов, учителей становится не просто актуальное владение цифровыми навыками, но умение объяснить технологии и процесс их приобретения ученикам и студентам. В этой связи формируется понятие педагогической цифровой компетенции. Стоит обратить внимание на научные работы Мезенцевой Д.А., Джавлах Е.С., Елисеевой О.В., Багаутдиновой А.Ш. [2]; Никитиной Е.Ю., Тихоновой А.Л. [3]; Храмовой Н.Г., Майборода Т.Ю. [4].

Коммуникационная безопасность в информационном пространстве может считаться новым исследовательским направлением. Его исследователи говорят о необходимости внедрения цифровой медиации и специалистов-медиаторов, позволяющих избегать конфликтных ситуаций, предвидеть и устранять конфликты в виртуальной среде взаимодействия (см., например, исследования Ермолович Е.В., Тимошков А.В. [5]).

¹ <https://www.ranepa.ru/images/docs/cdto-hspa/21-03-2019-doklad-shklyaruk.pdf>

Цифровизация в отраслях, определяющих современное развитие российской экономики, привлекает большое количество исследователей. Обратим внимание на процессы цифровизации, обсуждаемые в работах, Полякова А.Н., Белоновской И.Д. [6]. В статьях обращается внимание на значимость внедрения системных цифровых технологий, а также развития цифровых компетенций инженеров новой эпохи, допустим, навыков цифрового моделирования или мехатроники. См., например, работы Кондрашевой Н.Н. [7].

Наше исследование находится в сфере цифровых трансформаций государственной службы и государственного управления. Цифровые возможности используются прежде всего для регуляции экономических процессов и достижения высоких показателей социально-экономических направлений развития общества и государства. Уделим внимание работам Гайсинского И.Е., Никоненко Н.Д. [8]; Добролюбовой Е.И. [9].

Важно, что в рамках государственной кадровой политики особое внимание уделяется формированию и развитию цифровых компетенций государственных служащих. Причем формирование системы актуальных цифровых компетенций становится недостаточным в период современного развития государственного управления. О структурирование новых программ и развитии особо востребованных профессиональных компетенций подробнее см. работы М.Г. Ганченковой, О.В. Бойко [10]; Овакимяна М.А., Баранова А.В., Котляровой О.В. [11]. Значимо, что формируемая система компетенций должна быть *гибкой, динамичной и адаптивной*. То есть, обязательно ее непрерывное *изменение, динамика, совершенствование и адаптация к изменяющимся условиям цифровых трансформаций государственного управления*.

Дифференцируем понятия цифровой компетентности государственных служащих и цифровой компетенции специалиста, сотрудника и государственного служащего, в частности. Под *цифровой компетентностью* государственного служащего подразумевается сформированный и растущий профессионализм служащего в сфере цифровых трансформаций государственного управления.

Под *цифровой компетенцией* (или под цифровыми компетенциями) мы понимаем систему цифровых способностей или навыков специалиста (digital skills).

Отметим, что развитие в сфере цифровых трансформаций и даже первоначальный этап такого развития, а именно приобретение цифровых навыков, по мнению представителей органов власти, является проблематичным. Трудности в формировании цифровой компетентности государственных служащих обоснованы 1) скоростью происходящих изменений, 2) недостатком профессиональных навыков и отсутствием возможности их быстро приобрести и эффективно применять, 3) информационной недостаточностью, то есть непониманием государственных служащих систематики трансформационных процессов и степени их собственной вовлеченности, 4) необходимостью участвовать в реформационных процессах государственной цифровизации несмотря на неподготовленность или отсутствие опыта.

Остановимся на факторах, определяющих низкий уровень развития цифровой компетенции представителей властных структур. Среди таких факторов выделим: 1) тяготение к использованию архаичной документоцентричной системы управления, которая включает распределение обязанностей по вертикали, состоящей из многочисленных звеньев, а также закрытость, непрозрачность и неочевидность распределения полномочий; 2) неумение использовать верифицированные актуальные данные конкретных ведомств и широкое использование бумажных носителей; 3) потребность в личном взаимодействии, в том числе с заявителями, в связи с неумением выстроить профессиональное общение при помощи цифровых технологий; 4) неумение использовать информационные системы различных ведомств в совокупности, учитывая все данные; 5) умение предоставлять цифровые услуги частично или в ограниченном количестве; 6) точечное применение цифровых технологий (в некоторых случаях речь идет о создании видимости процессов цифровизации, которые в итоге реализуются посредством преодоления многочисленных бюрократических архаичных процедур); 7) непонимание повышенной значимости верной статистической информации.

К факторам, стимулирующим развитие цифровой компетентности современных государственных служащих, отнесем следующие.

1. *Функционирование единой государственной информационной Платформы для наиболее качественного и быстрого предоставления гражданам лучших по качеству услуг.*

2. *Мониторинг общественного мнения, его оптимально качественный анализ и, как следствие, постоянная ориентация на потребности и запросы населения.*

3. Структурирование управленческих решений посредством комплексного анализа верифицированных данных (*Data Driven Government*).

4. *Внедрение системы управления изменениями*, которая базируется на стратегических приоритетах, ориентированных на потребности общества и населения.

5. *Командное профессиональное взаимодействие* в системе государственного управления.

6. *Укрепление культуры поведения* государственных служащих в соответствии с действительной ситуацией в стране и мире.

7. *Открытость, публичность и прозрачность государственного управления*, ориентация на процессный подход.

8. *Синхронизацию информационных систем государственных структур и организаций* в целях интеграции данных и определения оптимальных единых нормативных требований.

Одной из задач Президентской Академии является подготовка компетентных кадров, осознающих реформационные изменения государственной политики и им сопутствующих. Структурирование цифровой ментальности представителей государственного управления происходит постепенно и основывается на качественном и системном обучении.

Вектором дополнительного профессионального образования для органов власти в рамках цифровой трансформации является Высшая школа государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. В этой связи в целях подготовки государственных служащих, готовых к реализации цифровых трансформаций и ориентируемых на актуальные трансформационные задачи, уже два года на базе ВШГУ РАНХиГС функционирует Центр подготовки руководителей цифровой трансформации¹. Центр реализует дополнительное профессиональное образование по направлению цифровые трансформации в государственном управлении для органов власти. Все дополнительные профессиональные программы основаны на аналитических исследованиях и сопровождаются методическими и информационными материалами, содержащими актуализированные сведения о действующих цифровых платформах, экосистемах, а также сведения об управлении изменениями на основе дизайн-мышления и реализации трансформационных проектов. Среди наиболее востребованных дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки обсуждаемого направления отметим следующие: «Реализация проектов цифровой трансформации», «Руководитель цифровой трансформации», «Цифровая трансформация и цифровая экономика: технологии и компетенции», «Основы цифровой трансформации в государственном и муниципальном управлении, онлайн-обучение».

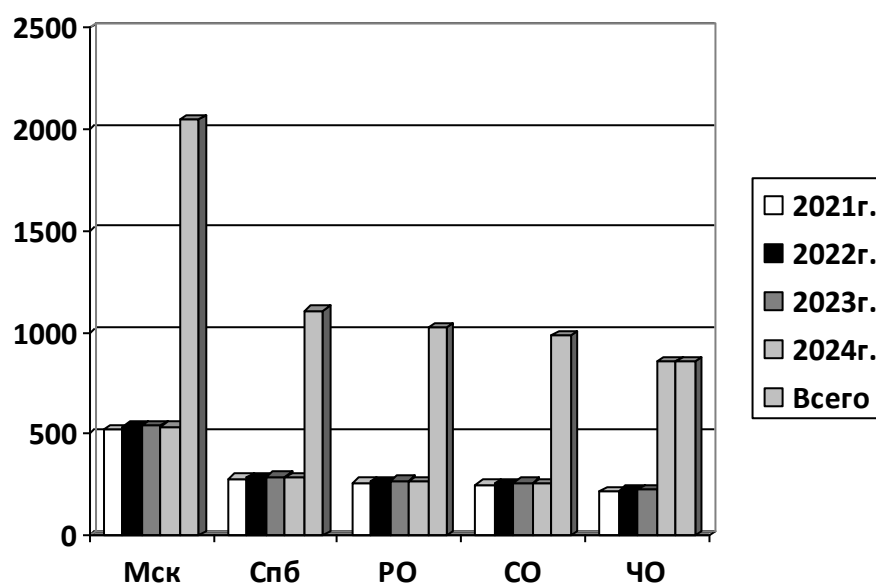
По нашему мнению, кастомизированность разрабатываемых дополнительных профессиональных программ и их ориентированность на образовательные запросы определяются тесным партнерством Высшей школы государственного управления РАНХиГС с компаниями «Билайн», «Сбербанк», «Газпром», «Ростелеком», с образовательными организациями и институтами МИСиС (Университетом науки и технологий), Институтом проблем правоприменения, Европейским университетом в Санкт-Петербурге, а также с Министерством экономического развития РФ, Минкомсвязью России, Минприроды России, Счетной палатой РФ. Коллаборативный подход, то есть содружество ведомств и организаций во взаимобусловленности с образовательными подходами и технологиями, позволяют не только своевременно и эффективно удовлетворять образовательные запросы государственных служащих в области цифровых трансформаций, но и предупреждать возникновения таких запросов.

Однако процесс приобретения системных цифровых навыков государственными служащими многоэтапен. В этой связи Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации представлен рейтинг регионов, составленный по предварительным результатам обучения цифровым компетенциям современных государственных служащих и муниципальных служащих и работников учреждений на 2021 – 2024 гг.²

На рис. 1 визуализированы результаты регионов, лидирующих в процессе развития цифровых навыков государственных служащих.

¹ Центр подготовки руководителей цифровой трансформации <https://cdto.ranepa.ru/>

² <https://d-russia.ru/predstavleny-pokazateli-dlja-regionov-po-obucheniju-gossluzhashhih-cifrovym-navykam-v-2021-2024-gg.html>

Мск. – город Москва, Спб – город Санкт-Петербург, РО – Ростовская область, СО – Свердловская область, ЧО – Челябинская область.

Рис. 1. Показатели регионов, лидирующих в процессе цифровизации кадров в системе государственного управления

Отметим, что наибольшее количество представителей государственного и муниципального управления, приобретающих и планирующих развивать цифровые навыки, сконцентрировано в городах Москва и Санкт-Петербург, а также в Ростовской, Свердловской и Челябинской областях. Вертикальные оси демонстрируют численность государственных служащих с 2021 г. по 2024 г., получающих цифровые навыки. Так к 2024 г. в Москве должны пройти профессиональную переподготовку в рамках цифровой трансформации государственного управления 2050 служащих, в Санкт-Петербурге 1107, в Ростовской области 1025 служащих, в Свердловской – 982, в Челябинской области – 855 человек.

В табл. 1 визуализированы критерии других регионов, демонстрирующих более скромные показатели цифровизации кадров государственного управления.

Значимо, что с 2021 г. в федеральном проекте «Кадры для цифровой экономики» основным станет количественный показатель – численность государственных служащих, сформировавших цифровые компетенции в сфере цифровой трансформации государственного управления. Планируется масштабное обучение по дополнительной профессиональной программе профессиональной переподготовки «Руководитель цифровой трансформации» – 12620 государственных служащих, 75% от общего количества обучаемых приходится на регионы.

Обратим внимание, что качество человеческого капитала формирует интеллектуально-цифровой политический ресурс, который определяется широким спектром факторов, среди которых одним из первых является *заинтересованность самих государственных служащих в погружении в трансформационные цифровые процессы*. Проблему незаинтересованности государственных служащих в получении новых цифровых компетенций решает комплекс мер, системно внедряемых в государственное управление. Такой комплекс мер затрагивает не только условия и формат получения государственным служащим дополнительного профессионального образования для приобретения цифровых навыков, но и поддержку в процессах применения этих навыков.

В этой связи кажется логичной мысль о необходимости внедрения *командной работы*. Возможность анализировать трансформации государственного управления в процессе командного профессионального взаимодействия и, в итоге, создание *команд цифровой трансформации* провоцируют спокойную и безболезненную адаптацию государственных служащих к внедрению цифровых процессов.

Показатели цифровизации кадров по регионам РФ

Регион	2021	2022	2023	2024
Количество государственных служащих				
Краснодарский край	306	287	308	314
Красноярский край	230	216	232	236
Нижегородская область	216	203	218	222
Челябинская область	215	202	217	221
Республика Татарстан	211	198	212	216
Республика Башкортостан	200	188	201	205
Иркутская область	189	177	190	194
Пермский край	183	172	184	188
Самарская область	178	167	180	183
Ставропольский край	176	165	177	180
Алтайский край	175	164	176	179
Новосибирская область	169	159	170	173
Кемеровская область	168	158	169	172
Республика Дагестан	161	151	162	166
Волгоградская область	149	140	150	153
Приморский край	148	139	149	152
Саратовская область	143	135	144	147
Омская область	125	118	126	129
Оренбургская область	124	117	125	128
Хабаровский край	123	115	123	126
Воронежская область	121	113	121	124
Республика Крым	121	113	121	124
Ханты-Мансийский – Югра	118	111	119	121
Забайкальский край	106	100	107	109
Кировская область	105	98	105	107
Чеченская Республика	103	96	103	105
Тюменская область	102	95	102	104

Отметим, что главным ориентиром цифровых трансформаций становится общественное благополучие и комфорт. Логика функционирования управленческих процессов ориентирована на граждан, а основным показателем эффективности государственной политики становится удовлетворённость населения. Для ускорения цифровых трансформаций государственного управления в процессы их оценки и мониторинга результатов должны быть вовлечены активные граждане и общественные объединения. Такой подход позволит рассмотреть успешность достижения целей с разных социальных позиций.

В заключение необходимо подчеркнуть значимость единого системного подхода к развитию кадрового потенциала государственной службы, в основе которого находится принцип благополучия населения, ориентация на потребности и нужды граждан.

Литература

1. Фаталина А.А. Цифровые компетенции рекрутеров // Economy and Business Journal of Economy and Business. 2020. Vol. 6 (64). P. 265-269.
2. Мезенцева Д.А., Джавлах Е.С., Елисеева О.В., Багаутдиновой А.Ш. К вопросу о цифровой компетенции преподавателя // Высшее образование в России. 2020. № 11. С. 88-97.
3. Никитина Е.Ю., Тихонова А.Л. Конкретизация задач проектирования цифровых ресурсов иноязычного образования для становления лингвистической компетенции будущих учителей иностранного языка // Образование и науки. 2010. № 2(70). С. 101-111.
4. Храмцова Н.Г., Майборода Т.Ю. Подходы к развитию цифровых компетенций студентов юридических вузов // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 80-93.
5. Ермолович Е.В., Тимошков А.В. Цифровая компетентность специалиста по медиации в образовании // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 1499-1509.
6. Поляков А.Н., Белоновская И.Д. Подготовка нового поколения машиностроителей для цифровой экономики // Высшее образование в России. 2019. № 7. С. 150-159.

7. Кондрашева Н.Н. Формирование информационных компетенций преподавателя высшей школы // Перспективы науки и образования. 2017. № 6 (30). С. 26-28.
8. Гайсинский И.Е., Никоненко Н.Д. Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры государственного и муниципального управления в рамках цифрового суверенитета // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2. С. 26-29.
9. Добролюбова Е.И. Рецензия на монографию «Правовое администрирование в экономике: Актуальные проблемы» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 71-76.
10. Ганченкова М.Г., Бойко О.В. Индустриально-ориентированные адаптивные образовательные программы // Высшее образование в России. 2019. № 11. С. 126-133.
11. Ovakimyan M.A., Baranov A.V., Kotlyarova O. Intersection of technological skills and strategic competences in developing the human resource policy in contemporary Russia В сборнике: CBU International Conference Proceedings. 2018. P. 1-9.

Baranov Alexey Viktorovich, Deputy Director, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: bav.skags@gmail.com

Kotlyarova Olga Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59A, Gorky Str., Vladimir, 600017, Russian Federation). E-mail: olya-apriori@yandex.ru

DIGITAL COMPETENCE OF CIVIL SERVANTS AS A RESOURCE OF POLITICAL POWER

Abstract

In the present article, digital competence and its constituent digital competencies of civil servants are analyzed as an intellectual resource of political power. A review of the scientific literature is included, which discusses the current trends of digital transformations in various spheres of the state's life. The factors that stimulate the development of digital competence of modern civil servants are identified. The experience of the Center for Training Managers of Digital Transformation, based on the Higher School of Public Administration of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, is also presented, which, in our opinion, is innovative and advanced from the point of view of transformational digital changes in the training of the personnel potential of the civil service.

Keywords: *political resources, digital transformation of public administration, intellectual resources, publicity of public administration, professional competence, digital competence, additional professional education, additional professional programs, professional retraining, professional development.*

References

1. Fatalina A.A. Cifrovye kompetencii rekruterov // Economy and Business Journal of Economy and Business. 2020. Vol. 6 (64). P. 265-269.
2. Mezenceva D.A., Dzhavlah E.S., Eliseeva O.V., Bagautdinovoj A.SH. K voprosu o cifrovoj kompetencii prepodavatela // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2020. № 11. P. 88-97.
3. Nikitina E.YU., Tihonova A.L. Konkretizaciya zadach proektirovaniya cifrovyyh resursov inoyazychnogo obrazovaniya dlya stanovleniya lingvisticheskoy kompetencii budushchih uchiteley inostrannogo yazyka // Obrazovanie i nauki. 2010. № 2(70). P. 101-111.
4. Hramcova N.G., Majboroda T.YU. Podhody k razvitiyu cifrovyyh kompetencij studentov yuridicheskikh vuzov // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019. № 1 (37). P. 80-93.
5. Ermolovich E.V., Timoshkov A.V. Cifrovaya kompetentnost' specialista po mediacii v obrazovanii // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 9. P. 1499-1509.
6. Polyakov A.N., Belonovskaya I.D. Podgotovka novogo pokoleniya mashinostroiteley dlya cifrovoj ekonomiki // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. № 7. P. 150-159.
7. Kondrasheva N.N. Formirovanie informacionnyh kompetencij prepodavatela vysshej shkoly // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2017. № 6 (30). P. 26-28.
8. Gajsinский I.E., Nikonenko N.D. Razvitie informacionno-kommunikacionnoj infrastruktury gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya v ramkah cifrovogo suvereniteta // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2017. № 2. P. 26-29.
9. Dobrolyubova E.I. Recenziya na monografiyu «Pravovoe administrirovanie v ekonomike: Aktual'nye problemy» // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2017. № 2. P. 71-76.
10. Ganchenkova M.G., Bojko O.V. Industrial'no-orientirovannye adaptivnye obrazovatel'nye programmy // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. № 11. P. 126-133.
11. Ovakimyan M.A., Baranov A.V., Kotlyarova O. Intersection of technological skills and strategic competences in developing the human resource policy in contemporary Russia V sbornike: CBU International Conference Proceedings. 2018. P. 1-9.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА К ФОРМИРОВАНИЮ ЭКОСИСТЕМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ МИРОВОГО УРОВНЯ

Купцова Ирина Валентиновна доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4). E-mail: Kupcova@sra.msu.ru

Лактаева Надежда Евгеньевна магистр государственного и муниципального управления, ведущий советник Министерства науки и высшего образования РФ (125993, Россия, г. Москва, Тверская ул., 11). E-mail: laktaevane@minobrnauki.gov.ru

Аннотация

В статье рассматриваются американский, европейский и азиатский подходы к формированию территориальных инновационных экосистем, ключевыми элементами которых являются научно-образовательные организации как источники интеллектуального человеческого капитала и генераторы идей, инноваций и новых разработок, и организации реального сектора экономики, способные коммерциализировать инновацию в готовый продукт. Изучены роль указанных экосистем в развитии национальных экономик и формы участия государства в регулировании их деятельности. Выявлены перспективы имплементации зарубежного опыта в России к формированию экосистем научно-образовательных центров (НОЦ) мирового уровня.

Ключевые слова: инновационная экосистема, инвестиции, инновации, кооперация, научные исследования, научно-образовательные центры мирового уровня, фонды поддержки, стартап, коммерциализация знаний, финансирование науки.

Сегодня конкурентоспособность национальной экономики напрямую связана с уровнем научного и технологического развития страны. Неслучайно 2021 год в Российской Федерации объявлен Годом науки и технологий. На заседании Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию 8 февраля 2021 года В.В. Путин поручил Правительству Российской Федерации подготовить новую государственную программу научно-технологического развития России, принципиально изменив подходы к финансированию науки¹.

Учитывая, что за последние годы территориальные приоритеты научной политики в большинстве стран были переориентированы в сторону развития инновационных экосистем – «систем, способных обеспечивать коммерциализацию знаний, накапливаемых существующей сетью научных и вузовских центров исследований и разработок»², одним из важнейших приоритетов Российской Федерации в целях развития её экономики и конкурентоспособности на мировом рынке является создание условий для стимулирования инновационных процессов, направленных на воплощение идей в коммерческую деятельность, продукты и услуги. В данном случае речь идёт о задействовании таких активов экономики как таланты, капитал и НИОКР.

Указанная концепция находит отражение в задаче создания в рамках национального проекта «Наука» к 2021 году на территории Российской Федерации не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики (НОЦ). НОЦ выступают масштабным экспериментом по поиску новых региональных механизмов совместной деятельности в сфере образования, науки и инновационной экономики.

Целью статьи является изучение зарубежных инновационных экосистем на основе концентрации научных, образовательных и бизнес-организаций в пределах одной территории в целях построения эффективной модели управления НОЦ в Российской Федерации.

Отдельные аспекты развития инновационных экосистем в зарубежных странах уже стали объектом исследования А.Ю. Кулева [1] и А.Ю. Яковлевой [2], выделяющих ключевые условия развития и компоненты зарубежных инновационных экосистем, В.М. Кизеева [3], рассматривающего

¹ Минобрнауки России. Валерий Фальков принял участие в заседании Совета по науке и образованию. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=29092 (дата обращения: 31.03.2021).

² В Алтайском крае ведется работа над созданием научно-образовательного центра в рамках национального проекта «Наука». URL: <https://sibacc.ru/news/new/33/330705/> (дата обращения: 01.03.2021).

отечественные и зарубежные подходы в развитии инновационных экосистем регионов, Л.М. Гохберга, С.А. Заиченко, Г.А. Китовой и Т.Е. Кузнецовой [4] в рамках изучения мировой практики формирования так называемых «центров превосходства».

Одним из первых успешных проектов инновационной экосистемы стала Кремниевая долина, включающая Стэндфордский, Калифорнийский университеты, университеты Беркли, Сан-Хосе, Сан-Франциско и Санта-Клары. Серьезным преимуществом Кремниевой долины является большое скопление на её территории бизнес-инкубаторов, венчурных фондов, инвесторов и бизнес-ангелов.

Кремниевая долина – проект, получивший свое развитие по модели «снизу», поскольку был инициирован местными бизнесменами и учёными. Идея её появления возникла во время Великой депрессии, когда профессор Стэндфордского университета Ф. Терман принял решение о необходимости создания достаточного количества рабочих мест в высокотехнологичных областях для своих студентов. Так был основан Стэндфордский индустриальный парк для обмена опытом между университетом и местным бизнесом.

В настоящее время в Кремниевой долине находится порядка 2000 технологических компаний (среди которых Apple, Facebook, Google, Netflix, Tesla, Twitter, Yahoo!, eBay, Cisco, Oracle, Salesforce.com, Hewlett-Packard, Intel и др.), что является самой плотной концентрацией в мире¹. Передовые исследования, а также близость к поставщикам и клиентам дают каждой из них конкурентное преимущество. Сегодня профессора Стэндфордского университета, как правило, принимают активное участие в бизнесе, могут одновременно являться партнерами венчурных фондов. Организации реального сектора экономики представляют профессорам материалы для изучения и анализа студенческими группами.

Минимальное государственное регулирование наделяет резидентов Кремниевой долины гибкостью к переменам. Широко распространена практика совершения пивотов, когда не получающий дальнейшего развития проект может резко сменить направление без вывода финансовых ресурсов.

Для предпринимательской среды Кремниевой долины характерны инновации, сотрудничество и готовность к риску. Это обеспечивает необходимую мотивационную основу для технологических стартапов. Кремниевая долина сохраняет первую позицию в пятёрке крупнейших глобальных стартап-экосистем². Многие стартапы основаны сотрудниками и партнерами признанных технологических гигантов, поэтому не составляет труда поиск опытного наставника, принадлежащего к той же области, в целях получения рекомендаций по продвижению собственного предприятия.

Основным источником финансирования стартапов в Кремниевой долине являются венчурные фонды. Их отличительной особенностью является то, что вложения в стартапы осуществляются с высоким уровнем риска, при этом отдача от таких стартапов колоссальна. В среднем из 15 отобранных стартапов, как правило, со временем 1-2 приносят очень высокие доходы.

Среди причин успеха Кремниевой долины следует выделить: дружественную атмосферу (многие основатели местных компаний являются одноклассниками или выпускниками одного университета), наличие профессиональных сетей (легкий обмен информацией между компаниями на принципах взаимовыгодного сотрудничества), высокую конкуренцию и предпринимчивость (можно легко покинуть компанию, чтобы открыть свою собственную), культурное разнообразие (ведет к инновациям, если фокус внимания на общих целях), окружение сетью ведущих университетов мира.

С целью влияния на государственную политику в отношении Кремниевой долины функционирует некоммерческая правозащитная организация *The Silicon Valley Leadership Group (SVLG)*, членами которой являются более 350 динамично развивающихся на её территории предприятий³. Миссия SVLG состоит в том, чтобы привлечь руководителей и старших должностных лиц организаций к активным действиям, направленным на укрепление конкурентоспособности Кремниевой долины и США в инновационной экономике, а также принесении пользы сотрудникам и их семьям. Организация работает над решением проблем в области экономического

¹ Silicon Valley, America's Innovative Advantage. URL: <https://www.thebalance.com/what-is-silicon-valley-3305808> (дата обращения: 01.04.2021).

² The global startup ecosystem report 2020 (GSER 2020). The Top Global Ecosystems of Today and Tomorrow. URL: <https://startupgenome.com/article/rankings-top-40> (дата обращения: 01.04.2021).

³ The Silicon Valley Leadership Group. URL: <https://www.svl.org/> (дата обращения: 01.04.2021).

благополучия и качества жизни в регионе, отстаивая свои интересы на местном, региональном и федеральном уровнях¹.

Также на территории Кремниевой долины действует общественный фонд *Silicon Valley Community Foundation (SVCF)*, поддерживающий инновационные филантропические решения сложных проблем за счет привлечения ресурсов доноров, бизнеса, Правительства и населения².

Следует отметить, что указанные организации создали совместный Проект повышения конкурентоспособности и инноваций Кремниевой долины (SVCIP), связанный с оценкой экономического здоровья региона и продвижением общей политической повестки дня. Так, отчет за 2017 год показывает значительное увеличение числа рабочих мест и экономический рост, превышающий показатели других инновационных регионов³.

Анализ успешного опыта Кремниевой долины позволяет выдвинуть предложения по его использованию в Российской Федерации на площадках НОЦ. Для успеха, аналогичного Кремниевой долине, недостаточно инвестировать несколько миллиардов долларов, пригласить корпорации и построить современные объекты инфраструктуры. Опыт США показывает, что создание новых продуктов и сервисов обеспечивается не за счет мер государственной поддержки, а благодаря работающей экосистеме и важнейших ее «молекул». Так, в рамках НОЦ необходимо создать «живую» инновационную экосистему, обеспечив набор условий для успешного создания и развития инноваций. При этом данная экосистема должна обладать признаками живого организма, развитие которого не останавливается оттого, что умирает «одна клетка».

В России основным источником финансирования научных исследований выступает государство посредством предоставления субсидий и государственных заданий, в то же время реализация программы деятельности НОЦ предусматривает привлечение средств из внебюджетных источников. В отличие от Кремниевой долины венчурный бизнес в России ещё не получил широкого распространения и как понятие известен благодаря Российской венчурной компании (РВК). Субъекты Российской Федерации, инициировавшие создание НОЦ, могли бы стимулировать развитие венчурного бизнеса, предоставлять юридическую поддержку, создавать на базе НОЦ площадки для тестирования новых технологий, принимать меры, направленные на поощрение предпринимательства и защиту внешних инвестиций.

Проекты, реализуемые в Кремниевой долине, характеризуются гибкостью к переменам, широкое распространение получила практика совершения пивотов. В случае НОЦ внесение изменений в программу деятельности центра и состав его участников возможно лишь по предоставлению инициатором создания центра предложений в Совет научно-образовательных центров мирового уровня, который принимает решение об одобрении (отклонении) внесенных предложений. Указанная процедура требует достаточно длительного временного периода, в связи с чем оперативное реагирование проектов НОЦ на изменяющиеся условия в настоящий момент является трудноосуществимым.

Как в случае с Кремниевой долиной НОЦ при формировании программы деятельности необходимо ориентироваться не только на интересы региона, но и на необходимость осуществления вклада в экономику страны посредством изучения современных тенденций в мировой практике. В частности, показатели, позволяющие отнести НОЦ к мировому уровню, так и не определены.

Учитывая, что в основе создания НОЦ лежит кооперация образовательных и научных организаций с организациями реального сектора экономики, построение образовательных программ на основе практических кейсов является перспективным направлением, доказавшим свою эффективность на опыте Кремниевой долины. Завтрашние выпускники будут обладать знаниями, навыками и компетенциями, необходимыми для построения карьеры в экосистеме НОЦ.

Успешной практикой США, возможной для тиражирования в рамках НОЦ, является создание профессиональных сетей в целях оперативного взаимодействия всех участников центра. Например, такая система может предполагать наличие своеобразного агрегатора для внесения каждым участником НОЦ достигнутых показателей в своей части. Данная мера способна

¹ The Silicon Valley Leadership Group. About Us. URL: <https://www.svlg.org/about-us/> (дата обращения: 01.04.2021).

² Silicon Valley Community Foundation. About SVCF. URL: <https://www.siliconvalleycf.org/about-svcf> (дата обращения: 15.03.2021).

³ If Silicon Valley were a country, it would be among the richest on Earth. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/apr/30/silicon-valley-wealth-second-richest-country-world-earth> (дата обращения: 01.04.2021).

значительно упростить сбор данных, необходимых для отражения в ежегодных отчетах о результатах реализации программ деятельности НОЦ.

Поскольку инициатором создания НОЦ является субъект Российской Федерации, представление интересов центра на местном, региональном и федеральном уровнях не потребует создания дополнительных органов в противовес Кремниевой долине. Необходимость развития инфраструктуры НОЦ и источников ее финансирования, включая планируемые объемы средств регионального бюджета, уже заложены в программу деятельности центра и выступают одним из факторов при определении Советом НОЦ победителей конкурсного отбора в целях последующего оказания государственной поддержки НОЦ.

Возможной практикой для внедрения в рамках НОЦ является создание общественного фонда для поддержки филантропических инициатив за счет привлечения различных источников финансирования.

Другим интересным опытом функционирования инновационных экосистем является крупнейшая исследовательская организация Германии – Объединение им. Гельмгольца. Она появилась в 1995 году вследствие преобразования Рабочей группы крупных научно-исследовательских учреждений (нем. «Arbeitsgemeinschaft der Großforschungseinrichtungen», AGF), существовавшей с начала 1970-х годов¹. Предпосылкой к формированию организации послужило стремление независимых исследовательских центров Германии посредством объединения научных достижений и ресурсов взять на себя большую ответственность в решении вопросов, стоящих перед современной наукой, с возможностью получения рычага влияния на государственную политику в области научных исследований².

Объединение им. Гельмгольца представляет собой 19 научно-исследовательских центров с общим числом сотрудников 43 тыс. человек, охватывающих шесть областей научных исследований: энергетика; земля и окружающая среда; здравоохранение; авиация, космос и транспорт; ключевые технологии; структура материи³. В рамках сотрудничества с различными компаниями Объединением им. Гельмгольца ежегодно реализуется порядка 2 тыс. проектов с совокупным доходом 150 млн евро. Ежегодно регистрируется порядка 400 прав интеллектуальной собственности (патентов) и 20 новых высокотехнологичных дочерних компаний⁴.

Инициатива создания Объединения им. Гельмгольца по модели «снизу» находит отражение в системе его управления, где на протяжении всего периода существования организации выбор её председателей (президентов) осуществлялся в пользу учёных, а не представителей органов государственной власти. Центральные органы управления – Генеральная ассамблея, членами которой являются представители федерального и земельных правительств, бизнеса, промышленности, научных и исследовательских организаций, и Сенат⁵.

В функции Сената входит организация оценки независимыми международно-признанными экспертами исследовательских программ Объединения им. Гельмгольца. На основании полученных результатов Сенат представляет донорам, а именно федеральному и земельным правительствам, информацию о рекомендуемых объемах финансирования исследовательских программ и основных тем исследований⁶.

Общий годовой бюджет Объединения им. Гельмгольца составляет 5 млрд евро, из которых 70 % – средства государственного бюджета (федерального правительства и федеральных земель в соотношении 9:1), 30% – внешние источники финансирования, привлекаемые центрами самостоятельно⁷.

¹ Geschichte der Helmholtz-Gemeinschaft. URL: <https://www.helmholtz.de/ueber-uns/die-gemeinschaft/geschichte/geschichte-der-helmholtz-gemeinschaft/> (дата обращения: 31.03.2021).

² History of the Helmholtz Association. URL: <https://www.helmholtz.de/en/about-us/the-association/history/history-of-the-helmholtz-association/> (дата обращения: 15.03.2021).

³ Helmholtz. Programmorientierte Förderung. Ergebnisse der Evaluation und Neuaufstellung der Forschungsprogramme 2021–2027. URL: https://www.helmholtz.de/fileadmin/user_upload/04_mediathek/epaperStratBeg/epaper-Strategische_Begutachtung/epaper/ausgabe.pdf (дата обращения: 31.03.2021).

⁴ Zahlen und Fakten. URL: <https://www.helmholtz.de/ueber-uns/die-gemeinschaft/zahlen-und-fakten/> (дата обращения: 31.03.2021).

⁵ Die Struktur der Helmholtz-Gemeinschaft. URL: <https://www.helmholtz.de/ueber-uns/die-gemeinschaft/satzung-und-governance/governancestruktur/> (дата обращения: 31.03.2021).

⁶ Der Senat empfiehlt: Die Aufteilung der Forschungsmittel. URL: https://www.helmholtz.de/ueber-uns/die-gemeinschaft/satzung_und_governance/senat/ (дата обращения: 31.03.2021).

⁷ Zahlen und Fakten. URL: <https://www.helmholtz.de/ueber-uns/die-gemeinschaft/zahlen-und-fakten/> (дата обращения: 31.03.2021).

Система финансирования является программно-ориентированной. При этом Объединение им. Гельмгольца инвестирует свои ресурсы не в конкретные учреждения, а в межцентровые исследовательские программы, конкурирующие друг с другом. Данный подход реализуется посредством двухэтапной системы¹.

I этап – научная оценка центров и текущих программ на уровне отдельных центров, результаты которой служат для оценки эффективности как центра Гельмгольца, так и программ, являющихся, как правило, межцентровыми.

II этап – стратегическая оценка будущих программ на уровне области исследований, которая фокусируется на предложениях по программам на предстоящий период финансирования, опираясь на цели исследовательской политики и показывая пути достижения этих целей.

Необходимо отметить, что в течение полугода, а именно с октября 2017 г. по апрель 2018 г., порядка 600 экспертов из 27 стран оценили исследовательские центры Объединения им. Гельмгольца. В ходе оценки были проинспектированы лаборатории и вся исследовательская инфраструктура, проведено обсуждение перспектив и результатов деятельности с исследователями – от докторантов до руководителей институтов. В период с сентября 2019 г. по февраль 2020 г. проводилась международная и стратегическая оценка, направленная на корректировку содержания программ и создание основы для распределения средств между программами². Заключение международных и независимых экспертов формируют Сенату Гельмгольца на ближайшие несколько лет основу для принятия решения о размерах и распределении государственного финансирования исследовательских программ. За счет этого гарантируется конкурентоспособность результатов исследований с результатами ведущих институтов по всему миру.

Одним из ключевых инструментов финансирования Объединения им. Гельмгольца также является Фонд инициатив и сетевого взаимодействия (нем. «Der Impuls- und Vernetzungsfonds»). Фонд предоставляет возможность финансировать новые темы исследований и позволяет оперативно выдвигать инициативы в областях, требующих достижения стратегических целей в кратчайшие сроки. Финансирование предоставляется на определенный период по результатам конкурса (заявки могут быть поданы только через Совет директоров Ассоциации Гельмгольца) с проведением международной экспертизы. Деятельность указанного фонда в 2021-2025 годы сфокусирована на следующих вопросах³:

- новые темы исследований, динамично развивающиеся и требующие взаимодействия во многих областях, должны быть апробированы в рамках «проектов-первопроходцев»;
- развитие культуры трансфертов в центрах Гельмгольца: обучение предпринимательству, поддержка сопутствующих идей, трансфер в экономику.
- управление талантами: поддержка персонала, набор руководителей младших исследовательских групп Ассоциации Гельмгольца, получение квалификации в рамках Академии управления (лидерства) им. Гельмгольца.

Отдельно следует отметить кадровую политику Ассоциации Гельмгольца («политика привлечения умов»), направленную на предложение наиболее привлекательных условий для талантливых исследователей на любом этапе их карьеры посредством межуниверситетских магистерских программ (двойных степеней), возможности написания выпускной работы (бакалавр / магистр) в любой из имеющихся областей исследований, прохождения стажировки с перспективой трудоустройства, программы PhD в Ассоциации Гельмгольца, научной поддержки и возможности проведения исследований после получения степени PhD в одном из центров Ассоциации Гельмгольца, программы наставничества для сотрудников («Год для твоей карьеры») после получения PhD, центров развития карьеры Гельмгольца, академии лидерства Гельмгольца, поддержки Senior Scientists («старших» ученых), специальных программ для зарубежных женщин-ученых, возможности создания выдающимися исследователями из разных стран своих собственных исследовательских групп (ежегодно в январе объявляется до 15 групп), ежегодной докторской премии, Гельмгольцской сети «Исследования-школа».

¹ Programmorientierte Förderung. URL: <https://www.helmholtz.de/forschung/programmorientierte-foerderung/> (дата обращения: 31.03.2021).

² Die strategische Bewertung der Forschungsprogramme. URL: <https://www.helmholtz.de/forschung/programmorientierte-foerderung/strategische-bewertung/> (дата обращения: 31.03.2021).

³ Impulse geben und vernetzen. URL: https://www.helmholtz.de/ueber_uns/die_gemeinschaft/impuls_und_vernetzungsfonds/ (дата обращения: 31.03.2021).

Стратегическое партнерство центров Объединения им. Гельмгольца и университетов Германии обеспечивается Институтами Гельмгольца (филиалами центров), получающими ежегодное финансирование в размере от 3 до 5 млн евро¹.

Кроме того, функционирует сеть офисов Гельмгольца, ориентированных на представление интересов и участие объединения в европейских и международных исследовательских проектах.

Опыт Объединения им. Гельмгольца может быть использован Российской Федерацией. В отличие от Объединения им. Гельмгольца структура управления НОЦ достаточно обезличена. Наблюдательный и управляющий советы центров являются коллегиальными органами. При этом программу деятельности центра перед Советом НОЦ представляет высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации – инициатора создания центра. В свою очередь, идея управления подобными центрами в Германии состоит в том, чтобы их представительные органы (президенты) являлись членами научного сообщества, а не государственными служащими.

В целях возможности быстрого реагирования на меняющиеся условия и возможности финансирования новых тем исследований целесообразно рассмотреть практику создания при Объединении им. Гельмгольца Фонда инициатив и сетевого взаимодействия. Внедрение в НОЦ конкурса, подобного проводимому указанным фондом, позволит оперативно открывать новые возможности и вовремя соответствовать требованиям современного рынка.

В целях поддержки конкуренции и усилении мотивации сотрудников в рамках деятельности НОЦ было бы возможно проводить ежегодный конкурс, аналогичный докторским премиям в Объединении им. Гельмгольца. Трудность реализации указанного мероприятия заключается в привлечении финансовых средств.

Как в случае с Объединением им. Гельмгольца, целесообразно развивать стратегическое партнерство НОЦ с зарубежными странами.

Предоставление в рамках НОЦ возможности создания выдающимися исследователями из разных стран своих собственных исследовательских групп является труднодостижимым в настоящий момент. При этом участники НОЦ могут являться победителями программы «мегагрантов», связанной с выделением государственного финансирования в объеме до 90 млн руб. на три года в целях создания лабораторий под руководством ведущих как российских, так и зарубежных ученых.

В отличие от Германии сеть формируемых 15 НОЦ не является единым объединением, в частности, отсутствуют межцентровые исследовательские программы, способные конкурировать друг с другом за финансирование. Обращаясь к распределенным средствам грантов НОЦ в 2020 году, можно увидеть, что все центры, независимо от масштабов и областей исследований, получили одинаковый размер гранта. Внедрение опыта Германии могло бы повлиять на повышение качества научных исследований и создания атмосферы здоровой конкуренции.

Необходимо отметить, что оценка текущих программ деятельности НОЦ осуществляется в рамках рассмотрения Советом НОЦ ежегодных отчетов. При этом, поскольку НОЦ подразумевает достижение результатов мирового уровня, использование опыта Объединения им. Гельмгольца в части привлечения международно-признанных независимых экспертов для оценки исследовательских программ является перспективным, в том числе они могут стать основой принятия решения о распределении государственного финансирования и служить своеобразной гарантией конкурентоспособности результатов НОЦ на мировой арене. В частности, в России уже существует подобная практика в рамках проведения конкурсов на право получения «мегагрантов». На основании результатов экспертизы проектов, в том числе иностранными экспертами, определяется размер «мегагранта». Аналогичная в Германии стратегическая оценка проектов в конкретных областях исследований поможет наиболее эффективно спланировать программу деятельности НОЦ на предстоящий период.

Учитывая практику финансирования Объединения им. Гельмгольца, где 70 % – средства государственного бюджета (федерального правительства и федеральных земель в соотношении 9:1), 30 % – внешние источники финансирования, следует сделать вывод, что требования к объему финансирования НОЦ в части привлечения внебюджетных источников в настоящий момент являются завышенными.

Необходимо развивать кадровую политику в НОЦ, например, на базе создаваемых Центров развития компетенций (ЦРК). Помимо этого, опыт Германии показывает важность

¹ Helmholtz Institutes. URL: https://www.helmholtz.de/en/about_us/networks_and_cooperation/helmholtz_institutes/ (дата обращения: 31.03.2021).

выстраивания планомерной работы с учащимися средних учебных заведений в целях вовлечения их в научно-исследовательскую деятельность «со школьной скамьи».

Одним из признанных лидеров инновационных экосистем является технологический и научный центр Чжунгуаньцунь (технопарк Чжунгуаньцунь), известный во всем мире как «Кремниевая долина Китая». При этом в отличие от Кремниевой долины в США технопарк Чжунгуаньцунь является примером центра, созданного по модели «сверху-вниз».

В 1986 г. была утверждена государственная программа развития науки и высоких технологий «Программа 863». В 1988 г. Китай приступил к реализации научно-производственной программы «Факел», ориентированной на коммерциализацию и индустриализацию наукоемких технологий, и постановлением Государственного совета Китая был учрежден первый в стране технопарк – Экспериментальная пекинская зона развития высоких технологий (позднее переименован в Национальную демонстрационную зону Чжунгуаньцунь или сокращенно Z-park). В 2011 г. был принят План развития Национальной демонстрационной зоны Чжунгуаньцунь (2011 – 2020). При создании Чжунгуаньцунь государством преследовались три цели¹:

1. Создание кластера высокотехнологичного бизнеса, предоставляющего рабочие места и являющегося локомотивом развития экономики.

2. Отработка новых хозяйственных и финансовых механизмов (технопарк как новый этап реформ после создания свободных экономических зон).

3. Создание центра информатизации Китая, подготовки специалистов и написания национальных программ. Кроме того, Чжунгуаньцунь планировался как пилотный проект для дальнейшего тиражирования, в результате чего по всему Китаю была создана сеть специализированных технопарков по примеру инновационных программ в Японии и Франции.

Развиваясь как национальный проект под строгим руководством китайского правительства, по заданию Государственного совета Китая были созданы Комитет по управлению зоной, курируемый администрацией Пекина, и компания по развитию территории для создания инфраструктуры. Годовой бюджет Административного комитета составляет порядка 14 млрд руб.², выделяемый на реализацию следующих задач:

1. Стимулирование кооперации между различными субъектами инновационно-производственного процесса

Примером стимулирования кооперации выступает Инновационная платформа (полное наименование – Центр индустриализации и научно-технологических инноваций Чжунгуаньцунь), в рамках которой функционирует спектр рабочих групп, вовлекающих бизнес, государство, науку и образование в выработку совместных решений по финансированию исследований и разработок, привлечению и развитию талантов, государственным закупкам, реализации пилотных и демонстрационных проектов, строительству парковой инфраструктуры, развитию сферы услуг.

2. Международное сотрудничество, включая привлечение зарубежных талантов

В Чжунгуаньцунь функционируют такие организации, как Фонд поддержки международного сотрудничества и обмена в области инноваций, Фонд поддержки участия предприятий в международных выставочных мероприятиях, Фонд продвижения брендов, Фонд привлечения специалистов высокого уровня, Фонд поддержки организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность за рубежом. Примером выстраивания планомерного международного сотрудничества является сеть зарубежных представительств Чжунгуаньцунь (США, Канада, Великобритания, Германия, Австралия, Япония и Финляндия), целью которых является привлечение ученых и стартапов в Китай.

В сентябре 2020 г. между Московским инновационным кластером и научным парком «Чжунгуаньцунь» было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере инноваций, исследований и разработок в передовых направлениях науки и технологий. Крупнейшим совместным проектом станет проведение в 2021 г. российско-китайского конкурса по инновациям и предпринимательству, победители которого пройдут акселерацию на площадках Московского инновационного кластера и научного парка «Чжунгуаньцунь»³.

¹ Статья о Научном парке TusPark при университете Цинхуа (Пекин, КНР) на основании интервью со старшим вице-президентом TusPark Гербертом Чэном. URL: <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2012/04/16/statya-o-nauchnom-parke-tuspark-pri-universitete-cinhua-pekkn-na-osnovanii-intervyu-so-starshim-viceprezidentom-tuspark-gerbertom-chenom.aspx> (дата обращения: 03.03.2021).

² Евгений Куценко о китайском опыте управления инновационным сектором мегаполиса: кейс платформы Чжунгуаньцунь. URL: <https://issek.hse.ru/news/220849157.html> (дата обращения: 03.03.2021).

³ Московский инновационный кластер и научный парк «Чжунгуаньцунь» подписали Соглашение о сотрудничестве. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/11299/6796050/> (дата обращения: 05.03.2021).

3. Коммерциализация и стимулирование стартапов

В Чжунгуаньцунь функционируют такие организации, как Фонд поддержки развивающихся отраслей, Фонд поддержки расходов на исследования и разработки малых и микропредприятий научно-технологической сферы, Фонд поддержки бизнес-инкубаторов. Реализуется программа, подразумевающая специализированную работу по демонстрации новых технологий и областей сотрудничества. В частности, был создан бизнес-инкубатор: компании с наиболее интересными проектами, отобранные администрацией, бесплатно получают на год-два полностью оборудованные офисы.

В настоящее время Z-Park является инновационным научно-техническим центром, включающим более 20 тыс. компаний и 950 тыс. сотрудников. Доход Z-Park в 2016 г. составил более 7 млрд долларов США [5].

Сегодня на территории Чжунгуаньцунь расположены порядка 40 колледжей и университетов, более 200 национальных (муниципальных) научных учреждений, 67 государственных лабораторий, 27 национальных инженерных исследовательских центров, 28 национальных инженерных и технологических исследовательских центров, 24 университетских научно-технологических парка и 29 пионерских парков для иностранных учащихся¹.

Чжунгуаньцунь развивается по следующим высокотехнологичным направлениям: электронная информация, биомедицина, энергия и защита окружающей среды, новые материалы, передовые технологии, передовые производственные технологии, аэрокосмическая промышленность, НИОКР и обслуживание.

Ежегодный объем венчурных инвестиций Чжунгуаньцунь составляет треть от их общего объема в стране, а количество зарегистрированных сегодня на бирже компаний в указанной зоне составляет 189, из которых 113 – китайские и 76 – другие зарубежные компании. Более 38 предприятий зарегистрированы на фондовой бирже растущих компаний².

При этом государство играет одну из ключевых ролей в становлении и развитии стартапов, скупая 60% всех стартап-проектов, большая часть из которых не оправдывает ожиданий, а меньшая вырастают в мощные и выгодные мегапроекты. В данном случае государство либо продолжает их курировать, либо выгодно перепродает частному бизнесу.

Также государство создает особые условия для зарождающегося бизнеса. Например, малым научно-технологическим предприятиям, которым менее пяти лет, штат которых составляет менее 100 человек и выручка менее 10 млн юаней (приблизительно 100 млн руб.), предлагается частичная компенсация расходов на исследования и разработки в зависимости от суммы затрат за год³.

Для резидентов Чжунгуаньцунь предлагаются налоговые вычеты (или ускоренная амортизация) для затрат на исследования и разработки и затрат на повышение квалификации сотрудников. Организациям предоставляется возможность самостоятельно распоряжаться результатами научно-технологической деятельности стоимостью менее 8 млн юаней, а также распоряжаться 90% дохода от их реализации суммарной стоимостью 8-50 млн юаней (доходы от реализации научно-технических достижений на сумму более 50 млн юаней передаются в центральную казну)⁴.

Представители научно-технического и управленческого персонала, которые вносят выдающийся вклад в инновационное развитие, поощряются путем возможности получения акционерных прав и соответствующих дивидендов.

Важнейшим фактором в развитии Чжунгуаньцунь выступает политика привлечения талантливой молодежи, а также участие в реализации крупных государственных проектов, таких как строительство гидроэлектростанции «Три ущелья» и самой высокогорной железной дороги в мире Цинхай-Тибет.

Опыт Китая показывает необходимость творческого подхода к повышению инвестиционной привлекательности НОЦ, коммерциализации и стимулированию стартапов. Так, перспективно создавать демонстрационные зоны, стартапные улицы, бизнес-инкубаторы. Компаниям,

¹ Zhongguancun Science Park. Profile. URL: http://regional.chinadaily.com.cn/bjzpark/2013-12/04/c_441685.htm (дата обращения: 03.03.2021).

² Там же.

³ Евгений Куценко о китайском опыте управления инновационным сектором мегаполиса: кейс платформы Чжунгуаньцунь. URL: <https://issek.hse.ru/news/220849157.html> (дата обращения: 03.03.2021).

⁴ Там же.

предлагающим проекты, в которых заинтересованы регионы, предоставлять на льготных условиях инфраструктуру НОЦ.

При этом возможность внедрения в субъектах Российской Федерации опыта Чжунгуаньцунь в части покупки порядка 60% всех стартап-проектов, является маловероятным, поскольку несет большие потери бюджетных средств.

Предоставление возможности налоговых вычетов и совершенствования политики в области распоряжения результатами научно-технологической деятельности в интересах участников НОЦ, возможно, потребует необходимости внесения изменений в федеральное законодательство.

В развитии международных связей целесообразно использовать единый бренд НОЦ, привлекающий инвестиции и талантливую молодежь. Помимо наличия специализированных фондов по продвижению Чжунгуаньцунь на международный уровень, важнейшую функцию по выстраиванию международного сотрудничества занимают зарубежные представительства Чжунгуаньцунь.

Как и в случае с Чжунгуаньцунь, НОЦ расположены в границах территорий городских округов, где сосредоточены основные региональные научно-образовательные организации и бизнес. Как пример, стимулирующий кооперацию участников центра – инновационная платформа, вовлекающая бизнес, государство, науку и образование в выработку совместных решений в целях успешной реализации программы деятельности НОЦ.

Перспективным направлением в создании особых условий участникам НОЦ является предоставление мер государственной поддержки на региональном уровне. Как показывает опыт Китая, администрация города (региона) может выпускать соответствующие справочники с необходимой информацией для потенциальных участников НОЦ, в первую очередь, организаций реального сектора экономики и иностранных партнеров.

Также важнейшим фактором успеха в привлечении к деятельности НОЦ является возможность получения на безвозмездной (льготной) основе юридических, бухгалтерских, маркетинговых, финансовых и консалтинговых услуг.

Пример Китая также показывает перспективность участия НОЦ в крупных государственных (региональных) проектах.

Рассмотрев американский, европейский и азиатский подходы к созданию территориальных инновационных экосистем и обобщая указанный опыт, целесообразно выделить следующие группы перспектив имплементации зарубежных практик к формированию экосистем научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ):

- *Организационные*: активное участие представителей научного сообщества в системе управления НОЦ, создание профессиональной коммуникационной сети и агрегатора сбора данных по участникам НОЦ, внедрение механизма привлечения и предоставления участникам НОЦ дополнительных источников финансирования, не предусмотренных программой деятельности центра.

Возможные барьеры: сильное бюрократическое давление и строгий контроль за деятельностью участников НОЦ в связи с необходимостью субъекта Российской Федерации отчитываться за достижение показателей НОЦ и расходование средств гранта.

- *Нормативно-правовые*: внесение изменений в федеральное (региональное) законодательство в части предоставления преференций участникам НОЦ и дополнительных мер поддержки их представителям, упрощения процедуры внесения изменений в программу деятельности НОЦ, корректировки соотношения объемов финансирования НОЦ бюджет/внебюджет, уточнения статуса «мировой уровень», совершенствования политики в области распоряжения результатами научно-технологической деятельности.

Возможные барьеры: длительность во времени, отсутствие заинтересованности органов государственной и региональной власти, сложность определения показателей в части отнесения НОЦ к мировому уровню.

- *Ресурсные*: построение механизма взаимодействия НОЦ с действующими институтами поддержки, стимулирование притока инвестиций, ведение в рамках НОЦ «политики привлечения умов», включая предоставление студентам региональных вузов практических кейсов.

Возможные барьеры: сильная конкурентная среда, нежелание институтов поддержки, коммерческих организаций и частных инвесторов финансировать научные исследования без перспективы скорого внедрения в производство.

- *Международно-ориентированные*: внедрение механизма международной и стратегической оценки программ деятельности НОЦ в целях конкурентоспособности результатов исследований на мировой арене, создание дополнительной структуры или информационного ресурса

в целях развития международных связей НОЦ и популяризации их деятельности в мире, участие НОЦ в международных исследовательских проектах.

Возможные барьеры: неразвитость международных связей среди участников НОЦ, необходимость постоянного мониторинга, политизация науки, трудности международной интеграции.

– *Идентификационные*: креативное оформление НОЦ (бренд, уникальность услуг, объектов инфраструктуры и т.д.), участие в масштабных государственных (региональных) проектах, наличие благоприятного инновационного и инвестиционного климата на основе синергии региональной специфики производства и конкурентных преимуществ территориальной науки и образования.

Возможные барьеры: требует креативного подхода и выделения дополнительных финансовых средств, необходима активная поддержка со стороны органов государственной (региональной) власти.

Реализация высказанных предложений позволит повысить эффективность модели управления НОЦ в Российской Федерации и стимулировать инновационные процессы.

Литература

1. Кулев А.Ю. Формирование и развитие инновационной экосистемы становления высокотехнологического сектора экономики. Дис....к.э.н. СПб, 2015.
2. Яковлева А.Ю. Факторы и модели формирования и развития инновационных экосистем. Дис...к.э.н. М., 2012.
3. Кизеев В.М. Сравнение отечественных и зарубежных подходов в развитии инновационной экосистемы региона и их влияния на инновационную деятельность университетов // Инновационное развитие экономики. 2019. № 2 (50). С. 20-33.
4. Гохберг Л.М., Заиченко С.А., Китова Г.А., Кузнецова Т.Е. Научная политика: глобальный контекст и российская практика. Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
5. Лю Сяоцзюань. Китайская «кремниевая долина» – технопарк Чжунгуаньцунь // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 268-269.

Kuptsova Irina Valentinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor at Regional and Municipal Government Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (27/4, Lomonosovskiy Av., Moscow, 119991, Russian Federation). E-mail: kupcova@spa.msu.ru

Laktaeva Nadezhda Evgenievna, Master of Regional and Municipal Administration, Leading Councilor, Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation (11, Tverskaya Str., Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: laktaevane@minobrnauki.gov.ru

PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF FOREIGN EXPERIENCE

IN THE FORMATION OF ECOSYSTEMS OF WORLD-CLASS SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTERS

Abstract

The article considers the American, European and Asian approaches to the formation of territorial innovative ecosystems, the key elements of which are scientific and educational organizations as sources of intellectual human capital and generators of ideas, innovations and new developments, and organizations of the real sector of the economy that can commercialize innovation into a finished product. The role of these ecosystems in the development of national economies and the forms of state participation in the regulation of their activities have been studied. Prospects have been identified for the implementation of foreign experience in Russia to the formation of ecosystems of world-class scientific and educational centers.

Keywords: innovative ecosystem, investments, innovation, cooperation, scientific research, world-class scientific and educational centers, support funds, startup, commercialization of knowledge, financing of science.

References

1. Kulev A.YU. Formirovanie i razvitie innovacionnoj ekosistemy stanovleniya vysokotekhnologichnogo sektora ekonomiki. Dis....k.e.n. SPb, 2015.
2. YAKovleva A.YU. Faktory i modeli formirovaniya i razvitiya innovacionnyh ekosistem. Dis...k.e.n. M., 2012.
3. Kizeev V.M. Sravnenie otechestvennyh i zarubezhnyh podhodov v razvitii innovacionnoj ekosistemy regiona i ih vliyaniya na innovacionnuyu deyatel'nost' universitetov // Innovacionnoe razvitie ekonomiki. 2019. № 2 (50). P. 20-33.
4. Gohberg L.M., Zaichenko S.A., Kitova G.A., Kuznecova T.E. Nauchnaya politika: global'nyj kontekst i rossijskaya praktika. Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2011.
5. Lyu Syaoczyuan'. Kitajskaya «kremnievaya dolina» – tekhnopark CHzhunguan'cun' // Ekonomicheskij rost Respubliki Belarus': globalizaciya, innovacionnost', ustojchivost': materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. P. 268-269.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Кузнецова Полина Юрьевна кандидат социологических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр., 29). E-mail: pkuznecova@list.ru

Николаева Ксения Сергеевна студент бакалавриата по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614000, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр., 29). E-mail: 2000nks159@mail.ru

Аннотация

Целью работы является анализ нормативного обеспечения и практики реализации органами государственной власти и органами местного самоуправления полномочий в сфере обеспечения жилищных прав детей-сирот, определение проблем и разработка рекомендаций по их решению. Отмечаются проблемы недостаточного нормативного регулирования в сфере определения срока реализации жилищных прав детей-сирот, что требует доработки на уровне федерального законодательства. Существенной проблемой является низкий уровень обеспечения детей-сирот жильем по причине отсутствия достаточного количества жилья в специализированном жилом фонде. В качестве перспективных методов реализации жилищных прав детей-сирот отмечено предоставление сертификатов, дающих возможность детям-сиротам приобрести жилье самостоятельно.

Ключевые слова: жилищные права, дети-сироты, специализированный жилой фонд, сертификат, государственные гарантии, социальная поддержка, отдельные государственные полномочия, договор социального найма, договора найма специализированных жилых помещений.

Определение в ст. 7 Конституции РФ важнейшей характеристики Российской Федерации как социального государства¹, предусматривает разработку и реализацию государственной социальной политики в отношении социально незащищенных групп населения. Как отмечает Н.Р. Хамидуллин, целью социальной политики в РФ является повышение качества жизни граждан и снижение уровня социального неравенства [1, с. 50]. По мнению О.М. Луговой, осуществление социальной политики представляет собой предоставление населению гарантированных услуг, поддерживающих определенное качество жизни [2, с. 11]. Защита и обеспечение прав детей-сирот является одной из важнейших задач Российской Федерации. Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году, определили детей в качестве важнейшего приоритета государственной политики России. В ст. 67.1. Конституции РФ закреплено, что государство берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения². Вместе с тем, реализация конституционных прав детей-сирот на меры социальной защиты сопровождается рядом правовых и управленческих проблем.

Решение задачи по разработке эффективных мер поддержки детей-сирот в РФ имеет важное научное и практическое значение. Следует согласиться с мнением исследователя Виноградовой М.Ю. о том, что положение детей-сирот в современной России напрямую зависит от обеспечения социальных прав данной категории детей [3, с. 70].

Дети-сироты относятся к категории незащищенных слоев населения, в особенности нуждаются в поддержке, поэтому им государством гарантируются меры социальной защиты. Важнейшей мерой материальной поддержки признается право детей-сирот на однократное получение жилого помещения по месту жительства. Однако реализация жилищных прав детей-сирот характеризуется наличием ряда проблем. Во-первых, несвоевременность предоставления детям-сиротам жилья. Во-вторых, отсутствие возможностей органов государственной власти субъекта и органов местного самоуправления предоставить жилые помещения всем нуждающимся детям-сиротам.

¹ Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.03.2021).

² Там же.

В России ежегодно возрастает количество детей-сирот, получивших право на предоставление жилья, но обеспечивается жильем ежегодно в среднем не более 10% детей-сирот. Счетная палата РФ отмечает, что в субъектах РФ отсутствует комплексный подход к организации взаимодействия органов власти в сфере обеспечения жильем детей-сирот. Темпы обеспечения жильем детей-сирот ниже темпов роста численности детей-сирот, получающих данное право¹. На совещании Правительства РФ по вопросу об обеспечении жильем детей-сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей, была приведена следующая статистика: за 2018 г. жильем было обеспечено 25 тыс. граждан, а на конец 2019 г. в очереди на получение жилья стояло 280 тыс. человек². По состоянию на 1 января 2020 г. более 279 тысяч детей-сирот состояло на учете в качестве нуждающихся в обеспечении жильем. Обязательства государства по обеспечению жильем детей-сирот, чье право возникло, но не реализовано, определены в отношении 191 тыс. человек (68 % общего числа детей-сирот, состоящих на жилищном учете)³. При этом, ежегодный прирост числа детей-сирот, имеющих право на получение жилья, составляет в среднем 13 тыс. человек. На начало 2019 г. в Пермском крае на учете в органах опеки и попечительства состояло 11 195 детей-сирот, из них 4 068 детей-сирот имело право на предоставление жилья в 2019 г.⁴ По информации Федеральной службы статистики, в Пермском крае доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, реализовавших свое право на улучшение жилищных условий, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нуждающихся в улучшении жилищных условий в 2018 году составила 11,2%, в 2019 году – 14,3%⁵. Эти показатели выше, чем средние показатели по РФ, однако доля детей-сирот в Пермском крае, не реализовавших свои жилищные права, является стабильно высокой.

Условия и процесс обеспечения жилищных прав детей-сирот определен в Федеральном законе от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»⁶. Следует отметить, что, во-первых, реализация жилищных прав детей-сирот имеет заявительный характер, автоматическая реализация прав (включение в список детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем) не предусмотрена. Во-вторых, жилье предоставляется на условиях договора найма специализированных жилых помещений, и лишь через пять лет, по истечении срока действия договора, с ребенком-сиротой в отношении данного жилого помещения может быть заключен договор социального найма.

Как отмечает Е.А. Ежова, право на жилище имеет две составные части: обязанность государства содействовать обеспечению жильем, во-вторых, гарантированная государством возможность пользоваться жилищем [4, с. 61].

Основными полномочиями в сфере реализации жилищных прав детей-сирот наделяются органы государственной власти субъектов РФ, которые вправе принимать нормативные правовые акты с целью определения форм и методов реализации жилищных прав в регионе,

¹ Мониторинг эффективности расходования средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на предоставление жилых помещений детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2016–2017 годах и полугодии 2018 года. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ach.gov.ru/news/inklyuzivnost-v-proverkakh-schetnoy-palaty> (дата обращения: 10.02.2021).

² Совещание Правительства РФ от 17.12.2019 «Об обеспечении жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/38620/> (дата обращения: 10.03.2021).

³ Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка выполнения поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, направленных на улучшение жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за период 2017–2019 годов» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/caf/cafa7c08b272e3db63b65ed7f525b2cf.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ Ежегодный доклад Уполномоченного по правам ребенка в Пермском крае «О соблюдении и защите прав и законных интересов ребенка и деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Пермском крае в 2019 году» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.perm-deti.ru/work/annual_report/ (дата обращения: 10.02.2021).

⁵ Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, реализовавших свое право на улучшение жилищных условий, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нуждающихся в улучшении жилищных условий [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 15.02.2021).

⁶ Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 N 159-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 15.02.2021).

расширения льгот, а также они обязаны осуществлять контроль за использованием и сохранностью жилых помещений, предоставляемых по договору найма специализированных жилых помещений и по договору социального найма.

В настоящее время в регионах РФ нарабатан определенный опыт в решении проблемы реализации жилищных прав детей-сирот, вместе с тем, ряд практик при реализации полномочий органов государственной власти субъектов РФ вызывает определенные вопросы о целесообразности и эффективности их применения. В частности, в Саратовской области в 2016 г. обеспечение права детей-сирот на получение жилья происходило путем лотереи [5, с. 100]. В Республике Тыва предоставление жилых помещений детям-сиротам осуществляется только за счет строительства жилых домов, в результате не более 17 % детей-сирот в год могут быть обеспечены жильем [6, с. 109]. Аналогичная практика сложилась в Самаре, где детям-сиротам с 2014 г. перестали выдавать сертификаты на покупку квартир. Органы местного самоуправления оформляют специальные жилищные фонды в новостройках [7, с. 164]. Следовательно, процесс предоставления жилья детям-сиротам замедлился. По мнению О.А. Лаврищевой, реализация органами государственной власти субъектов РФ полномочий в области обеспечения жилищных прав детей-сирот не является эффективной, поскольку осуществление права детей-сирот на жилье находится в зависимости от экономических и социальных показателей региона [8, с.83].

В Пермском крае жилищные права детей-сирот раскрываются в региональном законодательстве и в муниципальных нормативных правовых актах. Основным нормативным правовым актом в этом вопросе является Закон Пермской области от 29 декабря 2004 г. N 1939-419 «О мерах по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹. Статья 6 данного закона вводит помимо существующих норм, установленных в ФЗ № 159 новые, распространяющиеся непосредственно на Пермский край. Этим законом установлены условия предоставления жилья в пределах муниципального района (городского округа). Во-первых, претендовать на получение жилья может только житель Пермского края. Во-вторых, претендующий не может иметь в собственности жилье, а также быть нанимателем по договору найма или членом семьи нанимателя. Однако если лицо попадает под эти критерии, то претендовать он может только в случае признания его проживания невозможным в этом жилище. В-третьих, установлены нормы размера площади жилья, предоставляемого детям-сиротам: не менее 28 квадратных метров общей, не менее 14 квадратных метров жилой площади.

В 2017 г. в Пермском крае предоставление жилья детям-сиротам было передано органам местного самоуправления как отдельное государственное полномочие и для формирования муниципального спецжилфонда ежегодно предусматривается передача бюджетных ассигнований из федерального и краевого бюджета в местные бюджеты. В связи осуществлением органами МСУ данных полномочий, процесс включения детей-сирот в список детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем и процедуры заключения договоров социального найма стали значительно доступней.

По достижении возраста 14 лет детям-сиротам необходимо предоставить перечень документов и заявление в управление жилищных отношений администрации города Перми. В момент наступления у гражданина, включенного в список, права орган МСУ в течение 20 рабочих дней принимает решение о предоставлении жилья. В течение 3 рабочих дней орган МСУ направляет гражданину уведомление о решении и приглашение заключить договор с указанием даты и времени. В течение 10 рабочих дней орган МСУ заключает с гражданином договор найма на 5 лет. В течение 5 рабочих дней копия договора направляется в территориальный орган Министерства социального развития Пермского края по месту жительства гражданина. По истечении пятилетнего срока действия найма специализированных жилых помещений, орган МСУ по решению Министерства социального развития Пермского края о наличии или отсутствии обстоятельств по преодолению сложной жизненной ситуации у гражданина, в течение 10 рабочих дней принимает решение о заключении нового договора найма на 5 лет, либо об исключении жилья из муниципального спецжилфонда и заключении с гражданином договора социального найма (бессрочного).

¹ Закон Пермской области от 29.12.2004. № 1939-419 «О мерах по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs2.cntd.ru/document/911510984> (дата обращения: 05.02.2021)

Для анализа реализации государственного полномочия органами МСУ в г. Перми рассмотрим статистику. На 1 января 2020 г. численность детей-сирот, подлежащих обеспечению жильем составляла 964 человека, а приобретено было лишь 168 квартир (или 17,4% от необходимого). В 2021 г. жилье должны получить 139 ребенка-сироты. При этом, жилье приобреталось исключительно путём заключения договоров купли-продажи жилых помещений. Таким образом, в связи с ежегодным приростом числа детей-сирот, получающих право на обеспечение жильем, при данных темпах его предоставления, длительные сроки реализации жилищных прав сохраняются.

Реформа по передаче полномочий в сфере реализации жилищных прав детей-сирот органам МСУ имеет разные последствия. С одной стороны, процесс предоставления жилья стал проще, так как вопрос решается непосредственно в муниципальном образовании, где и формируется список детей-сирот, претендующих на жилье. Но с другой стороны, показатели обеспечения жильем отличаются в разных муниципальных образованиях, а количество детей-сирот, получивших жилье, не увеличивается. По-прежнему дети-сироты вынуждены стоять в очереди и несколько лет ожидать реализацию своего жилищного права. Несмотря на ежегодный рост федерального и регионального финансирования с целью формирования специализированного жилого фонда для предоставления детям-сиротам жилья, в муниципальных образованиях наблюдается достаточно высокий уровень неисполненных бюджетных назначений. Причинами неполного освоения бюджетных средств являются длительность процедур закупки жилых помещений, признание закупок несостоявшимися; нарушение застройщиками (поставщиками) сроков исполнения контрактов; отсутствие на вторичном рынке необходимого количества жилья, отвечающего установленным в законодательстве требованиям. Следовательно, социальная поддержка детей-сирот во многом зависима от экономических показателей самого государства [1, с. 57].

Таким образом, несмотря на то, что постепенно совершенствуется механизм обеспечения жильем детей-сирот как на федеральном, так на региональном и муниципальном уровнях, существует ряд важных проблем в сфере обеспечения жилищных прав детей-сирот.

Во-первых, в отношении проблемы отсутствия достаточного количества жилья в специализированном жилом фонде решением проблемы могло бы стать внедрение дифференцированного подхода при обеспечении жильем детей-сирот: нет необходимости каждому предоставлять жилье из специализированного жилого фонда. Социально-адаптированным семьям необходимо предоставлять средства, чтобы они могли самостоятельно приобрести жилое помещение.

С начала 2020 г. в Пермском крае реализуется в экспериментальном режиме проект предоставления детям-сиротам сертификата, на средства которого он вправе самостоятельно приобрести жилье. Изначально это право распространялось только на достигших возраста 23 лет детей-сирот, которые считаются социализировавшимися, то есть имеют свою семью, работу и доход. Летом 2020 г. на заседании Правительства Пермского края в данный порядок были внесены изменения: сертификат могут получить не только трудоустроенные дети-сироты, но и студенты очной формы обучения, а также сироты, состоящие в браке с трудоустроенными. За такой поддержкой обратились около 80 чел., 70 чел. получили положительные решения. В общей сложности в 2020 г. выдано детям-сиротам 95 жилищных сертификатов. В 2021 году планируется выдать 75 сертификатов¹. Сумма сертификата составляет 1 160 000 руб. Размер выплаты определен на основе расчета средней стоимости 1 кв. м. в Пермском крае, которая составляет 33 тыс. руб. К этим средствам допускается возможность добавить собственные или заемные средства, использовать материнский капитал. Таким образом, на средства только сертификата можно приобрести жилье площадью 35 кв. м. Однако стоимость 1 кв. м. жилья отличается в зависимости от муниципального образования. Постановлением Правительства Пермского края №910-п от 25.11.2020 года на 1 квартал 2021 г. утверждена средняя расчетная стоимость 1 квадратного метра общей площади жилья. В г. Перми средняя расчетная стоимость 1 кв. м. составляет 56 429 руб. На средства сертификата в г. Перми можно приобрести жилье площадью только 20 кв. м., что меньше установленной региональным законодательством нормы. Но, например, в г. Губахе средняя стоимость 1 кв. м. жилья составляет 36 394 руб.,

¹ Министерство социального развития Пермского края: [сайт]. — URL: <https://minsoc.permkrai.ru/news/v-permskom-krae-nachalsya-priem-zayavleniy-na-zhilishchnye-sertifikaty-dlya-detey-sirot-na-2021-god/> (дата обращения: 10.02.2021)

соответственно в этом городском округе можно приобрести жилье площадью 33 кв. м. В Красновишерском городском округе можно приобрести жилье площадью 38 кв. м., так как средняя стоимость 1 кв. м. составляет 30 061 руб.¹ Идея с сертификатом действительно является важным направлением решения жилищной проблемы детей-сирот. Если эта практика в ближайшие годы увеличит показатели получения жилых помещений детьми-сиротами в крае, то ее можно распространить на другие регионы РФ. Предоставляемой суммы достаточно для того, чтобы приобрести жилье размером больше закрепленного (28 кв. м.), но не во всех муниципальных образованиях Пермского края.

Во-вторых, еще одной значимой проблемой считается законодательно незакрепленный срок предоставления жилья детям-сиротам, что вносит неопределенность в процесс предоставления жилья со стороны органов власти, закрепляет зависимость от выделения субвенций, сроков строительства и приобретения жилья. Следует согласиться с мнением Ю.В. Бекузаровой о том, что отсутствие закрепленного в законодательстве срока вносит правовую неопределенность при реализации жилищных прав детей-сирот [5, с. 100].

В-третьих, дети-сироты, получившие в распоряжение жилье, нередко не располагают средствами для оплаты коммунальных услуг. На конец 2019 года задолженность составила 31 741 891,84 руб. Вопрос возмещения убытков управляющим компаниям из бюджета сейчас прорабатывает Министерство социального развития Пермского края. Для решения проблемы необходимо предоставить субсидии детям-сиротам на оплату жилищно-коммунальных услуг, оказание государственной социальной помощи на основе социального контракта. Косвенным направлением решения проблемы будет являться содействие в обучении и трудоустройстве детей-сирот [9, с. 14]. Следовательно, необходимо проработать меры поддержки детей-сирот в сфере трудоустройства на уровне Пермского края.

Как справедливо отмечают Г.А. Сульдина и К.С. Доренко, федеративное устройство РФ требует достижения оптимального сочетания экономической и социальной политики всех уровней управления [10, с. 185]. Следовательно, вопрос адекватного распределения полномочий между органами государственной власти РФ, субъектов РФ и органами местного самоуправления в сфере правового регулирования обеспечения жильем детей-сирот стоит остро. Мы полагаем, что закрепление в законодательстве порядка субсидирования детей-сирот на оплату жилищно-коммунальных услуг, нормативное установление сроков предоставления жилья детям-сиротам, расширение возможностей применения жилищных сертификатов создадут дополнительные гарантии реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Литература

1. *Хамидуллин Н.Р.* Социальные проблемы современного общества и их политические решения: учебно-методическое пособие. Оренбург: Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2017. 101 с.
2. *Луговая О.М., Черникова И.В.* Проектирование и прогнозирование пакета социальных услуг : практикум. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2018. 152 с.
3. *Виноградова М.Ю.* Особенности социального обеспечения детей-сирот // Проблемы науки. 2019. №10 (46). С. 70 – 72.
4. *Ежова Е.А.* Конституционно-правовые основы реализации права ребенка на жилье // Закон и право. 2021. № 1. С. 60 – 63.
5. *Бекузарова Ю.В.* Проблемы обеспечения жилыми помещениями детей-сирот // Вестник СГЮА. 2019. №1 (126). С. 99 – 101.
6. *Васильева Е.Ю., Фролова Е.В., Рогач О.В.* Реализация права на жилье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России // Урбанистика. 2020. № 1. С. 104 – 121.

¹ Постановление Правительства Пермского края от 25.11.2020 № 910-п «Об утверждении на I квартал 2021 года корректирующих коэффициентов по муниципальным районам (городским, муниципальным округам) Пермского края и средней расчетной стоимости 1 квадратного метра общей площади жилья по муниципальным районам (городским, муниципальным округам) Пермского края для расчета размера субсидий, предоставляемых гражданам из бюджета Пермского края на строительство и приобретение жилых помещений» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5900202011260001> (дата обращения: 10.02.2021).

7. *Тхабисимова Л.А., Тенсуев М.С.* Гарантии жилищных прав детей-сирот в Российской Федерации: закон и практика // Социально-гуманитарные знания. 2017. №12. С. 158 – 166.
8. *Лаврищева О.А.* Современные проблемы реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Государственная служба и кадры. 2019. №3. С. 82 – 86.
9. *Серова Н.А.* Решение проблем постинтернатного сопровождения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Кемеровской области // Образование. Карьера. Общество. 2020. № 2 (65). С. 13 – 16.
10. *Сулдына Г.А., Доренко К.С.* К вопросу о генезисе конституционной модели социального государства // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 181 – 187.

Kuznetsova Polina Yurievna, Assistant Professor, Candidate of Sociological Sciences, Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky prospect, Perm, 614000, Russian Federation).

E-mail: pkuznecova@list.ru

Nikolaeva Ksenia Sergeevna, undergraduate student in the direction of training "State and Municipal Administration", Perm National Research Polytechnic University (29, Komsomolsky prospect, Perm, 614000, Russian Federation). E-mail: 2000nks159@mail.ru

IMPROVEMENT OF COOPERATION BETWEEN AUTHORITIES IN THE IMPLEMENTATION OF HOUSING RIGHTS OF ORPHANS AND CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE

Abstract

The aim of the work is to analyze the regulatory framework and practice of the implementation by state authorities and local authorities of powers in the field of ensuring the housing rights of orphans, identifying problems and developing recommendations for their solution. The problems of insufficient normative regulation in the field of determining the period for the implementation of the housing rights of orphans are noted, which requires revision at the level of federal legislation. A significant problem is the low level of housing for orphans due to the lack of sufficient housing in the specialized housing stock. As promising methods of realizing the housing rights of orphans, it was noted the provision of certificates that enable orphans to purchase housing on their own.

Keywords: *housing rights, orphans, specialized housing stock, certificate, state guarantees, social support, certain state powers; social employment contract, rental contract for specialized residential premises.*

References

1. Hamidullin N.R. Social'nye problemy sovremennogo obshchestva i ih politicheskie resheniya: uchebno-metodicheskoe posobie. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj universitet, EBS ASV, 2017. 101 p.
2. Lugovaya O.M., Chernikova I.V. Proektirovanie i prognozirovanie paketa social'nyh uslug : praktikum. Stavropol' : Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet, 2018. 152 p.
3. Vinogradova M.YU. Osobennosti social'nogo obespecheniya detej-sirot // Problemy nauki. 2019. №10 (46). P. 70 – 72.
4. Ezhova E.A. Konstitucionno-pravovye osnovy realizacii prava rebenka na zhil'e // Zakon i pravo. 2021. № 1. P. 60 – 63.
5. Bekuzarova YU.V. Problemy obespecheniya zhilyimi pomeshcheniyami detej-sirot // Vestnik SGYUA. 2019. №1 (126). P. 99 – 101.
6. Vasil'eva E.YU., Frolova E.V., Rogach O.V. Realizaciya prava na zhil'e detej-sirot i detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej v Rossii // Urbanistika. 2020. № 1. P. 104 – 121.
7. Thabisimova L.A., Tepsuev M.S. Garantii zhilishchnyh prav detej-sirot v Rossijskoj Federacii: zakon i praktika // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2017. №12. P. 158 – 166.
8. Lavrishcheva O.A. Sovremennye problemy realizacii zhilishchnyh prav detej-sirot i detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2019. №3. P. 82 – 86.
9. Serova N.A. Reshenie problem postinternatnogo soprovozhdeniya vypusknikov organizacij dlya detej-sirot i detej, ostavshihsya bez popecheniya roditelej, v Kemerovskoj oblasti // Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo. 2020. № 2 (65). P. 13 – 16.
10. Sul'dina G.A., Dorenko K.S. K voprosu o genezise konstitucionnoj modeli social'nogo gosudarstva // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2013. № 2 (27). P. 181 – 187.

ИНСТРУМЕНТЫ ТРЕХ ЭТАПОВ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Лапыгин Юрий Николаевич	доктор экономических наук, профессор, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а). E-mail: Lapygin.Y@gmail.com
Болтунов Сергей Александрович	аспирант кафедры менеджмента, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (600017, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а). E-mail: boltunov_sa@mail.ru

Аннотация

При разработке стратегии развития региона возникает потребность в алгоритме выполнения процедур, направленных на определение этапов развития региона, а внутри каждого этапа ставится вопрос об определении направлений развития и детализации конкретных действий, направленных на получение ожидаемых результатов. В настоящем исследовании построена совокупность алгоритмических схем, снабженных комментариями относительно инструментального обеспечения процедур разработки стратегии развития региона в целом и в разрезе отдельных ее этапов. Предложены инструменты, обеспечивающие формулирование целей на каждом этапе, определение приоритетов, ожидаемых результатов и показателей, а также позволяющие составить целевые сценарии и детализацию содержания направлений развития региона.

Ключевые слова: стратегия, алгоритм, методы, модели, инструменты, регион, стратегическое развитие, стейкхолдеры, SWOT-анализ, процесс целеполагания.

Действующее законодательство и рекомендации Минэкономразвития определяют основное содержание стратегий развития современных российских регионов¹, но не дают строгих указаний в части процедур разработки стратегий и, тем более, рекомендаций в отношении инструментального обеспечения возможных процедур.

Практика разработки стратегий развития регионов, как правило, начинается с комплексного анализа [1], в который включается ставший традиционным SWOT-анализ, результаты которого часто далее не транслируются в содержание стратегии.

Наряду со SWOT-анализом рекомендовано выполнять конкурентный анализ и оценку достигнутых целей развития регионов, поставленных ранее. В качестве конкурентного анализа выполняется анализ на предмет выявления ключевых факторов успеха региона, который так или иначе отражает ключевые компетенции населения и природно-территориальные характеристики региона. Выполняется анализ статистических показателей развития региона, который в большей степени дает пестрые картины прошлых достижений региона и характеризует сложившиеся тенденции, но не позволяет выстроить стратегическую перспективу, поскольку задача стратегического развития состоит не в том, чтобы следовать сложившейся тенденции, а в том, чтобы изменив траекторию развития региона добиться лучших результатов.

Кроме того, связь между результатами комплексного анализа и содержанием стратегии в большинстве регионов показана не очевидно. Анализ как необходимый атрибут присутствует в стратегиях регионов сам по себе, а основное содержание стратегии как бы рождается по алгоритмам, не связанным с результатами анализа.

Априори можно сказать, что результаты анализа могут лечь в основу первого этапа стратегического развития региона с ориентацией на те амбициозные цели, которые будут достигнуты на заключительном этапе реализации стратегии [2].

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации / Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N 26 (часть I) ст. 3378; Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации. Приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. – URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132/> (дата обращения: 19.11.2020).

Но остаются вопросы такого рода: как построить алгоритм перехода от результатов анализа к проектам и программам первого этапа реализации стратегии и с помощью каких инструментов обеспечить реализацию процедур разработки стратегии для первого этапа?

Не меньше вопросов и в отношении заключительного этапа реализации стратегии. Так в инструментальном плане неочевидны методы и модели формулирования стратегически значимых целей развития региона. С одной стороны, есть понимание того, что основные группы влияния на процесс формирования стратегии (стейкхолдеры) могут согласовать свои целевые ориентации и договориться о перспективах. Но с другой стороны, получение первичной информации от стейкхолдеров и организация их групповой работы требует специфических инструментов управленческого консалтинга [3], которые слабо формализованы и выбираются консультантами из их инструментальной базы, сообразно ситуации и специфике региона.

Даже сама процедура предварительного отбора потенциальных участников разработки стратегии имеет свою специфику оценки типологии личностей и эмоционального интеллекта, необходимой для формирования подгрупп из числа стейкхолдеров. Например, при разработке стратегии развития Воронежской области численность всей группы стратегического планирования составляла более 500 чел.¹

Особых технологий требует организация и проведение разработочных сессий на принципах Форсайта или, как принято теперь говорить, в форме хакатонов [4]. В результате проведения таких сессий удастся выйти на комплексный образ того идеального состояния региона, который может соответствовать мечте разработчиков. Этот образ представляет собой описание цели стратегического толка, что позволяет формализовать процесс целеполагания на весьма отдаленную перспективу, а от целей затем перейти к формулированию стратегии, опираясь на ключевые слова целей.

Но и в этом случае необходим специальный инструментарий, позволяющий активизировать креативное мышление стейкхолдеров и, по возможности, формализовать процесс перехода от индивидуальных высказываний стейкхолдеров перейти к формулировкам Видения (как описания того идеального состояния региона, к которому следует стремиться), а от этой формулировке – к целям развития и затем обеспечить процедуру формулирования самой стратегии.

В дополнение к чисто техническим инструментам необходимо добавить упражнения и техники обучающего плана, а также методы, способствующие проявлению синергического эффекта от взаимодействия стейкхолдеров, а также методы, используемые в построении проектов и программ.

Кроме двух крайних этапов реализации стратегии (начального и завершающего) необходимо отдельное внимание уделять и промежуточному этапу, расставив приоритеты, сформулировав цели и определив содержание самой стратегии так, чтобы завершение первого этапа плавно перешло в начало второго (промежуточного) этапа, а завершение второго этапа было согласовано с началом заключительного этапа реализации стратегии развития региона.

При рассмотрении процедур разработки стратегии развития региона важно выделить как проверенные временем модели и методы, которые показали свою пригодность в разработке стратегий бизнес-структур, так и построить алгоритмы определения содержания стратегии на всех этапах ее реализации.

Так, если обратиться к инструментам формирования перспектив развития региона, то можно предложить схему построения стратегии, изображенную на рис. 1, из которой следует, что начинается процесс с групповой работы стейкхолдеров, в которой на базе технологии Форсайта формируется образ идеального состояния региона в будущем – Видения.

Целеполагание стейкхолдеров как группы экспертов предусматривает процедуры подбора участников, а, следовательно, предполагает использования методов тестирования на предмет выявления типов личности и эмоционального интеллекта и последующего предварительного опроса по поводу того, как стейкхолдеры представляют (видят) перспективу развития региона. Результаты «бумажного» опроса [3] структурируются, а контент-анализ [5] дает основание для проведения индивидуальных интервью с целью уточнения результатов указанного опроса.

¹ О Стратегии социально-экономического развития воронежской области на период до 2035 года. Закон Воронежской области. - С.5. - URL: <https://gasu.gov.ru/stratdocuments> (дата обращения: 07.02.2021).

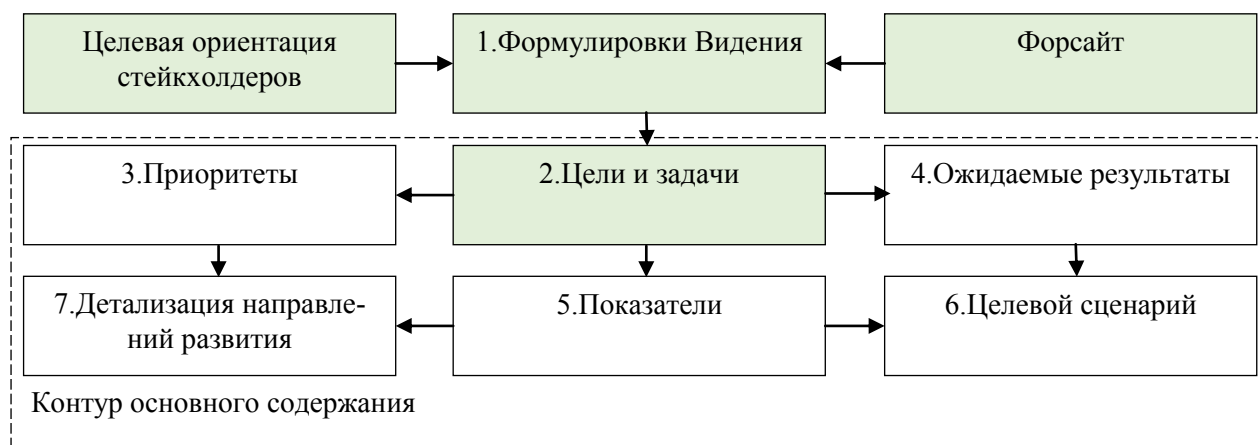

Рис. 1. Процедуры определения содержания стратегии на третьем этапе¹

Затем групповая работа, организованная на принципах Форсайта, обеспечивает поиск решений по результатам обсуждения долговременных трендов [6], сформулированных экспертами разных областей знаний, до тех пор, пока не иссякнут предложения относительно общего Видения будущего состояния региона [7]. Причем в качестве инструментов подходят различные виды мозговых штурмов [8], а процесс обсуждения сопровождается упражнениями, техниками и инструментами, активизирующими креативное мышление [9 – 11] стейкхолдеров с целью обеспечения синергического эффекта. При этом важно понимать, что необходимо изменить тенденции развития региона [12] для того, чтобы сосредоточить имеющиеся ресурсы на стратегических направлениях и найти новые возможности для реализации выработанных направлений развития.

В итоге можно получить множество формулировок Видения, которые необходимо методом сродства сгруппировать в три блока: направления развития, идеальная картина будущего и мечта стейкхолдеров относительно будущего региона [2].

Переход от формулировок Видения к целям осуществляется с помощью морфологических матриц. Первая матрица, составленная из ключевых слов наработанных формулировок Видения, позволяет из указанных слов составить три формулировки Видения, объединение которых дает возможность сформулировать итоговое определение Видения.

Вторая матрица («Цели от Видения») отражает процедуру перехода от формулировок видения к формулировкам целей, ориентированным: на мечту, на направление развития и на идеальное состояние региона. В итоге из ключевых слов вновь полученных целей можно сформулировать одну цель, которую следует считать формулировкой стратегии, обращенной на дальнюю перспективу (на завершающий этап реализации стратегии) [2].

В качестве инструментов здесь выступают метод ключевых слов, в сочетании с методами интеграции и декомпозиции (разделения на части).

Формулировки трех полученных целей определяют три направления развития региона, среди которых методом экспертных оценок могут быть расставлены приоритеты.

Инструменты получения формулировок ожидаемых результатов базируются на заполнении морфологических таблиц «Цели-Ожидаемые результаты», а построение целевого сценария представляет собой сочетание полученных ожидаемых результатов. Показатели также определяются путем заполнения морфологических матриц типа «Ожидаемые результаты – Показатели».

Направления развития замыкают процедуру разработки стратегии для заключительного этапа ее реализации и наполняются содержанием с помощью инструментов проектного управления и программирования.

Миссия, как главная цель развития региона, с одной стороны должна быть ориентирована на содержание Видения и соответствующие цели, а с другой, должна отражать предназначение для населения региона и страны в целом. Оставляя в тех же процедурах контур основного содержания (выделен на рисунке пунктирной линией), представим схему определения содержания стратегии на втором этапе ее реализации на рис. 2, в котором отражены факторы, определяющие Миссию региона.

¹ Построено авторами.

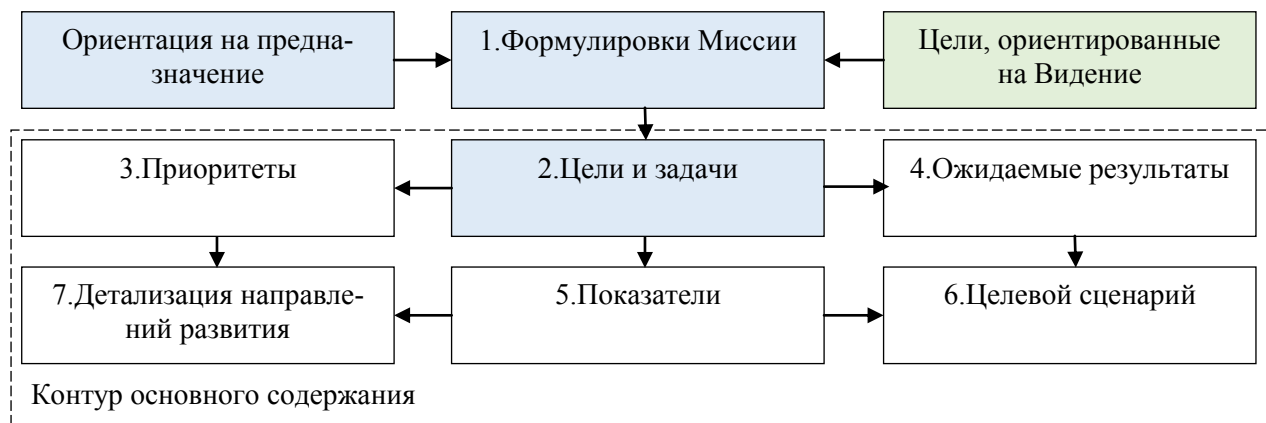

Рис. 2. Процедуры определения содержания стратегии на втором этапе¹

Методы определения основного содержания Миссии аналогичны методам построения Видения с той лишь разницей, что формулировки Миссии выстраиваются с учетом сформулированных ранее целей, ориентированных на Видение.

Вначале, в результате «бумажного» опроса экспертов из числа стейкхолдеров, собирается первичная информация о возможных формулировках Миссии как предназначения региона для его населения и предназначения для внешней среды (страны и всего мира). Полученные результаты обрабатываются методом выделения ключевых слов из каждой формулировки.

Затем выстраивается морфологическая матрица, в боковике которой находится указание на предназначение региона для населения и отдельно - для всего остального окружения (две строки), а в головке матрицы размещены формулировки целей (три столбца), выполненных ранее для Видения.

В строках под формулировками целей помещаются ключевые слова формулировок Миссии, из которых по строкам и по столбцам методом агрегирования составляются формулировки Миссии. Таких формулировок получается пять.

Далее формулировки Миссии помещаем в головку новой морфологической матрицы, а в ее боковике размещаем формулировки целей, ориентированных на Видение. Пустые квадранты заполняем, используя методы ассоциаций в ответах на вопрос: какую цель может преследовать регион в рамках конкретного варианта сформулированной Миссии, ориентируясь на конкретную цель из числа, ориентированных на Видение.

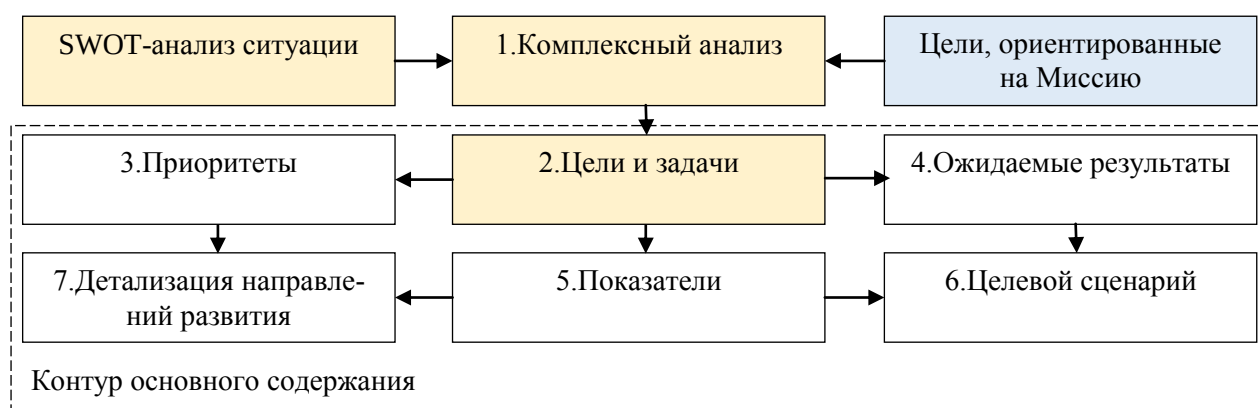
Таким образом, получаем 15 формулировок целей, которых будет придерживаться регион выполняя свою Миссию. Остается упорядочить перечень целей методом парных сравнений при построении дерева полученных пятнадцати целей. В итоге получаем несколько групп целей (например, три), в которых верхний уровень декомпозиции рассматриваем как цели, а находящиеся под ними формулировки – как задачи. Из формулировок целей первого уровня декомпозиции выделяем ключевые слова и формулируем из них главную цель второго этапа реализации стратегии развития региона – Миссию.

Контур основного содержания второго этапа реализации стратегии наполняется содержанием с использованием тех же инструментов, что и в случае с процедурами для третьего этапа (ориентированного на Видение).

Остается разобраться с инструментами первого этапа реализации стратегии, среди которых выделяются инструменты комплексного анализа и цели, ориентированные на Миссию из предыдущего этапа. Схема определения содержания стратегии первого этапа представлена на рис. 3.

Комплексность анализа факторов внешней и внутренней среды региона заключается не только в выполнении процедур SWOT-анализа, но и в анализе степени достижения тех целей, которые в части развития региона были поставлены ранее и определены в настоящее время органами власти всех уровней и нормативными документами, а также в определении конкурентных преимуществ, отражающих ключевые факторы успеха, в том числе и ключевые компетенции региона, как социально-экономической системы.

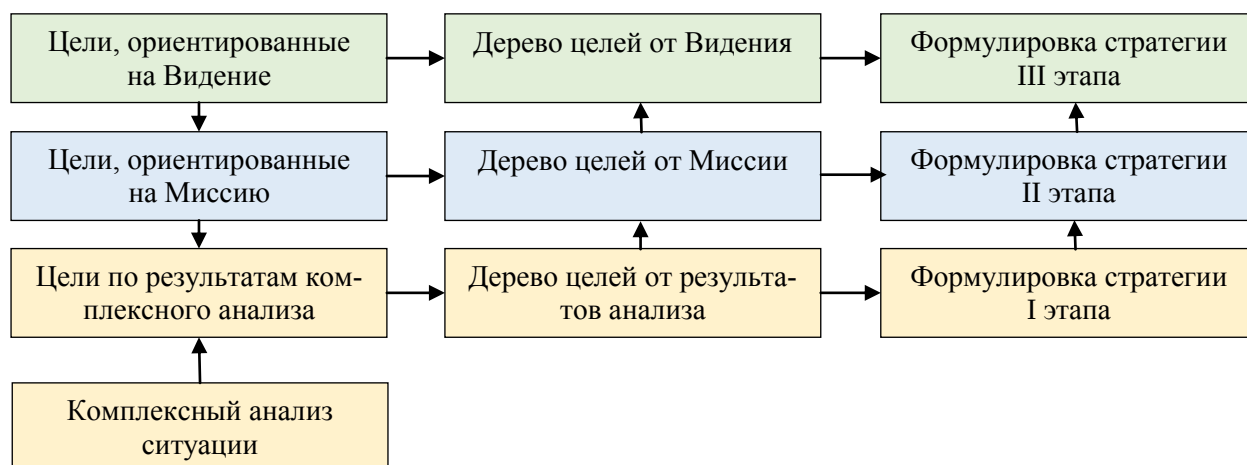
¹ Построено авторами.

Рис. 3. Процедуры определения содержания стратегии на первом этапе¹

Анализ факторов проявляется в анализе документов, интервью, экспертных оценках, методах формировании блоков проблем и парных сравнений, построении графов, в реализации методов корреляционного анализа, методах определения и согласования ключевых факторов успеха региона в процессе организации диалогов и групповых обсуждений стейкхолдеров [1].

Контур основного содержания первого этапа реализации стратегии наполняется содержанием с использованием тех же инструментов, что и в случае с процедурами для второго этапа, ориентированного на Миссию.

Собрав вместе выделенные три этапа стратегического развития региона, остается указать на то, что цели всех трех этапов в процессе реализации рассмотренных процедур согласованы (см. рис. 4), чем достигается общая стратегическая направленность региона на непрерывное развитие в заданных направлениях, распределенных по трем этапам.

Рис. 4. Взаимосвязи этапов развития региона²

Таким образом, сформирован алгоритм определения содержания стратегии развития региона, состоящий из процедур, распределенных по трем этапам реализации стратегии, включающий на каждом этапе целеполагание, которое обеспечивает определение приоритетов, ожидаемых результатов и показателей, а также построение целевого сценария и детализацию содержания направлений развития региона, отличающийся тем, что обоснована согласованность целей по этапам стратегического развития региона, показана последовательность процедур разработки стратегии, начиная со стратегического горизонта планирования (Видения) и заканчивая перспективой, ориентированной на результаты комплексного анализа ситуации в регионе и вокруг него.

Литература

1. Комплексный анализ в стратегическом развитии региона: монография / Под ред. Ю.Н. Лапыгина. Владимир: ВФ РАНХиГС, 2020. 254 с.
2. Лапыгин Д.Ю., Лапыгин Ю.Н., Тулинова Д.В. Стратегические приоритеты развития региона (монография). Владимир: ВФ РАНХиГС, 2020. 200 с.

¹ Построено авторами.

² Построено авторами.

3. Лапыгин Ю.Н. Управленческий консалтинг: учебник. М.: ИНФРА-М, 2020. 330 с.
4. Несговорова Н.П., Савельев В.Г., Богданова Е.П., Бурлева Л.Г. Методика организации аналитико-проектной деятельности в формате хакатона по разработке социоориентированных продуктов студентами естественно-научных направлений // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 206-212.
5. Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, культурологии, экономики, рекламы. М.: Омега-Л, 204. 272 с.
6. Крюков С.В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Terra Economicus. 2010. Том 8. № 3-2. С. 7-17.
7. Куклина И.Р. Форсайт как инструмент активного исследования и формирования будущего [Электронный ресурс]. - URL: <http://rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1759&ids=143> (дата обращения: 15.10.2020).
8. Панфилова А.П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений: учебное пособие. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2005. 317 с.
9. Бьюзен Т. 10 способов развить креативностью. Минск: «Попури», 2010. 160 с.
10. Нёлке М. Техники креативности. М.: ОМЕГА-Л, 2006. 144 с.
11. Роу А.Дж. Креативное мышление / пер. с англ. Островский В.А. М.: НТ Пресс, 2007. 176 с.
12. Арутюнян Т. Что вам делать со стратегией? Руководство по стратегическому развитию компании. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2013. 386 с.

Lapygin Yuri Nikolaevich, Doctor of Economic Science, Professor, Vladimir branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59a, Gorky St., Vladimir, 600017, Russian Federation). E-mail: Lapygin.Y@gmail.com

Boltunov Sergey Alexandrovich, Post-graduate student, Department of Management, Vladimir branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59a, Gorky St., Vladimir, 600017, Russian Federation). E-mail: boltunov_sa@mail.ru

TOOLS FOR THREE STEPS ELABORATING OF REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGY

Abstract

When developing a strategy for the development of a region, there is a need for an algorithm for performing procedures aimed at determining the stages of development of the region, and within each stage, the question of determining the directions of development and detailing specific actions aimed at obtaining the expected results is raised. In the present study, a set of algorithmic schemes is built, provided with comments on the instrumental support of the procedures for developing a strategy for the development of the region as a whole and in the context of its individual stages. The tools are proposed that provide the formulation of goals at each stage, the definition of priorities, expected results and indicators, as well as allowing to draw up target scenarios and detail the content of the directions of development of the region.

Keywords: *strategy, algorithm, methods, models, tools, region, strategic development, stakeholders, SWOT analysis, targeting process.*

References

1. Kompleksnyj analiz v strategicheskom razvitii regiona: monografiya / Pod red. YU.N. Lapygina Vladimir: VF RANHiGS, 2020. 254 p.
2. Lapygin D.YU., Lapygin YU.N., Tulinova D.V. Strategicheskie priority razvitiya regiona (monografiya). Vladimir: VF RANHiGS, 2020. 200 p.
3. Lapygin YU.N. Upravlencheskij konsalting: uchebnik. M.: INFRA-M, 2020. 330 p.
4. Nesgovorova N.P., Savel'ev V.G., Bogdanova E.P., Burleva L.G. Metodika organizacii analitiko-proektnoj deyatel'nosti v formate hakatona po razrabotke socioorientirovannyh produktov studentami estestvenno-nauchnyh napravlenij // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2020. № 5. P. 206-212.
5. SHalak V.I. Sovremennyyj kontent-analiz. Prilozheniya v oblasti: politologii, psihologii, kul'turologii, ekonomiki, reklamy. M.: Omega-L, 204. 272 p.
6. Kryukov S.V. Forsajt: ot prognoza k formirovaniyu budushchego // Terra Economicus. 2010. Tom 8. № 3-2. P. 7-17.
7. Kuklina I.R. Forsajt kak instrument aktivnogo issledovaniya i formirovaniya budushchego [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=1759&ids=143> (data obrashcheniya: 15.10.2020).
8. Panfilova A.P. Mozgovye shturmy v kollektivnom prinyatii reshenij: uchebnoe posobie. SPb.: IVESEP, Znanie, 2005. 317 p.
9. B'yuzen T. 10 sposobov razvit' kreativnost'yu. Minsk: «Popuri», 2010. 160 p.
10. Nyolke M. Tekhniki kreativnosti. M.: OMEGA-L, 2006. 144 p.
11. Rou A.Dzh. Kreativnoe myshlenie / per. s angl. Ostrovskij V.A. M.: NT Press, 2007. 176 p.
12. Arutyunyan T. CHto vam delat' so strategiej? Rukovodstvo po strategicheskomu razvitiyu kompanii. M.: Izd-vo Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 386 p.

**ТРАНСФЕР ИННОВАЦИОННЫХ ЗНАНИЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ**

Ларкина Наталья Георгиевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры «Маркетинг и коммуникации в бизнесе», Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: nat1-la@yandex.ru
Некрасова Виктория Витальевна	кандидат экономических наук, зав. кафедрой менеджмента, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru
Овчаренко Георгий Васильевич	доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь социально-инновационной деятельности в удовлетворении потребностей общества. Обосновывается необходимость инновационного развития экономики на основе отечественных технологий и инновационных знаний персонала. Обозначена значимость трансфера инновационных технологий с учетом Стратегии-2024. Предложены теоретические и практические аспекты для перехода экономики на новый уровень развития с учетом способностей руководителей с инновационным мышлением.

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновационные знания, инновационное мышление, инновационная парадигма, инновационный климат, инновационная стратегия, социальное равновесие, инновационный прорыв, Стратегия-2024.

Согласно **Стратегии научно-технологического развития** Российской Федерации на 2018-2025 гг. поставлена задача не только организации системы технологического трансфера, но и радикальное обновление управления научными исследованиями и технологическими разработками в контексте минимизации жизненного цикла – превращение научно-технологических знаний в инновацию с учетом спроса на них в реальном секторе новой экономики.

Становление новой экономики определяет новые ценности личности, обуславливающие неопотребности, которые при определенных условиях являются импульсом для разработки уникальных социально-эколого-инновационных проектов, реализация которых – это переход новой экономики на уровень ее инновационного развития с учетом интересов потенциальных участников, что способствует раскрытию творческого интеллектуального потенциала личности.

Так, А. Маслоу отмечал в своих исследованиях, что потребности индивида синергичны [1]. Так, например, образование удовлетворяет потребности в познании и понимании, а с другой стороны развитие мышления, позволяющее решение комплексных задач – реализация эстетических потребностей.

Логика вышеизложенного показывает, какие социальные потребности создать для удовлетворения потребностей с признанием в обществе, реализуя социально-инновационные проекты в регионах с инновационными ценностями для коллективов, обуславливающие переход на инновационный уровень развития экономики.

С теоретической точки зрения реализация инновационного замысла – это инновационное развитие новой модели экономики в кризисной ситуации обусловлена актуальностью:

- воссоздание производственной науки в приоритетных отраслях;
- разработка и внедрение отечественных инновационных технологий в производстве;
- радикальное преобразование образования: школа → институт → производство → руководитель;
- создание инновационных знаний и инновационных руководителей с инновационным мышлением;
- инномотивация каждого участника процесс-инноваций;

- применение инновационных методов организации инновационного производства;
- формирование инновационной культуры в коллективах;
- гибкий трансфер инновационных технологий;
- восприимчивость персонала к инновационным изменениям [2].

При этом появляется возможность ускорения инновационного цикла на всех этапах инновационного процесса на основе прорывных технологий ВПК, инновационного интеллекта персонала и инновационно-научных методов организации производства с вектором социально-экологических аспектов, применяя нейроматематическое моделирование прогностических ситуаций для будущего развития экономики на 10 лет.

Сейчас в США 80% результатов фундаментальных исследований делается применением информационно-цифровых технологий так, например, нейронная сеть сама определяет какие признаки в данных важны, а какие – нет, работая с набором данных на основе искусственного интеллекта.

С практической точки зрения, решающую роль в решении таких задач определяет трансфер инновационных знаний и технологий – это процесс передачи новых особых знаний, опыта, навыков, создание новых традиций в коллективах, что обуславливает создание инновационных центров трансфера во всех регионах и отраслях экономики для повышения производительности труда в производственных циклах с учетом управления интеллектуальной собственностью при наличии инновационной инфраструктуры [3] в государстве и регионах.

Вышеизложенное понимается, что трансфер инновационных технологий один из вариантов взаимовыгодного творчества взаимодействия государства, науки, производства и общества, так как бизнес не хочет, и не будет вкладывать деньги в новую экономику, так как там нет патриотов, а эффективность деятельности человека определяется его сознательностью и ответственностью, а также:

- способностями применения информационных ресурсов;
- умениями структурировать неоинформацию;
- владением теоретическими знаниями и практическим опытом их реализовывать в своей деятельности;
- знаниями своей деятельности с применением инновационных ИКТ на цифровых технологиях;
- способностью создавать инновационные знания и их трансфер на всех уровнях управленческой деятельности.

Русский ученый В.И. Вернадский в своих исследованиях отмечал, что «мерилом национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания человечества, живущего в гармонии с окружающей средой, достигая сферы разума»¹.

С теоретико-практической точки зрения, необходимость высокого уровня образования и профессиональная квалификация определяют инновационную организацию взаимодействия этих аспектов, так как задача сферы высшего образования применять инновационные методики, обуславливающие получение новых знаний, умений, чтобы владеть опытом и способностью принимать эффективные инновационные управленческие решения в любой ситуации в контексте реальной производственной деятельности на основе творческого энтузиазма работников.

Авторы отмечают, что анализ вышеизложенного показывает, что важнейшей причиной отсутствия мотивационной системы ценностей, разделяемой сообществом, обуславливает необходимость инновационной идеи, определяющая духовное единство людей в достижении социальной справедливости и гуманизации всех уровней управления при ее реализации [4].

Так, в своих пожеланиях русский ученый Н.И. Пирогов видел смысл в развитии нравственных качеств личности, которые не менее важны для общества, чем профессиональные, что позволит сохранить духовное единство народа России.

С практической точки зрения, создание инновационных организационных знаний – процесс нелинейный, так как концепция товара моделируется с переходом в новый цикл создания новых особых знаний в психологическом аспекте, ибо жесткая конкуренция предопределяет гибкую рефлексию постоянного обновления знаний.

¹ Российская газета 09.04.1996 г.

Великий русский экономист XIX в. Н.Д. Кондратьев в своих исследованиях *циклического развития экономики* отмечал: «Однако надо *осознавать*, что *информация* – продукт, из которого возможно получить знание..., какую часть его следует усвоить» [5], так как в основе *творческой деятельности* реализуются *особые знания*, определяющие *самовыражение интеллектуального потенциала* с учетом его *диффузии* на всех уровнях управления.

Однако авторы отмечают, что *инновационные отечественные технологии* – вектор *инновационных изменений* нового уровня развития организации, способствующий *самореализации каждой личности* в своей деятельности.

С *теоретической точки зрения*, необходимо *научное осмысление* вышеизложенного для понимания того, что только *инновационно-инвестиционная активность* регионов будет определять реализацию двенадцати приоритетных *национальных инновационных проектов* для успешного *инновационного прорыва* в экономике страны при осуществлении *обновления производства* во всех отраслях промышленности на основе применения *отечественных инновационных технологий*, созданных *инновационными университетами* для гибкости *инновационной деятельности организаций* в осуществлении *каждого этапа инновационных процессов*, создающих *инновационные потребности необщества* и повышающие уровень жизни людей с учетом *нравственно-социального равновесия* во всех коллективах.

Практически *решение* вышеизложенных задач обуславливается наличием *этических компетенций* у руководителей *всех уровней управления*:

- *понимание* этических принципов;
- *творческая* их реализация;
- *умение* их передать;
- *личная ответственность* за них;
- *способность* их оценить;
- *владеть* эстетическими принципами;
- *знать* их совершенствование;
- *создавать* инновационную этику,

что позволит руководителям всех регионов реализовывать *Стратегию-2024¹* на основе:

- *ключевых компетенций* инновационного сообщества;
- *способности* и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию и самообучению, стремление к новому;
- *способности* к критическому мышлению;
- *способности* и готовность к риску, креативность;
- *умение* работать самостоятельно в команде.

С учетом *инновационно-математического нейромоделирования* прогноза будущего развития *новой экономики* страны при *воссоздании социального равновесия* в необществе и *понижении* всеми людьми всех регионов, *каким путем* будем развиваться на новом уровне, чтобы быть участниками этого процесса.

Практика *лидеров-организаций* в контексте *инновационного* их развития показывает, что после того как *первичные потребности* удовлетворены, в обществе на *поведение личности* оказывают влияние *вторичные потребности*: уважение, самореализация, а также творческие отношения в коллективе.

При таком подходе *теоретическую основу* нового развития *предопределяют* *гуманно-творческо-партнерские* отношения в *проектно-инновационном деятельном взаимодействии* персонала и руководителей, обуславливает формирование *осознанной готовности* каждой *личности* к *самосовершенствованию* и *самореализации* в своей творческой деятельности.

Изложенное выше позволяет заметить, что *эффективность* деятельности *руководителей* организации определяется их *умением* реализовывать *информационное прогнозирование* внешних воздействий на *экономико-технологические аспекты* в соответствии с *циклами* Н.Д. Кондратьева, что определяет *содержание инновационной деятельности*:

- *способность* управлять временем;
- *улавливать* нюансы неопределенности среды;

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия – 2020». <http://economy.gov.ru/mines/main>

- уметь корректировать стратегию в условиях кризиса;
- применить инновационные методы управления персоналом;
- быть руководителем наставником.

Пример. Руководители ООО «КЗ "Ростсельмаш"» в своей профессиональной деятельности постоянно обновляют знания персонала и социально-экологический аспект, то есть управляют не только знаниями работников, но и их поведением, достигая инновационной цели – создание новых моделей комбайнов – инновационной ценности, тогда профессиональная моральность каждого работника становится компонентом социально-экологической жизни в коллективе [2].

В практическом аспекте профессиональное осознание характеризуется спецификой деятельности человека в обществе на основе профессиональной идеологии и психологии, способствующих видению его самосовершенствования с учетом профессиональной нравственности, на основе духовно-культурных особенностей при воссоздании социально-моральных традиций русского народа и его менталитета – это есть исторический выход России из нравственно-экономического кризиса.

С теоретической точки зрения профессиональное нравственное сознание личности видится как совокупность инновационных знаний, норм, ценностей и традиций, определяющих ее поведение в своей деятельности, а так же как источник и носитель нравственных ценностей, и вектор зрелости профессионализма, отражающего социальные отношения в коллективе при реализации своего творчества.

Логический анализ вышеизложенного показывает, что не только в условиях кризиса экономики руководитель обязан знать, как профессионально выполнить свою работу, то есть уметь понимать специфику и уникальность деятельности каждой личности, что способствует созданию нужной модели инновационного развития, адаптирующейся к постоянным изменениям конъюнктуры, а руководители организаций должны обладать стратегически-психологическим научно-инновационным мышлением с социально-экологическим временным вектором совершенствования доверительных отношений в коллективе при творческом взаимодействии. В связи с этим руководителям надо учить персонал воспринимать изменения как новые возможности инновационных преобразований в организации.

В контексте инновационных изменений поведение человека и его новые особые знания являются решающим фактором становления инновационной модели развития как производительной силы, то есть способность создавать инновационную атмосферу в научно-социальной деятельности организации – переход к самоуправлению самосовершенствованием.

В соответствии с таким пониманием содержания организации инновационной деятельности вытекает осознание совокупности профессионально нужных психологических принципов, применяемых современными руководителями-организаторами для создания инновационных ценностей в коллективе и творческого его развития.

В основе этой инновационной парадигмы лежит НЕООриентация на интеллект человека, интегрированного в систему инновационного производства с непрерывным обновлением знаний и повышением квалификации; гибкой ротацией и научной организацией труда; делегированием ответственности сверху вниз, партнерские доверительные отношения между участниками инновационного цикла, создавая социально-экологические структуры на всех уровнях управления новой экономикой [4].

В экономическом плане процесс восстановления России как великой державы определяется только при реализации научно-обоснованной инновационной стратегии на основе инновационной собственной технологической парадигмы, то есть создание для человека гуманных условий труда при реализации направлений государственной инновационной политики в контексте национальных инновационных проектов, определяющих инновационное развитие страны и всех регионов с социально-экологическим вектором.

В теоретическом аспекте сейчас мало кто сомневается, что процесс создания и управления инновационными знаниями является ключевым аспектом в инновационном развитии не только экономики, но и НЕОобщества, в котором сами люди создают гуманные ценности, определяющие социально-экологически-нравственный уровень жизни для всех.

С научной точки зрения сейчас необходимо радикально изменить наше понимание социально-экологической сущности развития необщества, то есть необходимо создание инновационной парадигмы управления им, обуславливающая его инновационное развитие на основе

нравственности и социальной справедливости при понимании каждой личностью, что это делается для благосостояния всех людей.

Осознание вышеизложенного показывает, что без внимания остается оценка возможностей эффективного использования в отечественной практике теоретико-практических аспектов инновационного производства в регионах для их применения при реализации двенадцати национальных инновационных проектов, чтобы стать страной с мировым уровнем экономики.

Как показывает практика – серьезные недостатки определились в государственном регулировании инновационной сферы: инноваторов (инновационных отраслей), инвесторов и товаропроизводителей инновационных товаров или услуг, что приводит не только к противоречию в их инновационной деятельности, модели которой реализуют инновационные проекты, но и снижение управляемости на всех уровнях процессов по созданию и внедрению новых новшеств из-за быстро изменяющихся инновационно-информационных технологий, тем более при переходе на цифровой уровень с применением искусственного интеллекта во избежание напряженности в обществе.

Становится совершенно очевидным необходимость разработки целостной концепции управления инновационным развитием всех отраслей экономики во всех регионах, обусловленная теоретическими и практическими наработками отечественного производства в ВПК и регионах (Тула, Белгород и др.), но и с вектором партнерского взаимовыгодного взаимодействия государства, науки, образования и общества в контексте инновационного прорыва – создать для всех людей России мировой уровень качества жизни и социального равновесия, то есть реализовать инновационную стратегию нового уровня развития с экологическим аспектом на основе:

- инновационных знаний персонала;
- инновационного планирования прогнозированием;
- умения руководителей применять неинформацию инновационного маркетинга;
- способностей руководителя предвидеть развитие;
- создания инновационной культуры в организации.
- наличием инновационной культуры
- уровней инновационной культуры;
- личной ответственности руководителя;
- вектора диверсификации;
- инновационно-технологических технологий;
- интеллекта персонала,

а также созданием и функционированием национальной инновационной системы на основе государственной инновационной политики и инновационной активности регионов при личной ответственности их руководителей при государственном контроле – отчет лично губернатора за реализацию приоритетных инновационных проектов только в срок.

Такой инновационный подход определяет четкость управления инновационным развитием и активностью всех регионов (дотационных быть не должно), что обусловит реализацию потребностей на уровнях: макро-, мезо- и микро-, а также уйти от неопределенности (не зависеть от санкций), то есть экономика должна стать на уровень автаркии – самообеспеченности (пример Китая, Сингапура), что обеспечит инновационное поведение людей и осознание ими необходимости инновационных преобразований в стране на всех уровнях жизнедеятельности, то есть становление новой модели экономики.

Однако авторы отмечают, что специфика данной ситуации требует также контроля инфляционных факторов при ежегодной оценке результатов инновационного развития экономики регионов с применением только научного подхода и инновационного прогнозирования будущего развития.

Решающую роль в реализации такого подхода, авторы отмечают, определяет умения и инновационное мышление руководителей на всех уровнях управления организовать инновационное управление эффективных приоритетных инновационных проектов в инновационной сфере на основе отечественных научно-интеллектуальных методах, так как надо учитывать (анализом) специфику развития и деятельности не только каждого региона, но и понимать их руководителями, что необщество развивается циклично (нелинейно, согласно теории русского ученого Н.Д. Кондратьева), что обуславливает необходимость применения только инновационного планирования будущего развития на основе инновационного нейромоделирования прогнозирования ежегодно и на пять лет развития страны.

При этом реализация инновационного замысла (*идеи* – Стратегия-2024) определяет жесткий контроль и личную ответственность руководителей всех уровней управления за *инновационную активность* организаций (предприятий) и создание в коллективах инновационной культуры и климата, *предопределяющих инновационное творчество* их персонала. Президент РФ В. Путин, посетив в феврале 2018 г., убедился, что компания ООО «КЗ "Ростсельмаш"» развивается на *инновационных знаниях* персонала и *инновационно-социальном* равновесии, что позволяет создавать *инновационно-интеллектуальную* продукцию для АПК – комбайн без комбайнера убирает хлеб, кукурузу, суданку, фасоль и т.д. Это и есть пример инновационного прорыва в *кризисной* экономике [6] с учетом *импортозамещения*.

Вместе с тем в каждый *временной* период необходимо *научно-инновационное моделирование* и прогнозирование *долгосрочных тенденций*:

- *научно-технологического* развития в мире;
- *человеческого* интеллекта;
- *инновационного* управления и его организации;
- *изменения* инновационной политики;
- *социально-политического* вектора;
- *научно-инновационного* планирования;
- *эколого-ноосферного* вектора;
- *неоинновационной* мотивации;
- *самореализации* и самосовершенствования каждой личности;
- *наличие* гуманно-нравственной справедливости в обществе.

В практическом аспекте инновационный вектор определяет *четкость* и умения руководителей применять *инновационное управление* с применением *инновационной тактики* для реализации *инновационной стратегии* – достижения *инновационной цели*, то есть *инновационного результата* – *инновационного дохода*, что и предопределяет осуществление государственной инновационной политики для развития новой экономики страны.

При развивающейся дифференциации *инновационных моделей организационных структур* в управлении *инновационным развитием* формируется, а точнее происходит *становление самоуправляющегося* контекста *социальной* направленности деятельности всех субъектов *кризисной экономики* для *выживания* на основе применения *научно-инновационно-информационно-гуманных технологий* во всех отраслях промышленности.

С *научной* точки зрения сейчас необходимо *радикально изменить* наше понимание социально-экономической сущности развития общества, то есть нужна *инновационная парадигма управления* экономикой, то есть ее *инновационным развитием* – это создание государственной *инновационной политики* с ее реализацией во всех регионах и *личной ответственностью* каждого участника этого процесса. В связи с тем, что *инновационно-экономические отношения* в *неообществе* определяют *инновационный* подход – способность общества создавать *нематериальные ресурсы*, то есть трансфер *инновационных знаний* персонала и *инновационных нейродигровых технологий* в отраслях промышленности на основе *инновационного управления*, создающего *новейшие знания* и *НЕОинформацию* для следующей новой фазы подъема экономики – *инновационной*.

Вышесказанное предопределяет *НЕОнаправление* – применение трансфера сочетания *инновационных технологий и знаний* на всех этапах *инновационных процессов* для производства удовлетворяющих изменяющиеся потребности *НЕОобщества*, что должно предопределять *инновационную активность регионов* и всех отраслей экономики для становления *неоэкономики* – *экономики инноваций*, что будет способствовать созданию *инновационных организаций, отраслей промышленности и тысячи рабочих мест*.

Становится очевидным, что руководители *инновационных организаций* обязаны создавать и применять *научно-инновационные управленческие методы*, что определяет *создание инновационных теоретических подходов* в области *инновационного управления*, фактически создания его *инструментов*:

- *инновационного* прогнозирования будущего развития;
- *инновационного* маркетинга;
- *инновационной* структуры управления;
- *инновационной* системы знаний;

- *формирование* инновационной культуры;
- *инновационное* обучение;
- *инновационное* управление знаниями [7].

Русский философ экономист Бонч-Бруевич писал, что наступает время всеобщего осознания того, что от уровня *индивидуальной* самореализации *каждой личности* зависят масштабы достижения *человечества* в обретении материальных и духовных благ, сбережения окружающей среды, облагораживания общественных отношений.

Однако нужно признать, что *архи-важно* создание *инновационной модели* экономического развития страны на базе *технико-технологического* обновления производства всех отраслей экономики при конкретной поддержке государства, определив *инновационную политику* для *воссоздания инновационной системы* страны (*инновационной сферы* и *инновационной инфраструктуры*) во всех регионах.

Изложенное позволяет заметить, что только *воспроизводство* и *обновление* машиностроительного комплекса страны позволит *увеличить* производительность труда в разы, так как его продукция – станки, высокотехнологичное оборудование, инновационные приборы и т.д. определяет *создание ядра инновационного прорыва* во всех отраслях экономики при *партнерском* взаимодействии с отраслями ВПК, применяя его *инновационные технологии* в гражданском производстве.

В связи с этим культура управления устанавливает *критерии* умения топ-менеджеров улавливать *тонкие изменения* конъюнктуры среды, то есть способность правильно определить стратегию управления развитием.

Направленность *осмысления* кризисной ситуации определяет *понимание* необходимости *инновационных изменений* – совершенствований, инструмент для создания условий *самореализации* *каждой личности* в социально-технологических системах современности. *Инновационный прорыв* в новом развитии при создании *инновационных традиций* и *ценностей* будет способствовать *самоорганизации* этноса.

В своем выступлении на заседании Госсовета В. Путин подчеркнул, что «*единственной* реальной *альтернативой* является стратегия *инновационного развития страны*, опирающаяся на одно из наших главных конкурентных преимуществ – на *реализацию человеческого потенциала*. Темпы *инновационного развития* должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня. Такой путь намного сложнее. Он более амбициозен и требует максимальных усилий со стороны государства, науки, бизнеса, всего общества. Но в *действительности* выбора у нас нет» [8].

Совершенно очевидно, что на данном этапе развития экономики нам нужны *руководители-организаторы* с *инновационным мышлением* – это внутреннее *осознание* необходимости восприятия и реализации *инновационных изменений*, формирование *НЕОкультуры* и создания *инновационных ценностей* при наличии *собственного инновационного потенциала*.

К сожалению, этот процесс не так прост, так как современное общество еще не может прогнозировать свое будущее развитие.

Пример: в своей деятельности ООО «КЗ "Ростсельмаш"» ежегодно реализует *инновационное изменение* в бизнесе в соответствии с результатами *анализа* своих особых знаний персонала, который показывает:

- *когда* знания обновлять;
- *какие* новые знания нужны;
- *какой* бизнес создавать,

что *предопределяет новую философию* взаимодействия, то есть *самообновление* *каждой личности* на основе создания *инновационной концепции* организационных знаний для *будущего* развития *неообщества*.

В связи с этим *интеллектуальный ресурс человека* будет *предопределять* не только *НЕО-инновационное* развитие общества, но и *интенцию руководителей высшего уровня* управления с точки зрения *инновационной эффективности* – *видение* *неознания* ими, как внутри общества, так и за его пределами. Этот процесс будет *циклическим* в соответствии 6-му *технологическому укладу* с переходом *неоинформационного общества* в *ноосферное*.

В современных *инновационно-социально-технологических* системах реализация *гуманистических* целей *предопределяется* созданием *новой жизненной концепции* общества, то есть *форсайт-видения* *инновационного пути* развития, управляя *инновационными изменениями* на всех уровнях деятельности, реализуя *инновационные программы* роста в стране и регионах.

Литература

1. Маслоу А. Мотивация и личность / http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf
2. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г. Инновационное управление. Учебник. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 333 с.
3. Вильтовский Д.М., Машонская Е.П., Успенский А.А. Политика и законодательство в сфере трансфера технологий: зарубежный и национальный опыт. Минск: Ковчег, 2010. 60 с.
4. Ларкина Н.Г., Овчаренко Г.В., Мелихова Б.С., Овакимян М.А. Инновация социально-технологических систем в новой экономике. Монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 126 с.
5. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 523 с.
6. Ларкина Н.Г., Овчаренко Г.В., Корсунов Д.А. Институциональные императивы инновационного развития технологико-социоэкологических систем. Монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 126 с.
7. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г. Инновационное управление. Практикум. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 303 с.
8. Путин В.В. «О стратегии развития России до 2020 года. Выступление на расширенном заседании Госсовета» 8 февраля 2008 г. / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>

Larkina Nataliya Georgievna, Candidate of Economic Science, Docent of Cathedra "Marketing and Communications in Business", Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: nat1-la@yandex.ru

Nekrasova Victoria Vitalievna, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Management, Associate Professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

Ovcharenko Georgy Vasilyevich, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra of Management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

TRANSFER OF INNOVATIVE KNOWLEDGE AND DOMESTIC TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF A NEW ECONOMIC MODEL

Abstract

Examines the relationship of social innovation to meet the needs of society. The necessity of innovative development of economy on the basis of domestic technologies and innovative knowledge of personnel is proved. The importance of the transfer of innovative technologies in view of the Strategy-2024. Theoretical and practical aspects for the transition of the economy to a new level of development, taking into account the abilities of managers with innovative thinking.

Keywords: *innovative activity, innovative knowledge, innovative thinking, innovative paradigm, innovative climate, innovative strategy, social balance, innovative breakthrough, Strategy 2024.*

References

1. Maslou A. Motivaciya i lichnost' / http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf
2. Ovcharenko G.V., Larkina N.G. Innovacionnoe upravlenie. Uchebnik. Rostov n/D.: YURIU RANHiGS, 2019. 333 p.
3. Vil'tovskij D.M., Mashonskaya E.P., Uspenskij A.A. Politika i zakonodatel'stvo v sfere transfera tekhnologij: zarubezhnyj i nacional'nyj opyt. Minsk: Kovcheg, 2010. 60 p.
4. Larkina N.G., Ovcharenko G.V., Melihova B.S., Ovakimyan M.A. Innovaziya social'no-tekhnologicheskikh sistem v novej ekonomike. Monografiya. Rostov n/D.: YURIU RANHiGS, 2019. 126 p.
5. Kondrat'ev N.D. Problemy ekonomicheskoy dinamiki. M.: Ekonomika, 1989. 523 p.
6. Larkina N.G., Ovcharenko G.V., Korsunov D.A. Institucional'nye imperativy innovacionnogo razvitiya tekhnologo-socioekologicheskikh sistem. Monografiya. Rostov n/D.: YURIU RANHiGS, 2020. 126 p.
7. Ovcharenko G.V., Larkina N.G. Innovacionnoe upravlenie. Praktikum. Rostov n/D.: YURIU RANHiGS, 2018. 303 p.
8. Putin V.V. «O strategii razvitiya Rossii do 2020 goda. Vystuplenie na rasshirennom zasedanii Gossoveta» 8 fevralya 2008 g. / <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825>

ДИАГНОСТИКА КАДРОВОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ

Миляева доктор экономических наук, профессор, Бийский технологический
Лариса институт Алтайского государственного технического университета им.
Григорьевна И.И. Ползунова (659305, Россия, г. Бийск, ул. имени Героя Советского Союза
Трофимова, 27). E-mail: lgm@bti.secna.ru

Аннотация

В статье акцентирована многовариантность сущностных аспектов дефиниции «кадровая безопасность предприятия»; обоснована правомерность введения в научный оборот термина-синонима «кадровая защищенность предприятия»; предложена его авторская трактовка. Обоснованы ключевые индикаторы кадровой защищенности (КЗ) предприятия (лояльность персонала, конкурентоспособность наемных работников, адекватность кадровой политики); описаны и проиллюстрированы три подхода (долевой, степенной, комбинированный) к формированию их описательных градаций. Представлена методика диагностики уровня кадровой защищенности; описана процедура обоснования состояния благополучности кадровой защищенности, сопряженная с анализом рельефности профиля КЗ. В заключение отмечены отличительные особенности методики (простота, универсальный характер, наглядность представления результатов, возможность использования для мониторинга индикаторов КЗ), обосновывающие правомерность ее тиражирования в профильных изданиях.

Ключевые слова: кадровая безопасность, кадровая защищенность предприятия, подходы к описанию индикаторов КЗ, благополучность состояния КЗ, равномерный и рельефный профили КЗ, методический инструментарий, кадровый мониторинг, социально-трудовые отношения, персонал.

Кризисные явления, охватившие российскую экономику и обострившиеся в последние годы, существенно актуализировали проблематику обеспечения кадровой безопасности (КБ) хозяйствующих субъектов (предприятий). Весомым аргументом в пользу отмеченного выступают результаты кадрового мониторинга промышленных предприятий Алтайского края, проведенного в феврале 2021 г., подтвердившие исключительную приоритетность обозначенной проблемы. Отмеченное обстоятельство обусловило настоятельную потребность в мониторинге кадровой безопасности предприятий, результаты которого являются основанием для разработки адресных управленческих решений, направленных на нормализацию проблемных параметров.

Установлено, что одним из препятствий для практического внедрения системы диагностики (мониторинга) кадровой безопасности в управленческую практику предприятий выступает отсутствие и/или несовершенство профильного методического инструментария. По крайней мере, именно эту причину назвали большинство (порядка 62%) респондентов – руководителей крупных и средних промышленных предприятий Алтайского края, участвовавших в кадровом мониторинге.

В данном контексте логично подчеркнуть, что основная причина критики известных методик диагностики кадровой безопасности предприятий обусловлена несогласованностью теоретико-методологической и методической основ, то есть, неадекватностью концептуальных подходов к исследованию обозначенного объекта (КБ) и предложенного алгоритма оценки (собственно, методики).

Следуя негласному правилу научного этикета, прежде чем проанализировать какую-то проблему, предложить способы ее решения, необходимо определиться в понятиях, четко обозначить авторскую позицию относительно сущностного аспекта обсуждаемой дефиниции.

На необходимость уточнения понятия «кадровая безопасность предприятия» напрямую указывают результаты терминологического анализа профильной литературы [1-5], подтвердившие многовариантность трактовок сущности КБ:

- состояние защищенности;
- обеспечение состояния благополучности по кадровой компоненте;
- комплекс мер по предотвращению и устранению кадровых угроз и рисков;
- взаимосвязь процессов предотвращения негативных воздействий по кадровой компоненте;
- многоуровневая система социально-трудовых отношений;
- генеральное направление кадровой работы и др.

Справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что безусловным лидером вышеперечисленных трактовок выступает позиционирование кадровой безопасности как состояния защищенности персонала (и, как следствие, предприятия в целом), полностью разделяемое автором искомой работы. Более того, отмеченное обстоятельство обосновывает правомерность введения в научный оборот термина-синонима «кадровая защищенность предприятия», четко определяющего сущность дефиниции, полностью исключающего многовариантность ее трактовок.

Концептуальную основу авторской позиции в отношении дефиниции «кадровая безопасность предприятия» формируют следующие понимания [6]:

1. Сущность кадровой безопасности – состояние защищенности, обеспечивающее благополучность предприятия и персонала.

2. Объекты кадровой безопасности – предприятие, персонал (наемные работники предприятия).

3. Субъекты кадровой безопасности – персонал, система управления персоналом.

4. Предмет кадровой безопасности – внутренние и внешние риски и угрозы, как со стороны персонала, так и персоналу предприятия, которые условимся для лаконичности именовать кадровыми угрозами.

5. Индикаторы кадровой безопасности – достаточная лояльность персонала, необходимая конкурентоспособность наемных работников (персонала), адекватная кадровая политика.

Кадровая безопасность (защищенность) предприятия – состояние благополучности предприятия и персонала, обеспечиваемое минимизацией кадровых угроз за счет реализации эффективной системы управления персоналом и проведения активной кадровой политики, приоритетно нацеленных на повышение лояльности и конкурентоспособности наемных работников, установление нормальных социально-трудовых отношений.

Опираясь на обоснованное определение кадровой защищенности (КЗ) предприятия, аккумулирующее концептуальные аспекты ее диагностики, логично подчеркнуть, что профильная методика должна основываться на выделении нескольких уровней, сопряженных с различной степенью кадровых угроз и, соответственно, обеспечивающих различную степень благополучности предприятия и персонала.

Обосновано выделение следующих пяти уровнейых градаций:

1) *высокий уровень* кадровой защищенности (соответственно, полное отсутствие кадрового риска), обуславливающий стабильность и успешность в обеспечении экономической безопасности предприятия;

2) *уровень выше среднего* кадровой защищенности, сопряженный с незначительным (малоощутимым) кадровым риском и, соответственно, с низкой степенью реализации кадровых угроз;

3) *средний уровень* кадровой защищенности (средний кадровый риск и средняя степень реализации кадровых угроз);

4) *уровень ниже среднего* кадровой защищенности, сопряженный с ощутимым (выше среднего) кадровым риском и такой же степенью реализации кадровых угроз;

5) *низкий уровень* кадровой защищенности (высокий кадровый риск и высокая степень реализации кадровых угроз), обуславливающий проблемность в обеспечении экономической безопасности предприятия.

Очевидно, что интегральный уровень кадровой защищенности ($Y^{KЗ}$) представляет средневзвешенную величину частных уровней, отражающих достигнутое состояние основных индикаторов:

$$Y^{KЗ} = \sum_{i=1}^n Y_i^{KЗ} \times d_i^{KЗ} = Y^{ЛП} \times d^{ЛП} + Y^{КНР} \times d^{КНР} + Y^{КП} \times d^{КП},$$

где $Y_i^{KЗ}$ – частные уровни кадровой защищенности предприятия ($Y^{ЛП}$ – уровень лояльности персонала; $Y^{КНР}$ – уровень конкурентоспособности наемных работников; $Y^{КП}$ – уровень адекватности кадровой политики предприятия);

$d_i^{KЗ}$ – относительная значимость параметров (индикаторов) кадровой защищенности, определяющих частные уровни ($d^{ЛП}$ – лояльности персонала; $d^{КНР}$ – конкурентоспособности наемных работников; $d^{КП}$ – адекватности кадровой политики предприятия).

В контексте с последним из отмеченных обстоятельств необходимо подчеркнуть неравнозначность индикаторов КЗ. По мнению большинства исследователей данной социально-экономической проблемы, вертикаль приоритетности индикаторов кадровой защищенности выглядит следующим образом:

- 1) лояльность персонала ($d^{III} \approx 0,50$);
- 2) конкурентоспособность наемных работников ($d^{KHP} \approx 0,27$);
- 3) адекватность кадровой политики ($d^{KP} \approx 0,23$).

Представляется, что безусловное доминирование индикатора «лояльность персонала» обуславливает допустимость экспресс-диагностики кадровой безопасности (защищенности) [6].

Важным методическим моментом является многовариантность подходов к формированию описательных характеристик пяти уровневых градаций индикаторов КЗ. Автором статьи представляются к рассмотрению три подхода.

Первый подход – *долевой*, базирующийся на двух ключевых моментах:

1. Формирование атрибутивных характеристик, отражающих эталонное состояние индикаторов КЗ (КЗ): абсолютную лояльность работника; идеальную конкурентоспособность работника; активную кадровую политику.

2. Выделение уровневых градаций индикаторов кадровой защищенности по степени соотношения с эталонными характеристиками определенной доли персонала (для индикаторов «лояльность персонала» и «конкурентоспособность наемных работников») или атрибутивных характеристик (для индикатора «кадровая политика»).

Реализацию долевого подхода представляется целесообразным проиллюстрировать на примере индикатора КЗ «лояльность персонала».

Известно, что слагаемыми портрета абсолютно лояльного работника [7] выступают следующие атрибутивные характеристики:

- полная гармония личных и корпоративных интересов;
- поведение, адекватное организационным ценностям и приоритетам корпоративной культуры предприятия;
- искренняя преданность предприятию, его стратегическим ориентирам;
- категоричное и безапелляционное отклонение любых предложений предприятий-конкурентов, которые могут нанести даже незначительный (имущественный или немущественный) ущерб родному предприятию;
- осознанная поддержка инноваций и личное участие в реализации программ развития предприятия, повышения его конкурентоспособности;
- подлинная гордость за предприятие и его достижения;
- активное и неформальное участие в формировании и тиражировании положительного имиджа предприятия и т.д.

Следовательно, *эталонное описание* абсолютно лояльного работника будет выглядеть примерно так: считает себя неотъемлемой частью предприятия; не ищет другого варианта трудоустройства; с пониманием относится к временным трудностям; демонстрирует поведение, соответствующее организационным ценностям и приоритетам корпоративной культуры; принимает личное участие в реализации программ развития предприятия; категорически отвергает предложения конкурентов о сотрудничестве; искренне участвует в формировании положительного имиджа предприятия и т.д.

Соответственно, характеристики уровневых градаций индикатора «лояльность персонала» (Y_i^{III}), сформированные по долевному принципу, получают следующее описание:

1. *Высокий уровень* лояльности персонала: *все работники* предприятия считают себя неотъемлемой частью предприятия; не ищут другого варианта трудоустройства; с пониманием относятся к временным трудностям; принимают личное участие в реализации программ развития предприятия и т.д.

2. *Уровень выше среднего* лояльности персонала: *подавляющее большинство* работников (порядка 90%) считают себя неотъемлемой частью предприятия; не ищут другого варианта трудоустройства; с пониманием относятся к временным трудностям; принимают личное участие в реализации программ развития предприятия и т.д.

3. *Средний уровень* лояльности персонала: *большинство* работников (не менее 75%) считают себя неотъемлемой частью предприятия; не ищут другого варианта трудоустройства;

с пониманием относятся к временным трудностям; принимают личное участие в реализации программ развития предприятия и т.д.

4. *Уровень ниже среднего* лояльности персонала: *около половины* работников (не менее 50%) считают себя неотъемлемой частью предприятия; не ищут другого варианта трудоустройства; с пониманием относятся к временным трудностям; принимают личное участие в реализации программ развития предприятия и т.д.

5. *Низкий уровень* лояльности персонала: *менее половины* работников считают себя неотъемлемой частью предприятия; не ищут другого варианта трудоустройства; с пониманием относятся к временным трудностям; принимают личное участие в реализации программ развития предприятия и т.д.

По аналогии характеристики уровней градаций индикатора «конкурентоспособность наемных работников» (U_i^{KHP}), базирующиеся на сущностно-содержательном основе данной дефиниции [8-10], ориентировочно могут быть описаны так:

1. *Высокий уровень* конкурентоспособности наемных работников (персонала): *все работники* предприятия обладают параметрами конкурентоспособности (уровень образования и квалификации, профессиональная компетентность, профессиональный стаж, возраст, состояние здоровья, дополнительные профессиональные навыки), оптимально соответствующими требованиям производственного потенциала рабочих мест и субъективным предпочтениям работодателей.

2. *Уровень выше среднего* конкурентоспособности персонала: *подавляющее большинство* работников обладают параметрами конкурентоспособности (уровень образования и квалификации, профессиональная компетентность, профессиональный стаж, возраст, состояние здоровья, дополнительные профессиональные навыки), оптимально соответствующими требованиям производственного потенциала рабочих мест и субъективным предпочтениям работодателей.

3. *Средний уровень* конкурентоспособности персонала: *большинство* работников обладают параметрами конкурентоспособности (уровень образования и квалификации, профессиональная компетентность, профессиональный стаж, возраст, состояние здоровья, дополнительные профессиональные навыки), оптимально соответствующими требованиям производственного потенциала рабочих мест и субъективным предпочтениям работодателей.

4. *Уровень ниже среднего* конкурентоспособности персонала: *около половины* работников обладают параметрами конкурентоспособности (уровень образования и квалификации, профессиональная компетентность, профессиональный стаж, возраст, состояние здоровья, дополнительные профессиональные навыки), оптимально соответствующими требованиям производственного потенциала рабочих мест и субъективным предпочтениям работодателей.

5. *Низкий уровень* конкурентоспособности персонала: *менее половины* работников обладают параметрами конкурентоспособности (уровень образования и квалификации, профессиональная компетентность, профессиональный стаж, возраст, состояние здоровья, дополнительные профессиональные навыки), оптимально соответствующими требованиям производственного потенциала рабочих мест и субъективным предпочтениям работодателей.

В качестве эталонных характеристик индикатора КЗ «кадровая политика» (U_i^{KP}) правомерно использовать атрибуты активной кадровой политики [11, с. 38], адекватные современным условиям хозяйствования:

- наличие утвержденного в установленном порядке документа «Кадровая политика предприятия»;
- наличие целевых антикризисных кадровых программ;
- планово-упреждающий режим реагирования на проблемные ситуации;
- SWOT-анализ причин и возможных последствий возникающих проблемных ситуаций;
- наличие в достаточном количестве и должного уровня качества средств (ресурсов, инструментария), необходимых для диагностики и управления кадровой ситуацией;
- наличие обоснованных прогнозов развития кадровой ситуации на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды;
- наличие обоснованных программ развития персонала на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды.

Подчеркнем, что реализация рассматриваемого подхода в процессе описания уровней градаций индикатора «кадровая политика» сопряжена с использованием определенного коли-

чества (типовых долей – «все», «подавляющее большинство», «большинство» и т.д.) атрибутивных характеристик активной кадровой политики. В частности, *высокий* уровень ($Y_i^{KП}$) достигается при наличии *всех* атрибутов активной кадровой политики; уровень *выше среднего* – при наличии *подавляющего большинства* атрибутов активной кадровой политики; *средний* уровень – при наличии *большинства* атрибутов активной кадровой политики; уровень *ниже среднего* – при наличии *около половины* атрибутов и т.д.

Безусловно, количественные значения типовых долевых градаций («все», подавляющее большинство», «большинство», «около половины», «менее половины») в процессе практического использования методики могут претерпевать корректировку под специфику и приоритеты конкретного предприятия. Например, в одной случае долевая градация «подавляющее большинство» может означать 90 %, в другом – 80 %, в третьем случае – 70 %.

Второй подход – *степенной*, базирующийся на соотношении градаций кадровой защищенности предприятия со степенью реализации (проявления) эталонных характеристик индикаторов: лояльность персонала; конкурентоспособность наемных работников; активная кадровая политика. Представляется, что формулировки «степенных градаций» могут корректироваться разработчиками методики.

Принципиальным является следующее понимание:

- *высокий* уровень ($Y_i^{KЗ}$) обеспечивается реализацией в *полной степени* атрибутов анализируемого индикатора кадровой защищенности (далее – профильных атрибутов);
- уровень *выше среднего* обеспечивается реализацией профильных атрибутов в *большей степени*;
- *средний* уровень кадровой безопасности наблюдается при *средней степени* реализации профильных атрибутов;
- уровень *ниже среднего* – при *невысокой степени* реализации профильных атрибутов;
- *низкий* уровень – при *очень низкой степени* реализации профильных атрибутов анализируемого индикатора кадровой защищенности.

Третий подход – *комбинированный*, аккумулирующий особенности долевого и степенного подходов. Подчеркнем, что именно данный подход, получивший широкое распространение в практике персонал-менеджмента, будет использован в представляемой методике (табл. 1).

Таблица 1

Визитная карточка методики диагностики кадровой защищенности предприятия

Параметры	Характеристика параметров
Тип методики	Универсальная методика, пригодная для диагностики кадровой защищенности любого типа предприятия
Вид методики	Количественно-качественного типа методика
Информационная база	Материалы опросной статистики респондентов, выявленные с использованием Анкеты КЗ
Концептуальная основа	Позиционирование кадровой защищенности как состояния благополучности предприятия и персонала, обеспечиваемое тремя индексами: лояльностью персонала; конкурентоспособностью наемных работников; адекватной (активной) кадровой политикой предприятия. Использование для формирования описательных градаций индикаторов кадровой защищенности комбинированного подхода, аккумулирующего принципы долевого и степенного подходов.
Диагностируемые показатели	Уровень кадровой защищенности, меняющийся в диапазоне от 0,20 до 1,00, с выделением 4 градаций: - успешный (желательный) уровень (от 1,00 до 0,90); - допустимый (приемлемый) уровень (от 0,89 до 0,70); - проблемный уровень (от 0,69 до 0,50); - критический уровень (от 0,49 до 0,20). Профиль кадровой защищенности: - равномерный; - рельефный Благополучность ситуации кадровой защищенности
Практическая апробация	Пилотная апробация (весна 2020 г.)

Ключевым этапом методики (табл. 1) является разработка Анкеты, предназначенной для сбора первичной информации по диагностике кадровой защищенности (далее – Анкеты КЗ). По каждому индикатору КЗ предлагается пять вариантов ответа, для удобства обозначенных буквенной символикой (А, Б, В, Г, Д), адекватных уровневому грациям кадровой безопасности и фиксированным балльным оценкам:

- А – высокий уровень (10 баллов);
- Б – уровень выше среднего (8 баллов);
- В – средний уровень (6 баллов);
- Г – уровень ниже среднего (4 балла);
- Д – низкий уровень.

Так, для диагностики *уровня конкурентоспособности* наемных работников (U^{KHP}) в Анкете КЗ может быть представлена следующая шкала (условный пример), сформированная с использованием комбинированного подхода:

А. Все качественные характеристики *всех* наемных работников предприятия (уровень образования и квалификации, профессиональная компетентность, профессиональный стаж, возраст, состояние здоровья, дополнительные профессиональные навыки), оптимально соответствуют требованиям производственного потенциала рабочих мест и субъективным предпочтениям работодателей, то есть, являются «эталонными».

Б. Уровень образования и квалификации *всех* наемных работников предприятия *полностью соответствуют* требованиям производственного потенциала рабочих мест. Стаж работы по специальности, возраст, состояние здоровья *подавляющего большинства* персонала *полностью соответствуют* требованиям производственного потенциала рабочих мест, *небольшой части* наемных работников – незначительно отличаются от «эталонных» параметров. *Большинство* наемных работников имеют дополнительные профессиональные навыки, соответствующие субъективным предпочтениям работодателей.

В. Уровень образования и квалификации *большинства* наемных работников предприятия *полностью соответствуют* требованиям производственного потенциала рабочих мест. Стаж работы по специальности, возраст, состояние здоровья *большинства* персонала *незначительно отличаются* от «эталонных» параметров. *Большинство* наемных работников имеют дополнительные профессиональные навыки, *незначительно отличающиеся* от субъективных предпочтений работодателей.

Г. Уровень образования и квалификации *большинства* наемных работников предприятия *незначительно отличаются* от требований производственного потенциала рабочих мест. Стаж работы по специальности, возраст, состояние здоровья *подавляющего большинства* персонала *отличаются* от «эталонных» параметров. *Большинство* наемных работников имеют дополнительные профессиональные навыки, *значительно отличающиеся* от субъективных предпочтений работодателей.

Д. Все качественные характеристики *всех* наемных работников предприятия (уровень образования и квалификации, профессиональная компетентность, профессиональный стаж, возраст, состояние здоровья, дополнительные профессиональные навыки), в той или иной степени отличаются от «эталонных».

Принцип заполнения Анкеты КЗ сводится к тому, что респондент должен отметить вариант градации (А, Б, В, Г, Д), по его мнению, наиболее соответствующей сложившейся на предприятии ситуации. Если респондент затрудняется между выбором соседних градаций, он должен отметить обе. Представляется, что оценка комбинированной градации А-Б составит девять баллов; комбинированной градации Б-В – семь баллов; градации В-Г – пять баллов; комбинированной градации Г-Д – три балла.

Расчет частных уровней кадровой защищенности выполняется по формуле:

$$U_i^{K3} = \frac{CB_i^{K3}}{B^{MAX}} = \frac{CB_i^{K3}}{10},$$

где CB_i^{K3} – средняя балльная оценка i -го индикатора кадровой защищенности;

B^{MAX} – максимальная балльная оценка индикатора кадровой защищенности (безопасности) предприятия.

Очевидно, что частные уровни (U_i^{K3}) и интегральный уровень (U^{K3}) кадровой защищенности могут меняться в нормируемом диапазоне от 0,20 до 1,00. Для диагностики и мониторинга

кадровой безопасности (защищенности) целесообразно обосновать допустимый интервал, обеспечивающий состояние благополучности предприятия и персонала.

В зависимости от приоритетов кадровой политики предприятия, стратегии кадрового менеджмента и прочих обстоятельств допустимый уровень кадровой защищенности может охватывать интервал от 1,00 до 0,60 (включая средний уровень), а может ограничиться комплексной градацией А-В (соответственно, интервалом от 1,00 до 0,90).

Накопленный опыт диагностики кадровой защищенности (безопасности) предприятия показывает, что, допустимый интервал, как правило, ограничивается комплексной градацией Б-В, что обуславливает выделение следующих уровней:

- успешный (желательный) уровень (от 1,00 до 0,90);
- допустимый (приемлемый) уровень (от 0,89 до 0,70);
- проблемный (умеренно опасный) уровень (от 0,69 до 0,50);
- критический (недопустимо опасный) уровень (от 0,49 до 0,20).

Алгоритм реализации методики диагностики кадровой защищенности предприятия (табл. 1) предполагает последовательное выполнение семи этапов:

1. Первый этап – обоснование состава и структуры респондентов, участвующих в анкетировании. Необходимо подчеркнуть, что опрос, как правило, проводится по 25-ти процентной выборке, адекватной функционально-категориальной структуре персонала предприятия.

2. Второй этап – разработка Анкеты КЗ, предназначенной для сбора первичной информации, аккумулирующей описательные уровневые градации индикаторов кадровой защищенности (лояльность персонала, конкурентоспособность наемных работников, кадровая политика), сформированные на базе комплексного подхода.

3. Третий этап – анкетирование респондентов (работников предприятия).

4. Четвертый этап – обработка материалов опросной статистики, сопряженная с расчетом:

- средних балльных оценок индикаторов кадровой безопасности;
- частных уровней кадровой защищенности (лояльности персонала, конкурентоспособности наемных работников, адекватности кадровой политики);
- интегрального (средневзвешенного) уровня кадровой безопасности (защищенности) предприятия.

5. Пятый этап – оценка состояния благополучности кадровой защищенности предприятия.

В данном контексте необходимо акцентировать следующий принципиальный момент:

• *благополучное состояние кадровой защищенности* диагностируется, если и интегральный ($Y^{KЗ}$), и все частные уровни кадровой защищенности ($Y_i^{KЗ}$) находятся в допустимом интервале (от 1,00 до 0,70), то есть реализуется *равномерный профиль* КЗ;

• *неблагополучное состояние кадровой защищенности* диагностируется, если хотя бы один из частных уровней КЗ находится в проблемной зоне, независимо от позиционирования (допустимая или проблемная зона) интегрального уровня ($Y^{KЗ}$), то есть реализуется *рельефный профиль* кадровой защищенности.

6. Шестой этап – комплексный анализ кадровой защищенности предприятия; выделение успешных и проблемных параметров КЗ.

7. Седьмой этап – обоснование адресных управленческих решений, направленных на нормализацию проблемных индикаторов кадровой безопасности (защищенности) предприятия.

В заключение необходимо подчеркнуть, что представленная методика весной 2020 г. успешно прошла пилотную апробацию, полностью подтвердив адекватность своему предназначению. Основная апробация методики диагностики уровня кадровой защищенности предприятия намечена на осень 2021 г. Представляется, что отличительные особенности методики (простота, универсальный характер, наглядность представления результатов, возможность использования для мониторинга индикаторов КЗ) обосновывают правомерность ее тиражирования в профильных изданиях.

Литература

1. Кузнецова Н.В. Понятийный анализ кадровой безопасности // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 4. С. 123 – 129.
2. Сафиуллина А.И. Современные подходы к определению понятия «кадровая безопасность» // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 1(35). С. 102 – 104.

3. Фурсов В.А., Лазарева Н.В., Куш Е.Н., Аветова К.Г. Кадровая безопасность предприятия: подходы, диагностика, направления совершенствования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4-2. С. 270 – 276.
4. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцев Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2005.
5. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2006.
6. Мильева Л.Г. Теоретико-методические аспекты экспресс-диагностики кадровой безопасности предприятия // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 3. С. 59 – 66.
7. Дулов А.А., Лугинина А.А., Пустовойт К.С., Эсаулова И.А. Выбор и адаптация инструментов оценки удовлетворенности персонала по методике «Employee net promoter sistem (eNPS) // Вестник Омского университета. Серия Экономика. 2014. № 4. С. 31 – 37.
8. Сотникова С.И., Маслов Е.В., Глазырин С.Ю. Управление конкурентоспособностью персонала: монография. Новосибирск: НГУЭУ, 2006.
9. Озерникова Т.Г., Васильева А.Н. Зависимость конкурентоспособности персонала от уровня развития человеческого капитала организации // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 3. С. 15–20.
10. Сотникова С.И., Мильева Л.Г., Чуланова О.Л., Масалова Ю.А., Михайлова Е.М. Управление конкурентоспособностью персонала на основе концепции Performance Management (управление эффективностью): монография / под общей ред. С.И. Сотниковой. Новосибирск: НГУЭУ, 2020. 223 с.
11. Мильева Л.Г., Федоркевич Д.Ю. Теоретико-методические и прикладные аспекты кадрового менеджмента организаций: монография. Новосибирск: «Сибирское университетское изд-во», 2011. 180 с.

Milyaeva Larisa Grigoryevna, Doctor of Economic sciences, Professor, Biysk Technological Institute of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov (27, st. named after Hero of the Soviet Union Trofimov, Biysk, 659305, Russian Federation). E-mail: lgm@bti.secna.ru

TO THE ISSUE OF DIAGNOSTICS OF PERSONNEL PROTECTION OF THE ENTERPRISE

Abstract

The article emphasizes the multivariability of the essential aspects of the definition of "personnel security of the enterprise"; justified the lawfulness of introducing into scientific circulation the term-synonym "personnel protection of the enterprise"; its author's interpretation is proposed. The key indicators of personnel protection (CP) of the enterprise (personnel loyalty, competitiveness of employees, adequacy of personnel policy) are justified; described and illustrated are three approaches (proportional, power, combined) to the formation of their descriptive gradations. The method of diagnosing the level of personnel security is presented; described is a procedure for substantiating the state of well-being of personnel protection associated with analysis of the relief of the short-term profile. In conclusion, the distinctive features of the methodology (simplicity, universality, visibility of the presentation of results, the possibility of using KZ indicators for monitoring) are noted, justifying the legality of its replication in specialized publications.

Keywords: personnel security, personnel protection of the enterprise, approaches to the description of short-term indicators, well-being of CP condition, uniform and relief profiles of short circuit, methodological toolkit, human resources monitoring, social and labour relations, personnel.

References

1. Kuznecova N.V. Ponyatijnyj analiz kadrovoj bezopasnosti // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i prava). 2011. № 4. P. 123 – 129.
2. Safiullina A.I. Sovremennye podhody k opredeleniyu ponyatiya «kadrovaia bezopasnost'» // Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian. 2020. № 1(35). P. 102 – 104.
3. Fursov V.A., Lazareva N.V., Kushch E.N., Avetova K.G. Kadrovaya bezopasnost' predpriyatiya: podhody, diagnostika, napravleniya sovershenstvovaniya // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2020. № 4-2. P. 270 – 276.
4. Rajzberg B.A., Lozovskij L.SH., Starodubcev E.B. Sovremennyy ekonomicheskij slovar'. M.: INFRA-M, 2005.
5. Borisov A.B. Bol'shoj ekonomicheskij saraj. M.: Knizhnyj mir, 2006.
6. Milyaeva L.G. Teoretiko-metodicheskie aspekty ekspress-diagnostiki kadrovoj bezopasnosti predpriyatiya // Ekonomika Professiia Biznes. 2020. № 3. P. 59 – 66.
7. Dulov A.A., Luginina A.A., Pustovojt K.S., Esaulova I.A. Vybor i adaptaciya instrumentov ocenki udovletvorennosti personala po metodike «Employee net promoter sistem (eNPS) // Vestnik Om-skogo universiteta. Seriya Ekonomika. 2014. № 4. P. 31 – 37.
8. Sotnikova S.I., Maslov E.V., Glazyrin S.YU. Upravlenie konkurentosposobnost'yu personala: monografiya. Novosibirsk: NGUEU, 2006.
9. Ozernikova T.G., Vasil'eva A.N. Zavisimost' konkurentosposobnosti personala ot urovnya razvitiya chelovecheskogo kapitala organizacii // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2011. № 3. P. 15 – 20.
10. Sotnikova S.I., Milyaeva L.G., CHulanova O.L., Masalova YU.A., Mihajlova E.M. Upravlenie konkurentosposobnost'yu personala na osnove koncepcii Performance Management (upravlenie effektivnost'yu): monografiya / pod obshchej red. S.I. Sotnikovoj. Novosibirsk: NGUEU, 2020. 223 p.
11. Milyaeva L.G., Fedorkevich D.YU. Teoretiko-metodicheskie i prikladnye aspekty kadrovogo menedzhmenta organizacij: monografiya. Novosibirsk: «Sibirskoe universitetskoe izd-vo», 2011. 180 p.

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Никитаева Анастасия Юрьевна доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой информационной экономики, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88). E-mail: aunikitaeva@sfedu.ru

Аннотация

В статье раскрываются вопросы развития электронного правительства с учетом ретроспективных аспектов формирования и перспективных направлений его трансформации. Определено, что за двадцать лет развития электронного правительства произошел переход от применения информационно-коммуникационных технологий для совершенствования существующих процессов деятельности к концептуальному изменению функционирования органов власти в результате реинжиниринга деятельности государственного аппарата на базе цифровых технологий. В качестве основных тенденций перспективного развития электронного правительства в цифровой экономике определены: переход от электронного правительства к цифровому правительству; использование возможностей электронного правительства для решения актуальных социально-экономических задач и нейтрализации угроз; цифровая интеграция субъекта и объекта управления в рамках умных территорий.

Ключевые слова: электронное правительство, цифровое правительство, интеллектуализация государственного управления, умное правительство, умная территория, цифровая интеграция, цифровая экономика, отраслевая структура экономики, социально-экономические системы.

Одной из ключевых имманентных характеристик формирования и развития цифровой экономики является не просто перевод в цифровой формат данных и цифровизация различных процессов, а глубокая и масштабная социально-экономическая трансформация общества. Изменения затрагивают отраслевую структуру экономики, технологический уклад, деятельность предприятий и организаций, социальные взаимодействия, институциональную матрицу, не только рынок, но и содержание труда, само понимание того, что значит быть человеком и как выстраивать отношения в новом неоиндустриальном обществе [1 – 4 и др.]. Причем в данном случае речь идет о глобальном характере изменений, универсальная составляющая которых является гораздо большей, нежели специфические характеристики отдельных стран. В такой ситуации, принимая во внимание нелинейность развития и инерционность крупных сложных социально-экономических систем, актуализируется исследование вопросов эффективной реализации государственного управления в цифровой экономике, определения приоритетных векторов модернизации государственного аппарата для обеспечения его адекватности новым задачам и условиям развития экономики с учетом накопленного опыта и сформированного потенциала.

Ретроспективный анализ трансформации системы государственного и муниципального управления за последние двадцать лет свидетельствует о том, что проникновение информационно-коммуникационных и аналитических технологий в данную сферу и цифровизация соответствующих процессов (как внутри государственного аппарата, так и связывающих правительственные структуры с внешними сторонами) сопровождалось парадигмальным изменением самого содержания государственного и муниципального управления. В данном случае речь идет, с одной стороны, о появлении электронного, а затем сетевого, интегрированного, цифрового правительства и постепенного перехода в перспективе к умному правительству (англ. Smart government). С другой стороны, о концептуальном переключении режима функционирования государственного аппарата с логики учреждения на логику обслуживания, реагирования на общественные запросы, клиентоцентрированности и использования потенциала цифровых технологий для достижения глобальной конкурентоспособности [4].

С начала XXI века можно отследить постепенный переход от прикладного наполнения содержания электронного правительства, связанного с применением информационно-коммуникационных технологий для совершенствования существующих процессов (так называемая консервативная доктрина электронного правительства), к концептуальному изменению функционирования органов власти в результате реинжиниринга деятельности государственного аппарата, основанного на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в масштабах страны, изменении императивов принятия административных решений, новом подходе

к рационализации деятельности и реструктуризации властных акторов, затрагивающей процессы производства, координации, контроля и управления в государственном секторе для достижения цели существенного повышения эффективности государственного управления и снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества (так называемая радикальная доктрина электронного правительства) [5].

При этом динамичное развитие цифровой экономики и четвертая промышленная революция, характеризующаяся целым комплексом технологических прорывов, связывающих цифровой и физический миры, приводят к постоянно поиску новых решений в области развития электронного правительства.

Проведенный в ходе исследования анализ становления и развития электронного правительства в глобальном контексте позволил выделить несколько тенденций, которые фактически определяют перспективу трансформации государственного управления в цифровой экономике (рис. 1).

Рис. 1. Тенденции развития электронного правительства

Во-первых, можно говорить о переходе от электронного правительства (в первоначальном смысле перевода в электронный формат существующих процессов государственного и муниципального управления и оказания государственных услуг) к цифровому правительству, ориентированному на использование преимуществ цифровых данных при оптимизации, трансформации и создании государственных услуг¹, задействование аналитического потенциала цифровых решений, переход от накопления к «умному» использованию данных, в том числе, в стратегическом управлении.

Для такого перехода требуется создание целостной институциональной платформы. Например, в России новый этап развития электронного правительства стал возможен в результате принятия в 2016 г. нацеленного на перестройку государственного ИТ-ландшафта Системного проекта развития электронного правительства в Российской Федерации², выработки Министерством цифрового развития, связи массовых коммуникаций РФ новых подходов к организации, координации, мониторингу и контролю деятельности в области инфокоммуникационных технологий и принятия в 2019 г. Паспорта федерального проекта «Цифровое государственное

¹ Цифровое правительство 2020. Перспективы для России. Апрель 2016. Всемирный банк, Институт развития информационного общества. Вашингтон. С. 7.

² Системный проект электронного правительства до 2020 года. Минкомсвязь. Москва. 2016// <https://digital.gov.ru/uploaded/files/sistemnyii-proekt-elektronnogo-pravitelstva-rf.pdf>

управление» как одного из главных направлений национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹.

Во-вторых, важно отметить все более активное использование возможностей электронного правительства для решения актуальных социально-экономических задач и нейтрализации угроз, возникающих в силу различных кризисных обстоятельств.

Об этом свидетельствует, прежде всего, общий рост уровня цифровизации в сфере государственного и муниципального управления. Основываясь на изучении рейтингов развития электронного правительства в разных странах мира, составляемых Организацией Объединенных наций (ООН) каждые два года с начала XXI века, можно заключить, что при изменении состава лидеров и разной скорости цифровой трансформации правительств мира, общий уровень и темпы цифровизации государственного аппарата возрастают в развитых и развивающихся странах, причем сокращаются разрывы в значениях индекса между лидерами и остальными участниками рейтинга (рис. 2). Для сравнения выбраны страны – лидеры по развитию электронного правительства в 2020 г., а также Россия.

В 2020 г. 34 новых страны-участника вошли в группы с высоким и очень высоким индексом развития электронного правительства, доля стран со значениями индекса от 0,50 до 1,00 увеличилась на 13,5 % с 2018 г.; на эти 126 государств в настоящее время приходится 65 % от общего числа стран-участников рейтинга, что характеризует значительное улучшение уровня развития электронного правительства во всем мире².

Наряду с этим, следует отметить постепенное смещение фокуса рассмотрения электронного правительства (как с точки зрения развития, объекта управления, так и с позиции исследования, объекта изучения), о чем свидетельствуют названия самих отчетов ООН, отражающих акценты в цифровизации государственного управления (рис. 3).

Например, в 2010 году оценивалось использование электронного правительства в период финансового и экономического кризиса. С 2016 г. все больше внимания уделяется потенциалу электронного правительства в обеспечении устойчивого развития. В отчете за 2020 г., в том числе, оценивается роль цифрового правительства в преодолении пандемии COVID-19³. В данном случае важно принимать во внимание и то, что мир после данной пандемии будет (и уже является) значительно более цифровым, чем ранее. Общий тренд характеризует переход к системному восприятию роли электронного правительства в обеспечении устойчивого развития цифровой экономики.

Проведенный наукометрический анализ с использованием системы SciVal компании Elsevier в сочетании с изучением отчетов ООН о развитии электронного правительства, теоретических источников и эмпирических данных позволил выявить тенденцию, которую можно обозначить как цифровая интеграция субъекта и объекта управления в рамках формирования умных территорий. Речь идет о переходе от рассмотрения отдельно электронного правительства и объектов регулирующего воздействия к базирующимся на интеллектуальных цифровых технологиях умным городам и территориям. Одновременно это характеризует и смещение от национального к региональному и местному уровню развития электронного правительства.

Так, темы «Умные города; Муниципальное управление; Интернет вещей» (Topic T.13953 Smart Cities; Municipal Administration; Internet of Things) и «Открытое правительство; Электронное участие; Электронное управление» (Topic T.186 Open Government; E-Participation; E-Governance) характеризуются в системе SciVal одновременно очень высоким уровнем актуальности (99,846 и 99,462 из 100, соответственно), превышением среднего индекса цитирования публикаций, взвешенного по предметной области, положительной динамикой с 2015 г. до начала 2021 г. числа публикаций, цитирований, международных коллабораций и ростом востребованности ключевых фраз (электронное правительство, открытое правительство, открытые данные, электронное управление, правительственные сервисы, умные города, устойчивые города, интернет вещей и т.д.).

¹ Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»

<https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf>

² United Nations e-government survey 2020. Digital government in the decade of action for sustainable development. United Nations. New York, 2020. [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf)

³ Там же.

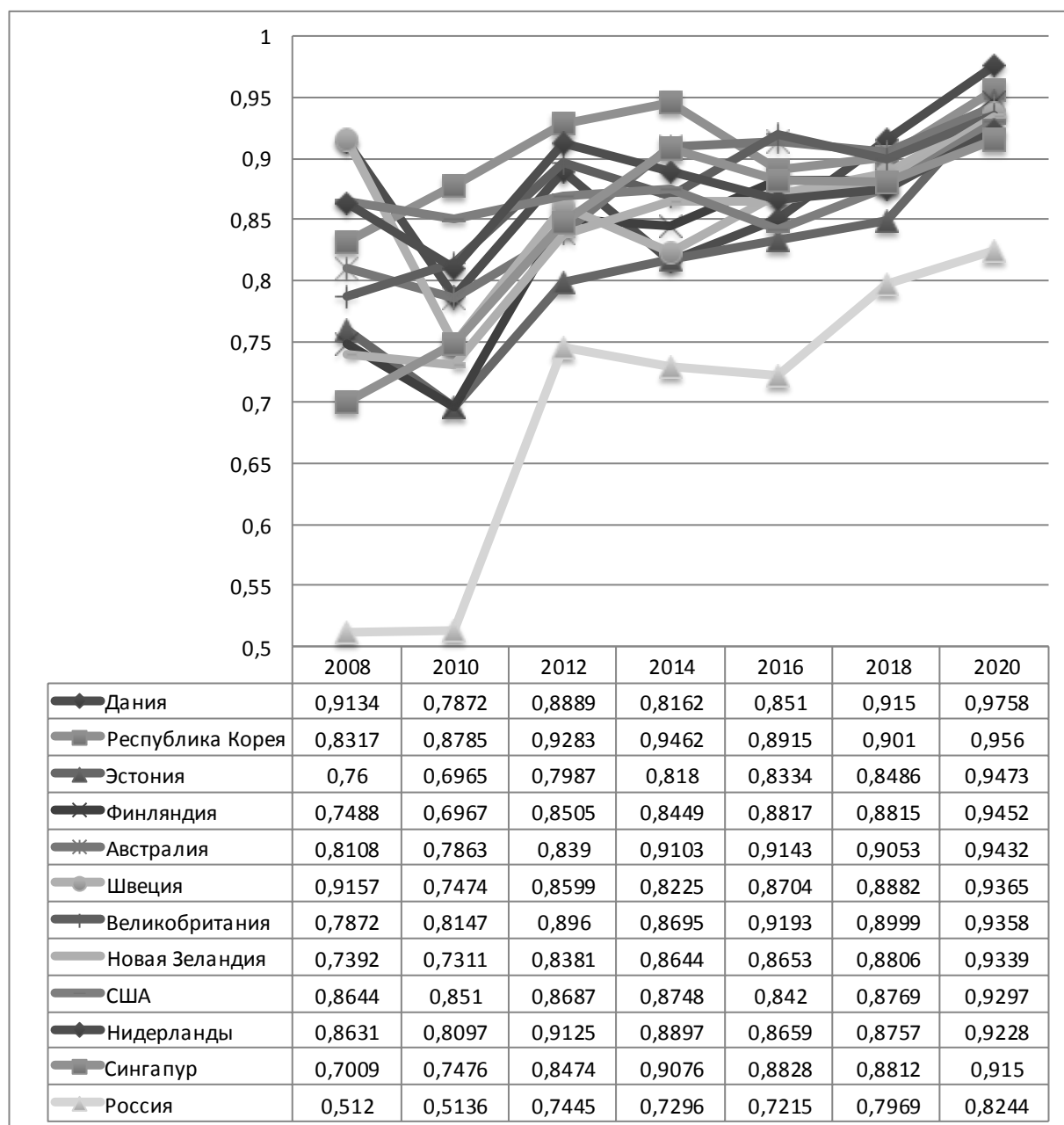

Рис. 2. Динамика индекса развития электронного правительства в странах мира¹

¹ Составлено по:

United Nations e-government survey 2020. Digital government in the decade of action for sustainable development. United Nations. New York, 2020. [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf);

United Nations e-government survey 2016. E-government in support of sustainable development. United Nations. New York, 2016. <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2016-Survey/E-Government%20Survey%202016.pdf>;

United Nations e-government survey 2014. E-government for the future we want. New York, 2014. https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf;

United Nations e-government survey 2012. E-government for the people. New York, 2012. <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012-Survey/Complete-Survey.pdf>;

United Nations e-government survey 2010. Leveraging e-government at a time of financial and economic crisis. New York, 2010. <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2010-Survey/Complete-survey.pdf>

Рис. 3. Изменение фокуса отчетов о развитии электронного правительства¹

В данном контексте можно говорить о движении к новой модели зрелости электронного правительства. Например, Jin Sangki связывает развитие электронного правительства не только с технологическим прогрессом, но и с социальным переходом к умному обществу (англ. smart society), которое отличается от информационного общества более эффективными, производительными и экономичными социальными системами и процессами, которые обеспечиваются интеллектуальными технологиями, а также высоким уважением человеческого достоинства и созданием ценностей путем объединения технологий и других секторов [6]. Ученый считает, что на более высоком уровне развития цифровое правительство, базирующееся на Web 3.0, в интеллектуальном обществе будет предоставлять интерактивные услуги на основе социальных сетей и поддерживать персонализированные и настраиваемые услуги, а не услуги, ориентированные на поставщиков, и превентивные схемы, а не временные или событийные меры. Электронное правительство в умном обществе должно играть новую роль как открытая площадка для сбора разнообразных знаний и мудрости для решения социальных проблем и создания новых ценностей [6].

По мнению Hendrik Scholta, Willem Mertens, Marek Kowalkiewicz, Jörg Becker, перспективы развития электронного правительства с использованием интеллектуальных решений связаны с переходом от концептуальной модели «услуги в одном окне», англ. one-stop-shop (используется единая точка доступа к электронным услугам и информации, предоставляемым различными государственными органами) к модели «услуги без окна», англ. no-stop-shop, где гражданин не должен совершать никаких действий или заполнять какие-либо формы для получения государственных услуг [7]. То есть формируется проактивная модель электронного правительства, характеризующая замену традиционного подхода к его деятельности, когда физическое или юридическое

¹ United Nations e-government survey 2020. Digital government in the decade of action for sustainable development. United Nations. New York, 2020. [https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20\(Full%20Report\).pdf](https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20(Full%20Report).pdf)

лицо должно сначала знать, решать и искать государственные услуги, новым подходом, когда органы государственной и муниципальной власти проактивно, беспрепятственно и точно в срок предоставляют информацию и услуги на основе потребностей, обстоятельств, личных предпочтений, жизненных событий и местоположения физических или юридических лиц [8].

Новые уровни развития цифровых механизмов государственного и муниципального управления связаны в настоящее время с использованием технологий искусственного интеллекта, интернета вещей и формированием умного цифрового правительства. Именно с этими векторами сопряжены актуальные приоритетные направления исследований в области развития цифрового механизма государственного и муниципального управления. Речь идет о создании не фрагментарных решений, а целостных схем внедрения интернета вещей и искусственного интеллекта в системы электронного правительства [9], выработка адекватных политических решений и решений в области кибер-безопасности и т. д.

Под умным правительством понимается формирование набора элементов электронного правительства для обеспечения эффективной деятельности и достижения устойчивости в сложной и неопределенной окружающей среде, включающего: открытость в принятии решений, открытый обмен информацией и ее использование, участие заинтересованных сторон и сотрудничество, а также улучшение государственных операций и услуг за счет использования интеллектуальных технологий, выступающих в качестве фасилитатора инноваций, устойчивости, конкурентоспособности и удобства для жизни [10].

Исследователи в настоящее время говорят о том, что выделяемые ранее стадии развития электронного правительства исчерпали себя, и новые цифровые суперсервисы позволят перейти к умному правительству, как новой стадии развития государственного и муниципального управления [11].

Как уже было отмечено ранее, развитие умного правительства тесно сопряжено с формированием «умных» объектов регулирования, например, умных городов [12]. То есть меняются и сами объекты управления в рамках систем цифровых правительств, что сопряжено с появлением целого комплекса интеллектуальных систем: умных городов, умных территорий умных образовательных систем, умных предприятий и т. д. Другими словами, фиксируется тренд на интеллектуализацию на всех уровнях социально-экономической системы, с одной стороны, только набирающий силу, с другой стороны, характеризующийся высокой скоростью происходящих изменений [13]. В подтверждение данного утверждения можно сказать о том, что, несмотря на новизну концепции умного города уже появилась концепция «Умный город 2.0», в основе которой децентрализованный, ориентированный на людей подход, при котором интеллектуальные технологии используются в качестве инструментов для решения социальных проблем, удовлетворения потребностей жителей и содействия совместному участию в развитии социума.

Таким образом, в настоящее время перспективы развития электронного правительства напрямую сопряжены с общими тенденциями развития цифровой экономики, отражающими проникновение сквозных цифровых технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности, формирование интеллектуальных объектов регулирования, использование цифровых данных для повышения эффективности управления на всех уровнях иерархии. Это определяет важность создания технологической, организационно-экономической и институциональной платформы формирования «умного» правительства для использования возможностей и нейтрализации угроз цифровой трансформации общества.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо», 2016. 285 с.
2. Рифкин Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
3. Глазьев С.Ю. О формировании идеологии перехода к новому мирохозяйственному укладу // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 7 (173). С. 46 – 61.
4. Стратегии, инструменты и технологии цифровизации экономики: монография / Южный федеральный университет. – Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. 224 с.
5. Yong J.S.L., Koon L.H. E-government: creating conditions for public sector reform/E-government in Asia: enabling innovation in public services in the 21st century, Times media, Singapore, 2003.
6. Sangki J. Vision of future e-government via new e-government maturity model: Based on Korea's e-government practices. Telecommunications Policy. 42. 2018. 860–871.
7. Scholta H., Mertens W., Kowalkiewicz M., Becker J. From one-stop shop to no-stop shop: An e-government stage model. Government Information Quarterly. 36. 2019. 11–26.

8. Linders, D., Liao, C. Z. P., & Wang, C. M. Proactive e-governance: Flipping the service delivery model from pull to push in Taiwan. *Government Information Quarterly*. 2015. Retrieved from <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X15300046>.
9. Kankanhalli A., Charalabidis Y., Mellouli S. IoT and AI for Smart Government: A Research Agenda. *Government Information Quarterly*. 36. 2019. 304–309.
10. Chatfield A.T., Reddick C.G. A framework for Internet of Things-enabled smart government: A case of IoT cybersecurity policies and use cases in U.S. federal government. *Government Information Quarterly*. 36. 2019. 346–357.
11. Lemke F., Taveter K., Erlenheim R., Pappel I., Draheim D., & Janssen M. Stage models for moving from E-government to smart government *Communications in Computer and Information Science*. Volume 1135 CCIS, 2020, 152-164.
12. Gil-Garcia J. R., Pardo T. A., & Aldama-Nalda A. Smart cities and smart governments: Using information technologies to address urban challenges. *ACM International Conference Proceeding Series*, 2013. 296-297. doi:10.1145/2479724.2479728
13. Trencher G. Towards the smart city 2.0: Empirical evidence of using smartness as a tool for tackling social challenges. *Technological Forecasting & Social Change*. 142. 2019. 117–128.

Nikitaeva Anastasia Yurievna, Doctor of Science in Economics, Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University (88, Maxim Gorky Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: aunikitaeva@sfedu.ru

RETROSPECTIVE AND PERSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT OF E-GOVERNMENT IN THE DIGITAL ECONOMY **Abstract**

The article deals with the issues of e-government development, taking into account the retrospective aspects of its establishment and promising directions of its transformation. It is determined that during the twenty years of development of e-government, there has been a transition from the use of information and communication technologies to improve the existing business processes to a conceptual change in the functioning of government bodies as a result of reengineering the activities of the state apparatus based on digital technologies. The main trends in the long-term development of e-government in the digital economy are the transition from e-government to digital government; the use of e-government capabilities to solve current socio-economic problems and neutralize threats; digital integration of the subject and object of management within smart territories.

Keywords: e-government, digital government, intellectualization of public administration, smart government, smart territory, digital integration, digital economy, sectoral structure of the economy, socio-economic systems.

References

1. SHvab K. CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M.: «Eksmo», 2016. 285 p.
2. Rifkin D. Tret'ya promyshlennaya revolyuciya: Kak gorizontal'nye vzaimodejstviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v celom. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 410 p.
3. Glaz'ev S.YU. O formirovaniy ideologii perekhoda k novomu mirohozyajstvennomu ukladu // *Ekonomicheskie strategii*. 2020. T. 22. № 7 (173). P. 46 – 61.
4. Strategii, instrumenty i tekhnologii cifrovizacii ekonomiki: monografiya / YUzhnyy federal'nyy universitet. – Taganrog: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. 224 p.
5. Yong J.S.L., Koon L.H. E-government: creating conditions for public sector reform/E-government in Asia: enabling innovation in public services in the 21st century, Times media, Singapore, 2003.
6. Sangki J. Vision of future e-government via new e-government maturity model: Based on Korea's e-government practices. *Telecommunications Policy*. 42. 2018. 860–871.
7. Scholta H., Mertens W., Kowalkiewicz M., Becker J. From one-stop shop to no-stop shop: An e-government stage model. *Government Information Quarterly*. 36. 2019. 11–26.
8. Linders, D., Liao, C. Z. P., & Wang, C. M. Proactive e-governance: Flipping the service delivery model from pull to push in Taiwan. *Government Information Quarterly*. 2015. Retrieved from <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X15300046>.
9. Kankanhalli A., Charalabidis Y., Mellouli S. IoT and AI for Smart Government: A Research Agenda. *Government Information Quarterly*. 36. 2019. 304–309.
10. Chatfield A.T., Reddick C.G. A framework for Internet of Things-enabled smart government: A case of IoT cybersecurity policies and use cases in U.S. federal government. *Government Information Quarterly*. 36. 2019. 346–357.
11. Lemke F., Taveter K., Erlenheim R., Pappel I., Draheim D., & Janssen M. Stage models for moving from E-government to smart government *Communications in Computer and Information Science*. Volume 1135 CCIS, 2020, 152-164.
12. Gil-Garcia J. R., Pardo T. A., & Aldama-Nalda A. Smart cities and smart governments: Using information technologies to address urban challenges. *ACM International Conference Proceeding Series*, 2013. 296-297. doi:10.1145/2479724.2479728
13. Trencher G. Towards the smart city 2.0: Empirical evidence of using smartness as a tool for tackling social challenges. *Technological Forecasting & Social Change*. 142. 2019. 117–128.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В РАМКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Романов Максим Сергеевич кандидат экономических наук, доцент кафедры административного управления, бухгалтерского учета и аудита, Сочинский государственный университет (354055, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94).
E-mail: romanovmaxim@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена особенностям управления персоналом в условиях цифровизации. Представлен обзор трансформации задач в процессе перехода управления персоналом в цифровую среду, выявлены основные уровни выгод от цифровизации, представлена их характеристика. Определены и классифицированы факторы, сдерживающие развитие цифровизированного управления персоналом. Обозначены ключевые аспекты сущности дефиниций «цифровые технологии в управлении персоналом», «цифровизация» и «цифровая трансформация», актуализированы цели цифровой трансформации в рамках системы управления персоналом. Исследована классификация цифровых трансформаций в рамках основных процессов управления персоналом, таким как набор персонала, текущая работа с персоналом.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, управление персоналом, уровни выгод, сдерживающие факторы, digital-технологии, цифровые платформы, цифровые компетенции, эффекты.

Несмотря на то, что термин «цифровые технологии» вошел в нашу жизнь относительно недавно, их роль становится актуальной, прежде всего в рамках цифровой трансформации экономических отношений и экономических субъектов. Эти технологии имеют сквозной характер с точки зрения универсального отраслевого использования, а также эффективного управления и обработки стремительно растущего объема данных в различных сферах и отраслях. Специфика цифровых технологий связана с принятием решений на основе фактических данных, а также контроля и снижения рисков при трансформации и оптимизации основных бизнес-процессов. Поэтому роль цифровых технологий была отмечена на самом высоком уровне. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» регламентирует преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая индустрию гостеприимства и ее важнейших секторов посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений.

По оценкам международных экспертов под влиянием цифровизации в мире в ближайшие 15-20 лет:

- могут исчезнуть 14% существующих рабочих мест;
- радикально изменятся 32% рабочих мест;
- повысится нестабильность рабочих мест и ускорится «вымывание» среднего класса;
- произойдет постепенное исчезновение долгосрочной занятости и др.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагает разработку и широкое использование во всех отраслях экономики цифровых технологий. В 2020 г. составлены соответствующие дорожные карты развития, которые включают планы (перечень мероприятий) для решения конкретных технологических задач, для ряда цифровых технологий. Одной из целей программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики, в том числе на цифровые технологии. На данном этапе затраты на цифровые технологии в нашей стране находятся на чрезвычайно низком уровне. Например, по оценкам IDC размер мирового рынка решений в сфере искусственного интеллекта в 2020 г. составил 1,4 трлн руб. В России этот рынок за тот же период немногим превысил 2 млрд руб. (0,15 % мирового рынка). В области технологий обработки больших данных российский рынок достиг 80 млрд руб. (0,7 % от мирового). Подобная ситуация сложилась в силу малых темпов цифровой трансформации в целом по стране и отсутствия соответствующего уровня зрелости. Цифровизация отраслей осуществляется неравномерно, основные процессы в большинстве случаев осуществляются в крупных компаниях с госучастием.

Основной проблемой является текущий низкий уровень цифровой зрелости большинства предприятий и организаций, а также требуемый высокий уровень инвестиций, необходимых на разработку и внедрения цифровых технологий [1, с. 51]. У большинства отечественных организаций таких ресурсов, как правило, нет. Например, внедрение искусственного интеллекта требует больших инвестиций не только в разработку, но также и в бизнес- и ИТ-услуги, поскольку необходимо адаптировать платформу под процессы отрасли и организации. Очевидно, что фокус на разработку доступных отечественных цифровых технологий является одним из стратегически важных направлений при развитии цифровой экономики в нашей стране, в том числе в рамках системы управления персоналом.

Переход управления персоналом в цифровую среду приводит к трансформации задач, базовых функций и самой структуры управления. Следует отметить, что необходимы цифровые трансформации, и в первую очередь по видам процессов в управлении персоналом, связанных с развитием, оценкой и аттестацией, а также с внутренней мотивацией.

В наиболее общем виде цифровизация подразумевает наличие специалистов, способных работать с цифровыми технологиями. Однако, в настоящее время главный барьер на пути развития цифровой экономики в России – недостаток квалифицированных кадров [2, с. 80].

По результатам исследования АПКИТ и Минкомсвязи России в 2020 году число ИТ-специалистов оценивалось в 1,8 млн – 2,5 % занятых. Это сравнимо с положением дел на рынке рабочей силы Италии (2,8 % ИТ-специалистов среди всех занятых), но намного меньше, чем в Финляндии (7,2 %) и Швеции (6,8 %). В среднем по странам ЕС этот показатель равен 3,9 %. Годовая потребность национальной экономики в ИТ-специалистах высшей квалификации в 2020 г. оценивалась в 222 тыс. чел., а в 2024 г. достигнет 290-300 тыс. чел. ИТ-специалистов средней квалификации при этом будет требоваться 76 и 90 тыс. соответственно.

Цифровая трансформация отраслей резко повышает востребованность профессионалов в области данных, особенно это касается искусственного интеллекта и машинного обучения.

Количество вакансий для специалистов, владеющими технологиями работы с большими данными (исследователей данных, «data scientist»), на сайте крупнейшей в России рекрутинговой онлайн-службы hh.ru ежегодно удваивается [3, с. 128].

Все это говорит о том, что цифровые трансформации, в частности в управлении персоналом, выходят на передний план в системе устойчивого развития важнейших отраслей и сфер деятельности национальной экономики. Необходимо отметить, что уровень цифровизации отдельных отраслей отличается большой неравномерностью [4, с. 374]. К примеру, такие сектора экономики РФ как информационно-коммуникационные технологии и медиа, система образования, финансовая сфера по степени цифровизации очень близко приближены к мировым показателям, однако, добывающие отрасли, промышленность и транспорт пока находятся в отстающих.

Однако существующий по ряду направлений обмен электронной базой данных позволяет уже в настоящее время значительно эффективнее подходить к использованию ресурсов, совместному использованию инфраструктуры, то есть применять элементы экономики взаимопомощи, или так называемой экономики совместного потребления и обеспечения [5, с. 9], которая уже приближается к 150 млрд долл., что приводит к значительным трансформациям в экономической системе в целом (рис. 1).

Многие эксперты отмечают, что цифровизация многих видов деятельности может послужить не сокращению, а росту социального неравенства. Именно поэтому необходимо заранее проводить продуманную политику в сфере образования, разрабатывать комплексные программы переквалификации кадров и непрерывного обучения, особенно в сфере ИТ-технологий и программирования. В России, как и во всем мире, существует острый дефицит программистов. В ближайшие годы, по некоторым оценкам, число незанятых вакансий для программистов в российских компаниях может достичь миллиона.

Зарплаты программистов в России варьируются в зависимости от опыта. В больших городах медианная зарплата ИТ-специалиста в 2020 г. составляла 92 000 руб. Зарплата начинающего специалиста – 46 000 руб.

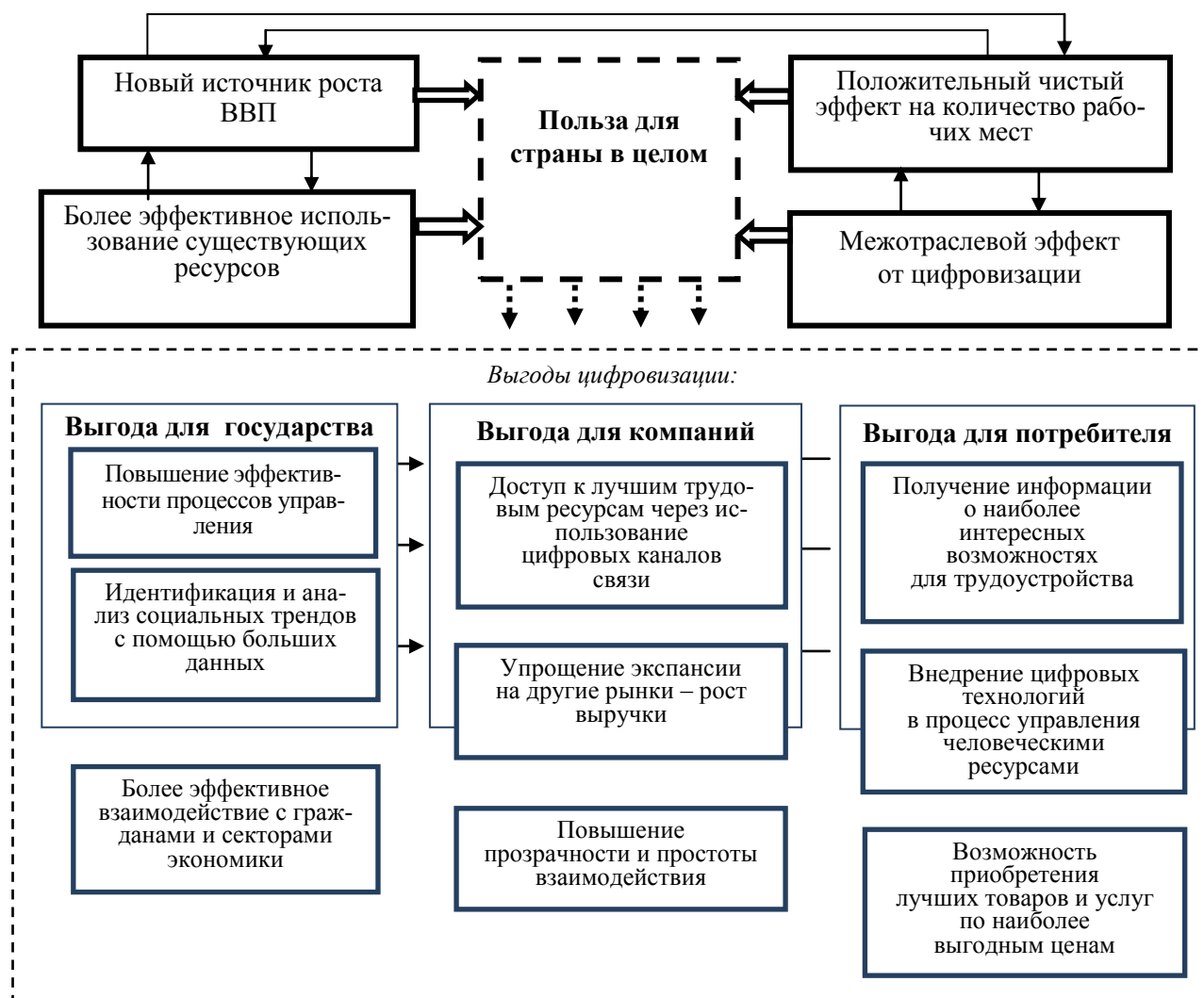

Рис. 1. Уровни выгод от цифровизации

По данным Минобрнауки РФ, в России в настоящее время увеличивается прием на бюджетные места по программам бакалавриата в сфере ИТ и по математическим наукам. За 2018 – 2020 гг. фактический прием на эти специальности вырос с 48,1 до 52,8 тыс. чел. (ежегодный прирост 4,8 %) при целевом показателе федерального проекта 2020 года в 50 тыс. На 2021 – 2022 гг. запланирован прием 60 тыс. абитуриентов (увеличение более чем на 15% по сравнению с фактическим приемом 2020 г.). Вместе с тем, изданный приказ Минобрнауки России от 13 марта 2020 г. № 295 установил объем контрольных цифр приема по программам бакалавриата и специалитета в сфере ИТ и по математическим наукам на 2021/2022 уч. год 73 тыс. при целевом показателе 80 тыс., что говорит о фактическом неисполнении показателя федерального проекта.

Но пока наблюдается явный недостаток бюджетных мест в учебных заведениях регионов, а некоторые актуальные направления подготовки в сфере цифровых технологий требуют серьезной доработки. Также в целом отсутствует утвержденный развернутый перечень компетенций цифровой экономики и методика их независимой оценки.

По базовому набору специальностей и направлений подготовки для цифровой экономики в сфере ИТ, предварительно предложенному Центром компетенций по кадрам для цифровой экономики, выпуск бакалавров, специалистов и магистров вузами и специалистов среднего звена в системе среднего профессионального образования по «цифровым» специальностям составляет немногим более 100 тыс. (около 7 % общего выпуска в стране), т.е. как минимум вдвое меньше целевых показателей федерального проекта.

Таким образом, цифровые трансформации бизнес-процессов, ориентированные на компетенции цифровой экономики позволяют модернизировать работу с персоналом, повышая

тем самым эффективность и результативность деятельности предприятия, устойчивость к быстро меняющимся условиям внешней среды. Наиболее известными digital-технологиями являются следующие [6, с.11]:

- распространение широкополосного доступа в интернет (ШПД), который обеспечивает доступ персонала к ключевым информационным ресурсам и сервисам и бесперебойную передачу данных в рамках взаимодействия экономических субъектов с использованием цифровых платформ;

- развитие инфраструктуры 5G, опытные сети которой уже действуют в Иннополисе и Сколково. Успешные тесты 5G прошли во время Чемпионата мира по футболу в 2018 г. Например, «Мегафон» использовал 5G при трансляциях матчей в Москве в режиме виртуальной реальности (VR). В 2019 году операторы реализовали 15 пилотных проектов 5G в Москве, Санкт-Петербурге и Сочи;

- развитие инфраструктуры интернета вещей. Интернет вещей потенциально является основным генератором данных в рамках цифровой экономики. По данным IDC, объем рынка данной технологии в России в 2019 г. составил 3,7 млрд долл., а среднегодовой темп роста рынка Интернет вещей в период с 2018 г. до конца 2023 г. составит 19,7 %. Согласно результатам опроса, проведенного компанией в рамках исследования «Возможности и тенденции интернета вещей: углубленный анализ российского рынка», более 50 % компаний уже внедрили или планируют в течение 12 месяцев завершить проекты внедрения решений с использованием данной технологии. Однако, индустрия интернета вещей в России пока находится на начальных этапах развития, что связано с отсутствием государственной программы поддержки данного сегмента. В частности, на сложившуюся ситуацию влияют несколько факторов: низкий уровень технологий связи, недостаточное количество сертификационных испытаний, неуверенность в эффективности внедрения технологий Интернет вещей;

- инфраструктура хранения и обработки данных. Инфраструктура хранения и обработки данных в первую очередь предполагает использование различных сервисов для эффективного и бесперебойного запуска цифровых платформ. Прежде всего, речь идет об облачных технологиях, в частности, инфраструктура как сервис (IaaS) и платформа как сервис (PaaS). Сочетание этих сервисов является важным для функционирования цифровой экономики, позволяет оперативно подключать необходимые вычислительные ресурсы, обеспечивает более быструю разработку и запуск необходимых приложений при разработке цифровых платформ. Тем не менее, отечественный крупный бизнес пока не очень активно идет в облако, предпочитая инвестировать в собственные информационные ресурсы. В то же время малый и средний бизнес используют в основном простой IaaS-функционал для собственных нужд, что позволяет сформировать удобную для персонала цифровую среду;

- платформы идентификации, наличие которых является критичным для безопасного использования ключевых цифровых государственных и коммерческих сервисов.

Быстрое развитие цифровизированного управления персоналом сдерживается рядом факторов, к которым можно отнести:

- а) историко-культурные (многонациональность страны, размеры ее территории и различия в уровне подготовленности персонала; недостаточный опыт и отсутствие системности в управлении персоналом);

- б) экономические (недостаточность средств на внедрение цифровых технологий; дифференциация в заработной плате руководителей и подчиненных);

- в) административные (авторитарный стиль управления; недостаток или отсутствие долгосрочных планов и стратегий развития).

Тем не менее, несмотря на сдерживающие факторы, под воздействием цифровых технологий и цифровых трансформаций в управлении персоналом поменяются правила игры на рынке труда и изменятся традиционные трудовые отношения между работниками и работодателями. Повысится необходимость разработки новых норм и правил для регулирования взаимодействия между работниками и работодателями, занятости и оплаты труда, мотивации и оценки персонала, социальной защищенности и др.

Может измениться и сам характер и организация труда, поскольку уже набирают обороты цифровые платформы и дистанционная занятость [7, с. 131], стимулы для работников и методы контроля над их деятельностью и др., расширится применение нетрадиционных форм

найма, отбора и продвижения работников, моделей оплаты труда, карьерных стимулов и моделей карьерного роста персонала внутри и за пределами предприятий и организаций. Меняется также содержание, формы и способы обучения, повышается скорость обучения и переобучения работников.

Таким образом, особенностью управления персоналом в рамках цифровизации являются процессы, определяемые непосредственным использованием цифровых технологий и цифровых трансформаций. Несмотря на кажущееся сходство данных категорий, каждая из них имеет свои особенности и структуризацию. Для понимания сущности дефиниций «цифровые технологии в управлении персоналом», «цифровизация» и «цифровая трансформация» представляются важным рассмотреть трактовку данных понятий.

Цифровые трансформации, по мнению Акаткина Ю.М., – это «комплекс методов и инструментов, которые направлены на поддержание внедрения и реализации конкретных цифровых платформ» [8, с.38].

Голянич В.М. и Кудрявцева Е.И. считают, что «в управлении персоналом цифровизация направлена на создание удобной цифровой среды для сотрудников, главной целью которой является сокращение затрат времени и усилий для получения результата» [9, с. 12].

По нашему мнению, между понятиями «цифровизация», «цифровая трансформация», «цифровые технологии» существуют принципиальные различия, особенно, если это касается системы управления персоналом.

Автор считает, что *цифровизация в управлении персоналом*, в наиболее общем виде представляет собой формирование удобной цифровой среды для персонала предприятия, где происходит перевод отдельных видов деятельности и существующих бизнес- процессов в цифровой формат. Кроме того, цифровизация управления персоналом предполагает использование цифровых технологий, позволяющих осуществлять сервисное взаимодействие субъектов управления персоналом и интеграции их взаимодействия.

Цифровая трансформация – это комплекс преобразований в управлении персоналом, включая изменение структуры управления на основе цифровых технологий.

Большинство исследователей в качестве барьеров к цифровой трансформации указывают нехватку кадров, финансовых ресурсов и непонимание эффектов цифровой трансформации [10, с. 77].

Предпосылкой цифровых трансформаций является, как правило, система определенных факторов, формируемых внешней и внутренней средой организаций, а также имеющимися возможностями и ресурсами.

К макрофакторам возможно отнести факторы цифровой трансформации и HR-трендов, усиливающейся конкуренцией на рынке, а также быстро изменяющимися самими рыночными условиями и т.д.

Микрофакторы предполагают условия и факторы, диктуемые отставанием показателей роста производства, сокращением затрат на персонал, дефицитом цифровой грамотности, отставанием производительности труда. Что касается возможностей и ресурсов для внедрения цифровых трансформаций, то следует исходить из инициативы со стороны руководства, наличия компетенций и современных персонал-цифровизаций в сфере внедрения цифровых технологий.

Цели цифровой трансформации в системе управления персоналом в значительной степени определяют содержание стратегии цифровой трансформации, портфель цифровых инициатив, необходимые инвестиции в цифровую трансформацию и достигаемые эффекты (табл. 1).

Цифровая трансформация в управлении персоналом, в большинстве случаев, сопровождается разработкой цифровой платформы, обслуживаемой, как правило, сервисным интегратором, который обеспечивает взаимодействие с цифровыми технологиями.

Цифровые технологии или Digital-технологии – это технологии, применяемые в цифровом формате для оптимизации деятельности персонала в области планирования и набора персонала, его использования, развития, оценки и мотивации.

Цифровые технологии в сфере управления персоналом в основном базируются на таком инструменте управления персоналом, как «Персонал-цифровизация», под которой автор понимает механизм и способы взаимодействия персонала с цифровыми технологиями.

Цели цифровой трансформации системы управления персоналом

Типовые цели цифровых трансформаций	Краткое описание
Повышение конкурентоспособности услуг предприятий и организаций за счет оптимизации управления персоналом	1. Вывод новых услуг с использованием цифровых технологий. 2. Переход на новые бизнес-модели с использованием цифровых технологий для сохранения конкурентных позиций или для повышения уровня сервиса для потребителей.
Повышение качества бизнес-решений персонала	Сбор новых данных и перевод существующих данных в цифровой формат, внедрение инструментов аналитики данных для целей: – оценки деятельности персонала; – повышения качества принимаемых бизнес-решений и исключение человеческих ошибок.
Применение цифровых платформ управления персоналом	1. Реализация цифровых Digital- технологий. 2. Формирование цифровой обработки данных на основе компетентностного подхода
Повышение уровня «жизнеспособности» управления персоналом в цифровом формате	1. Цифровая, культурная, организационная и часто операционная трансформации для качественного изменения управления персоналом: – скорость и гибкость бизнес-процессов в использовании персоналом ресурсов организации; – быстрая реакция на изменение внешних условий; – клиентоориентированность. 2. Наличие современных IT-инструментов.

В свою очередь в основе формирования «Персонал-цифровизаций» заложен компетентностный метод, предполагающий наличие у сотрудников определенного уровня знаний и компетенций для выполнения задач цифровой трансформации процессов управления персоналом.

В наиболее общем виде понятие «цифровые компетенции» возможно интерпретировать в качестве способности персонала использовать свой опыт, знания, навыки а также личные качества в целях эффективного и результативного применения цифровых технологий. Структура цифровых компетенций определяется следующим составом: поиск и критическое восприятие информации, использование облачных технологий, синхронизация цифровых устройств, использование в работе социальных сетей, информационно-коммуникационных технологий и пр.

Под компетентностным методом понимается система аналитической оценки, которая позволяет выявить соответствие потенциала персонала целям развития организации в условиях цифровой трансформации исходя из приоритетности отдельных направлений, оцениваемых экономическими эффектами. Направления оценки эффектов цифровизированного управления персоналом должны охватывать эффективность работы персонала, эффективность работы HR-службы в целом и ее отдельных подразделений, а также эффективность и целесообразность реализации отдельных HR-проектов. На основе расчета данных эффектов становится возможным отследить реальную картину управления персоналом организации, выявить наиболее уязвимые места и оперативно принять соответствующие управленческие воздействия.

Таким образом, цифровизированное управление персоналом – это собирательное понятие в системе управления, включающее иерархию в цифровизации управленческого функционала, направленное на создание удобной цифровой среды для сотрудников. Иными словами, цель цифровизации предполагает взаимодействие различных сфер управления персоналом с возможностями цифровых трансформаций и цифровых технологий в целях повышения эффектов цифровизированного управления персоналом на разных этапах.

Внедрение цифровизированного управления персоналом всегда сопряжено с вложением ресурсов, ключевыми из которых являются такие как:

- бюджет и модель финансирования HR-технологий и IT-инструментов;

- появление и развитие цифровых платформ;
- формирование портфеля цифровых решений;
- наличие необходимой цифровой инфраструктуры;
- интенсификация сбора и аналитики данных;
- вовлеченность сотрудников в цифровую трансформацию и развитие цифровой культуры;
- наличие автоматизированной системы принятия решений управления персоналом;
- адаптация персонала к новым форматам работы и моделям развития компетенций.

На сегодняшний день классификация цифровых трансформаций в системе управления персоналом так и не обрела ясного подхода. Цифровые технологии классифицируются в современной научной литературе по различным признакам.

Автором исследована классификация цифровых трансформаций в рамках основных процессов управления персоналом, таким как набор персонала, текущая работа с персоналом, оценка и аттестация персонала, развитие и высвобождение персонала. Так, к примеру, область набора персонала предполагает следующие основные цифровые технологии:

- Цифровой Headhunting – подбор персонала редких специальностей с применением информационно-коммуникационных технологий;
- Exclusivesearch – подбор персонала по заданным компетенциям на основе облачных технологий;
- Experium – профессиональный подбор персонала, позволяющий автоматизировать деятельность рекрутинга;
- Прелиминаринг – поиск специалистов среди проходящих практику или стажировку перспективных сотрудников;
- Скрининг с использованием дистанционных технологий, в соответствии с которым производится процесс отбора из имеющихся резюме кандидатов;
- Recrutic – облачная платформа для подбора персонала и взаимодействия с кандидатами.

Что касается текущей работы с персоналом, то можно отметить следующие цифровые технологии:

- Грейдинг, KPI, которые выявляют прямое соответствие деятельности персонала с конечными результатами предприятия, мотивация работников на достижение прибыли и рентабельности;
- Mirapolis HCM направлен на повышение эффективности управления и текущей работы с персоналом (HR-процесса);
- Цифровой HR нацелен на автоматизацию кадрового делопроизводства и формирование штата сотрудников с требуемым уровнем компетенций.

Таким образом, современные тенденции усиления значимости цифровых трансформаций позволяют говорить о главенствующей роли персонала и его цифровизированного управления. В этой связи возникает необходимость разработки структуры цифровизированного управления персоналом, выявления влияния цифровизации на HR-процессы в современных отраслях и сферах деятельности.

Процесс цифровых трансформаций в рамках управления персоналом должен быть применим к любому бизнес-процессу, однако особую важность приобретают цифровые технологии при поиске, найме, адаптации, поощрении и обучении персонала.

Литература

1. Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н. Некоторые особенности развития цифровой экономики // Энергетическая политика. 2017. № 5. С. 49 – 57.
2. Бородай В.А. Проблемы диджитализации HR-процессов в сфере сервиса / В сб.: Высокие технологии и модернизация экономики: достижения и новые векторы развития Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. 2017. С. 78 – 85.
3. Цифровая трансформация российского бизнеса: монография / А.И. Позмогов, И.Э. Гергиев, Н.А. Мардеян, З.П. Гассиева, З.О. Цораев, И.А. Позмогов; под ред. А.И. Позмогова. М.: Русайнс, 2019. 456 с.
4. Дубинина М.Г. Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах России // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 3. С. 368 – 399.
5. Авдокушин Е.Ф., Белова Л.Г. Экономика совместного потребления – формирующийся сегмент новой экономики. Часть 1 // Вопросы новой экономики. 2018. № 2 (46). С. 4 – 14.

6. Нестеренко Е.А., Козлова А.С. Направления развития цифровой экономики и цифровых технологий в России // Экономическая безопасность и качество. 2018. №2 (31). С.9 – 14.
7. Трегубова В.М. Формирование информационных ресурсов предприятия на базе интернет-технологий // Социально-экономические явления. Тамбов, 2012. № 5-6. С. 128 – 134.
8. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Дата-центричность и семантическая интероперабельность /Препринт/. М.: ДПК Пресс, 2018. 48 с.
9. Голянич В.М., Кудрявцева Е.И. Инновационные технологии в кадровом менеджменте // Управленческое консультирование. 2013. № 2(50). С. 5 – 16.
10. Левченко Т.П. Проблемы развития рынка туристских услуг в условиях цифровой экономики // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 7-2 (41). С. 75-78.

Romanov Maxim Sergeevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Administration, Accounting and Auditing, Sochi State University (94, Plastunskaya St., Sochi, 354055, Russian Federation). E-mail: romanovmaxim@mail.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT WITHIN DIGITALIZATION

Abstract

The article is devoted to peculiarities of personnel management in conditions of digitalization. An overview of the transformation of tasks during the transition of personnel management to the digital environment is presented, the main levels of benefits from digitalization are identified, their characteristics are presented. Factors that hinder the development of digitalized personnel management have been identified and classified. Key aspects of the essence of the definitions of "digital technologies in human resources management," "digitalization" and "digital transformation" are outlined, the goals of digital transformation within the framework of the human resources management system are updated. We investigated the classification of digital transformations in the framework of the main human resources management processes, such as recruitment, ongoing work with personnel.

Keywords: digitalization, digital transformation, human resources management, benefit levels, constraints, digital technologies, digital platforms, digital competencies, effects.

References

1. Bestuzheva O.YU., Vershinskaya O.N. Nekotorye osobennosti razvitiya cifrovoj ekonomiki // Energeticheskaya politika. 2017. № 5. P. 49 – 57.
2. Borodaj V.A. Problemy didzhitalizatsii HR-processov v sfere servisa / V sb.: Vysokie tekhnologii i modernizatsiya ekonomiki: dostizheniya i novye vektory razvitiya Sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. P. 78 – 85.
3. Cifrovaya transformatsiya rossijskogo biznesa: monografiya / A.I. Pozmogov, I.E. Gergieva, N.A. Mardeyan, Z.P. Gassieva, Z.O. Coraev, I.A. Pozmogov; pod red. A.I. Pozmogova. Moskva: Rusajns, 2019. 456 p.
4. Dubinina M.G. Neravnomernost' razvitiya cifrovoj ekonomiki v federal'nyh okrugah Rossii // Upravlenie naukoy i naukometriya. 2019. T. 14. № 3. P. 368 – 399.
5. Avdokushin E.F., Belova L.G. Ekonomika sovместnogo potrebleniya – formiruyushchiysya segment novoy ekonomiki. CHast' 1 // Voprosy novoy ekonomiki. 2018. № 2 (46). P. 4 – 14.
6. Nesterenko E.A., Kozlova A.S. Napravleniya razvitiya cifrovoj ekonomiki i cifrovyyh tekhnologiy v Rossii // Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo. 2018. №2 (31). P. 9 – 14.
7. Tregubova V.M. Formirovaniye informatsionnykh resursov predpriyatiya na baze internet-tekhnologiy // Social'no-ekonomicheskie yavleniya. Tambov, 2012. № 5-6. P. 128 – 134.
8. Akatkin YU.M., YAsinovskaya E.D. Cifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya. Data-centrichnost' i semanticheskaya interoperabel'nost' /Preprint/. M.: DPK Press, 2018. 48 p.
9. Golyanich V.M., Kudryavceva E.I. Innovatsionnye tekhnologii v kadrovom menedzhmente // Upravlencheskoe konsul'tirovaniye. 2013. № 2(50). P. 5 – 16.
10. Levchenko T.P. Problemy razvitiya rynka turistskiykh uslug v usloviyakh cifrovoj ekonomiki // Evraziyskoe Nauchnoye Ob"edineniye. 2018. № 7-2 (41). P. 75 – 78.

ВНЕДРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ

**Соловцов
Алексей
Олегович** эксперт по цифровизации, директор ООО «ФОРПОСТ»,
депутат Тираспольского городского Совета народных депутатов
(Приднестровье, г. Тирасполь). E-mail: a@solovtsov.ru

Аннотация

Восприятие процессов управления земельными ресурсами как исключительно субъект-объектных, претерпевает существенные изменения. В ряде исследований современных авторов отмечаются социальные и социально-психологические механизмы управленческого взаимодействия. Не только разработка, но и апробация и внедрение новых управленческих технологий находятся в фокусе внимания исследователей и практиков. Таким образом, исследования управления земельными ресурсами раскрывают мультидисциплинарный характер исследовательских поисков в этой предметной области. Взаимосвязанность управленческого процесса с социальными, экономическими, политико-правовыми факторами раскрывается при анализе эволюции, состояния и трансформации земельно-имущественных отношений, внедрении новых технологических решений в эту сферу.

Ключевые слова: внедрение, внедренческий аспект управления, управление, управление земельными ресурсами, управленческие технологии, менеджмент, земельные ресурсы, цифровизация, централизация.

В экономической науке понятие управления и конкретизация его отдельных аспектов в достаточной степени определены, описаны и систематизированы, за исключением отдельных особенностей современного развития управления, таких как воздействия информационных цифровых технологий.

Проводя сравнение категорий «управление» и «менеджмент», Колношенко В.И. приходит к выделению характеристик управления как человеческой деятельности с точки зрения ряда признаков, таких как структура, которой присуща иерархичность и строгость, научность, что подтверждается возможностью реализации на основе эмпирического опыта, масштаб реализации на любом уровне и др. [1]

Не заостряя внимание на принципиальных отличиях менеджмента и управления, следует отметить, что управление может носить как субъект-объектный характер, так и субъект-субъектный.

В зависимости от того, какой характер носит управление, в какой сфере применяется управленческий инструментарий, формируется специфика управленческих технологий.

Технологизация управленческого процесса предполагает дробление и регламентацию, где дробление предполагает разделение на отдельные операции и процедуры, а регламентация – порядок их выполнения, где технический процесс управления может осуществлять циклично, последовательно, параллельно или в ином порядке [2].

Понимая управление как целенаправленную деятельность, выраженную в воздействии на элементы управляемой системы с целью достижения нужного результата, субъект-субъектный характер выражает нелинейность процессов управления, где достичь полной автоматизации не представляется возможным.

Процесс управления синтезирует в себе три процесса: выработка и принятие управленческого решения, воздействие на объект управления и информационное обеспечение на всех этапах управления. Именно операционализация различных функций этих процессов формирует технологичность управления.

В своей работе Безудная А.Г., Герасимов К.Б., дают достаточно интересную интерпретацию технологий управления на примере управленческих процессов предприятия. Они выделяют технологии отдельных элементов управления, таких как технологии принятия управленческих решений, технологии собственно управленческой деятельности, технологии корпоративного управления и др. [3]

Управление земельными ресурсами представляется управленческим процессом ярко выраженного субъект-объектного характера, где земельные ресурсы выступают объектами управленческого воздействия.

Но реальная практика управления показывают свою специфику.

Если земельные ресурсы действительно выступают в качестве объекта управления, то вот воздействие на этот объект осуществляется различными субъектами в разной степени подчиненности друг другу.

Пытаясь систематизировать методы управления земельными ресурсами, Свитин В.А., выявляет и описывает семь методов, увязывая их с механизмами и функциями управления. Эти методы – политический, экономический, административно-правовой, экономико-технологический, технико-технологический, организационно-распорядительный, социально-психологический; а их применение в комбинации в реальной управленческой практике зависит от конкретных задач управления в конкретной ситуации [4].

Следует отметить, что понятие метода в данном контексте более общее, в то время как технология предполагает описание конкретного алгоритма и механизмов управленческого воздействия.

Среди перечисленных методов выделяется социально-психологический, который предполагает субъект-субъектный характер взаимодействия, чем подчеркивается более развернутый взгляд на управление земельными ресурсами.

Формирование технологизации управленческих процессов в сфере земельных ресурсов еще больше актуализировалась в условиях цифровой экономики.

Цифровые информационно-коммуникационные инструменты призваны упростить управление, также как и другие виды взаимодействия субъектов земельно-имущественных отношений, но очевидно, что складываются определенные трудности как при разработке, так и при внедрении новых управленческих технологий и механизмов в практическую управленческую деятельность.

Гончарова А.А. акцентирует внимание на внедрении научно-исследовательских разработок в агропромышленном комплексе Республики Беларусь, близкой по российскому управленческому опыту, отмечая при этом необходимость совершенствования нормативно-правового, организационно-управленческого инструментария [5].

Внедренческий аспект управления подразумевает, в первую очередь, создание экономических, правовых, социальных рычагов, которые позволят стимулировать субъекты земельно-имущественных отношений к рациональному использованию земельных ресурсов.

Обобщая имеющиеся подходы к определению содержания понятия рационального использования земельных ресурсов, особо отмечается достижение экономического и экологического эффекта, где экономический эффект подразумевает получение запланированных результатов производства, а экологический эффект – сохранение ландшафта, его природных и биолого-почвенных характеристик.

С точки зрения формирования социальных рычагов воздействия на субъекты земельно-имущественных отношений, следует обратить внимание на повышение их социальной компетентности.

Социальная составляющая остается земельно-имущественных отношений остается наименее изученной. В тоже время, в рамках социально-экологического подхода сформировано представление об ответственном отношении к окружающей среде, природоориентированному поведению, что является важной составляющей в структуре социальной ответственности управляющих субъектов.

Как представляется автору, для формирования рычагов внедрения новых управленческих технологий, в том числе и цифровых, поможет социологический инструментарий, сфера применения которого заключается как в диагностике состояния субъектов земельно-имущественных отношений (анкетирование и опросы), так и построения сценариев, прогнозного фона (метод Дельфы, экстраполяции).

В качестве опыта подобных исследований можно привести исследования Римского клуба, которые позволяли делать комплексные прогнозы на основании синтеза результатов исследований экологического, экономического, социального факторов.

Социальная ответственность и корпоративная социальная ответственность в поведении земельно-имущественных отношений как государства, так и бизнеса, и граждан, представителей местного сообщества, должна быть подкреплена не только теоретическими концепциями, носящими характер схоластики, но и аргументироваться с точки зрения количественно измеримых показателей.

Тем поразительнее, что практически не обнаружить в открытом доступе результатов социологических исследований, их интерпретации и первичных данных.

В то время как исследование общественного мнения предваряют внедрение управленческой технологии, сигнализируя о возможных ошибках и рисках, то российский опыт имеет дело с исследованием последствий внедрения управленческих технологий и решений, которые были реализованы в нормативном порядке.

Помимо понимания категории ответственности как социально-нравственного понятия и принципа, который должны соблюдать субъекты управления земельными ресурсами и на основании которых разрабатывать и внедрять управленческие технологии, есть более конкретное и формализованное понимание ответственности с точки зрения права.

Волкова Т.В., исследуя механизмы управления земельными ресурсами, приходит к выводу, что динамика развития земельных отношений, приводит к устареванию действующего законодательства и его неспособности юридически обеспечить новые механизмы управления земельными ресурсами. Как рычаг воздействия правовое регулирование упорядочивает и стабилизирует общественные отношения [6].

Правовые рычаги представляют собой один из самых доступных инструментов внедрения новых управленческих технологий. Отдельные положения, механизмы управленческой практики, подкрепленные опытом, возможно уже институционализировались на уровне неформальных отношений, могут быть закреплены принятой юридической нормой.

Юридическая норма в этом случае выступает регулятором экономико-управленческих хозяйственных отношений.

Тезисно описывая экономические рычаги, необходимые для эффективного управления земельными ресурсами, Козлова С.В. называет активизацию сделок на рынке земли и иной недвижимости, создание благоприятного делового климата и рост объемов инвестиций в реальный сектор экономики под гарантии прав на недвижимость, принятие эффективных решений по территориальному планированию и распоряжению земельными участками и прочно связанными с ними объектами недвижимости [7].

Более детально анализируя опыт внедрения инноваций в управление землями сельскохозяйственного назначения в регионах, Клипина Е.А. выделяет три основных направления, или типа инноваций – многообразие форм собственности, которое может быть предусмотрено на муниципальном и региональном уровне, использование экономического показателя как объекта для налогообложения, кредитования, инвестирования и др., формирование новых структур управления с учетом информационно-консультационных систем [8].

Для отечественной управленческой практики характерно стремление к централизации и административно-командной системе. Это подчеркивается попыткой автоматизировать управленческие операции, что на данном этапе развития цифровизации в сфере земельных ресурсов не представляется возможным. Как и отмечалось выше, особенности местных формальных и неформальных правил и механизмов управления и взаимодействия между субъектами земельно-имущественных отношений оказывают свое влияние.

Но в этом стоит искать и свои преимущества.

Так, анализируя опыт муниципальной власти в управлении земельными ресурсами, Плахина А.С. отмечает, что полномочия местных властей, закрепленные в нормативно-правовых документах, можно признать достаточными. Она же при этом отмечает, что мониторинг состояния земельных ресурсов, проведение землеустроительных работ, предполагают финансовые траты, которые, зачастую, не внесены в их бюджет [9].

Внедрение новых технологий естественным образом затрудняется отсутствием средств на их реализацию.

Тем не менее, автором предлагается подход к содержанию внедренческого механизма управления земельными ресурсами.

Специфику земельных ресурсов, а также субъектов, задействованных в их управлении, лучше всего представляют органы управления, в юрисдикции которых находятся земельные ресурсы.

Схема внедренческого механизма в своей основе предполагает несколько рычагов воздействия, тезисно обозначенных выше.

Содержание внедренческого аспекта представлено в табл. 1.

Механизмы внедрения технологий управления земельными ресурсами

Механизмы	Содержание принимаемых мер
Социальные	Исследование общественного мнения, потребностей местного сообщества
	Образовательно-просветительская деятельность, в том числе повышение экономической активности, распространение знаний о юридических и экологических сторонах землепользования
Информационно-коммуникационные	Цифровые платформы для упрощения управленческих процессов
	Создание баз данных, статистический учет
	Построение математических моделей ожидаемого экономического эффекта и рационального использования земель
Юридические	Регламентация, установление инструкций и норм, контроль за соблюдением федерального законодательства
Экономические	Разработка предложений частно-государственного партнерства, иных методов стимулирования

Раскрывая содержание данных механизмов с точки зрения внедренческого аспекта, отмечаем их взаимосвязанность. Социальные механизмы подразумевают широкий комплекс мероприятий исследовательского, просветительского, образовательного, коммуникативного характера, способствующие вовлечению населения (местного сообщества) в разработку и (или) коррекцию предлагаемой к внедрению управленческой технологии. Они носят и диагностический характер, давая эмпирическую информацию о готовности населения и восприимчивости к нововведениям.

Полученная информация систематизируется, хранится и распространяется. Также информационно-коммуникационные технологии предполагают создание информационно-аналитических систем как технической основы внедрения.

Осознавая имеющиеся возможности внедрения, принимается управленческое решение, которое фиксируется в регламентирующих документах, формально институционализируя управленческую технологию, как новую форму отношений.

На всех этапах внедрения управленческой технологии, она экономически обосновывается как с точки зрения финансовых возможностей для апробации и внедрения, так и с точки зрения минимизации издержек.

По мнению автора, для соблюдения принципа комплексности при работе внедренческого механизма в управлении земельными ресурсами, перспективно выбрать для апробации уровень местного самоуправления для адаптации отдельных подходов менеджмента в виде мотивации и стимулирования.

Представленная модель скорее является описанием внедренческого аспекта управления земельными ресурсами и обозначением отдельных направлений, позволяющих реализовать его в управленческой практике.

Частным примером, иллюстрирующим внедренческую практику в управлении земельными ресурсами можно назвать разрозненные попытки цифровизации.

Даже экспертами Министерства сельского хозяйства РФ отмечаются как препятствия внедрения информационно-коммуникационных технологий в сельское хозяйство ряд специфических характеристик данной отрасли народного хозяйства, среди которых большое количество хозяйствующих субъектов, территориальная рассредоточенность, необходимость учета ряда факторов, которые определяют производственный процесс в данной отрасли и многое другое.

Как результат, темпы далеки от ожидаемых.

В частности, например, средняя себестоимость производства зерновых культур, по подсчетам экспертов, составляет в среднем 6579,5 руб./т., а после внедрения и широкого применения инструментов цифровой экономики – 5066,2 руб./т., что составляет экономию в 30 % [10].

И если централизации системы хранения, учета земельных ресурсов, предполагается более целесообразным сделать на федеральном уровне, то разработка, апробация и внедрение частных управленческих технологий ожидается от местных сообществ.

Органы местного самоуправления – один из самых малоиспользуемых ресурсов управления. Шашкова А.В. в своих исследованиях еще на рубеже XX-XXI веков отмечала потенциал местного самоуправления с точки зрения положений конституционного права [11]. Но нынешнее состояние муниципалитетов и муниципальной власти, их восприятие самим местным сообществом, активность участия граждан в жизни местного самоуправления и участие в управленческих процессах далеки от желаемы, что также, пусть и косвенно, но накладывает отпечаток на управление земельными ресурсами, прозрачность и открытость этих управленческих процессов. Лишенные ресурсов, даже имея определенные полномочия, дающие возможность для принятия самостоятельных управленческих решений, они не способны на новые управленческие подходы, хотя представляется, что творческая составляющая управленческой деятельности способна раскрыться именно на этом управленческом уровне, именно тут есть возможность внедрения элементов менеджмента в административно-командный государственный управленческий аппарат.

Еще раз хотелось бы отметить необходимость мультидисциплинарных исследований, нехватка которых остро ощущается. Предложенный автором инструментарий внедрения управленческих технологий невозможен без мультидисциплинарного подхода к планированию и обоснованию конкретных мероприятий. Помимо внедренческого аспекта, специалистами отмечается и научный аспект – практика управленческой деятельности должна опираться на исследования и включать в себя исследовательские функции, но подход, когда технология внедряется за счет нормативного решения, без должного теоретического осмысления и хотя бы пилотажного исследования и апробации, к сожалению, нередки.

Также и анализ теоретических подходов свидетельствует, что исследованию внедренческого аспекта управления земельными ресурсами, упоминание которого можно встретить в различных научных источниках и публикациях, уделено недостаточно внимания.

Применительно к вопросам управления земельными ресурсами, стоит теоретическая задача четкого определения, описания и интерпретации понятий «управленческие методы», «управленческие технологии», «управленческие аспекты», так как на данном этапе исследований отмечается смешивание этих понятий.

Литература

1. Колношенко В.И. Менеджмент и управление: общее и особенное [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 5. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/825> (дата обращения: 20.04.2021). DOI: 10.17805/trudy.2018.5.5
2. Komarov V.F., Aloyan G.N. Management Technologies as a Means of Improving Management. World of Economics and Management, 2017, vol. 17, no. 3, p. 158–169. (In Russ.)
3. Безудная А.Г., Герасимов К.Б. Классификация и проектирование технологий управления на предприятии // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 2. С. 76 – 84
4. Свитин В.А. Система методов управления земельными ресурсами // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. №1. С. 144 – 152
5. Гончарова А.А. Формирование организационно-экономических и институционально-правовых условий эффективного использования научных разработок в агропромышленном комплексе // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. №1. С. 11 – 15.
6. Волкова Т.В. Механизм управления земельными ресурсами: понятие и структура // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 35. С. 164 – 170.
7. Козлова С.В. Система управления земельными ресурсами страны // Вопросы экономики и права. 2011. № 4. С. 231 – 234.
8. Клипина Е.А. Управление земельными ресурсами в Российской Федерации: опыт и проблемы управления землями сельскохозяйственного назначения // Экономика, управление, финансы: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). Краснодар: Новация, 2018. С. 4-7. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/264/13668/> (дата обращения: 20.04.2021)
9. Плахина А.С. Механизмы эффективного управления органами местного самоуправления земельными ресурсами // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4(21).

10. Труфляк Е.В., Курченко Н.Ю., Креймер А.С. Мониторинг и прогнозирование в области цифрового сельского хозяйства по итогам 2018 г. Краснодар: КубГАУ, 2019. 100 с.
11. Шашкова А.В. Региональные и местные органы самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 1999. № 1. С. 17 – 21.

Solovtsov Aleksey Olegovich, Digitalization Expert, Director of CEO Forpost LTD, Deputy of the Tiraspol City Council of People's Deputies (The Pridnestrovien Moldavian Republic (Pridnestrovie), Tiraspol).
E-mail: a@solovtsov.ru

IMPLEMENTATION ASPECT OF LAND RESOURCES MANAGEMENT

Abstract

The perception of land management processes as exclusively subject-object is undergoing significant changes. In a number of studies by modern authors, social and socio-psychological mechanisms of managerial interaction are noted. Not only the development, but also the approbation and implementation of new management technologies are in the focus of attention of researchers and practitioners. Thus, land administration research reveals the multidisciplinary nature of research in this subject area. The interconnection of the management process with social, economic, political and legal factors is revealed when analyzing the evolution, state and transformation of land and property relations, the introduction of new technological solutions in this area.

Keywords: *implementation, implementation aspect of management, management, land management, management technologies, management, land resources, digitalization, centralization.*

References

1. Kolnoshenko V.I. Menedzhment i upravlenie: obshchee i osobennoe [Elektronnyj resurs] // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2018. № 5. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/825> (data obrashcheniya: 20.04.2021). DOI: 10.17805/trudy.2018.5.5
2. Komarov V.F., Aloyan G.N. Management Technologies as a Means of Improving Management. World of Economics and Management, 2017, vol. 17, no. 3, p. 158–169. (In Russ.)
3. Bezudnaya A.G., Gerasimov K.B. Klassifikaciya i proektirovanie tekhnologij upravleniya na predpriyatii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2016. № 2. P. 76 – 84
4. Svitin V.A. Sistema metodov upravleniya zemel'nymi resursami // Vestnik Belorusskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2014. №1. P. 144 – 152
5. Goncharova A.A. Formirovanie organizacionno-ekonomicheskikh i institucional'no-pravovykh uslovij effektivnogo ispol'zovaniya nauchnykh razrabotok v agropromyshlennom komplekse // Vestnik Belorusskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii. 2020. № 1. P. 11 – 15.
6. Volkova T.V. Mekhanizm upravleniya zemel'nymi resursami: ponyatie i struktura // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2020. № 35. P. 164 – 170.
7. Kozlova S.V. Sistema upravleniya zemel'nymi resursami strany // Voprosy ekonomiki i prava. 2011. № 4. P. 231 – 234.
8. Klipina E.A. Upravlenie zemel'nymi resursami v Rossijskoj Federacii: opyt i problemy upravleniya zemlyami sel'skohozyajstvennogo naznacheniya // Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Krasnodar, fevral' 2018 g.). Krasnodar: Novaciya, 2018. P. 4-7. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/264/13668/> (data obrashcheniya: 20.04.2021)
9. Plahina A.S. Mekhanizmy effektivnogo upravleniya organami mestnogo samoupravleniya zemel'nymi resursami // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2017. T. 6. № 4(21).
10. Truflyak E.V., Kurchenko N.YU., Krejmer A.S. Monitoring i prognozirovanie v oblasti cifrovogo sel'skogo hozyajstva po itogam 2018 g. Krasnodar: KubGAU, 2019. 100 p.
11. SHashkova A.V. Regional'nye i mestnye organy samoupravleniya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 1999. № 1. P. 17 – 21.

АРХАИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НОВЫХ ТРЕНДОВ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

**Абазиева
Камилла
Григорьевна** доктор экономических наук, профессор кафедры «Управление персоналом и социология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).
E-mail: abazieva_kamilla@mail.ru

**Бурмистров
Сергей
Владимирович** кандидат экономических наук, доцент кафедры «Управление персоналом и социология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).
E-mail: sviaz@rambler.ru

**Самыгин
Сергей
Иванович** доктор социологических наук, профессор кафедры «Управление персоналом и социология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).
E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

Аннотация

В данной статье была предпринята попытка обратить внимание на архаические черты, которые встречаются в рамках современных управленческих трендов при работе с человеческими ресурсами в новых условиях цифровой экономики. В статье также анализируются закономерности, которые связаны с использованием архаических социально-экономических отношений в сфере управления человеческими ресурсами. Коррупция и взяточничество рассматриваются как особые средства, которые персонализируют общеклассовую частную собственность. Делается вывод о том, что сложилась российская модель рыночной экономики, симбиотически соединяющая универсальные черты рыночной экономики в условиях цифровизации с определенными архаическими чертами в сфере управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, архаические черты, новые тренды, цифровизация, российская экономика, стиль управления, человеческий фактор, архаические экономические формы, частная собственность, рыночная экономика.

Проблематика архаичности и т.н. транзитивности в сфере управления человеческими ресурсами возникла сравнительно недавно. Однако уже сформировался определенный набор ранее принятых походов, стилей и особенностей управления человеческими ресурсами, которые, с одной стороны, несут в себе полезный опыт, а, с другой, – в нынешних условиях цифровизации экономики в свете происходящих трансформаций, «служат скорее препятствием раскрытия сущности протекающих на постсоветском пространстве изменений» [1, с. 188]. Первичные архаичные черты в сфере управления человеческими ресурсами, так или иначе, пронизывают всю экономическую сферу жизнедеятельности современного общества [2, 3].

В каких формах представлены архаические черты новых форм управления персоналом в цифровой экономике, и как они работают?

В рамках данной публикации мы хотим ответить на поставленный вопрос, обращаясь к положениям, которые связаны с исследованием архаических отношений и особенностей новейших технологий и методов в сфере управления человеческими ресурсами в рамках цифровизации российской экономики.

Необходимо понимать, что различные архаичные формы чаще всего выступают как формы, которые уже вырождены, но одновременно образом данные формы являются трендами превращенными, такими, которые обладают инновационностью; а порою данные тренды в новых условиях меняются качественным образом, не оставляя в себе те характеристики, которые существовали ранее в архаических формах.

Все сказанное касается и ранних форм управления человеческими ресурсами, которые отнюдь не исчезают при трансформационных изменениях общества, однако, наряду с архаичными чертами, трансформируются, приспосабливаются к новой социально-экономической реальности, и, становясь частью симбиозов, формируются в новые формы управления персоналом в рамках цифровой экономики страны, изменяющие сферу трудовой деятельности и экономического пространства.

Прежде чем вести речь о картине воспроизводства архаических черт в рамках формирования новых трендов управления персоналом, необходимо задаться вопросом: что же представляет собой управление человеческими ресурсами в традиционном его понимании?

Прежде всего, стоит заметить, что управление человеческими ресурсами является важнейшей стороной управленческой деятельности, от качества которой напрямую зависит производительность и эффективность организации. Основными составляющими управления человеческими ресурсами организации являются: найм сотрудников, их подбор и прием; приспособление нового сотрудника к сложившимся в организации нормам, правилам и требованиям, ознакомление его с профессиональными обязанностями; оценка деятельности сотрудника; организация обучения персонала, способствующего их профессиональному росту; стратегическое и карьерное планирование; стимулирование сотрудников; обеспечение техники безопасности и социальных гарантий; координация трудовых отношений; планирование трудового процесса; контроль трудовой деятельности, мотивирование сотрудников и пр.

Таким образом, круг задач, осуществляемых в рамках управления человеческими ресурсами организации, очень широк. Он охватывает практически всю сферу межличностных взаимодействий в рамках любой организации. Человеческие ресурсы – это сотрудники организации, ее человеческий капитал, который способен приносить прибыль предприятию и самим сотрудникам при эффективно налаженном управлении, сочетающим как интересы самой организации, так и ее сотрудников.

Существует множество теоретических подходов в классическом менеджменте, базирующихся на признании значимости человеческого фактора. Начиная с теории человеческих отношений, предложенной Э. Мэйо, согласно которой эффективность труда работников зависит от отношения к ним руководства, теоретический менеджмент совершенствовал практики управления. Большую роль в этом играли различные теории мотивации, в числе которых теории А. Маслоу, Ф. Герцберга, Д. Мак Грегора и др.

Для российских организаций характерны особенности управления человеческими ресурсами, корни которых, во многом, связаны с советским прошлым, наследующим его архаические черты [1]. Приход цифровых технологий в жизнь общества трансформирует жизненный цикл персонала любого предприятия [4], сюда можно отнести такие уровни цикла, как прием на работу, адаптацию в коллективе и этап увольнения. По мнению Д.В. Цой, «функции HR-специалистов в большинстве организаций по-прежнему продолжают зависеть от традиционных методов управления, которые совершенно не учитывают качество опыта сотрудников и обеспечения их занятости» [5].

В этом плане прежде всего следует отметить директивный и авторитарный стиль управления персоналом [6]. Он выражается в принятии единоличных управленческих решений – без каких-либо согласований или обсуждений, осуществление карьеры внутри организации не столько на основе профессиональных качеств, сколько в зависимости от отношений с руководителем. Нарушения трудового законодательства, пользуясь тем, что большинство российских работников не умеют или не хотят (по причине моральных и материальных издержек) отстаивать свои интересы в рамках судопроизводства, зачастую даже не знают или не думают о том, что какие-то нормы в отношении них нарушены, а предусмотренные законом обязательства не выполняются.

Для директивного стиля управления характерна достаточно примитивная, своими корнями уходящая в прошлое, методика работы с человеческими ресурсами. Она сводится к приему на работу (или увольнению) и ведению необходимой документации. Адаптация нового сотрудника, его перспектив, проблемы повышения квалификации, мотивация сотрудника – все эти факторы, как правило, только декларируются, но не являются решаемыми на практике задачами. В таких условиях персонал (наемные работники) рассматриваются как достаточно легко заменяемые и более заинтересованные в сохранении своих рабочих мест, чем наниматель.

Подобная ситуация, кстати сказать, имеет место даже в российских вузах, ресурсы которых, казалось бы, должны обладать необходимой компетенцией и для отстаивания своих прав, и для участия в принятии решений. Тем не менее, вузовские работники, постоянно выражая недовольство уровнем оплаты труда, введением эффективных контрактов и степенью своей трудовой загруженности, в т.ч. в условиях глобальной цифровизации, как правило, не увольняются. Они продолжают выполнять свои профессиональные обязанности, прибегая лишь к неформальным формам сопротивления в виде уклонения от выполнений или недолжного, несвоевременного выполнения тех или иных указаний и требований со стороны администрации образовательной организации [7, 8].

Более гибкие и разнообразные модели управления человеческими ресурсами можно наблюдать в иностранных компаниях, работающих в России, однако далеко не во всех, адаптация к особенностям российского рынка, власти и культуры может сопровождаться усвоением принятых ранее архаичных правил, представленных в современной цифровой экономике.

Управление человеческими ресурсами, как и другие элементы экономической и предпринимательской деятельности в российском обществе связаны, в конечном итоге, с архаичными социокультурными стереотипами, усвоенными современными управленцами в ходе их социализации и восприятия культурного опыта предшествующих поколений, сформировавшегося в определенных общественно-исторических условиях.

Первичные архаические экономические формы, проникающие в экономическую жизнь современности, базируются на переосмыслении содержания ряда дефиниций, таких, как частная собственность, эксплуатация и принуждение.

В целом в картине воспроизводства архаических черт в процессе формирования новых трендов управления человеческими ресурсами в условиях новой российской экономики можно выделить черты:

- аутентичности (того, что сохранилось в неизменном виде в рамках сложившихся архаических стилей управления человеческими ресурсами);
- рудиментарности (того, что отмирает и не так часто используется при управлении коллективом той или иной компании);
- трансформационности или адаптированности к новым условиям цифровой экономики (того, что трансформировалось и стало частью инновационных симбиозов в рамках управления человеческими ресурсами).

Изучение культурных особенностей российских предпринимателей разного уровня позволило выделить следующий набор качеств, влияющих на их профессиональную деятельность, в том числе и в выстраивании стилей управления человеческими ресурсами.

- большая ценность личных, а не профессиональных качеств, стремление строить деловые отношения на основе личных свойств, стремление к доверительным отношениям – и в то же время низкий уровень доверия;
- конформизм, зависимость от мнения группы, и в то же время ненадежность, отсутствие ответственности и профессиональной добросовестности в выполнении трудовых обязанностей;
- склонность к подкупу должностных лиц, уклонению от налогов и сокрытию доходов, что отчасти может быть объяснено традиционным недоверием к власти и зависимостью от нее. Так, необходимость подкупа должностных лиц возникает в связи с формализованными и громоздкими регуляторными механизмами, контролирующими предпринимательскую деятельность.

Западные исследователи [9] выделяют у российских предпринимателей такие свойства, как глубокий разрыв между руководителями и подчиненными (а это налагает свой отпечаток и на управление человеческими ресурсами), тревожность, индивидуализм и стремление избегать неопределенности. Последние черты тоже понятны, учитывая специфику развития рыночной экономики в постсоветской России.

Для стиля российских управленцев, согласно мнению исследователей, характерен авторитаризм и, в то же время, стремление избегать ответственности за принятие решений. Организационная культура большинства российских предприятий не предусматривает партисипативного подхода, который применяется в рамках современных теорий управления человеческими ресурсами. Этот подход предполагает восприятие каждого работника с точки зрения сознательной и ответственной индивидуальности, рассмотрение его как партнера, который

потенциально может обладать ценными идеями, полезными для повышения эффективности деятельности организации.

А какие же новые направления (т.н. тренды) возникают в сфере управления человеческими ресурсами в условиях цифровизации экономики?

Во-первых, возрастают объемы информации о рабочих местах, существующих вакансиях и требуемых работниках, а также дает о себе знать т.н. отраслевой сдвиг, связанный с появлением новых профессий, рабочих мест и новых вакансий наряду с сокращением традиционных рабочих мест.

Во-вторых, тенденция поляризации трудовой деятельности в условиях цифровизации экономики – усиление в разделении рабочих мест, касающихся условий занятости (постоянная – временная занятость, удаленное (дистантное) место работы, смешанные формы трудовой деятельности – онлайн – офлайн), а, следовательно, дифференциация оплаты труда.

В-третьих, изменение рынка образовательных услуг, признание новых профессий и квалификаций, например, таких, как фрилансерство, самозанятость, появление и рост нестандартных форм занятости, а также пересмотр устоявшихся взглядов на профессиональный опыт и наличие трудового стажа для нестандартных форм занятости – все это является новым трендом новой российской цифровой экономики. Так, например, сегодня упор на рынке труда идет на молодых работников с навыками владения ИКТ, весьма востребованными в современных бизнес-структурах [10].

Каким же образом новые тренды в сфере управления человеческими ресурсами связаны с архаическими чертами?

Отметим, что сегодня рыночная экономика испытывает потребность в использовании разных форм управления. Чаще всего, используемые формы управления содержат отголоски архаичных форм, но данные формы смогли трансформироваться, адаптироваться к новым, актуальным в настоящее время требованиям рыночной экономики. То есть происходит слияние архаичных и инновационных форм, которые вступают в устойчивые соединения с действующей социально-экономической системой и влияя на социально-культурную коммуникацию [11, 12].

Нельзя не согласиться с идеями, которые озвучивает Ю.Г. Одегов, связанные с тем, что цифровая экономика трансформирует формат экономических отношений работодателей и работников [13].

Также исследователи выделяют следующие особенности, которые возникают по причине цифровизации экономики:

- архаические формы персонала дополняются удаленными (дистанционными) трудовыми отношениями;
- «трудность долгосрочного планирования профессионального пути для работника; определенная специальность не гарантирует занятость на долгосрочную перспективу» [14, с. 178];
- к современным работникам предъявляются требования, связанные с сохранением активности в рамках трудовых отношений и быстрой адаптации к различным трансформациям, а также отслеживания уровня своей профессиональной востребованности на рынке труда усиливаются и архаические механизмы эксплуатации в практике управления человеческими ресурсами.

И в таких условиях формирования новой российской экономики архаичной чертой становится коррупция, расцвет которой произошел на закате советской эпохи и борьба с которой продолжается в настоящее время. Даже появление цифровых технологий в экономическом пространстве российского общества не создало барьеров для продолжения коррупционного опыта. Как подчеркивает У.Г. Николаева, результат процесса коррупции в новой цифровой экономике: «распорядители общеклассовой собственности стремятся к превращению этой общеклассовой частной собственности в персональную частную собственность, используя хорошо известные в истории механизмы – сокрытие доходов, искажение информации, сохранение в собственном распоряжении большей доли избыточного продукта, нежели прежде» [1, с. 193].

Одним из средств персонализации общеклассовой частной собственности является еще одна форма оппортунистического поведения – взяточничество. Данное средство пришло в сферу управления человеческими ресурсами в рамках позднесоветского общества и стало одним из распространенных механизмов в сфере управления. У.Г. Николаева и Л.М. Тимофеев считают, что сущность взяточничества как экономического явления зачастую «оказывается

вне поля зрения, когда взяточполучателями оказываются практически все чиновники, то перед нами уже не отдельные должностные преступления, а особая экономическая система» [1, с. 194], т.н. экономическая «институциональная коррупция» [15].

Экономика взяток и т.н. блага – явление, приводящее к возрождению более архаичных – позднепервобытных, дарообменных, дароплатежных и услугуобменных отношений.

Еще в конце 1990-х гг. российский экономист А.В. Леденева указывала, что экономика блага строилась по особой схеме: через услугуобменные связи происходил поток различного рода товаров и услуг. И в эти неформальные т.н. «блатообменные» отношения были включены практически все служащие, которые имели высший ранг позднесоветского периода. Таким образом, неформальная экономика блага стала основой теневой экономики постсоветского времени [16].

Все сказанное выше указывает нам на формы «внерыночной эксплуатации и присвоения прибавочного продукта», подчеркивая тем самым трансформацию «возникающих отношений рынка со стороны внерыночных архаических структур» [1, с. 199].

Таким образом, за постсоветский период сложилась российская модель рыночной экономики в условиях развития цифровых технологий с определенными архаическими чертами, симбиотически соединяющая универсальные черты рыночной экономики с определенными архаическими чертами, обусловленными, с одной стороны, влиянием советской управленческой модели в сфере управления человеческими ресурсами; а с другой, – оппортунистическим поведением.

Литература

1. Николаева У.Г. «Парадоксы» переходности: архаические черты новой российской экономики // Социальная политика и социология. М., 2008. №2 (38). С. 187 – 200.
2. Popov A.V., Rachipa A.V., Abazieva K.G., et al. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development // Revista Inclusiones. 2019. Vol.6. №2. P. 215 – 224.
3. Abazieva K.G., Goncharova S.N., Maslennikova L.P., Stratan D.I. Methods of management of public financial resources // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. T. 6. № 3. С. 60 – 70.
4. Gafiatulina N., Shishova N., Volkova D., Topchiy I. Applying of information and communication technologies in the education process / Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. "13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020" 2020. С. 15031.
5. Цой Д.В. Трансформация системы управления персоналом в условиях цифровизации экономики // Инновационная наука. 2020. №1. С. 62 – 65.
6. Furnham A. Rating a Boss, a Colleague and a Subordinate // Journal of Managerial Psychology. 2002. Vol. 17. No. 8.
7. Бурмистров С.В., Волочай А.В., Самыгин С.И. Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №9. С. 26 – 29.
8. Belov M.T., Vaskov M.A., Vorobyev G.A., Burmistrov S.V., Samygin S.I. Specifics of managerial competencies in the context of managing the personnel of an educational organization / In the book: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. "Contributions to Economics". Switzerland, 2020. P. 291 – 298.
9. Ardichvili A., Kuchinke P. Leadership Styles and Cultural Values Among Managers and Subordinates // Human Resource Development International. 2002. № 5(1).
10. Ванкевич О.В. Новые тренды в сфере управления человеческими ресурсами в условиях цифровизации экономики // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. 2019. Вып. 43. С. 7 – 12.
11. Касьянов В.В., Беликова Н.Ю., Гафиатулина Н.Х. Язык катастрофы: влияние пандемии covid-19 на социально-культурную коммуникацию // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 38 – 42.
12. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., Efimova V.M., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. Revista Gênero e Direito. 2020. T. 9. № 4. С. 830 – 845.
13. Одегов Ю.Г., Павлова В.В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. №2(208). С. 66.
14. Кознов А.Б. Влияние цифровизации на рынок труда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №4-2. С. 177 – 179.

15. Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция: очерки теории. М., 2000. 363 с.
16. Леденева А.В. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или постсоветская корпоративность // Pro et Contra, 1997. Т. 2, №4. С. 113 – 124.

Abazieva Kamilla Grigoryevna, Doctor of Economics, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: abazieva_kamilla@mail.ru

Burmistrov Sergey Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: sviaz@rambler.ru

Samygin Sergey Ivanovich, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

ARCHAIC FEATURES OF NEW TRENDS IN HUMAN RESOURCE MANAGEMENT UNDER DIGITALIZATION OF RUSSIAN ECONOMY

Abstract

In this article, an attempt was made to draw attention to archaic features that are found in the framework of modern management trends when working with human resources in the new conditions of the digital economy. The article also analyzes the patterns that are associated with the use of archaic socio-economic relations in the field of human resource management. Corruption and bribery are viewed as special means that personalize class-wide private property. It is concluded that a Russian model of a market economy has developed, symbiotically combining the universal features of a market economy in the context of digitalization with certain archaic features in the field of human resource management.

Keywords: human resource management, archaic features, new trends, digitalization, Russian economy, management style, human factor, archaic economic forms, private property, market economy.

References

1. Nikolaeva U.G. «Paradoksy» perekhodnosti: arhaicheskie cherty novoj rossijskoj ekonomiki // Social'naya politika i sociologiya. M., 2008. №2 (38). P. 187 – 200.
2. Popov A.V., Rachipa A.V., Abazieva K.G., et al. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development // Revista Inclusiones. 2019. Vol.6. №2. P. 215 – 224.
3. Abazieva K.G., Goncharova S.N., Maslennikova L.P., Stratan D.I. Methods of management of public financial resources // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 3. P. 60 – 70.
4. Gafiatulina N., Shishova N., Volkova D., Topchii I. Applying of information and communication technologies in the education process / Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. "13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020" 2020. P. 15031.
5. Coj D.V. Transformaciya sistemy upravleniya personalom v usloviyah cifrovizacii ekonomiki // Innovacionnaya nauka. 2020. №1. P. 62 – 65.
6. Furnham A. Rating a Boss, a Colleague and a Subordinate // Journal of Managerial Psychology. 2002. Vol. 17. No. 8.
7. Burmistrov S.V., Volochaj A.V., Samygin S.I. Motivy trudovoj deyatel'nosti v sisteme upravleniya personalom organizacii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. №9. P. 26 – 29.
8. Belov M.T., Vaskov M.A., Vorobyev G.A., Burmistrov S.V., Samygin S.I. Specifics of managerial competencies in the context of managing the personnel of an educational organization / In the book: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. "Contributions to Economics". Switzerland, 2020. P. 291 – 298.
9. Ardichvili A., Kuchinke P. Leaders hip Styles and Cultural Values Among Managers and Subordinates // Human Resource Development International. 2002. № 5(1).
10. Vankevich O.V. Novye trendy v sfere upravleniya chelovecheskimi resursami v usloviyah cifrovizacii ekonomiki // Ekonomicheskij vestnik universiteta. Sbornik nauchnyh trudov uchenykh i aspirantov. 2019. Vyp. 43. P. 7 – 12.
11. Kas'yanov V.V., Belikova N.YU., Gafiatulina N.H. YAzyk katastrofy: vliyanie pandemii COVID-19 na social'no-kul'turnuyu kommunikaciyu // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. № 2. P. 38 – 42.
12. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., Efimova V.M., et al. Syber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. Revista Gênero e Direito. 2020. Т. 9. № 4. P. 830 – 845.
13. Odegov YU.G., Pavlova V.V. Novye tekhnologii i ih vliyanie na rynek truda // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2018. №2(208). P. 66.
14. Koznov A.B. Vliyanie cifrovizacii na rynek truda // Mezhdunarodnyj zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk. 2019. №4-2. P. 177 – 179.
15. Timofeev L.M. Institucional'naya korrupciya: ocherki teorii. M., 2000. 363 p.
16. Ledeneva A.V. Neformal'naya sfera i blat: grazhdanskoe obshchestvo ili postsovetetskaya korporativnost' // Pro et Contra, 1997. Т. 2, №4. P. 113 – 124.

ПРИРОДНАЯ РЕНТА И СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЕЕ УЛАВЛИВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

- Ажогина Наталья Николаевна** кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: natochka30-11@yandex.ru
- Китаева Людмила Васильевна** кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru
- Мальцева Ольга Викторовна** кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассмотрены современные проблемы исчисления и перераспределения природной ренты между различными экономическими субъектами, а также проанализированы проблемы потребителей и производителей нефти в России и на современном этапе.

Ключевые слова: природная рента, рентоориентированное поведение, рентные платежи, рентные доходы, рыночные отношения, природопользование, распределение ренты, природные ресурсы, пользование недрами, система налогообложения природопользования.

Исследование сущности и элементов природной ренты вызывает живой научный интерес уже ни одно столетие. Особенность и теоретико-практическая значимость современных научных работ обусловлена необходимостью поиска эффективного механизма исчисления и перераспределения рентного дохода в интересах всего общества, однако рентоориентированное поведение способствует ущемлению интересов участников процесса природопользования и появлению возможностей вывода дохода из данной сферы на мировой финансовый рынок. Что в свою очередь ослабляют устойчивость развития сферы природопользования, а также снижает показатели эффективности компаний, занятых в данной сфере.

Итак, содержательная сущность природной ренты отличается своими особенностями: с одной стороны, она имеет ту же первооснову, как и любой другой вид ренты, в частности, она образуется в виде отраслевого сверхдохода, с другой, стороны, структурно и содержательно распадается еще на несколько видов внутри самой себя. Именно поиск частей и определение вариантов распределение между участниками рыночных отношений вызывает множество споров между учеными и практиками природопользования.

В первую очередь данная рента наиболее дифференцирована, так как различия в зависимости от качества природного ресурса, поэтому основная задача в сфере природопользования – это выявление эффективных механизмов распределения ренты между участниками процесса природопользования.

Считается, что наибольший объем природной ренты должен принадлежать собственнику ресурса, тем не менее, распределение ренты, как правило, происходит между всеми участниками добычи, переработки, транспортировки и использования ресурса. Для упрощения анализа данной проблемы будем исследовать одну из отраслей природопользования – нефтегазовую.

В Российской Федерации, согласно ФЗ «О недрах», собственность на недра, в данном случае разведанные полезные ископаемые принадлежит государству (находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации). Однако организация добычи природных ресурсов (нефть, газ и др.) может быть реализована как государственной, так и частной компанией («добытые из недр полезные ископаемые и иные ресурсы по условиям лицензии могут находиться в федеральной государственной собственности, собственности субъектов

Российской Федерации, муниципальной, частной и в иных формах собственности»¹), в связи с этим и существует принцип платности природопользования, так как добытый природный ресурс выступает в качестве частной собственности той компании, которая занимается его добычей. Соответственно, государство как собственник недр должно получить возмещение в виде дохода. В связи с этим рентный доход государства может «улавливаться» с помощью разработанной системы платежей и налогов, которая долгие годы трансформируется с целью построения наиболее эффективного ее варианта, который призван уравновесить интересы собственника и пользователя, а также других участников рыночных отношений.

Прежде всего, предприниматель должен, согласно ст. 11 ФЗ «О недрах», получить лицензию на предоставление недр в пользование, в которой оговариваются кроме прочих существенных условий платежи, взимаемыми при пользовании недрами, земельными участками, акваториями. Ст. 39 определяется, что «при пользовании недрами уплачиваются следующие платежи: 1) разовые платежи за пользование недрами при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии, включая разовые платежи, уплачиваемые при изменении границ участков недр, предоставленных в пользование (в ред. Федерального закона от 18.07.2011 N 222-ФЗ); 2) регулярные платежи за пользование недрами. Кроме того, пользователи недр уплачивают другие налоги и сборы, установленные в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах»².

По нашему мнению, особенностью российского природопользования выступает организация отношений собственности и рентных отношений между государством и непосредственными природопользователями-добывающими компаниями. В странах-крупнейших добытчиках нефти организация распределения доходов от нефти и социализация рентных накоплений зачастую еще более сложная. В туристических буклетах мы встречаем информацию о том, что на Ближнем Востоке 95 % доходов от нефти национализируется, однако, данные официальных источников чаще всего скрыты, известно лишь, что в большинстве стран добывающих нефть есть специализированные фонды, где осуществляется накопление нефтяных доходов. В частности в Саудовской Аравии есть государственный резервный фонд. Активы фонда в середине 2018 года составляли по оценкам экспертов почти \$495 млрд. Крайне непрозрачной является и структура фонда, в частности невозможно однозначно определить, на какие цели могут быть использованы аккумулированные средства. Можно лишь предположить, что накопления использовались на увеличение обороноспособности, войну в Йемене и операции против ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации). В отдельные годы саудиты тратили на это до 15% ВВП, вместе с тем расходы на экономические цели находились преимущественно под грифом «секретно»³. В Объединенных Арабских Эмиратах суверенных стабилизационных фондов несколько в силу того, что каждый эмират имеет отдельную финансовую структуру. Есть стабилизационный фонд и в Норвегии – Government Pension Fund Global (GPF), средства которого в основном используются на социальную политику.

Несмотря на разные способы организации исчисления и накопления ренты в различных странах, так или иначе, существуют примерно одинаковые принципы ее использования. В силу того, что природная рента происходит благодаря редкости, исключительной роли природных ресурсов в экономических процессах и неравномерному их распределению между странами и регионами, то получаемых сверхдоход делится между собственником, природопользователем, потребителем и обществом в целом, так как доходы от природных ресурсов частично национализируются.

Регулярные процентные отчисления, которые могут быть установлены в виде фиксированных ставок, оплачиваемые в казну через определенные интервалы, называются роялти, и выступают довольно часто встречающейся формой платежа, призванного аккумулировать часть природной ренту у государства [1, с. 37].

¹ Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 N 2395-1// Информационно-правовая система Консультант Плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/

² Там же.

³ На что тратят доходы от нефти другие страны: сравним с Россией // Информационная система "Рамблер". URL: https://finance.rambler.ru/markets/41601842/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Улавливающими ренту в нефтегазовой сфере налогам и сборам в Российской Федерации следует отнести: налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья, акцизы и др.

До появления налога на добычу полезных ископаемых для нефтяной отрасли существовали 3 платежа, выполнявшие различные функции, конструкция единого налога преследовала цель упростить систему налогообложения природопользования, однако, плоская ставка получила массу критики от экспертов, и многие годы формула расчета НДПИ совершенствовалась путем введения в нее дополнительных коэффициентов, отражающих различие условий добычи и качество извлекаемых ресурсов. В современном виде налоговая ставка определяется как произведение рентного коэффициента ($K_{\text{рента}}$) и одной из величин, определяемой Налоговым кодексом Российской Федерации в зависимости от вида нефти.

Также для исчисления налога применяется коэффициент, характеризующий динамику мировых цен на нефть ($K_{\text{ц}}$). Рентный коэффициент ($K_{\text{рента}}$) устанавливается в размере 3,5 (для исключительных случаев равным 1).

Ранее при расчете НДПИ для нефти применялся не рентный коэффициент, а только коэффициент, отражающий степень выработанности запасов, который теперь претерпел существенные изменения при расчетах, учитывающих большое количество параметров, отражающих состояние месторождения, что в большей степени отражает задачу дифференциации рентных платежей.

При расчете НДД Налоговая ставка устанавливается в размере 50 % от дополнительного дохода и применяется на участках недр, перечисленных в статье 333.45 Налогового кодекса РФ¹. При отнесении месторождений, которые попадают под НДД, применяется оценка выработанности запасов, которая определяется при использовании в расчетах соответствующего коэффициента.

Следует утверждать, что налог на добычу полезных ископаемых был существенно и достаточно эффективно трансформирован, стал учитывать условия добычи каждого конкретного месторождения. Налог на дополнительный доход выступил в качестве альтернативы для налогообложения сферы природопользования для менее эффективных месторождений. Что повысило привлекательность истощающихся месторождений.

Кроме того, если речь идет о реализации нефти на мировом рынке, то следует указать то, что при пересечении границы Российской Федерации нефть облагается экспортной пошлиной, размер которой также меняется в зависимости от условий торговли на мировом рынке.

Таким образом, формула для налога на добычу полезных ископаемых в отношении нефти имеет следующий вид:

$$\text{НДПИ на тонну добытой нефти} = \text{Ценовой коэффициент (Кц)} * \text{Налоговая ставка НДПИ} - \text{Коэффициент особенности добычи (Дм)}.$$

Рассчитав налоговую ставку с учетом ценового коэффициента за последние 7 месяцев (см. табл. 1), следует отметить то, что налоговая ставка увеличивается с увеличением ценового коэффициента. Так в сентябре 2020 г. ценовой коэффициент составил 7,4618, размер налоговой ставки с учетом ценового коэффициента в сентябре равнялся 6857,3942 рублей за тонну. В январе 2021 г. значение ценового коэффициента $K_{\text{ц}}$ составило 11,2510, размер налоговой ставки с учетом ценового коэффициента составил 10339,6690 рублей за тонну.

Если не учитывать коэффициент особенности добычи ($Дм$), который уменьшает налоговую ставку, то можно рассчитать доход нефтедобывающих компаний. В одной тонне нефти содержится 7,28 баррелей. Рассчитаем доход нефтедобывающих компаний в январе 2021 года, перемножив количество баррелей содержащихся в 1 тонне на среднюю цену нефти марки «Юралс», и на среднее значение курса доллара, затем из полученного произведения вычтем налоговую ставку с учетом ценового коэффициента:

$$7,28 \text{ баррелей} \times 54,56 \text{ долл.} \times 74,2291 \text{ руб.} - 10339,6690 \text{ руб.} = 19154,6997 \text{ руб.}$$

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // Информационно-правовая система Консультант Плюс <http://www.consultant.ru>

Таблица 1

Налоговая ставка с учетом ценового коэффициента в 2020 – 2021гг.¹

Период 2020 – 2021	Средняя цена на нефть сорта «Юралс» на мировых рынках нефтяного сырья (Ц), долл. США за баррель	Среднее значение курса дол- лара США (Р)	Значение коэффици- ента Кц	Размер налоговой ставки руб./тонна	Налоговая став- ка с учетом це- нового коэффи- циента Кц, руб./тонна
Январь	54,56	74,2291	11,2510	919	10339,6690
Декабрь	49,54	74,0563	9,8004	919	9006,5676
Ноябрь	43,09	77,0462	8,2921	919	7620,4399
Октябрь	40,26	77,5924	7,5095	919	6901,2305
Сентябрь	40,74	75,6621	7,4618	919	6857,3942
Август	44,74	73,7998	8,4092	919	7728,0548
Июль	44,15	71,2853	7,9616	919	7316,7104

Согласно данным Федеральной службы статистики (см. табл. 2) себестоимость добычи 1 тонны нефти в РФ за четвертый квартал 2020 г. составила 13 311,1 руб.

Таблица 2

Себестоимость добычи нефти в Российской Федерации, руб. за 1 тонну²

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
I квартал	9812,2	7843,2	10862,6	12813,2	14747,7	13162,5
II квартал	10123,8	9613,1	10335,3	14772,4	15646,5	9245,1
III квартал	9665,1	9101,8	10993,8	15970,6	14360,8	12656,6
IV квартал	8784,6	9976,8	12545,8	14733,5	14907,5	13311,1

Компании, экспортирующие нефть за границу, оплачивают таможенную пошлину, ставка вывозной таможенной пошлины на сырую нефть в период с 1 января по 31 января 2021 г. составила 38,7 долларов за 1 тонну³.

С учетом себестоимости добычи 1 тонны нефти и экспортной пошлины 1 тонны нефти можно рассчитать ориентировочно прибыль с 1 тонны нефти компании добывающей и экспортирующей нефть: (19154,6997 руб. - 13311,1 руб.) - (38,7 долл. x 74,2291 руб.) = 2970,9336 руб.

Очевидно, что нефтедобывающим компаниям в условиях снижения спроса на нефть в мире и снижения цены на нефть марки Urals с марта 2020 г. пришлось достаточно сложно, так как прибыль с 1 тонны нефти составляла приблизительно 2970, 9336 руб. без учета коэффициента особенности добычи нефти. С целью увеличить общий доход и прибыль, российские компании в 2020 г. увеличили добычу и продажу нефти, так в сентябре добыча нефти в России в день составила 9907 тыс. баррелей, в октябре 9930 баррелей, в ноябре 9962 барреля. Российские компании уступали по добыче нефти лишь США, добыча нефти в США в день в сентябре составила 10860 баррелей, в октябре 10419 баррелей, а в ноябре 10930 баррелей (см. табл. 3).

Стремительное падение цен на нефть в 2020 году, скорее всего носит кратковременный характер, и обусловлено во-первых: выходом России из картеля ОПЕК + 9 марта 2020 года и расторжением соглашений, заключенных в рамках ОПЕК; во-вторых: снижением спроса, из-за пандемии коронавируса в мире. По оценкам различных независимых экспертов цена нефть вернется к докризисному уровню уже в 2021 г.

¹ Составлено авторами на основе информации Министерства экономического развития России и ФНС России.

² Себестоимость добычи нефти в Российской Федерации, руб. за 1 тонну // Официальный сайт Государственной службы статистики [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=объем+добычи+нефти>

³ Информация Министерства экономического развития РФ от 18 января 2021 г. "О вывозных таможенных пошлинах на нефть и отдельные категории товаров, выработанных из нефти, на период с 1 по 28 февраля 2021 года".

**Добыча нефти в Российской Федерации
и ведущих странах-экспортерах нефти (тыс. баррелей в день)¹**

	2020 г.		
	ноябрь	октябрь	сентябрь
Россия	9962	9930	9907
Страны ОПЕК ¹⁾	25083	24394	24077
из них:			
Ирак	3772	3841	3690
Саудовская Аравия	8966	8956	8958
США ²⁾	10930	10419	10860
Китай ²⁾	3895	3875	3927
Канада ²⁾	3470	3355	3273
1) По данным публикаций ОПЕК.			
2) По данным JODI Oil World Database.			

Следует отметить, что в доходную часть консолидированного бюджета поступило средств НДС на сумму 3274,5 млрд руб. в январе-октябре 2020 г., что на 36 % меньше чем в этот период в 2019 г. (см. табл. 4).

Таблица 4

**Поступления по видам налогов в консолидированный бюджет РФ
за январь-октябрь 2019-2020 гг.²**

виды налогов	январь-октябрь, млрд. руб.		
	2019	2020	темп, %
НДС	3 473,9	3 447,1	99,2
Налог на прибыль	3 987,4	3 435,5	86,2
НДПИ	5 124,7	3 274,5	63,9
НДФЛ	3 088,1	3 221,6	104,3
Акцизы	1 050,5	1 532,1	145,8
Имущественные налоги	1 144,6	1 047,5	91,5

В целом механизм нефтедобычи вполне отвечает задаче извлечения дифференциальной ренты в бюджет при учете сохранения инвестиционной привлекательности отрасли для нефтедобывающих компаний.

У нефтепереработчиков расчет акцизов также выступает в качестве механизма исчисления рентных платежей. В рамках налогового маневра, который должен быть завершен к 2024 г. предполагается увеличение НДС, постепенное обнуление экспортной пошлины³, а также поддержка внутреннего рынка переработки нефти за счет налоговых вычетов при расчете акцизов. Однако при низких ценах на нефть он выступает в качестве большой проблемы как

¹ Добыча нефти в Российской Федерации и ведущих странах-экспортерах нефти// Официальный сайт Государственной службы статистики [Электронный ресурс] URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/13.htm

² Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm>

³ Экспортная пошлина на нефть в РФ с 1 января снизится на \$3,3 и составит \$38,7 за тонну//Официальный сайт информационного агентства Интерфакс [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/business/741422> (дата обращения 19.01.2021)

для переработчиков, так и для потребителей. «Обратный акциз на нефть с демпфирующей компонентой предполагает налоговый вычет по акцизу на нефть в зависимости от объемов производства бензина, дизельного топлива для внутреннего рынка и сырья для нефтехимии, а также от региона нахождения НПЗ за счет присутствия в формуле расчета обратного акциза логистического коэффициента» [2].

Именно наличие демпфирующего коэффициента определяет невозможность снижения цен на нефтепродукты при низких ценах на нефть.

На сегодняшний день стимулирующий механизм действует как обычный налог для производителей, увеличивая общий уровень налоговой нагрузки на отрасль нефтепереработки. Для потребителей он выступает в качестве косвенного налога на потребление товара (бензина, дизельного топлива и др.).

Вместе с тем в ближайшем обозримом будущем нефтедобывающая отрасль подвергнется увеличению налоговой нагрузки уже на мировом рынке, так как в Европе с 2025 г. будет введен так называемый углеродный налог.

На Гайдаровском форме Чубайс отметил необходимость введения подобного сбора в России, а так как он введен не был, то сбор будет попадать в европейский бюджет. «На протяжении последних лет в России шла дискуссия, нужно ли вводить налог для бизнеса на углеродный след, чтобы компенсировать ущерб климату. Согласно Парижскому соглашению по климату, из-за отсутствия местного углеродного регулирования в России компаниям-экспортерам придется платить трансграничный налог ЕС. Налог необходим, чтобы уравнивать европейских производителей и зарубежных, где нет подобных условий по выбросам. Если бы в стране был аналогичный платеж, то ЕС мог бы принять его и не требовать»¹.

Таким образом, можно утверждать, что рента действительно перераспределяется между собственником недр (государством), природопользователем (в случае дифференциации налоговой нагрузки в виде НДС и НДД, а также при расчете налогового вычета для акциза на нефть), потребителя (акцизы, регулирование внутренних цен), а так же на международном уровне (при введении углеродного налога). Большое количество разнообразных рентных платежей подтверждает как наличие особого вида дохода, который выступает в качестве предмета передела экономических интересов различных субъектов, а также стимулом к рентоориентированному поведению с целью увеличить «свою долю ренты».

В современной экономической литературе отмечаются следующие взаимосвязанные негативные эффекты «искусственных» рент:

- искажение действий механизмов рыночной конкуренции;
- замедление роста эффективности деятельности экономических субъектов;
- снижение роли ценовых факторов в процессе аллокации экономических ресурсов;
- неэффективное использование экономических ресурсов в условиях преобладания рентоориентированного поведения экономических агентов [3, с. 43].

В конечном итоге это приводит к усложнению рентных отношений, усилению противоречий между желанием присвоить больший объем дохода и необходимостью развития самого сектора. Чрезвычайно отрицательно на отрасли скажется повышение налоговой нагрузки, в том числе за счет иностранного сектора, а в конечном итоге любые убытки переносятся на конечного потребителя.

По мнению Ю. Разовского, закон «отрицания отрицания» для рентных отношений следует определить следующим образом: капитал формирует новую стоимость-ренту, которая, его отрицая, может быть истрачена на потребление и в этом случае стоимость капитала не растет, а напротив, обесценивается, в случае, если она (рента) капитализируется, то увеличивает стоимость капитала. Также в основе развития теории ренты лежит закон «перехода количества в качество». Он может трактоваться следующим образом: «количественный рост капитала в результате его капитализации формирует дифференциальную ренту во все возрастающие стоимости (дифференциальная рента 2)» [4, с. 44].

Таким образом, следует утверждать, что современные платежи в сфере недропользования препятствуют капитализации и росту капитала в отрасли, используются для потребления

¹ Чубайс заявил о «грубейшей ошибке» властей из-за углеродного налога // РБК: [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2021/6002011b9a79475ffbc92277>

в широком смысле, так как перераспределяются в обществе, в том числе и через бюджетную систему внутри государства, а также за его пределами.

В конечном счете, создание так называемого квазиоптима в данной отрасли подрывает общую экономическую эффективность экономической системы, где потребление данного энергоресурса неизбежно будет сокращаться и приведет к необходимому поиску альтернативных источников энергии, не имеющих высокую налоговую нагрузку.

В научном мире достигнуто согласие в вопросе о том, что энергопереход неизбежен, драйверами этого процесса выступают:

- большое влияние экологических требований для государств-лидеров;
- появление и постоянное совершенствование водородной энергетики и других возобновляемых источников энергии (ВИЭ);
- снижение углеродного следа в глобальных производственных цепочках;
- повышение энергоэффективности.

Итак, по мнению ряда авторов, процессы усиления межтопливной конкуренции, которое вызвано как объективными причинами в виде поиска новых «чистых» ресурсов, а так же «различные санкционные режимы против крупных экспортеров углеводородов (Россия, Иран и другие) в области доступа к технологиям и ограничительные меры, направленные на остановку реализации ряда крупных инфраструктурных проектов (Турецкий поток, Северный поток-2 и другие)» [5, с. 73].

Таким образом, Российская Федерация в новом десятилетии столкнется с новыми вызовами, которые будут складываться не столько в виде поиска эффективной модели рентных отношений в сфере традиционной энергетики, столько с необходимостью формирования условий для инвестиций в ВИЭ, так как рентный потенциал будет постепенно перемещаться в данный сектор, в связи с этим упущение возможностей развертывания инвестиционной деятельности российских компаний на этом рынке неизбежно приведет к перераспределению ренты в мировом масштабе в пользу иностранных субъектов.

Литература

1. Серов В.М., Астафьева О.Е. Обоснование методических подходов к определению природной ренты угольных месторождений // Уголь. 2020. № 4. С. 37 – 39. DOI: 10.18796/0041-5790-2020-4-37-39.
2. Вадимова Е. Пересмотр демпфирующего механизма помог бы российской нефтепереработке как в текущей ситуации, так и в перспективе// Нефть. Капитал [Электронный ресурс] URL: <https://oilcapital.ru/article/general/04-05-2020/dempfer-protiv-snizheniya-tsen-na-toplivo> (дата обращения 18.01.2021)
3. Латков А.В., Беккалиева Н.К. Концепты ренты и рентоискательства в экономической науке: особенности и динамика// Среднерусский вестник общественных наук. Том 14. 2019. № 4.
4. Разовский Ю.В., Борисова О.В., Артемьев Н.В. и др. О рентных противоречиях недропользования // Уголь. 2021. № 1. С. 43-45. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-1-43-45
5. Жизнин С.З., Черечукин А.В., Белодедов М.И. Новый этап конкуренции полезных ископаемых в энергетике в период после пандемии // Уголь. 2021. № 1. С. 46 – 49. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-1-46-49.

Azhogina Natalia Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory and Business, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: natochka30-11@yandex.ru

Kitaeva Ludmila Vasilievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory and Business, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

Maltseva Olga Viktorovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory and Business, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

NATURAL RENT AND MODERN MECHANISMS OF ITS CAPTURE AND USE

Abstract

The article deals with the current problems of calculating and redistributing natural rent between different economic entities, as well as analyzes the problems of oil consumers and producers in Russia and at the present stage.

Keywords: *natural rents, rent-oriented behaviour, rent payments, rental income, market relations, environmental management, rent distribution, natural resources, subsoil use, environmental taxation system.*

References

1. Serov V.M., Astaf'eva O.E. Obosnovanie metodicheskikh podhodov k opredeleniyu prirodnoy renty ugol'nyh mestorozhdenij // Ugol'. 2020. № 4. P. 37 – 39. DOI: 10.18796/0041-5790-2020-4-37-39.
2. Vadimova E. Peresmotr dempiruyushchego mekhanizma pomog by rossijskoj neftepererabotke kak v tekushchej situacii, tak i v perspektive// Neft'. Kapital [Elektronnyj resurs] URL: <https://oilcapital.ru/article/general/04-05-2020/dempfer-protiv-snizheniya-tsen-na-toplivo> (data obrashcheniya 18.01.2021)
3. Latkov A.V., Bekkalieva N.K. Koncepty renty i rentoiskatel'stva v ekonomicheskoy nauke: osobennosti i dinamika// Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. Tom 14. 2019. № 4.
4. Razovskij YU.V., Borisova O.V., Artem'ev N.V. i dr. O rentnyh protivorechiyah nedropol'zovaniya // Ugol'. 2021. № 1. P. 43-45. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-1-43-45
5. Zhiznin S.Z., Cherechukin A.V., Belodedov M.I. Novyj etap konkurencii poleznyh iskopaemyh v energetike v period posle pandemii // Ugol'. 2021. № 1. P. 46 – 49. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-1-46-49.

УДК 338

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-90-95

ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ

Бежанова Елена Хусиновна	кандидат физико-математических наук, доцент, Северо-Кавказская государственная академия (369000, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36). E-mail: lenab-p@mail.ru
Темирова Лилия Гумаровна	кандидат физико-математических наук, доцент, Северо-Кавказская государственная академия (369000, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36). E-mail: blg1961@rambler.ru
Шхагошев Рустам Валентинович	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: shhagoshev@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается экономико-математическая модель логистической задачи на базе теории графов и теории многокритериальной оптимизации. На множестве допустимых решений определена векторная целевая функция вида Minsum. Проблема принятия решений основывается на применении информационных технологий.

Ключевые слова: *логистическая задача, многокритериальность, теория графов, векторная целевая функция, язык программирования, логистическая цепь, логистическое обеспечение, эффективность логистических процессов, товародвижение.*

Деятельность практически всех предприятий вне зависимости от рода деятельности ориентирована на расширение применения инструментов качества во всех областях.

С проблемами логистического обеспечения сталкиваются все современные предприятия. Нельзя не учитывать тот факт, что качество логистического обеспечения также зависит и от уровня совершенствования логистического развития региона.

Очень большое количество логистических параметров оказывают влияние на логистику. К таким параметрам можно отнести, например, качество и компетентность логистических

услуг. По этим показателям Российская Федерация в 2014 г. находилась на 90 – месте, индекс эффективности логистики составлял 2,74, так в сравнении с индексами других лидирующих в этой области таких стран, как Норвегия – 4,19, Нидерланды – 4,13, Германия – 4,12.

Повышение эффективности промышленного производства и снижение издержек во всех звеньях логистической цепи во многом зависят от следующих процессов, которые являются важнейшими элементами товародвижения: рациональной организации товаропроводящей сети; рациональной организации закупок; структуры складского, тарного и транспортного хозяйства и т.д.

В данной статье авторы развивают тему поиска путей эффективной деятельности логистической системы, делая акцент на автоматизацию практических подходов к оптимизации всего логистического процесса.

Из многочисленных факторов, влияющих на процесс товародвижения, в настоящей статье представлены два важных критерия, это транспортные расходы и риск при перемещении материальных потоков. Следует отметить, что оба критерия в векторной целевой функции (ВЦФ) будут минимизироваться [3, 5, 6, 7].

Оптимизация логистической задачи товародвижения

Эффективность логистических процессов напрямую зависит от централизованного управления и от периодической оптимизации в ходе изменения условий деятельности предприятия. Также эффективность логистических процессов складывается из оптимизации складской логистики, оптимизации логистического сервиса, оптимизации доставок.

Математическая модель движения товаров – логистическая цепь

Рассмотрим логистическую задачу товародвижения.

Математическая модель задачи товародвижения базируется на взвешенном графе [7].

особенностью теории графов является геометрический подход к изучению объектов. Развитие теории графов обязано большому числу всевозможных приложений.

Можно с большой уверенностью сказать, что графы из всех математических объектов занимают одно из первых мест в качестве формальных моделей реальных систем.

Поэтому при выборе инструментов и методов для математического моделирования логистического процесса первое место заняла теория графов.

Для формируемых узлов и логистической цепи движения товаров будем использовать типовой граф (ТГ) H_2 – цепь, у которой 4 вершины цепи, каждая вершина это основные узлы логистической цепи (поставщики, производитель, сбыт, потребитель).

Для поиска оптимальной цепи товародвижения, в которой самые минимальные транспортные издержки, необходимо найти полное множество альтернатив (ПМА), из которого лицо принимающее решение (ЛПР) выберет оптимальное (эффективное), с точки зрения описанных выше критериев.

Транспортные издержки, которые необходимо минимизировать, могут включать в себя: стоимость перевозки различными видами транспорта; стоимость погрузки у отправителей; выгрузки у получателей и возможных пересадок в пути следования; затраты на хранение, непосредственно относящиеся к перевозке в связи с передержкой товара; расходы, связанные с нахождением груза и товара в пути и много другое.

Математическая модель, на основе которой было создано программное приложение «Оптимизация процесса товародвижения», предполагает суммарный показатель критерия – транспортные издержки.

В работе [7] описывается ситуация покрытия графа 4-х вершинной цепью для 2-критериальной задачи.

На основе полиномиального алгоритма, описанного в [8], было создано программное приложение «Оптимизация процесса товародвижения».

Пусть имеется одна организация, которая занимается перевозкой материальных ценностей. Требуется оптимизировать перевозку товара так, чтобы минимизировать транспортные расходы и риск потерь при перемещении материальных потоков.

В статье применяется многокритериальный подход к решению логистической задачи товародвижения, общая постановка задачи оптимизации товародвижения представлена в [7].

Движение материальных потоков изображено на рис. 1 в виде взаимосвязанных двудольных графов [7], в которых первую долю представляют поставщики, вторую – производство, третью – сбыт, и четвертую долю представляют потребители.

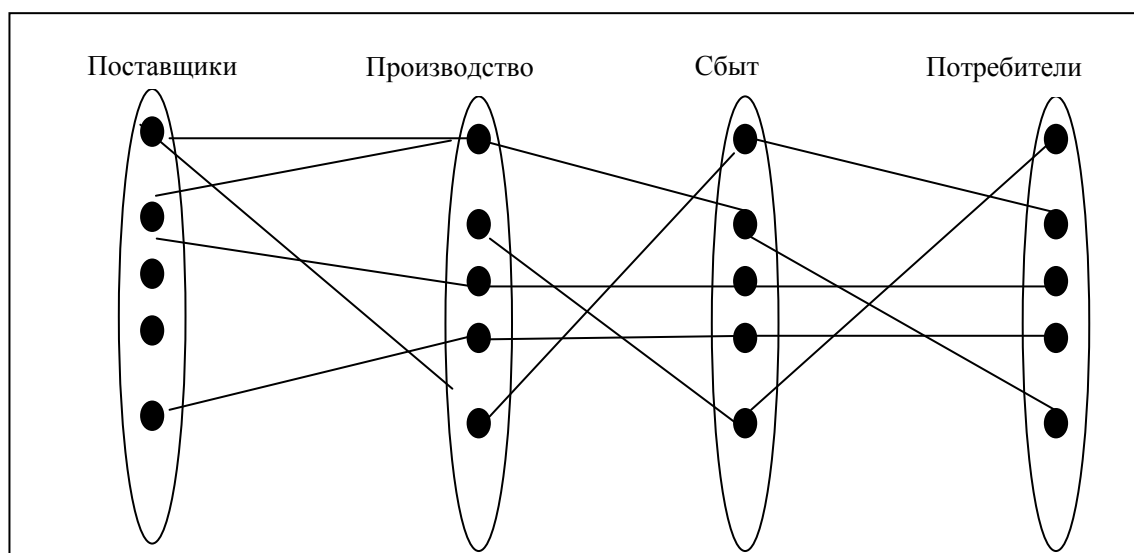
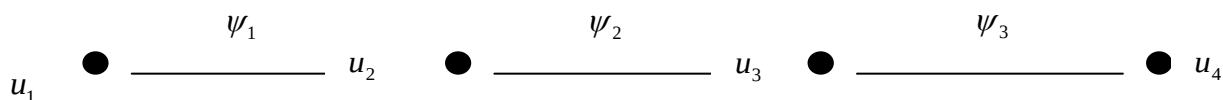

Рис. 1. Граф движения материальных потоков

Вершина u_1 соответствует поставщику, u_2 – производственному процессу, u_3 – определенной форме сбыта, u_4 – потребителю.

Рис. 2. Допустимое решение $H = (U, \Psi)$ товародвижения на графе

Искомым решением многокритериальной задачи является полное множество альтернатив, из которого осуществляется выбор наилучшей альтернативы с учетом минимизации описанных выше критериев.

Автоматизация принятия решения для оптимального управления товародвижением. На этом этапе осуществляется проектирование программного приложения «Оптимизация процесса товародвижения». Развитие вычислительной техники и программирования показало, что ни одно предприятие не обходится без информационных технологий в силу того, что они дают возможность грамотно и рационально управлять различными видами ресурсов в организациях, правильно распределять деятельность предприятий, обеспечивать информационный контроль в развитии бизнеса, заметно упростить многие элементы управленческой деятельности и т.д. В статье ставится задача автоматизации решения задачи оптимизации товародвижения. Программное приложение разработано с применением объектно-ориентированного языка Delphi и реализовано в кроссплатформенной среде визуального программирования Lazarus. В качестве платформы реализации используется объектно-ориентированный язык программирования Lazarus [8].

Приложение «Оптимизация процесса товародвижения» является многооконным. Основной интерфейс приложения представлен на рис. 3. В программе созданы основные окна приложения, которые логически связаны между собой. В каждом окне размещены соответствующие компоненты Lazarus, которые участвуют как в вычислительной, так и в описательной части проекта.

Программное приложение «Оптимизация процесса товародвижения» состоит из трёх окон. Первое является начальным титульным окном программного приложения. На нем располагаются такие элементы как логотип и название проекта, также основные режимы работы программного приложения, в частности, организация процесса товародвижения и теоретическая справка. Функциональная кнопка «Теоретическая справка» предоставляет пользователю информацию о работе полиномиального алгоритма покрытия полного взвешенного графа 4 – вершинными цепями [4, 6].

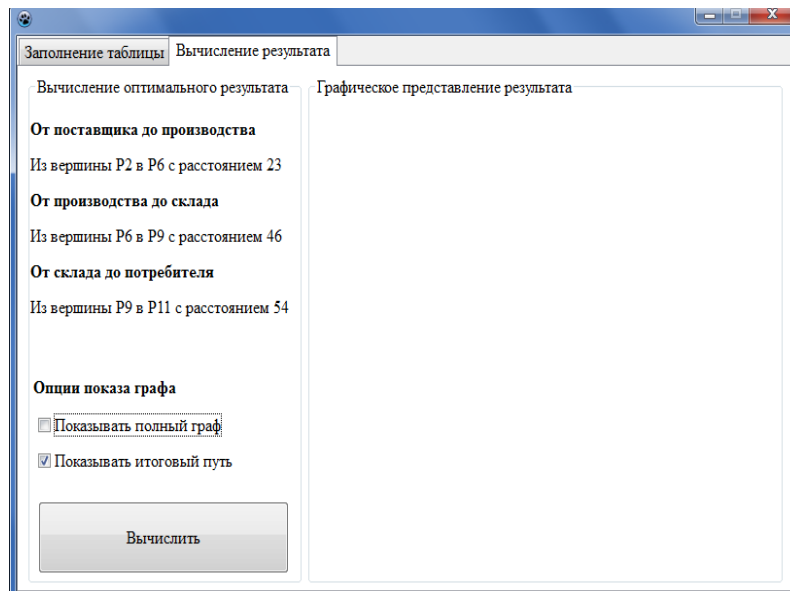

Рис. 5. Выбор вывода формата оптимальной логистической цепи

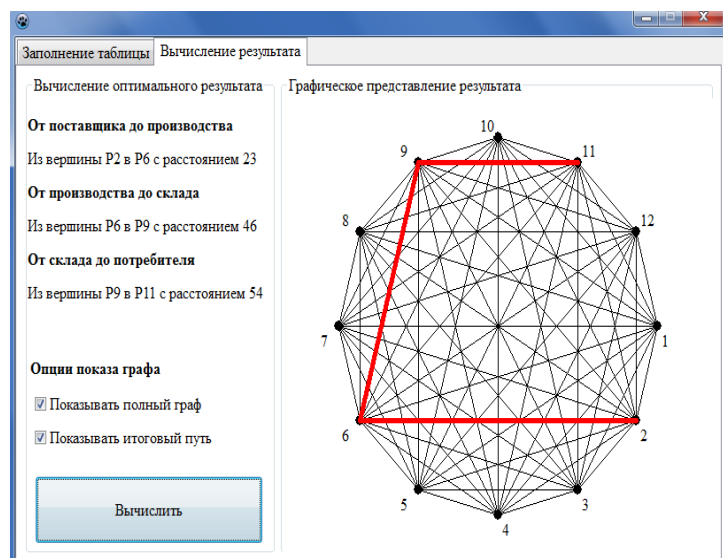

Рис. 6. Оптимальная логистическая цепь на полном графе

В случае, когда выбрана опция «показывать итоговый путь», программа выдает результат в виде логистической цепи, представленной на рис. 7.

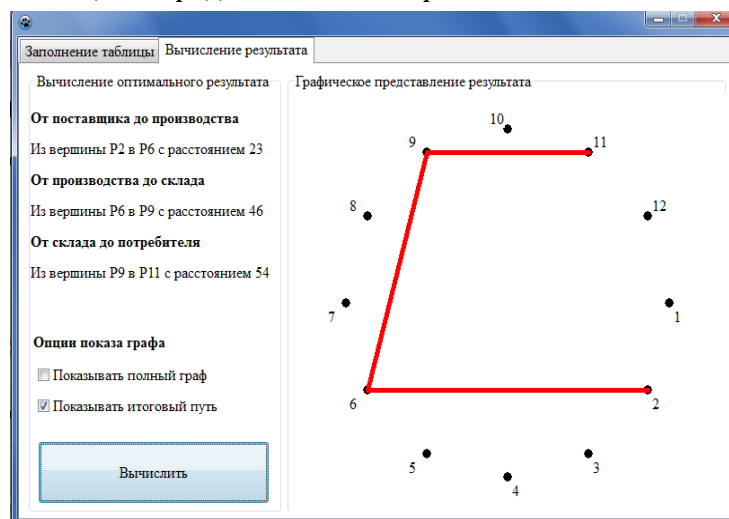

Рис. 7. Оптимальная логистическая цепь

Разработанный программный продукт является гибким, что позволяет вносить дополнения и корректировки в листинг модулей проекта. Например, можно применить разработанное приложение «Оптимизация процесса товародвижения» на других критериях, таких как качество сырья, качество готового продукта, соотношение качества и стоимости готового продукта.

Литература

1. Аникин Б.А. Логистика: Учебное пособие. М.: ИНФРА – М, 1997. 327 с.
2. Гимади Э.Х., Глебов Н.И., Перепелица В.А. Алгоритмы с оценками задач для дискретной оптимизации / В сб. Проблемы кибернетики. Вып. 31. М.: Наука, 1975. С. 35 – 42.
3. Емеличев В.А., Перепелица В.А. Сложность дискретных многокритериальных задач // Дискретная математика. 1994. Т. 6. № 1. С. 3 – 33.
4. Емеличев В.А., Мельников О.В., Сарванов В.И., Тышкевич Р.И. Лекции по теории графов. М.: Наука, 1990. 384 с.
5. Емельянов С.В., Ларичев О.И. Многокритериальные методы принятия решений. М.: Знание, 1985. 32 с.
6. Перепелица В.А., Петова Е.Х. Исследования отношений подчиненности в математических моделях формирования целевых групп исполнителей / В сб. «Математическое моделирование и компьютерные технологии». Нижний Архыз: РАН CAO, 1999. С. 1 – 7.
7. Петова Е.Х. Проблема нахождения множества альтернатив для многокритериальной задачи формирования целевых групп. Препринт №133Т. Нижний Архыз: РАН CAO., 1999. С. 1 – 13.
8. Перепелица В.А. Многокритериальные модели и методы для задач оптимизации на графах. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 337 с.

Bezhanova Elena Khusinovna, Candidate of Physics and Mathematics, Docent, North Caucasian state academy (36, Stavropolskaya St., Cherkessk, KarachayCherkess Republic, 369000, Russian Federation).

E-mail: lenab-p@mail.ru

Temirova Lilia Gumarovna, Candidate of Physics and Mathematics, Docent, North Caucasian state academy (36, Stavropolskaya St., Cherkessk, KarachayCherkess Republic, 369000, Russian Federation).

E-mail: blg1961@rambler.ru

Shkhagoshev Rustam Valentinovich, Candidate of Economic Science, Docent of Chair of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-onDon, 344002, Russian Federation). E-mail: shhagoshev@mail.ru

PROGRAM IMPLEMENTATION OF GOODS-FLOW LOGISTICS PROBLEM

Abstract

The article considers an economic and mathematical model of a logistic problem based on graph theory and the theory of multi-criteria optimization. A vector objective function of the form Minsum is defined on the set of acceptable solutions. The problem of decision-making is based on the use of information technology.

Keywords: logistic task, multi-criteria, graph theory, vector objective function, programming language, logistic chain, logistic support, logistic process efficiency, goods movement.

References

1. Anikin B.A. Logistika: Uchebnoe posobie. M.: INFRA – M, 1997. 327 p.
2. Gimadi E.H., Glebov N.I., Perepelica V.A. Algoritmy s ocenkami zadach dlya diskretnoj optimizatsii / V sb. Problemy kibernetiki. Vyp. 31. M.: Nauka, 1975. P. 35 – 42.
3. Emelichev V.A., Perepelica V.A. Slozhnost' diskretnyh mnogokriterial'nyh zadach // Diskretnaya matematika. 1994. T. 6. № 1. P. 3 – 33.
4. Emelichev V.A., Mel'nikov O.V., Sarvanov V.I., Tyshkevich R.I. Lekcii po teorii grafov. M.: Nauka, 1990. 384 p.
5. Emel'yanov S.V., Larichev O.I. Mnogokriterial'nye metody prinyatiya reshenij. M.: Znanie, 1985. 32 p.
6. Perepelica V.A., Petova E.H. Issledovaniya otnoshenij podchinennosti v matematicheskikh modelyakh formirovaniya celevykh grupp ispolnitelej / V sb. «Matematicheskoe modelirovanie i komp'yuternye tekhnologii». Nizhnij Arhyz: RAN CAO, 1999. P. 1 – 7.
7. Petova E.H. Problema nahozhdeniya mnozhestva al'ternativ dlya mnogokriterial'noj zadachi formirovaniya celevykh grupp. Preprint №133T. Nizhnij Arhyz: RAN CAO., 1999. P. 1 – 13.
8. Perepelica V.A. Mnogokriterial'nye modeli i metody dlya zadach optimizatsii na grafah. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 337 p.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Волков Геннадий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: gwolkow061@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируются реальные достижения и дальнейшие перспективы в процессах цифровизации и интеллектуализации российского топливно-энергетического комплекса в условиях трансформации мирового производственного комплекса в постпандемийный период и проблематика сохранения занимаемых позиций российскими нефтедобывающими компаниями на мировом топливном рынке.

Ключевые слова: нефтедобывающий комплекс, сырьевой рынок, углеводороды, декарбонизация, цифровизация, технология CCUS, совокупный объем, интенсивность выбросов, парниковый газ, неуглеродный сегмент.

Проблематика развития сектора реального производства в условиях процессов глобализации мировой экономики теснейшим образом связана с инновационно-технологической составляющей, позволяющей максимально оптимизировать производственные процессы в условиях постоянно меняющейся конъюнктуры мирового сырьевого рынка. Однако при всем многообразии современных инновационных технологий, широко используемых на каждом этапе глобальных производственных цепочек, традиционная природно-сырьевая основа сохраняет свою актуальность даже в тех процессах, где активно внедряются инновационные разработки и альтернативные традиционным сырьевые продукты.

Однако учитывая реальную ситуацию в мировой экономике, для стабилизации спроса на мировом сырьевом рынке странами ОПЕК+ было принято очередное решение о снижении объемов нефтедобычи примерно на 10 млн баррелей в сутки (б/с) при одновременном введении ограничительных квот, максимальный показатель которых был установлен для РФ и Саудовской Аравии. В итоге, по итогам 2020 г, согласно опубликованным данным, совокупный объем сырой нефти и конденсата, добытых российскими компаниями, приблизился к отметке в 512,68 млн тонн, что на 8,6% ниже, чем в 2019 г.

В составленный по итогам деятельности рейтинг крупнейших нефтедобывающих компаний РФ вошли: «Роснефть», доля которой в совокупном объеме составляет 179,96 млн т (35,1% от общей добычи), ЛУКОЙЛ с показателями 73,43 млн т (14,32%), «Сургутнефтегаз» – 54,75 млн т (10,68%), «Газпром нефть» – 38,92 млн т (7,59%); «Татнефть» – 26,01 млн т (5,07%) [1, с. 28].

Тем не менее, несмотря на временный спад, учитывая темпы восстановления в постпандемийный период мировой экономики в целом, и сырьевого рынка в частности, согласно расчетам большинства аналитиков спрос на углеводороды ожидает перспективный устойчивый рост [2, с. 51].

В этой ситуации, проблематика разведки, добычи и последующей транспортировки природного сырья сохраняет свою актуальность, что особенно важно для современной российской экспортной модели, в которой доминирующая роль принадлежит топливно-сырьевым товарным позициям.

Учитывая реальный и перспективный уровень мировой конъюнктуры, лидер рейтинга крупнейшая российская ТНК «Роснефть» стремится постоянно совершенствовать процессы экономической деятельности, максимально учитывая не только чисто экономические интересы, но и требования по обеспечению должного уровня экологической безопасности. Проблема экологически ориентированного производства, с учетом объективных природно-климатических изменений, начиная со второй половины 80-х годов XX века трансформировалась в глобальную, поскольку от ее решения зависит будущее всей человеческой цивилизации [3, с. 145].

В частности, проблема загрязнения окружающей среды продуктами нефтедобычи, переработки и особенно транспортировки, объективно требуют поиска мер по нейтрализации и утилизации самих причин загрязнения – остатков нефтепродуктов. Развитие современной науки позволяет решать данную проблему в разных направлениях, используя достижения химии, биохимии, микробиологии, биологии и т.д.

Специалистами «Роснефти» были разработаны и протестированы в условиях низких температур, характерных для регионов активной добычи, микробные препараты, жизнедеятельность которых позволяет максимально утилизировать широкий спектр нефтепродуктов. Кроме того, данные биотехнологии положительно зарекомендовали себя при использовании их для сбора нефтепродуктов с водной поверхности или придонных отложений.

По итогам проведенных научно-исследовательских работ было получено 39 патентов на микробные препараты и психрофильные штаммы микроорганизмов, продемонстрировавших максимальную конечную эффективность при утилизации различных нефтепродуктов в условиях холодной морской среды. Сам факт подобной деятельности свидетельствует в пользу того, что российская нефтедобывающая компания взяла на себя повышенную экологическую ответственность за состоянием природного ареала в регионе.

Особое значение научно-практических разработок в данном направлении определяется перспективным транспортно-экономическим развитием российского Севера, особенно в северном районе Карского моря, и строительством инфраструктуры Северного морского пути. Поскольку перспективное развитие природных богатств Арктического региона определено в качестве приоритетного, продолжение работ в данном направлении позволит максимально использовать достижения российской науки в данном сегменте.

Важнейшей проблемой, связанной с энергетическо-производственным сектором, является возможность сокращения выброса вредных продуктов производственного цикла, прежде всего CO₂. Проблематика декарбонизации мировой энергетической структуры опосредовала появление технологии, предполагающей соединение в единые целые процессы улавливания, утилизации и хранения углерода, получившей обозначение CCUS (Carbon Capture, Utilization and Storage).

В настоящее время данная методика является одной из основных при структурировании процесса перехода к максимально экологически чистому процессу, поскольку позволяет существенно снизить объем вредных выбросов от процессов экономической деятельности, прежде всего в тех секторах, на которые приходится максимальная доля выбросов: тяжелая и добывающая промышленность. Именно на эти два сегмента мировой экономики приходится в общей сложности более 20% глобальной эмиссии двуоксида углерода (CO₂).

В числе важнейших преимуществ технологии улавливания и хранения углерода специалисты выделяют возможность компенсации высоко затратного процесса прямого удаления парниковых выбросов. Учитывая данное обстоятельство, компания «Роснефть» уделяет максимальное внимание технологии удаления выбросов углекислого газа (CO₂) из атмосферы, выделяя примерно 30 % «зеленых» инвестиций для организации необходимых мероприятий [4, с. 44].

Несмотря на ситуацию с санкционным противостоянием, компания продолжает сотрудничество с транснациональной газовой компанией – концерном BP, что позволяет максимально продуктивно реализовывать намеченные проекты. В частности, все что прямо или косвенно связано с CCUS, носит приоритетный характер для компаний партнеров, постоянно расширяющих взаимодействие в процессе реализации «зеленых» технологий.

Реализуя основные положения обозначенной стратегии развития компании, в зеленые технологии компания уже инвестировала свыше 120 млрд руб. из заложенных в рамках пятилетней реализации 300 млрд руб., что позволило добиться экономии более 1,7 млн т нефтяного эквивалента энергии в производстве.

В рамках плана мероприятий по снижению вредных выбросов в процессах добычи углеводородов, компания планирует увеличить долю добываемого природного газа в совокупном объеме добываемого сырья. В частности, согласно опубликованным данным, компании удалось довести показатель доли природного газа в объеме добычи 2020 г. до 20 %, и, учитывая спрос на голубое топливо на мировом сырьевом рынке и прогнозные оценки динамики спроса, компания планирует к концу 2022 г. повысить данный показатель до 25 %.

Согласно представленным расчетам экспертов компании, по итогам анализа интенсивности прямых выбросов парниковых газов за 2019 г. компании в секторе Upstream – к которому относят всю совокупность работ по разведке и добыче нефти, одного из самых прибыльных и одновременно авантюрных – была оценена рынком всего в 19,6 кг CO₂-эквивалента на баррель нефтяного эквивалента (бнэ), в то время, как у мировых гигантов BP и ExxonMobil, данный показатель составил 25,9 и 35,3 CO₂-эквивалента на бнэ соответственно [5, с. 279].

Согласно долгосрочному сценарию развития компании, запланировано поэтапное сокращение объемов выброса парников газов до 20 млн т CO₂-эквивалента при одновременном сокращении показателя интенсивности выбросов в процессах нефтегазодобычи не менее, чем на 30 %. Кроме того, предполагается достижение показателя интенсивности выбросов метана не ниже 0,25 %, и, что является самым важным, добиться «нулевого сжигания» попутного газа.

Параллельно с лабораторными исследованиями, компания организовала ряд научно-исследовательских экспедиций, целью которых был мониторинг ледовой обстановки прибрежной линии Северного ледовитого океана и реальность расширения экономической деятельности с учетом перспективных работ по добычи природного сырья. Для получения максимально точных данных, компания впервые за всю историю освоения арктического шельфа России, апробировала технику бурения «малоглубинных» скважин в скальном грунте.

Такая технология позволила оперативно корректировать оптимальное положение точек строительства скважины, что значительно снизило себестоимость выполняемых работ. На основании анализа представленных образцов, полученных в процессах бурения, специалисты компании смогут получить исчерпывающую информацию, а последующее создание компьютерно-математической геологической модели, позволит выделить наиболее объемные нефтегазовые месторождения в пределах Северо-Карского осадочного бассейна и моря Лаптевых.

Одновременная активная экономическая и научно-исследовательская деятельность компании позволяет позиционировать ее в качестве реального драйвера геолого-экологического и производственно-транспортного процессов освоения российского Севера.

Упомянутые мероприятия можно обозначить в качестве одного из составных компонентов процессов разведки и последующей добычи углеводородного сырья. Важнейшим следствием процессов глобализации мировой экономики явился «запуск» механизма цифровизации и поступательный переход к цифровой экономике. Российский сегмент также активно включился в данные процессы, следствием чего процесс цифровизации нефтегазового сегмента российской экономики в разносрочной перспективе позволит решить двойную задачу любого производственного процесса: снизить уровень производственных затрат при одновременном увеличении объемов производства (в нашем случае объемов добычи) [6, с. 21].

На сегодняшний день, доля российского сегмента на мировом рынке цифровых технологий, используемых в процессах разведки и добычи, составляет примерно \$100 млн, что в процентном выражении составляет 5%, при условии, что сегмент мирового рынка цифровых продуктов, используемых для исследовательских работ различных горных образцов превышает отметку в \$2 млрд в год.

Согласно аналитико-прогнозным оценкам, уже к концу нынешнего года, даже с учетом негативных последствий карантинных ограничений и санкционного давления, доля РФ в совокупном объеме цифровых продуктов в сегменте геологоразведочных работ, секторе добычи и транспортировки может возрасти до отметки в 6–7 %. Обозначенный рост специалисты связывают именно с разработками «Роснефти», значение которых может быть оценено как транснациональное [7, с. 19].

Но самым главным результатом данной деятельности является сохранение должного уровня конкурентоспособности на глобальном сырьевом рынке в целом и его нефтегазовом сегменте, в частности. Активное развитие мирового производственного комплекса на протяжении всего XX в. объективно определило крайне высокий спрос на углеводородное сырье, добыча которого велась опережающими темпами.

Однако поскольку данный вид сырья относится к категории невозполнимых природных ископаемых, то к началу XXI в. объективно проявилась проблематика разведки новых месторождений, залегающих на достаточно большой глубине в труднодоступных районах, на морском шельфе, обладать всеми характеристиками «нефти высокой вязкости» и т.д., которые могут быть классифицированы как «трудноизвлекаемые запасы» [8, с. 64]. Если на предыдущих

этапах разработка подобных месторождений считалась неэффективной, то в сложившихся условиях она представляет собой реальную возможность сохранения занимаемых позиций в мировой экономике.

Разработка и использование современных технологий становится все более затратным процессом, предполагающим использование в процессе всех этапов деятельности от разведки до транспортировки, новейших достижений различных областей прикладной науки. В частности, такие компании, как Shell и Total постоянно расширяют практику использования промышленных роботов на наиболее проблемных этапах разведки и добычи, концерн Statoil внедряет технологию SD-визуализации, компания BP, активно использующая технологию добычи с использованием автономных морских добывающих платформ, приступила к реализации долгосрочного мега проекта, связанного с применением промышленного «Интернета вещей».

Особый интерес с точки зрения использования в российских реалиях, представляет практика использования компаниями Chevron и Shell беспилотных летательных аппаратов для постоянного мониторинга технического состояния трубопроводов, оперативного устранения фактов протечки, механического повреждения и т.д.

Реалии глобальной трансформации и технологии современной нефтедобычи актуализировали проблематику использования в процессах механизации и автоматизации сегмента добычи и транспортировки углеводородов искусственного интеллекта, а также возможностей виртуальной реальности в процессах построения вероятностных моделей развития производственных процессов и проявления реальных и перспективных рисков.

Российские специалисты нефтедобывающих компаний также стремятся максимально включиться в данные процессы, используя возможности нанотехнологий, прежде всего отечественного производства, а также перспективные зарубежные наработки, которые могут быть использованы с учетом адаптации к российским реалиям. Например, специалисты «Роснефти» постоянно модернизируют процессы добычи углеводородов, используя процедуру многоступенчатого бурения с использованием технологии гидроразрыва пласта.

Фактически реальным ускорителем процесса научно-технологических разработок и создания собственного программного обеспечения стал переход к политике импортозамещения. Дополнительное инвестирование в сегмент разработок позволило техническим отделам «Роснефти» не только создать необходимые программные продукты, но и обеспечить их превосходство по результативности и числу предлагаемых альтернативных решений в сравнении с зарубежными аналогами.

В качестве примера можно привести программу, которая позволяет произвести оцифровку для получения 3D модели любого образца породы из разных скважин. Полученный таким образом образец помещается в электронный банк данных, дальнейшее использование которых позволяет сопоставлять свойства различных образцов породы на разных уровнях залегания, что особенно важно для прогнозирования перемещения нефтесодержащих жидкостей в коллекторах различных типов. В конечном итоге, процесс цифрового моделирования использования большого числа вариантов добычи позволяет выделить именно тот метод, который обеспечивает максимальный объем нефти.

Важнейшим преимуществом такого подхода является возможность использования в процессе анализа всей совокупности образцов, использование которых в «материальном» виде многократно затруднено в силу крайней сложности добычи в процессах тестового бурения, крайне высокой стоимости и длительного временного интервала.

В числе важнейших конкурентных преимуществ компании необходимо выделить деятельность по проведению научных исследований: в особом исследовательском подразделении заняты около 20 тыс. специалистов, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность в 34 корпоративных научных институтах, что позволяет позиционировать данный сектор в качестве крупнейшего в мире научного кластера [9, с. 81].

Согласно прогнозным оценкам аналитиков, любые затраты, связанные с проблематикой цифровизации в данном сегменте полностью оправданы, поскольку в разнорочной перспективе возможно значительное снижение уровня капитально-операционных затрат при одновременном сокращении временного промежутка самого процесса добычи.

Кроме этого, учитывая инновационную составляющую и многоплановость проводимых научно-исследовательских работ, можно уверенно прогнозировать снижение негативного

влияния производственных процессов на экологию. Учитывая степень заинтересованности актором мирового сырьевого рынка в подобных технологиях, их продажа на глобальном рынке технологий обеспечит компании дополнительный объем прибыли.

Еще один крупнейший игрок российского энергетического рынка компания Лукойл также активно использует возможности, предоставляемые цифровизацией для оптимизации процессов добычи и переработки. В частности, в конце 2019 г. компания запустила в эксплуатацию проект «умная платформа Digital ASTRA», представляющий собой полнофункциональный продукт, размещенный на нефтедобывающей платформе в акватории Каспийского моря.

В процессе использования добывающего оборудования особую проблему представляет диагностика его технического состояния и минимизация проявления рисков техногенного характера. Использование всего спектра возможностей, предоставляемых Digital ASTRA, позволяет осуществлять весь комплекс необходимых мер диагностики в реальном времени при одновременной передаче комплексных данных о его техническом состоянии и прогнозировать вероятность выхода из строя отдельных узлов и всего комплекса в целом в краткосрочной перспективе. Данный проект вызывает особый интерес, поскольку адаптирован к реалиям добычи углеводородов в условиях использования автономных плавучих комплексов. Аналитики считают, что в случае продолжительного периода позитивного эффекта, представленные разработки могут быть использованы при организации процессов добычи углеводородов на Арктическом шельфе.

Компания «Башнефть» использует для оптимизации процессов добычи на Илишевском месторождении цифровую модель, созданную по «блочному принципу». Данный принцип предполагает одновременное использование нескольких технологий, позволяющих в конечном итоге за счет оптимизации реального производства увеличить совокупный объем добычи примерно на 1 млн тонн нефти, довести общее число объектов, находящихся в режиме дистанционного управления до 60 %. Кроме того, ожидается поступательное увеличение показателя энергоэффективности в среднем на 5 %, при одновременном снижении совокупных логистических издержек на 4–5 %. В конечном итоге, реализация запущенного проекта обеспечит компании общий экономический эффект, который выражении в стоимостном выражении может превысить отметку в 1 млрд руб.

При создании данного цифрового продукта, специалисты компании в качестве основных включили следующие компоненты: создание «цифрового двойника» посредством 3D-технологии для максимальной визуализации перспективного процесса, использование интеллектуальных систем мониторинга в режиме реального времени состояния всех трубопроводов и вспомогательных узлов, что позволяет своевременно «просчитать» вероятность отклонения штатных режимов от заданных параметров.

Учитывая тот факт, что в процессе добычи необходим мониторинг степени «заводнения» разрабатываемого нефтяного пласта, предполагается использование системы управления, позволяющей максимально контролировать технологический процесс. Особое внимание уделено системе мониторинга энергопотребления задействованных систем и совокупный уровень нагрузок в электросетях для предотвращения их перегрузок [10, с. 26].

Однако большинство аналитиков выделяют нефтедобывающую отрасль в качестве «низкоэластичной» с точки зрения радикальной модернизации и ускоренного введения разного рода капиталоемких новшеств. В связи с этим процесс цифровизации отрасли может быть рассмотрен в качестве катализатора при принятии необходимых кардинальных решений на основании сбалансированной оценке совокупных рисков, что, в свою очередь, объективно будет способствовать повышению общего уровня производительности нефтедобывающих компаний.

Также процесс цифровой трансформации российской нефтедобывающей отрасли можно рассматривать в качестве реального драйвера для развития российской экономики в условиях санкционного противостояния и выхода из режима карантинных ограничений, поскольку речь идет о мультипликативном эффекте для всей отечественной экономики.

Согласно прогнозным оценкам специалистов, примерно к 2035 г. совокупный эффект от реализации в полном объеме планов по цифровизации в денежном выражении может превысить отметку в 700 млрд руб. ежегодно. Этого возможно будет достичь благодаря поступательному снижению уровня совокупных затрат на проведение геолого-разведывательных работ и оптимизации процесса добычи на 10–15 % при одновременном сокращении контрольных сроков ввода объектов в эксплуатацию минимум на 40 %.

Реалии перехода к постиндустриальной экономике актуализируют проблематику ресурсосберегающих и природоохранных технологий, что с одной стороны будет способствовать изменению традиционных производственных циклов, а с другой может представлять реальную угрозу российскому сырьевому экспорту. Следовательно, в числе важнейшего риска для российского углеводородного экспорта необходимо рассматривать широкомасштабный отказ от традиционных энергоресурсов по мере технологического развития мирового производственного комплекса и постоянного создания новейших производственно-сбытовых цепочек для товарных групп с высокой долей добавленной стоимости.

Фактически речь идет об опережающей модернизации разработки и добычи традиционных углеводородов. Современные реалии эксплуатации производственных комплексов таковы, что, несмотря на активно доказываемые преимущества «зеленой энергетики» и использования альтернативных источников энергии, они продолжают потреблять необходимые объемы традиционного сырья – нефти и природного газа. Однако данная ситуация объективно изменится уже в среднесрочной перспективе, учитывая скорость разработки и внедрения как новейших, так и «закрывающих технологий».

Принимая во внимание такую перспективу, необходимо дополнить программы по развитию традиционного углеродного сегмента программой развития неуглеродного сегмента, при одновременном увеличении объемов российского технологического экспорта и услуг технологического характера. Решить данную задачу возможно только при условии максимально быстрой интеллектуализации и цифровой трансформации всего российского топливно-энергетического комплекса.

Еще одной причиной ускоренной трансформации отрасли можно считать увеличение объемов потребления электроэнергии при одновременном снижении объемов традиционного «жидкого топлива».

Ситуация с пандемией, вызванной распространением вируса COVID-19, наглядно продемонстрировала несостоятельность неолиберального тезиса о максимальном исключении государства в экономике. Именно оперативные действия китайского и российского государства помогли минимизировать потери национальных экономик от карантинных ограничений.

С учетом реальной ситуации в мировой экономике роль института государства в качестве реальной поддержки национального экономического комплекса сохраняет свою актуальность. Разработанная система мер поддержки российской добывающей отрасли на перспективу позволит российскому ТЭК сохранить занимаемые позиции на мировом топливно-энергетическом рынке и должный уровень конкурентоспособности.

Литература

1. 70 лет компании «Татнефть»: все только начинается // Территория «НЕФТЕГАЗ». 2020. № 7–8. С. 20 – 36.
2. Кормишкина Л.А. Проблемы и ограничения экспортно-сырьевой модели экономического роста в России: взгляд сквозь призму последствий пандемии COVID-19 // Финансовая экономика. 2020. № 6. С. 48 – 56.
3. Паршакова Н.С. Стратегия развития ПАО НК «Роснефть» на международных рынках // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1–1 (59). С. 144 – 146.
4. Лаптев В.В. Возвращение России на мировой рынок нефтегазсервиса // Бурение и нефть. 2021. № 1. С. 40 – 45.
5. Базаров А.Р. Применение современных технологий трудноизвлекаемой нефти как главный фактор роста добычи в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. 2020. № 1. С. 277–280.
6. Колесникова О.И., Ульянов А.П. Внедрение экономико-математической модели в процесс подготовки и реализации коммерческого предложения нефтесервисных услуг на российском рынке // Международный исследовательский журнал. 2021. № 1-4 (103). С. 18 – 23.
7. Ветров И.Р. Экономика разработки нефтегазовых месторождений северных морей ПАО «Роснефть» // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 4 (43). С. 17 – 20.
8. Мастепанов А.М. Перспективы нефтегазового комплекса на востоке России // Энергетическая политика. 2020. № 10 (152). С. 62 – 73.
9. Каширский Д.В., Вахрушева И.А., Паромов С.В., Сафин М.Ф. Концепция цифровизации лабораторных центров ПАО «НК «РОСНЕФТЬ» на примере развития информационной системы РН-ЛАБ // Нефтяное хозяйство. 2020. № 2. С. 79 – 83.

10. Хасанов И.И., Рахматуллина Ю.А., Шакиров Р.А. Внедрение цифровых технологий в нефтегазовую отрасль России // Транспорт и хранение нефтепродуктов и углеводородного сырья. 2020. № 4. С. 24 – 28.

Volkov Gennady Yurievich, PhD (Econ.), Associate Professor of the International Economic Relations Department, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: gwolkow061@rambler.ru

**DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN OIL INDUSTRY
AS A FACTOR OF MAINTAINING COMPETITIVENESS
IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL INNOVATION ECONOMY DEVELOPMENT**

Abstract

The real achievements and prospects for the development processes of digitalization and intellectualization of the Russian fuel and energy complex are analyzed in the article. These processes are considered in the context of the global production complex transformation in the post-pandemic period and problems of the Russian oil companies maintaining positions in the global fuel market.

Keywords: oil production complex, raw materials market, hydrocarbons, decarbonization, digitalization, CCUS, total volume, emission intensity, greenhouse gas, non-carbon segment.

References

1. 70 let kompanii «Tatneft'»: vse tol'ko nachinaetsya // Territoriya «NEFTEGAZ». 2020. № 7–8. P. 20 – 36.
2. Kormishkina L.A. Problemy i ogranicheniya eksportno-syr'evoy modeli ekonomicheskogo rosta v Rossii: vzglyad skvoz' prizmu posledstvij pandemii COVID-19 // Finansovaya ekonomika. 2020. № 6. P. 48 – 56.
3. Parshakova N.S. Strategiya razvitiya PAO NK «Rosneft'» na mezhdunarodnyh rynkah // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2020. № 1–1 (59). P. 144 – 146.
4. Laptev V.V. Vozvrashchenie Rossii na mirovoj rynek neftegazservisa // Burenie i nef't. 2021. № 1. P. 40 – 45.
5. Bazarov A.R. Primenenie sovremennyh tekhnologij trudnoizvlekaemoj nef'ti kak glavnyj faktor rosta dobychi v Rossijskoj Federacii // Innovacii i investicii. 2020. № 1. P. 277–280.
6. Kolesnikova O.I., Ul'yanov A.P. Vnedrenie ekonomiko-matematicheskoy modeli v process podgotovki i realizacii kommercheskogo predlozheniya nef'teservisnyh uslug na rossijskom rynke // Mezhdunarodnyj issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 1-4 (103). P. 18 – 23.
7. Vetrov I.R. Ekonomika razrabotki nef'tegazovyh mestorozhdenij severnyh morej PAO «Ros-neft'» // Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2020. № 4 (43). P. 17 – 20.
8. Mastepanov A.M. Perspektivy nef'tegazovogo kompleksa na vostoке Rossii // Energeticheskaya politika. 2020. № 10 (152). P. 62 – 73.
9. Kashirskij D.V., Vahrusheva I.A., Paromov S.V., Safin M.F. Konceptiya cifrovizacii laboratornyh centrov PAO «NK «ROSNEFT'» na primere razvitiya informacionnoj sistemy RN-LAB // Neftyanoe hozyajstvo. 2020. № 2. P. 79 – 83.
10. Hasanov I.I., Rahmatullina YU.A., SHakirov R.A. Vnedrenie cifrovyyh tekhnologij v nef'tegazovuyu otrasl' Rossii // Transport i hranenie nef'teproduktov i uglevodorodnogo syr'ya. 2020. № 4. P. 24 – 28.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ НДС В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Голик
Елена
Николаевна**

доктор экономических наук, профессор кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: golik-en@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Повышение экономической и налоговой безопасности обеспечивается в процессе использования цифровых технологий, которые позволяют достичь качественно новый уровень институализации и менеджмента в сфере хозяйственной деятельности. В статье анализируются элементы использования цифровой системы информации в ФНС России, их направленность на достижение автоматизации налоговых процессов и оптимизации транзакционных издержек, что способствует снижению рисков и угроз в экономике. Особое внимание уделяется цифровизации технологических процессов администрирования налога на добавленную стоимость, обладающего высоким фискальным потенциалом.

Ключевые слова: российская экономика, экономическая безопасность, цифровизация администрирования, налоговое администрирование, налог, налоговые доходы, федеральный бюджет, рентные доходы, налог на добавленную стоимость.

Современный этап функционирования российской экономики подвержен значительным рискам и угрозам. Глобальная пандемия коронавирусной инфекции резко изменила условия реализации экономической политики, оперативно переориентированной в направлении содействия борьбе с ее последствиями и создания оптимальных условий для скорейшего восстановления экономики. В сложившихся условиях возникла необходимость поиска новых решений, направленных на создание целостной модели преобразования, трансформирующейся на принципах новационности и действенности налоговой системы. Важная роль в данном процессе отводится повышению эффективности функционирования налогового администрирования с использованием новейших информационно-цифровых технологий. Это позволит обеспечить стабильность и полноту поступлений в бюджет налоговых доходов, повысить уровень качества процесса взаимодействия участников налоговых отношений и, как следствие, создаст благоприятные условия для обеспечения безопасности в сфере экономики.

Размер налоговых поступлений в доходную часть государственного бюджета достаточно высок, в т.ч. за счет высокого удельного веса в них оборотных налогов и, в первую очередь, НДС. Это неправомерно рассматривать как явление, укрепляющее экономическую безопасность, поскольку еще из основ экономической теории известно, что высокое налоговое бремя – сдерживающий фактор экономического роста.

С другой стороны, при этом явно недооцениваются возможности по формированию бюджетных доходов другими, неналоговыми источниками, в т.ч. и результатами деятельности государства, как хозяйствующего субъекта, рентными доходами, доходами, получаемыми в результате научно-технических достижений и т.д.

Как следует из данных, приведенных в табл. 1, налоговые доходы составляют свыше 90% от общих доходов, и, по существу, являются основополагающей частью бюджетных доходов. Их уровень в ВВП на протяжении анализируемого периода увеличился на 1,78%, и составил в 2019 г. 32,64%. Также наблюдается высокий уровень оборотных, т.е. косвенных налогов, самым значимым из которых является налог на добавленную стоимость. На протяжении исследуемого периода отмечается рост его масштабов в ВВП более чем на треть, с 4,85% в 2013 г. до 6,45% в 2019 г. В базовом 2013 г. по удельному весу в ВВП он уступал только таможенным пошлинам, а также и страховым взносам, условно числившимся в составе налоговых доходов, тогда как в 2019 г. – только страховым взносам. Что касается налога на добычу полезных ископаемых, который в российской системе налогообложения позиционируется как рентный налог, то он количественно также уступает налогу на добавленную стоимость. Такое состояние в источниках пополнения доходной части бюджета вселяет значительную обеспокоенность с позиций экономической безопасности. Незначительный уровень использования доходов от природной ренты в бюджетных доходах, а также стабильно высокий уровень оборотных налогов (НДС, акцизы, таможенные пошлины), способствующих росту цен и сокращению совокупного спроса, усиливают угрозы и риски в экономике, сдерживают и без того низкие темпы ее роста.

Динамика налоговых поступлений в 2013-2019 гг. (% к ВВП)¹

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доходы всего	33,49	33,87	32,40	32,92	33,80	35,67	35,89
Налоговые доходы и платежи	30,86	31,36	28,97	28,64	30,35	32,48	32,64
в том числе							
Налог на прибыль организаций	2,84	3,01	3,13	3,24	3,58	3,92	4,13
Налог на доходы физических лиц	3,42	3,42	3,38	3,53	3,54	3,49	3,60
Налог на добавленную стоимость	4,85	4,99	5,10	5,34	5,59	5,75	6,45
Акцизы	1,39	1,36	1,29	1,58	1,74	1,52	1,24
Таможенные пошлины	6,81	6,99	4,05	3,08	2,80	3,55	2,75
Налог на добычу полезных ископаемых	3,53	3,68	3,88	3,42	4,50	5,86	5,55
Страховые взносы	6,36	6,28	6,42	6,67	6,71	6,51	7,12
Прочие налоги и сборы	1,67	1,65	1,73	1,78	1,88	1,88	1,82

Как и в других странах, в России реализуется программа внедрения цифровизации процессов, в том числе и в налоговую сферу. Текущий период характеризуется широким использованием электронных систем администрирования и сервисов по обслуживанию налогоплательщиков. Согласно планам ФНС России, «в перспективе налоговое администрирование должно превратиться в адаптивную цифровую платформу, работающую исключительно с цифровыми данными и электронными лицами. Со временем эту структура преобразуется в ИТ-сервис, взаимодействующий в режиме реального времени с цифровыми процессами внутри компаний-налогоплательщиков, в том числе для целей проверки правильности начисления и уплаты налогов» [1, с. 619].

С 2016 г. ФНС России широко внедряет цифровые технологии в систему налогового администрирования, которые позволяют передавать отчетность по виртуальным онлайн-каналам связи вместо стандартных почтовых процедур для последующей загрузки в базы данных налоговых органов, трансформировать формат определения объектов налогообложения, т.е. формировать ее без участия в данном процессе самого налогоплательщика, осуществлять многие контрольные мероприятия в дистанционном режиме.

Основными целями внедрения новейших цифровых технологий являются обеспечение качественно нового уровня менеджмента в налоговой системе, который позволит полностью автоматизировать процессы учета налогоплательщиков, налоговых и иных платежей в бюджет, принятия оптимальных решений в процессе планирования налоговых поступлений, снизить транзакционные налоговые издержки за счет повышения уровня информационной безопасности.

В настоящее время в цифровой информационной системе налоговых органов выделяют ряд основных элементов (рис. 1). Активное внедрение и использование налоговой службой данного комплекса элементов дает возможность сократить количество проверочных мероприятий, тем самым снизить степень административного давления на налогоплательщиков, а также увеличить показатель налоговых поступлений в бюджет.

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364178/ (дата обращения: 01.03.2021)

Рис. 1. Основные элементы цифровой системы информации ФНС России¹

В рамках дальнейшего развития электронных сервисов ФНС России с 2019 года поэтапно внедрило и активно использует в своей деятельности собственную разработку – АИС «Налог-3». Данный комплексный программный продукт является объединенной автоматизированной информационной системой, которая позволяет значительно повысить уровень автоматизации функционала деятельности Федеральной налоговой службы России в рамках своих компетенций, определенных соответствующим Положением О ФНС России, а также дает возможность в бесконтактном режиме осуществлять прием, обработку, предоставление данных и анализ информации, формирование информационных ресурсов налоговых органов, статистических данных, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере полномочий ФНС России и предоставления информации внешним потребителям².

Ряд первоочередных задач, на решение которых направлено функционирование АИС «Налог-3», представлены на рис. 2. В целом они должны обеспечить полную автоматизацию всех сфер деятельности налоговой службы, позволить в оперативном режиме получать необходимую информацию из единой базы системы.

Активное использование цифровых технологий в налогооблагаемом процессе непосредственно затрагивает и проблемы совершенствования администрирования одного из значимых налогов в системе фискальных платежей – налога на добавленную стоимость. Будучи классическим налогом косвенного вида, он дает возможность получать весомые доходы, полностью поступая в федеральный уровень консолидированного бюджета государства.

Косвенные налоги (НДС, акциз, таможенная пошлина) обладают значительным фискальным потенциалом и формируют основную часть бюджетных доходов (табл. 2). Поэтому дальнейшее совершенствование практики налогового администрирования НДС в России на основе цифровизации социально-экономических процессов является перспективным направлением его развития.

Анализ статистических данных, приведенных в табл. 2, свидетельствует, что в нефтегазовых доходах оборотные, т.е. косвенные налоги однозначно являются основным «поставщиком» налоговых доходов.

Согласно результатам исследования влияния процесса цифровизации на дальнейшее совершенствование администрирования НДС, проведенным международным валютным фондом, установлены следующие положительные стороны данного процесса (рис. 3) [3, с. 50 – 51].

¹ Составлено по: [2, с.28]

² Положение о Федеральной налоговой службе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 № 506 [Электронный ресурс] URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/gos_inf/4045827/ (дата обращения: 01.03.2021)

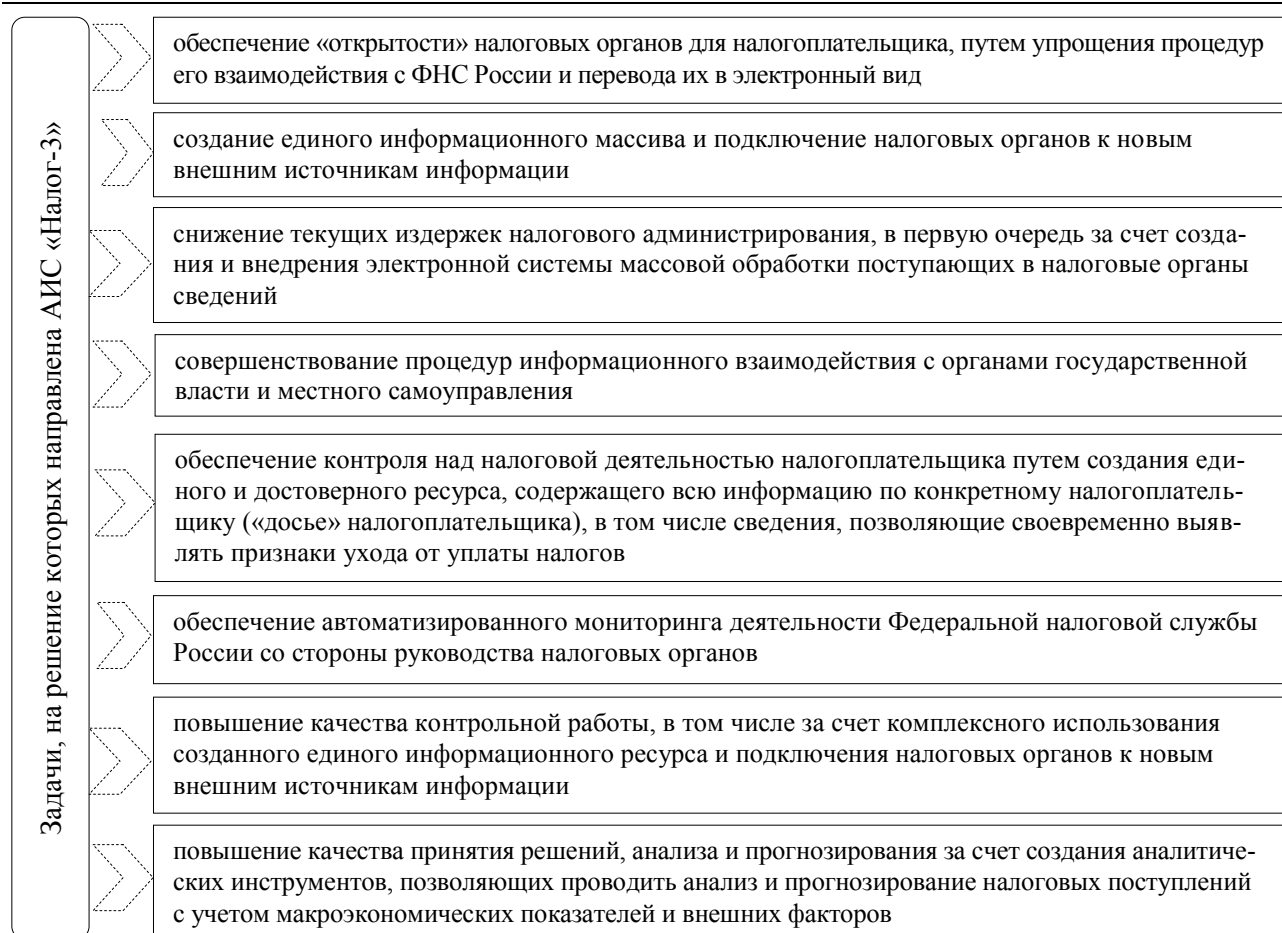
Рис. 2. Задачи, на решение которых направлена АИС «Налог-3»¹

Таблица 2

Доходы федерального бюджета в 2019-2023 гг.², млрд руб.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
ДОХОДЫ, ВСЕГО	20 188,8	17 852,4	18 765,1	20 637,5	22 262,7
%ВВП	18,3	16,7	16,2	16,6	16,8
НЕФТЕГАЗОВЫЕ	7 924,3	5 127,0	5 987,2	6 884,3	7 489,8
% ВВП	7,2	4,8	5,2	5,5	5,6
базовые НГД	4 967,4	5 508,7	6 078,3	6 181,6	6 702,5
дополнительные НГД	2 956,8	-381,7	-91,1	702,7	787,3
НЕНЕФТЕГАЗОВЫЕ	12 264,5	12 725,5	12 777,9	13 753,2	14 772,9
% ВВП	11,1	11,9	11,1	11,1	11,1
Оборотные налоги (НДС, акцизы, ввозная пошлина)	8 842,8	8 425,6	9 341,1	9 989,0	10 699,0
Налоги на доходы	1 185,0	987,6	1 257,8	1 453,3	1 555,2
налог на прибыль с капитала в офшорах			139,7	150,7	162,9
НДФЛ с высоких доходов (в т.ч. с пассивных)			60,0	164,1	171,5
Дивиденды	622,3	639,5	442,1	754,3	913,4
Другие доходы	1 614,4	2 672,8	1 736,9	1 556,6	1 605,3
перечисление прибыли ЦБ от продажи Сбербанка		1 066,0	200,0		

¹ Положение об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС «Налог-3») [Электронный ресурс] URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/gos_inf/4045827/ (дата обращения: 01.03.2021)

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364178/ (дата обращения: 01.03.2021)

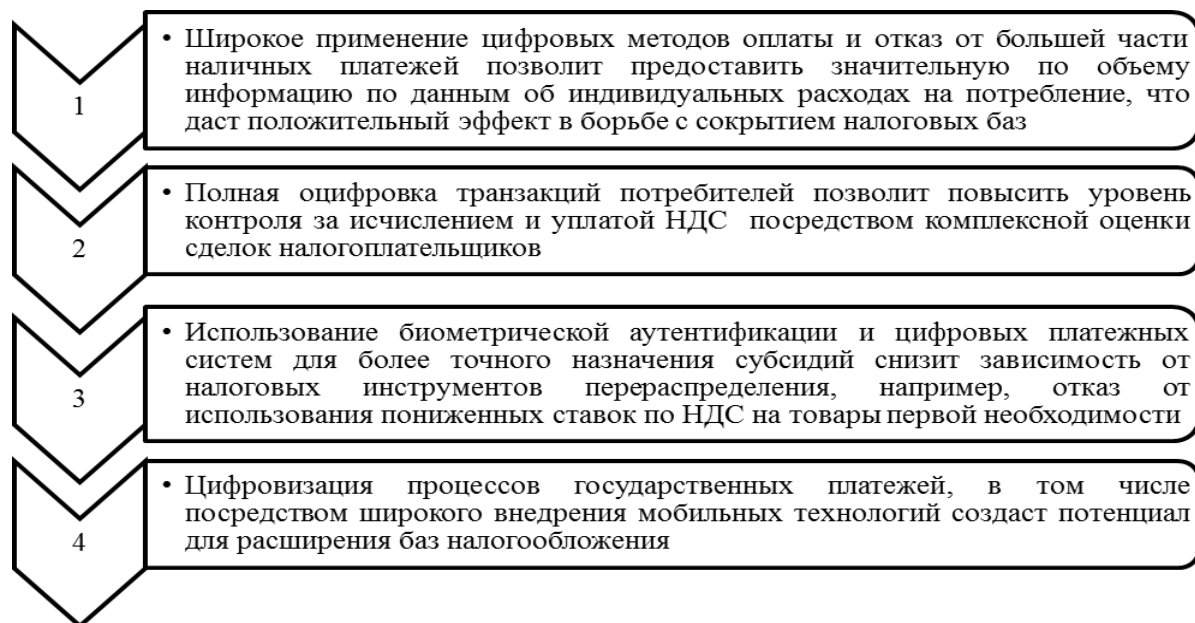

Рис. 3. Влияние цифровизации на налоговое администрирование

Налог на добавленную стоимость является не только значимым, но и наиболее проблемным в налоговой системе Российской Федерации, поэтому возможные направления совершенствования его администрирования постоянно находится в центре внимания ученых и практиков.

С 2020 года налоговой службой России применяется программный комплекс «Контроль НДС», который за счет высокого уровня автоматизации контрольного процесса позволяет выявлять тех налогоплательщиков – нарушителей налогового законодательства, которым ранее удавалось проходить контроль без замечаний, на более высоком уровне проводить процедуры отслеживания показателей в декларациях по НДС, а также осуществлять обмен между различными структурами налоговых органов информацией и отчетными формами¹.

Основной целью указанных мероприятий в рамках проведения налогового контроля является возможность в автоматическом режиме проследить всю цепочку поставщиков и покупателей, определить сумму начисленного или заявленного к вычету НДС, исключив, при этом возможности образования налогового разрыва.

На этом этапе к системе сбора и обработки информации присоединяются кредитные организации, что дает возможность помимо книг покупок и продаж, проверять в онлайн-режиме движение денежных средств по счетам налогоплательщиков, цепочки связей между несколькими компаниями и установить ошибки и разрывы в НДС.

К техническим новациям следует отнести использование выделенного элемента «Операции особого контроля», который предназначен для проведения контрольных процедур по выявлению не только плательщиков, напрямую применяющих оптимизационные схемы, но и их контрагентов. Под особый контроль налоговых органов попадают расхождения по журналам, нарушение контрольных соотношений, сомнительные начисления, несопоставляемые операции, например за счет дробления счетов-фактур по разным периодам и т. д.

В результате активного использования новых программных продуктов по данным ФНС России к концу 2020 г. показатель налогового разрыва по НДС составил всего 0,43%, в то время как несколько лет назад он держался на уровне 8 % [8]. Дальнейшее внедрение новейших технологий позволит более тщательно осуществлять контрольные мероприятия в отношении НДС.

В рамках программного комплекса «Контроль НДС» в 2021 году ФНС России будет осуществлять следующие мероприятия (табл. 3)².

¹ Новый регламент проверок НДС уже работает. Фин-инфо. [Электронный ресурс] URL: https://fininfo-nsk.ru/blog/article_post/novyy-reglament-proverok-nds-uzhe-rabotaet/ (дата обращения: 01.03.2021)

² Как будут проверять налог на добавленную стоимость в 2021 году // Финансовая газета. [Электронный ресурс] URL: <https://fingazeta.ru/finance/taxes/468996> (дата обращения: 01.03.2021)

Мероприятий налогового контроля относительно НДС в 2021 году

Мероприятия налогового контроля	Возможности реализации
Осуществление проверочных мероприятий в отношении	
движения денежных средств	Проводится с привлечением банковского сектора экономики, которые предоставляют информационные сведения относительно поступлений средств на расчетные счета налогоплательщиков. В настоящее время используемый программный продукт не проводит сверку оплат и счетов-фактур. Поэтому в случае отсутствия оплаты или оплаты за товар в минимальном размере устанавливается факт необоснованной налоговой выгоды, при исключении ситуаций отсутствия денежных средств или нестандартных формах расчетов (вексель и др.)
гарантий банков	Проводятся при использовании заявительного порядка возмещения НДС. В ходе контрольных мероприятий налоговые органы могут проверить лицензию банка на осуществление банковских операций и др. документы.
налоговых деклараций	Поданные налогоплательщиком расчеты проверяются автоматическом режиме, при этом особое внимание уделяется контрольным соотношениям. Также проверяется заявительный порядок по налогу.
использования нового регламента проверок	При осуществлении проверок строго соблюдается их регламент. Особый контроль проводится в отношении: - расхождения по журналам учета счетов-фактур. - контрольных соотношений налоговых вычетов и налоговых обязательств. - сомнительных начислений (вычеты при отсутствии оплаты налога поставщиком). - несопоставляемых операций, с признаками риска во избежание автоматизированного контроля.
применения оперативного контроля	Данный вид контроля может проводиться и в виде мониторинга, и в качестве проверок оперативного характера.
налога при совершении сделок со взаимозависимыми лицами	Осуществляются на основании уведомления о контролируемых сделках или извещения налогового органа, осуществляющего контрольные мероприятия.
Проведение осмотра помещений	Осмотр может проводиться как в рамках выездной или камеральной проверок, так и вне рамок проверки (например, осмотр документов, полученных в результате ранее проведенных контрольных мероприятий)

В целом, дальнейшее внедрение цифровизации технологических процессов в систему налогового администрирования позволит значительно повысить качество проведения контрольных мероприятий, выявить резервы роста налоговых доходов, обеспечить оптимальный уровень экономической безопасности государства.

Цифровизация является одним из действенных направлений, доводящих процесс налогообложения, в определенной мере, до автоматизации изъятия налогов. В то же время одно-сторонне было бы рассматривать данный процесс как сугубо технологическое новшество. Т.В. Деева обосновывает важное значение цифровизации на современном этапе, посредством которой обеспечиваются:

- расширение возможностей процесса установления объектов налогообложения;
- совершенствование способов заполнения налоговой отчетности.

- создание необходимых условий для участников налоговых отношений в дистанционном режиме выполнять свои обязанности в отношении исчисления и уплаты налогов, а также осуществлять мероприятия администрирования налогооблагаемого процесса [5, с. 2582].

Не отрицая значимость перечисленных новшеств в администрировании налоговых платежей как результата цифровизации, все же следует к ним подходить с позиции философского восприятия изменений во взаимосвязи качества явления и его количественного выражения. Изменения, которые несет в себе цифровизация, относятся не только к сугубо количественным параметрам, к собираемости налогов, они воздействуют на процесс реализации принципов налогообложения – равенства и свободы выбора налогоплательщика при уплате налога, его зависимости от дохода. Система выбора при этом создает более расширенное пространство

в налогообложении – выбор – платить налог или легитимно уйти из налогового поля, изменяя род деятельности, номенклатуру товаров, услуг, выполняемых работ.

Всякое укрепление, расширение выбора, в т.ч. и в налогообложении ведет к реальному использованию принципа справедливости, вне зависимости от сферы, где это происходит.

Более того, цифровизация налогообложения – это прогрессивный метод, позволяющий налогоплательщику наращивать налоговую базу за счет сокращения не только экономических, но и транзакционных и социальных издержек общества. Степень реализации принципа справедливости, а, стало быть, и гармонизация экономических интересов в налогообложении повышаются. При этом сокращаются условия для сокрытия доходов и использования других методов «оптимизации» в налогообложении и уровень теневой экономики в целом.

Таким образом, расширение и углубление теоретических познаний цифровизации налогового процесса, в т.ч. в плоскости его изменений во взаимосвязи качества явления и количественного выражения, способствует получению нового знания, трансформирующегося, в конечном счете, в приобретение выгоды налогоплательщика и государства в налоговой сфере. Это один из действенных факторов в укреплении экономической безопасности страны и ее субъектов. Также особую значимость с позиции безопасности экономики приобретает цифровизация администрирования НДС, поскольку этот налог наиболее теоретически противоречив, но при этом обладает высоким фискальным потенциалом.

Литература

1. Вишневский В.П. Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2019. Экономика. Т. 35. Вып. 4. С. 606 – 627.
2. Вишневский В.П., Гончаренко Л.И., Никулкина И.В. и др. Налоги и технологии: прошлое, настоящее и будущее налоговой системы России // TERRA ECONOMICUS. 2020. 18(4), С. 6 – 31.
3. Gupta S. Digital Revolutions in Public Finance / Gupta S., M. Keen, A. Shah, G. Verdier. International Monetary Fund, 2017. 362 с.
4. Одарич И. Как возместить НДС быстрее – новые правила камеральных проверок // Контур. [Электронный ресурс]. Контур. URL: <https://kontur.ru/articles/5903>
5. Деева Т.В. Адаптация деятельности Федеральной налоговой службы Российской Федерации к новым цифровым технологиям: АИС «Налог-3» // Экономика, предпринимательство, право. 2020. №10 (Октябрь). С. 2579 – 2591.

Golik Elena Nikolaevna, Doctor of Economics, Professor, Department of Taxation and Accounting, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: gorik-en@uriu.ranepa.ru

DIGITALIZATION OF VAT ADMINISTRATION IN THE SYSTEM OF ENSURING ECONOMIC SECURITY

Abstract

Improving economic and tax security is ensured through the use of digital technologies, which allow to achieve a new qualitatively level of institutionalization and management in the field of economic activity. The article analyzes the elements of using the digital information system in the Federal Tax Service of Russia, their focus on the automatization of tax processes and optimizing transaction costs, which contributes to reducing risks and threats in the economy. Special attention is paid to the digitalization of the technological processes of the value added tax administration, which has a high fiscal potential.

Keywords: Russian economy, security economic, digitalization of administration, tax administration, tax, tax income, federal budget, rental income, value added tax.

References

1. Vishnevskij V.P. Cifrovaya ekonomika v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii: vozmozhnosti i ograniicheniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2019. Ekonomika. T. 35. Vyp. 4. P. 606 – 627.
2. Vishnevskij V.P., Goncharenko L.I., Nikulkin I.V. i dr. Nalogi i tekhnologii: proshloe, nastoyashchee i budushchee nalogovoy sistemy Rossii // TERRA ECONOMICUS. 2020. 18(4). P. 6 – 31.
3. Gupta S. Digital Revolutions in Public Finance / Gupta S., M. Keen, A. Shah, G. Verdier. International Monetary Fund, 2017. 362 p.
4. Odarich I. Kak vozместit' NDS bystree – novye pravila kameral'nyh proverok // Kontur. [Elektronnyj resurs]. Kontur. URL: <https://kontur.ru/articles/5903>
5. Deeva T.V. Adaptaciya deyatel'nosti Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossijskoj Federacii k novym cifrovym tekhnologiyam: AIS «Nalog-3» // Ekonomika, predprinimatel'stvo, pravo. 2020. №10 (Oktjabr'). P. 2579 – 2591.

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ БИЗНЕСА: МИРОВОЙ ОПЫТ

Игнатова Татьяна Владимировна	доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru
Черкасова Татьяна Павловна	доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru
Иванова Дарья Евгеньевна	старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: d.e._ivanova@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ трех базовых сложившихся моделей реализации государственного воздействия на инвестиционную привлекательность бизнеса: модели «государство-регулятор»; модели «государство + ТНК»; модели «микроэкономика + макроэкономика + государство-координатор». Оценка результатов применения выделенных моделей и использованного инструментария отдельными странами, позволил определить наиболее перспективные методы и направления государственной политики, которые могут быть успешно адаптированы для российской экономики. К ним отнесены направления государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса, базирующиеся на: внутренних ресурсах; оптимальном использовании международного разделения труда и эффективной специализации (в том числе экспортной) на высокотехнологичной продукции, востребованной мировым рынком; создание благоприятных институциональных условий (налоговых льгот и каникул, льготных кредитов и т.д.) для инвесторов, в т.ч. зарубежных. Эти меры призваны обеспечить запуск мультипликативно-акселеративного механизма ускорения экономического развития, обуславливая положительный эффект от государственной инвестиционной политики.

Ключевые слова: инвестиционная политика государства, инвестиционная привлекательность бизнеса, мировой опыт, инструменты государственной политики, инвестиции, российская экономика, экономическое развитие, мировой рынок, международное разделение труда, инвестиционный экспорт.

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить успешные модели государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса как в развитых странах, так и в постсоциалистических странах (транзитных экономиках). Для российской экономики, безусловно, наиболее перспективными с точки зрения схожести исходных историко-экономических предпосылок являются модели, зарекомендовавшие себя и позволившие достичь определенных успехов в странах, совершивших постсоциалистический транзит. Поэтому рассмотрим их более подробно, выделив три основные модели:

1. Модель «государство-регулятор», позволившая достичь определенных успехов китайской экономике, базируется на централизованном механизме государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса, который включает систему триединых инструментария административного, рыночного и квазирыночного воздействия.

2. Модель «государство + ТНК», характерная для Финляндии, выстроена на основе баланса национально-государственных интересов и коммерческих интересов ТНК с учетом позиций страны в международном разделении труда за счет новых институциональных форм интеграционно-концентрационных процессов государственного и частного капитала.

3. Модель «микроэкономика + макроэкономика + государство-координатор», успешно реализована Чехией, со специализацией на внутривосточном конкурентном преимуществе

в туристско-рекреационной сфере путем использования гибкой государственной политики повышения инвестиционной привлекательности туристического и сопутствующего бизнеса на основе реализации интересов бизнес-структур разного уровня.

Интересна китайская модель «государство-регулятор», которая позволяет эффективно сочетать сильные стороны механизма государственной политики повышения инвестиционной привлекательности национальной экономики в сочетании с рыночными рычагами стимулирования инвестиционной активности, что отражает экономическую сущность смешанного типа экономической системы Китая. Систематизация используемого Китаем инструментария в рамках государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса позволяет выделить 5 видов мер (табл. 1).

Таблица 1

Инструментарий китайской модели государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса [1, с. 57]

№ п/п	Инструменты	Практика использования
1.	Прямое административное воздействие	Предоставление на льготных условиях земель под строительство бизнес-сооружений, отвечающих приоритетам государственной политики.
2.	Косвенные меры денежно-кредитной политики	Гибкое регуляторное воздействие Национального банка Китая (НБК) на коммерческие банки посредством установления низких процентных ставок по депозитам и ссудам в юанях, оперативного изменения обязательных норм банковского резервирования в зависимости от состояния макроэкономической конъюнктуры.
3.	Административно-рыночные инструменты	Жестко регламентированные ограничения для финансовых организаций по предоставлению пакетов инвесткредитов местным властям или под их финансовые гарантии. Каждый год НБК определяет размеры кредитных ресурсов, планируемых к выдачи для финансовых организаций.
4.	Налоговая политика в сфере инвестиций	Экономическими агентами уплачивается регулирующий налог на инвестиции в основные фонды, размер которого может быть от 0 до 30 %. Дифференциация налоговой ставки осуществляется по отраслям и секторам экономики исходя из их соотношения с установленными национальными приоритетами, а также по характеру инвестирования в новое строительство бизнес-объектов или их реновацию и капитальный ремонт.
5.	Инструментарий структурной политики	Государственная инвестиционная политика в сфере строительства ориентирована на повышение устойчивости операций и снижение спекулятивного спроса, что проявляется в установлении жестких пределов на размеры первоначального взноса с его прогрессией на покупку второго и последующего объекта жилой бизнес недвижимости, а также установление налогов на доходы от ее продажи в размере 20% для вторичного рынка и 5,5 % при продаже строительных объектов менее 5-ти лет владения ими
6.	Экспортно-инвестиционная политика	Стимулирование инвестиционного экспорта в виде прямых китайских инвестиций в другие перспективные экономики посредством использования преимущественно рыночного механизма валютного контроля и поощрения экспортно-инвестиционных проектов, позволяющих упрочнить финансовую устойчивость национального бизнеса

Активное использование смешанного инструментария китайской модели государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса предполагает системность мониторинга макроэкономической и мировой рыночной конъюнктуры и оперативную настройку механизма государственного регулирования.

Эффективность реализуемой Китаем модели государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса подтверждается позитивной динамикой основных макропоказателей национальной экономики. В частности, по величине ВВП страна стабильно

занимает устойчивую четвертую позицию в рейтинге мировых держав, уступая только американской, немецкой и японской экономикам, в 2010 году вышла на вторую позицию после США и успешно удерживает эту позицию. Количественные темпы среднегодового прироста китайского ВВП составляют около 10 %, при этом даже в 2008 – 2009 гг. не наблюдалось спада¹. Следует отметить, что китайская модель экономического развития через стимулирования инвестиций была ориентирована на «учетверение» ВВП к 2020 г., но перевыполнила запланированный результат в 1,5 раз уже к 2000 г. Данные результаты китайской макродинамики подтверждают эффективность модели «государство-регулятор» в рамках политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса [2; 3, с. 10].

Своими отличительными чертами обладает национальная модель государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса по типу «государство + ТНК» Финляндии. Ее эффективность также подтверждает высокая интенсивность динамики основных макропоказателей, что актуализирует необходимость анализа данной модели. Финской экономике удалось в течении 50 лет осуществить прорыв в развитии, используя достижение НИОКР и активную инвестиционную политику, ориентированную на технологическое перевооружение, ее удалось перейти из группы стран с аграрной экономикой в группу индустриально развитых держав как европейской, так и мировой экономики. «Экономическое чудо» ускоренного развития Финляндии состояло в частности в том, что в период 1993-2008 гг. она имела устойчивые темпы роста ВВП, которые достигали 6-10 % при средних по ОЭСР – 3 % и небольшой цикличностью в период 2009-2020 гг. со средним ежегодным темпом прироста 1%².

Достижение подобного уровня макропоказателей обеспечивалось за счет грамотной государственной инвестиционной стратегии базирующейся на эффективном использовании международного разделения труда³. Внутренние лимитирующие развитие факторы в виде низкой емкости национального рынка и ограниченности внутренних ресурсов предопределили выбор государственной экономической политики по специализации на перспективных товарах для мирового рынка. Несмотря на то, что объемы ВВП по сравнению с другими странами не велики (страна занимает 43 позицию в рейтинге 2019 г.), Финляндии удастся сохранять лидирующие позиции на мировом рынке, экспортируя такие промышленные товары, как мобильные телефоны (корпорация Nokia) и целлюлозно-бумажная индустрия (компании UPM-Kymmene, Stora Enso, Metsä Group).

Всемирный экономический форум (ВЭФ) в рамках рейтинга по индексу глобальной конкурентоспособности отдавал Финляндии 1-е место в 2001-2004 гг. (15-е в 1998 г., 11-е в 1999 г. и 5-е в 2000 г.), но в 2019 г. она опять опустилась до 11 места в рейтинге. Хотя следует отметить, что Финляндии в 2020 г. удалось войти в топ-10 экономик мира по инновационности, как по данным Bloomberg Innovation Index, так и по глобальному инновационному индексу (GII), заняв 7 место в рейтинге.

Доминирующими отраслями финской экономики стали сфера услуг (обеспечивающая 67% ВВП) и промышленность (составляющая 30% ВВП), аграрный сектор и лесное хозяйство обеспечивают около 3 % ВВП. Важное значение для Финляндии играет целлюлозно-бумажная индустрия (включая полиграфическую 6 %) в ней создается порядка ¼ ВВП, обеспечивая устойчивое развитие национальной экономики, в том числе за счет экспорта, который составляет до 90 % отраслевого производства. Развитие лесобумажной промышленности позволило создать кластерные комплексы, включающие как компании, специализирующиеся непосредственно на изготовлении целлюлозы, бумаги, картона и продукции деревообработки, так и компании смежных отраслей, обеспечивающих обслуживание целлюлозно-бумажной индустрии. В числе таких смежных сфер следует отметить лесозаготовку, лесохимическое производство, станкостроение, консалтинговые услуги, НИОКР, транспортно-логистическую отрасль, энергетику.

Важной чертой финской индустрии становится специализация на промышленной высокотехнологичной продукции, базирующейся национальных инновационных разработках,

¹ Валовой внутренний продукт. Мировой атлас. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knoema.ru/atlas/ranks/%d0%92%d0%92%d0%9f?baseRegion=CN>. – (Дата обращения: 11.03.2021).

² Там же.

³ Крупнейшие компании мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oborudunion.ru/finland/company/promyshlennost-> (Дата обращения: 20.03.2021).

отводя второстепенную роль природно-сырьевой специализации в международном разделении труда.

Интенсивный рост национальной экономики пришелся на послевоенный период. Когда был задан верный вектор государственной политики, ориентированной на использование внутренних ресурсов и сохранение национальной собственности. Законы 1919 и 1939 гг. вводили ограничительный запрет на использование зарубежных инвестиций, который сохранился вплоть до конца XX века. Финские корпорации обладали слабой инвестиционной привлекательностью и для государственной политики было важно исправить ситуацию, создав стимулы для создания новых производственных мощностей. Интенсивно развивающаяся экономика была привлекательна для национального капитала и обеспечивала прибыльность его вложения.

Выход на мировой рынок финских корпораций и их транснационализация сопровождалась узкой экспортной специализацией на высокотехнологичной продукции промышленного и информационного секторов, ростом конкурентоспособности национального бизнеса за счет девальвационной политики и усиленного расширения дочерних компаний за рубежом за счет относительно дешевой продукции.

В конце XX века финской экономике удалось успешно завершить стадию реиндустриализации за счет двух отраслей: электротехнической и микроэлектроники, вошедших в число национальных приоритетов благодаря их динамическому развитию в разрезе мирового рынка. Современным лидером стала корпорация Nokia, которая была создана в 1865 г., как цех по производству целлюлозы. В 1967 г. была организована современная корпорация Nokia Ab, путем слияния с двумя крупными компаниями Finnish Rubber Works и Finnish Cable Works. В тот период вновь созданная корпорация была многопрофильным концерном, который занимался производством от туалетной бумаги и резиновых сапог, до бытовой и компьютерной техники, военных средств связи. Вступив в цифровую эпоху раньше других, Nokia в 1970 г. выпускает цифровой коммутатор Nokia DX-200 для автоматических телефонных станций и начинает свою специализацию в сфере ИКТ, отказавшись от своих непрофильных сфер. В итоге с 1994 г. Nokia в качестве товарной специализации выбирает мобильные телефоны, быстро завоевывая сперва внутренний рынок Финляндии, а затем и мировой, увеличив свою долю на нем к 2009 г. до 39%, закрепив за собой статус успешной ТНК, обеспечивая ежегодно до 1,5% прироста ВВП страны.

Реализованная Финляндией модель государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса по типу «государство + ТНК», воплощенная, в том числе в корпорации Nokia, позволила стране эффективно встроиться в систему международного разделения труда и посредством «экономического чуда» обеспечить вхождение Финляндии в ЕС.

Выбранная модель позволила финской экономике значительно повысить инвестиционную привлекательность национального бизнеса, что обеспечило приток ПИИ в конце 1990-х гг. За пять лет стране удалось увеличить их в пять раз, благодаря развитию своих ТНК. Так благодаря корпорациям Nokia (ИКТ), Fortum Oyj (энергетика), Ensto (электротехника), Onninen (инженерное оборудование) и др. финским компаниям удалось присоединиться к европейской бизнес-элите¹.

В соответствии с информацией Института исследований финской экономики на рубеже 80-х гг. XX в. Финская экономика активно развивалась за счет внутренних инвестиций, а зарубежные лишь дополняли их. Но уже 10 лет спустя благодаря появлению своих ТНК, зарубежные инвестиции стали доминирующими, а филиалы смогли конкурировать за экспорт на рынках третьих стран. Уже в начале 2000-х гг. иностранные инвестиции финских корпораций превосходят национальные, что свидетельствует о стремительном росте их инвестиционной привлекательности, которая обеспечила бурный подъем национальной экономике.

Не менее значимой можно назвать чешскую модель государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса «микроэкономика + макроэкономика + государство-координатор». В рамках своей государственной политики Чехия делает акцент на привлечении зарубежных инвестиций, создавая благоприятные институциональные условия для их стимулирования [4; 5]. Значительный объем привлеченных иностранных инвестиций вкладывается в туристическую отрасль, что обусловлено специализацией чешской экономики.

¹ Крупнейшие компании мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oborudunion.ru/finland/company/promyshlennost-> (Дата обращения: 20.03.2021).

Курортно-туристическая сфера обеспечивает доминирующую часть национального бюджета. Специализация на данной сфере обусловлена историко-культурными факторами развития Чехии и ее сравнительными преимуществами (низкими ценами в сравнении с другими европейскими странами), что позволяет ежегодно привлекать большое число зарубежных туристов. Государственная политика в данной сфере максимально благоприятствует развитию туристической отрасли, привлекая иностранцев выгодными экономическими условиями. Так, с 2000 г. иностранцы имеют право на возвращение налога на добавленную стоимость (22 %). Деньги возвращаются, если товар куплен на сумму более чем 1 тыс. крон и не позже, чем через 30 дней после покупки. Чешский порядок отличается максимальным удобством: деньги выплачиваются непосредственно при покупке товара в магазине, а не при пересечении границы. Следует отметить, что это лишь часть комплексной национальной инвестиционной политики, ориентированной на повышение инвестиционной привлекательности бизнеса в туристической сфере.

Отдельно следует остановиться на сопутствующих отраслях туристической индустрии, к числу которых можно отнести строительство и реконструкция недвижимости и инфраструктурных объектов, таких как аэропорты и вокзалы, остановки, музеи и памятники, зоны отдыха (в том числе природные), которые обеспечивают социально-экономическое развитие и культурное процветание стране. Развитие основной и сопутствующих отраслей специализации чешской экономики обеспечивают не только рост инвестиционной привлекательности национального бизнеса, но и увеличение доходных статей государственного бюджета всех уровней за счет расширения налогооблагаемой базы для налогов на размещение и общественное питание, аэропортовые сборы, налога с оборота и иных налогов, а также за счет доходов от оплаты туристами входа в музеи и природно-культурные зоны отдыха и достопримечательности.

Подомные меры государственной политики повышения инвестиционной привлекательности туристического и сопутствующего бизнеса позволили обеспечить в начале XXI века интенсивный рост чешской экономики, в том числе за счет иностранных инвестиций. В продолжение выбранного вектора государственной политики Министерство промышленности и торговли совместно с агентством развития инвестиций и бизнеса Czechinvest приступила к реализации модели «микроэкономика + макроэкономика + государство-координатор», которая опиралась на расширение перечня инвестиционных льгот. Введенный в действие закон, регламентирующий инвестиционную деятельность, опирался на непротиворечивость нормативным документам ЕС, усиление конкурентоспособности чешского бизнеса и запуск инновационных процессов [6, с. 17].

В силу того, что основную часть туристической сферы Чехии составлял малый и средний бизнес, то в рамках реализуемой модели акцент делался на обеспечение роста их инвестиционной привлекательности. Вместе с тем, государственная политика повышения инвестиционной привлекательности создавала благоприятные условия для развития и крупных ТНК. Кроме того, государственная политика призвана была учитывать социально-культурные и историко-градостроительные традиции, как национальной экономики, так и отдельных территорий.

В соответствии с законодательством были введены следующие условия льготирования для инвестпроектов:

– нижняя граница объемов финансовых вложений по инвестпроекту устанавливалась на уровне 10 млн. долл. (или соответственно 350 млн в национальной валюте), которая могла быть снижена в 2 раза для территорий с низким уровнем развития и безработицей превышающей средний показатель по стране;

– инвесторы должны обеспечивать соблюдение установленных в стране экологических требований и норм.

Кроме перечисленных форм государственных инвестиционных льгот, зарубежные инвесторы также получают доступ к участию в специализированных региональных инвестпрограммах, которые предоставляют дополнительные льготы.

Введенные в действие Законом об инвестициях условия льготирования неоднократно пересматривались и трансформировались с учетом выявленных проблем и наработанной позитивной практики в рамках отдельных регионов. В частности, действие Закона об инвестициях было распространено и на другие сферы чешской экономики. Кроме того вносимые поправки касались инвестпроектов с их привязкой к конкретной территории.

В зависимости от уровня развития территории, в которой реализуется инвестпроект, устанавливались размеры и условия льгот, которые могли существенно варьироваться. Чем более низко развитым и проблемным в части уровня безработицы признавался регион, тем больше льгот мог получить инвестор на реализацию своего проекта, начиная от безвозмездного получения земли для строительства инвестобъекта и заканчивая прямыми дотациями на организацию новых рабочих мест.

В рамках реализации государственной политики повышения инвестиционной привлекательности национального бизнеса были внесены поправки и в чешское налоговое законодательство. Например, были изменены сроки на подачу заявки на предоставление льготы по подоходному налогу. Внесенные поправки позволили установить 2 варианта подачи заявки, один – обязательный, второй – факультативный. Фактически инвестор может выбрать любой удобный вариант, либо воспользоваться скидкой по подоходному налогу в период реализации инвестпроекта при условии выполнения установленных требований, либо автоматически по истечению трехлетнего периода [7, с. 67; 8].

Проанализированные модели государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса, реализуемые в китайской, финской и чешской экономиках, обладают национальной спецификой, но в них можно выделить общие черты, которые могут быть использованы другими странами, в том числе Россией. К ним следует отнести базирование государственной политики повышения инвестиционной привлекательности бизнеса на:

- внутренних ресурсов;
- оптимальном использовании международного разделения труда и эффективной специализации (в том числе экспортной);
- на высокотехнологичной продукции, востребованной мировым рынком.

Адаптация выделенных принципов государственной политики к российским условиям, может повысить ее эффективность.

Литература

1. Киевская А.С., Аначиева Е.П. Организационно-экономический механизм образования территорий опережающего развития в Китайской Народной Республике // Московский экономический журнал. 2018. № 5(2). С. 57.
2. Cherkasova T.P., Ignatova T.V., Kondratenko E.N., Kritskaya A.A., Artyukhin O.A. Institutional Factors and State Policy of Sustainable Development of Russia in the Context of Global Trends. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019 // Lecture Notes in Networks and Systems, vol 198. Springer, Cham. 2021, pp. 1437-1445.
3. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 5 – 14.
4. Белокрылова О.С., Вахтина М.А. От «провалов рынка» к «провалам государства»: еще раз к вопросу о социальной справедливости в экономике // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7. № 2. С. 6 – 19.
5. Мелихова Б.С., Аксенов Е.А. Инновационное управление: зарубежный опыт и российская практика // Публичное управление в условиях глобализации: механизмы, закономерности, перспективы: сборник трудов IX Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. С. 279 – 285.
6. Черкасова Т.П. Институциональные и технологические факторы роста в условия цифровой модернизации // В сборнике: Вопросы формирования и проблемы реализации национальной технологической инициативы в регионах. Сборник докладов участников I международной научно-практической конференции. 2019. С. 15 – 20.
7. Сабиров О.Ш. К вопросу повышения инвестиционной привлекательности и создания благоприятного инвестиционного климата // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 10. С. 64 – 79.
8. Klochko E., Fomenko N., Nekrasova V. Modelling of network mechanisms of the conditions of organizational development // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. Т. 6. № 1. С. 101.

Ignatova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Economic Science, Professor, Head of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

Cherkasova Tatiana Pavlovna, Doctor of Economic Science, Professor, Dean of Politology Department, Professor of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Ivanova Daria Evgenievna, Senior lecturer of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: d.e._ivanova@mail.ru

MODELS OF STATE INFLUENCE ON INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF NATIONAL BUSINESS: WORLD EXPERIENCE

Abstract

The article analyzes the 3 basic established models for the implementation of state influence on the investment attractiveness of business: - the “state-regulator” model; - the “state + TNC” model; - models “microeconomics + macroeconomics + coordinating state”. An assessment of the results of the application of the selected models and the tools used by individual countries made it possible to identify the most promising methods and directions of state policy that can be successfully adapted for the Russian economy. These include the directions of the state policy of increasing the investment attractiveness of business, based on: - internal resources; - optimal use of the international division of labor and effective specialization (including export) in high-tech products in demand on the world market; - creation of favorable institutional conditions (tax incentives and vacations, preferential loans, etc.) for investors, incl. foreign. These measures are designed to ensure the launch of a multiplicative-accelerating mechanism for accelerating economic development, providing a positive effect from state investment policy.

Keywords: state investment policy, investment attractiveness of business, model, world experience, state policy instruments, investments, Russian economy, economic development, world market, international division of labour, investment export.

References

1. Kievskaya A.S., Anachieva E.P. Organizacionno-ekonomicheskij mekhanizm obrazovaniya terri-torij ope-rezhayushchego razvitiya v Kitajskoj Narodnoj Respublike // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. 2018. № 5(2). P. 57.
2. Cherkasova T.P., Ignatova T.V., Kondratenko E.N., Kritskaya A.A., Artyukhin O.A. Institutional Factors and State Policy of Sustainable Development of Russia in the Context of Global Trends. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019 // Lecture Notes in Networks and Systems, vol 198. Springer, Cham. 2021, rr. 1437-1445.
3. Ignatova T.V., Cherkasova T.P. Instituty i tekhnologii cifrovoj ekonomiki kak faktory innovacionnogo rosta Rossii // Drukerovskij vestnik. 2020. № 2 (34). P. 5 – 14.
4. Belokrylova O.S., Vahtina M.A. Ot «provalov rynka» k «provalam gosudarstva»: eshche raz k voprosu o social'noj spravedlivosti v ekonomike // Journal of Economic Regulation. 2016. T. 7. № 2. P. 6 – 19.
5. Melihova B.S., Aksenov E.A. Innovacionnoe upravlenie: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika // Pub-lichnoe upravlenie v usloviyah globalizacii: mekhanizmy, zakonomernosti, perspektivy: sbornik trudov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov n/D: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2015. P. 279 – 285.
6. Cherkasova T.P. Institucional'nye i tekhnologicheskie faktory rosta v usloviya cifrovoj modernizacii // V sbornike: Voprosy formirovaniya i problemy realizacii nacional'-noj tekhnologicheskoy iniciativy v re-gionah. Sbornik dokladov uchastnikov I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. P. 15 – 20.
7. Sabirov O.SH. K voprosu povysheniya investicionnoj privlekatel'nosti i sozdaniya blagopriyatnogo inves-ticionnogo klimata // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. 2020. № 10. P. 64 – 79.
8. Klochko E., Fomenko N., Nekrasova V. Modelling of network mechanisms of the conditions of organiza-tional development // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. T. 6. № 1. P. 101.

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РОСТА

Капустина Надежда Валерьевна	доктор экономических наук, профессор департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49). E-mail: kuzminova_n@mail.ru
Комаричева Виктория Александровна	студент, департамент экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49). E-mail: komarichevas@gmail.com
Рустамова Ирада Талытовна	кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет транспорта (127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9). E-mail: irada@inbox.ru

Аннотация

Данное исследование посвящено изучению сущности экономики знаний и инновационной экономике, анализу факторов позитивного и негативного воздействия на инновационный экономический рост. Целью исследования является анализ сущности и специфических черт экономики знаний, выявление существующих факторов инновационного экономического роста, изучение проблем и возможных инновационных перспектив развития Российской Федерации.

Ключевые слова: экономика знаний, инновационное развитие, экономический рост, инновационная экономика, конкурентоспособность, мировая экономика, управленческие решения, экономическое развитие, инновационные товары.

Экономику знаний принято относить к высшему этапу развития и формирования инновационной экономики. Это стадия, к которой стремятся национальные экономики многих стран. Сейчас ни одна страна уже не может поддерживать свою конкурентоспособность без использования инновационных товаров и услуг, разработки и внедрения новейших технологий. Знания и инновации меняют наш мир. Причем не только в масштабе всего мира, но и в рамках жизни отдельно взятых людей.

В современных условиях в мире, где все большую роль играют инновации, технологии, знания, наука, образование, проблема формирования и развития экономики знаний, ее сущности имеет большое значение [1]. В связи с этим возникает необходимость изучения специфики знаний как продукта, различных факторов, оказывающих влияние на инновационный экономический рост страны, а, следовательно, и на ее состояние в целом, на ее место и роль в мировой экономике.

Основу инновационной экономики составляет постоянное технологическое совершенствование, широкое использование научных знаний, производство технологий и высокотехнологичной продукции, а также инновации [2].

Для достижения эффективности управления процессами формирования экономики знаний необходимо использовать широкий спектр инструментов. К ним можно отнести научные принципы, закономерности, подходы, методы. В свою очередь, условиями достижения высокого качества принимаемых в соответствующей сфере управленческих решений являются обобщенность, взаимозависимость, взаимовлияние, а также полнота этих инструментов. В связи с этим, очевидно, что соответствующее определение и изучение содержания частных и базовых принципов формирования и развития экономики знаний играют существенную роль в понимании механизмов, тенденций и перспектив развития экономики знаний.

Целесообразно отметить, что экономике знаний присущи три принципиальные особенности. Во-первых, знанию, как продукту, характерна дискретность. Это означает, что знание не может быть создано наполовину. Оно либо существует, либо нет. Во-вторых, созданное знание рассматривается как публичное, то есть доступное всем благо. Третья принципиальная особенность заключается в том, что знания являются своеобразным информационным продуктом, который не исчезает после того, как ее потребили.

Под инфраструктурой экономики, основанной на инновациях и знаниях, принято понимать совокупность основных элементов и драйверов развития. Большую роль в образовании такой инфраструктуры играет достаточная эффективность государственных институтов, которые занимаются реализацией высокого качества жизни в стране. Важно отметить, что

высокое качество жизни подразумевает и такой критерий, как развитие и познание мира – речь идет о степени доступности образования, знаний и культурных ценностей, формирующих личность, мировоззрение, представления об окружающем мире.

Следующими важными составляющими инфраструктуры являются высококачественное образование, производство знаний и высоких технологий, достаточно эффективная фундаментальная наука, эффективный научно-технический венчурный (рискованный) бизнес. В частности, характер венчурного бизнеса можно назвать производным от прикладной и фундаментальной науки. Его появление обусловлено необходимостью наличия в цепи экономического развития особого звена между производством и наукой. Создаваемые на базе венчура технологии дают возможность странам с догоняющим типом экономики приблизиться по доходу на душу населения к странам развитым. Это можно заметить на примере Сингапура, который достигнув высокого уровня венчурного бизнеса, смог сравняться с самыми передовыми странами мира. Иными словами, развитый венчурный технологический бизнес играет далеко не последнюю роль в формировании инфраструктуры инновационной экономики, определяя то, насколько отдельная страна способна достигать и удерживать конкурентоспособность в сфере новейших технологий.

Также одним из элементов, составляющих исследуемую инфраструктуру, является человеческий капитал высокого качества, то есть совокупность знаний, а также навыков и умений, которые используются с целью удовлетворять всевозможные потребности общества и человека [3]. Стоит отметить, что человеческий капитал (положительный и созидательный) – это именно то, что накапливается и приумножается в условиях инновационной экономики. В то же время инновационная экономика также препятствует накоплению отрицательных и разрушительных аспектов, связанных с человеческим капиталом.

Наконец, формирование инфраструктуры в инновационной экономике и экономике знаний неразрывно связаны с производством самих знаний и высоких технологий, а также уровнем реализации и передачи открытий, идей и изобретений от инновационных производств, и фундаментальной науки до конечного потребителя [4]. Также следует отметить, что экономика, основанная на знаниях, характеризуется развитым гражданским обществом и демократией, сформированным обществом знаний, высоким индексом экономической свободы. По мнению исследовательского центра Heritage Foundation, экономическая свобода характеризуется отсутствием воспрепятствования производству, вмешательства правительства, какого-либо противодействия потреблению, а также распределению товаров и услуг¹. Исходя из полученных результатов, расчетов рассматриваемые страны делятся на пять групп: свободные страны, в основном свободные страны, умеренно свободные страны, в основном несвободные страны и страны деспотичные.

Рассмотрим перспективы создания инфраструктуры и точек роста экономики знаний в Российской Федерации. Россия сейчас находится в процесс перехода к экономике знаний, который на данный момент нельзя назвать окончанным или завершенным [5–6].

Положительная динамика наблюдается в объемах производства инновационной продукции. Так, на рис. 1 приводится динамика объема инновационных товаров, работ, услуг, выполненных или произведенных Российской Федерацией в 2010–2018 гг. по данным Федеральной службы государственной статистики². По данным, представленным на графике, можно увидеть, что объем инновационной продукции в течение 10 лет только увеличивался и достиг значения в 68982626,6 млн руб. Это, безусловно, положительная тенденция.

Большим потенциалом обладают современные университеты. Они вполне могут послужить основой для точек роста экономики знаний. Университеты сейчас играют роль ядра общества знаний, они представляют собой один из важнейших каналов передачи, распространения технологий [7]. Они так же, как и бизнес-структуры, и государственные предприятия, входят в состав основных институциональных участников национальных инновационных систем.

¹ Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index). [Электронный ресурс] // URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/indeks-ekonomiki-znanij/#tabs|Compare:Place> (дата обращения: 30.03.2020); Рейтинг стран по уровню экономической свободы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.heritage.org/Index/Ranking.aspx> (дата обращения: 30.03.2020); Global Innovation Index Report 2018 (11th edition). [Электронный ресурс] // URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii_2018-report-new.pdf (дата обращения: 16.05.2020)

² Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gks.ru/folder/14477#> (дата обращения: 29.03.2020)

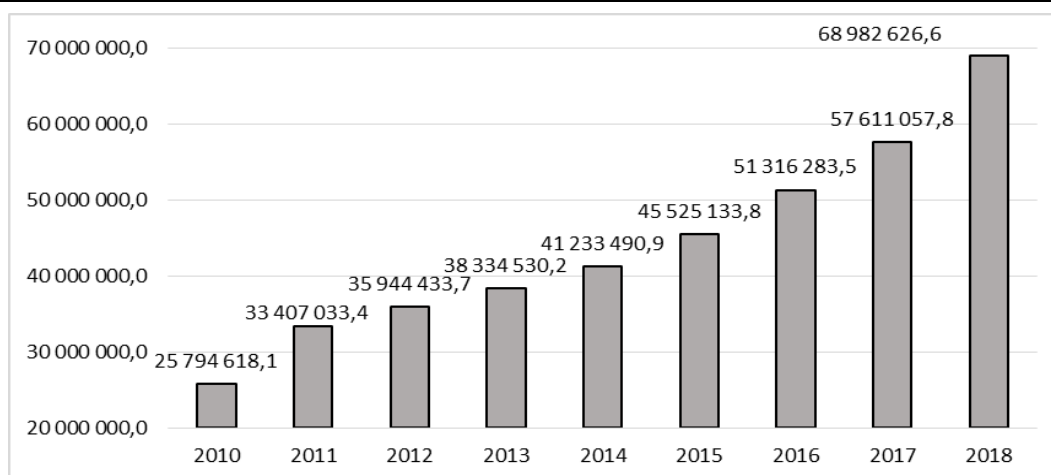

Рис. 1. Отгружено инновационных товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами¹

Главная роль образовательных учреждений в обществе знаний связана с их масштабным вкладом в инновационное развитие страны, который все в большей степени определяется значением интеллектуальной собственности, которую университеты создают и коммерциализируют. Кроме того, в современном мире университеты являются теми общественными институтами, которые лучшим образом решают проблемы преобразования знаний в интеллектуальный капитал посредством ресурсов открытости, динамичности, глобальности, постоянного потока активной и инициативной молодежи.

На рис. 2 представлена динамика численности исследователей, имеющих научную степень, по Российской Федерации в период с 2008 по 2018 год². Согласно официальной статистике, в Российской Федерации фиксируется довольно большое количество исследователей, занятых в науке.

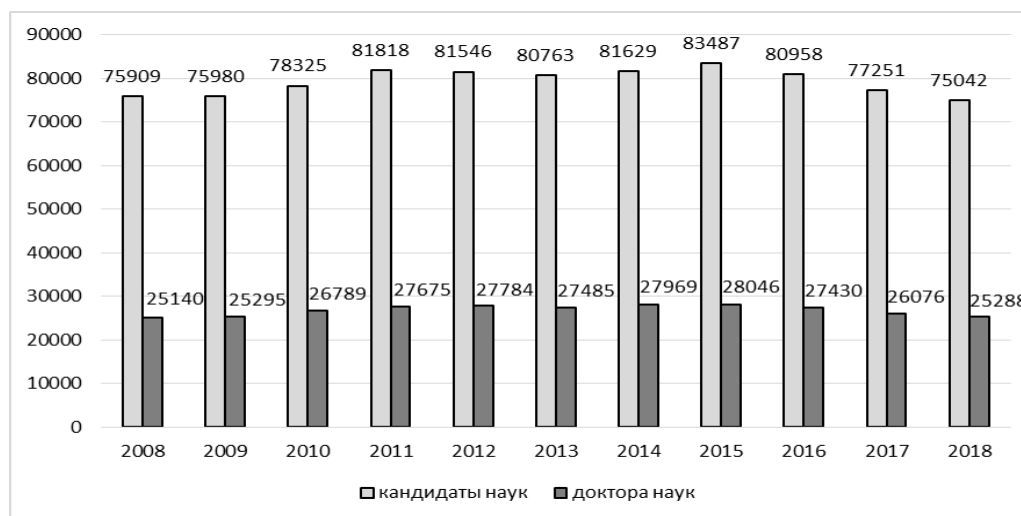

Рис. 2. Численность исследователей с научной степенью в РФ³

В то же время можно заметить, что за рассматриваемые 10 лет число исследователей практически не изменилось. В 2008 г. было зафиксировано 25140 докторов наук и 75909 кандидатов наук. В 2018 г. данный показатель составил 25288 (+148) и 75042 (-867) исследователя соответственно.

В связи с тем, что проблема формирования и развития экономики знаний в настоящий момент является весьма актуальной для многих государств мира, можно выделить ряд важных моментов, на которые стоит обратить внимание при переходе к экономике, основанной на знаниях. Во-первых, это система образования, ведь именно она отвечает за профессиональную

¹ Федеральная служба государственной статистики. Наука и инновации [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gks.ru/folder/14477#> (дата обращения: 29.03.2020)

² Там же.

³ Там же.

подготовку людей и развитие их способностей, которое происходит на протяжении всей жизни человека. Во-вторых, это основной элемент формирования благоприятных условий для развития и роста отечественных компаний, что способствует формированию и выходу на рынок инновационных товаров и технологий в целях применения их в инновационном производственном процессе. Кроме того, следует отдельно отметить большое значение использования инструментов государственно-частного партнерства в целях развития науки и образования, а также изобретательской и рационализаторской деятельности, что будет способствовать активному развитию экономики знаний, которая, в свою очередь, является основой инновационного развития и роста.

Литература

1. Тюкавкин И.Н. Экономика знаний // Вестник СамГУ. 2014. № 6 (117). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-znaniy> (дата обращения: 29.03.2020).
2. Бушueva Т.Н. Принципы формирования экономики знаний // Вестник ЧелГУ. 2017. № 8 (363). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-formirovaniya-ekonomiki-znaniy> (дата обращения: 26.03.2020).
3. Sprumont Y. Ranking by Rating. Theoretical Economics. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 1.
4. Мирошниченко М.А., Ковалева А.С. Особенности формирования и развития конкурентных преимуществ компании в условиях становления экономики знаний // Вестник Академии знаний. 2019. № 30 (1). С. 102-107.
5. Бартюк О.В. Факторы инновационного экономического роста России // Вестник евразийской науки. 2014. № 6 (25). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-innovatsionnogo-ekonomicheskogo-rosta-rossii> (дата обращения: 30.03.2020).
6. Бурденко Е.В. Рейтинги и индексы, оценивающие развитие экономики знаний // Креативная экономика. 2019. Том 13. № 5. С. 897-910.
7. Кузнецов Е.Б., Энговатова А.А. «Университеты 4.0»: точки роста экономики знаний в России // Инновации. 2016. № 5 (211). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitety-4-0-tochki-rosta-ekonomiki-znaniy-v-rossii> (дата обращения: 31.03.2020).

Kapustina Nadezhda Valerievna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Pr., Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: kuzminova_n@mail.ru

Komaricheva Victoria Aleksandrovna, student, Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Pr., Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: komarichevas@gmail.com

Rustamova Irada Talyatovna, Candidate of Pedagogics, Docent, Russian University of transport (MIIT) (9, Obraztsova St., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: irada@inbox.ru

KNOWLEDGE ECONOMICS AS AN INNOVATIVE FACTOR FOR ECONOMIC DEVELOPMENT AND GROWTH

Abstract

This study is devoted to the study of the essence of the knowledge economy and the innovation economy, the analysis of the factors of positive and negative impact on innovative economic growth. The purpose of the research is to analyze the essence and specific features of the knowledge economy, identify existing factors of innovative economic growth, and study the problems and possible innovative prospects for the development of the Russian Federation.

Keywords: knowledge economy, innovative development, economic growth, innovative economy, competitiveness, world economy, management solutions, economic development, innovative products.

References

1. Tyukavkin I.N. Ekonomika znaniy // Vestnik SamGU. 2014. № 6 (117). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-znaniy> (data obrashcheniya: 29.03.2020).
2. Bushueva T.N. Principy formirovaniya ekonomiki znaniy // Vestnik ChelGU. 2017. № 8 (363). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiyu-formirovaniya-ekonomiki-znaniy> (data obrashcheniya: 26.03.2020).
3. Sprumont Y. Ranking by Rating. Theoretical Economics. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 1.
4. Miroshnichenko M.A., Kovaleva A.S. Osobennosti formirovaniya i razvitiya konkurentnykh preimushchestv kompanii v usloviyah stanovleniya ekonomiki znaniy // Vestnik Akademii znaniy. 2019. № 30 (1). S. 102-107.
5. Bartyuk O.V. Factory innovatsionnogo ekonomicheskogo rosta Rossii // Vestnik evrazij-skoj nauki. 2014. № 6 (25). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-innovatsionnogo-ekonomicheskogo-rosta-rossii> (data obrashcheniya: 30.03.2020).
6. Burdenko E.V. Rejtingi i indeksy, ocenivayushchie razvitie ekonomiki znaniy // Krea-tivnaya ekonomika. 2019. Tom 13. № 5. P. 897-910.
7. Kuznecov E.B., Engovatova A.A. «Universitety 4.0»: tochki rosta ekonomiki znaniy v Rossii // Innovacii. 2016. № 5 (211). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitety-4-0-tochki-rosta-ekonomiki-znaniy-v-rossii> (data obrashcheniya: 31.03.2020).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Козлов кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии
Андрей и экономической политики, Южный федеральный университет (344002,
Николаевич Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88). Email: ko-an-14@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается цифровая среда в специфике применения институционального воздействия на интенсификацию различного использования экономической деятельности. Функциональное преобразование взаимоотношений субъекта хозяйствования и информационного пространства предопределяет усовершенствование производственного потенциала для удовлетворения потребностей постиндустриального общества. Цифровое нарастание в деятельности субъекта предпринимательства рассмотрено в контексте трансформационного влияния на информационное преобладание в специфике технико-экономических отношений. Показано усиление информационного пространства при интенсификации бизнес-структуры в новых условиях цифрового применения с формированием и реализацией необходимого исполнения экономического сотрудничества.

Ключевые слова: цифровая среда, технико-экономические отношения, институциональные преобразования, бизнес-структура, IT производство, институт собственности, интенсификация, информационное пространство, предпринимательский субъект, неоэкономика.

Специфика современной цифровой среды реализуется в контексте институционального преобразования экономического взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности в условиях организационно-технологического подхода и своеобразия нового цифрового применения, при котором осуществляется процесс институционального влияния на все сферы постиндустриального развития. Интенсификация цифровой среды осуществляется при некотором изменении системных приоритетов субъектов экономического развития, в условиях которых реализуется специфичность институционального преобразования, и где для нескольких преобладающих значение в хозяйственной действительности заданий, показывается возможность структурно-инновационного воздействия на усиление цифрового применения в реальном секторе экономики. Формирование институционального развития в специфике нового цифрового влияния определяет технико-экономические отношения в новой парадигме своего существования и рассматривает функционирование и использование текущих экономических возможностей в направлении шестого технологического уклада.

Трансформация цифрового пространства осуществляется с преодолением сложностей в механизмах использования информационного, инновационного, информационно-технологического, информационно-коммуникационного применения в структуре взаимодействия с другими факторами производства, а это, прежде всего информационные и интеллектуальные факторы, которые используются в построении общественного производства в эпоху постиндустриального общества [1, с. 38]. Такие условия позволяют субъектам экономической деятельности раскрывать больше возможностей для увеличения совокупного общественного продукта, где источниками являются новые возможности институционального характера функционально-инновационного и организационно-цифрового направления. Эти обстоятельства рассматриваются с позиции развития информатизации общества на более высоком уровне интеллектуализации и применения IT-производства во всех сферах деятельности хозяйствующего субъекта, при котором производственно-организационные условия определяют весь спектр развития экономической деятельности.

Характерные черты институционального преобразования в условиях цифрового пространства выражаются в структурных взаимодействиях субъектов хозяйственной деятельности в период информационно-производственного сотрудничества как вектор нового формирования технико-экономических отношений, а это: 1) информационно-технический и информационно-промышленный комплекс в условиях реального производственного процесса; 2) совокупность инфраструктурных проектов при функционировании всех элементов хозяйственной деятельности. Цифровое пространство отражается в коммуникативном отраслевом единстве и в специфике самого информационного общества, так как создается приоритетное состояние

для дальнейшего развития информационной экономической действительности, и тем самым усиливается цифровая активность производственной, научной, промышленной, финансовой, инновационной и организационной деятельности [2, с. 137]. Институционализация на различных уровнях цифровизации экономической деятельности субъекта воспроизводит продукцию информационного назначения, при которой: 1) осуществляется быстрая коммуникативная взаимосвязь между производителями продукции и услуг; 2) преобладает ускоренное взаимодействие между производителями продукции и услуг, и потребителями продукции и услуг; 3) раскрывается структурное сотрудничество информационно-аналитического характера в проекте стратегического развития.

Особенность применения информационного пространства в векторе институционального развития определяется устойчивой системой информационно-аналитического и информационно-конструктивного направления, при которой раскрываются условия функционирования хозяйственной деятельности цифрового использования в движении информационного воздействия постиндустриального общества. В таких ситуациях планирование и развитие информационной политики, инновационной стратегии, информационно-хозяйственных программ осуществляется в специфике информационного поля, где субъекты хозяйственной деятельности проектируют: 1) возможности цифровой среды для стратегического развития компании; 2) условия информационного пространства при необходимости применения нового цифрового продукта; 3) поэтапное использование информационного поля для улучшения качества своей продукции. Ответственность за использование и ведение информационного пространства для своего технологического потенциала рассматривается как экономическая свобода в период социально-экономического преобразования отечественного хозяйственного общества, при котором индивидуумы принимают решения в пользу экономического влияния на общественную, политическую, социальную и культурную ситуацию в стране [3, с. 41].

Деятельность хозяйственных структур в эпоху цифрового сообщества определяет специфику инновационного проектирования производственного, производственно-технологического, функционально-промышленного использования отдельных разработок цифрового направления, где движение в сторону взаимодействия и взаимопроникновения конечного результата от деятельности IT-производства показывает технологическое усовершенствование способов современного ведения хозяйственной деятельности. Такая специфика определяет современные механизмы хозяйственного назначения, которые применимы в конкурентной борьбе за лидирующие позиции на рынках товаров, продукции и услуг высокотехнологического производства, при которой использование информационного пространства определяет весь спектр и разнообразие своей деятельности производственно-технического характера в фокусе технико-экономических отношений постиндустриального мира [4, с. 10]. Они, хозяйственные структуры на определенном этапе используют ресурсы нового технологического уклада, а это: 1) информационные ресурсы для осуществления инновационного преобразования, цифрового проектирования и организационно-экономического взаимодействия; 2) интеллектуальные ресурсы для развития стратегического комплексного участия во всех новейших разработках информационного общества.

Устойчивость институционального взаимодействия современной хозяйственной структуры определяется высоким уровнем взаимопроникновения цифровой среды во все институты формирования деятельности экономического субъекта, а именно: 1) институт частной собственности на средства производства; 2) институт контрактных обязательств; 3) институт конкуренции; 4) институт формальных и не формальных правил; 5) институт развития правовой базы постиндустриальной экономики. В таких условиях институциональные преобразования происходят с позиции нового цифрового вмешательства, где производственно-аналитическое проектирование, во внутренней структуре хозяйственного объединения, определяет дальнейшее развитие информационного общества, с позиции мощного цифрового доминирования в развитии технико-экономических отношений [5, с. 361]. Именно эти возможности развивают специализацию внутрифирменного разделения труда, где основные факторы трудовых ресурсов превращаются в функционирование информационного пространства, определяют высокую степень использования интернет ресурсов, применение сложных технологических программ, использование инновационного, промышленного, организационного и информационного планирования в компании.

Приоритеты цифровой среды в условиях институционального преобразования рассматриваются предпринимательским сообществом как вектор стратегического становления, при котором происходит использование факторов производства в концепции информатизации деловой активности как внутри предпринимательского класса, так и в других разных направлениях бизнес активности. Для предпринимательского класса информатизация собственного бизнеса приносит этому классу результаты высокого конкурентного преимущества, что в перспективе создает: 1) развитие высокотехнологического оборудования для необходимого формирования конкурентоспособной продукции; 2) преобразование инновационного оборудования для стратегии новой научно-производственной деятельности; 3) функционирование современных научно-исследовательских программ; 4) исследование научно-промышленного оборудования в контексте внутрифирменного планирования. Все необходимые условия для происхождения и осуществления проектной интенсификации цифрового пространства, раскрываются в информационно-инновационном механизме предпринимательского сообщества, где институциональная сфера дает бизнес структуре приоритетное движение в сторону формирования мощного информационного изменения [6, с. 12].

Эффективность использования результатов информатизации общества дает для предпринимательского класса функционально-организационное представление последствий нового применения шестого технологического уклада, при котором исследование и стратегия научно-промышленного направления формирует приоритеты информационно-аналитического вектора развития. Особенность бизнес-сообщества в эпоху высокой информатизации, определяется повышенным спросом на продукцию информационного, инновационного, технологического и информационно-производственного применения, при котором происходит движение в сторону институциональных изменений в контексте направления и создания высокой конкурентоспособности товаров, продукции и услуг [7, с. 54]. Такое применение результатов информатизации общества для предпринимательского класса раскрывает функционирование цифрового пространства как: 1) способ ведения информационно-технологического воздействия в рамках научно-промышленного развития; 2) стратегический потенциал научно-инновационного формирования экономической деятельности; 3) преимущественный механизм конкурентной среды постиндустриального общества.

Интенсификация цифровой среды в условиях современного технологического преобразования рассматривается бизнес-классом как фактор производственно-технологического использования вопросов хозяйственной динамики в контексте изменений технико-экономических отношений, при которых осуществляется влияние на конечный продукт компании, и тем самым усиливается воздействие на стабилизацию экономического положения, и баланс в объемах рыночного предложения. Компании ведут экономическую политику в направлении слияния научного, интеллектуального и информационного потенциала с конкурирующими предпринимательскими субъектами, что в дальнейшей перспективе приводит к получению преимущественного информационно-инвестиционного и организационно-инновационного изменения. Величина необходимого объема привлеченных ресурсов в условиях цифровой среды для предпринимательского сообщества всегда варьируется в пределах их возможностей научно-производственного характера, а это: 1) высокая степень инновационных разработок в период становления и завоевания доли на рынке; 2) функционально-производственное применение и воздействие на собственные средства производства для устойчивого конкурентного положения на рынке.

Совершенствование при слиянии современных предпринимательских субъектов определяется признаками институционального взаимодействия внутри предпринимательского сообщества в векторе применения института собственности, где сам институт собственников трансформируется в эпоху научно-технологического и научно-исследовательского развития [8, с. 154]. В этот период определяются контуры хозяйственных интервенций и объем привлеченных: 1) материальных ресурсов, для необходимого научно-производственного процесса; 2) финансовых ресурсов, для формирования политики организационно-хозяйственного развития; 3) трудовых ресурсов, которые обеспечивают компании успешность научно-инновационного компонента; 4) инвестиционных ресурсов, для стратегии развития на длительный период; 5) интеллектуальных ресурсов применяемых в деятельности субъекта. Это приводит в движение все разновидности капитала и тем самым формируются структурные преобразования институциональной сферы, т.е. тогда, когда возможны преимущественные движения капитала

в новых технико-экономических отношениях информационного периода во всех рыночных функциональных преобладаниях [9, с. 82]. Собственность как категория нового постиндустриального общества, показывает специфику информационного и интеллектуального проникновения в деятельность самого субъекта предпринимательского класса, что показывает необходимость влияния ноу-хау на функционирование субъекта предпринимательской деятельности, как возможность преимущественного характера информационного и интеллектуального проникновения во все сферы цифрового пространства.

Усиление возможностей взаимодействия субъекта хозяйственной деятельности с новыми информационными технологиями в эпоху цифрового преобразования показывает тенденции информационного пространства как стратегический вектор институционального развития передовых научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в условиях специфичности хозяйственного применения современного цифрового влияния. Этот вектор определяет дальнейшее существование компании в эпоху нового технологического уклада, он дает компании возможность создавать конкурентоспособную продукцию, используя ноу-хау в своем планировании научно-производственного и научно-технологического развития на длительный срок использования своих производственных ресурсов нового информационного времени [10, с. 207]. Такая ответственность предприятия перед экономическими субъектами, а это, домохозяйства, предприятия и государство, показывает, что в дальнейшей перспективе все организационные, производственные, промышленные, инновационные возможности в структуре IT-производства, определяют весь спектр продукции нового типа, где осуществляются применение прорывных технологий в направлении хозяйственной деятельности самого субъекта.

Разрабатывая новую стратегию информационного технологического нарастания, в структуре институционального изменения, компании проектируют продвижение своего производственного потенциала к передовым технико-экономическим возможностям в спецификации организационно-инновационного воздействия, где объем использования хозяйственного планового задания компании, ведется в ситуации экономического приоритета самой эффективности деятельности предприятия. Механизмы хозяйственного использования нового информационного технологического нарастания осуществляются в контексте свободного перелива внутри цифрового пространства, при котором средние и крупные компании стараются обеспечивать себя мощью научно-инновационного и научно-технологического потенциала [11, с. 239]. Специфика в проектах с применением новых информационных технологий осуществляется: 1) в контексте научно-проектного задания предприятия; 2) в использовании организационно-инновационного и организационно-производственного формирования хозяйственной деятельности предприятия; 3) в ситуации конъюнктурного колебания рыночного механизма нового цифрового пространства; 4) в разработке интеллектуального ресурса как фактора современного постиндустриального общества.

Функционирование цифровой среды в условиях институционального преобразования показывает, что способность неэкономического воздействия на внутренние и внешние факторы технико-экономических взаимосвязей в развитии нового технологического уклада, оказывает для научно-информационного и технико-промышленного применения высокую степень экономической состоятельности субъектов хозяйственной деятельности, и рассматривает как способность выражения своего промышленного, производственного, организационного, инновационного и информационного положения. Неэкономическая действительность в контексте цифрового пространства раскрывает особенности реализации современного системного применения хозяйственного влияния на: 1) процессы научно-производственного и научно-инновационного аспекта внутрикорпоративного развития; 2) привлекательность экономического сотрудничества в условиях неэкономического информационного пространства; 3) становление социально-информационного применения цифровой среды; 4) использование институциональной сферы в проекции технологического прорыва. Обстоятельства, возникающие в процессе использования субъектом хозяйственной деятельности нового цифрового пространства, определяет будущее всех проектов инвестиционного, инновационного, стратегического, организационно-технологического и информационно-аналитического развития предприятия [12, с. 1007].

Концептуальная идея в структуре технологического использования своих разработок в условиях неэкономики определяется системными приоритетами трансформационного влияния, где возможности экономического взаимопроникновения и взаимодействия оказывают

на деятельность субъекта принципиально новые императивы институционального характера, т.е. способность быстрого изменения информационно-инновационного, информационно-технологического, информационно-производственного и информационно-аналитического приоритета для деятельности нового технологического нарастания. Качество и количество такого высокого уровня использования своих возможностей осуществимо в направлении информационных ресурсов постиндустриального общества, при котором выявляются приоритеты нового технологического производства, проектирование современного бизнес процесса, разработки цифрового контента, информационное применение интеллектуальных наработок, при которой производственный процесс взаимодействует и совершенствуется в условиях неоэкономической парадигмы.

Таким образом, специфика формирования цифровой среды в условиях институциональных преобразований создает новые условия для интенсификации развития технологического, информационного, производственного, организационного и интеллектуального продвижения своих возможностей субъекта предпринимательской деятельности в постиндустриальном обществе. Это углубление в информационное пространство предопределяет будущее компании во всех сферах экономической, социальной, информационной и правовой направленности, при которой осуществляются многие проекты своего нового стратегического развития в условиях совершенствования экономической деятельности.

Литература

1. Безруков В., Остакович Г. Оценка инновационной деятельности промышленных предприятий // Экономист. 2016. № 5. С. 37 – 41.
2. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития. Монография / Под ред. Т.В. Игнатовой, С.П. Кюрджиева. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 200 с.
3. Маркова В.Д. Проблемы развития инфраструктуры поддержки инновационной деятельности // Инновации. 2016. № 3 (209). С. 39 – 41.
4. Кузнецова С.А., Маркова В.Д. Особенности развития высокотехнологичного бизнеса // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. № 3-1. С. 7 – 11.
5. Ревина С.Н. Экономические отношения и экономические системы // Евразийский юридический журнал. Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. 2016. № 2 (93). С. 359 – 361.
6. Козлов А.Н. Институциональная устойчивость в изменениях пространства экономических взаимоотношений // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2018. № 2 (46). С. 8 – 13.
7. Кирильчук О.В. Институциональные изменения как условие повышения конкурентоспособности экономики // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 53 – 55.
8. Мау В.А. Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2017. 349 с.
9. Самошкова Л.Д. Революционный характер институциональных изменений в переходной экономике на примере России и их последствия для общества // Проблемы региональной экономики. 2015. № 31. С. 81 – 89.
10. Родионова Е.В. Финансовые аспекты управления интеллектуальной собственностью // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 51. С. 206 – 209.
11. Белкин В.Н., Белкина Н.А. Пути повышения инновационной активности предприятий // Экономика региона. 2013. № 1. С. 238 – 242.
12. Симонин П.В., Алексеенко В.Б., Богачева Т.В. Институционализация социального корпоративизма и конфликтов в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-1. С. 1006 – 1009.

Kozlov Andrey Nikolaevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and Economic Policy, Southern Federal University (88, M. Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ko-an-14@mail.ru

INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS IN THE CONDITIONS OF THE INTENSIFICATION OF THE DIGITAL ENVIRONMENT

Abstract

The article examines the digital environment in the specifics of the application of institutional influence on the intensification of various uses of economic activity. The functional transformation of the relationship between the business entity and the information space determines the improvement of the production potential to meet the needs of post-industrial society. Digital growth in the activity of a business entity is considered in the context of the transformational impact on the information predominance in the specifics of technical and economic relations. The article shows the strengthening of the information space with the intensification of the business

structure in the new conditions of digital application, with the formation and implementation of the necessary implementation of economic cooperation.

Keywords: digital environment, technical and economic relations, institutional transformations, business structure, IT production, institute of property, intensification, information space, business entity, neoeconomics.

References

1. Bezrukov V., Ostakovich G. Ocenka innovacionnoj deyatel'nosti promyshlennyh predpriya-tij // Ekonomist. 2016. № 5. P. 37 – 41.
2. Upravlenie v social'noj sfere: sostoyanie, problemy i tendencii razvitiya. Monografiya / Pod red. T.V. Ignatovoj, S.P. Kyurzhieva. Rostov n/D.: YURIU RANHiGS, 2018. 200 p.
3. Markova V.D. Problemy razvitiya infrastruktury podderzhki innovacionnoj deyatel'no-sti // Innovacii. 2016. № 3 (209). P. 39 – 41.
4. Kuznecova S.A., Markova V.D. Osobennosti razvitiya vysokotekhnologichnogo biznesa // Ekonomika. Professiya. Biznes. 2016. № 3-1. P. 7 – 11.
5. Revina S.N. Ekonomicheskie otnosheniya i ekonomicheskie sistemy // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. Evrazijskij nauchno-issledovatel'skij institut problem prava. 2016. № 2 (93). P. 359 – 361.
6. Kozlov A.N. Institucional'naya ustojchivost' v izmeneniyah prostranstva ekonomicheskikh vzaimootnoshenij // Vestnik Instituta družby narodov Kavkaza. Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym hozyajstvom. 2018. № 2 (46). P. 8 – 13.
7. Kiril'chuk O.V. Institucional'nye izmeneniya kak uslovie povysheniya konkurentosposobnosti ekonomiki // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 8. P. 53 – 55.
8. Mau V.A. Ekonomika i vlast': opyt postkommunisticheskoy transformacii. M.: Izdatel'skij dom "Delo" RANHiGS, 2017. 349 p.
9. Samoshkova L.D. Revolyucionnyj harakter institucional'nyh izmenenij v perekhodnoj ekonomike na primere Rossii i ih posledstviya dlya obshchestva // Problemy regional'noj ekonomiki. 2015. № 31. P. 81 – 89.
10. Rodionova E.V. Finansovye aspekty upravleniya intellektual'noj sobstvennost'yu // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. 2016. № 51. P. 206 – 209.
11. Belkin V.N., Belkina N.A. Puti povysheniya innovacionnoj aktivnosti predpriyatij // Ekonomika regiona. 2013. № 1. P. 238 – 242.
12. Simonin P.V., Alekseenko V.B., Bogacheva T.V. Institucionalizaciya social'nogo korporativizma i konfliktov v Rossijskoj Federacii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. № 10-1. P. 1006 – 1009.

УДК 338

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-126-134

ОБОСНОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РОСТА ПРЕДПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ (КЕЙС ВАРИАТИВНОСТИ ВЫБОРА)

Малкова Татьяна Борисовна	доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика инноваций и финансов», Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87). E-mail: mtb37@yandex.ru
Короткова Полина Сергеевна	магистрант направления «Экономика» кафедры «Экономика инноваций и финансов», Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87). E-mail: mtb37@yandex.ru

Аннотация

В исследовании проведен анализ возможностей экономического роста предприятий малого и среднего бизнеса. Проанализированы финансово-экономические показатели, показывающие динамику состояния предприятия. Представлены результаты исследования факторов, влияющих на экономический рост предприятий. Оценены возможности наращивания темпов экономического роста, условия при которых бизнес будет устойчиво расти в нынешних условиях ограничений.

Ключевые слова: экономический рост, факторы развития бизнеса, показатели экономического роста предприятия, факторы сдерживания развития бизнеса, методы оценки экономического роста предприятия, субъекты бизнеса, инновационное развитие, стратегия развития предприятия, управление предприятием.

Обеспечение экономического роста предприятий малого и среднего бизнеса реального сектора – одна из приоритетных задач, стоящих перед руководством и собственниками предприятий, региональных правительств. В условиях ограничений и пандемии, усугубления экономического кризиса перед субъектами бизнеса возникают новые вызовы и риски, преодоление которых становится все затруднительнее. Даже российская государственная политика в области поддержки бизнеса не в полной мере способна нивелировать эти негативные влияния.

Перед менеджментом и владельцами бизнеса встает чаще вопрос, каким образом обеспечить планомерный и стабильный рост его прибыли и сохранить бизнес в долгосрочной перспективе.

В связи с этим ниже предлагаются целевые индикаторы инновационного развития России до 2020 г. В табл. 1 представлены целевые индикаторы инновационного развития Российской Федерации [1 – 2].

Таблица 1

Целевые индикаторы инновационного развития РФ

Индикатор	Показатель
Рост ВВП инновационного сектора в общей структуре ВВП	17-20 %
Рост инновационной продукции в общем объеме производимой продукции	20-35 %
Рост доли компаний, использующих в промышленности инновационные технологии	40-50%
Рост доли отечественного экспорта в общемировой структуре экспорта инновационных товаров	2%
Рост доли РФ на высокотехнологичных мировых рынках	5 – 10%

С авторской позиции, экономический рост любого субъекта хозяйствования при этом будет обусловлен системным и целенаправленным развитием всей структуры ресурсов компании по направлениям, определенным в стратегии развития предприятия.

Рис. 2. Факторы экономического роста хозяйствующего субъекта [3]

Обеспечение взвешенной политики управления компаний в целом, основанной на риск-ориентированном и процессном подходе к управлению предприятием. Для этого необходимо правильно оценивать уровень влияния отдельных факторов экономического развития [3].

Анализ возможностей экономического роста проводили на примере ООО «Декстер». Поставленная цель для ООО «Декстер» достигается решением ряда задач: обеспечение качества продукта (услуги); повышение качества сервисного обслуживания; обеспечение эффективного взаимодействия с внешними и внутренними заказчиками; развитие сервиса сопутствующих услуг. Основными видами деятельности компании являются: теплостеклопакетирование; установка жалюзи; установка подоконников; защита лоджии и балкона сайдингом; укладка напольного покрытия на балкон и лоджию; отделка стен и потолка, продажа готовой продукции из ПВХ (окна, двери, лоджии); доставка и монтаж продукции из ПВХ; внутренняя и внешняя отделка оконных и дверных проемов после установки; оказание услуг по замеру оконных и дверных проемов.

Поставщиками продукции являются заводы «Schtrandart» в г. Иванове и завод «Prime» в г. Ярославле. Завод «Schtrandart» существует на российском рынке уже более десяти лет, является одним из лидеров в области производства пластиковых окон, выпуская более 2500 единиц изделий. Отличается процессным подходом к контролю качества продукции, т.е. обеспечивает ее качество на всех этапах процесса – от заказа до доставки клиенту.

В настоящий момент рынок пластиковых окон во Владимире перенасыщен. Основными конкурентами компании ООО «Декстер» являются (табл. 1).

Таблица 1

Анализ конкурентоспособности компаний на рынке Владимирской области

Фактор	Декстер	Найс	Спектр
На рынке	Более 10-ти лет	Более 7-ми лет	Более 11-ти лет
Цена	От 6-ти тыс.	От 3000 руб.	От 7ми тыс.
Акции	Стекло Clima Guard Solar (светоотражающее) за 300 рублей. Набор по уходу за окнами в подарок	Снижены цены на полное остекление квартиры; при заказе от 100 тыс. особые гарантийные условия.	Нет
Гарантии	1 год	3 года	До 5-ти лет.
Постгарантийное обслуживание	Да	Да	Да
Сроки изготовления	От 10 дней	От 10 дней	От 5-ти дней.
Бесплатные замеры	Да	Входят в стоимость окон	да
Возможность онлайн-заказа и оплаты окон	Да	Да	Да
Спектр услуг	Окна, балконы, лоджии, фурнитура, эксклюзивные немецкие подоконники «Данке» и «Меллер», все виды жалюзи, входные группы, офисные перегородки.	Окна, балконы, лоджии, жалюзи и роллеты, натяжные потолки, фурнитура, эксклюзивные подоконники	Окна, балконы и лоджии, фурнитура, роллеты, профильные системы, стеклопакеты STIS, жалюзи, офисные перегородки, входные группы, ролетные, откатные и секционные ворота
Сотрудники	Небольшой штат. Квалификация.	Большой штат сотрудников. Опыт от 13 лет. Квалификация.	Квалификация. Строгий контроль.
Возможность заказа дизайнерских окон	Да	Да	Да
Контроль качества	Да	Да	Да

Оценим эффективность компаний в области выделенных выше факторов по пятибалльной системе. В целом можно сказать, что предприятие находится на среднем уровне конкурентоспособности в регионе. Его сильными сторонами в сравнении с конкурентами являются: акции; качество продукции; широкий ассортимент. Очевидный минус – отсутствие гарантии дольше 1 года.

Колебания заработной платы в течение 2017 – 2019 гг. можно обозначить как незначительные. Ее рост по отношению к 2018 г. (+ 3%) соответствовала темпу инфляции (рост 2,7 %

по данным издания «Коммерсант.ру»). Понижение заработной платы в 2019 г. связано с падением доходности предприятия. Таким образом, можно отметить следующие особенности финансово-хозяйственной деятельности предприятия: это предприятие специализируется на востребованном продукте или услуге, спрос на продукцию регулярно растет. При этом негативным фактором является перенасыщение рынка конкурентами, продукция которых имеет примерно то же качество при более выгодных ценовых и гарантийных условиях.

В таблице 2 представлены результаты финансового анализа ООО «Декстер».

Таблица 2

Финансовый анализ деятельности ООО «Декстер»

Показатель	2017, тыс.руб.	Изм.	2018, тыс. руб.	Изм.	2019, тыс. руб.
Выручка	11 109	+ 395 (3,5)	11 504	- 6 868 (- 60%)	4 636
Себестоимость продаж	5 362	1478	6 910	- 4 741 (68%)	2 619
		-26%			
Валовая прибыль	5 747	-1153	4 594	- 2 577 (56%)	2 017
		-20%			
Коммерческие расходы	0	-	0	-	0
Управленческие расходы	0	-	0	-	0
Прибыль от продаж	5 747	- 1153 (20%)	4 594	- 2 577 (56%)	2 017
Доходы от участия в других организациях	0	-	0		0
Прочие доходы	9	703	712	- 712 (100%)	0
Прочие расходы	324	- 207 (64%)	117	- 84 (71,7 %)	33
Прибыль до налогообложения	5 432	-243	5 189	- 3 205 (61 %)	1 984
		-4%			
Налог	0	-	0	-	0
Чистая прибыль	5 432	-243	5 189	- 3 205 (61 %)	1 984
		-4%			

Наметилась тенденция снижения выручки и чистой прибыли предприятия в течение последних нескольких лет, в сравнение с финансовыми результатами 2017 – 2019 гг.; падение себестоимости продаж исключает существенное влияние стоимости технологий или материалов (сырья) на падение финансовых результатов. Падение общей конкурентоспособности предприятия на Владимирском рынке, либо несоответствующая современным реалиям методология продвижения товара на рынок, неэффективный маркетинг.

Анализ финансовых результатов обосновывает необходимость разработки стратегии экономического роста предприятия, для чего необходим анализ ряда дополнительных факторов.

Из представленного исследования видно, что наблюдается падение и заниженные показатели общей рентабельности организации, свидетельствующие о проведении неэффективной финансовой политики. Падение рентабельности активов показывает, что оборотные активы организации не приносят достаточно прибыли, то есть финансовое управление организации тоже нуждается в изменении подходов, особенно в условиях нестабильности национальной валюты и падении ее курса; падение рентабельности продукции может говорить о неэффективной стратегии выборе поставщиков, определении самой продуктовой линейки и оказываемых услуг.

Анализ рентабельности предприятия ООО «Декстер»

Позиция	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Прибыль до налогообложения, тыс. руб. (2300)	5432	5189	1984
Выручка, тыс. руб. (2110)	11109	11504	4636
Рентабельность общая	0,48	0,45	0,4
Прибыль, тыс. руб. (2400)	5432	5189	1984
Выручка, тыс. руб. (2110)	11109	11504	4636
Рентабельность продаж	1	0,66	0,77
Прибыль от продаж, тыс. руб. (2200)	5727	4594	2017
Себестоимость, тыс. руб. (2120)	5362	6910	2619
Рентабельность продукции	0,48	0,45	0,42
Прибыль, тыс. руб. (2400)	5432	5189	1984
Средняя величина активов, тыс.руб.(определяется как среднее значение показателей строки 1200 на начало и конец периода)	42765	32351	22044
Рентабельность активов	0,13	0,16	0,09

На предприятии имеются лишь оборотные активы, то есть речь идет о нефондоемком бизнесе, который не требует дополнительных финансовых вливаний на амортизацию. В связи с этим нормальным следует считать пороговое значение от 0,5 до 0,7 (или 50 % – 70 % собственного капитала предприятия).

На предприятии существует дисбаланс в сторону дебиторской задолженности, с одной стороны, положительно влияет на ликвидность компании, с другой, как было сказано, имеет место отток финансов компании из оборота, что может негативно отразиться на всей ее деятельности. Исходя из этого, можно полагать, что финансовое состояние нестабильное, и основные проблемы заметны в нерациональном использовании финансовых ресурсов компании.

Таблица 4

Оценка стоимости компании ООО «Декстер»

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Прибыль, тыс. р. (2400)	5432	5189	1984
Краткосрочные обязательства, тыс. р. (1500)	199,7	233	761
Капитал и резервы, тыс. р. (1300)	2527	1883	2426
Коэффициент капитализации	0,07	0,1	0,3
Стоимость компании, тыс. руб.	77600	51890	6613

Основываясь на проведенном анализе отдельных направлений хозяйственной деятельности предприятия, проведем анализ факторов, влияющих на экономический рост. Для этого используем метод SWOT-анализа.

Следует уточнить, что далеко не все данные факторы будут оказывать влияние на деятельность компании в равной степени. Так, в области сильных сторон предприятия на данный момент следует особенно выделить следующие факторы: в области конкурентоспособности продукции – широкая линейка продуктов, качество предлагаемых окон и комплектующих и наличие устоявшейся клиентской базы, которым осуществляется гарантийное обслуживание; в области финансовых показателей – стабильно высокая финансовая независимость предприятия, ликвидность активов (т.е. способность покрыть ими текущие обязательства), отсутствие внеоборотных фондоемких активов, требующих дополнительных финансовых вливаний на их поддержание, амортизацию.

Что касается слабых сторон предприятия, то здесь можно выделить: в области качества продукции – недостаточно эффективное соотношение цены и качества; короткий срок гарантии на окна, отсутствие индивидуальной бонусной системы для лояльных клиентов. Между тем, пластиковые окна являются товаром, который со временем требует ряда сопутствующих услуг – профилактика, ремонт, демонтаж и т.д.

Общая матрица факторов SWOT-анализа по предприятию ООО «Декстер»

Силы	Слабости
- широкий ассортимент продукции для покупателей с разным бюджетом;	- не самая низкая цена за аналогичное качество;
- качество продукции;	- короткий срок бесплатного гарантийного обслуживания;
- наличие устоявшейся клиентской базы;	- отсутствие развитой бонусной системы;
- высокие показатели финансовой независимости и устойчивости;	- малочисленность штатного состава работников;
- удобная структура активов (отсутствие внеоборотных активов снижает финансовые риски предприятия);	- стабильное падение показателей выручки, прибыли, при некотором росте себестоимости продаж;
- предприятие относится к МСП, следовательно, имеется поддержка от государства, особый режим налогообложения;	- неэффективное управление оборотными активами – заработанные предприятием деньги обесцениваются вместо того, чтобы приносить стабильный доход;
- квалифицированный персонал, умение работать с клиентами;	- отсутствие грамотной стратегии мотивации персонала;
- малочисленность штатного состава обеспечивает возможность непосредственной коммуникации между руководством и подчиненными;	- отсутствие грамотной стратегии пиара компании в сети интернет, малоинформативный сайт.
- удобный механизм обратной связи.	
Возможности	Угрозы
- открытие нового направления бизнеса и охват новых ниш;	- усугубление общемирового экономического кризиса и падение покупательской способности населения;
- расширение клиентской базы в связи с активным расширением городской застройки;	- перенасыщение рынка пластиковых окон, его ограниченность Владимирской областью;
- появление новых заводов, предоставляющих продукцию и комплектующие по более низким ценам;	- нестабильность национальной валюты;
- расширение рынка (на ближайшие области);	- рост международной напряженности;
- закрытие ряда предприятий в связи с их банкротством;	- рост числа конкурентов с более выгодными предложениями;
- появление новых технологических решений.	- отмена «упрощенки» и ЕНВД;
	- нестабильность, связанная с эпидемией коронавируса, падение числа заказов;
	- изменение государственной политики взаимодействия с малым и средним бизнесом;
	- закрытие заводов-поставщиков;
	- увеличение цен на окна и комплектующие.

Источник: комплексное исследование финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Наименее критичное воздействие, с нашей точки зрения, окажут следующие факторы: рост числа конкурентов с более выгодными предложениями – в ближайшее время развитие малого и среднего бизнеса маловероятно. Компании, напротив, будут закрываться ввиду снижения покупательской способности клиентов; отмена упрощенной системы налогообложения и ЕНВД, но возможность отмены специальных налоговых режимов в текущих условиях крайне мала; изменение государственной политики взаимодействия с малым и средним бизнесом – в текущий год государство проявило лояльность к предприятиям в области налоговых проверок, некоторые компании получили финансовую поддержку, а ключевая ставка ЦБ РФ снижена до 4,25 %; закрытие заводов-поставщиков – тоже маловероятный прогнозный сценарий в связи с тем, что оба предприятия, с которыми сотрудничает ООО «Декстер» имеют положительную динамику прибыли и широкий круг контрагентов, обеспечивающих их прибыльность и финансовую устойчивость.

Наиболее дестабилизирующими факторами являются: усугубление общемирового экономического кризиса, падение покупательской способности населения; перенасыщение местного рынка, вынужденное увеличение цен на продукцию.

Стратегия прорыва или наиболее оптимистичный сценарий включает в себя инвестирование части оборотных средств в развитие дополнительного комплекса услуг компании, которые позволят расширить и удержать клиентскую базу. Также следует расширить штат менеджеров для привлечения новых клиентов с использованием новых методик привлечения. Для обеспечения эффективного сбыта на предприятии основной рекламной площадкой должен стать сайт компании, позволяющий общаться с менеджерами посредством онлайн-мессенджеров (skype, telegram, whatsapp) [6]. Дополнительно следует: зарегистрировать странички компании в социальных сетях (vk, ok, Instagram, facebook), где должна быть информация о скидках, бесплатных акциях и других бонусах от компании для новых и постоянных клиентов.

Таблица 6

Матрица попарного сравнения факторов SWOT-анализа для ООО «Декстер»

Силы и возможности «Стратегия прорыва»	Силы и угрозы «Стратегия переходного периода»
Наиболее вероятным сценарным прогнозом видится расширение клиентской базы компании, для чего необходимо разработать новые стратегии и подходы к клиентской работе, нацеленные не только на привлечение, но и на удержание клиентов. Это может подразумевать:	Использование части оборотных активов для изменения подходов к ценообразованию. Учитывая текущую экономическую ситуацию, нецелесообразно массово снижать цены, лучше использовать гибкие подходы к ценовой политике, направленные на удержание клиентов в базе, разработкой акций и временно действующих спецпредложений (например, в период зима-весна, когда спрос на окна традиционно падает).
- новые способы работы с клиентами (горячие и холодные звонки, непосредственные контакты с руководством строительных компаний как основа поиска оптовых клиентов);	Часть активов следует использовать для разработки гибкой системы мотивации сотрудников, основанной на КПИ, то есть чем больше клиентов приводится и договоров заключается, тем выше ежемесячная премия сотрудника при условии соблюдения трудовой и корпоративной дисциплины, лояльности к компании и умении общаться с клиентом.
- использование части оборотных активов для разработки новых продуктов и отдельных клиентских предложений.	
Возможности и слабости «Стратегия переходного периода»	Слабости и угрозы «Стратегия выживания»
Благодаря активному строительству в городе стратегии как экстенсивного (привлечение новых), так и интенсивного (их удержания) развития клиентской базы даже в условиях падения спроса с вероятностью окажутся эффективными.	Ликвидность предприятия позволит даже при развитии неблагоприятных факторов избежать банкротства и уходу в убыточность. Для этого необходимо, во-первых, развивать спектр дополнительных услуг, себестоимость которых стремится к нулю (увеличить гарантийный срок следует в любом случае); а также изменить подходы к управлению персоналом. Для этого целесообразнее пропорционально увеличить нагрузку и заработную плату сотрудников, нежели расширять штат. Некоторого падения прибыли в любом случае не избежать, но и уход предприятия в убыточность маловероятен.
В обязанности менеджеров следует также ввести изучение технологических новинок – новых типов профилей, индивидуальных дизайнерских предложений, которые позволят расширить клиентскую базу за счет люксового сегмента.	

С целью мотивации персонала предприятия возможно внедрение мониторинга показателей KPI [5]. Система показателей KPI для анализируемого предприятия по оценке оплаты труда представлены в табл. 7.

Уровень реализации плановых показателей является основным качеством, влияющим на оценку работников. Определяется количеством заключенных сделок в процентном отношении к запланированным [5,6].

Целью экономического роста коммерческого предприятия является прежде всего увеличение количества и качества материальных ресурсов, что возможно благодаря рационализации расходов на реализацию и обеспечение высокой прибыли [4].

Рис. 1. Направления совершенствования политики предприятия в целях обеспечения экономического роста

Таблица 7

Система показателей КРІ и оценка их влияния на оплату труда сотрудника

Критерий ценности	Градация ценности	Уровень заработка (в мес.)
Уровень реализации плановых показателей (Р)	120 и выше	+ 20% к заработной плате
	100-110	+10 % к заработной плате
	85-100	0
Уровень трудовой дисциплины (D)	0 – 1 нареканий	Без изменений
	От 2-х до 5-ти нареканий	-2,05
	Более 5-ти нареканий	-5,1
Уровень профессионализма Менеджера (М)	Более 1-го положительного отзыва	5%
Уровень компетентностей ©	0-1 отзыв	Без изменений
	Более 2- отзывов	- 2 – 5%
	Полное соответствие	Без изменений
	Неполное соответствие	- 2 – 5 %.

Принципами экономического роста являются: системность; сбалансированность; устойчивость; всеохватность; инновационность; эффективное нормативное правовое (государственное) регулирование; качественность; экологическую безопасность [7]. На наш взгляд, внедрение инноваций и грамотное развитие человеческого капитала предприятий, как наиболее важного фактора наиболее важного, составляющего экономический рост в настоящее время.

Методами оценки экономического роста, являются методы финансового анализа, инвестиционного, факторного анализа, показывающих финансовую независимость предприятия. Кроме того, необходимо оценить влияние внешних и внутренних факторов на состояние прибыли, капитала, активов, инвестиционной и инновационной активности предприятия для разработки грамотной стратегии его роста

Литература

1. Зайков К.А. Статистическое исследование факторов экономического роста территории. Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук. – 8.00.12. – Новосибирск, 2019. – 186 с.
2. Игошин А.Н., Черемухин А.Д. Сущность экономического роста, его темпы и измерители // Вестник НГИЭИ. 2015. № 2. С. 52 – 58.
3. Дадашова Т.А. Диалектика понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 2 (58). С. 11 – 18.
4. Зосименко Э.В. Человеческий фактор в обеспечении устойчивости функционирования современной организации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1. С. 138 – 140.
5. Тащишина Е.С. Инновационные технологии в авиационном секторе как фактор экономического роста предприятий // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. № 2. С. 88 – 90.
6. Короткова П.С. Прогнозирование экономического роста коммерческого предприятия. [Электронный ресурс] / Дни науки студентов Владимирского Государственного Университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых – URL: https://docs.google.com/document/d/1pHyxa_Feg0-3l2VWtG7l_kzlutbSJBf/edit?rtopof=true (дата обращения: 01.02.2021 г.)
7. Воротникова Т.Н. Кадровая политика как фактор повышения эффективности деятельности предприятия // «Научно-практический журнал Аллея Науки». 2018. № 6(22). С. 1 – 4.

Malkova Tatyana Borisovna, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics of Innovation and Finance, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (87, Gorky St., Vladimir, 600000, Russian Federation). E-mail: mtb37@yandex.ru

Korotkova Polina Sergeevna, Master's Degree in Economics, Department of Economics of Innovation and Finance, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (87, Gorky St., Vladimir, 600000, Russian Federation). E-mail: mtb37@yandex.ru

ARGUMENTATION OF GROWTH STRATEGY OF REAL SECTOR ENTERPRISE (CASE OF VARIABLE CHOICE)

Abstract

The study analyzes the economic growth opportunities of small and medium-sized businesses. The financial and economic indicators showing the dynamics of the state of the enterprise are analyzed. The results of the study of factors affecting the economic growth of enterprises are presented. The possibilities of increasing the rate of economic growth, the conditions under which the business will grow steadily in the current conditions of restrictions are evaluated.

Keywords: *economic growth, business development factors, enterprise economic growth indicators, business development containment factors, methods of assessing enterprise economic growth, business entities, innovative development, enterprise development strategy, enterprise management.*

References

1. Zajkov K.A. Statisticheskoe issledovanie faktorov ekonomicheskogo rosta territorii. Dissertaciya na soiskanie stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. – 8.00.12. – Novosibirsk, 2019. – 186 p.
2. Igoshin A.N., Chermuhin A.D. Sushchnost' ekonomicheskogo rosta, ego tempy i izmeriteli // Vestnik NGIEI. 2015. № 2. P. 52 – 58.
3. Dadashova T.A. Dialektika ponyatij «ekonomicheskij rost» i «ekonomicheskoe razvitie» // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2017. № 2 (58). P. 11 – 18.
4. Zosimenko E.V. Chelovecheskij faktor v obespechenii ustojchivosti funkcionirovaniya sovremennoj organizacii // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2018. № 1. P. 138 – 140.
5. Tacishchina E.S. Innovacionnye tekhnologii v aviacionnom sektore kak faktor ekonomicheskogo rosta predpriyatij // Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy. 2020. № 2. P. 88 – 90.
6. Korotkova P.S. Prognozirovanie ekonomicheskogo rosta kommercheskogo predpriyatiya. [Elektronnyj resurs] / Dni nauki studentov Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh – URL: https://docs.google.com/document/d/1pHyxa_Feg0-3l2VWtG7l_kzlutbSJBf/edit?rtopof=true (data obrashcheniya: 01.02.2021 g.)
7. Vorotnikova T.N. Kadrovaya politika kak faktor povysheniya effektivnosti deyatel'nosti predpriyatiya // «Nauchno-prakticheskij zhurnal Alleya Nauki». 2018. № 6(22). P. 1 – 4.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Морковкин Дмитрий Евгеньевич кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Ленинградский пр., 49). E-mail: morkovkinde@mail.ru

Аннотация

Сегментация и глобализация производственных систем в пандемийную эпоху трансформировали торгово-экономические отношения и мировую торговлю. Участие в глобальных цепочках добавленной стоимости и их модернизация позволяют развивающимся странам постепенно развивать технологический потенциал для модернизации обрабатывающей промышленности и расширения экспорта. Глобальные цепочки добавленной стоимости также могут быть инструментом для развитых стран, чтобы оживить медленный экономический рост в отсутствие крупных инноваций. В работе проведена оценка влияния пандемии COVID-19 на формирование глобальных цепочек добавленной стоимости, выявлены экономические последствия и векторы их постановления в постпандемийный период.

Ключевые слова: экономика, промышленность, торгово-экономические отношения, реальный сектор экономики, глобальные цепочки добавленной стоимости, пандемия COVID-19, цифровая экономика, конкуренция, конкурентоспособность.

На современном этапе глобализации характерной чертой является формирование глобальных цепочек добавленной стоимости. Это в первую очередь связано с углублением международного разделения труда и развитием торгово-экономических отношений.

Раньше компании производили товары преимущественно в одной стране. На данный момент единый готовый продукт часто получается в результате производства и сборки в нескольких странах, и каждый этап процесса увеличивает ценность конечного продукта.

Глобальные цепочки добавленной стоимости относятся к международному разделу производства, явлению, при котором производство разбивается на виды деятельности и задачи, выполняемые в разных странах. Их можно рассматривать как крупномасштабное расширение разделения труда, восходящее к временам Адама Смита.

В знаменитом примере, приписываемом А. Смиту, производство булавки было разделено на несколько отдельных операций внутри фабрики, каждую из которых выполнял преданный своему делу рабочий. В глобальных цепочках добавленной стоимости операции проходят через национальные границы, а производимые продукты намного сложнее, чем булавка. Так, определенная продукция производится в двух и более странах, в каждой из которых к ней или ее компоненту приращивается объем добавленной стоимости.

Фирмы пытаются оптимизировать свои производственные процессы, размещая различные этапы на разных площадках. В последние десятилетия сформировалась сильная тенденция к международному разбросу таких компонент глобальной цепочки добавленной стоимости, как дизайн, производство, маркетинг, распространение и т. д.

Глобальные цепочки добавленной стоимости являются новой формой конкуренции. Участие в них открывает для страны или региона новые возможности: уровень конкурентоспособности теперь не всегда связан с наличием или отсутствием природных ресурсов, капитала и труда – концентрация на отдельном сегменте глобальной цепочки добавленной стоимости позволяет добиться в нем наивысшего уровня влияния [1].

В глобальных цепочках добавленной стоимости участвуют как развитые, так и развивающиеся страны. Для последних это возможность подключения к международному производству. Однако распределение экономической власти происходит в пользу развитых стран [2].

Все страны участвуют в глобальных цепочках добавленной стоимости, но по-разному. Некоторые страны, такие, как Алжир, Нигерия и Венесуэла, вовлекаются в цепочки создания стоимости, продавая преимущественно необработанные сырьевые товары и продукты сельского хозяйства торговым партнерам. Гондурас, Эфиопия и Бангладеш, в частности, в основном занимаются простыми производственными задачами. Малайзия, Польша и Филиппины специализируются на более сложных производственных сегментах цепочки создания стоимости или на задачах

в области услуг, которые становятся все более торгуемыми. Страны с развитой экономикой и некоторые развивающиеся страны, такие, как Чешская Республика, специализируются главным образом на инновационных интенсивных товарах и задачах.

Для экономики переход к передовым производствам и услугам в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости является более сложной задачей. Как правило, речь идет о таких секторах, как автотранспортные средства, медицинские приборы, аэрокосмическая промышленность и высокоточные приборы. К странам, которые в последнее время были успешными в одном или нескольких из этих секторов, относятся Польша и Турция. Коста-Рика и Вьетнам сейчас находятся в середине этого переходного периода. Переход к этим мероприятиям требует изменения политики. Например, в то время как затраты на рабочую силу по-прежнему имеют значение для некоторых элементов цепочки создания стоимости, передовые производственные глобальные цепочки добавленной стоимости, как правило, требуют более высококвалифицированной рабочей силы и совершенствования управленческой практики. Если страны не смогут инвестировать в человеческий капитал, они могут оказаться в ловушке со средним уровнем дохода и упустить следующий этап развития¹.

Глобальные цепочки добавленной стоимости являются мощным двигателем роста производительности, создания рабочих мест и повышения уровня жизни. Вовлеченные страны развиваются быстрее, импортируют навыки и технологии и повышают занятость. Участие в глобальных цепочках добавленной стоимости позволяет установить взаимовыгодные отношения с партнерами, в том числе по обмену знаниями и умениями, а также снизить издержки и максимизировать прибыль за счет более дешевой рабочей силы в экономиках других стран и за счет облегченной доступности к более дешевому сырью развивающихся экономик. Другим преимуществом таких цепочек является продление жизненного цикла технологий посредством их передачи на рынки развивающихся экономик, где требования к таким технологиям ниже².

Есть две фундаментальные причины, по которым глобальные цепочки добавленной стоимости обеспечивают больший рост, чем торговля. Во-первых, это гиперспециализация, которая позволяет компаниям производить продукцию в больших масштабах. Во-вторых, это тесные кооперационные связи, которые делают передачу технологий более жизнеспособной. Фирмы заинтересованы в том, чтобы специализироваться на конкретных задачах, обмениваться технологиями. Кроме того, есть четыре набора определяющих факторов: наличие рабочей силы и капитала, институты, география и доступ к крупному рынку.

Для того, чтобы глобальные цепочки добавленной стоимости могли и дальше оставаться движущей силой устойчивого и инклюзивного экономического развития, должны выполняться следующие три условия:

- Во-первых, развивающиеся страны ускоряют торговые и инвестиционные реформы и улучшают взаимосвязь.
- Во-вторых, страны с развитой экономикой проводят открытую и предсказуемую экономическую политику.
- В-третьих, все страны усиливают социальную защиту и охрану окружающей среды, чтобы гарантировать совместное использование и сохранение выгод от участия в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Одним из наиболее сложных и серьезных вызовов для всей мировой экономики за последние десятилетия стало распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Пандемия поражает глобальные цепочки добавленной стоимости по трем основным каналам [3].

Во-первых, пандемия сильно влияет на транспортные системы и в некоторых случаях практически перекрывает доступ к логистике цепочек поставок. В последние несколько десятилетий многонациональные корпорации разделили свои производственные процессы на мелкие сегменты и переместили эти небольшие части процесса в разные отраслевые локации по всему миру,

¹ Taglioni D. How important are Global Value Chains for development? – 28 October 2019. – URL: <https://www.globalmaritimeforum.org/news/how-important-are-global-value-chains-for-development>

² COVID-19 triggers marked decline in global trade, new data shows. – 13 May 2020. – URL: <https://unctad.org/news/covid-19-triggers-marked-decline-global-trade-new-data-shows>; The impact of global value chains on rich and poor countries. – 20 Jule 2017. – URL: <https://www.brookings.edu/events/the-impact-of-global-value-chains-on-rich-and-poor-countries/>

чтобы максимизировать их прибыль. В такой производственно-торговой модели стабильная и своевременная логистика очень важна для цепочки поставок. Когда какая-либо часть цепочки блокируется, затрагивается вся последующая производственная деятельность. Например, в Японии производство автомобилей пострадало из-за того, что некоторые запчасти не могли быть доставлены вовремя, и запасы не поддерживались из-за системы бережливого производства. Поскольку страны использовали разные модели борьбы с последствиями пандемии COVID-19, меры поддержки различных секторов экономики и пограничного контроля, объемы перевозок грузов были значительно сокращены. В результате цепочки поставок были серьезно нарушены.

Второй канал, по которому пандемия влияет на глобальные цепочки добавленной стоимости, – это нарушение предложения производства. Помимо сбоев в цепочке поставок, другие меры, которые были приняты, такие как закрытие рабочих мест и остановка общественного транспорта, значительно ограничили затраты труда на производство.

Третий канал, через который пандемия влияет на глобальные цепочки добавленной стоимости, – резкое падение спроса. В январе и феврале 2020 г., когда эпицентром мировой эпидемии был Китай, падение не было значительным. Однако с марта 2020 г., когда вирус распространился по всему миру, это привело к резкому падению спроса. Основным фактором катастрофического снижения совокупного спроса в мировой экономике явилась глобальная единовременная отмена заказов. Например, отмена заказов для швейных фабрик в Шри-Ланке и Бангладеш, а также для заводов электроники в макрорегионе Юго-Восточной Азии. По этому каналу шоки от пандемии были переданы в такие регионы, как Африка, где пандемия еще не разразилась. Заказы с северной части мира были преимущественно отменены, цены на сырьевые товары упали в среднем на 20 %, а общий объем торговли, упал на 50 %¹.

Сложившаяся эпидемиологическая ситуация в мире по силе своего воздействия на глобальные цепочки опередила геополитические и экономические факторы. Глобальные цепочки добавленной стоимости под влиянием мировой пандемии начали трансформироваться по трем основным векторам: глобализация, миграция и локализация. Наибольшую приспособленность к изменяющимся условиям экономики показывают средние компании, которые обладают необходимой гибкостью и ресурсами для корректировки модели организации бизнеса.

Основными векторами восстановления глобальных цепочек добавленной стоимости после пандемии станут автоматизация и цифровизация по трем основным причинам.

Во-первых, цифровые технологии и автоматизация сыграли важную роль в борьбе мирового сообщества с COVID-19. Во время пандемии появилось несколько новых услуг. К ним относятся дистанционное отслеживание и обнаружение (в том числе инфекций), роботизированная уборка в больницах, а также доставка лекарств, биоматериалов и уведомлений с помощью дронов. Телемедицина, электронный бизнес, онлайн-образование, онлайн-развлечения, онлайн-конференции и офисные системы также быстро развиваются и вносят свой вклад в глобальный ответ на COVID-19 и, следовательно, в общество и экономику в целом.

Во-вторых, некоторые секторы, в том числе такие как предоставление различных услуг в режиме онлайн, – уже быстро выросли во время пандемии из-за растущего спроса. В перестановках и перемещении глобальных цепочек добавленной стоимости появятся новые перспективные отрасли. Некоторые страны восполняют пробел в перемещенных глобальных цепочках добавленной стоимости за счет крупных инвестиций в будущие секторы цифровой экономики, инноваций в цифровых приложениях в традиционных отраслях и развития цифровой инфраструктуры. Эти секторы станут новыми двигателями экономического роста.

В-третьих, уроки пандемии и торговой войны подтолкнули бизнес к созданию более устойчивых производственных систем и цепочек поставок. Цифровая трансформация отраслей и производственных систем будет популярным выбором для компаний как в производственной сфере, так и в сфере услуг. Цифровизация часто означает большую капиталоемкость и технологичность, а также меньшее использование рабочей силы. Инженеры могут даже управлять производственным процессом с помощью дистанционного управления. Это делает производственный процесс менее контактным и, следовательно, менее подверженным социальному дистанцированию и ограничениям мобильности людей. Таким образом, цифровая трансформация,

¹ COVID-19 triggers marked decline in global trade, new data shows. – 13 May 2020. – URL: <https://unctad.org/news/covid-19-triggers-marked-decline-global-trade-new-data-shows>

включая интеллектуальное производство, интеллектуальные услуги, электронное правительство и оцифрованную зеленую трансформацию, поддерживаемую большими данными, облачными технологиями и технологией блокчейн, революционизирует производство и предоставление частных и государственных услуг.

В 2020 г. наблюдался самый глубокий спад в экономике России за весь последефолтный период. Пандемия затронула, в том числе, мировые рынки товаров, которые являются традиционными для отечественного экспорта. Так, например, российский нефтяной рынок переживает самое масштабное падение спроса в современной истории.

В целях недопущения дальнейшего распространения коронавируса в России на многие организации накладываются меры административного ограничения, в том числе полное приостановление деятельности отдельных сегментов сферы услуг.

Наряду с ограничениями деятельности организаций, в России также сдерживается и потребительская активность населения как за счет вынужденного, так и за счет добровольного социального дистанцирования.

Таким образом, в условиях глобальной пандемии в 2020 году отечественная экономика оказалась под воздействием новых вызовов:

- острое ухудшение внешнеторговых условий в связи с обвалом цен на нефть;
- вынужденное резкое сокращение деловой активности вследствие ограничений, направленных на сдерживание распространения вируса¹.

В условиях пандемии, масштабных ограничительных мер, снижения деловой активности, рыночных шоков и нарушений глобальных цепочек для эффективного восстановления основными направлениями российской политики должны стать [4].

1) Диверсификация рынков сбыта и поставщиков. Необходимо налаживать новые международные кооперационные связи за счет информационного содействия со стороны государства, снижения барьеров в торговле и другие.

2) Повышение качества отечественной продукции и обеспечение ее соответствия международным стандартам.

3) Поддержка цифровизации бизнеса и присоединения компаний к глобальным платформенным решениям.

4) Развитие отраслей с коротким деловым циклом.

5) Формирование национальных фрагментов глобальных цепочек добавленной стоимости (например, субсидии для проектов «легкого импортозамещения»).

6) Оптимизация системы управления производственными запасами деталей и комплектующих.

7) Повышение насыщенности продуктовой корзины.

8) Региональная кооперация и развитие региональных цепочек добавленной стоимости (например, в ЕАЭС, в других странах Европы и Азии) [5]. Для этого необходимо развивать инфраструктуру, оказывать содействие торговле и снижать барьеры во взаимной торговле.

9) Развитие конкурентоспособного и экспортно-ориентированного малого и среднего бизнеса [6].

10) Наращивание масштабов экспортных производств, в том числе за счет вывода на рынки новой продукции и за счет выхода на новые рынки сбыта.

В России необходимо выработать эффективные меры постковидной государственной политики по восстановлению глобальных цепочек добавленной стоимости. Для этого необходимо рассмотреть следующие возможности:

1) «Платформенное» встраивание в цепочки.

2) Роботизация производства.

3) Развитие малого и среднего экспортно ориентированного бизнеса.

4) Диверсификация товарного пространства и поиск новых рынков.

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов (утв. Минфином России). - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364178/

Литература

1. Волгина Н.А. Глобальные цепочки стоимости, индустриализация и промышленная политика // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 6. С. 23 – 32.
2. Жаркова Е.М. Глобальные цепочки добавленной стоимости и их роль в мировой торговле // Инновационная экономика. 2020. № 1 (22). С. 50 – 64.
3. Xiaolan Fu. Digital transformation of global value chains and sustainable post-pandemic recovery // Transnational Corporations Journal. 2020. Vol. 27 № 2. Pp. 157 – 166.
4. Флегонтова Т.А., Пономарева О.В. Кризис глобальных цепочек добавленной стоимости на фоне пандемии коронавируса: рекомендации для России // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 6. С. 65 – 72.
5. Перская В.В. Глобальные цепочки стоимости и их значение для развития национальных хозяйств ЕАЭС // Экономические стратегии. 2015. Т. 16. № 5-6 (130-131) С. 22 – 31.
6. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Методологические основы анализа трансформации глобальных цепочек стоимости в ходе неоиндустриализации // Экономическое возрождение России. 2016. № 3. С. 57 – 65.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, PhD (Economics), associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky avenue, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation). E-mail: morkovkinde@mail.ru

TRANSFORMATION OF GLOBAL VALUE CHAINS IN THE FACE OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract

Segmentation and globalization of production systems in the pandemic era transformed trade and economic relations and world trade. Participation in and modernization of global value chains allows developing countries to gradually develop the technological capacity to modernize manufacturing and expand exports. Global value chains can also be a tool for developed countries to revive slow economic growth in the absence of major innovations. The paper assesses the impact of the COVID-19 pandemic on the formation of global value chains, identifies the economic consequences and vectors of their resolution in the post-pandemic period.

Keywords: *economy, industry, trade and economic relations, real economy, global value chains, COVID-19 pandemic, digital economy, competition, competitiveness.*

References

1. Volgina N.A. Global'nye cepochki stoimosti, industrializaciya i promyshlennaya politika // ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. 2017. № 6. P. 23 – 32.
2. Zharkova E.M. Global'nye cepochki dobavlennoy stoimosti i ih rol' v mirovoj trgovle // Innovacionnaya ekonomika. 2020. № 1 (22). P. 50 – 64.
3. Xiaolan Fu. Digital transformation of global value chains and sustainable post-pandemic recovery // Transnational Corporations Journal. 2020. Vol. 27 № 2. Pp. 157 – 166.
4. Flegontova T.A., Ponomareva O.V. Krizis global'nyh cepochek dobavlennoy stoimosti na fone pandemii koronavirusa: rekomendacii dlya Rossii // Ekonomicheskoe razvitie Rossii. 2020. T. 27. № 6. P. 65 – 72.
5. Perskaya V.V. Global'nye cepochki stoimosti i ih znachenie dlya razvitiya nacional'nyh hozyajstv EAES // Ekonomicheskie strategii. 2015. T. 16. № 5-6 (130-131) P. 22 – 31.
6. Tolkachev S.A., Teplyakov A.YU. Metodologicheskie osnovy analiza transformacii global'nyh cepochek stoimosti v hode neoindustrializacii // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2016. № 3. P. 57 – 65.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ КАК ФАКТОРА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОВЕДЕНИЕ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

Мясникова Алена Сергеевна – государственный налоговый инспектор ИФНС России по Октябрьскому району г. Ростова-на-Дону (344012, Россия, г. Ростов-на-Дону, Ворошиловский пр., 54). E-mail: alena.myasnikova.1997@mail.ru

Магомадов Хасан Умарович – кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: xas2004@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрено понятие налогового контроля, оценены статистические показатели налогового контроля в Российской Федерации и Ростовской области в частности, проанализирована результативность налогового контроля в настоящее время, а также определены возможные направления повышения результативности налогового контроля, оказывающие прямое воздействие на поведение налогоплательщиков.

Ключевые слова: налоговый контроль, налогоплательщик, камеральные проверки, выездные проверки, результативность, налоговая отчетность, индивидуальные предприниматели, контрольная деятельность, отчетность, налоговые платежи.

Налоговый контроль – это действия налоговых органов, направленные на осуществление контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах. Налоговый контроль включает в себя вопросы правильности уплаты налогов и сборов, полноты и своевременности их уплаты и т.д. Законодательно положения налогового контроля закреплены в Главе 14 Налогового кодекса Российской Федерации¹.

Налоговому контролю подлежат все категории налогоплательщиков: как физические лица и индивидуальные предприниматели, так и юридические лица. Именно поэтому актуальность повышения результативности налогового контроля крайне велика, ведь грамотно проведенные действия налогового контроля позволяют напрямую воздействовать на поведение налогоплательщика путем установления необходимости соблюдения законодательства о налогах и сборах, а также побуждения к представлению уточненных сведений.

По своей сущности действия, осуществляемые налоговыми органами в рамках налогового контроля, напрямую влияют на поведение налогоплательщиков, поскольку это может исправить ошибки и неточности в предоставляемой отчетности, а также побудить налогоплательщиков к корректировке существующих обязательств в пользу увеличения налоговых платежей.

Необходимо отметить, что действия налоговых органов в рамках контрольной деятельности должны быть полностью законны, а требования соответствовать действительности.

В настоящее время происходит постоянное развитие и совершенствование механизма правового регулирования взаимоотношений налогоплательщиков с налоговыми органами, порядок проведения налоговых проверок и рассмотрения их результатов. Поэтому исследование проблемы и разработка комплекса мер, которые будут способствовать росту эффективности налогового контроля, являются достаточно актуальными [1–4].

На протяжении ряда последних лет ФНС России сохраняет устойчивый тренд на снижение административной нагрузки на бизнес, а также на мотивацию налогоплательщиков к своевременному и в полном объеме декларированию налоговых обязательств. В табл. 1 представлено соотношение количества налогоплательщиков, представивших налоговую отчетность, и количества проведенных выездных налоговых проверок в Ростовской области за определенный промежуток времени.

¹ Налоговый контроль [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://www.audit-it.ru/terms/taxation/nalogovyy_kontrol.html

Таблица 1

Соотношение количества налогоплательщиков, представивших налоговую отчетность, и количества проведенных выездных налоговых проверок в Ростовской области в 2016 – 2021 гг., единиц¹

Показатель	Год					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Кол-во организаций, представивших налоговую отчетность	65 950	66 506	66 270	70 036	69 946	60 936
Кол-во ИП, представивших налоговую отчетность	83 064	84 820	89007	111 951	103 708	66 522
Кол-во организаций, проверенных на ВНП	127	151	142	81	41	20
Кол-во ИП, проверенных на ВНП	8	6	6	3	4	7

Из таблицы видно, что с ростом количества организаций и индивидуальных предпринимателей, представляющих налоговую отчетность, происходит значительное сокращение количества проводимых среди данных налогоплательщик количества выездных налоговых проверок. Следует отметить, что с апреля 2020 г. по апрель 2021 г. существенно сократилось количество организаций и индивидуальных предпринимателей, сдающих налоговую отчетность. Так в Ростовской области количество организаций сократилось на 9 010 единиц, а ИП – 37 186 единиц. Одной из причин этого, можно назвать кризис, вызванный падением спроса из-за карантинных мер. Однако, несмотря на это, происходит повышение результативности налоговых проверок, а также рост объема дополнительно начисленных налоговых платежей. Сводные итоги деятельности налоговых инспекций Ростовской области в сфере налогового контроля за последние шесть лет представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты контрольной деятельности налоговых инспекций Ростовской области в 2016 – 2021 гг., тыс. руб.²

Показатель	Год					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Кол-во камеральных проверок	187 057	305 305	413 764	338 516	378 081	369 717
Кол-во выявленных нарушений	12 536	17 267	18 876	13 044	13 224	15 294
Дополнительно начислено платежей	570 460	507 722	412 375	288 202	197 746	303 102
Из них налогов	501 784	388 439	311 704	197 543	144 904	228 184
Кол-во выездных проверок	149	157	147	85	45	27
Кол-во выявленных нарушений	149	157	146	84	43	27
Дополнительно начислено платежей	1 178 121	1 672 132	1 161 986	1 403 737	491 626	335 482
Из них налогов	905 415	1 328 004	894 432	1 038 653	329 116	247 415
Всего проверок	187 206	305 462	413 911	338 601	378 126	369 744
Число выявленных нарушений	12 685	17 424	19 022	13 128	13 267	15 321
Всего дополнительно начислено платежей	1 748 581	2 179 854	1 574 361	1 691 939	689 372	638 584
Из них налогов	1 407 199	1 716 443	1 206 136	1 236 196	474 020	475 599

¹ Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов 2-НК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn61/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

² Там же.

Основываясь на показателях из таблицы 2, можно сделать вывод о том, что количество камеральных проверок ежегодно возрастает (исключение – 2020 год в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19), при этом существенно снизилось количество выездных проверок, что также связано с введенным мораторием на проведение налоговых проверок во 2 квартале 2020 года. По данным на 01.04.2021 год налоговыми инспекциями Ростовской области проведено 369 744 проверок, из них 369 717 камеральных и 27 выездных. Общая сумма платежей, дополнительно начисленных налоговых платежей в результате контрольных мероприятий налоговых органов, составила 638 584 тыс. руб., что на 50 788 тыс. руб. меньше по сравнению с данными на 01.04.2020 года.

Результативностью налогового контроля является показатель работы налоговых органов в процессе осуществления контрольной деятельности, который выражен в отношении количества действий, выявивших нарушения налогового законодательства, к количеству проведенных мероприятий.

Расчет результативности налогового контроля на примере камеральных и выездных проверок рассчитывается следующим образом:

Результативность = Количество выявивших нарушения проверок / Общее количество проверок.

Данная методика используется в налоговых органах Российской Федерации. Такой метод расчета распространен при оценке показателей контрольной деятельности отделов камерального контроля и контрольных (выездных) отделов (табл. 3).

Таблица 3

Результативность и эффективность камеральных и выездных налоговых проверок в Ростовской области в 2016 – 2021 гг., тыс. руб.¹

Год	Количество КНП	Количество нарушений	Результативность КНП	Количество ВНП	Количество нарушений	Результативность ВНП
2016	187 057	12 536	6,70%	149	149	100,00%
2017	305 305	17 627	5,77%	157	157	100,00%
2018	413 764	18 876	4,56%	147	146	99,32%
2019	338 516	13 044	3,85%	85	84	98,82%
2020	378 081	13 224	3,50%	45	43	95,56%
2021	369 717	15 294	4,14%	27	27	100,00%
<i>эффективность</i>						
Показатель	Год					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Дополнительно начислено платежей по КНП, тыс. руб.	570 460	507 722	412 375	288 202	197 746	303 102
В расчете на 1 проверку, руб.	3049,66	1663,00	996,64	851,37	523,03	819,82
Дополнительно начислено платежей по ВНП тыс. руб.	1 178 121	1 672 132	1 161 986	1 403 737	491 626	335 482
В расчете на 1 проверку, тыс. руб.	7 906,85	10 650,52	7 904,66	31 194,15	10 925,02	12 425,26

Результативность камеральных проверок по данным на 01.04.2021 года составила 4,14%, на 01.04.2020 года – 3,50%, на 01.04.2021 года – 3,85%, на 01.04.2021 года – 4,56%. В настоящее время, оценивая четырехлетний период, можно сказать, что с увеличением количества проверок, их результативность снижается. В то время результативность выездных налоговых проверок на протяжении шести лет остается на высоком уровне – более 95%.

¹ Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов 2-НК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn61/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Помимо результативности весьма важное значение для оценки качества работы ФНС имеет эффективность налоговых проверок, которые показывают суммы дополнительно начисленных платежей в бюджет в расчете на 1 проверку и 1 нарушение.

Проведенный анализ эффективности проверок показал, что с 2016 по 2021 гг. имеется тенденция к уменьшению эффективности контрольных мероприятий.

Но на 1 квартал 2021 г. отмечено увеличение налоговых взысканий (296,79 руб.) в расчете на одну проверку по сравнению с предыдущим аналогичным периодом.

Можно сделать выводы как о повышении эффективности работы налоговых органов, так и об увеличении размеров штрафных санкций за совершение налоговых правонарушений.

Результативными мероприятия налогового контроля в части проверок является тот факт, при котором итоги проверки повлекли за собой составление акта проверки, соответственно, решение о привлечении к ответственности налогоплательщика.

По итогам мероприятий налогового контроля в бюджет может поступить как сумма дополнительно начисленных платежей по итогам налоговых проверок, так и в связи с представлением уточненных налоговых деклараций по результатам контрольно-аналитической работы. Так, например, итоги камерального контроля в 2019 и 2020 годах выглядят следующим образом:

- Поступило (взыскано) из суммы дополнительно начисленных платежей по результатам КНП в 2019 году 446 969 тысяч рублей, в 2020 году – 269 265 тысяч рублей.

- Поступило в связи с представлением уточненных налоговых деклараций по результатам контрольно-аналитической работы в 2019 году 2 204 234, в 2020 году – 2 387 455 тысяч рублей.

Таким образом, в целом поступления в 2020 году практически идентичны показателям за 2019 год.

В рамках контроля за уплатой налогов стоит упомянуть также режим для самозанятых граждан, т.е. одновременные проверочные мероприятия ФНС России и Роструда работодателей, которые нанимают самозанятых в качестве работников, но оформляют их по гражданско-правовым договорам. Выявление признаков трудовых отношений – основание привлечения работодателя к ответственности за нарушение по КоАП РФ¹. К примеру, если официально зарегистрированный самозанятый специалист оказывает услуги предприятию, которое было его работодателем менее 2 лет назад, он не вправе платить с такого дохода налог на профессиональный доход. С любых выплат, осуществляемых предприятием, в отношении такого сотрудника предприятие должно исчислять НДФЛ и платить страховые взносы. Основная форма проведения проверок самозанятых – контрольная закупка или проверка по жалобе клиента. Если сообщений о нарушениях не было, налоговая инспекция может проверить текущие платежи и записи о прошлых сделках в приложении «Мой налог». Сигнализирует о нарушении наличие в приложении сведений о поступлении дохода при отсутствии чека.

Также осуществляется контроль компаний, которые сотрудничают с самозанятыми. Имеются в виду попытки подмены реальных работников самозанятыми в целях налоговой оптимизации.

В этих случаях в целях контроля анализируются данные из электронной системы – сведения, поступающие в режиме онлайн от плательщика налога на профессиональный доход, сопоставляются с данными от бывшего работодателя, а также анализу подвергается динамика страховых выплат, среднесписочная численность, среднеотраслевая налоговая нагрузка, персональная история трудоустройства самозанятого, источники и суммы его доходов.

Особое влияние на показатели налогового контроля и их результативность оказала пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией COVID-19 с марта 2020 года.

Напомним, что государство ввело ряд налоговых льгот для облегчения положения бизнеса, к которым были отнесены следующие:

- приостановлены либо отменены выездные проверки в том числе повторные проверки;
- приостановлено течение срока для представления возражений на акты выездных налоговых проверок;

¹ Письмо УФНС по Московской области от 27.07.2020 № 10-17/051757@

–до 1 июля 2020 г. для бизнеса не применялись меры взыскания задолженности. С 16 марта по 1 мая ФНС России не принимала решения о банкротстве.

–перенесены сроки уплаты по УСН, ЕСХН, НДС, НДФЛ, налогу на прибыль для ряда категорий, сроки уплаты авансовых платежей по транспортному, земельному налогу и налогу на имущество организаций, а также сроки уплаты по страховым взносам

Кроме этого, правительством был осуществлен ряд дополнительных мер поддержки для организаций и ИП в наиболее пострадавших отраслях, также для крупнейших налогоплательщиков, стратегических, системообразующих, градообразующих организаций, а также реализующих социально-значимые товары или услуги были введены особые сроки отсрочки или рассрочки. Все эти мероприятия дали свой эффект и помогли многим хозяйствующим субъектам в период кризиса 2020 г.

В целом, повышение результативности налогового контроля может быть достигнуто благодаря нескольким основным принципам, которые должны получить приоритет при дальнейших действиях налоговых органов в рамках налогового контроля:

Большее внимание следует уделять именно камеральному контролю. Данная ситуация связана с несколькими причинами. Во-первых, налоговые органы стараются по максимуму сократить расходы на собственную деятельность. Во-вторых, данная ситуация связана с тем, что в настоящее время очень активно внедряется и используется программное обеспечение АИС "Налог-3", благодаря которому дистанционно можно проверить множество оцениваемых в ходе позиций, не выезжая непосредственно к налогоплательщику. Данная процедура позволяет сократить количество выездных налоговых проверок.

В результате, приоритет на камеральный контроль должен быть обоснован именно возможностями программного обеспечения, которое, на данный момент, используется налоговыми органами не в полную силу.

Второй проблемой, требующей решения, является загруженность инспекторов при проведении камеральных проверок. Как мы видим, существует положительная динамика количества проводимых камеральных проверок. В связи с этим, существует проблема нехватки специалистов. В настоящее время в налоговых органах по всей стране происходит реорганизация, в результате которой возникает нехватка сотрудников по конкретным направлениям. Именно поэтому страдает результативность. Это означает, что для повышения результативности необходимо недостаток человеческого ресурса компенсировать возможностями автоматизированного контроля благодаря ПК АИС Налог-3.

С точки зрения работы с налогоплательщиками напрямую, необходимо проводить опрос хозяйствующих субъектов на предмет существующих проблем, связанных с взаимодействием с налоговым органом, с ведением налогового учета, с формированием налоговой базы, с исчислением налогов и сборов и их уплаты. Полученная информация может способствовать оперативному устранению существующих проблем при проведении налогового контроля, и, как следствие, позволит повысить его эффективность.

Актуальным в настоящее время будет изучать деятельность налогоплательщиков, пострадавших в период пандемии коронавирусной инфекции. Данным периодом могли воспользоваться недобросовестные налогоплательщики в целях получения выгоды в виде отсрочек или выплат от государства.

Не менее актуальным будет изучение деятельности самозанятых. Налогоплательщики, применяющие специальный налог для самозанятых – налог на профессиональный доход, могут использовать данный режим для ухода от налогообложения. Именно поэтому эффективность некоторых контрагентов или фактических работодателей самозанятых могут существенно занижать процент результативности.

Также в ближайшее время произойдет совершенствование в сфере контрольно-надзорных функций ФНС РФ. Сюда входит применение контрольно-кассовой техники в различных сферах. Государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, аккредитации филиалов, представительств иностранных юридических лиц, банкротства, страховых взносов и валютного законодательства.

Прогнозируемый результат предполагает совершенствование налогового администрирования, совершенствование инструментов, используемых в целях повышения качества налогового контроля и выполнения надзорных функций

Таким образом, повышение результативности налогового контроля напрямую влияет на поведение налогоплательщиков. Именно поэтому необходимо анализировать и применять на практике различные направления повышения эффективности.

Литература

1. Савинкова Т.А., Сирина Т.А., Ниятбаева А.С., Сирин В.Д. Оценка эффективности организации налогового контроля // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 1 (64). С. 39 – 42.
2. Кострубина Е.А., Лебедева Н.Ю. Проблемы учета расчетов с бюджетом по налоговым платежам в Российской Федерации // Актуальные аспекты инновационного экономического и юридического развития в условиях роста напряженности вокруг России. Ростов-на-Дону, 2015. – 104-109 с.
3. Пансков В.Г., Лукасевич И.Я. Налоговые механизмы стимулирования модернизации экономики Российской Федерации // Финансы. 2017. № 8. С. 42–48.
4. Пономарев А.И., Игнатова Т.В., Богатырев М.А. Налоги и налоговое администрирование в Российской Федерации: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. М: Финансы и статистика, 2009. 392 с.

Myasnikova Alena Sergeevna, State Tax Inspector of the Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia for the Oktyabrsky District, Rostov-on-Don (54, Voroshilovsky Ave., Rostov-on-Don, 344012, Russian Federation). E-mail: alena.myasnikova.1997@mail.ru

Magomadov Khasan Umarovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: xas2004@mail.ru

DIRECTIONS OF INCREASING THE PERFORMANCE OF TAX CONTROL AS A FACTOR OF IMPACT ON THE BEHAVIOR OF A TAXPAYER

Abstract

The article considers the concept of tax control, evaluates the statistical indicators of tax control in the Russian Federation and the Rostov region, in particular, analyzes the effectiveness of tax control at the present time, and also identifies possible ways to improve the effectiveness of tax control, which have a direct impact on the behavior of taxpayers.

Keywords: tax control, taxpayer, desk checks, field checks, performance, tax reporting, individual entrepreneurs, control activities, reporting, tax payments.

References

1. Savinkova T.A., Sirina T.A., Niyatbaeva A.S., Sirin V.D. Ocenka effektivnosti organizacii nalogovogo kontrolya // Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tekhnologij. 2017. № 1 (64). P. 39 – 42.
2. Kostrubina E.A., Lebedeva N.YU. Problemy ucheta raschetov s byudzhedom po nalogovym platezham v Rossijskoj Federacii // Aktual'nye aspekty innovacionnogo ekonomicheskogo i yuridicheskogo razvitiya v usloviyah rosta napryazhennosti vokrug Rossii. Rostov-na-Donu, 2015. – 104-109 p.
3. Panskov V.G., Lukasevich I.YA. Nalogovye mekhanizmy stimulirovaniya modernizacii ekonomiki Rossijskoj Federacii // Finansy. 2017. № 8. P. 42–48.
4. Ponomarev A.I., Ignatova T.V., Bogatyrev M.A. Nalogi i nalogovoe administrirovanie v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie. – 2-e izd., pererab. i dop. M: Finansy i statistika, 2009. 392 p.

УДК 332.1

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-146-151

**УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ
ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО И БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКОГО ТИПОВ
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Арсанова	аспирант, Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии
Роза	народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Майроевна	(357502, Россия, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5). E-mail: rozza75@list.ru
Киселева	доктор экономических наук, профессор, зам. директора,
Наталья	Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии
Николаевна	народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
	(357502, Россия, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, 5).
	E-mail: kiseleva-n-n@yandex.ru

Аннотация

В статье отражены преимущества формирования экономических кластеров, особенно в сфере туризма. Рассмотрены возможности формирования туристско-рекреационных и бальнеологических кластеров в Чеченской Республике с учетом имеющихся туристско-рекреационных ресурсов и потенциала, выделены позитивные тенденции, которые наметились в развитии комплекса. Особое внимание, по мнению авторов, стоит уделить развитию санаторно-курортного комплекса. Развитие туризма стоит рассматривать как приоритетное направление, влекущее за собой развитие всей социально-культурной сферы региона, включая совершенствование инфраструктуры, сохранение наследия и заботу об окружающей среде.

Ключевые слова: *региональные ресурсы, кластер, экономический рост, туристско-рекреационный потенциал, санаторно-курортный комплекс, конкурентоспособность, внутренний туризм, социально-культурная сфера, государственно-частное партнерство.*

Процесс глобализации диктует условия для постоянного роста конкурентоспособности регионов. Кроме того, переориентация на внутренний туризм обостряет борьбу между регионами одной страны. Как показывает мировой опыт, эффективно решать вопросы социального и экономического развития удастся с помощью развития региональных кластеров. Примерами успешного использования кластерного подхода могут послужить такие территории как промышленные районы Италии, «Силиконовая долина», судостроительный кластер в Норвегии или развлекательный кластер «Голливуд» в Калифорнии.

Кластеры способствуют устойчивому развитию бизнеса в регионе и благотворно влияют на привлечение частного капитала и инвестиций. Это один из основных методов организации туристической деятельности, основывающийся на принципах рыночной экономики. М. Портер определял кластер как «географическую концентрацию взаимосвязанных предприятий, поставщиков и ассоциированных учреждений в той или иной области» [1, с. 15-34].

Соответственно, туристско-рекреационные кластеры – это совокупность в рамках одной территории неких связанных друг с другом организаций и предприятий, разрабатывающих, продвигающих и продающих туристический продукт и рекреационные услуги. Созданный в регионе кластер зачастую определяет его позиционирование и сказывается на общей привлекательности и имидже. Туристско-рекреационный кластер состоит не только из организаций, занимающихся размещением туристов, в него же входят учреждения общественного питания, транспортные компании, рекламные агентства и другие сопутствующие учреждения. По данным ЮНВТО, за семидневное туристское путешествие в туристском центре работает от 10 до 20 подобных организаций, образующих добавленную стоимость [2, с. 51–61]. За счет большой концентрации участников кластера на одной территории и их регулярной кооперации появляется синергетический эффект кластера.

В современном мире туристско-рекреационная сфера является одной из наиболее активно развивающихся и оказывающих воздействие на смежные сферы, в первую очередь, социальную, включая уровень культуры, здоровья населения, уровень жизни и т.д. Туристско-рекреационная индустрия оценивается мультипликативным эффектом. Туристский мультипликатор – это коэффициент косвенного влияния туризма на экономику и социальную сферу в данной отрасли на региональном или федеральном уровне [3, с. 29-38]. Причем именно туризм среди всех возможных сфер оказывает наибольшее косвенное влияние, ведь расходы туристов становятся доходами предприятий, задействованных не только в сфере размещения, но также в сфере услуг, торговли, связи, транспортных компаний и т.д. Все это способствует появлению новых рабочих мест, росту заработных плат, а, как следствие, и общему росту уровня жизни.

Необходимость развития туристического направления закреплена на государственном уровне в «Стратегия развития туризма в Российской Федерации в период до 2035 года». Причем развитие туризма преимущественно рассматривается с точки зрения создания комплексных проектов туристской и обеспечивающей инфраструктуры, формирование качественного продукта, отдыха и оздоровления граждан РФ.

Зачастую кластеры реализуются в рамках государственно-частного партнерства, что рождает несколько отличительных черт этого вида экономических отношений. Формирование кластера невозможно без распределения рисков (кредитных, финансовой устойчивости, банкротства) между его субъектами. Как правило, риски, связанные с инвестициями, на себя берет венчурный сектор. Сторонние инвесторы присоединяются к финансированию проекта уже в процессе его создания или даже функционирования. И так как полностью избежать рисков невозможно, главной задачей становится максимальное управление ими. Именно это приводит к распределению рисков в зависимости от полномочий участников (рис. 1) [4, с. 101-103].

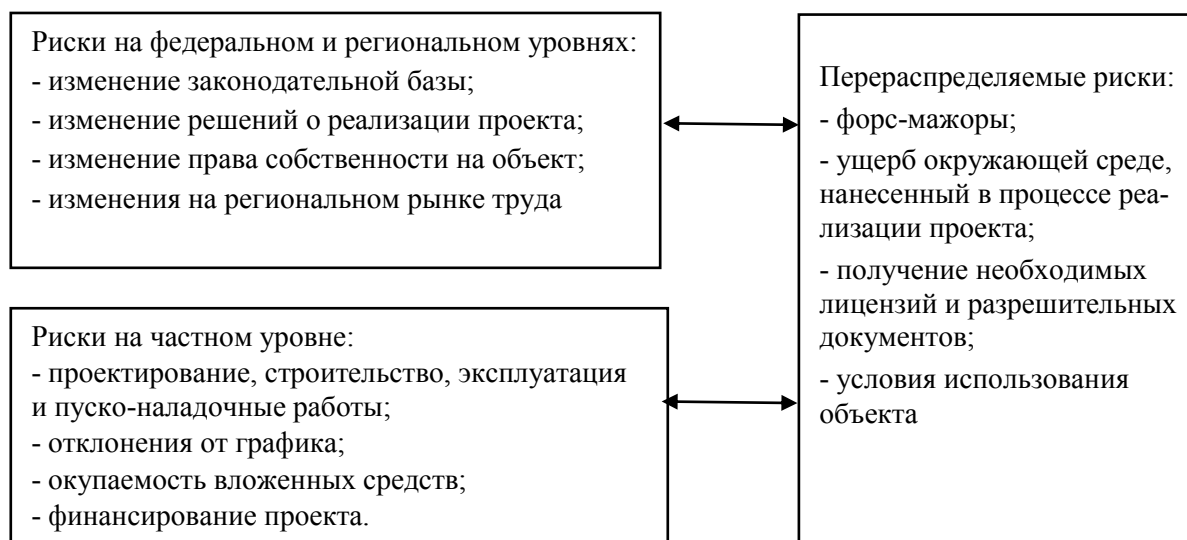

Рис. 1. Распределение рисков

Туристско-рекреационные кластеры считаются самыми привлекательными с точки зрения инвестиций среди остальных особых экономических зон (ЭОЗ) за счет быстрой окупаемости капиталовложений и высокой капиталоемкостью. В связи с этим туристско-рекреационный кластеры могут послужить серьезным импульсом для инновационного развития региона [5, с. 24].

Целый ряд российских регионов обладает всеми необходимыми факторами и потенциалом для создания подобных туристско-рекреационных кластеров. Так, к примеру, Чеченская Республика обладает большим количеством полезных ископаемых и уникальных природных условий и богатой местной культуре, благодаря своему выгодному географическому положению, что дает территории возможность превратиться в один из туристических центров страны.

В Чеченской Республике уже есть опыт успешного функционирования туристско-рекреационных кластеров. К примеру, проект «Кезеной-Ам» был организован всего за 7 месяцев с помощью ГЧП. Руководство Ростуризма отмечало, что из федерального бюджета на развитие инфраструктуры кластера было выделено 72 млн руб., а бизнес инвестировал в создание

комплекса 938 млн рублей»¹. По результатам 2019 г., этот туристский кластер, включающий в себя гостиницу, люкс-коттеджи, ресторан, баню, спорткомплекс площадью 1200 кв. м, спортплощадки, лодочную станцию и пирс, стал самым популярным в Республике. Впрочем, создавалась он не «с нуля». Ранее, еще во времена СССР, на озере Кезеной-Ам, занесенном в книгу Рекордов Гиннеса как самое глубокое (72 метра), располагалась учебно-тренировочная база спортсменов по академической гребле [6. с. 9-14].

Как сообщала пресс-служба Главы и Правительства Чечни со ссылкой на министра ЧР по туризму Муслима Байтазиева в 2019 г. поток туристов вырос на 37% по сравнению с 2018 годом. Только в первом полугодии в южный субъект РФ приехали 99345 туристов, 2400 из которых иностранцы². А 2020 год в Чеченской Республике был объявлен годом туризма. Республика намеревалась принять порядка 400 тыс. туристов. Согласно же Стратегии развития Чечни, к 2035 г. туристический поток должен вырасти до 1,5 млн чел. в год, чему поспособствует развитие новых видов туризма и реализация флагманских инвестиционных проектов, в число которых входят спортивно-оздоровительный комплекс «Грозненское море» (стоимость проекта – 240 млн руб.), второй этап развития горнолыжного комплекса «Ведучи» (общая стоимость проекта – 186 млн руб.), продвижение туристско-рекреационного комплекса «Кезеной-Ам» и строительство многофункционального комплекса «Ахмат-Тауэр». Предполагается, что к тому же 2035 г. удовлетворенность туристической инфраструктурой и сервисом вырастет до 90 %³.

Правительством Чечни была принята подпрограмма Стратегии «Развитие внутреннего и въездного туризма в Чеченской Республике до 2020 года», одной из задач которой является развитие современных туристско-рекреационных комплексов на территории наиболее перспективных туристских кластеров. Общий объем ее финансирования с 2014 по 2019 гг. составил 1,4 млрд руб., 162,4 млн руб. из которых были выделены из федерального бюджета, а еще более 1 млрд было привлечено из внебюджетных источников финансирования⁴.

В постановлении говорится, что развитию туристско-рекреационного комплекса может помочь разработка проектно-сметной документации объектов обеспечивающей инфраструктуры туристских объектов, качественное изучение и оценка туристского потенциала Республики и качества региональных проектов. Параллельно с этим в документе указана необходимость подготовки правовой базы развития внутреннего и въездного туризма на территории субъекта.

Стоит обратить внимание на то, что в ЧР очень медленными темпами растет число новых предприятий, занятых в туристической индустрии, организаций, оказывающих социальные услуги и услуги в сфере здравоохранения (табл.1).

Таблица 1

**Распределение числа организаций по видам экономической деятельности
в Чеченской Республике⁵**

	2017	2018	2019
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	653	634	636
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	327	334	346
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	390	265	279
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	68	69	78
Транспортировка и хранение	206	213	227

¹ ТПП-Информ. В Чечне в рамках ГЧП построен новый туристический кластер. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tppinform.tpprf.ru/region/live/business/19977/>

² ИА «Чеченская Республика Сегодня». Поток туристов в Чечню увеличился на 37%. [Электронный доступ]. Режим доступа: https://chechnyatoday.com/news/328949?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

³ Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/fd06b6cda67fa251bf7cc1b6e32bae8d/proekt_chechnya.pdf

⁴ Постановление Правительства Чеченской Республики «О внесении изменений в постановление Правительства Чеченской Республики от 19 декабря 2013 года № 336» от 9 сентября 2019 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <file:///C:/Users/user/Downloads/2000201909170005.pdf>

⁵ Составлено по данным Чеченстата РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chechenstat.gks.ru>

В связи с этим объем платных услуг, оказанных этими организациями, также имеет очень нестабильный и малый рост (табл. 2). При этом в составе платных услуг населению, согласно данным статистики, туристские услуги занимают всего 0,7%, при этом мы видим умеренный рост санаторно-оздоровительных услуг, что говорит об изменении тенденций в структуре спроса.

Все это говорит о том, что туристский потенциал Чеченской Республики используется не на полную мощность. Развитие туристско-рекреационного кластера тормозится отсутствием фирменной инфраструктуры туризма и повсеместного высоко уровня услуг, сезонным спросом, невысоким уровнем квалификации работников, слабым уровнем усовершенствований.

Особенно это касается санаторно-курортного потенциала. В целом в России за последние пару десятилетий это направление отдыха потеряло былую привлекательность. Число санаторно-курортных организаций сократилось на 41 %. Однако в регионах Северо-Кавказского федерального округа эта тенденция была выражена не так сильно, составив лишь 14 % [7, с. 142].

Таблица 2

Объем платных услуг населению ЧР (в %)¹

	2015	2016	2017	2018	2019
Транспортные	18,2	17,6	19,5	18,9	20,1
Культурные	0,6	0,7	0,7	1,0	0,9
Туристские	0,7	0,6	0,7	0,6	0,7
Гостиниц и аналогичных средств размещения	1,3	1,2	1,1	1,2	1,1
Физической культуры и спорта	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Медицинских специализированных средств размещения	15,4	9,7	8,8	8,6	8,7
Из них: санаторно-оздоровительные	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2

В какой-то степени это связано с наличием уникальных минеральных и термальных источников, успешно применяемых в целях оздоровления. На территории Чеченской Республики известны минеральные подземные источники в долине реки Чанты-Аргун, на склонах Брагунского и Гудермесского хребтов. Запасы минеральных источников, утвержденные для эксплуатации, находятся в двух месторождениях – Чанты-Аргунское и Исти-Су. Именно эти два района считаются одними из самых перспективных для развития бальнеологических кластеров и курортно-санаторного лечения. Вода из источника Исти-Су, например, показана для лечения кожных и нервных заболеваний, сложностей, связанных с опорно-двигательной системой и заболеваний желудочно-кишечного тракта [8, с. 24-52]. Во времена Советского Союза там располагались санатории Всесоюзного значения, принимающие десятки тысяч человек в год. После распада СССР источник практически не эксплуатировался и лишь в последние годы была проведена новая разведка месторождения минеральных вод.

Отметим, что в Чеченской Республике располагается один из самых старейших санаторно-курортных комплексов «Серноводск-Кавказский». Еще несколько десятилетий назад он был практически полностью разрушен. В настоящее время идет активное восстановление как зданий, так и общей инфраструктуры санатория. Здесь тоже имеется источник с минеральной водой, применяемой в оздоровительных целях. Месторождение активно эксплуатируется.

Очевидно, что для развития ЧР недостаточно одного, пусть даже крупного санаторного комплекса. Именно поэтому предусмотрено развитие санаторно-оздоровительных комплексов в Итум-Калинском, Веденском и Шатойском районах. К тому же планируется развивать месторождения термальных вод, которые на данный момент практически не используются.

Несмотря на уже приложенные усилия, раскрыть потенциал даже одного комплекса «Серноводск-Кавказский» не удалось и на половину. Производительность труда в санаторно-курортных учреждениях в настоящее время составляет всего 0,13 млн руб./чел.² В связи с этим нам видится необходимым:

¹ Составлено по данным Чеченстата РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chechenstat.gks.ru>

² Стратегия социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/fd06b6cda67fa251bf7cc1b6e32bae8d/proekt_chechnya.pdf

– принятие государственной программы Чеченской Республики, которая бы отвечала за изучение, развитие, охрану и защиту природно-лечебных ресурсов, а также включала в себя необходимые мероприятия по профессиональной и дополнительной подготовке высококвалифицированных кадров для санаторно-курортного комплекса, развитию инфраструктуры данного вида отдыха. В эту программу необходимо включить и маркетинговые технологии, способствующие продвижению и формированию благоприятного имиджа санаторно-курортного отдыха в Чеченской Республике.

– проведение закупок санаторно-курортных путевок для льготной категории граждан;

– привлечение сторонних инвестиций, в том числе в рамках международного сотрудничества в данной сфере;

– разработка механизмов предоставления налоговых льгот, зачисляемых в региональный бюджет, для санаторно-курортных комплексов;

– активное субсидирование, выполняемое из бюджета субъекта Федерации, на оплату кредитов, оформленных на развитие и реконструкцию основных фондов, бесперебойного функционирования и закупок путевок;

– предоставление субсидий и грантов, включая субсидирование детского оздоровительного отдыха (аналогичный опыт широко применяется в Краснодарском крае).

Существуют и другие сложности, мешающие стабильному развитию туристской отрасли, среди которых значительный уровень безработицы в республиках СКФО, преобладание внутреннего туризма над въездным, транспортная доступность, уровень обеспечения безопасности туристов. Последние две проблемы стали наиболее актуальными после того, как многие объекты инфраструктуры были уничтожены во время боевых действий на территории Республики. Но даже спустя много мирных лет, правительству ЧР не удалось полностью изменить имидж территории. Помочь в этом как раз может развитие и продвижение туристско-рекреационного кластера. При чем одним из главных факторов привлечения туристов может стать низкая стоимость услуг, которая в дальнейшем будет увеличиваться вместе с закреплением положительного имиджа региона [9, с. 22–29].

Нам видится необходимым также разработка другого государственного документа, отвечающего за создание необходимой инфраструктуры (транспортной, энергетической, инженерной) и развития бизнес-структур, особенно малого бизнеса, функционирующих в сфере услуг туризма и рекреации, а также развитию инновационной деятельности, внедряющей новые экологически чистые технологии производства.

Лишь рост качества управления в области туризма позволит решить многие существующие проблемы. Туризм должен стать одним из основных приоритетов экономического развития Чеченской Республики, являясь наиболее проекционной областью мировой экономики, ресурсы которой в данном субъекте РФ недоиспользованы. В дальнейшем кластеры, сформированные в ЧР, могут стать частью более масштабных кластеров по всему СКФО с помощью АО «Корпорация развития Северного Кавказа» и «Курорты Северного Кавказа», реализующих инженерную и транспортную инфраструктуру в особых экономических зонах [10, с. 101 – 107].

Поддержка туристической отрасли, в свою очередь, позволит активизировать развитие регионов ЧР, а также благотворно повлиять на рост качества жизни местного населения, которое в настоящее время вынуждено восстанавливать здоровье в других субъектах России, пополняя их бюджеты. Таким образом, вышеперечисленное позволяет прийти к выводу, что развитие туризма в Чечне имеет общереспубликанское значение.

Литература

1. Porter M.E. Location, Competition, and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy // Economic Development Quarterly February. 2000. Feb. Vol. 14. Is. 1. P. 15-34.
2. Александрова А.Ю. Туристские кластеры: содержание, границы, механизм функционирования // Современные проблемы сервиса и туризма: научно-практический журнал. М.: ООО «Энтер Графико». 2007. №1. С. 51-61.
3. Крутик А.Б. Мультипликативный эффект в развитии теории туризма // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 3 (9). С. 29-38
4. Ромащенко В.А. Управление рисками // Kant: Экономика и управление. 2014. № 1. С. 101-103.

5. Бойко А.Е. Формирование кластеров как инструмент повышения конкурентоспособности туристских услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.
6. Арсанова Р.А. Потенциал и перспективы развития туристско-рекреационного комплекса Чеченской Республики // Вестник экспертного совета. № 1-2 (12-13). 2018. С. 9-14.
7. Амирханов М.М., Татаринов А.А., Трусов А.Д. Экономические проблемы развития рекреационных ресурсов // Рос. АН. Сочин. науч.-исслед. центр / Науч. ред. В.Л. Макаров. М.: Экономика, 2002.
8. Природные ресурсы и природно-климатические условия Чеченской Республики / Абумуслимов А.А., Решиев С.С. Экономика Чеченской Республики. Коллективная монография. Махачкала, 2013. С. 24–52.
9. Даукаев А.А., Абумуслимов А.А., Забураева Х.Ш., Даукаев Аслан А., Абумуслимова И.А. Туристско-рекреационная индустрия Чеченской Республики: история и современность // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 3 (50). С. 22–29.
10. Шебзухова Т.А. Киселева Н.Н., Санкин А.В. Формирование и развитие туристского кластера Северо-Кавказского федерального округа // Сервис plus. 2014. № 1. С. 101-107.

Arsanova Roza Mairoevna, Post-graduate Student of the North Caucasus Institute – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5, Dunaevsky str., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation). E-mail: rozza75@list.ru

Kiseleva Natalia Nikolaevna, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the North Caucasus Institute – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5, Dunaevsky str., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation). E-mail: kiseleva-n-n@yandex.ru

CONDITIONS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONAL CLUSTERS OF TOURIST-RECREATIONAL AND BALNEOLOGICAL TYPES IN THE CECHEEN REPUBLIC

Abstract

The article reflects the advantages of forming economic clusters, especially in the field of tourism. The possibilities of forming tourist-recreational and balneological clusters in the Chechen Republic are considered, taking into account the available tourist-recreational resources and potential, and the positive trends that have emerged in the development of the complex are highlighted. Special attention, according to the author, should be paid to the development of the sanatorium-resort complex. The development of tourism should be considered as a priority, entailing the development of the entire socio-cultural sphere of the region, including the improvement of infrastructure, the preservation of heritage and care for the environment.

Keywords: regional resources, cluster, economic growth, tourism and recreational potential, spa complex, competitiveness, domestic tourism, socio-cultural sphere, public-private partnership.

References

1. Porter M.E. Location, Competition, and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy // Economic Development Quarterly February. 2000. Feb. Vol. 14. Is. 1. P. 15-34.
2. Aleksandrova A.YU. Turistskie klastery: sodержanie, granicy, mekhanizm funkcionirovaniya // Sovremennye problemy servisa i turizma: nauchno-prakticheskij zhurnal. M.: ООО «Enter Grafiko». 2007. № 1. P. 51-61.
3. Krutik A.B. Mul'tiplikativnyj effekt v razvitii teorii turizma // Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii. 2011. № 3 (9). P. 29-38
4. Romashchenko V.A. Upravlenie riskami // Kant: Ekonomika i upravlenie. 2014. № 1. P. 101-103.
5. Bojko A.E. Formirovanie klasterov kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti turistskih uslug: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Novosibirsk, 2011. 24 p.
6. Arsanova R.A. Potencial i perspektivy razvitiya turistsko-rekreacionnogo kompleksa CHechenskoj Respubliki // Vestnik ekspertnogo soveta. № 1-2 (12-13). 2018. P. 9-14.
7. Amirhanov M.M., Tatarinov A.A., Trusov A.D. Ekonomicheskie problemy razvitiya rekreacionnyh resursov // Ros. AN. Sochin. nauch.-issled. centr / Nauch. red. V.L. Makarov. M.: Ekonomika, 2002.
8. Prirodnye resursy i prirodno-klimaticheskie usloviya CHechenskoj Respubliki / Abumuslimov A.A., Reshiev S.S. Ekonomika CHechenskoj Respubliki. Kollektivnaya monografiya. Mahachkala, 2013. P. 24–52.
9. Daukaev A.A., Abumuslimov A.A., Zaburaeva H.SH., Daukaev Aslan A., Abumuslimova I.A. Turistsko-rekreacionnaya industriya CHechenskoj Respubliki: istoriya i sovremennost' // Vestnik Akademii nauk CHechenskoj Respubliki. 2020. № 3 (50). P. 22–29.
10. SHebzuхова T.A. Kiseleva N.N., Sankin A.V. Formirovanie i razvitie turistskogo klastera Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga // Servis plus. 2014. № 1. P. 101-107.

**МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТЬЮ ГОСТИНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Бондаренко аспирант, Сочинский государственный университет
Георгий (354055, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94).
Русланович E-mail: Hookahboss13@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен алгоритм оценки эффективности управления инновационной активностью гостиничных организаций, основанный на индикативном подходе, который позволяет дать наиболее полную оценку фактического уровня инновационной активности. Определены основные группы индикаторов, иллюстрирующих характеристики осуществляемых инновационных процессов, к которым отнесены инновационный потенциал, инновационная устойчивость и интенсивность инновационной деятельности. На основе выбранных индикаторов сформирована система показателей инновационной активности организаций гостиничного бизнеса и разработан алгоритм проведения оценки. Особое место уделено оценке результирующего эффекта, рассчитанного с позиций производственно-технологического и социально-ориентированного процессов исследования инновационной активности организаций гостиничного бизнеса.

Ключевые слова: инновационная активность, гостиничные организации, индикаторы, показатели, оценка, инновационный потенциал, инновационная устойчивость, инновационная интенсивность, алгоритм оценки, результирующий эффект.

Инновационная активность подразумевает ресурсные возможности гостиничных организаций, связанные с разработкой и реализацией инновационных технологий и услуг, а также организационно-управленческие способности, направленные на развитие и финансовую готовность к внедрению инновационных процессов в целях их устойчивого развития. Поскольку только инновационная активность является главной предпосылкой интенсивного развития, то оценка эффективности управления инновационной активностью по определенной системе, включающей как показатели, так и критерии оценки, приобретает к настоящему времени первостепенную значимость. Практические проблемы макроэкономического уровня зачастую тормозят инновационную активность предприятий туристско-рекреационной сферы, включая и гостиничные [1, с. 231]. Применение методического подхода обусловлено использованием конкретных и практически применимых индикаторов и показателей, дающих наиболее полную оценку фактического уровня инновационной активности гостиничных организаций.

При этом, исходя из обоснованной оценки эффективности управления на основе индикативного подхода, становится возможным преодолеть некоторые проблемы в реализации инновационной активности.

В существующем многообразии методов оценки инновационной активностью наиболее часто используются оценочные, статистические и аналитические. Данные методы концентрируются исключительно на результатах количественной либо качественной оценки при принятии управленческих решений, что в свою очередь не отражает комплексность и системность исследуемого понятия, а также не всегда дает возможность отследить его в динамике. Натуральные, стоимостные и другие показатели могут быть неравнозначны, несоизмеримы или разнонаправлены, связь между ними зачастую носит вероятностный (стохастический) характер. Сложность структуры инновационной активности актуализирует, на наш взгляд, необходимость использования инструментов индикативного управления, заключающегося в возможности соизмерения разнородных параметров, характеризующих инновационную активность.

Индикативный подход к управлению инновационной активностью обладает рядом преимуществ [2, с. 31]:

- возможность качественно-количественной оценки инновационной активности;
- группировка инновационной активности по направлениям взаимодействия индикаторов;
- совместимость и стратегическая взаимодополняемость индикаторов и показателей;
- синхронизация результатов управленческих решений с вариативными наборами индикаторов и показателей инновационной активности.

С целью проведения процедуры оценки инновационной активности гостиничных организаций автором были выделены и использованы основные группы индикаторов, иллюстрирующих характеристики осуществляемых инновационных процессов. К таким элементам, по мнению автора, можно отнести инновационный потенциал, инновационную устойчивость и интенсивность инновационной деятельности, что в наибольшей степени качественно отражает особенности инновационной активности гостиничных организаций [3, с. 115]. Основные индикаторы элементов инновационной активности гостиничных организаций, и формулы их расчета представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Система индикаторов и показателей инновационной активности
организаций гостиничного бизнеса**

Индикаторы	Показатели	Характеристика
<i>Инновационный потенциал (ИП)</i>		
Коэффициент инновационной активности персонала ИАп	$ИАп = \frac{ЧПи}{ЧПо}$	ЧПи – численность персонала, занятого в инновационных процессах, чел. ЧПо – общая численность сотрудников организации гостиничного бизнеса, чел.
Удельный вес персонала с ученой степенью, в общей численности сотрудников гостиничной организации	$Дус = \frac{Кус}{ЧПо}$	Кус – количество сотрудников с ученой степенью, чел. ЧПо – общая численность сотрудников организации гостиничного бизнеса, чел.
Коэффициент аккумуляции собственного капитала ККск	$ККск = \frac{СК}{ИС}$	СК – собственный капитал гостиничной организации, руб. ИС – источники собственных средств гостиничной организации, руб.
Коэффициент оборачиваемости активов гостиницы КОа	$КОа = \frac{Выр}{А}$	Выр – выручка от реализации услуг гостиничной организации, руб.; А – средняя стоимость активов, руб.
<i>Инновационная устойчивость (ИУ)</i>		
Коэффициент автономии АUR	$AUR = \frac{ЕС}{ТВ}$	ЕС – собственный капитал, обеспечивающий инновационную деятельность, руб.; ТВ – валюта баланса, руб.
Коэффициент маневренности инновационной деятельности MANR	$MANR = \frac{ОСА}{ЕС}$	ОСА – собственные оборотные средства, обеспечивающие инновационную деятельность компании; ЕС – собственный капитал, руб.;
Рентабельность гостиничных услуг HSP	$HSP = \frac{Res}{HSTC}$	Res – прибыль (убыток) от реализации гостиничных услуг, руб.; HSTC – полная себестоимость гостиничных услуг, руб.
Коэффициент стабильности кадров PSR	$PSR = \frac{DP}{APQ}$	DP – численность работающих со стажем работы на предприятии 5 и более лет, чел.; APQ – среднесписочная численность персонала предприятия, чел.
Коэффициент инновационного роста IGR	$IGR = \frac{CIPr}{OEC}$	CIPr – стоимость инновационных процессов, руб.; OEC – общая стоимость прочих инвестиционных расходов, руб.
<i>Инновационная интенсивность (ИИ)</i>		
Доля финансирования инновационной деятельности по выручке IFS	$IFS = \frac{IFV}{HIS}$	IFV – объем финансовых ресурсов, предназначенных для финансирования инноваций, руб.; HIS – выручка от реализации гостиничных, руб.
Коэффициент изменения выручки от реализации гостиничных услуг в результате расходов на инновации CHSS	$CHSS = \frac{SVe}{SVs}$	SVe – выручка от реализации на конец года, руб. SVs – выручка от реализации на начало года, руб.

Таким образом, индикативный подход к оценке инновационной активности гостиничных организаций базируется на выявлении ключевых и значимых показателей, а также анализ их взаимосвязей. Характер взаимосвязей может быть неполным и вероятностным, а для ряда показателей присуще отсутствие полного объема количественной информации. Данные факторы обуславливают необходимость использования качественного анализа путем установления стохастических связей.

Выбор показателей инновационной активности с точки зрения их ценности и значимости (в том или ином сочетании) не может устанавливаться априори, без достаточно объективного анализа по ряду критериев, наиболее важных для достижения поставленных целей. В связи с этим целесообразно провести анализ взаимосвязей показателей инновационной активности. Наиболее приемлемым методом, с нашей точки зрения, является технология стохастического факторного анализа. В основу построения данной карты может быть заложен расчет вероятностей взаимовлияния показателей инновационного потенциала, инновационной устойчивости, интенсивности инновационной деятельности и результирующих эффектов.

Реализация предлагаемого алгоритма оценки эффективности системы управления является важной составляющей управления инновационной активностью.

Алгоритм проведения оценки эффективности системы управления предполагает расчет интегральных индикаторов [4, с. 6], которые можно определить путем определения корня из произведения соответствующих показателей по каждой из составляющих инновационной активности:

$$\Sigma(\text{ИП}) = \sqrt[4]{\text{ИАп} * \text{Дус} * \text{ККск} * \text{КОа}} \quad (1)$$

$$\Sigma(\text{ИУ}) = \sqrt[5]{\text{AUR} * \text{MANR} * \text{HSP} * \text{PSR} * \text{IGR}} \quad (2)$$

$$\Sigma(\text{ИИ}) = \sqrt[3]{\text{IFS} * \text{CHSS}} \quad (3)$$

Следующий этап алгоритма основан на формировании инструментария оценки уровня инновационной активности организации гостиничного бизнеса.

Результативность управления инновационной активностью гостиничных организаций, возможно, оценить на основе описанных ранее показателей экономической эффективности [5, с. 36].

В наиболее общем виде оценку эффективности системы управления инновационной активностью организаций гостиничного бизнеса по выбранным индикаторам и показателям возможно произвести по следующему алгоритму (рис. 1) [6, с. 102]:

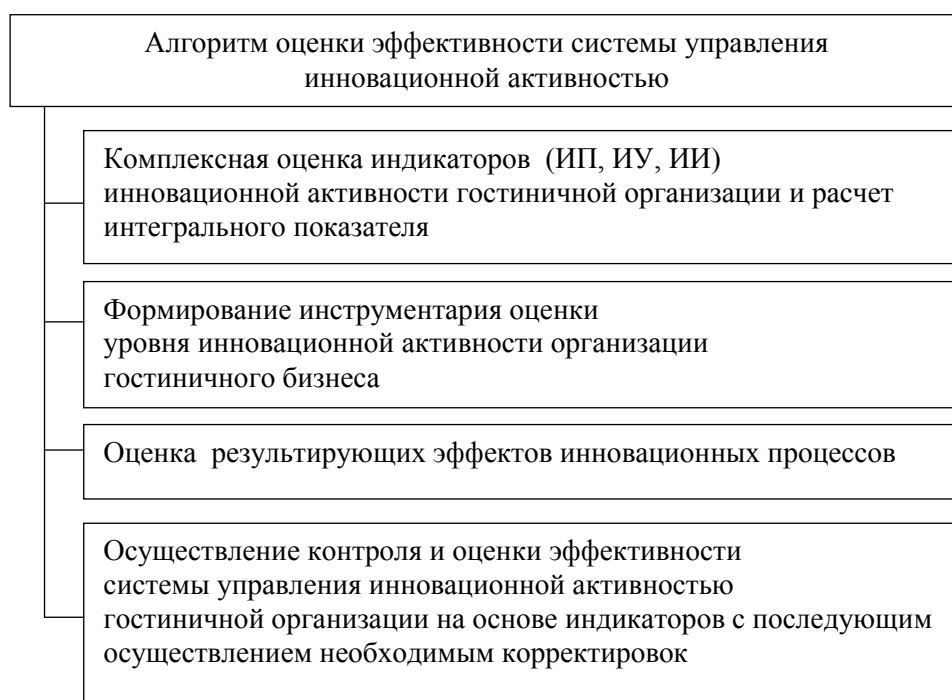

Рис. 1. Алгоритм проведения оценки эффективности системы управления инновационной активностью организаций гостиничного бизнеса

Одной из основных составляющих в представленном алгоритме является оценка результирующего эффекта. Величину данного эффекта, с нашей точки зрения, возможно интерпретировать ожидаемой эффективностью от производственно-технологического (увеличение объема продаж и повышения прибыльности процесса оказания гостиничных услуг, рост количества инновационно-технологических процессов), инновационно-экономического (стабилизация рыночного положения, обеспечение конкурентных преимуществ, укрепление делового имиджа гостиничной организации), социально-ориентированного (прирост доходов персонала, повышение экологической безопасности, оптимизация использования природных ресурсов) процессов исследования инновационной активности организаций гостиничного бизнеса.

Система показателей результирующего эффекта по каждому из направлений представлено в табл. 2.

Таблица 2

Показатели, формирующие результирующий эффект	
Показатели производственно-технологического результирующего эффекта реализации инновационных процессов (REPT)	
Удельный вес новых IT	
Коэффициент автоматизации производства	
Удельный вес инновационных технологических процессов	
Поток туристов	
Выручка в расчете на 1 номеро-ночь	
Среднегодовой коэффициент загрузки номерного фонда	
Длительность пребывания на 1 номер	
Прибыль в расчете на 1 номер	
Рентабельность оказания гостиничных услуг	
Доход на номер	
Средний доход на гостя	
Показатели инновационно-экономического результирующего эффекта реализации инновационных процессов (REI)	
Капитальные вложения на реализацию инновационных процессов	
Чистая текущая стоимость инновационных процессов	
Окупаемость инновационных процессов	
Индекса рентабельности инновационных процессов	
Показатели социально-ориентированного результирующего эффекта реализации инновационных процессов (RESH)	
Прирост доходов персонала организации	
Прибыль на одного сотрудника	
Рентабельность трудовых ресурсов	
Экологическая безопасность и безопасность условий труда	

Для исследования взаимовлияния элементов инновационной активности гостиничных организаций с результирующими эффектами от реализации инновационных процессов была выбрана технология стохастического факторного анализа [7, с. 63].

Использование факторного анализа, в частности, методов исследования размерности выбранных групп факторов и структуры матриц их ковариации и корреляции, позволяет:

- комплексно изучить и измерить, как величина результирующих показателей реализации инновационных процессов зависит от факторов воздействия;
- определить линейные статистические связи корреляции и выявить факторы, обуславливающие их наличие.

Выбор стохастического (корреляционного) факторного анализа, основанного на графическом и теоретико-множественном описании посредством структуризации факторов инновационной активности и показателей результирующего эффекта реализации инновационных процессов, в качестве методического подхода обусловлен многоаспектностью и изменчивостью данных факторов и показателей, а также их взаимосвязанностью и взаимозависимостью. Однако характер их связи является неполным и вероятностным, а для ряда показателей присутствие отсутствие полного объема количественной информации, что делает необходимым использование качественного анализа в целях установления качественных (причинно-след-

ственных) связей между ними [8, с. 101]. Процесс структуризации завершается построением стохастической факторной модели.

Процедура анализа подразумевает объединение наиболее коррелирующих между собой факторов инновационной активности с показателями результирующих эффектов. При этом уровень корреляции одного фактора с разными показателями результирующего эффекта может значительно варьироваться. В результате этой процедуры определяются латентные переменные.

Результаты исследования показали, что среди элементов инновационной активности наибольшим удельным весом корреляционных связей обладают индикаторы интенсивности инновационной деятельности. Наименьший уровень корреляции демонстрируют показатели, отражающие качественный состав персонала организации, используя при этом формулы 1, 2, 3.

На завершающем этапе проводится количественная оценка инновационной активности гостиничных организаций [9, с. 116].

Использование представленного подхода позволяет определить текущую эффективность реализуемых инновационных процессов, перспективность их дальнейшей разработки и осуществления, детерминировать факторы позитивного и негативного воздействия на инновационную деятельность организации, а также провести диагностику слабых мест существующих элементов инновационной активности с целью оптимального управления ими.

Разработанный методический подход позволяет также всесторонне оценить уровень инновационной активности гостиничных организаций, провести сравнение с основными конкурентами [10, с. 38]. Полученные результаты формируют информационную базу для разработки тактических и стратегических мероприятий по достижению поставленных целей инновационного развития. Это имеет ключевое значение в рамках построения в дальнейшем модели эффективного механизма управления инновационной активностью гостиничных организаций.

Литература

1. Лапа Е.А., Дубровина Н.А. Анализ кластеризации и инновационной активности хозяйствующих субъектов туристско-рекреационной сферы // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 1. С. 226-229.
2. Устинова Л.Н., Устинов А.Э. К вопросу об индикативной оценке инновационного потенциала промышленного предприятия. // Экономика в промышленности. 2014. № 3. Июль – Сентябрь. С. 29-34.
3. Алетдинова А.А. Статистическое исследование инновационной деятельности организаций: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 272 с.
4. Ключникова Е.В., Шитова Е.М. Методические подходы к расчету интегрального показателя, методы ранжирования // Электронный научно-практический журнал «ИнноЦентр». 2016. № 1 (10). С. 4-18.
5. Кондрашова Н.В., Ендовицкая Е.В. Научные основы построения системы аналитических показателей // Социально-экономические явления и процессы. 2016. № 9. Т. 11. С. 34-39.
6. Левченко Т.П., Вареников В.А. Управление инновационной активностью организаций туристско-рекреационной сферы. Монография. Казань: Изд-во «Бук», 2018. 160 с.
7. Морозова Л.Э., Бортник О.А., Кравчук И.С. Экспертные методы и технологии комплексной оценки экономического и инновационного потенциала предприятий. Учебное пособие. М.: МГУПС, 2017. 81 с.
8. Расторгуев Г.А. Факторное экономико-статистическое моделирование // Вестник Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. 2008. № 1 (19). С. 98-103.
9. Ильясова М.К., Ибраимова С.И. Проблемы оценки эффективности деятельности предприятий гостиничного бизнеса // Инновационная наука. 2015. Т. 1. № 5(5). С. 115-118.
10. Левченко Т.П. Трансформационная модель инновационного процесса гостиничных организаций // Профессорский журнал. Серия: рекреация и туризм. 2019. № 1 (1). С. 30-41.

Bondarenko Georgy Ruslanovich, Graduate Student, Sochi State University (94, Plastunskaya St., Sochi, 354055, Russian Federation). E-mail: Hookahboss13@yandex.ru

METHODOLOGICAL APPROACH TO EVALUATION OF EFFICIENCY OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE ACTIVITY OF HOTEL ORGANIZATIONS

Abstract

The article considers the algorithm for assessing the effectiveness of management of innovative activity of hotel organizations, based on an indicative approach, which allows you to give the most complete assessment of the actual level of innovative activity. The main groups of indicators are identified, illustrating the characteristics

of the ongoing innovative processes, which include innovative potential, innovative sustainability and intensity of innovation activity. Based on the selected indicators, a system of indicators of innovative activity of hotel business organizations was formed and an evaluation algorithm was developed. A special place is devoted to the evaluation of the resulting effect, calculated from the points of view of production, technological and socio-oriented processes of research into the innovative activity of hotel business organizations.

Keywords: *innovative activity, the hotel organizations, indicators, indicators, assessment, innovative potential, innovative stability, innovative intensity, assessment algorithm, resulting effect.*

References

1. Lapa E.A., Dubrovina N.A. Analiz klasterizacii i innovacionnoj aktivnosti hozyajstvuyushchih sub"ektiv turistsko-rekreacionnoj sfery // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologij «Integral». 2019. № 1. P. 226-229.
2. Ustinova L.N., Ustinov A.E. K voprosu ob indikativnoj ocenke innovacionnogo potentsiala promyshlennogo predpriyatiya. // Ekonomika v promyshlennosti. 2014. № 3. Iyul' – Sentyabr'. P. 29-34.
3. Aletdinova A.A. Statisticheskoe issledovanie innovacionnoj deyatel'nosti organizacij: monografiya. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2011. 272 p.
4. Klyushnikova E.V., SHitova E.M. Metodicheskie podhody k raschetu integral'nogo pokazatelya, metody ranzhirovaniya // Elektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal «InnoCentr». 2016. № 1(10). P. 4-18.
5. Kondrashova N.V., Endovickaya E.V. Nauchnye osnovy postroeniya sistemy analiticheskikh pokazatelej // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2016. № 9. T. 11. P. 34-39.
6. Levchenko T.P., Varenikov V.A. Upravlenie innovacionnoj aktivnost'yu organizacij turistsko-rekreacionnoj sfery. Monografiya. Kazan': Izd-vo «Buk», 2018. 160 p.
7. Morozova L.E., Bortnik O.A., Kravchuk I.S. Ekspertnye metody i tekhnologii kompleksnoj ocenki ekonomicheskogo i innovacionnogo potentsiala predpriyatij. Uchebnoe posobie. M.: MGUPS, 2017. 81 p.
8. Rastorguev G.A. Faktornoe ekonomiko-statisticheskoe modelirovanie // Vestnik Rossijskoj ekonomicheskoy akademii imeni G.V. Plekhanova. 2008. № 1 (19). P. 98-103.
9. Il'yasova M.K., Ibraimova S.I. Problemy ocenki effektivnosti deyatel'nosti predpriyatij gostinichnogo biznesa // Innovacionnaya nauka. 2015. T. 1. № 5(5). P. 115-118.
10. Levchenko T.P. Transformacionnaya model' innovacionnogo processa gostinichnyh organizacij // Professorskiy zhurnal. Seriya: rekreaciya i turizm. 2019. № 1 (1). P. 30-41.

УДК 338.487

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-157-161

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ

Будаев Павел Евгеньевич кандидат социологических наук, доцент Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: pavelbudaev@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные характеристики туристского продукта, оказывающие влияние на процедуру его позиционирования. Автор отмечает, что научные работы по теме исследования разделены на узкоспециализированные направления и опираются на данные конкретных регионов, в то время как специфика туристского продукта, определяющая эффективные стратегии позиционирования туристских продуктов и дестинаций недостаточно исследована. Сформулированы специфические особенности туристского продукта и определены рекомендуемые векторы работы регионального брендинга. Сделан вывод о том, что наибольшим приоритетом обладает продвижение туристских дестинаций, а не конкретных аттракторов. Разработаны рекомендации по оптимизации процесса разработки позиции того или иного региона. Отмечается, что специалисты по маркетинговому продвижению часто допускают ошибки, связанные с попытками создать позицию, выгодную по всем направлениям, что приводит к размытию позиции и снижению её четкости в глазах потребителя.

Ключевые слова: *туристские дестинации, региональный брендинг, позиционирование, туристский продукт, продвижение, внутренний туризм, маркетинг туризма, социально-экономическое развитие, туристический потенциал.*

Сфера туризма и рекреации обладает важным социально-экономическим значением глобального масштаба, оказывающим позитивное влияние на экономическое и социальное благосостояние региона. Она занимает одну из лидирующих позиций в мировом хозяйстве, а ее развитие и динамика определяют социально-экономическое развитие множества стран. Развитие

туристической инфраструктуры также способствует повышению качества жизни всех проживающих на этой территории местных жителей. Из всего вышеописанного следует, что развитие туризма в Российской Федерации, обладающей всеми необходимыми для его популяризации ресурсами, является актуальной экономической повесткой.

Однако не в каждом регионе у инициаторов продвижения туризма есть четкое понимание того, как эффективно реализовать туристический потенциал и как сделать дестинации узнаваемыми в глазах соотечественников и мировой общественности. Для решения этих проблем принято прибегать к региональному брендингу, так как он позволяет сформировать четкий образ продвигаемой дестинации, а также формирует основу всех коммуникаций, связанных с её продвижением.

В настоящий момент в этом направлении ведется активная работа как в научной среде, так и среди практиков маркетинга и регионального управления. Разрабатывается айдентика городов и регионов, но основное внимание уделяется лишь визуальной стороне регионального бренда. Из этого следует, что современные теоретики и практики брендинга регионов вкладывают значительные интеллектуальные и материальные ресурсы в разработку узнаваемых визуальных решений (логотипы, символы и особые городские расцветки), однако совсем незначительное внимание уделяется проблеме позиционирования туристских дестинаций. В этой работе мы предпримем попытку охарактеризовать особенности туристского продукта и сформировать рекомендации по разработке применимых на практике способов продвижения туристских продуктов.

В научной литературе проблема брендинга регионов изучена достаточно широко и позволяет судить о том, что продвижение туристских дестинаций актуально как с практической, так и с научной точки зрения. Стоит отметить работу Я.Г. Глумовой, описавшей ключевые особенности туристского маркетинга [1, с. 10], Д.А. Чулова, исследовавшего коммуникацию со СМИ и потребителем в рамках регионального брендинга [2, с. 144]. О.В. Архипова, Т.Е. Сиволап и В.И. Терехова рассматривали проблемы продвижения культурно-познавательного туризма [3, с. 59], М.С. Федорова уделяла внимание амбассадорингу как механизму продвижения территории на рынке труда [4, с. 951], И.В. Моисенко и М.В. Усова изучали особенности разработки программ продвижения медицинского туризма [5, с. 262], а Л.Б. Максанова с коллегами изучала перспективы развития этнографического туризма в России [6, с. 21]. О. Claveria разрабатывал туристические и экономические индикаторы развития развивающихся рынков туризма [7], а S. Evern и N. Kozak проводили сравнительный анализ спроса и предложения на высококонкурентных рынках туризма [8]. Из вышеописанного следует, что научный дискурс о продвижении туризма связан, во-первых, с делением на узкоспециализированные исследовательские направления, а во-вторых, с вопросами продвижения конкретных регионов и дестинаций. Недостаточно исследованным остается вопрос специфики туристского продукта и подходящих методов его продвижения на рынке, что зачастую приводит к разработке неэффективных стратегий продвижения региональных брендов. Мы сконцентрируем наше внимание на систематизации знаний о туристском продукте и определим наиболее подходящие способы его продвижения, которые возможно реализовать на практике.

Рассмотрим основные характеристики туристского продукта.

- 1) неосязаемость;
- 2) неразрывность производства и потребления;
- 3) изменчивость качества;
- 4) неспособность к хранению.

Неосязаемость подразумевает отсутствие у продавца возможности продемонстрировать туристский продукт и не позволяет потребителю увидеть, попробовать или изучить продукт до его приобретения. Отметим, что продавцом туристского продукта может выступать как живой человек, так и абстрактный «продавец», представленный в виде распределенных в пространстве рекламных материалов. Билборды, телевизионные ролики, реклама на радио, в интернете и прочих средствах массовой коммуникации является своеобразным «продавцом» в обезличенной форме, которому потребитель должен поверить. Неосязаемость туристского продукта также ведет к усложнению процесса продажи. У продавца появляется две проблемы: презентация продукта и объяснение целесообразности его приобретения. Он может описать преимущества, но оценить их возможно только после приобретения. Это приводит нас к пониманию

того, что туристский продукт требует повышения его осязаемости. В этом могут помочь информационные буклеты, каталоги, интернет-сайты, обзоры, телевизионная имиджевая реклама и демонстрация положительных отзывов лояльных потребителей.

Неразрывность производства и потребления услуги означает, что оказать услугу можно лишь тогда, когда поступает заказ или появляется клиент. Именно неосязаемость и неразрывность производства и потребления и отличает туристский продукт от товаров в материальной форме. Процесс потребления туристского продукта, например отправление в путешествие по путевке, непосредственно связано с его производством в виде бронирования номера отеля и заказа билетов.

Изменчивость качества туристского продукта является неотъемлемой его частью. Объясняется это тем, что в реализации одного и того же продукта участвует множество различных элементов, начинающихся от перелета к туристской дестинации и заканчивающихся опытом, получаемым в результате посещения конкретных достопримечательностей. Таким образом, удовлетворенность одной и той же услугой будет отличаться для разных потребителей. Для одной группы туристов процесс перелета пройдет без проблем, уровень сервиса в отеле будет соответствовать ожиданиям и впечатления останутся в целом положительными, а для других впечатления о туристском продукте могут быть испорчены неподконтрольными продавцу туристского продукта проблемами. Из всего вышеописанного можно прийти к выводу, что уровень потребительского удовлетворения может разниться от туриста к туристу и этот нюанс можно считать характерной особенностью туристского продукта. Особенности трудности вызывает контроль качества продукта, в производство которого включено значительное количество акторов, имеющих разную степень понимания своей работы и стандартов сервиса.

Неспособность к хранению является самым очевидным отличием туристских услуг от продуктов, представленных в материальной форме. Объясняется это тем, что продавец за вознаграждение предоставляет доступ к своим связям и контактам в других городах и обеспечивает заплатившему деньги туристу возможность наслаждаться пребыванием в другом регионе. Из этого следует, что процесс производства туристского продукта привязан к конкретному потребителю, производится и реализуется в привязке к нему.

Проанализировав характерные особенности туристских продуктов, перейдем к рассмотрению наиболее эффективного способа их продвижения. Таковым является позиционирование продвигаемой туристской дестинации на рынке. Основной целью позиционирования является создание в сознании потребителя искусственно-созданного образа какого-либо продукта. Так как аттракторы, обладающие туристским потенциалом, неразрывно связаны с дестинацией, то следует сосредоточить внимание не на отдельно-взятых достопримечательностях, а на дестинации в целом. Брендирование и позиционирование города считается долгосрочным и целенаправленным процессом и создает благополучный имидж всем аттракторам, расположенным на его территории. Каждая дестинация обладает ресурсами, соответствующими определенным видам туризма. Для культурно-познавательного туризма ими можно считать музеи, памятники, скульптуры, архитектурные сооружения и другие объекты, расширяющие кругозор любознательных туристов, а для оздоровительного туризма основными ресурсами выступают месторождения лечебных грязей, минеральных вод и других природных явлений, оказывающих благоприятное воздействие на здоровье.

В практике регионального брендинга легко допустить ошибку, приняв решение о позиционировании того или иного региона как центра всех видов туризма, что размывает чистоту позиции. Иными словами, попытка позиционировать туристскую дестинацию как место, в котором на высочайшем уровне реализуются все виды туризма приведет к снижению эффективности брендинга. По этой причине следует сосредоточить все ресурсы на продвижении одной позиции и вида туризма. После определения продвигаемых туристических направлений и оценки ресурсного обеспечения необходимо обратить внимание на инфраструктуру дестинации и на ее приспособленность к работе с туристическими потоками. На этом этапе субъекты туристского рынка, объединив силы с представителями власти, должны начать работу над адаптацией индустрии сервиса и транспортной инфраструктуры к работе с туристическими ресурсами. На самом простом уровне это должно выглядеть следующим образом: к местам реализации туристских продуктов должны быть созданы эффективные и простые транспортные пути, удобные для туристов и обслуживающего персонала. Если продвигаемые аттракторы

находятся за чертой города, то следует озаботиться адаптацией индустрии гостеприимства для обслуживания нужд туристов максимально близко к объектам интереса. Позиционирование туристской дестинации является систематическим и целенаправленным процессом, включающим в себя рациональное понимание ее сильных и слабых сторон, влияющих на конкурентоспособность на рынке. Для этого необходимо разработать стратегию позиционирования, подразумевающую анализ рынка, потребителя и его поведения, проведение опросов, фокус групп и глубинных интервью для выявления того, с чем ассоциируется дестинация. Формирование позиции подразумевает написание емкой и «ударной» фразы, подкрепленной визуальным решением. Она должна стать своеобразным слоганом всей дестинации и формировать одно впечатление о нем. Хорошим примером может послужить слоган американского города Лас-Вегас: «Что происходит в Вегасе, остается в Вегасе», позиционирующий дестинацию как центр развлечений, в котором турист может забыть обо всех заботах. Идеальное позиционирование туристской дестинации подразумевает создание четкой ассоциации города с его аттракторами. Позиционирование является своеобразным «ядром» бренда, следовательно, материалы продвижения не могут идти с ней в разрез.

Практическая реализация стратегии позиционирования включает в себя использование наиболее эффективных инструментов массовой коммуникации, таких как глобальная сеть Интернет, телевидение, наружная реклама и прочие инструменты медиа воздействия. Все вышеописанное направлено на создание так называемого «первичного» интереса к туристскому продукту. Потенциальному туристу интересны не столько конкретные аттракторы, сколько имидж дестинации. Например, поездка в Рим ассоциируется не с отдельно-взятыми достопримечательностями, а с романтическим образом «Вечного города». Необходимо учитывать этот немаловажный нюанс и работать над целостным образом всей дестинации, не концентрируя внимание на продвижении конкретных аттракторов. Для успешной реализации этой задумки следует создать привлекательный образ, обещающий потенциальному потребителю незабываемые ощущения, приятные воспоминания и положительный туристский опыт. Если разработку этого образа делегировать субъектам туристического рынка, то велика вероятность того, что их материалы продвижения будут оформлены в разном стиле и будут противоречить друг другу. По этой причине создание бренда дестинации предпочтительно реализовать на уровне местного правительства, вертикально спускающего представителям бизнеса необходимые гайдлайны и материалы для продвижения во избежание противоречий.

Как говорилось ранее, туристский продукт неосязаем и единственной возможностью его выгодно преподнести является манипулирование образами, воспоминаниями и потребностями туриста. Например, если туристская дестинация специализируется на оздоровительном туризме и основным ее ресурсом являются уникальные лечебные грязи, то стоит сделать акцент на их лечебных свойствах и концентрировать внимание потребителя на важности здоровья себя и своих близких. Если же туристская дестинация специализируется на детском отдыхе, то потенциальному туристу стоит рассказать о незабываемых впечатлениях, которые дети никогда не забудут. Рекомендуются не выстраивать продвижение вокруг акцентуации рациональных и утилитарных положительных черт продукта и концентрироваться на эмоциях и чувствах.

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что позиционирование туристских дестинаций на рынке выступает ядром регионального брендинга и именно вокруг сильной и узнаваемой позиции следует выстраивать работу с общественностью. Туристский продукт значительно отличается от других и имеет свои специфические особенности, определяющие наиболее эффективные способы его продвижения. Прежде чем переходить к разработке рекламных сообщений, видеороликов и других материалов следует сосредоточить внимание на создании узнаваемого имиджа дестинации, отличного от множества других. Туризм, по своей сути, иррационален, так как связан не с рациональными потребностями, а с образами, воспоминаниями и ожиданиями, следовательно, позиция туристских дестинаций должна создать яркий и узнаваемый образ, положительно воспринимаемый потребителем туристских услуг.

Литература

1. Глумова Я.Г. Ключевые особенности туристического маркетинга // Практический маркетинг. 2020. № 11 (285). С. 9-14.
2. Чулов Д.А. Брендинг и территориальное развитие в туризме: взаимодействие со СМИ и потребителем // Сервис в России и за рубежом. 2015. №5 (61). С. 140-156.

3. Архипова О.В., Сиволан Т.Е., Терехова В.И. Маркетинг дестинаций и проблема продвижения услуг культурно-познавательного туризма // Петербургский экономический журнал. 2018. № 4. С. 57-69.
4. Федорова М.С. Амбассадоринг как механизм продвижения территории на рынке туризма // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-1. С. 950-951.
5. Моисенко И.В., Усова М.В. Особенности разработки программы продвижения агентства медицинского туризма // АНИ: экономика и управление. 2019. № 3 (28). С. 261-265.
6. Максанова Л.Б., Хандажапова Л.М., Еремко З.С., Ботоева Н.Б., Бадмаева А.С. Развитие этнографического туризма в России: анализ региональных проектов // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2020. № 1. С. 20-28.
7. Claveria O. Positioning emerging tourism markets using tourism and economic indicators. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, 2016, 29, pp. 143-153. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2016.07.002>.
8. Evren S., Kozar N. Competitive positioning of winter tourism destinations: A comparative analysis of demand and supply sides perspectives—Cases from Turkey. *Journal of Destination Marketing & Management*, 2018, 9, pp. 247-257. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2018.01.009>.

Budaev Pavel Evgenevich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Higher School of Business, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: pavelbudaev@list.ru

PECULIARITIES OF THE POSITIONING OF TOURIST DESTINATIONS

Abstract

The article deals with the main characteristics of the tourist product, which distinguish it from many others. The author notes that scientific works on the topic of research are divided into highly specialized areas and focus on the promotion of specific regions, while the specifics of the tourist product that determines the effective positioning strategies of tourist products and destinations have not been sufficiently investigated. An attempt is made to formulate the main characteristics and determine the vectors of regional branding. It is concluded that the promotion of tourist destinations, rather than specific attractors, has the highest priority. The main recommendations for optimizing the process of developing the position of a particular region with reference to examples from world practice are formulated. It is noted that marketing promotion specialists often make mistakes which are related to attempts to create a position that is advantageous in all directions, which leads to the position blurring and reducing its clearness in the eyes of consumers.

Keywords: tourist destinations, regional branding, positioning, tourist product, promotion, domestic tourism, tourism marketing, socio-economic development, tourism potential.

References

1. Glumova YA.G. Klyuchevye osobennosti turisticheskogo marketinga // Prakticheskij marketing. 2020. № 11 (285). P. 9-14.
2. CHulov D.A. Brending i territorial'noe razvitie v turizme: vzaimodejstvie so SMI i potrebitелем // Servis v Rossii i za rubezhom. 2015. №5 (61). P. 140-156.
3. Arhipova O.V., Sivolap T.E., Terekhova V.I. Marketing destinacij i problema prodvizheniya uslug kul'turno-poznavatel'nogo turizma // Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal. 2018. № 4. P. 57-69.
4. Fedorova M.S. Ambassadoring kak mekhanizm prodvizheniya territorii na rynke turizma // Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. 2020. № 3-1. P. 950-951.
5. Moisenko I.V., Usova M.V. Osobennosti razrabotki programmy prodvizheniya agentstva medicinskogo turizma // ANI: ekonomika i upravlenie. 2019. № 3 (28). P. 261-265.
6. Maksanova L.B., Handazhapova L.M., Eremko Z.S., Botoeva N.B., Badmaeva A.S. Razvitie etnograficheskogo turizma v Rossii: analiz regional'nyh proektov // Vestnik BGU. Ekonomika i menedzhment. 2020. № 1. P. 20-28.
7. Claveria O. Positioning emerging tourism markets using tourism and economic indicators. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, 2016, 29, pp. 143-153. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2016.07.002>.
8. Evren S., Kozar N. Competitive positioning of winter tourism destinations: A comparative analysis of demand and supply sides perspectives—Cases from Turkey. *Journal of Destination Marketing & Management*, 2018, 9, pp. 247-257. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2018.01.009>.

ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

**Золочевская
Елена
Юрьевна**

доктор экономических наук, профессор, зам. директора,
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

**Подольская
Татьяна
Валентиновна**

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных
экономических отношений, Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: podolskayat@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В условиях международного кризиса лечебно-оздоровительный туризм является мощнейшим катализатором развития регионов в контексте глобальной экономической конкуренции. Однако именно лечебно-оздоровительный туризм оказался одним из секторов, наиболее пострадавших от пандемии. В статье определены основные экономические последствия COVID-19 для сферы лечебно-оздоровительного туризма и для отраслей, зависящих от нее. Особо подчеркнута необходимость государственной поддержки отрасли.

Ключевые слова: COVID-19, экономические последствия, лечебно-оздоровительный туризм, цели устойчивого развития, мировая экономика, глобализация, мировой рынок, сектор туризма, экономические последствия кризиса.

В современных условиях лечебно-оздоровительный туризм является одной из ведущих и наиболее динамично развивающихся отраслей национальных экономик, что связано с необходимостью восстановления здоровья людей, переболевших вирусом COVID-19. Более того, лечебно-оздоровительный туризм (ЛОТ) присутствует в экспортно-импортных операциях мировой и региональной торговли товарами и услугами, а также является формой международного взаимодействия, запускающей интеграционные процессы в мировой экономике.

За высокие темпы роста туризм признан экономическим феноменом столетия, являясь катализатором развития многих стран, даже тех, которые на первый взгляд являются недостаточно привлекательными для данного вида деятельности. Примером могут служить пустынные территории африканских государств и стран Ближнего Востока.

Нельзя отрицать тот факт, что именно туризм способствует формированию нового типа пространственных связей, снижающих риск возникновения военных конфликтов, а также помогает в культурном и техническом обогащении стран и народов. По данным ВТО, его вклад в мировую экономику составляет 13%. Более того на долю туризма приходится 8% суммарных капиталовложений, 11% мирового рынка потребительских расходов, около 5% всех налоговых поступлений и около 8% дохода от мирового экспорта¹. Важно отметить, что в абсолютном выражении данные показатели уступают только доходам от экспорта нефти, нефтепродуктов и автомобилей.

На сегодняшний день сфера туризма продолжает предоставлять рабочие места каждому десятому жителю планеты. Подтверждением данного факта является и достаточно высокая доля роста как сектора туризма (в том числе, и лечебно-оздоровительного), так и здравоохранения в ВВП 2019 г. (табл. 1).

Однако серьезный удар по туризму пришелся на середину марта 2020 года. Так за период март-апрель текущего года количество туристов, осуществляющих поездки с лечебно-оздоровительными целями сократилось почти на 60 % (рис. 1)².

¹ UNWTO, "Transport-related CO2 emissions from the tourism sector", available at Режим доступа: <https://www.unwto.org/sustainable-development/tourism-emissions-climate-change>.

² Аналитическая записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма, Август 2020, Режим доступа: https://covid19_and_transforming_tourism_russian.pdf

Динамика роста секторов услуг на мировом рынке в 2019 году¹

Сектор	Динамика ВВП в 2019 году
Информационно-коммуникационные услуги	+4,8%
Путешествия и туризм	+3,9%
Здравоохранение	+3,7%
Финансовые услуги	+3,5%
Розничная и оптовая торговля	+2,4%

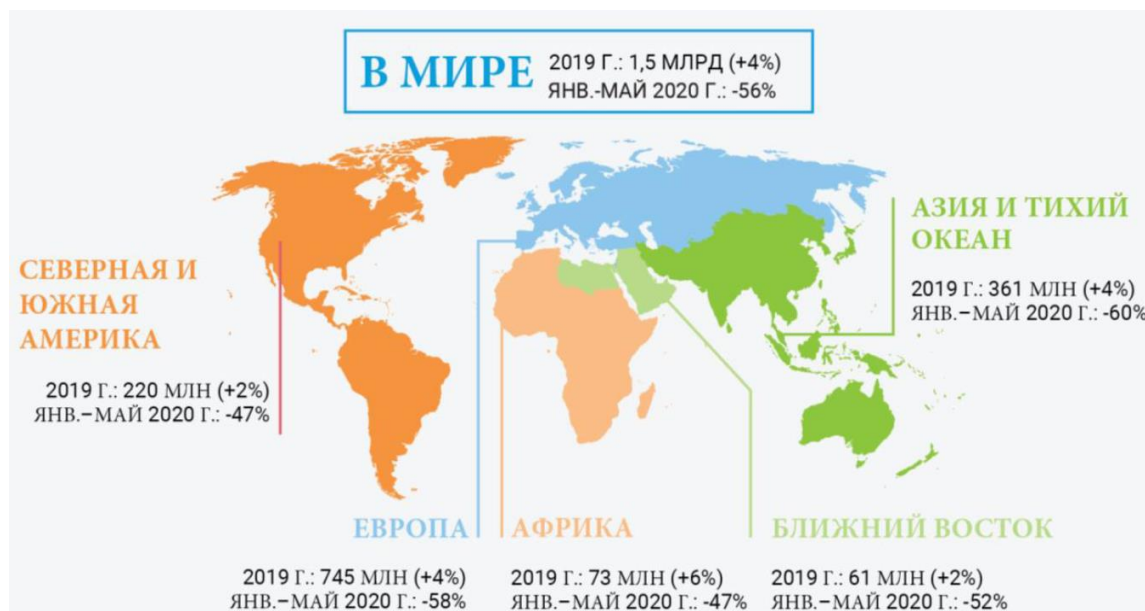

Рис. 1. Динамика численности туристов в мире

Анализируя данные показатели, можно отметить, что в 2019 г. поступления от международного лечебно-оздоровительного туризма составляли приблизительно 1,5 трлн долл., однако сокращение числа туристов в мае 2020 г. привело к потере приблизительно 320 млрд долл. в виде экспорта. Это значение в три раза превышает потери, которые потерпела данная сфера в 2009 г. во время кризиса.

Неоспорим тот факт, что развитие сферы лечебно-оздоровительного туризма зависит от темпов распространения пандемии и продолжительности действия ограничений на поездки, срок которых до сих пор остается неопределенной.

Развитие COVID-19 в 2020 г. привело к сокращению численности туристов приблизительно на 1,1 млрд чел. при худшем сценарии и потере до 1,2 трлн долл. (рис. 2).

Говоря об экономических последствиях кризиса непосредственно для сферы туризма, важно обратить внимание и на то, что наиболее уязвимыми также оказались и зависящие от нее отрасли, а именно гостиничная сфера и транспорт (преимущественно авиаперевозки).

Так, например, индустрия туризма в Бразилии понесла огромные убытки. Приблизительно на 80 % сократилось потребление услуг гостиничного бизнеса, расположенных на территории лечебно-оздоровительных учреждений, были закрыты все парки и туристические достопримечательности². Прогнозируется, что в случае отсутствия государственной поддержки они могут потерять около 7 млрд долларов. Это связано с тем, что поток туристов сократился в 2 раза³.

¹ Отраслевая справка МОТ. Май 2020 года. Режим доступа:

https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dialogue/briefingnote/wcms_749186.pdf

² Аналитическая записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма, Август 2020, Режим доступа:

https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_covid-19_and_transforming_tourism_russian.pdf

³ UNWTO, Towards Measuring the Economic Value of Wildlife Watching Tourism in Africa, 2015.

Рис. 2. Динамика поступлений от международного лечебно-оздоровительного туризма¹

В конце марта 2020 г. вследствие самоизоляции во Франции были закрыты приблизительно 80 000 ресторанов и 40 000 кафе, приблизительно 40 % из которых были ответственны за питание туристов, находящихся в лечебно-оздоровительных поездках. Этот процесс затронул приблизительно 1 млн сотрудников, которые были отнесены к категории технических безработных.

Не менее сложной оказалась ситуация в Великобритании, где приблизительно 75 % сотрудников гостиниц и кафе, функционирующих на территории туристических районов страны, были отправлены в отпуск на неопределенный срок, а около трети рабочих мест находятся в зоне долгосрочного риска.

В США с начала кризиса были уволены и отправлены в отпуск приблизительно 2 млн работников гостиниц, а приблизительно 4 млн зависящих от гостиниц рабочих мест были потеряны². Также прогнозируется, что до 120 млн чел. могут потерять работу в данной сфере по всему миру.

В период пандемии COVID-19 распространение получила такая практика, когда работодатели не увольняют своих сотрудников, а назначают им временные пособия по безработице либо совместно с профсоюзами разрабатывают стратегии, позволяющие избежать увольнений, что зачастую требует сокращения рабочего времени³.

Однако и в отдельных развивающихся странах туристическая отрасль составляет до 10 % вклада в годовой ВВП и около 10% всех занятых (табл. 2). И если в развитых государствах отраслевая структура национальных экономик является более диверсифицированной, то для развивающихся государств потеря доходов от туристического бизнеса стала серьезным вызовом для сохранения социальной стабильности и сопровождалась резким ростом безработицы.

Среди развивающихся стран в так называемую группу риска попадают островные государства, такие как Сейшель, Багамы и Мальдивы. В этих странах лечебно-оздоровительный туризм обеспечивает около трети ВВП и занятости. Хотя запрет на въезд иностранных туристов очень негативно сказался и на экономиках Филиппин и Таиланда.

Анализируя потери, которые несет транспортная сфера, видно, что большинство авиаперевозчиков и туристических компаний во всем мире корректируют штатную численность своих сотрудников, а многие в принципе заморозили какой-либо прием на работу. В данном случае ключевые вакансии не могут быть заполнены даже после окончания кризиса.

¹ Аналитическая записка: COVID-19 и перестройка сектора туризма, Август 2020, Режим доступа: https://covid19_and_transforming_tourism_russian.pdf

² Вестник MOT, выпуск 2: COVID-19 и сфера труда, 7 апреля 2020 г.

³ Отчет Всемирного совета по туризму и путешествия (WTTC) о влиянии сектора путешествий и туризма на экономику и занятость населения по 185 странам и 25 экономико-географическим регионам планеты. Режим доступа: https://www.tohology.com/news/tags/?fother_tags&t-COVID-19

Оценка вклада сферы лечебно-оздоровительного туризма в ВВП и занятость в 2019 году¹

Страна	Вклад отрасли в ВВП	Вклад отрасли в занятость
Мальдивы	33%	13%
Сейшелы	28%	27%
Багамы	20%	28%
Филиппины	13%	13%
Таиланд	10%	9%
Исландия	9%	5%
Греция	8%	10%
Австрия	7%	9%

Отмена рейсов и масштабное закрытие аэропортов привели к временной потере свыше 10 млн рабочих мест в гражданской авиации. Некоторые авиакомпании пытаются хоть как-то привлечь пассажиров на борт воздушного судна.

Достаточно смелые меры приняла американская компания «Alaska Airlines». Если раньше они не продавали билеты на места среднего ряда, придерживаясь требования, связанного с соблюдением социальной дистанции, то теперь они предлагают выкупить весь ряд по цене одного билета. Руководители авиакомпании считают, что это позволит им вернуть пассажиров на борт.

Экономические проблемы, возникшие в сфере ЛОТ, ведут к трансформации целей в области целей устойчивого развития (ЦУР). Так последствия COVID-19 для туризма неизбежно ведут к росту нищеты (ЦУР-1) и неравенства (ЦУР-10), которые в свою очередь ведут к тому, что усилия по сохранению природы и культуры будут сведены к минимуму.

Анализируя цели устойчивого развития, стоит также отметить, что непосредственно туризм упоминается в таких целях как достойная работа и экономический рост (ЦУР-8) и ответственное потребление и производство (ЦУР-12).

Так, например, для женщин, представителей сельских общин, коренных народов и многих других исторически маргинализированных групп населения лечебно-оздоровительный туризм является своеобразным средством интеграции, позволяющим не только получать доход, но и расширять свои права и возможности. Ярким примером могут быть жители малых островных развивающихся государств (МОСРГ), предоставляющих различные SPA- и Wellness-услуги и обеспечивающие туристическую инфраструктуру. В данном случае, данная практика не в полной мере реализуется в сложившихся условиях, однако специалисты, которые работают в сфере ЛОТ, вынуждены, ориентироваться на новые стандарты качества и безопасности при оказании различных лечебно-оздоровительных услуг.

Глубокому негативному воздействию подвержены и отрасли, на которые туризм оказывает существенный мультипликативный эффект, включая, ремесленное производство, сельское хозяйство, международную торговлю в области поставки продовольствия и напитков и т.д.

Также стоит отметить, что сфера лечебно-оздоровительного туризма оказывает серьезное воздействие на климат и окружающую среду, так как требует большего расхода энергии и топлива, создавая нагрузку на земельные ресурсы. Непрерывное развитие сферы лечебно-оздоровительного туризма и связанное с ним транспортное обслуживание, увеличивает объем выбросов парниковых газов. Этот показатель составляет примерно 5 % от всех антропогенных выбросов, что как раз и ставит под угрозу достижение целевых показателей, установленных в Парижском соглашении².

Говоря о важности лечебно-оздоровительного туризма в глобальном контексте, стоит также обратить внимание на то, что именно эта сфера является важным источником финансовых поступлений, идущих на цели сохранения биоразнообразия³. Около 7 % лечебно-оздоровительного туризма связано непосредственно с дикой природой, причем этот сегмент ежегодно увеличивается. Так около 20 стран Азии ежегодно получают прибыль в размере

¹ CNN Business: "Tens of thousands of airline jobs are at risk as travel plunges", 6 марта 2020 г.

² UNESCO, "Investing in Creativity", available at https://en.unesco.org/creativity/sites/creativity/files/info-kit_brochure-final-en-pdf.

³ Там же.

приблизительно 150 млн долларов в виде сборов за доступ на охраняемые природные территории, которые также использовались как туристическая инфраструктура в рамках ЛОТ¹.

Сложившаяся ситуация и вызванное ею закрытие этих охраняемых территорий, оказали разрушительное воздействие не только на саму природу, но и саму общину, обеспечивающую охрану этих территорий. В некоторых охраняемых парках и зонах, расположенных на территории или вблизи лечебно-оздоровительных учреждений, в последнее время наблюдается рост числа случаев браконьерства и разграбления. Это стало следствием уменьшения количества туристов и сотрудников лечебно-оздоровительных учреждений. Так, например, в заповеднике «Мара-Набиско», расположенном в Кении, заработной платы лишились почти 50 егерьей.

Более того, закрытие других предприятий, обеспечивающих функционирование туристической инфраструктуры на данной территории, привело к тому, что более 600 семей масаи лишились средств к существованию, что наглядно демонстрирует экономические убытки некоторых африканских стран и влечет за собой уничтожение биологического разнообразия, которое в свою очередь формирует своеобразное «ядро» природного туристического континента. Это связано с тем, что приблизительно 70 % бюджета Кенийской службы дикой природы финансируются за счет туристической деятельности². Таким образом, уменьшение доходов от туризма и сокращение бюджета национальных парков влечет за собой проблемы для общественных природных охраняемых зон.

Также стоит обратить внимание, что, посещая различные лечебно-оздоровительные учреждения, современные туристы также стремятся посетить объекты культурного наследия, чтобы получить новые эмоции, как правило, положительно влияющие на процесс выздоровления. Однако почти 90 % музеев по всему миру в условиях пандемии закрыли свои объекты культурного наследия, причем примерно 10 % из них уже возможно никогда не откроются вновь³. Сеть европейских музейных организаций оценивает потери доходов музеев, расположенных в туристических районах Европы, приблизительно на уровне 80 %.

Даже на фоне постепенного восстановления объектов всемирного наследия с учетом новых протоколов охраны здоровья и безопасности, прогнозируется, что в 2021 г. будет зафиксирован значительный спад количества посетителей. Так до кризиса, обусловленного COVID-19, общемировой доход культурной отрасли, функционирующей в рамках туристической, составлял приблизительно 2300 млрд долл., а экспорт – 250 млрд долл. США⁴. Темпы развития пандемии COVID-19 в 2021 г. дают основание говорить, что восстановление доходов культурной отрасли до этого уровня не произойдет и в 2022 г.

Так влияние сферы лечебно-оздоровительного туризма на мировую экономику становится все более очевидным. Поэтому крайне важно, чтобы отрасль была «здоровой», так как именно туризм занимает особое место в международных внешнеэкономических связях, формируя современную несырьевую отрасль экономики. Однако в нынешней беспрецедентной ситуации требуются принципиально новые подходы, а также решительные многоуровневые меры государственной поддержки.

На данном этапе государство должно начать воспринимать лечебно-оздоровительный туризм как одно из приоритетных направлений экономической политики. Более того оно должно быть заинтересовано в создании благоприятных условий для устойчивого функционирования туризма, стимулируя и поддерживая стратегические направления, содействуя формированию положительного образа туристической территории с точки зрения ее привлекательности,

¹ United Nations Environment Programme, Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication, 2011, available at Режим доступа:

https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf

² UNESCO, "COVID-19: UNESCO and ICOM concerned about the situation faced by the world's museums", 18 May 2020, Режим доступа: <https://en.unesco.org/news/covid-19-unesco-and-icom-concerned-about-situation-faced-worlds-museums>.

³ Revenue loss of the aviation industry in selected countries and scenarios H1 2020 // Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1106362/effects-coronavirus-aviation-industry-revenue-loss-country-scenario>.

⁴ UNESCO, "COVID-19: UNESCO and ICOM concerned about the situation faced by the world's museums", 18 May 2020, Режим доступа: <https://en.unesco.org/news/covid-19-unesco-and-icom-concerned-about-situation-faced-worlds-museums>.

обеспечивая продвижение отечественных турпродуктов той или иной страны на международном уровне.

Поддержка такого рода подразумевает также и то, что ключевым при развитии туризма необходимо в первую очередь рассматривать благополучие, которое зависит от прочных партнерских связи между правительствами государств, частным сектором, гражданами и международным сообществом в целом. В данном случае важно заниматься более эффективным планированием в части регулирования отрасли.

Также в рамках государственной поддержки отрасли должны быть созданы и уникальные системы измерения ее эффективности. Инструменты подобного рода позволят оценить степень воздействия сферы туризма на экономику, общество и окружающую среду. Это в свою очередь обеспечит надлежащее стратегическое руководство развитием отрасли.

Подтверждением всего вышесказанного можно считать слова Генерального директора Международного бюро по труду, сказанные им 24 апреля 2020 г. на внеочередной встрече министров по вопросам туризма Группы двадцати. Он уверен, что «приоритетная задача государства связана с тем, чтобы обеспечить выживание туристических предприятий посредством широкомасштабной государственной поддержки, без которой они погибнут быстрее чем вирус»¹.

Подводя итог всему вышесказанному можно сделать вывод, что, несмотря на достаточно сложное положение, в котором оказалась сфера лечебно-оздоровительного туризма, она продолжает укреплять свои позиции. Это, безусловно, влияет на состояние отечественного и зарубежного туристических рынков, что в свою очередь сказывается на развитии стран и регионов, влияя на структуру экономики в целом.

Проведя анализ влияния туризма на мировую экономику, было выяснено, что именно туризм позволяет развивать местную инфраструктуру, создавать дополнительные рабочие места, оказывать стимулирующее воздействие на обслуживающие отрасли. Более того, исторически сложилось так, что туризм способен оперативно адаптироваться под изменяющиеся потребности рынка, внедрять инновации и восстанавливаться после глобальных потрясений.

Подтверждая сказанное, целесообразно сослаться и на исторический опыт развития отрасли, акцентируя внимание на том, что она смогла быстро восстановиться и после кризиса 1929 г., и после окончания Второй мировой войны, после терактов, произошедших 11 сентября 2001 г., а также после финансовых кризисов 2009 и 2014 гг. Это дает основание предполагать, что в ближайшее время начнется постепенное восстановление отрасли, которая в дальнейшем сможет создать принципиально новые конкурентоспособные туристические продукты.

Zolochetskaya Elena Yurevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: zolochetskaya@uriu.ranepa.ru

Podolskaya Tatiana Valentinovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: podolskaya@uriu.ranepa.ru

HEALTH TOURISM IN THE PERIOD OF COVID-19 PANDEMIC: ASSESSING THE ECONOMIC IMPACT

Abstract

In the context of the international crisis, health tourism is a powerful catalyst for the regions' development to ensure global economic competition. However, health tourism has become one of the sectors most affected by the pandemic. The article defines the main economic consequences of COVID-19 pandemic for health tourism and for the industries that depend on it. The need for state support of the health tourism was emphasized.

Keywords: COVID-19, economic impact, health tourism, sustainable development goals, world economy, globalization, global market, tourism sector, economic impact of the crisis.

¹ Вестник МОТ, выпуск 3: COVID-19 и сфера труда. 2020. 29 апреля.

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

- Белозор
Алина
Федоровна** кандидат культурологии, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (241007, Россия, г. Брянск, ул. Дуки, 61). E-mail: a_belozor@mail.ru
- Белозор
Федор
Иванович** кандидат социологических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (241007, Россия, г. Брянск, ул. Дуки, 61). E-mail: fbelozor@yandex.ru

Аннотация

В современных общественных отношениях ценностно-нормативная система российской культуры подвергается интенсивному негативному воздействию как внешних, так и внутренних сил, что создает угрозы для устойчивого развития российского социума и государства, социокультурного благополучия человека. В этих условиях со стороны государства и общества востребованы меры, направленные на обеспечение безопасности отечественной культуры. В качестве механизма противодействия таким вызовам выступает культурная политика, которая определена Конституцией страны, федеральным законодательством, Основами культурной политики, Стратегией развития культуры, другими документами стратегического и среднесрочного планирования. В данной работе авторами раскрыто научно-практическое содержание современной культурной политики и ее объекта регулирования – культуры, осуществлен анализ возможностей культурной политики, предложены научно-обоснованные меры ее развития в условиях внешних и внутренних угроз и рисков.

Ключевые слова: культура, культурная политика, модели культурной политики, социокультурный кризис, безопасность культуры, вызовы, угрозы, глобальные процессы, национальная безопасность, общественные отношения.

Современная концепция культурной политики опирается на культурную конфигурацию общества и его культурные достижения, проблемное поле социокультурной ситуации в стране и мире, социальные и экономические возможности субъектов политики и уровень их взаимодействия, согласуется с движением глобальных процессов, зависит от культуры публичного управления и многих других факторов состояния внутренней и внешней среды общества и государства [1, с. 33]. Одновременно, культурная политика соотносится с политикой по обеспечению национальной безопасности государства, должна учитывать то негативное социокультурное давление, которое оказывают на российское общество недружественные внутренние и внешние политические и псевдонаучные силы¹.

При исследовании культурной политики целесообразно представлять ее как в широком социологическом контексте, так и выделять в ней один из системных элементов – государственную политику в сфере культуры, которая в большей степени формируется по отраслевому признаку и представляет собой многофункциональную совокупность норм и мер поддержки организаций культуры, коллективов, представителей творческих профессий. На ее решение сегодня в большей степени сориентированы государственные программы такой поддержки.

В широком, социокультурном подходе к культурной политике государство возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

развития, гарантом сохранения единого культурного пространства, территориальной целостности России [2, с. 46]. При этом культура является социализирующей платформой, связанной с основополагающими принципами и ценностными ориентирами общества в конкретный исторический период. В условиях многочисленных вызовов такой подход к обоснованию культурной политики, на наш взгляд, является наиболее востребованным для всех ее субъектов, а также в силу того, что российская культура находится в сложных сплетениях современных международных отношений, геополитических и экономических процессов.

В научном сообществе и институтах государственного управления нарастает тревога, обращенная к безопасности национальной культуры. При этом, развитие информационной сферы общества и увеличение доступности культурных контактов на глобальном уровне в настоящее время позволяют более активно и разностороннее воздействовать на культуру общества. Этим пытаются воспользоваться недружественные силы, которые предпринимают попытки погрузить ее в агрессивную среду с целью деформации, разрушения ценностных и традиционных общечеловеческих ориентиров. Все это актуализирует проблему культурной политики и безопасности культуры, делает ее научно значимой и требует научных, социологических подходов в ее изучении.

Цель исследования – раскрыть состояние и возможности государственной культурной политики в предупреждении и преодолении социокультурных кризисов на основе формирования ответов на внутренние и внешние вызовы современному российскому государству и обществу.

Объектом исследования выступает государственная культурная политика нашей страны.

Предмет исследования – механизмы и инструментарий культурной политики по противодействию вызовам современному российскому государству и обществу в условиях их внутренней трансформации и внешнего негативного воздействия.

Категория «культурная политика» стала объектом научного исследования, востребованной проблемой в социально-гуманитарном знании в 80 годах XX века. Важную роль в разработке теоретико-методологических подходов и анализе данного явления сыграли фундаментальные и прикладные труды, как отечественных, так и зарубежных авторов.

Существенный вклад в ее развитие внесла научная школа культурной политики Российской академии государственной службы и далее Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Представителями этой школы издано более ста научных трудов, в т.ч. пятнадцать диссертационных работ. У ее истоков стояли В.К. Егоров, О.Н. Астафьева, Т.Г. Богатырева, ряд других ученых. Здесь, одно из первых исследований по проблематике культурной политики выполнил А.С. Балакшин, который в 1995 г. в работе «Методологические и организационные аспекты современной культурной политики» раскрыл концептуальные основы культурной политики, выделил ее сущностное содержание, методологию исследования и организационные механизмы реализации. Позднее, он развил свою работу до уровня докторской диссертации [3 – 4].

В 1997 г. вышла работа Г.Э. Борисеевой, посвященная опыту и проблемам культурной политики европейских стран. Автор осуществил глубокий анализ культурной политики в странах Евросоюза, что позволило в дальнейшем ряду исследователей выработать научно обоснованные предложения по основным положениям культурной политики Российской Федерации с учетом положительных и отрицательных сторон зарубежного опыта [5].

В дальнейшем, исследования влияния глобальных и отечественных общественных процессов на российскую культуру в целом и на ее региональное содержание, в частности, позволили представителям школы Т.Г. Богатыревой и Ф.И. Белозору разработать механизмы реализации культурной политики в этих условиях [6 – 7].

В контексте нашей проблемы выделяются научные труды Л.Е. Вострякова, Е.Г. Сулеменко, М.Е. Ульяновой, Л.И. Горбатовой, Е.П. Бабякиной [8 – 12].

Представителями школы в числе первых были проведены исследования, раскрывающие возможности взаимодействия государства и бизнеса в процессах реализации культурной политики России. Этой проблеме посвящены теоретические изыскания А.Ф. Белозор [1].

На новом этапе развития школы появляются актуальные для современного времени научные исследования, где культурная политика представлена с позиций обеспечения национальной безопасности современной России. В этом контексте заслуживают внимания труды А.Ю. Голобородько [13].

На протяжении многих лет значимый вклад в развитие науки о культурной политике вносят известные в России и за рубежом исследователи-основатели указанной школы О.Н. Астафьева и Т.Г. Богатырева. Их труды легли в основу многих монографий, учебников, ряда других научных публикаций. Под их руководством молодыми учеными разработаны свыше сорока диссертаций, в том числе одиннадцать по проблематике культурной политики [8; 14; 15].

Заслуживают должного внимания работы представителей других научных центров в контексте культурной политики, в которых представлены возможные модели будущего культурной политики. Л.Б. Зубановой, Н.Л. Зыховской, А.Ю. Павловой и рядом других авторов раскрыты проблемы эффективности реализации современной культурной политики, представлены модели ее развития в стратегической перспективе [16].

С.Б. Синецкий обобщил существующие классические взгляды на культуру в ее современном виде и обосновал роль культурной политики в процессе перехода от традиционного к инновационному обществу [17].

Для целей нашего исследования востребованы труды Б.С. Ерасова, представляющие культуру как социализирующую систему общества и как объект воздействия культурной политики [18].

Результаты анализа разных подходов и направлений в исследовании культурной политики указывают на то, что в современном научном сообществе исследователи культурной политики затрагивают как минимум три проблемных направления. Первое направление, наиболее актуальное и доминирующее по своей значимости, но требующее более глубоких и системных изысканий, определяет концептуальные подходы, с одной стороны по сохранению, а с другой по развитию фундаментальных социокультурных основ российского социума - социокультурных ценностей. Как выделено ранее, в последние годы, ценностная матрица национальной культуры России стала объектом негативного воздействия внутренних и внешних сил с целью ее деформации на основе формирования социальной напряженности, навязывания и внедрения чуждых для российских народов ценностей, формирования разрушительных для общества мифов. Манипулирование как технология достижения разрушительных целей и как форма скрытого управления массами выдвинута субъектами такого воздействия в качестве основного инструмента.

Тем не менее, в научной среде недостаточно понимание тех разрушительных угроз, которые проявляются и в среднесрочной перспективе могут обостряться в общественных отношениях российского социума. При этом, если на уровне государства выработаны основные цели и задачи культурной политики, направленные на охрану целостности российского общества и его лучших традиций, то в науке наблюдается дефицит фундаментальных и прикладных исследований по целедостижению данной политики.

При этом важно еще раз подчеркнуть, что государственная культурная политика становится составной частью национальной политики безопасности государства. В стратегии национальной безопасности Российской Федерации в ранг национальных интересов и стратегических национальных приоритетов возведено сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Формирующаяся на этой основе российская ценностная модель культурной политики требует своего развития на всех направлениях: теоретическом, политическом, правовом, организационном, экономическом и социологическом.

Второе направление соотносится с научным анализом правового сопровождения культурной политики. Повышенный интерес исследователей затрагивает основы законодательства Российской Федерации о культуре, основы культурной политики, проектно-программный механизм ее реализации. Многообразен и многоаспектен дискурс в профессиональном и научном сообществе о парадигме культуры, об организациях культуры и искусства, их состоянии. При этом, рыночная среда отодвинула на второй план изучение факториальной зависимости миссии учреждений культуры и образования в реализации культурной политики, исследования форм и методов взаимодействия государства, общества, граждан, бизнес-сообщества в процессе реализации культурной политики, просветительной, воспитательной и образовательной роли культуры.

Третье направление затрагивает экономические аспекты культурной политики. Оно включает в себя аналитические исследования состояния инфраструктуры организаций культуры,

как правило государственного и муниципального сектора, роль государства в бюджетной поддержке культуры и финансирования мероприятий по сохранению культурного наследия.

Результаты анализа представленных нами трудов показали, что они в большей степени тяготеют к культурологическому и экономическому аспектам в раскрытии парадигм культуры и культурной политики, недостаточно затрагивая социологию культуры и социологию управления применительно к культурной политике. А.Ю. Голобородько в этой связи отмечает, что в рамках этих культурологических и политико-культурологических подходов наблюдается масштабный разброс целей и ценностей и отсутствует их конвергенция [13].

В современной научной практике, культурная политика как объект исследования разных школ и направлений классифицируется по разным критериям и подходам.

Так, например, исследователи в общих подходах выделяют три модели государственной политики в области культуры: китайскую (или «патерналистскую»), европейскую (или «континентальную») и американскую. Все перечисленные модели предполагают бюджетную поддержку сферы культуры из государственных и частных источников. В китайской модели культура находится под опекой государства. Европейская модель характерна выделением со стороны государства и муниципалитетов целевых субсидий и разных квот на содержание учреждений и реализацию культурных проектов. В США сфера культуры финансируется на конкурентной основе фондами и частными пожертвованиями в принадлежности к запросам государства, предпочтениям учредителей таких организаций и частных лиц. Здесь, на культуру распространяются все рыночные механизмы хозяйствования [19 – 20].

Продолжая классификацию моделей культурной политики, следует решительно добавить в этот перечень ценностную модель, которая начинает развиваться в нашей стране. Такая политика предпочтительна в нынешних условиях – условиях серьезных вызовов и угроз суверенитету культуры, российскому обществу и государству. Структурная основа ценностной модели культурной политики представлена на рис. 1.

Рис. 1. Ценностная модель культурной политики

В данной конструкции культурная политика государства формируется на основе базовых социокультурных ценностей социума, сложившихся в длительном историческом периоде, закрепляет их сущностное содержание, выстраивает механизмы их сохранения и развития.

Это, с одной стороны, правовое установление отношения государства и общества к национальным социокультурным ценностям и культуре в целом в Конституции государства и других нормативных правовых актах, а с другой, формирование организационных и экономических механизмов в целях сохранения, развития и трансляции данных ценностей.

Так, в Основах культурной политики установлено, что культурная политика это – действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей¹.

Доминирующим условием такой модели становится формирование личности, которое осуществляется в мультифункциональной организационной среде на основе освоения системы российских социокультурных ценностей.

В своей основе ценностная модель культурной политики направлена на достижение общенациональных успехов, устойчивого социально-экономического развития России, обеспечения целостности общества и государства. В этой связи, правоустанавливающими документами определяется равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих на территории страны народов. Закреплено обязательное включение культурных аспектов в государственные и муниципальные программы и планы комплексного социально-экономического, экологического, социального, национального развития. При этом государство обращает внимание на такие положения законодательно закрепленной культурной политики как исключительно самостоятельная реализация Российской Федерацией на территории страны международных соглашений с другими государствами в области культуры.

Важной составляющей культурной политики является содействие развитию российской культуры за рубежом, поддержка связи с зарубежными соотечественниками на основе организации культурных центров, сотрудничества с землячествами, организации общих культурных программ, формирования условий для возвращения на Родину эмигрировавших ранее деятелей культуры.

Не вызывает сомнения существенная роль русского языка, великой российской культуры и православия в формировании интеграционных основ культурного взаимовлияния, взаимобогащения, взаимного уважения российских народов. Это особенно актуально в современных условиях, когда признаки давления на русский язык проявляются в отдельных странах ближнего зарубежья, наблюдается упрощенный подход к его освоению в среде современного поколения россиян.

Новейший этап мировой глобализации, давление недружественных государств на социокультурные и экономические основы нашей страны формируют угрозы и риски для дальнейшего развития российского общества и Российской Федерации в виде дестабилизации внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе. Все это в совокупности и отдельно формирует существенные вызовы российскому обществу и государству.

Выделим основные понятия, на основе которых предпримем попытку раскрыть вызовы, опасности, угрозы и риски, которые характерны для современного российского социума и государства. Большинство авторов рассматривают риски, вызовы и угрозы, применительно к нашему исследованию, как разные величины опасности для социума, граждан, государства, через вторжение в национальную культуру, культуру отдельных групп и человека. Риск предполагает самый низкий уровень опасности. В противоположность, угроза отнесена к самому высокому уровню.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2014 № 52 (часть 1), ст. 7753.

Вызов в его простой интерпретации будем рассматривать как сигнал о возможной опасности, как наметившееся (или намечаемое) изменение во внутренней или внешней среде, указывающее на возможное появление угрозы.

В широком прочтении, они являются следствием новых факторов в мировом развитии, нарушающих стабильность нормального функционирования механизмов воспроизводства общественной жизни, межкультурных отношений, международных политических и экономических отношений в границах существующего мирового порядка. Существующие и намечаемые риски, угрозы и вызовы в сфере культуры составляют опасность для российского социума.

В сложившихся к настоящему времени дефинициях опасность подразумевает возможность или способность нанесения вреда тому или иному элементу общества, государству или его отдельному институту. При этом безопасность определяется степенью их защищенности, связана с жизненно важными интересами личности, общества и государства.

Опасность социокультурному благополучию человека просматривается через деформацию его ценностных ориентиров, через стремление недружественных сил нанесения ущерба охраняемым жизненно важным интересам личности, общества и государства. В этой связи, согласно оценке специалистов в области культурной безопасности, значимой современной задачей культурной политики является ограждение национальной культуры от посягательств на ее суверенитет, перевод угроз в вызовы, а вызовов – в риски.

Продолжая, отметим, что основным внешним вызовом является, провозглашённая рядом государств политика сдерживания социально-экономического и культурного развития Российской Федерации. Эти страны и их объединения, продвигая свои корыстные интересы, узурпируют право установления для других государств неких правил «демократического порядка», поведения и динамики их развития.

Для этих целей применяются как традиционные, так и новые инструменты. Например, разного толка санкции, использование площадок ООН, ОБСЕ, Совета Европы, ОЗХО и многих других для давления на Россию, русофобия, создание различного толка правительственных и неправительственных фондов для поддержки протестного «климата», поощрение антиправительственных выступлений, материальная поддержка манипуляционных технологий в социальных сетях, стипендии для студентов, исследовательские стипендии по конкретной проблематике.

Не менее токсичны для национальной культуры вызовы, исходящие из внутренней среды.

Опираясь на официальные документы, правоустанавливающие основные положения культурной политики, оценки ряда авторов, предпримем попытку выделить те стратегические вызовы, которые могут ограничивать дальнейшее развитие российской культуры, и, которые необходимо учитывать в современных условиях.

К ним следует относить возможную девальвацию общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; понижение общего уровня культуры и патриотических настроений; проявление агрессии, нетерпимости, асоциального поведения; деформацию исторической памяти; негативные оценки значительных периодов отечественной истории; распространение ложного представления об исторической отсталости России; замена истинных ценностей мнимыми; массовое создание сайтов дезинформации в сети Интернет, где предпринимаются попытки отрицания национальных культурных достижений, формирования негативного имиджа нашей страны, извращения исторических и культурных событий; асоциальное поведение отдельных групп, направленное формирование напряженности в обществе, на дегармонизацию отношений между поколениями; экранное распространение культа насилия; широкие манипуляции общественным сознанием; активизация сети иностранных агентов – агентов иностранного влияния, которые в корыстных целях за иностранные средства занимаются в стране внутриполитической деятельностью, в корыстных целях проводят исследования социального настроения разных групп населения по заказу иностранных организаций; коррупция, бюрократизация публичного управления, многие другие явления, представляющие угрозу российской культуре, гражданскому миру, обществу и государству.

Неоправданным риском является и недооценка потенциала культуры для гармонизации общественных отношений. Несмотря на большое количество некоммерческих организаций, занимающихся вопросами культуры, сохраняется недостаточная активность и слабая вовлеченность общественных институтов в реализацию культурной политики. Бизнес, заняв доминирующее

положение в экономической жизни страны, оказался слабо вовлеченным в решение задач культурной политики. По-прежнему проявляются угрозы единству культурного пространства на фоне не всегда достаточного использования потенциала культуры как фактора социально-экономического развития Российской Федерации, его национальной безопасности и территориальной целостности. Прогрессируют риски в проявлении и пропаганде расовой, национальной и религиозной нетерпимости, в том числе в средствах массовой информации и социальных сетях информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", в осуществлении экстремистской деятельности под видом гуманитарной, культурной и псевдорелигиозной, в том числе со стороны иностранных организаций.

При этом информационная среда, задействованная в противовес этим угрозам, не всегда эффективна в силу того, что уровень технического информационного прогресса часто опережает развитие информационной культуры граждан и в этом контексте их возможности личной оценки достоверности тех или иных сообщений. У противников российского культурного прогресса сегодня весьма популярны такие инструменты как ложная информация и манипулирование общественным сознанием.

Такие оценки направляют нас к выводу, что решение обозначенных проблем и неиспользованных возможностей, необходимо с большей интенсивностью и более широких масштабах осуществлять на основе федеральных и региональных государственных программ, национального проекта «Культура» и региональных проектов, разработанных в целях его исполнения.

Отвечая на вызовы, культурная политика Российской Федерации формируется и по нашим оценкам последовательно развивается на определенных принципах и задачах. Среди них доминантными следует определить принятие большинством граждан новаций в Конституцию страны по обеспечению защиты суверенитета и территориальной целостности государства, а также системообразующие положения, закрепляющие культурную политику в части отношений к тысячелетней истории как объединяющему началу государства, сохранения памяти предков, передавших в поколениях идеалы и веру в Бога, почитания памяти защитников Отечества, обеспечения защиты исторической правды, создания условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, обеспечения приоритета семейного воспитания, признание русского языка как языка государствообразующего народа. Культура признаётся уникальным наследием ее многонационального народа, поддерживается и охраняется государством, которое защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей страны, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия¹.

Основы культурной политики выстроены на базовых конституционных положениях, направленных на сохранение российского социума, его идентичности, его культуры как фундамента российского государства, провозглашено территориальное и социальное равенство граждан в реализации права на доступ к культурным ценностям, участие в культурной жизни и пользование культурным достоянием; открытость и взаимодействие с другими народами и культурами, представление об отечественной культуре как о неотъемлемой части мировой культуры; соответствие экономических, технологических и структурных решений, принимаемых на государственном уровне, целям и задачам государственной культурной политики; свобода творчества и невмешательство государства в творческую деятельность; делегирование государством части своих полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам².

В Стратегии обозначены финансовые и иные механизмы реализации культурной политики с детализацией причин порождающих возможные угрозы социокультурного развития российского общества³. Эти акты требуют постоянной актуализации в целях реагирования на возникающие социокультурные вызовы российскому обществу.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

² Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2014 № 52 (часть 1), ст. 7753.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 14.03.2016, №11, ст. 1552.

По нашим оценкам, в современных условиях актуализируются задачи культурной политики, решению которых необходимо придать более уверенную динамику. Это опережающее реагирование на возможные социокультурные угрозы с целью повышения социально-экономической устойчивости, как российского общества, так и государства; сохранение культурного наследия и продвижение российских социокультурных ценностей в глобальном пространстве; приоритетное формирование патриотических основ у граждан страны на основе лучших традиций гуманитарных наук об отечественной истории, о человеке, его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности; повышение качества владения русским языком; расширение государственной и частной инициативы в международных социокультурных связях; развитие традиций семейного воспитания, культуры просвещенности граждан, цифровой и информационной грамотности. В совокупности, необходимо искать не только варианты защиты от вызовов, но даже в таких условиях акцентировать внимание на тех выгодах, возможностях и преимуществах, которые можно извлечь при этом для сохранения отечественной культуры.

На повестке дня стоит вопрос развития вузовского и среднего профессионального образования в сфере культуры, в том числе количественное восстановление образовательных учреждений в регионах, сокращенных или реорганизованных путем их объединения в кризисный период.

Более широкое включение бизнеса в культурную политику позволит решать как минимум две проблемы. С одной стороны, это создаст условия, направленные на повышение культуры ведения бизнеса, а с другой параллельно переходить от спонтанной рыночной экономики к системной социально-ориентированной ее модели.

Появляется более уверенная перспектива посткарантинных действий российских институтов культуры по наращиванию объемов международных связей.

Предпринимаемые действия государства и инициативы общественности снижают, но еще не предотвращают опасность риска для отечественной культуры в попытках фальсификации российской истории, ее ревизии, в том числе в целях пересмотра итогов Второй мировой войны.

Одним из действенных механизмов в решении задач культурной политики является государственная программа «Развитие культуры и туризма»¹.

С 2019 г. реализуется национальный проект «Культура», разработанный во исполнение поручений, представленных в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»². Документ предполагает выполнение трех федеральных проектов – «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура»³.

Национальный проект обеспечивает широкую финансовую поддержку творческих проектов, создание новой многофункциональной инфраструктуры учреждений культуры, решает задачу по обеспечению музыкальными инструментами образовательных организаций.

Демонстрируется положительный эффект внедрения цифровых технологий в культурную среду. В качестве положительного явления отметим, что только в 2020 г. портал культурного наследия «Культура.РФ» удвоил спрос на информацию, который составил 69 миллионов посещений. Четверть из них принадлежит детской аудитории.

Исследования культурной политики Российской Федерации в условиях современных вызовов указывают на то, что в настоящее время такая политика сформирована и определяется конституцией страны, федеральным законодательством и рядом других документов стратегического и среднесрочного планирования. В условиях вызовов российскому государству и обществу перед органами государственной власти, местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, общественными организациями в сфере культуры стоит задача по обеспечению реализации культурной политики таким образом, чтобы культура де-факто стала ядром стратегического развития и национальной безопасности, обеспечивала повышение качества жизни, гармонизацию отношений в российском обществе.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 317. «Об утверждении государственной программы «Развитие культуры и туризма» на 2014 – 2024 годы.

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

³ Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации // Национальный проект «Культура» (culture.gov.ru).

Литература

1. Белозор А.Ф., Белозор Ф.И. Культурная политика России: Взаимодействие государства и бизнеса: Монография. Брянск: Изд-во БрФ ОРАГС, 2009. 168 с.
2. Астафьева О.Н. Стратегия устойчивого развития в культурной политике российской регионов // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1 С. 43 – 51.
3. Балакшин А.С. Методологические и организационные аспекты современной культурной политики : Дис. ... канд. филос. наук / А. С. Балакшин; РАГС при Президенте РФ. М., 1995. 122 с.
4. Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования : теория и методология исследования : Дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 Н. Новгород, 2005 355 с. РГБ ОД, 71:06-9/31.
5. Борсиева Г.Э. Культурная политика европейских стран: Опыт и проблемы; философско-культурологический анализ // <http://www.dissercat.com/content/kulturnaya-politika-evropeiskikh-stran-opyt-i-problemy-filos-kulturolog-analiz>, 1997.
6. Богатырева Т.Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России : Дис. ... д-ра культурологии; РАГС при Президенте РФ. Каф. теории и практики культуры. М., 2002. 317 с.
7. Белозор Ф.И. Государственное управление сферой культуры региона в условиях общественной трансформации : дис. ... канд. социол. наук; РАГС при Президенте РФ, Кафедра социологии. М., 2001. 148 с.
8. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: понятия и модели: монография. СПб.: Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2011. 168 с.
9. Сулименко Е.Г. Культурная политика как фактор национальной безопасности в условиях глобализации : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01; РАГС при Президенте РФ, Кафедра культурологии и деловых коммуникаций. М., 2008. 158 с.
10. Ульянова М.Е. Мультикультурализм в условиях миграционных процессов: социокультурная политика и практика : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01; РАГС при Президенте РФ, Кафедра и деловых коммуникаций. М., 2008. 120 с.
11. Горбатова Л.И. Формирование инновационной модели культурной политики в условиях общественных трансформаций в России на рубеже XX-XXI вв. : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01; РАГС при Президенте РФ, Кафедра культурологии и деловых коммуникаций. М., 2010. 146 с.
12. Бабякина Е.П. Культурная политика социального государства: сущность и модели реализации : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01; РАНХиГС при Президенте РФ, МИГСУ, Кафедра ЮНЕСКО "Государственная служба и управление социально-экономическими процессами". М., 2013. 190 с.
13. Голобородько А.Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д., 2016. 276 с.
14. Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность: лекции. М.: Изд-во РАГС, 2010. 70 с.
15. Астафьева О.Н. Развитие диалоговых моделей ЮНЕСКО и их включение в стратегии культурной политики// Лики культуры в эпоху социальных перемен. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Под ред. Н.Б. Кирилловой. 2018 Издательство: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург). С. 7-12.
16. Ориентиры культурной политики XXI века: актуальные исследовательские тренды: коллектив. моногр. / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, А. Ю. Павлова, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб ; Челяб. гос. ин-т культуры. Челябинск : ЧГИК, 2019. С. 70-112.
17. Синецкий С.Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего : монография. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 288 с.
18. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Издание третье, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2008. 592 с.
19. Матвеев В.В. Модели государственной культурной политики в современном мире // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 52-56.
20. Буркин А.И. Финансирование сферы культуры и искусства в индустриально развитых странах // Финансы и кредит. 2005. № 27 (195). С. 37-44.

Belozor Alina Fedorovna, Candidate of Culture Studies, Professor, Associated Professor at the Department of Social Humanitarian and Natural Disciplines, Bryansk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (61, Duki St., Bryansk, 241007, Russian Federation).

E-mail: a_belozor@mail.ru

Belozor Fedor Ivanovich, Candidate of Sociological Sciences, Professor at the Department of Public Administration and Management, Bryansk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (61, Duki St., Bryansk, 241007, Russian Federation). E-mail: fbelozor@yandex.ru

CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CHALLENGES

Abstract

In contemporary social relations the value-setting and normative system of Russian culture is subjected to intense negative influences by both external and internal forces. This poses a threat to the sustainable development of Russian society and the state, and to the sociocultural well-being of an individual. In these circumstances the state and society demand measures to ensure the safety of their culture. Cultural policy, as defined by the Constitution, federal legislation, the Cultural Policy Framework, the Cultural Development Strategy and other strategic and medium-term planning documents, is the mechanism for countering such challenges. In this work the authors reveal the scientific and practical content of contemporary cultural policy and its object of regulation. The analysis of the potential of cultural policy is made and scientifically based measures for its development in the context of internal and external threats and risks are worked out.

Key words: culture, cultural policy, development of cultural policy, models of cultural policy, cultural configuration of society, sociocultural crisis, challenges, threats, global processes, national security, public relations.

References

1. Belozor A.F., Belozor F.I. Kul'turnaya politika Rossii: Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa: Monografiya. Bryansk: Izd-vo BrF ORAGS, 2009. 168 p.
2. Astaf'eva O.N. Strategiya ustojchivogo razvitiya v kul'turnoj politike rossijskoj regionov // Mir russkogo-voryashchih stran. 2019. № 1 P. 43 – 51.
3. Balakshin A.S. Metodologicheskie i organizacionnye aspekty sovremennoj kul'turnoj politiki : Dis. ... kand. filos. nauk / A. S. Balakshin; RAGS pri Prezidente RF. M., 1995. 122 p.
4. Balakshin A.S. Kul'turnaya politika: teoriya i metodologiya issledovaniya : teoriya i metodologiya issledovaniya : Dis. ... d-ra filos. nauk : 24.00.01 N. Novgorod, 2005 355 s. RGB OD, 71:06-9/31.
5. Borsieva G.E. Kul'turnaya politika evropejskih stran: Opyt i problemy; filosofsko-kul'turologicheskij analiz // <http://www.dissercat.com/content/kulturnaya-politika-evropejskikh-stran-opyt-i-problemy-filos-kulturolog-analiz>, 1997.
6. Bogatyreva T.G. Globalizaciya i imperativy kul'turnoj politiki sovremennoj Rossii : Dis. ... d-ra kul'turologii; RAGS pri Prezidente RF. Kaf. teorii i praktiki kul'tury. M., 2002. 317 p.
7. Belozor F.I. Gosudarstvennoe upravlenie sferoj kul'tury regiona v usloviyah obshchestvennoj transformacii : dis. ... kand. sociol. nauk; RAGS pri Prezidente RF, Kafedra sociologii. M., 2001. 148 p.
8. Vostryakov L.E. Gosudarstvennaya kul'turnaya politika: ponyatiya i modeli: monografiya. SPb.: Izd-vo SZI RANHiGS, 2011. 168 p.
9. Sulimenko E.G. Kul'turnaya politika kak faktor nacional'noj bezopasnosti v usloviyah globalizacii : dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01; RAGS pri Prezidente RF, Kafedra kul'turologii i delovyh kommunikacij. M., 2008. 158 p.
10. Ul'yanova M.E. Mul'tikul'turalizm v usloviyah migracionnyh processov: sociokul'turnaya politika i praktika : dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01; RAGS pri Prezidente RF, Kafedra i delovyh kommunikacij. M., 2008. 120 p.
11. Gorbatova L.I. Formirovanie innovacionnoj modeli kul'turnoj politiki v usloviyah obshchestvennyh transformacij v Rossii na rubezhe XX-XXI vv. : dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01; RAGS pri Prezidente RF, Kafedra kul'turologii i delovyh kommunikacij. M., 2010. 146 p.
12. Babyakina E.P. Kul'turnaya politika social'nogo gosudarstva: sushchnost' i modeli realizacii : dis. ... kand. kul'turologii : 24.00.01; RANHiGS pri Prezidente RF, MIGSU, Kafedra YUNESKO "Gosudarstvennaya sluzhba i upravlenie social'no-ekonomicheskimi processami". M., 2013. 190 p.
13. Goloborod'ko A.YU. Gosudarstvennaya kul'turnaya politika v sisteme obespecheniya naci-onal'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii: dis. ... dokt. polit. nauk: 23.00.02. Rostov n/D., 2016. 276 p.
14. Astaf'eva O.N. Kul'turnaya politika: teoreticheskoe ponyatie i upravlencheskaya deya-tel'nost': lekicii. M.: Izd-vo RAGS, 2010. 70 p.
15. Astaf'eva O.N. Razvitie dialogovyh modelej YUNESKO i ih vkluchenie v strategii kul'turnoj politiki// Liki kul'tury v epohu social'nyh peremen. Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii. Pod red. N.B. Kirillovoj. 2018 Izdatel'stvo: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet (Ekaterinburg). P. 7-12.
16. Orientiry kul'turnoj politiki XXI veka: aktual'nye issledovatel'skie trendy: kolektiv. monogr. / L. B. Zubanova, N. L. Zyhovskaya, A. YU. Pavlova, S. B. Sineckij, M. L. SHub ; CHelyab. gos. in-t kul'tury. CHelyabinsk : CHGIK, 2019. P. 70-112.
17. Sineckij S.B. Kul'turnaya politika XXI veka: ot precedenta Istorii k proektu Budushchego : monografiya. CHelyabinsk : Enciklopediya, 2011. 288 p.
18. Erasov B.S. Social'naya kul'turologiya. Izdanie tret'e, dop. i pererab. M.: Aspekt Press, 2008. 592 p.
19. Matveenko V.V. Modeli gosudarstvennoj kul'turnoj politiki v sovremennom mire // Voprosy kul'turologii. 2009. № 11. P. 52-56.
20. Burkin A.I. Finansirovanie sfery kul'tury i iskusstva v industrial'no razvityh stranah // Finansy i kredit. 2005. № 27 (195). P. 37-44.

АНАЛИЗ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА КАК ПЛОЩАДКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЭЛИТ

Григорян

Давид

Кромвелович

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, Ростовский юридический институт МВД России (344015, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 83).
E-mail: davo-davo23@mail.ru

Аннотация

В связи с наличием широкого этнического состава на постсоветском пространстве периодически возникают этнополитические конфликты. Одним из затяжных этнополитических конфликтов является армяно-азербайджанский конфликт, который обостряет политическую обстановку в Южном Кавказе. В 2020 году произошла эскалация конфликта на территории Нагорного Карабаха, с новой силой вспыхнули противоречия между Нагорно-Карабахской республикой и Азербайджаном. Основными субъектами урегулирования конфликта стали Россия и Турция. Для России и Турции контроль политической ситуации на Южном Кавказе является необходимым условием влияния в Южном Кавказе. Также межэтнические конфликты, происходящие на территории Южного Кавказа, обуславливают российско-турецкое взаимодействие.

Ключевые слова: Нагорно-Карабахская республика, Россия, Азербайджан, Турция, Армения, мирное урегулирование, этнополитический конфликт, межэтническое противостояние, миротворцы.

История вопроса

Армяно-Азербайджанский конфликт имеет давнюю историю. В ходе русско-персидской войны 1804-1813 гг., Российской империей была присоединена современная территория Нагорного Карабаха. В 1805 г. Россия и Персия заключили Кюрекчайский договор, по которому Карабахское ханство вошло в состав Российской империи. В 1813 г. по Гюлистанскому мирному договору Персия полностью признала вхождение Карабахского ханства в состав Российской империи. Карабахское ханство было преобразовано в Карабахскую провинцию. На момент присоединения Карабахского ханства этнический состав территории по данным описания, которое было составлено по распоряжению главнокомандующего русской армией на Кавказе А.П. Ермоловым, составляло 20 095 семей, из которых 15 729 семей по этнической принадлежности были азербайджанцами, 4 366 семей принадлежали к армянской этнической группе. Поначалу в Карабахе преобладало азербайджанское население, которое относилось к исламской конфессиональной группе [1, с. 148]. На территорию Карабаха из Ирана и Турции активно начали эмигрировать армяне, так как по социокультурным признакам русское население было ближе армянам, чем народы, исповедующие ислам. В свою очередь часть местного мусульманского населения Карабахской провинции эмигрировало в Персию.

В 1840 г. территория Нагорного Карабаха вошла в состав Шушинского уезда Каспийской области, затем в 1846 г. стал частью Шемаханской губернии, которая с 1868 г. была переименована в Елизаветпольскую губернию.

Территория Нагорного Карабаха долгое время являлась камнем преткновения в армяно-азербайджанских отношениях. Оба народа претендовали на данную территорию. Начало XX века ознаменовалось вспышкой межэтнических конфликтов в Российской империи, межэтнические противоречия проявились в армяно-азербайджанских отношениях.

В советский период ситуация в Нагорном Карабахе была нестабильной, статус территории постоянно менялся. Так 4 июля 1921 г. состоялось заседание ЦК РКПБ (б), на котором было принято решение передать территорию Нагорного Карабаха Армении. Уже 5 июля 1921 г. был пересмотрен вопрос передачи Нагорного Карабаха Армении, данную территорию передали в управление Азербайджану [2, с. 227].

Политическая судьба Нагорного Карабаха складывалась непросто, с 1921 г. он входил в Азербайджанскую ССР, причем обладал широкой автономией. В 1923 г. Нагорный Карабах получил статус автономной области.

По сравнению с XIX веком этнический состав Нагорного Карабаха изменился. Теперь на данной территории преобладало армянское население, по результатам переписи населения 1926 г. армянское население составляло 94 %, по результатам советской переписи населения 1989 г. доля армянского населения составила 77 %. Численность армянского населения превосходила азербайджанское, и не раз Армянская ССР поднимала вопрос о признании армянской юрисдикции в Нагорном Карабахе, но в пользу Армянской ССР вопрос решен не был.

Преобладание в Азербайджанской ССР территории, преимущественно с армянской этнической группой, вызывало этнополитический процесс армян Нагорного Карабаха. В 1987 г. был инициирован сбор подписей по вопросу перехода Нагорного Карабаха под юрисдикцию Армении. По итогу было собрано 75 тыс. подписей, по вопросу вхождения Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР¹. Такое количество подписей говорит о том, что почти все население Нагорного Карабаха было согласно перейти под юрисдикцию Армянской ССР. В 1988 г. представители Нагорного Карабаха сделали обращение в Верховный совет СССР, с резолюцией о передачи Нагорного Карабаха Армянской ССР, основываясь на собранных подписях. Данное обращение не получило положительного результата, так как было обусловлено рядом причин. В СССР началась перестройка, сложное экономическое положение, политический кризис, демократические политические процессы способствовали развитию национального самосознания и повышению уровня сепаратистских настроений среди национальных республик СССР. Московские власти не могли допустить развития сепаратистских настроений на Южном Кавказе, так как принятие резолюции Нагорного Карабаха о присоединении к Армянской ССР, могло повлечь за собой аналогичные процессы в других национальных республиках, чего нельзя было допустить. В свою очередь новая попытка выхода Нагорного Карабаха из состава Азербайджанской ССР повлекла за собой недовольство азербайджанского правительства, и стало причиной повышения уровня межэтнического противостояния.

В июле 1988 г. армяне Нагорного Карабаха попытались реализовать свое право на самоопределение, 12 июля областной совет Нагорного Карабаха заявил о выходе из состава Азербайджанской ССР, 18 июля президиум Верховного Совета СССР принял постановление, в соответствии с которым переход Нагорно-Карабахской автономной области под юрисдикцию Армянской ССР был невозможен.

После очередного отказа ВС СССР на изменение политического статуса Нагорного Карабаха, между армянами и азербайджанцами начались военные столкновения, которые в итоге переросли в затяжной межэтнический конфликт. Такая ситуация потребовала вмешательства Москвы, в 1989 г. в Нагорно-Карабахской автономной области было введено прямое управление Москвой. Принятые меры по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта не дали результатов. Уже 1 декабря 1989 г. советами Армянской ССР и НКАО было принято Постановление о переходе НКАО под юрисдикцию Армянской ССР. В январе 1990 г. ВС СССР признал данное Постановление незаконным, и несоответствующим Конституции СССР.

В 1990 г. между армянами и азербайджанцами началось вооруженное столкновение, сопровождающееся боями с применением артиллерии. Союзные власти были вынуждены объявить в НКАО чрезвычайное положение 15 января 1990 г. Для урегулирования конфликта союзные власти провели операцию «Кольцо» в апреле-мае 1991 г., целью которой было разоружение незаконных армянских формирований.

Демократизация политической системы СССР и дальнейший его распад, безусловно, оказали влияние на дальнейшую ситуацию в зоне конфликта. 30 августа 1991 г. Азербайджанская ССР приняла декларацию о восстановлении независимой Азербайджанской республики, Нагорный Карабах вошел в состав республики. 2 сентября 1991 г. областные советы Нагорно-Карабахского и Шаумяновского районов совместно объявили о создании Нагорно-Карабахской республики в составе СССР. Это событие стало главной причиной конфликта между Арменией и Азербайджаном в 1991 – 1994 гг. 10 декабря 1991 г. в Нагорном Карабахе был проведен референдум по вопросу приобретения Нагорным Карабахом политической самостоятельности, 90 % населения проголосовало за независимость. Но руководство СССР и мировое сообщество не признали итоги референдума.

¹ История Нагорно-Карабахского конфликта – Биография и справки – ТАСС [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/info/8979501> (Дата обращения: 13.05.2021)

В декабре 1991 г. ситуация в зоне конфликта ухудшилась, это было связано с распадом СССР и выводом советских внутренних войск из зоны конфликта. 6 января 1992 г. военные силы Нагорно-Карабахской республики приняли декларацию «О государственной независимости Нагорно-Карабахской республики». С 1991 г. по 1994 г. продолжались вооруженные столкновения между Азербайджаном и Арменией на территории Нагорного Карабаха, обе стороны понесли большие потери, тысячи мирных жителей вынуждены были покинуть свои дома.

Из-за обострения армяно-азербайджанского конфликта в целом политическая обстановка на Южном Кавказе была нестабильной, что вызывало опасение у приграничных государств. Попытки мирного урегулирования конфликта предпринимались с 1991 г., когда в 23 сентября в Железноводске лидеры Армении и Азербайджана сели за стол переговоров при посредничестве России и Казахстана. В 1992 г. была сформирована Минская группа ОБСЕ, в состав которой входили 12 стран, сопредседателями стали США, Россия и Франция. Данные мирные инициативы не способствовали разрешению противоречий в армяно-азербайджанском конфликте. Только в 1994 г. при посредничестве Киргизии и России, представители Нагорного Карабаха, Армении и Азербайджана подписали Бишкекский протокол о прекращении огня. 9 мая Россия подготовила соглашение о бессрочном прекращении огня. В течение трех дней его подписали лидеры трех конфликтующих сторон. Официально соглашение вступило в силу 12 мая 1994 г.

После 1994 г. не раз случались локальные столкновения между военными азербайджанской армии и военным НКР. Стороны взаимно друг друга обвиняли в нарушении перемирия, обострилась ситуация в 2016 г., когда произошло столкновение между военнослужащими Армении и НКР и военнослужащими Азербайджанской стороны. Россия снова включилась в процесс мирного урегулирования конфликта и 5 апреля 2016 г. на встрече, проходившей в Москве, между представителями Азербайджана, Армении и НКР были достигнуты договоренности о прекращении огня на приграничной зоне. После принятия договоренностей конфликт пошел на спад, взаимные обвинения в нарушении режима прекращения огня продолжались, но вооруженные столкновения между военнослужащими Армении и НКР с военнослужащими Азербайджана носили точечный характер, и в целом обстановку в зоне конфликта в этот период можно назвать стабильной.

Столкновение позиций России и Турции в отношении конфликта в Нагорном Карабахе

В начале 1990-х гг. на фоне распада СССР Нагорно-Карабахская проблематика ушла из пристального внимания Кремля. В качестве основного направления либеральная Россия выбрала «дружбу» с Западом. К середине 1990-х гг. стало понятно, что на данном направлении Россия не достигнет поставленных результатов, и Россия снова активизировала свою деятельность на Южном Кавказе [3, с. 10]. Данный шаг был необходим, так как с ослаблением российских позиций на Южном Кавказе, свою деятельность активизировала Турецкая Республика, которая продвигала идею пантюркизма. На постсоветском пространстве образовались независимые тюркские государства: Азербайджан, Киргизстан, Туркменистан, Казахстан. Естественно, наибольший интерес для Турции представляет Азербайджан, так как это государство обладает большим запасом энергоресурсов [4, с. 82].

В начале армяно-азербайджанского конфликта Турецкая республика не выражала четкую позицию в отношении конфликта, и не предпринимала конкретных действий, так как опасалась ответной реакции со стороны СССР. После распада СССР Турция начала выстраивать партнерские отношения с Азербайджаном, и начала оказывать содействие в армяно-азербайджанском конфликте. Открыто Турция это делать не могла, так как эти действия могли повлечь за собой конфликт в российско-турецких отношениях, в которых главным вектором в этот период было энергетическое партнерства, которого Турция лишиться не могла [5, с. 193].

Во время президентства в Азербайджане Абульфаза Эльчибея в 1992 – 1993 гг., двусторонние отношения Турции и Азербайджана достигли наивысшего расцвета. А. Эльчибей придерживался пантюркистской политики, его политика привела к конфронтации с Россией. После возвращения к власти в Азербайджане Гейдара Алиева, политика Азербайджана стала умеренной в отношении России и Турции. Азербайджано-турецкое сотрудничество продолжалось, в отношении армяно-азербайджанского конфликта Турция по-прежнему придерживалась умеренной позиции [6, с. 53]. В 1993 г. Азербайджан попросил военной помощи у Турции, но Турция отказалась принимать прямое участие в Нагорном Карабахе. В феврале 1994 г.

президент Азербайджана в ходе визита в Анкару попросил у турецкого президента военных специалистов, для обучения азербайджанской армии, данная просьба была выполнена, но существенных результатов не принесла.

Новым периодом столкновения России и Турции на плацдарме Нагорного Карабаха стал 2020 год. Военные столкновения в Нагорном Карабахе начались 27 сентября 2020 г. В ходе этого столкновения Армения и Азербайджан бросают взаимные обвинения в развязывании боевых действий. Армения ввела военное положение и всеобщую мобилизацию, Азербайджан объявил о частичной мобилизации, и в некоторых местах было введено военное положение. Участие Москвы и Анкары в данном конфликте имеет разное проявление. Россия выступала в качестве миротворца и призывала обе стороны прекратить огонь и сесть за стол переговоров. 9 октября Российская сторона организовала площадку в Москве, где провели переговоры главы МИД Азербайджана и Армении, в ходе переговоров была достигнута договоренность прекратить огонь в Карабахе с полудня 10 октября, провести обмен пленными и телами погибших, а также дополнительно согласовать конкретные детали перемирия¹. В этот же день стороны нарушили перемирие.

Турция в рамках армяно-азербайджанского противостояния поддерживает Азербайджан, выступая за территориальную целостность государства. Российские СМИ заявляют, что Турция оказывает военную помощь Азербайджану, и она участвовала в подготовке конфликта. «Коммерсантъ» пишет, что сначала сентября увеличилось количество полетов военно-транспортной авиации Турции в Азербайджан. Во время боевых действий военные турецкие советники оказывали содействие азербайджанцам, а также командующий сухопутными войсками Умит Дюндар и министр обороны Хулуси Акар прибыли в Баку. Во многих российских СМИ встречается информация о том, что Турция помогала переправлять в Нагорный Карабах сирийских наемников, которые выступали на стороне Азербайджана. Участие сирийских боевиков в Нагорном Карабахе подтвердил глава СВР Сергей Нарышкин².

Армянское правительство попросило помощи у России, а именно заявило о необходимости введения Российских миротворцев в Нагорный Карабах, российская сторона в свою очередь, заявила о том, что она готова ввести миротворцев, если на это будут согласны и Армения, и Азербайджан.

Карабахская проблема обостряет российско-турецкое взаимодействие, стороны находятся в противоположных лагерях. Россия призывает стороны к мирному урегулированию конфликта, а Турция в свою очередь оказывает помощь Азербайджану для дальнейшей эскалации армяно-азербайджанского конфликта [7, с. 43]. В рамках данного противостояния, Турция стремится распространить свое влияние на Южном Кавказе, победа Азербайджана будет означать победу Турции над Россией в этом регионе. Российская Федерация не может допустить победы Азербайджана, так как Россия и Армения связаны союзническими отношениями. Азербайджан является торговым партнером для России, поэтому Россия старается лавировать между Арменией и Азербайджаном, чтобы не потерять торгового партнера, а также избежать конфликта со своим союзником. 7 ноября 2020 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров и министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу в телефонном режиме обсудили ситуацию в Нагорном Карабахе. До этого президенты России и Турции также обсуждали ситуацию в Нагорном Карабахе по телефону, где Российский президент проинформировал турецкого президента Реджепа Эрдогана о проведении телефонных разговоров с лидерами Азербайджана и Армении, которые ориентированы на поиск вариантов урегулирования конфликта.

9 ноября 2020 г. президенты России, Азербайджана и премьер-министр Армении подписали соглашение о прекращении боевых действий в Нагорном Карабахе. Обе стороны конфликта признали необходимость размещения в зоне конфликта Российских миротворцев.

10 ноября 2020 г. было подписано трехстороннее соглашение Президентом России, президентом Азербайджана и премьер-министром Армении о прекращении огня и всех военных действий в зоне конфликта. В соответствии с подписанным соглашением, российские миротворцы

¹ Нарышкин рассказал об участии турецкой разведки в событиях в Карабахе Турции [Электронный ресурс: РИО Новости] Режим доступа: <https://ria.ru/20201106/karabakh-1583330809.html> (Дата обращения 07.11.2020 г.).

² Принуждение к конфликту Источники “Ъ” рассказали, как Турция готовила почву для обострения в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс: КоммерсантъЪ] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4537733?id1962787> (Дата обращения 18.10.2020 г.).

должны присутствовать на территории Нагорного Карабаха в течение 5 лет, если Армения и Азербайджан по истечению 5-ти летнего срока не решат отменить соглашение, то автоматически срок пребывания российского миротворческого контингента продлевается еще на 5 лет.

30 января 2021 г. начал работу Совместный российско-турецкий центр по контролю за прекращением огня и всех военных действий в зоне конфликта в Нагорном Карабахе, который располагается на территории Азербайджана.

В контексте нагорно-карабахской проблематики взаимодействие России и Турции осложнено, в данный момент Россия обладает большим влиянием, в отличие от Турецкой республики, и несмотря на заявления Азербайджана о том, что Турция для него является стратегическим партнером, в зону конфликта турецкие военные не имеют доступа. Это факт говорит об успехе Российской дипломатии на Южном Кавказе, и о преимуществе над Турцией. Турецкая республика в свою очередь не упускает возможности быть причастной к процессу мирного урегулирования, и старается держать на контроле ситуацию вокруг Нагорного Карабаха через российско-турецкий центр [8, с. 27].

Основные выводы

Проанализировав историю армяно-азербайджанского конфликта и процесс его мирного урегулирования можно определить дальнейшие тенденции развития взаимодействия Азербайджана и Армении, а также развитие российско-турецких отношений в области данной проблематики.

По итогу конфликта Азербайджанская сторона оказалась в более выгодном положении, она смогла получить часть территории Нагорного Карабаха. Президент Азербайджана Ильхам Алиев заявляет, что конфликт урегулирован, и причин для его новой эскалации нет. В целом перемирие шаткое, так как Армянскую сторону итоги соглашения не удовлетворяют. На сегодняшний день Армения не смогла выстоять в данном противостоянии, и ей пришлось принять условия соглашения. Официальная позиция Армении сводится к принятию соглашения, но в связи с длительностью конфликта, есть вероятность, что Армения заняла выжидательную позицию, и сейчас нужно время для аккумуляции сил, чтобы в будущем присоединить территории, которые были в составе НКО и восстановить свои позиции на Южном Кавказе.

В рамках Нагорно-Карабахской проблематики, Россия и Турция стараются повысить собственный статус на Южном Кавказе. Пока Россия на данном направлении имеет больше успехов, чем Турецкая республика. Турция будет продолжать поддерживать Азербайджан, чтобы не потерять влияния в регионе. Россия в свою очередь лавирует между Азербайджаном и Арменией, но при возникновении военного столкновения приоритетом российской стороны будет роль посредника. Россия и Армения являются членами ОДКБ, и по уставу, данной организации, если одна из стран участниц договора коллективной безопасности, вступает в боевой конфликт, то остальные страны, участники договора коллективной безопасности, как страны союзники, должны будут принять участие в защите национальной безопасности страны подвергшейся агрессии. И в случае прямого ввода войск Турции на территорию Армении, может возникнуть прямое военное столкновение России и Турции.

И для Турции, и для России Южный Кавказ является сферой интересов, на сегодняшний день прямое столкновение России и Турции в данном регионе маловероятно, но столкновение возможно через участие в конфликтах региона Южного Кавказа.

Литература

1. Ибрагимов А.Г. Нагорно-Карабахский конфликт: предыстория, развитие, последствия // Постсоветские исследования. Т. 1. № 2. 2018. С. 147 – 154.
2. Акопян А.А. Нагорно-Карабахский конфликт: причины и предпосылки «реанимации» конфликта // В сборнике: IX Южно-Российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности». Материалы Всероссийской конференции с международным участием. 2019. С. 226 – 228.
3. Сулейманов Э., Эвоян Л. Две позиции в Нагорно-Карабахской войне: Россия и Турция (1990 – 1994 гг.) // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 4. С. 7 – 24.
4. Омаров В.А.О., Гусейнов С.Я.О. Межгосударственные отношения на Южном Кавказе // Научный вектор Балкан. 2019. Т. 3. № 1 (3). С. 81 – 84.
5. Мамедов З.В. Армяно-азербайджанские отношения и нагорно-карабахский конфликт (к истории вопроса) // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 191 – 194.

6. Ароян А.С., Григорян Д.К., Веренич И.Г., Соколов Н.Н. Межэтнические конфликты и региональные политические элиты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4 (95). С. 50 – 55.
7. Гаспарян М.Л. Геополитическая составляющая Нагорно-Карабахского конфликта // Закон и власть. 2020. № 1. С. 41 – 45.
8. Григорян Д.К., Ароян А.С., Веренич И.Г. Роль политических элит в гармонизации межнациональных отношений // Философия права. 2018. № 2 (85). С. 25 – 29.

Grigoryan David Kromvelovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Politology and Ethno Policy, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation);

Senior Lecturer of the Department of Criminalistics and Operational-Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (83, Eremenko St., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation).

E-mail: davo-davo23@mail.ru

ANALYSIS OF THE ARMENIAN-AZERBAIJANI CONFLICT AS A PLATFORM FOR CONFRONTATION BETWEEN THE RUSSIAN AND TURKISH ELITES

Abstract

Due to the presence of a wide ethnic composition in the post-Soviet space, ethnopolitical conflicts periodically arise. One of the protracted ethno-political conflicts is the Armenian-Azerbaijani conflict, which aggravates the political situation in the South Caucasus. In 2020, the conflict in the territory of Nagorno-Karabakh escalated, and the contradictions between the Nagorno-Karabakh Republic and Azerbaijan flared up with a new force. The main subjects of the conflict settlement were Russia and Turkey. For Russia and Turkey, control of the political situation in the South Caucasus is a necessary condition for influence in the South Caucasus. Inter-ethnic conflicts occurring in the South Caucasus also determine Russian-Turkish cooperation.

Keywords: Nagorno-Karabakh Republic, Russia, Azerbaijan, Turkey, Armenia, peaceful settlement, ethno-political conflict, interethnic confrontation, peacemakers.

References

1. Ibragimov A.G. Nagorno-Karabakhskij konflikt: predystoriya, razvitie, posledstviya // Postsovetskie issledovaniya. T. 1. № 2. 2018. P. 147 – 154.
2. Akopyan A.A. Nagorno-Karabakhskij konflikt: prichiny i predposylki «reanimacii» konflikta // V sbornike: IX YUzhno-Rossiiskij politologicheskij konvent «Lidery, gruppy, massy: ros-sijskaya politiya i vyzovy sovremennosti». Materialy Vserossiiskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2019. P. 226 – 228.
3. Sulejmanov E., Evoyan L. Dve pozicii v Nagorno-Karabakhskoj vojne: Rossiya i Turkiya (1990 – 1994 gg.) // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2012. T. 15. № 4. P. 7 – 24.
4. Omarov V.A.O., Gusejnov S.YA.O. Mezhdunarodnyye otnosheniya na YUzhnom Kavkaze // Nauchnyj vektor Balkan. 2019. T. 3. № 1 (3). P. 81 – 84.
5. Mamedov Z.V. Armyano-azerbajdzhanskije otnosheniya i nagorno-karabakhskij konflikt (k istorii voprosa) // Vestnik VEGU. 2014. № 1 (69). P. 191 – 194.
6. Aroyan A.S., Grigoryan D.K., Verenich I.G., Sokolov N.N. Mezhetnicheskie konflikty i regional'nye politicheskie elity // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 4 (95). P. 50 – 55.
7. Gasparyan M.L. Geopoliticheskaya sostavlyayushchaya Nagorno-Karabakhskogo konflikta // Zakon i vlast'. 2020. № 1. P. 41 – 45.
8. Grigoryan D.K., Aroyan A.S., Verenich I.G. Rol' politicheskikh elit v garmonizacii mezhnacional'nyh otnoshenij // Filosofiya prava. 2018. № 2 (85). P. 25 – 29.

ПЕРЕКОМПОЗИРОВАНИЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Денисенко Иван Федорович	кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой «Государственное и муниципальное управление», Ростовский государственный университет путей сообщения (344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2). E-mail: dif_gmu@rgups.ru
Тованчова Елена Николаевна	кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление», Ростовский государственный университет путей сообщения (344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2). E-mail: Just_ien@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с перспективами нашей цивилизации и вектором её развития. Авторы анализируют проблемы развития мировой политики и международных отношений, состояние политических, экономических, военных, и дипломатических взаимосвязей между Соединёнными Штатами Америки и Российской Федерацией и трактовки будущей картины мира в условиях глобализации. В статье рассматриваются новое мировое устройство, обозначаются векторы развития многополярного мира, пришедшего на смену однополярного. Новый этап глобализации определяет новых субъектов-сверхдержав, способных противостоять кризисам и конкурентам.

Ключевые слова: Россия, США, НАТО, распад СССР, расширение НАТО на Восток, глобализация, политическая элита, санкции, политическая система, политическая элита, политическая власть, доминирование, многополярный мир, конкуренция.

В научном сообществе и в мире политики уже не одно десятилетие ведётся активная дискуссия по поводу будущего мироустройства и места в нём таких стран, как Соединённые Штаты Америки, Китай, Индия, и, конечно же, Россия. Не вступая в полемику с авторами многочисленных геополитических парадигм, следует учитывать то обстоятельство, что Соединённые Штаты Америки, оставшись после распада Советского Союза практически единственной сверхдержавой, получили возможность диктовать единолично свои условия мировому сообществу. Это сформировало и закрепило в сознании американской политической элиты устойчивую привычку позиционировать себя единственными хозяевами мира, диктовать свою волю странам не способным противостоять их давлению, вводить экономические санкции, организовывать «цветные революции» и даже осуществлять военные агрессии в отношении суверенных государств.

Политические события, произошедшие только в течение первых двух десятилетий XXI века в Ираке, Грузии, Ливии, Египте, Сирии, Украине, Белоруссии и других странах, наглядно подтверждают, что власти США и некоторых стран Европы в осуществлении международной политики широко используют практику двойных стандартов, руководствуются, так называемой, теорией предвзятого плюрализма, действуя исключительно в своих интересах, которые почти никогда не совпадают с интересами большинства [1].

За прошедшие три десятилетия после распада СССР произошло кардинальное переформатирование всей мировой системы. Западом были упущены или сознательно проигнорированы исторические возможности, когда Россия предлагала целый ряд инициатив по объединению европейского континента и даже Евразии на основе равноправия всех государств и прекращения или, как минимум, ограничения деятельности блока НАТО. Но, несмотря на все заверения, этого не произошло. Сначала под предлогом защиты от иранской угрозы, а потом уже особо и не скрывая своих намерений в отношении России, военно-политический блок наращивает свой военный контингент и вооружения, проводит военные учения в непосредственной близости от российских границ и даже размещает системы противоракетной обороны в Румынии и Польше.

В этой связи следует напомнить предвыборную позицию будущего 45-го Президента США Дональда Трампа, который своими заявлениями по поводу НАТО посеял позитивные ожидания в мировом сообществе, но, которым так и не суждено было сбыться. Он чётко обозначил своё видение будущего мироустройства, роль в международной политической архитектуре Европейского Союза и НАТО, ориентиры будущей международной политики США в случае его избрания и отношение к России и её политическому руководству.

Многие государственные деятели, политологи, обозначали новый вектор развития в международных отношениях, утверждая, что наступает новая эра международных отношений, которая в значительной степени продиктована необходимостью сохранения мира на земле и приходом во власть политиков, востребованных временем, в числе которых может оказаться и Д. Трамп. И даже при частичном сохранении позиций, им анонсированных, в мире могут произойти перемены, дающие возможность мировому сообществу для построения многополярного, обеспечивающего равноправное сосуществование и сотрудничество для большинства стран и народов. К сожалению, только в течение одного срока пребывания на посту президента этим, несомненно, ярким, но неоднозначным политическим деятелем, надежды не только его избирателей, но и мирового сообщества не оправдались.

Это только подтверждает позицию многих политологов о том, что НАТО для Соединённых штатов Америки – это краеугольный камень всей их стратегической системы, основа американской военной мощи в современном мире. Поэтому обсуждая проекты будущего мирового порядка и место России в мировом сообществе, политологи и политические деятели в формулировании своей позиции должны исходить из того, что США не планируют уменьшать влияние как политическое, так и экономическое, в Европе. Что касается европейских политических элит, находящихся сегодня у власти, то они в значительной степени заинтересованы в их присутствии, как минимум, по двум причинам. Во-первых, в современном мире необходимо иметь систему безопасности, а во-вторых, Америка, преследуя свои геополитические интересы, оплачивает значительную часть расходов НАТО, что позволяет европейским странам экономить на своей обороне.

Понятно и другое: сложившаяся система позволяет США быть хозяином положения в блоке, который объединяет 28 стран, управлять и держать под контролем практически всю Европу. Поэтому НАТО – это структура, которая им совершенно необходима. Что же касается разговоров об отношениях, тем более сотрудничестве, России и НАТО, то никаких иллюзий по этому поводу ни у кого не должно возникать. Речь может идти только о некоем диалоге, направленном на предотвращение опасных ситуаций и защиту стратегических интересов России [2].

Сегодня активная полемика ведётся по поводу глобализации 2.0. Вместе с тем, ведя споры о наличии, пользе и вреде глобализации и т. д., следует исходить из того, что глобализация является объективным процессом, который стал следствием всего исторического развития человеческой цивилизации, а он связан с концентрацией производительных сил и с всё большей зависимостью людей друг от друга [3]. В большинстве стран мира значительная часть товарооборота осуществляется не для внутреннего, а для внешнего потребления, что порождает ожесточённую борьбу за технологии и рынки сбыта. И в этой борьбе используются приемы, и правила порой далёкие от этических норм и норм права. Поэтому очень важно понимать, что глобализация – это процесс объективный, но при этом надо иметь в виду, что определение целей, смысла и способов глобализации – это процесс субъективный и зависит он во многом от самих глобалистов.

В этой связи показательными являются различного рода санкции, и, так называемые, «цветные» революции, проводимые Соединёнными Штатами Америки в отношении стран, чья внешняя и внутренняя политика не соответствует их интересам. Как известно, к нашим дням теории революций и государственных переворотов прошли путь от политического искусства – к политическим технологиям [4].

К сожалению, путь «цветных революций», в результате которых частично или полностью поменялась или перешла в хаотическое состояние политическая система, прошли и проходят с помощью «старших товарищей» только такие государства – бывшие советские республики, как Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Украина, Беларусь.

От опасности установления именно такого миропорядка во главе с США предостерегают мировое сообщество многие современные теоретики политической науки и политики. «Достаточно посмотреть на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Уже очевидно, что возникший в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки вакуум власти привёл к образованию зон анархии, которые немедленно стали заполняться экстремистами и террористами. Под знамёнами так называемого «Исламского государства» уже воюют десятки тысяч боевиков. В их числе бывшие иракские военнослужащие, которые в результате вторжения в Ирак в 2003 г. были выброшены на улицу. Поставщиком рекрутов является и Ливия, чья государственность была разрушена в результате грубого нарушения резолюции 1973 Совбеза ООН»¹.

¹ Выступление Президента РФ В.В. Путина на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28.09.2015.
<http://www.aif.ru>

Рассмотрим основные геополитические векторы, влияющие на расстановку сил в новом многополярном мире:

1. Картину близкую к неуправляемому хаосу напоминает ситуация, сложившаяся в США в связи с двумя последними выборами президента, которые политологи многих стран называют самыми грязными в истории Америки. Страна, а вернее её политическое руководство, продемонстрировало полное несоблюдение тех демократических принципов, отсутствием которых долгие годы упрекало многие страны, и, особенно Россию. Весь мир имел возможность наблюдать за непозволительным поведением кандидатов в президенты в ходе предвыборной кампании, сопровождавшейся обвинениями в коррупции, обнародованием непроверенных фактов из жизни противника и взаимными публичными оскорблениями. А продолжением демонстрации «демократических» принципов стало применение непрозрачных технологий и фальсификации при подсчёте голосов избирателей, приведших к протестным действиям и даже захвату Капитолия.

Привыкшая управлять за тысячи миль от своих границ, к началу третьего десятилетия XXI века Америка вдруг сама стала самой горячей точкой на планете. Города США захлестнули митинги, шествия и даже погромы, в ходе которых участники подвергали осквернениюobelisks и памятники, национальные флаги и вступали в столкновения со стражами порядка. А представителями чернокожего населения была объявлена настоящая война власти белых, в ходе которой предъявлялись требования компенсации за вековое рабство своих предков.

2. Несмотря на более позднее распространение, чем в Европе, ещё одним испытанием для многим кажущейся стабильной политической системы США стал коронавирус. Подлинная ситуация с его распространением показала полную неготовность органов управления к противостоянию с этой общемировой бедой. Изготовление врачами защитной одежды из пакетов для мусора, нехватка защитных масок, медицинского оборудования и больниц обнажили несостоятельность системы здравоохранения, где ведущая роль принадлежит страховым и фармацевтическим компаниям.

3. Шагом, значительно осложнившим отношения между Россией и США, стал односторонний выход Америки из Договора о ракетах средней и меньшей дальности. В этой связи, позицию России в отношениях с США обозначил Президент Российской Федерации В.В. Путин, охарактеризовав разрыв договора, как самый острый вопрос в российско-американских отношениях. При этом он напомнил о том, что Соединённые Штаты Америки проводят в отношении России недружественную политику, игнорируют её законные интересы, постоянно организуют различные антироссийские акции и необоснованно называют её главной угрозой для США.

4. Подтверждением политики, направленной на разрушение сотрудничества на конструктивной основе, стал также односторонний в ноябре 2020 г. выход США из договора «Открытое небо», который был подписан еще в бытность президента Буша старшего и действовал с 1992 г. Членами соглашения являются почти все страны Европы и Канада (около 30 государств). Россия выдвинула конкретные предложения, которые могли бы сохранить договор, однако вместо поддержки её усилий, партнёры Америки по НАТО заняли пассивную позицию, по сути, ожидая уступок от России. А это означает, что, сохраняя своё участие в договоре, она, таким образом, позволит странам НАТО собирать информацию о вооружённых силах и инфраструктуре и передавать её Америке.

Выход из договора, заключённого с целью укрепления доверия между странами, – это ничем не прикрытое желание Соединённых Штатов Америки, не являясь его участником, получать любую информацию о военном потенциале Российской Федерации с помощью стран НАТО. Эти намерения подтверждаются и тем, что оставшиеся в договоре страны не смогли дать письменных, юридически оформленных гарантий, что не будут передавать США информацию о полётах над Россией. Безусловно, подобное поведение подрывает доверие, не обеспечивает транспарентность в отношениях между странами и разрушает саму идею, которая лежит в основе договора.

5. Политика США под видом продвижения демократии очень чётко прослеживается на судьбе уже упомянутых государств. При этом Россия рассматривается, как страна, стремящаяся распространять авторитарные режимы по всему миру, и, которая выступает против демократии. Некоторые политические деятели даже заявляют, что США ничего не имеют против России, а то, чем Америка занимается – это отстаивание демократии и прав человека.

Насколько серьёзно можно оценивать описание политики Соединённых Штатов Америки по отношению к России и их позиционирование как защитника демократии, показывают примеры практической деятельности этой страны. В качестве примера можно вспомнить установленную в мае 2003 г. президентом США Джорджем Бушем младшим «демократию» и объявление

об освобождении от тоталитарного режима Ирака. Война, которую Америка развязала в этой стране под видом продвижения демократии, исчисляется сотнями тысяч жертв, а итогом нового правления стало создание исламского государства.

Всем ещё памятна и демократия в Ливии, которая устанавливалась с помощью бомбардировок страны и жестокого убийства под восторженные возгласы теперь уже бывшего Государственного Секретаря США Хиллари Клинтон руководителя Ливии Муаммара Каддафи. А как результат – разрушено одно из стабильных и самодостаточных государств Северной Африки, сотни тысяч беженцев и потоки оружия и незаконных формирований в страну.

6. Продвижение инфраструктуры НАТО в Европе и поставки летальных вооружений Украине преподносится как очень важный фактор демонстрации того, что нынешний курс России на Украине является бесперспективным, и, что если она не изменит свою политику в отношении Донбасса, то ей придётся платить (по заявлению официальных лиц США) большую цену.

Хотелось бы надеяться, что у политиков США и некоторых стран Запада хватит здравого смысла не поддерживать экстремистские идеи, связанные с осуществлением военного сценария урегулирования конфликта на Донбассе. Опасность такого развития событий связана с тем, что существует позиция, неоднократно излагаемая американскими политологами, которая предполагает, что Украина близкая к России делает её великой, а Россия, оторванная от Украины, не представляет какого-либо глобального значения. В этой связи является весьма актуальным высказывание Президента Российской Федерации В.В. Путина о том, что те, кто будет пытаться развязать войну на Донбассе, разрушат Украину.

Со сменой верховной власти, США, как никогда, взвинтили градус конфронтации с Россией. Избранный президентом Америки Д. Байден в своей агрессивной риторике дошёл до того, что объявил Президента Российской Федерации убийцей и уклонился от последовавшего в ответ предложения В.В. Путина поговорить в прямом эфире и разобраться в сложившейся ситуации. Российское руководство было вынуждено пригласить своего посла в Москву для консультаций с Министерством иностранных дел, Государственной Думой, Советом Федерации и Администрацией Президента РФ, проведения объективного анализа отношений, сложившихся между Россией и США, и формулирования соответствующих выводов.

Всё это происходит на фоне наращивания материальной инфраструктуры конфронтации, продвижения НАТО на Восток и постоянного присутствия его войск в Прибалтике, Норвегии и Польше. Противоракетные системы двойного действия сооружены в Европе и уже никто из руководителей США не говорит о том, что они направлены против Ирана. Это однозначно анонсируется как глобальный проект, призванный сдерживать Россию. Подобные процессы идут и в азиатско-тихоокеанском регионе, и в этом случае тоже никто даже не пытается делать вид, что эти меры принимаются против Северной Кореи. Несомненно – это глобальная система, призванная обеспечить глобальные претензии Соединённых Штатов Америки на абсолютное доминирование в мире.

Линия, которую ведут Соединённые Штаты Америки в отношении Российской Федерации, не имеют шансов на успех. Это не новелла, которая появилась с избранием на пост президента Америки Д. Байдена. Применение к России санкций, недружественная риторика, попытки политического и экономического давления продолжают много лет, а с 2013 г. они приобрели гипертрофированный, идеологизированный характер. И, если современные американские аналитики считают, что результаты этой недружественной политики, которая значительно активизировалась за последние десять лет, подтверждают правоту их выбора на продолжение этой линии, то будущее этой политики бесперспективно.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил: «Россия хочет иметь полноценные, равноправные и дружеские отношения с США. Россия никому не угрожает, а все наши действия в сфере безопасности носят исключительно ответный, а значит оборонительный характер. Хочу вновь подчеркнуть: для устойчивого и долгосрочного развития нам нужен мир. И вся работа по повышению обороноспособности имеет только одну цель: она направлена на обеспечение безопасности страны и наших граждан, чтобы никто не только не мог помыслить об агрессии против России, но даже о том, чтобы попытаться использовать методы силового давления в отношении нашей страны»¹.

Возвращаясь к вопросу о модели будущего мироустройства, следует согласиться с мнением многих зарубежных и отечественных учёных и политологов о том, что в ближайшем будущем

¹ Выступление Президента РФ В.В. Путина на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28.09.2015.
<http://www.aif.ru>

в вопросах определения вектора международной политики государствам мира всё-таки придётся считаться не только с Соединёнными Штатами Америки, но и с Россией, Китаем, Индией и рядом других стран. А для того чтобы Америка не смогла осуществить свои далеко идущие планы по захвату мировой власти, необходимо выработать и чётко соблюдать такую концепцию миропорядка, которая бы противостояла американской и не позволила бы США придать миру облик, соответствующий только их национальным интересам.

Резюмируя сказанное, подчеркнем:

1. За 21 век произошло несколько проб на геополитическую устойчивость России, что привело к декомпозиции роли России в современном мире.
2. В глобальном контексте идет перестройка взаимоотношений ведущих стран учредителей ООН, которая фиксируется в современной политической риторике как переход от однополярного к многополярному миру. Основу мировой многополярности образуют локально-цивилизационные субъекты: Запад, Россия, Китай, Индия и, пока еще аморфное, ядро исламской цивилизации.
3. Наиболее динамично происходит развитие многополярных субъектов нового мира – России и Китая, которым США все более отчетливо отводит роли своих глобальных конкурентов. Россия и Китай в этих условиях постепенно сближают свои мирополитические и геополитические позиции, намечается их альянс.
4. Привычный эволюционный ход мирополитических событий существенно деформировался в связи с пандемией COVID-19. В этих условиях Россия и Китай существенно укрепили свое влияние, что усилило также агрессивность и провокативность США, а также его союзников и увеличило риски острых глобальных конфронтаций.

Литература

1. Жирохов М.А. Семени распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. 677 с.
2. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 765 с.
3. Старостин А.М. Стратегические направления современной глобальной динамики: междисциплинарный ракурс / В колл. моногр. «Глобальные вызовы современного развития экономических систем: новые риски и приоритеты». Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 174 – 186.
4. Зыкин Д. Перевороты и революции: зачем преступники свергают власть. СПб.: Питер, 2016. 240 с.

Denisenko Ivan Fedorovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Management, Rostov State University of Railways (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation). E-mail: dif_gmu@rgups.ru

Tovanchova Elena Nikolaevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Rostov State University of Railways (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation). E-mail: Just_ien@mail.ru

RE-COMPOSING PEACE-POLITICAL RELATIONS AND SOCIO-POLITICAL ROLES IN TODAY'S GLOBAL WORLD

Abstract

The article deals with issues related to the prospects of our civilization and the vector of its development. The author analyzes problems of development of world politics and international relations, as political, economic, military, and diplomatic relationships between the United States of America and the Russian Federation and interpretation of the future of the world picture in the context of globalization. The article examines the new world order, identifies the vectors of development of the multipolar world that has replaced the unipolar one. The new stage of globalization defines new actors-superpowers that can withstand crises and competitors.

Keywords: Russia, the United States, NATO, the collapse of the USSR, the expansion of NATO to the East, globalization, political elite, sanctions, political system, political elite, political power, domination, multipolar world, competition.

References

1. ZHirohov M.A. Semena raspada: vojny i konflikty na territorii byvshego SSSR. SPb.: BHV-Peterburg, 2012. 677 p.
2. Glaz'ev S.YU. Ryvok v budushchee. Rossiya v novyh tekhnologicheskoy i mirohozyajstvennom ukladah. M.: Knizhnyj mir, 2018. 765 p.
3. Starostin A.M. Strategicheskie napravleniya sovremennoj global'noj dinamiki: mezhdisciplinarnyj rakurs / V koll. monogr. «Global'nye vyzovy sovremennogo razvitiya ekonomicheskikh sistem: novye riski i prioritety». Rostov n/D.: Izd-vo RGEU (RINH), 2019. P. 174 – 186.
4. Zykin D. Perevoroty i revolyucii: zachem prestupniki svergayut vlast'. SPb.: Piter, 2016. 240 p.

МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

**Макаров
Алексей
Владимирович**

аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1). E-mail: am555@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования и достижения глобального лидерства в научно-образовательной сфере, а также факторы, которые влияют на занятие высоких конкурентных позиций. В процессе исследования отдельный акцент сделан на изменении современной парадигмы глобального лидерства, которая предусматривает переориентацию на интеллектуальные ресурсы и усиление роли научных разработок, инноваций, системы подготовки и обучения будущего поколения. Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная модель глобального лидерства в научно-образовательной сфере является динамичной, основанной на разных функциональных зонах и характеризуется широкой субъектной диспозицией. На основании полученных результатов в статье предложена модель глобального лидерства в научно-образовательной сфере, которая базируется на трех составляющих: лидерство университетов, научно-образовательная инфраструктура и образовательные ТНК.

Ключевые слова: образование, наука, конкуренция, модель, лидерство, общественная жизнь, глобальное развитие общества, лидерские позиции, научно-образовательная сфера.

XXI век характеризуется усилением глобализационных процессов, обуславливающих трансформацию всех отраслей общественной жизни, которая в свою очередь сопровождается обострением конкурентной борьбы на разных уровнях, быстрой сменой рыночных позиций, значительным расслоением конкурентной среды, изменением правил и методов ведения конкуренции [1]. В современных высококонкурентных условиях важной задачей для стран становится достижение не просто высоких темпов развития, а лидерских позиций, которые сами по себе уже выступают инструментом конкурентной борьбы.

В основе современного понимания глобального лидерства лежит восприятие его как многоаспектного, разноуровневого, факторно- и функционально детерминированного феномена [2]. В условиях качественных технологических сдвигов, в частности, сверхдинамичных цифровых преобразований, информатизации экономических систем, социализации и экологизации, глобальный успех и постоянный прогресс бизнес-организаций, стран и регионов обеспечивает, прежде всего, интеллектуальное лидерство, которое находит свое непосредственное проявление в занятии передовых позиций в научно-образовательной сфере.

Обозначенные выше факты позволяют утверждать, что в современных условиях значимость научно-образовательной сферы, как составляющей лидерства, приобретает новое содержание, что, в свою очередь, требует проведения детального исследования ее природы и факторов влияния.

Вопросы лидерства освещаются в работах многих исследователей, принадлежащих к разным научным школам. Так, концептуальные аспекты лидерства, его формы, параметры и особенности рассматриваются в трудах Richard Milner, Kofi Lomotey, Tian Meng, Huber Stephan Gerhard, Голубцова Н.В., Нищёнкова А.В., Фёдорова О.В.

Роль интеллектуальных факторов, значение научного и образовательного потенциала в достижении конкурентоспособности национальных экономик и обеспечении их лидерства в глобальном масштабе детально проанализированы Dugan, J. P.; Leuci, M.S.; Hodge, S.; Tharp, S.; Тетерятниковым К.С., Камоловым С.Г., Елисеевой П.В.

Однако сложность и дискуссионность понятия лидерства, с одной стороны, а также динамическая изменчивость характеристик глобального развития общества – с другой, стимулируют углубление исследований в этой предметной области. Более фундаментального переосмысления требуют проблемы мотиваций и результативности стратегий лидерства в условиях обострения и изменения форматов конкуренции на глобальных рынках. В дополнительном обосновании нуждаются направления влияния интенсивных процессов интернационализации высшего образования на позиции страны в глобальном образовательном пространстве.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в исследовании ключевых основ глобального лидерства в научно-образовательной сфере, изучении его ключевых факторов, механизмов и детерминант.

Переход к шестому технологическому укладу происходит одновременно с выделением новых индикаторов и факторов конкурентоспособности стран. Причем эти факторы связаны не просто с человеческими ресурсами, в основе их находится интеллектуальная деятельность, ее результаты в виде новейших достижений и технологий. Весомость образовательной и научной составляющей лидерства приобретает новый смысл в современных условиях [3]. Происходит формирование глобального научно-образовательного пространства, участники которого связаны многоуровневой системой институциональных, организационно-экономических и социально-гуманитарных отношений с жесткой конкуренцией и постоянными изменениями в диспозиции.

Как следствие складывающаяся модель глобального лидерства в научно-образовательной сфере является динамичной, основанной на разных функциональных зонах и характеризуется широкой субъектной диспозицией.

Принимая во внимание комплиментарность интеллектуально-знаниевых и финансовых ресурсов конкурентоспособности на рынке образовательных услуг, на рис. 1 представлена разработанная автором модель глобального лидерства в научно-образовательной сфере.

Лидерство университетов. В условиях обострения международной конкурентной борьбы высокоразвитыми странами мира создаются и активно поддерживаются мощные университеты, которые формируют интеллектуальный капитал нации, способствуют системной интеграции образования, науки и трансферу технологий в производство. Именно университеты занимают сегодня едва ли не самое важное место в системе проведения научных исследований, выступают основным источником конкурентных преимуществ стран - ключевых инноваторов, играют решающую роль в формировании и функционировании национальных и региональных инновационных систем.

О ключевой роли университетов в усилении международных позиций страны в научно-образовательной сфере и как следствие в формировании и воспроизводстве человеческого капитала, наращивании инновационного и технологического потенциала экономической системы, свидетельствуют многие исследования, связанные с изучением эволюции университетов США, Японии, Китая, стран Европы и т.д. [4; 5] Особую миссию и значимость университетов в обеспечении инновационного развития, наравне с властью и бизнесом, подчеркивают известные экономисты Etzkowitz H., Leydesdorff L. в концепции тройной спирали «университет - бизнес - государство». В указанной модели процесс создания и капитализации образовательного потенциала, научного задела основывается на формировании взаимоотношений между всеми участниками образовательного пространства, которые до сих пор функционировали относительно самостоятельно, а значит, происходит их системное упорядочение и функциональная конвергенция [6].

С учетом вышеизложенного, можно выделить комплекс ключевых компонентов, которые оказывают непосредственное влияние на позиционирование университетов в качестве ведущих участников в глобальной научно-образовательной среде, и которые помимо всего прочего вносят свой вклад в обеспечение качества социально-экономического развития страны в целом.

1. Разработка и усовершенствование стандартов качества образовательных продуктов и услуг.
2. Использование качества образования в интересах реализации политики на уровне государства, региона, предприятий, отдельных социальных групп.
3. Активное внедрение методов и инструментов, а также приемов повышения квалификации, деловых навыков, профессиональной подготовки граждан в соответствии с актуальными запросами времени.
4. Управление качеством в сфере научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ.
5. Содействие международному академическому обмену, интернационализации научно-образовательного потенциала, глобализации образовательного пространства.
6. Аккредитация, сертификация и контроль за деятельностью учебных заведений.
7. Содействие и интенсификация международному сотрудничеству, участие в профессиональных сетях и группах.

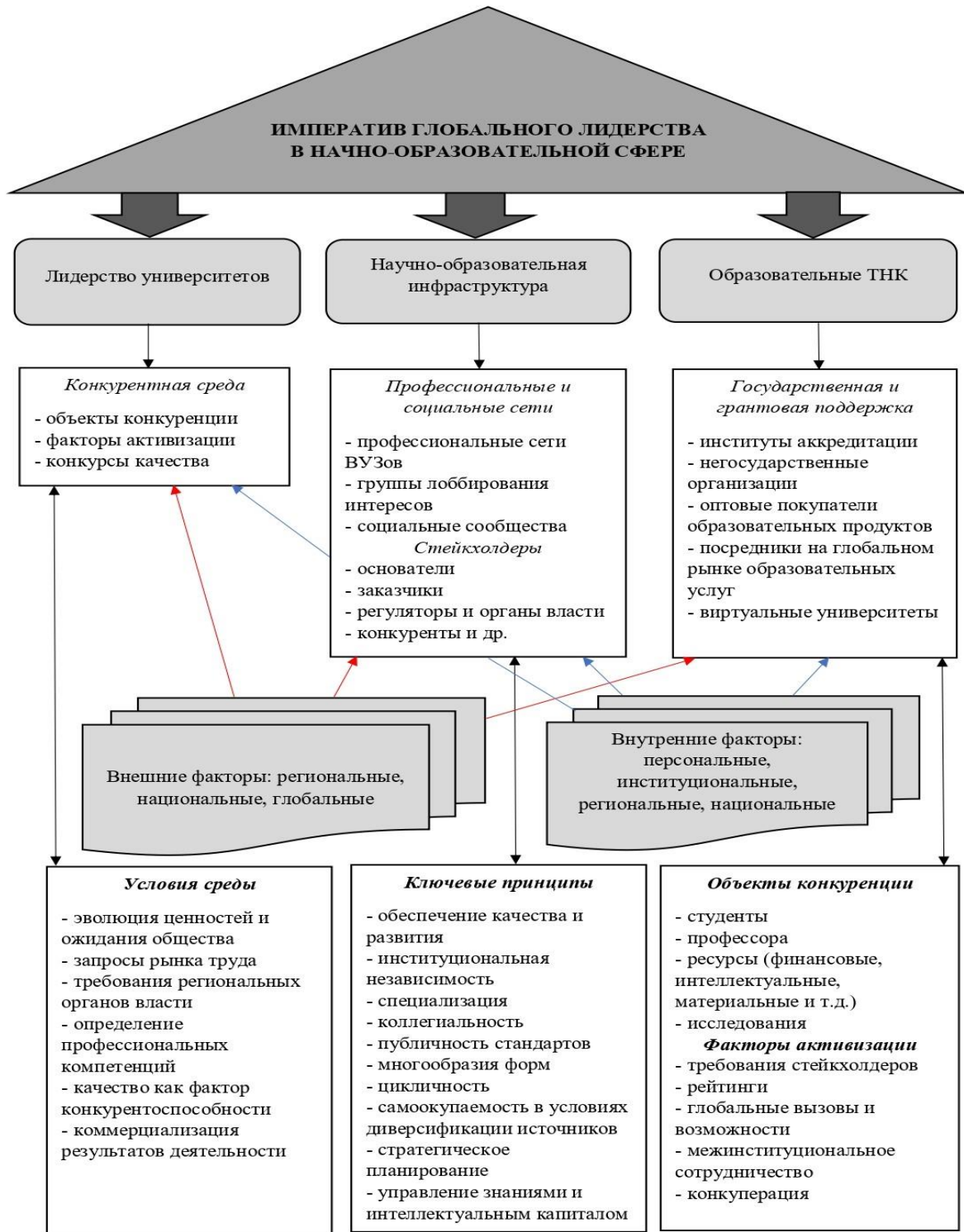

Рис. 1. Модель глобального лидерства в научно-образовательной сфере

Охарактеризуем более детально основные составляющие этой модели.

Научно-образовательная инфраструктура. Не подлежит сомнению тот факт, что обеспеченность современной, развитой инфраструктурой и рыночными институтами создает потенциальные возможности страны повышать и удерживать глобальную конкурентоспособность практически в любой сфере деятельности. На сегодняшний день общая стоимость функционирующей в мире инфраструктуры, всех ее видов и форм оценивается приблизительно в 50 трлн долл., что эквивалентно 2/3 мирового ВВП [7]. В то же время научно-образовательная инфраструктура не была оценена в денежном эквиваленте отдельно.

Составляющими, которые формируют научно-образовательную инфраструктуру, являются: здания и сооружения, музеи, библиотеки, лаборатории, микроскопы и телескопы, сенсоры, прочее лабораторное оборудование и т.д. В более расширенном виде она включает в себя помимо непосредственно институтов, относящихся к образовательной и научной сфере, также учреждения из государственного и финансового сектора, общественные организации, международные и глобальные агентства (см. рис. 2).

Рис. 2. Научно-образовательная инфраструктура

По мнению автора, к числу наиболее значимых, с точки зрения достижения глобального лидерства в научно-образовательной сфере, относятся элементы научно-образовательной инфраструктуры, которые позволяют развивать и укреплять отношения между субъектами рынка: профессиональные и исследовательские сети, научные парки и университетские бизнес-инкубаторы, проекты и программы развития межинституционального сотрудничества, в том числе, обеспечивающие доступ компаний к исследовательским возможностям и международному сотрудничеству. Согласно наблюдениям, около 90-95 % эффекта от использования информационной инфраструктуры, к которой исследователи относят науку и образование, находит свое проявление за пределами области, следовательно, у производителей ее услуг остается от 5 до 10 % [8].

Особенности функционирования и использования элементов научно-образовательной инфраструктуры, как фактора достижения глобального лидерства, свидетельствуют о том, что на сегодняшний день ни один из ее компонентов автономно, в отрыве от других не может способствовать повышению конкурентоспособности и занятию лидерских позиций на рынке. Только интеграция и сочетание, тесное сотрудничество и взаимовыгодное партнерство всех участников – учебных заведений, НИИ, бизнес-инкубаторов, технологических центров, офисов трансфера технологий, государственных органов и общественных организаций и т.д. – способно обеспечить успешное позиционирование государства в глобальном образовательном пространстве.

Одним из самых масштабных проектов, нацеленных на создание научно-образовательной инфраструктуры на сегодняшний день является инициатива Еврокомиссии – Communication on the European Cloud Initiative, являющаяся составной частью Стратегии построения Цифрового единого рынка ЕС, где с целью получения преимуществ цифровизации и Индустрии 4.0 предложено создание Европейского облака открытой науки (EOSC) – виртуальной среды (платформы) хранения, обмена, управления, анализа и повторного использования данных для 1,7 млн исследователей и 70 млн научно-технических специалистов из Европы независимо от дисциплин и границ¹.

Образовательные ТНК. Общеизвестным является тот факт, что ТНК существенным образом влияют на различные сферы и сегменты социально-экономических отношений, к числу

¹ The European Open Science Cloud URL: <https://eosc-portal.eu/about/eosc> (Дата обращения: 06.02.2021).

которых относится и образовательная сфера. Государства-лидеры на рынке образовательных услуг, которые формируют вектор развития науки в глобальном и региональном измерении, уже давно и успешно создали свои образовательные ТНК, которые параллельно с академическими институтами, научно-исследовательскими центрами и университетами являются основными его операторами [9].

В табл. 1 представлено описание некоторых образовательных ТНК

Таблица 1

Характеристика образовательных ТНК

ТНК	Страна основания	Особенности и направления деятельности
EduFrance	Франция	Образовательное агентство, цель которого обеспечить привлекательность французской системы образования и улучшить условия приема иностранных студентов, оно насчитывает 80 представительств по всему миру. Его структура охватывает 175 французских университетов, высших школ и институтов
DP Education Australia	Австралия	Международная организация, занимающаяся поддержкой австралийского образования, которая насчитывает 70 офисов во всем мире
DAAD	Германия	Служба академических обменов преподавателями и учеными, объединяет 233 высших учебных заведения и насчитывает 14 представительств и 50 информационных центров по всему миру
NAFSA	США	Организация, которая способствует развитию международной системы образования, мобильности студентов и преподавателей, повышению качества образования и сотрудничает с посольствами и консульствами более 160 государств
British Council	Великобритания	Международная организация, которая занимается пропагандой английского языка, образования и культуры в разных странах мира, ее представительства находятся в 110 государствах

Ключевыми инструментами и методами, с использованием которых реализуется влияние образовательных ТНК на глобальный рынок научно-образовательных продуктов и услуг и соответственно обеспечивается лидерство стран-бенефициаров, являются следующие:

1. Концентрация усилий на всех конкурентных элементах научно-образовательного пространства: издержках, необходимых для организации учебного процесса, расходах, связанных с обеспечением качества образовательного продукта, объемах финансирования и достаточности учебно-методического обеспечения.
2. Извлечение выгоды из национальных различий, связанных с конъюнктурой рынка образовательных услуг, особенностями проводимой экономической политики государства, что позволяет в итоге продвигать в глобальном масштабе свои собственные интересы.
3. Разработка и внедрение в многоаспектном измерении глобальных инновационных стратегий, позволяющих поддерживать научные достижения и более быстро доводить их до конечного потребителя, предоставление широкого спектра образовательных услуг.
4. Консолидация интеллектуальных активов, что позволяет ТНК оказывать значительное влияние на формирование международного спроса в образовательной среде и карьерные ожидания молодежи из менее развитых стран.
5. Усиление агрессивной экспансии образовательных провайдеров, которая влечет за собой вытеснение с рынка национальных участников и корректировку ценовой политики.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно отметить следующее.

Императивы интеллектуализации и инноватизации становятся ключевыми в процессе эволюции глобального развития, что в свою очередь обуславливает усиление борьбы в научно-образовательном пространстве на международном уровне. Примечательным является тот факт, что интеллектуализация и лидерство в научной сфере, а также в сегменте образования и подготовки будущего поколения находят свое проявление не только как результаты деятельности одного субъекта, но и как синергетический эффект коллаборации и активного сотрудничества между странами, формируя таким образом новые глобализационные выгоды.

С учетом вышеизложенного в процессе исследования разработана авторская модель глобального лидерства в научно-образовательной сфере, ключевыми составляющими которой являются лидерство университетов, научно-образовательная инфраструктура, образовательные ТНК.

В то же время необходимо отметить, что проблема глобального лидерства в научно-образовательной сфере оставляет еще большое пространство для дальнейшего анализа как с точки зрения выявления количественных зависимостей и роли ключевых факторов, так и в контексте углубленного исследования инструментов и механизмов достижения передовых позиций посредством накопления и реализации интеллектуальных ресурсов.

Литература

1. Салихова Р.Р. Тенденции развития конкуренции в условиях глобализации // Финансовая экономика. 2020. № 8. С. 215 – 218.
2. Ло Л. Феномен глобального лидерства в мировой политике // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 11 (63). С. 3324 – 3329.
3. Даулеткериев А.Р., Дохаева А.Б. Тенденции глобализации на фоне российского научно-образовательного пространства // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 47 – 51.
4. Корнейко О.В., Дроздов Ю.М., Латкин А.П. К вопросу о параметрах, детерминирующих инновационно-технологическое развитие Китая // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 11. С. 2731 – 2746.
5. Гогна П. Управление брендом академического университета в современную цифровую эпоху // Экономика и социум. 2020. № 3 (70). С. 269 – 274.
6. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of university-industry-government relations // Research Policy. 2000. 29 (2). P. 109 – 123.
7. How to value infrastructure: Improving cost benefit analysis? London: The Institute for Government, 2017. 265 p.
8. The Education We Need for a Future We Can't Predict / Thomas Hatch, Jordan Corson, Sarah Gerth van den Berg. Thousand Oaks: Corwin, 2021. 248 p.
9. Джаббаров Д.Б. Монополизация рынков транснациональными корпорациями и политика государства // Философия хозяйства. 2019. № 4 (124). С. 157 – 167.

Makarov Aleksey Vladimirovich, Postgraduate Student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: am555@yandex.ru

MODEL OF GLOBAL LEADERSHIP IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPHERE AND ITS COMPONENTS

Abstract

The article discusses the features of the formation and achievement of global leadership in the scientific and educational sphere, as well as factors that affect the achievement of high competitive positions. In the course of the research, a separate emphasis is placed on changing the modern paradigm of global leadership, which provides for a reorientation to intellectual resources and an increase in the role of scientific research, innovation, training and education systems for the future generation. The analysis carried out allows us to state that the modern model of global leadership in the scientific and educational sphere is dynamic, based on different functional areas and is characterized by a wide subjective disposition. Based on the results obtained, the article proposes a model of global leadership in the scientific and educational sphere, which is based on three components of the leadership of universities, scientific and educational infrastructure and educational TNCs.

Keywords: education, science, competition, model, leadership, social life, global development of society, leadership positions, scientific and educational sphere.

References

1. Salihova R.R. Tendencii razvitiya konkurencii v usloviyah globalizacii // Finansovaya ekonomika. 2020. № 8. P. 215 – 218.
2. Lo L. Fenomen global'nogo liderstva v mirovoj politike // Voprosy politologii. 2020. Т. 10. № 11 (63). P. 3324 – 3329.
3. Dauletkeriev A.R., Dohaeva A.B. Tendencii globalizacii na fone rossijskogo nauchno-obrazovatel'nogo prostanstva // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2020. № 4. P. 47 – 51.
4. Kornejko O.V., Drozdov YU.M., Latkin A.P. K voprosu o parametrah, determiniruyushchih innovacionno-tekhnologicheskoe razvitie Kitaya // Kreativnaya ekonomika. 2020. Т. 14. № 11. P. 2731 – 2746.
5. Gogna P. Upravlenie brendom akademicheskogo universiteta v sovremennuyu cifrovuyu epohu // Ekonomika i socium. 2020. № 3 (70). P. 269 – 274.
6. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of university-industry-government relations // Research Policy. 2000. 29 (2). P. 109 – 123.
7. How to value infrastructure: Improving cost benefit analysis? London: The Institute for Government, 2017. 265 p.
8. The Education We Need for a Future We Can't Predict / Thomas Hatch, Jordan Corson, Sarah Gerth van den Berg. Thousand Oaks: Corwin, 2021. 248 p.
9. Dzhabborov D.B. Monopolizaciya rynkov transnacional'nyh korporacijami i politika gosudarstva // Filosiya hozyajstva. 2019. № 4 (124). P. 157 – 167.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

**Прилепский
Вадим
Владимирович**

кандидат политических наук, старший преподаватель
кафедры политологии и политического управления,
Кубанский государственный университет (350040, Россия, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149). E-mail: v.priplepsy@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества, которое призвано стать интегрирующей системой, объединяющей общественные и частные интересы граждан. В работе даётся определение понятий «государство» и «гражданское общество», анализируется федеральное законодательство, состояние гражданского общества в конце советской эпохи, а также в постсоветской России. В статье приводится статистическая информация, данные социологических исследований, которые позволяют проанализировать основные проблемы (в том числе, протестные настроения), существующие сегодня и препятствующие становлению в России развитого и стабильного гражданского общества. В выводе приведены некоторые варианты решения существующих проблем.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, взаимодействие, политическая система, согласие, развитие, баланс, феномен, конфликт, трансформация.

Российское гражданское общество является важным элементом современной политической системы России и продолжает динамично развиваться.

По-прежнему актуальной остается проблема взаимодействия государства и гражданского общества, поиск эффективного баланса между ними, формирование устойчивого гражданского согласия в условиях непростой социально-экономической ситуации в современной России.

Следует отметить, что сложившаяся научная доктрина разделяет гражданское общество и государство как диаметрально противоположные и в чем-то непримиримые явления. Вместе с тем, гражданское общество призвано стать интегрирующей системой, цель которой – объединение общественных, частных интересов граждан, раскрытие потенциала общества в целом.

Необходимо также обратить внимание и на характер взаимосвязи государства и гражданского общества, который обусловлен как общими целями, так наличием определенных конфликтов. Все это требует нахождения взаимоприемлемых решений.

В этом контексте основополагающее значение имеет анализ сущности гражданского общества, его формирования и путей развития. Эти проблемы всегда были в центре внимания ученых, начиная с эпохи античности (Платон, Аристотель) и Просвещения (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо). Интерес к данным вопросам не ослабевает и сегодня.

Переходя непосредственно к анализу гражданского общества, следует определить его понятие, которое состоит из двух частей «гражданин, гражданский» и «общество».

В современном русском языке слово «гражданин» происходит от древнерусского «град», т.е. город. В словаре известного отечественного этнографа и собирателя фольклора В.И. Даля, гражданин – это городской житель, горожанин, посадский [6, с. 389].

Современный философский словарь определяет гражданина как индивида, который обладает необходимыми правами и который несет ответственность перед законом, обществом за свои действия [15, с. 164].

Если говорить о понятии «общество», то в современной научной литературе оно употребляется в двух основных значениях: в широком смысле «общество» означает совокупность всех способов и форм взаимодействия людей; в узком – определенный тип общения, представляющий собой определенную целостность либо относительно самостоятельный элемент (аспект) этой устойчивой целостности.

Таким образом, гражданское общество – это общество, состоящее из индивидов, граждан, которые проживают на территории одного государства и обладают определенными правами и обязанностями.

Вместе с тем, современные ученые по-разному определяют понятие «гражданское общество». Например, К.С. Гаджиев определяет гражданское общество как систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов, создающих условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов [3, с. 25].

Для З.Т. Голенковой гражданское общество является неким объединенным понятием, которое обозначает специфическую совокупность коммуникаций и социальных связей, институтов, главными субъектами которых являются гражданин, обладающий своими правами, и гражданские организации [4, с. 26].

По мнению А.А. Валитова, гражданское общество является универсальным феноменом, который характеризуется, как независимая от государства и самоорганизующаяся общественная сфера [2].

Ряд авторов рассматривает гражданское общество как «сферу... не связанную с государством и включающую в себя элементы, государству не присущие» [8].

Необходимо отметить, что гражданское общество прошло длительный путь развития, начиная от эпохи античности и заканчивая современностью.

В России период становления гражданского общества, к сожалению, был прерван событиями 1917 года. Возникший политический режим, сделал невозможным развитие России по пути построения гражданского общества.

В советский период сложилась политическая модель, в которой системно нарушались права и свободы граждан, подавлялось инакомыслие, а общество тотально контролировалось государством. И лишь в конце 80-х гг. XX в. понятие «гражданского общества» вновь вводится в научный оборот, начинается осмысление этого феномена.

Говоря о проблемах становления гражданского общества в постсоветской России, следует отметить, что они становятся актуальными, начиная с 1991 года. В дискуссиях, мнениях и прогнозах ученых и политиков той поры гражданское общество выступает в качестве «лакусовой бумаги» успешности/неуспешности модернизации в России, которая, согласно концепции Эйзенштадта, представляет собой, «...процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической системы, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты» [19, с. 71].

Результатом этого процесса стала полная трансформация общественно-политической системы России в постсоветский период, а также становление и развитие гражданского общества.

Трансформационные процессы вызвали повышенный интерес в российском научном дискурсе к термину «гражданское общество», который обусловливается «необходимостью объяснения феномена несостоявшегося российского экономического чуда» [10, с. 141].

Как известно, модель либеральных реформ была реализована российскими властями в начале 90-х годов XX века в полном объёме, однако результат оказался противоречивым: с одной стороны, возник свободный рынок, с другой стороны – катастрофически снизились экономические показатели и в целом жизненный уровень большей части населения страны. При этом ни устойчивая модель демократического государства, ни гражданское общество так и не были сформированы.

В этой связи возникает закономерный вопрос о применимости концепции гражданского общества к описанию социальной реальности в России. Особенно если учесть, что гражданское общество исторически является продуктом западной культуры и цивилизации.

В современной науке высказываются два противоположных мнения о сущности гражданского общества. Одни ученые полагают, что гражданское общество является продуктом исключительно западной цивилизации. Другие считают, что гражданское общество – это универсальное явление, фундамент которого составляет рыночная экономика.

Вместе с тем, очевидно, что в традиционных и модернизирующихся обществах необходимые параметры гражданского общества отсутствуют. Сам факт модернизации говорит о догоняющем развитии.

Однако некоторые элементы гражданского общества, например, в советский период все же были сформированы [14, с. 33]. Речь идёт об общественных организациях всесоюзного уровня: инвалидов, слепых, глухих и т.д., которые объединяли десятки и сотни тысяч людей. С формальной точки зрения, эти организации были независимы от государства. Но фактически они являлись частью государственной машины, особенно профсоюзы.

С окончанием советской эпохи стали формироваться принципиально новые независимые организации, некоторые из которых политизировались, участвуя в выборах, а некоторые институционализировались и «стали организациями третьего сектора» [11, с. 42]. К таким организа-

циям следует, прежде всего, отнести правозащитные, экологические и культурно-просветительские организации [1, с. 180].

Последующее формирование институтов гражданского общества было затруднено, что обуславливается отсутствием контрольных механизмов, а также исторических образцов.

Все разговоры о значительных республиканских, демократических традициях в отечественной истории, например, в Новгороде и Пскове, являются несостоятельными – и Новгородская республика (с ее знаменитым Вече) и Псковская – это явления локальные, не оказавшие серьезного влияния на традиции и принципы формирования политического режима Московского государства, а позднее Российской империи. Кроме того, Новгородская и Псковская республики характеризовались олигархическим правлением [17, с. 81].

Эта ситуация привела, в том числе, и к тому, что активный рост неправительственных организаций, который отмечался в первой половине 90-х годов XX в., позднее пошел на убыль.

С начала 2000-х годов фиксируется новый период развития гражданского общества, наметился процесс укрепления институтов гражданского общества. Об этом свидетельствует и количество некоммерческих организаций, существующих в России: по информации министерства юстиции РФ, сегодня в России зарегистрировано более 220 тысяч некоммерческих организаций, изменения количества НКО колеблются в пределах 1 % в год¹.

Кроме того, государство стало активно финансировать некоммерческие организации. Так, например, в 2015 году в соответствии с распоряжением Президента РФ, некоммерческим неправительственным организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества и реализующим социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, на проведение конкурсов и выделение по их результатам грантов Президента РФ было предоставлено 4,2 млрд руб.²

В 2017 г. на эти цели было уже выделено более 7 млрд руб.³ В 2019 г. – около 8 млрд руб. В 2020-2021 гг. планируется также направить на эти цели по 8 млрд руб.⁴

Эти финансовые средства выделяются на конкурсной основе НКО, осуществляющим деятельность по следующим направлениям: социальная поддержка и защита граждан, пропаганда здорового образа жизни, поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, сохранение исторической памяти, защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав осужденных и других.

В регионах России финансированию НКО также уделяют значительное внимание. Так, например, в Краснодарском крае в 2019 г. администрацией края на поддержку НКО было выделено около 120 млн руб. субсидий, что на 20% больше, чем в 2018 г.⁵

Финансирование НКО также осуществляется через Президентские гранты. Этому уделяется особое внимание. По информации Общественной палаты Краснодарского края, для региональных некоммерческих организаций периодически проводятся обучающие семинары по вопросам подготовки социальных проектов для участия в конкурсах президентских грантов⁶.

Например, в 2019 году на грантовую поддержку некоммерческого сектора Кубани из федерального, регионального и местных бюджетов поступило более 372 млн руб.⁷

Очевидно, что государство в лице федеральных, региональных и местных органов власти оказывает НКО весьма значимую финансовую помощь. Вместе с тем, остается открытым вопрос, насколько она эффективна [5, с. 45]. А главное – является ли в этом случае гражданское общество независимым?

Важным этапом развития гражданского общества стало принятие Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который способствовал вовлечению общественности в модернизационные процессы и реализации различных гражданских инициатив⁸.

¹ <https://minjust.ru/ru/smi-o-nas/glava-minyusta-v-rossii-zaregistrovano-bolee-220-tysyach-nko>

² <http://grants.oprf.ru/news/portal/p470>

³ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41808>

⁴ <https://tass.ru/obschestvo/6998353>

⁵ <https://kuban24.tv/item/kubanskije-nko-v-2019-godu-poluchili-120-mln-rublej-subsidij-iz-kraevogo-byudzheta>

⁶ http://op-kk.ru/company/licenses/doklad_2020.pdf

⁷ <https://admkrasnodar.ru/content/1131/show/517073/>

⁸ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/

Главная идея закона – создание правовой базы для национальной системы общественного контроля, реализации права граждан на участие в управлении государством.

Следует отметить, что данный закон является действенным инструментом контроля над органами государственной власти и местного самоуправления.

По мнению отечественного исследователя А.И. Феталиева, при переходе широкого круга «общественных дел» в сферу его компетенции общество продолжает оставаться самостоятельной субстанцией. Реализация такой парадигмы становится возможной через институт общественного контроля [16].

Вместе с тем, необходимо отметить, что данный закон, к сожалению, не стал реальным механизмом общественного контроля, ни один из инструментов (общественный мониторинг, проверка, экспертиза), закреплённых в законе, активно не использовались представителями НКО, что, возможно, обусловлено отсутствием у них соответствующих компетенций.

В целом, третий сектор по-прежнему остаётся неустойчивым: здесь и недостаток квалифицированных кадров, и несистемное взаимодействие со СМИ, и слабые горизонтальные связи между НКО.

Одно из возможных решений – привлечение НКО в сферу оказания социальных услуг населению. Участие НКО в этом процессе открывает огромные перспективы для развития третьего сектора – это и налаживание контактов с гражданами, и повышение финансовой устойчивости, и внедрение инновационных услуг [13, с. 40]. Кроме того, это позволило бы повысить эффективность использования бюджетных средств, а также их прозрачность [12, с. 88].

В 2016 г. федеральное правительство даже утвердило комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению. Однако этот процесс идет крайне медленно и охватывает минимальное количество некоммерческих организаций.

В последние годы проявили себя и другие негативные тенденции. Одна из них – участие НКО в формировании единой вертикали власти. По мнению отечественного исследователя А.В. Зайцева, «гражданское общество в России фактически всё более оказывается встроенным в единую вертикаль государственной власти...Рецепция традиционной модели авторитарно-тоталитарной модели интеракции, убивает гражданскую инициативу, порождает общественную апатию, сводит на нет усилия по модернизации...» [7]. Возможно, поэтому россияне достаточно осторожно относятся к деятельности общественных структур. Так, например, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в феврале 2020 года деятельность Общественной палаты РФ одобряли 41,1 % опрошенных. В то время как деятельность, например, российской армии одобряли 81,1 %, СМИ – 48,0 %¹.

Очевидно, что эти деструктивные тенденции могут самым негативным образом отразиться на дальнейшем развитии гражданского общества. В этой связи необходима комплексная перенастройка взаимодействия институтов гражданского общества и государства на основе полноценного, а главное, равноправного диалога.

Очевидно, что сегодня «российское гражданское общество переживает сложный период развития, определяемый неблагоприятными внутренними и внешними обстоятельствами» [9, с. 61].

Ситуация также осложняется тем, что всё больше россиян участвуют в несанкционированных акциях и мероприятиях. Об этом ярко свидетельствуют события января 2021 года, когда в крупнейших городах России прошли митинги, демонстрации и шествия в поддержку А. Навального. По различным оценкам СМИ на улицы российских городов вышло порядка 100 тыс. чел.²

Если говорить о перспективах развития гражданского общества в России, то они вполне укладываются в концепцию известного отечественного социолога В.А. Ядова, который предложил «маятниковую модель» российских трансформаций: крайние положения маятника могут быть описаны с помощью дихотомии «коллективизм, державные настроения – либерализм, либеральные ценности» [18, с. 57].

В завершение следует отметить, что интеграционные процессы в современном российском обществе проходят неоднозначно, болезненно, что объясняется мощными деструктивными

¹ https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/

² <http://politcom.ru/24109.html>

и дезинтеграционными процессами, связанными, в том числе с ростом безработицы и огромным разрывом между богатыми и бедными. По экспертным оценкам, децильный коэффициент (отношение доходов 10 % наиболее богатых к доходам 10% наиболее бедных) в России один из самых больших в мире и равен 17 единицам. При этом за чертой бедности находятся свыше 20 млн чел.¹

Преодоление этих негативных тенденций возможно путём формирования и реализации продуманной, целенаправленной государственной политики, целью которой должно стать максимальное выравнивание существующих диспропорций, развития взаимной ответственности государства и гражданина.

Думается, что нашей стране еще предстоит пройти долгий и непростой путь формирования структур гражданского общества. Вместе с тем, очевидно, что именно этот путь является единственно возможным и, в тоже время, наиболее эффективным, обеспечивающим поступательное развитие России в современном мире.

Литература

1. Белокурова Е. Модели взаимодействия третьего сектора с региональными органами власти в России // Гражданское общество: первые шаги. Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб., 1999. С. 179-188.
2. Валитов А.А., Вильцан М.А., Томилов И.С. Основные этапы развития гражданского общества в России // Политика, государство и право. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/11/2088> (дата обращения: 29.03.2021).
3. Гаджиев К.С. Основы политологии: программа-концепция // Мировая экономика и международные отношения. 1992. №10. С. 25 – 31.
4. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 26 – 29.
5. Громова М.Н., Мерсиянова И.В. Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 44-47.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.1. М., 1978. 592 с.
7. Зайцев А.В. Государство и гражданское общество: дефицит диалога // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2013/08/3703> (дата обращения: 31.03.2021).
8. Иштуганов Н.Н. Основные предпосылки становления и развития идей гражданского общества // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/64319> (дата обращения: 04.04.2021).
9. Левашов В.К., Афанасьев А.Ф., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. М.: ФБГУН ИСПИ РАН, 2017. 322 с.
10. Медушевский А.Н. Гражданское общество как особая система передачи культурных ценностей // Проблемы становления гражданского общества в России / Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2003. С.140-147.
11. Мерсиянова И.В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. №4. С. 42 – 49.
12. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83-104.
13. Миннигалеева Г.А. Инновации в некоммерческих организациях: управленческий контекст // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. № 5. С. 36 – 43.
14. Пугачев В.П. Плюрализм власти как важнейшее условие формирования гражданского общества // Гражданское общество: первые шаги. Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб., 1999. С. 30-39.
15. Современный философский словарь / Под ред. Кемирова В.Е. М., 2004. 354 с.
16. Феталиев А.И. Об общественном (гражданском) контроле и его законодательной концепции в России // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 1. Ч. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/01/45812> (дата обращения: 04.04.2021).
17. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 276 с.
18. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Мир России. 1995. № 3. С. 55 – 64.
19. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973. 220 p.

¹ <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>

Prilepsky Vadim Vladimirovich, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (149, Stavropol St., Krasnodar, 350040, Russian Federation). E-mail: v.prilepsky@yandex.ru

CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Abstract

The article deals with the current problems of interaction between the state and civil society, which is designed to become an integrating system that unites the public and private interests of citizens. The paper defines the concepts of "state" and "civil society", analyzes federal legislation, the state of civil society at the end of the Soviet era, as well as in post-Soviet Russia. The article provides statistical information, data from sociological studies that allow us to analyze the main problems (including protest moods) that exist today and prevent the formation of a developed and stable civil society in Russia. The output shows some solutions to the existing problems.

Keywords: civil society, state, interaction, political system, consent, development, balance, phenomenon, conflict, transformation.

References

1. Belokurova E. Modeli vzaimodejstviya tret'ego sektora s regional'nymi organami vlasti v Rossii // Grazhdanskoe obshchestvo: pervye shagi. Pod red. A.YU. Sungurova. SPb., 1999. P. 179-188.
2. Valitov A.A., Vil'can M.A., Tomilov I.S. Osnovnye etapy razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii // Politika, gosudarstvo i pravo. 2014. № 11 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/11/2088> (data obrashcheniya: 29.03.2021).
3. Gadzhiev K.S. Osnovy politologii: programma-koncepciya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1992. №10. P. 25 – 31.
4. Golenkova Z.T. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. 1997. № 3. P. 26 – 29.
5. Gromova M.N., Mersiyanova I.V. Gosudarstvennaya podderzhka NKO i problema ocenki ee effektivnosti // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. 2016. № 1. P. 44-47.
6. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V 4-h tomah. T.1. M., 1978. 592 p.
7. Zajcev A.V. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: deficit dialoga // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2013. № 8 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://human.snauka.ru/2013/08/3703> (data obrashcheniya: 31.03.2021).
8. Ishtuganov N.N. Osnovnye predposylki stanovleniya i razvitiya idej grazhdanskogo obshchestva // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2016. № 2 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/64319> (data obrashcheniya: 04.04.2021).
9. Levashov V.K., Afanas'ev A.F., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. Sostoyanie grazhdanskogo obshchestva v Rossii. M.: FBGUN ISPI RAN, 2017. 322 p.
10. Medushevskij A.N. Grazhdanskoe obshchestvo kak osobaya sistema peredachi kul'turnyh cennostej // Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii / Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 3. M., 2003. P. 140-147.
11. Mersiyanova I.V. Social'naya baza rossijskogo grazhdanskogo obshchestva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2009. №4. P. 42 – 49.
12. Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B. NKO kak postavshchiki social'nyh uslug: verifikaciya slabых storon // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2017. № 2. P. 83-104.
13. Minnigaleeva G.A. Innovacii v nekommercheskih organizacijah: upravlencheskiy kontekst // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2015. № 5. P. 36 – 43.
14. Pugachev V.P. Plyuralizm vlasti kak vazhnejshee uslovie formirovaniya grazhdanskogo obshchestva // Grazhdanskoe obshchestvo: pervye shagi. Pod red. A.YU. Sungurova. SPb., 1999. P. 30-39.
15. Sovremennij filosofskij slovar' / Pod red. Kemirova V.E. M., 2004. 354 p.
16. Fetaliyev A.I. Ob obshchestvennom (grazhdanskom) kontrole i ego zakonodatel'noj koncepcii v Rossii // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2015. № 1. CH. 3 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/01/45812> (data obrashcheniya: 04.04.2021).
17. Froyanov I.YA. Drevnyaya Rus' IX-XIII vekov. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast'. M.: Russkij izdatel'skij centr, 2012. 276 p.
18. YAdov V.A. Rossiya kak transformiruyushcheesya obshchestvo: rezyume mnogoletnej diskussii sociologov // Mir Rossii. 1995. № 3. P. 55 – 64.
19. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973. 220 p.

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ИНСТИТУТЕ МНОГОЖЕНСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)**

Загирова кандидат социологических наук, младший научный сотрудник,
Эльвира Институт истории, археологии и этнографии,
Махачевна Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
(367030, Россия, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75).
E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Аннотация

Институт полигамии имеет длительную историю и был распространен во всех обществах, причем для этого имелись объективные причины. Несмотря на появление в постсоветский период многоженства в регионах, население которого исповедует ислам, в современной социологии семьи отсутствуют исследования, которые показали бы существующее в массовом сознании населения отношение к полигамии в целом, охарактеризовали бы социальное и эмоциональное самочувствие женщин, чьи супруги готовы брать «вторую жену», установили бы мотивацию самой женщины готовой на статус «второй жены». Результаты авторского социологического опроса показывают превалирование с большим перевесом в общественном сознании дагестанских женщин негативного отношения к институту многоженства с аргументацией, что эмоционально женщина не готова принять такой поступок супруга. Более того, эмпирические данные свидетельствуют, что опрошенные женщины готовы на определенные поступки и действия, с целью недопущения существования параллельно другой семьи. При этом в массовом сознании респондентов доминирует позиция, которая констатирует нежелание женщины смириться с решением супруга иметь «вторую жену». Авторская гипотеза, что на отношение (отрицательное/положительное) к институту многоженства влияет тип религиозности эмпирическим материалом не подтверждается: аналогично другим подгруппам, полигамность не принимают подмассивы убежденно верующих и верующих, а это свидетельствует о несоответствии брачного поведения и установок опрошенных женщин религиозному положению о допустимости многоженства, то есть, они самоидентифицируясь как убежденно верующие и верующие, не воспринимают данную форму брачного союза.

Ключевые слова: полигамия, многоженство, институт семьи, дагестанские женщины, семейно-брачная сфера, «вторая жена», семейные отношения, семейные ценности, брачный союз, семейное положение, ислам, мусульманские правила.

Введение

Кардинальные преобразования российского общества закономерно затронули и институт семьи. Отечественные фамилисты, происходящие в семейно-брачной сфере изменения обозначают как кризис института семьи, хотя встречаются и позиции, придерживающиеся противоположной точки зрения, в частности, его эволюционного развития. По мнению автора, существенное воздействие на трансформацию института семьи, в данном случае речь идет о дагестанской семье, оказало возрождение религии. Данный процесс исследователи характеризуют с разных позиций, но, безусловно, что религия и религиозные предписания в семейно-брачной сфере имели важнейшее значение, и в настоящее время она не утратила своего значения и влияния.

Если обратиться конкретно к изучению дагестанской семьи, то семейно-брачной сфере широкое распространение получил институт многоженства, который существовал в дореволюционный период, но, ради справедливости следует отметить, что масштабы его распространения были намного скромнее, по сравнению, с нынешним периодом. Если ранее, имелись веские причины для того, чтобы иметь одновременно нескольких жен, более того, мужчина имел и материальную возможность обеспечить их, то в современный период картина кардинально отличается. Как показывает практика, «вторых жен» имеют не только состоятельные мужчины, но и те, которые не имеют возможность материально обеспечить даже первую семью.

Но при этом можно встретить апеллирование к исламу, по которому мусульманину разрешается иметь 4 жен. Однако, из виду упускается, вернее, не принимаются во внимание обстоятельства того исторического и нынешнего периодов времени. Поэтому, исходя из позиции, что возрождение института многоженства является одним из деструктивных явлений в функционировании современной дагестанской семьи данная проблематика, по мнению автора, представляет актуальной.

Многоженство в Дагестане: исторический аспект

Исследователи дореволюционного Дагестана при описании уклада горцев особое внимание уделяли семейнобрачной сфере, ибо могли наблюдать специфические взаимоотношения между старшим и молодым поколением, образом жизни, брачным поведением и установками. Если обратиться к историческим документам и свидетельствам, то институт полигамии и масштабы его распространения встречаются в работе Б.К. Далгат: «Самым крупным многоженцем был последний уцмий Амирчапан Уцмиев, у которого был гарем 18 жен. Обыкновенные же смертные редко имели более 2-х жен. Шариат разрешает иметь 4 жен» [1, с. 25]. Т.е. можно согласиться с утверждением, что «многоженство – привилегия богатых и знатных... масса народа живет в моногамии» [2, с. 64].

Как свидетельствуют исторические документы, в феодальной среде браки чаще всего заключались в династических интересах, что не исключало наличия в их сараях (дворах) и других, так называемых некебинных, или побочных, жен. Если обратиться к дореволюционным исследователям Дагестана, то правитель Дербента Фат Али хан имел «многих законных и посторонних жен и с ними у некоторых прижитых им детей, но по смерти остались только четыре жены: первая – грузинка Сегерназ, вторая Гюри-пери, дочь элисуйского владельца, третья Бегим Ханум, сестра шекинского хана, четвертая грузинка же Гульдеста» [3, с. 188]. П.Г. Бутков писал о Дербентском ханстве в конце XVIII в., что «жен по закону могут иметь до четырех, а наложниц по состоянию. Ханы берут себе в жены из дочерей владельческих; но сии преимущество перед наложницами имеют дотоле, пока не родит какая-либо из сих последних сына или дочь. Тогда уже она поступает в класс жен и имеет поверхность над прочими, того не удостоившимися» [4, с. 206].

Иными словами, анализ исторических источников показывает, что женились феодалы преимущественно в целях расширения своего политического влияния и приобретения социальной поддержки в массах. Однако в XIX в., и особенно в его второй половине, гаремов (сараев) уже, как правило, не существовало. В труде «Путешествие по Дагестану и Закавказью» [5, с. 73], относящемуся к первой половине прошлого столетия, И. Березин свидетельствовал о наличии у крупнейшего в Дагестане феодального владельца шамхала Тарковского Абумуслима только двух жен – Султанат (прототип повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек») и второй, молодой жены, имени которой он не называет. О том, что казикумухский хан также имел только двух жен (Халай и Шамай), сообщает Н. Воронов [6, с. 34].

В более широких слоях населения двоеженство за малым исключением преследовало экономические цели. Второй раз часто женились для того, чтобы приобрести дополнительную рабочую силу (особенно в горах, где в трудовых процессах женщина играла очень важную роль), и чтобы приумножить имущество. Последняя форма чаще, практиковалась на плоскости (у кумыков, ногайцев, табасаранцев, кайтагских и других предгорных даргинцев, аварцев и т. д.). Известны факты, когда и бесправные, лишенные всякого имущества рабы имели двух жен [7, с. 91]. Исследователь жизни горцев Н. Львов, отмечал, что у дагестанских народов масштабы распространения полигамии невелики, но при этом «... имеющие двух-трех жен стараются помещать их отдельно, по возможности подальше друг от друга, чтобы не произошло между соперницами столкновения» [7, с. 87].

Институт полигамии (многоженство) не утратил своей позиции в первые годы Советской власти, так «по судебной практике в 1929 г. дел по многоженству было 45, в 1930 г. – 34, в 1931 г. – 6» [8, с. 69].

Однако послереволюционные преобразования закономерно затронули и брачно-семейные отношения, способствовали изменению ранее существовавших семейных практик, что выразилось в принятии законодательных актов, которые защищали права дагестанской женщины. Подтверждением данного вывода является принятие на II сессии ЦИК ДАССР (1925 г.) постановления, которое квалифицировали многие порядки в семейно-брачной сфере (брак

с несовершеннолетней, насильственная выдача замуж, полигамия, уплата калыма и т.д.) как бытовые преступления. Если девушку против ее воли выдавали замуж, то виновные наказывались тюремным заключением сроком до 5 лет [9, с. 67].

Таким образом, краткий исторический обзор позволяет сделать вывод, что институт многоженства имел распространение в основном в среде зажиточного слоя дагестанского общества, хотя, редко, но можно было встретить полигамию и среди необеспеченной прослойки населения.

Институт многоженства в современном дагестанском обществе

Ранее было отмечено, что в постсоветский период произошли заметные изменения в институте семьи, среди которых с полным основанием можно отметить появление многоженства, гражданского брака и ряда других, деструктивных явлений, которые, по мнению автора, негативно сказываются на состоянии традиционной дагестанской семьи, эмоциональном самочувствии женщины и семи в целом. Дагестанские исследователи отмечают, что возрождение многоженства, которое имело распространение в основном в феодальной среде Дагестана, на фоне преобразований в иных сферах появилось в семейно-брачном пространстве современного дагестанского общества. Более того, даже стало модным и престижным демонстрация желания иметь «вторую жену» и параллельное существование двух жен (двоеженство). При этом мужчины апеллировали к исламскому вероучению, хотя надо отметить, что мусульманство жестко регулирует семейно-брачную сферу и предписывает определенные правила для мужчин, желающих несколько жен. Однако, в установках мужчин имеет место поверхностное представление о положении ислама в отношении многоженства. И таковым можно, например, назвать эмоциональное состояние женщины, которую очень часто «ставят перед фактом», что у супруга имеется параллельно и другая семья. Иными словами, «многоженство не является обязательным условием для мусульманина и выполнение его обставлено множеством трудновыполнимых условий» [10, с. 150] и в общественном сознании больше доминирует точка зрения о том, что многоженство есть проявление распушенности и безнравственности.

Методика исследования. Социологическое исследование по изучению деструктивных явлений в современной дагестанской семье проведено в 2021 г. в Хасавюртовском, Кизлярском, Левашинском, Ботлихском районах и гг. Махачкала, Хасавюрт, Каспийск методом случайного отбора (N – 629). С целью установления динамики в массовом сознании дагестанского населения в отношении института многоженства проведен сравнительный анализ результатов социологического опросов 2016 и 2021 гг. Опрос проведен в 2016 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Карабудахкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском, Новолакском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Каспийск, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 1323. Из каждого подмассива отдельно выделены подгруппы женщин и дается по ним аналитика.

Обсуждение результатов исследования

Как ранее было отмечено, дагестанские этнографы придерживаются точки зрения, что в сфере брачно-семейных отношений наблюдаются очень сложные и противоречивые процессы, каковым является распространение в современном дагестанском обществе многоженства, явления которое в дореволюционный период в основном встречалось среди зажиточного слоя. Однако очень сложно оценить его масштабы, ибо статистики никто не ведет, даже Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД), с разрешения которого заключается шариатский брак. В этой связи можно согласиться с мнением Б.М. Алимовой, что «в постсоветский период.... в области брачно-семейных отношений произошли большие изменения, которые постепенно ведут к потере этнокультурных традиций. Сегодня дагестанское общество волнует состояние морали и нравственности. Установившиеся в современном обществе нормы поведения и ценностные ориентации оказывают негативное влияние на образ жизни определенной части не только молодежи, но и многих уже семейных мужчин (особенно) и женщин» [11, с. 124].

Ради справедливости следует отметить, что данные тенденции универсальны, ибо происходящие в семейной сфере преобразования являются итогом воздействия общемировых тенденций эгалитаризации, индивидуализации человеческих отношений [12, с. 159; 13, с. 211].

Если перейти к результатам социологического опроса, то важным в рамках исследования деструктивных тенденций в семейно-брачной сфере является установление существующего в общественном сознании дагестанского населения отношения к полигамии (см. табл. 1).

**Распределение ответов на вопрос
«Как Вы относитесь к многоженству?» (%)**

Варианты ответов // Год	2016	2021
Позитивно, мужского населения меньше чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья	10,6	20,4
Позитивно, если мужчина материально помогает «первой» семье	13,5	21,1
Позитивно, ислам допускает многоженство	9,7	10,4
Негативно, потому что многоженство способствует разрушению семьи, так как не каждая женщина готова принять такой шаг супруга	56,2	42,9
Негативно, полигамия является архаизмом	18,4	31,8
Негативно, под многоженством пытаются скрыть проявление безнравственности	30,4	32,1

Результаты исследования показывают, что в установках опрошенных, в сравнении с другими позициями, превалирует негативная оценка и аргументация многоженства. При этом можно констатировать в кратное увеличение доли, придерживающихся суждений «позитивно, у нас мужского населения меньше чем женщин, а каждая женщина заслуживает счастья» и «негативно, полигамия является архаизмом» (почти в 2 раза), хотя и по другим суждениям можно наблюдать такую же картину. Однако обращает на себя внимание заметное уменьшение количества женщин, которые негативно оценивали многоженство с аргументацией того, что не каждая женщина сможет принять такой шаг супруга. Таким образом, можно утверждать, что опрошенные женщины в целом негативно рассматривают многоженство, но при этом существенно укрепили свои позиции положительно характеризующие данное явление.

Далее в русле исследования многоженства важным является выявление поведения и отношения первой супруги, к желанию своего мужа иметь «вторую жену». Эмпирический материал на вопрос «Если бы Вы узнали, что Ваш муж завел себе "вторую" жену, как бы Вы поступили?» показывает превалирование в массовом сознании опрошенных женщин с большим преимуществом суждения, что она подала бы на развод (одна вторая часть респондентов), при этом каждая четвертая респондентка готова принять такой поступок супруга, одна шестая часть предприняла бы усилия, что разрушить данный брачный союз, а каждая седьмая убедила бы своего мужа развестись со «второй женой».

Как известно, мусульманство допускает мужчинам иметь 4 жен, апеллируя к пророку Мухаммаду. При этом необходимо уяснить, что в самом исламе подробно изложены правила полигамии, более того, четко обозначены причины, по которым допускается и запрещено многоженство. В основе института многоженства лежит изначальное провозглашение справедливости по отношению к каждой из жен, равное материальное обеспечение, одинаковая забота о всех детях. Однако на практике часто можно столкнуться с совершенно противоположными явлениями, когда мужчина несправедлив к супругам, вообще не заботиться о детях и все тяготы материального обеспечения ложатся на плечи женщины.

В данном аспекте для нас интерес представляет поведение женщин по типу религиозности: если большие процентные показатели идентифицирующихся как колеблющиеся, неверующие и убежденно неверующие поддается научному объяснению, то сложность представляет позиция убежденно верующих (одна треть) и верующих (каждая вторая опрошенная), которые негативно воспринимают поступок своего супруга, который параллельно с первой семьей завел и «вторую жену». Иными словами, несмотря на допустимость по мусульманскому учению полигамии, полученная информация позволяет констатировать противоречивое поведение опрошенных. Кроме того, анализ по социально-демографическим параметрам показывает, что не готовы смириться с тем фактом, что у супруга появилась «вторая жена», респондентки с высоким образовательным уровнем (больше половины опрошенных имеющих высшее образование) и возрастные интервалы «0 – 20 лет» (62,5 %) и «21 – 29 лет» (51,4 %). Т.е. поколение молодых женщин демонстрирует неприятие полигамии, по сравнению, с социальными группами, которые имеют опыт семейной жизни, и, если можно так утверждать, более толерантны к данной форме брака.

Заключение

В настоящее время в институте семьи наблюдаются сложные процессы, которые одни фамилисты характеризуют как кризис, другие как эволюционные преобразования, которые ведут изменению облика традиционной семьи. И, по мнению автора, одним из деструктивных проявлений в институте современной семьи является появление, ранее существовавшего и имевшего широкое распространение в разных социальных формациях, такого явления как полигамия. К сожалению, в рамках социологии семьи проблема полигамии, причин ее возрождения среди последователей ислама, эмоционального состояния женщины, которая «вынуждена» принять решение своего супруга иметь «вторую жену и вторую семью», роль многоженства (позитивная/негативная) в семейно-брачных отношениях, социально-демографический портрет «второй жены», отношение к ней в обществе и ряд других не менее актуальных вопросов не стали предметом исследования, несмотря на их актуальность.

Проведенный авторский социологический опрос по изучению института многоженства и отношения дагестанских женщин к распространению данного явления показывает, что в установках опрошенных превалирует негативное отношение к полигамии, хотя аналитика по годам констатирует процентное снижение показателей, которые отрицательно характеризуют многоженство на фоне роста позитивного отношения. Только суждение «многоженство – это пережиток прошлого» заметно укрепило свои позиции при одновременном увеличении доли придерживающихся мнения о несоответствии численности мужского и женского населения, при констатации «каждая женщина заслуживает семейного счастья». Данные опроса установили наличие в позициях дагестанских женщин модели поведения, которая не готова смириться с наличием у супруга «второй жены», соответственно, они готовы разрушить семью, исключая возможность принятия многоженства. Причем такая точка зрения присуща когорте женщин, которые по типу религиозности являются «убежденно верующими» и «верующими», а исламское учение допускает иметь мужчине 4 жен, что свидетельствует о непоследовательности в брачном поведении женщины и обозначении своего отношения к вероисповеданию. Однако, декларирование определенное брачного поведения соответствующее исповедуемой вере и реальное поведение, а также эмоциональное отношение к многоженству могут кардинально отличаться друг от друга, что и показало проведенное исследование.

Литература

1. Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1967. 105 с.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 28 – 178.
3. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 173 – 196.
4. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 200 – 206.
5. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849. 473 с.
6. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Издание Кавказского Горского Управления. Вып. 3. Тифлис, 1870.
7. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.
8. Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана (1934 г.) // Рук. фонд ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.
9. Башир Далгат Обычное право и родовой строй народов Дагестана // Рукописный фонд ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 87. Л. 67.
10. Алимова Б.М. Диалог полов в современной дагестанской семье // Вестник Института ИАЭ. 2008. № 4. С. 146 – 150.
11. Алимова Б.М. Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124 – 142.
12. Верецагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Загирова Э.М. Семья и семейные ценности в восприятии студенческой молодежи (на примере Дагестана) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 158 – 164.
13. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 358 с.

Zagirova Elvira Makhachevna, Ph.D. in Sociological Sciences, Junior Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragsky St., Makhachkala, 367030, Russian Federation). E-mail: elvira.2005@inbox.ru

**PUBLIC OPINION ABOUT THE INSTITUTE OF POLYGAMY
(ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN)**

Abstract

The institute of polygamy has a long history and was widespread in all societies, and there were objective reasons for this. Despite the emergence of polygamy in the post-Soviet period in regions whose population professes Islam, there are no studies in modern family sociology that would show the attitude towards polygamy existing in the mass consciousness of the population in general, would characterize the social and emotional well-being of women whose spouses are ready to take a "second wife", would establish the motivation of the woman herself who is ready for the status of "second wife". The results of the author's sociological survey show the prevalence, with a large preponderance, in the public consciousness of Dagestani women of a negative attitude towards the institution of polygamy, with the argument that emotionally a woman is not ready to accept such an act of her husband. Moreover, empirical data indicate that the women surveyed are ready for certain actions and actions in order to prevent the existence of another family in parallel. At the same time, in the mass consciousness of the respondents, the dominant position is that a woman's unwillingness to come to terms with the decision of her husband to have a "second wife" dominates. The author's hypothesis that the attitude (negative / positive) to the institution of polygamy is influenced by the type of religiosity is not confirmed by empirical material: similarly to other subgroups, subarrays of convinced believers and believers do not accept polygamy, and this indicates a discrepancy between the marriage behavior and attitudes of the interviewed women and the religious position of admissibility polygamy, that is, they self-identify as convinced believers and believers, do not perceive this form of marriage.

Keywords: polygamy, polygamy, the institution of the family, Dagestani women, family and marriage sphere, "second wife", family relations, family values, marriage union, marital status, Islam, Muslim rules.

References

1. Gadzhieva S.SH. Sem'ya i semejnyj byt narodov Dagestana. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 105 p.
2. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 21. P. 28 – 178.
3. Serebrov A.G. Istoriko-etnograficheskoe opisanie Dagestana // Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII – XIX vv. Arhivnye materialy. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958. P. 173 – 196.
4. Butkov P.G. Vyderzhki iz «Proekta otcheta o persidskoj ekspedicii v vide pisem». 1796 g. // Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII – XIX vv. Arhivnye materialy. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1958. P. 200 – 206.
5. Berezin I. Puteshestvie po Dagestanu i Zakavkaz'yu. Kazan', 1849. 473 p.
6. Voronov N.I. Iz puteshestviya po Dagestanu // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Izdanie Kavkazskogo Gorskogo Upravleniya. Vyp. 3. Tiflis, 1870.
7. Gadzhieva S.SH. Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. M.: Nauka, 1985. 360 p.
8. Dalgat B. Obychnoe pravo i rodovoj stroj narodov Dagestana (1934 g.) // Ruk. fond IYAL. F. 5. Op. 1. D. 22. L. 69.
9. Bashir Dalgat Obychnoe pravo i rodovoj stroj narodov Dagestana // Rukopisnyj fond IIAE. F. 5. Op. 1. D. 87. L. 67.
10. Alimova B.M. Dialog polov v sovremennoj dagestanskoj sem'e // Vestnik Instituta IAE. 2008. № 4. P. 146 – 150.
11. Alimova B.M. Razvody v Dagestane: prichiny, motivy i puti stabilizacii (analiz statistiki) // Vestnik Instituta IAE. 2015. № 2. P. 124 – 142.
12. Vereshchagina A.V., Gafiatulina N.H., Zagirova E.M. Sem'ya i semejnye cennosti v vospriyatii studentcheskoj molodezhi (na primere Dagestana) // Vestnik Instituta IAE. 2015. № 2. P. 158 – 164.
13. SHahbanova M.M. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnosti dagestanskih narodov v usloviyah transformacii rossijskogo obshchestva. Mahachkala: ALEF, 2016. 358 p.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

**Зинченко
Ярослава
Геннадиевна**

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: yazinchenko@uriu.ranepa.ru

**Макарова
Анастасия
Владимировна**

аспирант кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: f08.amakarova@arbitr.ru

**Провоторова
Валерия
Владимировна**

аспирант кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: 15ap.vprovotorova@arbitr.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы поддержания правового и социального порядка в российском обществе. На основе институционального подхода выделены признаки суда как социального института, описаны этапы институционализации современной российской судебной системы. Рассмотрена проблема институционального доверия российских граждан к судебной системе. Проведен социологический анализ функций и дисфункций института суда. Предложены меры по укреплению авторитета судебной системы в общественном сознании россиян.

Ключевые слова: *социальный институт суда, институционализация судебной системы, социальный и правовой порядок, дисфункции, девиации, доверие, общественный порядок, социальные роли и статусы, публично-правовые отношения, государственная власть.*

Тема общественного порядка имеет непреходящую актуальность как в системе социально-гуманитарного знания, так и в общественном сознании, в государственном видении общественного развития. Социальный порядок как научная проблема и общественная необходимость в постреволюционной Франции вызвал к жизни социологическое знание. Известна формула позитивизма, сформулированная отцом-основателем социологии Огюстом Контом: «любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель» [1, с. 584]. А прогресс и порядок, как убеждён французский мыслитель, – два основных и взаимосвязанных условия новейшей цивилизации [2, с. 9]. Изучение социального порядка он закреплял за выделенным им разделом социологической науки – социальной статикой.

В рамках современных концепций утвердилась точка зрения, что социальный порядок – есть продукт человеческой деятельности и существование его возможно при развитии общества, его осовременивании. При этом успешность модернизации общества напрямую связана с его упорядоченностью.

Беспорядок – причина больших социальных бедствий. Он ведёт к дезорганизации общества. А.И. Пригожин утверждает, что дезорганизация есть нарушение правил Порядка, происходящее в следующих вариантах (по нарастающей):

- расшатывание Порядка, когда границы правил становятся неопределёнными и размываются, и проблематично оценить следование им или отклонение от них;
- несоблюдение Порядка, когда некоторые правила не воспринимаются средой и переходят в разряд так называемого «недействительного» Порядка;
- дезинтеграция Порядка, когда одни участники взаимодействия следуют правилам, а другие нет или даже руководствуются другими правилами;
- противоречивость Порядка, когда одни правила исключают другие, исполнение одного правила означает или влечёт нарушение другого;
- разрушение Порядка, когда таковой отменяется фактически, отрицается самим поведением людей [3, с. 15].

А.В. Тихонов отмечает многослойность социального порядка. Традиционный порядок регулирует отношения родства, дружбы и соседства, этнической идентичности посредством празднований, ритуалов, бытовой культуры. Над ним надстраивается гражданский порядок, согласовывающий частные интересы людей в формах их свободной самоорганизации. За ним следует правовой

порядок, искусственно устанавливаемым государством для «обуздания» разгула частных интересов. Наконец, последний слой социального порядка представляет собой сознательно организованный тип отношений между людьми на основе определённых базовых ценностей [4, с. 273 – 275].

Стабильное функционирование общества предполагает нормативное закрепление ряда социальных отношений, конструирование типизированных моделей человеческого поведения, интериоризацию их в сознание индивидов и в обязательные практики социальной деятельности.

Правовые отношения, закрепляющие социальный порядок, обеспечивающие эффективное функционирование государства, балансирующие групповые интересы, т.е., удовлетворяющие общественные потребности преобразуются в социальные институты.

Социальный институт – это организованная система связей, представляющая собой ценностно-нормативный комплекс, посредством которого направляются и контролируются действия людей по удовлетворению основных потребностей общества [5, с. 21].

Проанализируем суд как социальный институт. В данном случае ценностно-нормативный комплекс представлен ценностным блоком, включающим ценности верховенства права, законности и нормативным – стандартизированными образцами поведения, берущими начало в Конституции и другом федеральном законодательстве; система связей в данном случае представлена конфигурацией социальных ролей и статусов (председатель суда, судья и др.), в рамках которых и реализуются поведенческие модели.

Рассмотрим признаки социального института применительно к суду.

Цель деятельности суда – осуществление правосудия в форме гражданского, конституционного, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства.

Функции – защита нарушенных или оспариваемых прав, поддержание законности, а также правового и социального порядков, предупреждение проявлений делинквентного поведения через просветительскую работу, толкование законодательства, контроль, установление фактов.

Набор социальных статусов и ролей – председатели судов, федеральные и мировые судьи, работники аппаратов судов.

Обезличенность статусно-ролевых требований обеспечивается квалификационными требованиями должностных регламентов.

Ключевые ценности – верховенство права, законность, равенство перед законом, гласность, самостоятельность и независимость.

Нормы – Конституции и другого законодательства Российского государства.

Регламентация – создание, деятельность, упразднение судов, наделение полномочиями судей определяются соответствующими федеральными законами.

Система санкций – неисполнение постановления суда, а также неуважение к нему влекут ответственность, предусмотренную соответствующим законодательством.

Наличие контролирующих и регулирующих учреждений – суды высшей инстанции исполняют контрольно-надзорную функцию в отношении соблюдения судами низших инстанций законодательства РФ.

Разделение труда предполагает следующие категории работников: судьи, работники аппаратов суда, технические специалисты.

Профессионализация обеспечивается организациями, реализующими образовательные программы высшего, дополнительного профессионального, послевузовского образования, а также деятельностью органов судейского сообщества.

Культурные символы – на зданиях судов и в залах заседаний размещаются элементы государственной символики, а судьи заседают в мантиях.

Итак, суд является одним из важнейших социальных институтов, регулирующий правовой и социальный порядок, защищающий права граждан, разрешающий социальные конфликты в обществе. Представим процесс институционализации суда в Российской Федерации.

Институционализация – есть процесс упорядочения публично-правовых отношений, определения и закрепления соответствующих норм, статусов и ролей, приведение их в систему, способную удовлетворять потребности общества в укреплении порядка и стабильности [6, с. 177].

Процесс институционализации включает три фазы. На первой происходит актуализация общественной потребности в профессиональном судебном корпусе, способном осуществлять функции правосудия. Самостоятельная судебная власть появляется в России в ходе судебной реформы 1864 г., инспирированной идеями французского просветителя Ш.Л. Монтескье. Современная модель российской судебной власти, начало которой можно датировать 1991 годом,

когда Верховным Советом РСФСР была принята Концепция судебной реформы, явилась преемницей имперской модели.

На второй фазе происходит интериоризация норм, ценностей, утверждается кодекс поведения. В 1992 г. федеральным законодательством был определен статус судей. В следующем году, с принятием Конституции, были закреплены основы деятельности суда.

Третья фаза институционализации суда связана с организационным оформлением. В 1996 году законодатель формирует систему судебных органов, определяет их структуру, процедуру судопроизводства. В новом тысячелетии учреждаются все виды судов, предусмотренные законодательством, принимаются новые процессуальные кодексы, вводятся суды с участием общественности – присяжных заседателей, возрождается мировая юстиция. Изменения судебной системы производятся в рамках программно-целевого подхода, посредством межведомственной реализации целевых программ.

Институционализация продолжается в десятых годах нового тысячелетия. Появляются два законопроекта: о Высшем Патентном суде и о Суде по интеллектуальным правам, который и начал свою работу в 2013 г. как специализированный арбитражный суд. Совсем недавно, 1 февраля текущего года, Президент дал поручение Председателю Верховного суда и главе Минюста подготовить к 1 июня предложения по созданию суда по правам человека.

Во многом пока еще не завершившееся реформирование, а следовательно, институционализация судебной системы касается механизмов функционирования суда.

Эффективное функционирование судебной системы является ключевым элементом в формировании социального порядка и правового государства.

Рассмотрим универсальные функции социальных институтов применительно к суду.

Функция закрепления и воспроизводства общественных отношений находит выражение в системе норм, определяющих статусы, роли, стандарты взаимодействия граждан в процедурах судопроизводства друг с другом и представителями судейского сообщества.

Регулятивная функция воплощается в выработке шаблонов поведения, ролевых требований и ожиданий участников судопроизводства.

Интегративная функция обеспечивается исполнением судопроизводства по принципу равенства всех перед законом, мероприятиями по укреплению авторитета суда и судей, повышению общественного доверия к судебной системе.

Транслирующая функция выражается в передаче новым поколениям судей и аппаратных работников организационной культуры, профессионального опыта, а также просветительской деятельности суда.

Коммуникативная функция реализуется через информационные системы доступа участников судопроизводства к материалам судебных решений, а также через деятельность служб по связи с общественностью и СМИ.

Основные функции суда представляют собой элементные составляющие функции осуществления правосудия, к ним относят: правовую защиту и обеспечение баланса публичных и частных интересов.

Субсидиарные функции суда, это: сдерживание законодательной и исполнительной ветвей государственной власти, ее правовая консолидация, обеспечение права и правовой приоритетности в правовом регулировании, легитимация государственной власти, воспитательная функция, правоиницирующая функция.

Из вспомогательных функций особое внимание уделяют таким из них, как функция иерархического саморегулирования и унификации судебной практики, функция правотолкования и правовой конкретизации, функция обеспечения доступности правосудия, функция судейского самоуправления [7, с. 5].

Реализация указанных функций преследует единую цель – защиту прав и свобод как отдельного субъекта (гражданина, юридического лица), так и всего общества (формирование общего правового поля государства). При этом суд как часть системы государственных органов должен не нарушать принцип суверенного развития государственности, но вместе с тем ограничивать государственную власть правом.

Последствия несоблюдения указанного баланса в судебной системе проявляют себя в дисфункциях, возникающих в процессе реализации деятельности конкретных судебных органов. Проявление властного характера судебной системы противоречит задачам и смыслу главной функции – осуществлению правосудия.

Реформирование деятельности суда прежде всего должно осуществляться для повышения качества и доступности правосудия. Однако на практике возникают коллизии. Например, при решении вопроса снижения судебной нагрузки предпринимаются попытки типологизации судебных актов по аналогичным спорам, отказ от мотивировочной части при вынесении судебного акта в упрощенном производстве. Однако указанные действия усугубляют иные вопросы, в частности, доверия граждан к судебной власти.

Кроме того, можно проследить бюрократизацию судебной системы даже в статистических показателях эффективности деятельности судов, которые представляет Верховный Суд Российской Федерации. Основным показателем является количество отмен судебных актов. Вместе с тем, это указывает на стабильность, но не всегда законность принятого судебного акта, и ориентирует конкретного судью на вынесение судебного акта в заложенной «единой практике» без ориентации на конкретные обстоятельства дела.

Как неоднократно указывал Европейский суд по правам человека в своих постановлениях, «дисфункция системы правосудия как следствие неисполнения или несвоевременного исполнения внутригосударственных решений представляет важную опасность для верховенства права, умаляет доверие народа к судебной системе и ставит под сомнение доверие к государству»¹.

Изложенные обстоятельства указывают на необходимость социологического анализа такого элемента социального порядка как доверие к судебной системе.

К проблематике общественного доверия обращены два, ключевых на сегодня, концептуальных документа, содержащих направления развития судебной системы в РФ. Это Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» и Концепция информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы.

В завершившей свой срок действия в прошлом году федеральной целевой программе, укрепление доверия населения к судебной системе не было вынесено в качестве отдельной задачи, но было обозначено как один из ключевых показателей успешной реализации мероприятий программы. В соответствии с реалистичным сценарием программы к 2020 г. было запланировано снижение доли граждан, считающих работу судов неудовлетворительной до 5 %. При этом профессиональные исследовательские социологические организации фиксировали в 2020 г. следующие общественные оценки.

Всероссийский центр изучения общественного мнения на сентябрь 2020 г. показал 44,7 % граждан не одобряющих судебную систему, располагая ее в ряду оппозиции (44,8 %) и СМИ (44,3 %)².

Фонд «Общественное мнение» на август 2020 г. обозначил цифру в 41 % тех, кто относится отрицательно к деятельности судов и судей³.

Левада-центр в сентябре 2019 г. указывает следующие данные по институциональному доверию для судов: не вполне заслуживает – 35 %, совсем не заслуживает – 24 %⁴.

Существуют и международные рейтинги, характеризующие общественное мнение относительно деятельности судов. Так, например, индекс верховенства закона (The Rule of Law Index) – исследование международной неправительственной организации The World Justice Project, составляющийся ежегодно на основании учета общедоступных статистических данных и социологических опросов экспертов юристов, ставит Российскую Федерацию на 93 место из 128 государств. При этом стоит отметить, что два из восьми контрольных показателей – это гражданское и уголовное правосудие⁵.

В соответствии с результатами «Европейского Социального Исследования» (ESS), 47,2 % россиян не доверяют национальной судебной-правовой системе [8].

¹ Постановление ЕСПЧ от 12.10.2017 «Дело «Бурмыч и другие (Burmych and Others) против Украины» (жалоба № 46852/13 и другие) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 3 (15).

² Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / Деятельность общественных институтов. – Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения 20.02.2021)

³ Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс] / Работа судов и судей. Представления о справедливости, независимости и бескорыстности судей. – Режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14459> (дата обращения 20.02.2021)

⁴ Левада-Центр [Электронный ресурс] / Институциональное доверие Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> (дата обращения 20.02.2021)

⁵ The WJP Rule of Law Index and the World Justice Project Rule of Law Index are trademarks of the World Justice Project // <https://worldjusticeproject.org/our-work/research-and-data/wjp-rule-law-index-2020>

Рейтинг Всемирного банка – индекс лёгкости ведения бизнеса (Doing Business) ставит Россию в 2019 г. на 28 место, поднимая её на 3 позиции вверх, по сравнению с прошлым годом. Связан этот подъём во многом с позитивными оценками качества судебной системы (имеется в виду деятельность арбитражных судов), времени разрешения спора и стоимости судебной процедуры¹. Следует отметить, что, по мнению Центра развития современного права, в рейтинге 2019 года имеют место быть фактические ошибки, не будь которых, Россия заняла бы 26 место в рейтинге².

Согласно обзору барометра доверия – Edelman Trust Barometer, общий индекс доверия населения в России в 2019 г., составляет 28 баллов из 100. Исследование проводится по четырем направлениям: власть, бизнес, некоммерческие организации и средства массовой информации. Все эти сектора характеризуются серьезным недоверием россиян, однако государственным институтам граждане не доверяют в меньшей степени, нежели остальным³.

В целом, хотелось бы отметить необходимость взвешенного подхода к оценке представительности данных международных неправительственных исследовательских организаций. Уместно обращаться не только к позициям стран в рейтингах, но и к источникам финансирования этих организаций, учитывать их возможную ангажированность, а также политизированность данных.

Таким образом, можно сделать вывод о сходстве социологических данных российских и международных исследовательских организаций относительно невысокой оценки деятельности российских судов, а также о том, что по показателю доверия граждан, целевой индикатор не был достигнут в ходе реализации мероприятий федеральной целевой программы.

При этом необходимо отметить, что проведение ежегодных опросов общественного мнения о деятельности судов было отнесено к компетенции Министерства экономического развития РФ. Анализ текстовых документов – отчетов о реализации программы за 2013 – 2020 годы показал, что ни в одном из отчетов не содержатся данные социологических опросов, заказанных 30.10.2013 г. Минэкономразвития России путем заключения государственного контракта с ООО «ИнвестХорс», организацией, не имеющей в сети Интернет какого-либо информационного ресурса, знакомящего с характером ее деятельности. В сводной таблице целевых индикаторов заявлены данные лишь по 2013 г.: планировалось достижение индикатора 18 % – доля граждан, считающих организацию работы судов неудовлетворительной, по факту же она составила 24,5 %⁴. При этом на июль 2013 г. число лиц, оценивающих отрицательно деятельность судов и судей согласно ФОМ составило 35 %. Также стоит отметить, что в отчетах за финальные 2019 – 2020 годы не планировались мероприятия по направлению НИОКР, а государственным заказчикам рекомендовалось принять исчерпывающие меры по достижению всех целевых индикаторов и показателей программы.

В целевом блоке актуальной сегодня Концепции информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы на шестой позиции обозначена цель – повышение уровня доверия к судебной системе⁵.

По мысли судейского сообщества, эту цель возможно реализовать популяризируя знания о судебной системе и в связи с этим, в самостоятельное направление реализации информационной политики выделено взаимодействие с представителями экспертного сообщества, которые осуществляют мониторинг (опрос) общественного мнения о деятельности судебной системы, а также проводят социологические исследования, направленные на повышение эффективности взаимодействия органов судебной власти и СМИ.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости проведения профессиональных, достоверных, репрезентативных социологических исследований для определения актуальных и адекватных настоящему моменту направлений укрепления авторитета судов и судей РФ

¹ Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies. World Bank Group // <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>

² Качество экономического правосудия в РФ: реальность v. Doing Business-2020. Аналитическая справка / Отв. ред. Кашанин А.В. // cpcp.pf/wp-content/uploads/2019/11/realnost-vs-Doing-Business-2020-e.pdf

³ 2019 Edelman Trust Barometer. Global Report // https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf

⁴ Использованы материалы официального ресурса Минэкономразвития России // <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2020/410/> (дата обращения 20.02.2021)

⁵ Концепция информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586> (дата обращения 20.02.2021)

с привлечением к этой работе научно-исследовательских коллективов, сформированных из представителей как социологического, так и юридического научного сообщества.

Междисциплинарная методология, позволяющая грамотно диагностировать общественные настроения, отслеживать контент средств массовой информации позволит выработать адекватные направления повышения доверия к суду, а поддержка со стороны образовательных учреждений разных уровней и налаживание конструктивного диалога с общественностью и журналистским сообществом закрепят положительную тенденцию.

Литература

1. Конт О. Курс позитивной философии. Антология мировой философии. Т.3. М., 1971. 760 с.
2. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Перевод с французского И.А. Шапиро. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
3. Пригожин А.И. Деорганизация: Причины, виды, преодоление. М., 2007. 400 с.
4. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. СПб., 2009. 472 с.
5. Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Государственная служба: социологические очерки. Монография. М.: Университетская книга, 2013. 264 с.
6. Зинченко Г.П., Зинченко Я.Г. Управление поселениями и организациями. Монография. Ростов н/Д., 2016. 192 с.
7. Поляков С.Б. Самообеспечительная функция судебной власти // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 5. С. 3–9.
8. Прохода В.А. Доверие россиян национальной судебно-правовой системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. 2019. № 5. С. 86–94.

Zinchenko Yaroslava Gennadiyevna, Candidate of Sociological Sciences, Docent of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Makarova Anastasia Vladimirovna, Postgraduate student of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: f08.amakarova@arbitr.ru

Provotorova Valeria Vladimirovna, Postgraduate student of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: 15ap.vprovotorova@arbitr.ru

INSTITUTIONALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM AS A FACTOR OF THE LEGAL AND SOCIAL ORDER OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract

The article examines the problems of maintaining legal and public order in society. Based on the institutional method of identifying the features of the court as a social institution, the stages of institutionalization of the modern judicial system. The problem of institutional trust of the Russian civilian to the judicial system is considered. A sociological analysis of functions and dysfunctions has been carried out. Measures are proposed to strengthen the authority of the judicial system in the public consciousness of Russians.

Keywords: social institution of the court, institutionalization of the judicial system, social and legal order, dysfunctions, deviations, trust, public order, social roles and statuses, public legal relations, state power.

References

1. Kont O. Kurs pozitivnoj filosofii. Antologiya mirovoj filosofii. T.3. M., 1971. 760 p.
2. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) / Perevod s francuz-skogo I.A. SHapiro. Rostov n/D.: Feniks, 2003. 256 p.
3. Prigozhin A.I. Dezorganizaciya: Prichiny, vidy, preodolenie. M., 2007. 400 p.
4. Tihonov A.V. Sociologiya upravleniya. Teoreticheskie osnovy. SPb., 2009. 472 p.
5. Zinchenko G.P., Zinchenko YA.G. Gosudarstvennaya sluzhba: sociologicheskie ocherki. Monografiya. M.: Universitetskaya kniga, 2013. 264 p.
6. Zinchenko G.P., Zinchenko YA.G. Upravlenie poseleniyami i organizacijami. Monografiya. Rostov n/D., 2016. 192 p.
7. Polyakov S.B. Samoobespechitel'naya funkciya sudebnoj vlasti // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2018. № 5. P. 3–9.
8. Prohoda V.A. Doverie rossiyan nacional'noj sudebno-pravovoj sisteme (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) // Sociodinamika. 2019. № 5. P. 86–94.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**Моргунова
Элеонора
Викторовна**

соискатель кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: morgunova@s2005.net

**Смолянинов
Сергей
Николаевич**

аспирант кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: sergeysmolyaninov.job@mail.ru

**Хаустова
Анна
Константиновна**

аспирант кафедры социологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: bazhenova@ecobiocentre.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы социализации российской молодежи в контексте государственной молодежной политики. На основе институционального и пространственного подходов выделено проблемное поле основных институциональных образовательных социализирующих контекстов. Определена роль неинституциональных контекстов социализации. Проведен анализ ценностно-нормативных искажений субъектов социализации. Описаны социальные риски дисфункций социализирующих образовательных институций и девиаций социализирующих агентов, приведены поясняющие социологические и статистические данные. Проанализированы меры по преодолению негативных тенденций социализации российской молодежи, содержащиеся в государственных программных документах.

Ключевые слова: молодежь, социализация, институты, дисфункции, девиации, государственная молодежная политика, личность, молодое поколение, социальный контроль, личностные изменения.

Актуальным объектом пристального внимания государственных и общественных институтов сегодня является проблема социализации молодёжи в условиях нравственно-духовного кризиса, возникающего вследствие размывания культурной, исторической, гражданской идентичности молодого поколения россиян. Указанные кризисные явления деформируют систему нравственных и смысловых ориентиров, способствуя проникновению в сознание молодёжи идеологии экстремизма и национализма, формирования склонности к ксенофобии, коррупции, интолерантности к социальной, религиозной, расовой, национальной инаковости. В этой связи закономерен интерес государства, педагогического сообщества, учёных, представляющих гуманитарную науку, граждан к проблемному полю становления личности молодого человека, поскольку качество именно этой социально-демографической группы определяет будущее общества, перспективы его развития и характер взаимоотношений поколений.

Текстовый анализ медийного пространства, научных публикаций, посвящённых проблемам молодёжи указывает на частотность появления следующих смысловых единиц: «катастрофа воспитания», «потеря ценностей человека и человеческого», «крах гуманизма» и т.д. Активное упоминание этих проблем можно связать с фиксацией возрастающего влияния на личность социально-культурных условий и контекстов социализации, в которых «виртуальный мир», индустрия развлечений, СМИ нивелируют значение ценностей традиционной культуры, усиливая процессы обособления личности от «формальных» групп (родительской семьи, учебного и трудового коллектива), с одной стороны, с другой – её тяготение к неформальным группам досуга. Этому способствует и процесс индивидуализации личности, «законодательно закрепляемый» в образовательном поле, а также параллельно протекающий с ним процесс значительного ослабления социального контроля, что порождает ситуацию вседозволенности, ощущение бесконтрольности и нестабильности существования.

В результате молодёжь социализируется в нравственно-идеологическом вакууме, в анонимной социальной среде, где отсутствуют социальные ориентиры, что приводит к отчуждению личности от общества, росту проявлений девиантного поведения.

Искажение воспитательных функций таких социальных институтов как семья, учреждения культуры, досуговые, молодежные организации, предопределяет усиление роли системы образования и государственной молодежной политики в социализации молодого поколения.

Цель нашего исследования – провести анализ ключевых проблем социализации российской молодёжи в контексте современной государственной молодежной политики.

В социологии молодёжь – это научная категория для обозначения процесса воспроизводства распределительных отношений в их всеобъемлющей полноте. Составляющие данного понятия разнообразны и сводятся к характеристикам подготовки находящегося в стадии социализации контингента населения к участию, а в последующем – к реализации функций социальных институтов общества [1, с. 10 – 11].

Термин социализация входит в научный обиход ещё в конце девятнадцатого века, хотя как научная проблема ставится уже основателями социологии – Огюстом Контом и Гербертом Спенсером. Почти полувековая дискуссия о содержании данной категории приводит представителей различных направлений к согласию относительно того, что социализация есть процесс, посредством которого индивидом устанавливаются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности. Происходит это становление посредством социальной адаптации (к социально-экономическим условиям, ролевым функциям, социальным группам и организациям) и интериоризации – включения социальных норм и ценностей во внутренний мир человека [2, с. 140]. Процесс этот длится всю жизнь, однако социальная структура личности и основной её потенциал закладываются в стадии молодости и большая часть личностных изменений происходит в институциональном образовательном пространстве: школе, организациях дополнительного образования, а также в учреждениях среднего профессионального и высшего образования.

Совсем недавно, в конце прошлого года, российское законодательство пополнилось очень важным документом – Федеральным законом № 489 «О молодежной политике в Российской Федерации». В нем определены возрастные рамки социально-демографической группы «молодёжь» – от 14 до 35 лет включительно, обозначен понятийно-категориальный аппарат, который скоро войдет не просто в речевой обиход, но станет основой новых практик воспитательной работы в системе образования.

Законодатель обосновывает необходимость актуализации молодежной политики целями достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности государства. В этой связи субъекты государственной молодежной политики, а это широкий круг – от федеральных органов власти до физических лиц, должны создавать условия для развития молодежи и ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, через гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание.

Новую, расширенную трактовку понятия «воспитание» государство фиксирует в изменениях Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», которые предшествовали появлению Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». В соответствии с буквой закона, воспитание – это деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде¹.

К сентябрю текущего года образовательным учреждениям всех уровней предстоит определиться с программными и плановыми документами, регламентирующими воспитательный процесс, включением в штатное расписание новых должностных единиц – советников по воспитательной работе и способам взаимодействия с обучающимися, родителей, либо представителями обучающихся. На какие проблемы социализации имеет смысл обратить внимание при формировании программ воспитательной работы?

Прежде всего на усиление влияния неинституциональных контекстов социализации. Этому способствует феномен протестного поведения молодых людей в отношении школьного

¹ Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 20.02.2021)

и семейного воспитания. Да и институт семьи не поддерживает сегодня школьный воспитательный процесс. В прошлом году ВЦИОМ опубликовал следующие данные: 35 % родителей полагают, что полномочия классного руководителя и учителя преувеличены и только 33 % считают, что воспитанием должна заниматься школа¹. По этим причинам сегодня социализирующие процессы развиваются зачастую в уличных группах сверстников и в виртуальной среде сети Интернет, а не в школьных стенах [3, с. 170].

Результатом этого воспитания является девиантизация и криминализация молодежной среды. В соответствии с официальными статистическими данными Министерства внутренних дел РФ, в 2020 г. зафиксировано 525084 преступлений, совершенных в общественных местах, 27156 преступлений было совершено несовершеннолетними². Следствием уличного воспитания нередко становится наркозависимость. В целом, за последние пять лет наблюдается некоторое снижение числа наркозависимых несовершеннолетних, тем не менее в 2019 г. было выявлено 511 зависимых детей и зафиксировано 1682 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков, которые совершили подростки в возрасте от 14 до 17 лет³.

Также стоит отметить «виртуализацию» жизнедеятельности ребенка, где он подвергается риску киберпреступности и кибердевиантности. Эти обстоятельства определяют тенденцию роста преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних. В 2019 г. зафиксировано 14 755 таких преступлений⁴.

Кроме того, в последние годы повсеместно фиксировалась зависимость роста суицидальных настроений в молодежной среде с популяризацией самоубийств в сети Интернет. Треть из 800 000 гибнущих ежегодно от самоубийств в мире – молодые. Самоубийство – одна из ведущих причин смертности в мире во всех возрастах: 1,5 % смертей в мире, или 18 место в ранжире причин смерти, но вторая по частоте причина смертей детей и подростков Европы и США вслед дорожно-транспортным несчастным случаям. На самоубийства приходится 8,5 % смертей подростков и молодых 15-29 лет; они же – основная причина их смертей в мире⁵.

Очевидно, что бороться с указанными тенденциями образовательные учреждения могут только формируя актуальную повестку воспитательных мероприятий, предлагая дополнительные образовательные услуги и ведя системную просветительскую работу с привлечением профессионального экспертного сообщества.

Классик социологической мысли Эмиль Дюркгейм обозначил воспитание как социальный институт, связал его с процессом социализации и подражанием [4]. Дюркгейм подчеркивал, что воспитание является образом и подобием общества. В своей не устаревающей работе «Самоубийство» он отмечает: «Если моральная среда испорчена, то и сами воспитатели, живущие в этой среде, не могут не быть пропитаны той же порчей... Каждое новое поколение воспитывается предшествующим. Следовательно, данному поколению надо самому исправляться, чтобы исправить следующее поколение... воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество.» [5, с. 369 – 370].

В этой связи актуальной проблемой становится и профессиональная социализация молодых педагогов. Сегодня мы наблюдаем ситуацию, где агентом выступает, по сути, социализирующий в условиях новой социальной реальности педагог – агент социализации обучающегося. Так, по данным Министерства просвещения РФ, на начало 2020 г. насчитывалось 1347854 школьных педагогических работников. Из них 319217 человек в возрасте до 35 лет,

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/klassnyj-rukovoditel-i-chto-o-nem-dumayut-roditeli-shkolnikov-1> (дата обращения 20.02.2021)

² Состояние преступности в России за январь-октябрь 2020 года // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21933965/> (дата обращения 20.02.2021)

³ Кузнецова отметила снижение наркомании среди детей в России // <https://news.ru/society/kuznecova-otmetila-snizhenie-narkomanii-sredi-detej-v-rossii/> (дата обращения 20.02.2021)

⁴ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году // https://www.garant.ru/files/1/6/1376961/doklad_detskiy_ombudsmen.pdf (дата обращения 20.02.2021)

⁵ Письмо Министерства здравоохранения РФ от 6 марта 2020 г. N 15-2/И/2-2645 О методических рекомендациях "Суицидальное поведение несовершеннолетних (профилактические аспекты)" // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74231984/> (дата обращения 20.02.2021)

молоче 25 – 82380¹. Основными проблемами молодых педагогов, которые нередко превращаются в травмирующие факторы социализации уже учащихся, исследователи называют:

- недостаточное развитие психологических компетенций, а также профессиональных умений по организации воспитательной работы с разными категориями обучающихся;
- несформированные навыки педагогического и делового общения, связанные с личностными особенностями и недостатком опыта;
- ориентацию профессиональной деятельности на внешнюю оценку, недостаточные способности к рефлексии педагогического опыта;
- отсутствие навыков тайм-менеджмента, неумение эффективно распределять рабочее время (с приоритетом на важные и срочные дела) и, как следствие, эмоциональное выгорание.
- негативное воздействие стресса, связанного с неуверенностью и низкой самооценкой [6, с. 354].

Процесс профессиональной социализации педагога – еще одна актуальная проблема, к которой обращено внимание государства. В ближайшие четыре года в рамках федерального проекта «Учитель будущего» будут создаваться условия эффективной профессиональной социализации 70 % учителей в возрасте до 35 лет в формах поддержки и развития в первые три года их работы².

Компенсировать школьные проблемы социализации мог бы институт дополнительного образования, формирующий ориентированных на активное гражданское включение в социокультурные и экономические процессы развития государства поколения россиян. Сегодня российская система дополнительного образования представлена 6 направленностями (естественнонаучной, технической, физкультурно-спортивной, художественной, туристско-краеведческой, социально-педагогической) и охватывает более десяти миллионов детей и подростков. Из них 9883867 занимаются по программам дополнительного образования в государственных образовательных учреждениях и 152232 – в негосударственных³.

Однако и в этой сфере есть свои проблемы. Основной дисфункцией системы дополнительного образования является его формальная необязательность, в связи с чем в правовом поле отсутствует гарантия его бесплатности. Необязательность дополнительного образования продолжает восприниматься родительским сообществом как доставка необязательных дополнительных знаний, что, безусловно, ошибочно, а отсутствие гарантии на бесплатность ограничивает его доступность для обучающихся с разными образовательными возможностями и потребностями, в том числе проживающих в разных регионах России.

Откорректировать положение дел в системе дополнительного образования детей и молодежи призван федеральный проект «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование», целевыми ориентирами которого является обеспечение качественным и доступным дополнительным образованием 80% детей и подростков в возрасте от пяти до 18 лет к 2024 г.

Реформа ждет и систему профессионального образования, отметившему в прошлом году свое восьмидесятилетие. В практики данного социального института вовлечено 3119688 студентов. Представленная в прошлом году Министерством просвещения Российской Федерации Стратегия развития СПО до 2030 г. включает пять приоритетных направлений: обновление содержания образовательных программ, формирование нового ландшафта сети учреждений СПО, повышение финансовой устойчивости и целевая поддержка колледжей, повышение квалификации работников системы СПО, развитие культуры профессиональных соревнований⁴. В ближайшее время содержательно обновятся образовательные и профессиональные стандарты, учебные пособия; сократятся сроки обучения; будет проводиться работа, направленная на повышение качества общеобразовательной подготовки, освоение профессиональных навыков уже в самом начале освоения образовательной программы и развитие профессиональной соревновательности.

¹ Электронный ресурс: <https://docs.edu.gov.ru/document/ed3ca74f26a1dc055a313991f66d2fa3/> (дата обращения 20.02.2021)

² Учитель будущего. Образование/Федеральный проект. Электронный ресурс: <https://futurerussia.gov.ru/ucitel-budusego> (дата обращения 20.02.2021)

³ Электронный ресурс: <https://docs.edu.gov.ru/document/6ddf18f8155fd3121d7e3f8f88a1fffb/> (дата обращения 20.02.2021)

⁴ Система СПО становится центром непрерывного профессионального образования // Вестник образования. Декабрь 2020 // <https://vestnik.edu.ru/main-topic/cistema-spo-stanovitsia-tsentrom-nepreryvnogo-professionalnogo-obrazovaniia>

Масштабными мероприятиями затронута и высшая школа. 19 февраля текущего года Министерство образования и науки РФ организовало семинар-совещание более 700 представителей вузов, на котором главной задачей, которую предстоит решить представителям университетов, была названа систематизация воспитательной работы в высших учебных заведениях¹. Несмотря на значительное число агентов социализации в вузе: педагогов, специалистов деканатов, административных работников, специалистов культурных, спортивных научных центров; а также широкий арсенал средств вовлечения в социальное пространство вуза: конкурсные проекты, научные конференции, культурно-массовые, спортивные, волонтерские мероприятия, практики и стажировки; в студенческой среде нередки проявления агрессии, экстремизма и ксенофобии; употребления психоактивных веществ, наркотиков, алкоголя; правонарушений; рискованного сексуального поведения; протестных настроений.

К перечисленным негативным проявлениям приводят такие дисфункции высшей школы, как зарегулированность образовательного процесса и формализация социализирующего. В связи с этим в последние годы все чаще в публикациях по тематике воспитательной работы в вузах встречаются материалы, обращающиеся к успешным зарубежным практикам и, особенно, к тьюторскому сопровождению образовательного и воспитательного процессов. Феномен тьюторства тесно связан с историей европейских университетов. Он оформился примерно в XIV в. в классических английских университетах Оксфорда и несколько позднее – Кембриджа. С этого времени под тьюторством понимают сложившуюся форму университетского наставничества [7, с. 326].

Задачами тьюторов являются: воспитание у курируемых студентов личностных, гражданских и профессиональных навыков, значимых для будущей профессиональной деятельности; повышение мотивации к обучению; привитие интереса к учебе, научной и общественной деятельности, будущей профессии; адаптация к условиям обучения в вузе; выявление талантливых студентов и содействие в развитии их потенциала; пропаганда здорового образа жизни [8, с. 59].

Подобную практику государство планирует ввести и в школьных образовательных организациях. С 1 марта 2021 г. в 10 пилотных регионах страны будут введены должности советника по воспитанию при директоре школы.

Еще одно нововведение касается включения в ФЗ «Об образовании в РФ» понятия «просветительская деятельность» и установления запрета на использование такой деятельности для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Просветительской деятельностью будет считаться обучение вне рамок образовательных программ, которое направлено на распространение знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта и компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов².

Воспитательный потенциал просветительской деятельности имеет, по мнению специалистов, ценностную, индивидуально-ориентационную, операционную и интеграционную функции [9, с. 92]. А ее общественный характер и богатая российская традиция, начиная с М.В. Ломоносова, может стать дополнительным объединяющим фактором межпоколенческих связей и компенсировать недостатки семейного воспитания и образовательного процесса.

Таким образом, можно заключить, что государственные управленцы и администраторы образовательного процесса, педагогический корпус, ученые, исследующие проблемы социализации молодежи, сходятся во мнении, что системная и концептуальная воспитательная работа в учебных заведениях способна снизить социальные риски динамично меняющейся социальной среды на процессы социализации личности молодого человека. Ее успешность будет определяться качеством управленческого воздействия, соотносением с культурными кодами молодого поколения и задачами государственной молодежной политики, развитием практик медиации с включением в воспитательный процесс наставников, экспертов-просветителей и родительского сообщества.

Литература

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
2. Артемьев А.И. Социология личности. 2-е изд. М.: ООО «Арба Т-XXI», 2001. 256 с.

¹ Электронный ресурс: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=29568 (дата обращения 20.02.2021)

² Электронный ресурс: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1057895-7> (дата обращения 20.02.2021)

3. Gehan EL Nabawy Ahmed Moawad, Gawhara Gad Soliman Ebrahim. The Relationship between use of Technology and Parent-Adolescents Social Relationship // Lecturer of Pediatric Nursing, Faculty of Nursing, Mansoura University // https://www.researchgate.net/publication/343427413_The_Relationship_between_use_of_Technology_and_Parent-Adolescents_Social_Relationship
4. Луков А.В. Культурная социализация // Электронный журнал Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 [1] с.
6. Овчинникова Л.А., Декман И.Е. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации молодого педагога к условиям профессиональной деятельности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 2 (31). С. 354–357.
7. Богданова Ю.З. Об изменении традиций воспитательной работы в вузе // Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 321–329.
8. Хамиди Э. Проблема формирования толерантности в процессе обучения иностранных студентов // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2014. № 4. С. 75–79.
9. Буслова Е.В. Воспитательные потенциалы общественно-просветительской деятельности // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. № 3. С. 91–94.

Morgunova Eleonora Viktorovna, Applicant of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: morgunova@s2005.net

Smolyaninov Sergey Nikolaevich, Postgraduate Student of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: sergeysmolyaninov.job@mail.ru

Khaustova Anna Konstantinovna, Postgraduate Student of the Department of Sociology, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: bazhenova@ecobiocentre.ru

PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE INSTITUTIONAL EDUCATIONAL SPACE

Abstract

The article examines the problems of socialization of Russian youth in the context of state youth policy. On the basis of the institutional and spatial approaches, the problem field of the main institutional educational socializing contexts is highlighted. The role of non-institutional contexts of socialization is determined. The analysis of value-normative distortions of the subjects of socialization is carried out. The social risks of dysfunctions of socializing educational institutions and deviations of socializing agents are described; explanatory sociological and statistical data are given. Analyzed the measures to overcome the negative tendencies of socialization of Russian youth, contained in state program documents.

Keywords: youth, socialization, institutions, dysfunctions, deviations, state youth policy, personality, younger generation, social control, personal change.

References

1. Gorshkov M.K., Sheregii F.E. Molodyozh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovaniy: [monografiya]. M.: FNIS RAN, 2020. 688 p.
2. Artem'ev A.I. Sociologiya lichnosti. 2-e izd. M.: OOO «Arba T-XXI», 2001. 256 p.
3. Gehan EL Nabawy Ahmed Moawad, Gawhara Gad Soliman Ebrahim. The Relationship between use of Technology and Parent-Adolescents Social Relationship // Lecturer of Pediatric Nursing, Faculty of Nursing, Mansoura University // https://www.researchgate.net/publication/343427413_The_Relationship_between_use_of_Technology_and_Parent-Adolescents_Social_Relationship
4. Lukov A.V. Kul'turnaya socializaciya // Elektronnyj zhurnal Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. № 3.
5. Dyurkgejm E. Samoubijstvo: Sociologicheskij etjud / Per. s fr. s sokr.; Pod red. V.A. Bazarova. M.: Mysl', 1994. 399 [1] p.
6. Ovchinnikova L.A., Dekman I.E. Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie processa adaptacii mladogo pedagoga k usloviyam professional'noj deyatel'nosti // Azimut nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya. 2020. № 2 (31). P. 354–357.
7. Bogdanova YU.Z. Ob izmenenii tradicij vospitatel'noj raboty v vuze // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2018. № 6. P. 321–329.
8. Hamidi E. Problema formirovaniya tolerantnosti v processe obucheniya inostrannyh studentov // Professional'nyj proekt: idei, tekhnologii, rezul'taty. 2014. № 4. P. 75–79.
9. Buslova E.V. Vospitatel'nye potentsialy obshchestvenno-prosvetitel'skoj deyatel'nosti // Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. YUvenologiya. Sociokinetika. 2010. № 3. P. 91–94.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КОНТЕКСТА
КОНЦЕПЦИИ «МИРНОГО ВОЗВЫШЕНИЯ КИТАЯ» (2002–2004 гг.)**

Помозова кандидат социологических наук, доцент,
Наталья Российский государственный гуманитарный университет
Борисовна (125047, Россия, г. Москва, ул. Чаянова, 15). E-mail: promozova@mail.ru

Аннотация

В статье с позиции социологического дискурс-анализа и рефлексивной социологии исследуется дискурсивный контекст концепции «мирного возвышения Китая» на материале выступлений ее автора, Чжэн Бицзяня, и официальных лиц КНР, употреблявших данную формулировку в своих речах в период с 2002 по 2004 гг. В исследовании на основании биографических фактов автора концепции «мирного возвышения» показана социально-политическая рефлексия, в результате которой была сформулирована рассматриваемая концепция. Проанализировав исторический опыт попыток стремительного возвышения Германии и Японии и отношение к нему на Западе, Чжэн Бицзянь предложил сделать упор внешнеполитического вектора КНР на миролюбивый настрой. Впоследствии самым важным оказался отказ от понятия «возвышение» в пользу «развития», что явилось результатом соответствующей социологической рефлексии.

Ключевые слова: мирное возвышение, социально-политическая рефлексия, социологический дискурс-анализ, Китай, Чжэн Бицзянь, Ху Цзиньтао, социология международных отношений, внешняя политика, рефлексивная социология.

Введение

Растущая с конца прошлого века мощь Китая в экономической, технологической, военной и прочих областях обусловила переосмысление возможностей и потребностей дальнейшего развития страны, оформление результатов такой рефлексии и обоснования активизации внешней политики в глобального масштаба концепциях и соответствующем дискурсе в целом. Методологическую основу исследования является социологический дискурс-анализ, сочетаемый с рефлексивной социологией и социологией международных отношений. До сих пор существует большое разнообразие определений дискурса, не говоря уже о проблеме его лингвистического происхождения (что объективно, поскольку дискурс в любой интерпретации представляет собой текст/речь). Для решения задач данной работы была использована разработка М. Фуко, которую также понимают и применяют весьма вариативно (подробно и сравнительно с другими рассмотрена, например, Л.П. Мориной [1]). С этой позиции, в самом общем виде, можно описать наиболее распространенный подход к дискурсу как некоторой психологической *установке*. Хотя социологи при этом, например, П. Брахам, также обобщают в понимании дискурса то, «как знания, предметы, поведение и события изображаются и определяются в утверждениях, предположениях, концепциях, темах и общих идеях... фрейм, через который мы видим мир» [2]. Социологическая же рефлексия позволяет им понимать, в свою очередь, эти обстоятельства и соответственно им изменять свой дискурс (а не только риторику). В данном случае, то, что и как говорят китайские эксперты и политики, объективно обусловлено тем, каков Китай сегодня, и как он себя сегодня изучает и понимает [3].

Уже в 1990-е гг. назрел внутренний запрос на отказ от выжидательной стратегии Дэн Сяопина и переход к более решительным позициям. Но эти настроения ещё не были оформлены официально, а нашли отражение в политико-пропагандистской литературе того времени. Одна из первых официальных концепций Китая, которая не только привлекла внимание мировой общественности, но и насторожила элиты некоторых стран, связана с именем Чжэн Бицзяня. Этот уроженец провинции Сычуань (1932 г.р.) сегодня считается одним из крупнейших интеллектуалов современного Китая, будучи советником по вопросам внешней политики ряда высших руководителей КНР. С 1988 по 1992 гг. он занимал пост вице-президента одного из главных китайских аналитических центров – Китайской академии социальных наук и одновременно руководил «Институтом марксизма, ленинизма и мысли Мао Цзэдуна». В 1992 г. он был избран в ЦК КПК и занял должность заместителя директора отдела пропаганды и вице-президента Центральной партийной школы (ЦПШ), руководил которой на тот момент Ху Цзиньтао. В ЦПШ он занимался реформированием системы обучения, внедряя так называемую программу «пять современников», целью которой было расширение кругозора, представлений

о современном мире партийных кадров всех уровней. Разрабатывая эту программу, Чжэн Бицзянь активно изучал европейский политический опыт, совершил несколько поездок по Европе, знакомясь с опытом трансформации политических партий с коммунистической идеологией в социал-демократические партии, с особенностями многопартийной системы и проч. [4] С 2002 г. он занимает должность декана факультета Гуманитарных и социальных наук Китайской академии наук, а также руководит пекинским «мозговым центром» «Форум реформ Китая».

Многочисленные поездки в Европу, а также США, общение с политической и экспертной элитой позволили Чжэн Бицзяню философски и социально-политически отразить исторические попытки Германии и Японии завоевать лидирующие позиции в мире. Их стремительный характер, сопряженный с военными методами, по-прежнему воспринимается во всем мире негативно. Переосмысление этих фактов и их обстоятельств привело этого политолога к идее формулирования нового внешнеполитического курса с упором на понятие «мир». В результате была сформулирована концепция «мирного возвышения», включенная в дискурс руководства Китая, ориентированный на международное сообщество.

Основные этапы становления и развития концепции «мирного возвышения»

1. XVI Съезд Коммунистической партии Китая и мирное возвышение Китая – новый путь

Хотя традиционно считается, что впервые амбициозная внешнеполитическая концепция «мирного возвышения» была высказана Чжэн Бицзянем в 2003 г. в г. Боао, он использовал данный термин и раньше, например, в декабре 2002 г., в выступлении в Центре стратегических и международных исследований США «16-й съезд Коммунистической партии Китая и мирное возвышение Китая – новый путь» [5]. Первая часть этого выступления посвящена кадровым перестановкам, произошедшим на 16 Съезде, в результате которых сменились все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (за исключением Ху Цзиньтао). Позитивно оценив такие изменения, он отмечает, что «в Китае зарождается и развивается новый тип политической культуры» [5, р. 74] и подчеркивает отличия «мирного возвышения» Китая от исторического опыта Германии и Японии, старавшихся завоевать лидирующие позиции в мире военным путем, а также и от СССР периода Брежнева, конкурировавшего с США при помощи гонки вооружений. Китаю же следует полагаться на собственное развитие, открытие рынков, реформы институтов, участие в процессах глобализации, следование принципу взаимной выгоды в отношениях с другими странами. Чжэн Бицзянь также отмечает, что идея «мирного возвышения» появилась не внезапно, а уже 23 года Китай идет по этому пути (т.е. с момента начала политики «реформ и открытости»), и у страны есть значительные успехи. Из контент-анализа этого выступления следует, что «развитие» («development») было использовано 17 раз, «мирное возвышение» («peaceful rise») – 2 раза, «изменение мышления» («change of mindset») – 5 раз, «взаимная выгода» («mutual benefit») и «отношения с взаимным выигрышем» («win-win relations») – по 1 разу.

2. «Новая возможность для китайско-американских отношений»

13 декабря 2002 г. Чжэн Бицзянь произнес речь уже в одном из ведущих «мозговых центров» США, «Совете по международным отношениям» [5, р. 67-73]. В речи под названием «Новая возможность для китайско-американских отношений» он «объединяет» США и Китай в борьбе с «медведем» – «угрозой», исходившей от СССР. Выделяя два типа обстоятельств для развития двусторонних отношений, к внешним Чжэн Бицзянь относит вызовы («медведя» СССР и террористическую угрозу, апеллируя к событиям 11 сентября 2001 г.), а к внутренним, коренным, – развитие и «мирное возвышение» Китая, перечисляя все пять упомянутых в предыдущей речи факторов. В целом, он использует в выступлении: возможность/opportunity (27), развитие/development (14), рынок/market (10), медведь/bear (7), СССР/U.S.S.R (5), расти, рост/grow, growth (5), экономическая глобализация/economic globalization (3), мирное возвышение/peaceful rise (2), динамичный/dynamic (2), путь развития/development path (2), угроза, угрожать/threat, threaten (2).

3. «Новый путь мирного возвышения Китая и будущее Азии»

На азиатском экономическом форуме в г. Боао (о. Хайнань) 3 ноября 2003 г. Чжэн Бицзянь выступил на пленарном заседании и представил широкой аудитории амбициозную внешнеполитическую концепцию КНР. Именно с этой датой принято ассоциировать появление данной концепции, хотя, как показывает анализ, термин звучал в речах ее автора и несколько

раньше, однако выступления не были рассчитаны на большую аудиторию, то есть, он прощупывал почву, «апробировал» ее, вероятно, наблюдая за реакцией, за тем, как она будет воспринята пока еще не столь широкой аудиторией – сначала внутренней, китайской, а затем – ключевой внешней, американской. Анализ риторики выступления «Новый путь мирного возвышения Китая и будущее Азии» [5, р. 14-19] показал, что оно было ориентировано на более широкую, мировую общественность. Чжэн Бицзянь обозначил как главную проблему, так и возможность для развития Китая – обе они сводятся к количеству жителей КНР, к числу 1,3 млрд. (а к 2030 г. – 1,5 млрд.) людей.

С одной стороны, любая проблема социально-экономического характера, сколь незначительной она бы ни была, умноженная на эту цифру, представляет серьезную угрозу, а ресурсы, поделенные на 1,3 млрд, оказываются недостаточными, однако с другой стороны, по мере развития и экономического роста Китая эта цифра сможет стать позитивным фактором для всего мира.

Таким образом, автор концепции заявляет об амбициозности намерений Китая занять лидирующие позиции не только в Азии, но и в мире. Чжэн Бицзянь опирается в своем выступлении на следующие ключевые слова и выражения: *economy*, *economic/экономика*, *экономический* (21), *развитие/development* (18), *возвышение/rise* (17), *peace* (14), *мир/world* (11), *мирное возвышение/peaceful rise* (9), *global* (7), *развивающаяся страна/developing country* (3), *политика реформ и открытости/reform and opening up* (6), *мирный, мир/peaceful* (3), *общий/mutual* (3), *socialist* (3), *возвышение Китая/China's rise* (2), *выгода/benefit* (2), *новый путь/new path* (2), *глобализация, глобальный/globalization, global* (2), *ответственность/responsibility* (2). Автор употребляет фразы речевые обороты, указывающие на масштаб и амбиции представленной концепции: *ответственность во имя прогресса человечества / responsibility to the sake of human progress*; *возвышение Китая не отделимо от мира/inseparable from the world*; *историческая возможность/historical opportunity*; *независимое развитие / independent development*. Словосочетание «социалистическая демократия/socialist democracy» демонстрирует, с одной стороны, говорить на языке, понятном Западу, неотъемлемой части современной политической культуры которого является демократия, но с другой стороны показывает намерение идти собственным, «социалистическим» путём.

4. Обращая ваш взгляд к Китаю

В последовавшей за выступлением Чжэн Бицзяня речи Премьер-министра КНР Вэнь Цзябао «мирное возвышение» ещё не прозвучало, однако были анонсированы новые региональные концепции для Азии – «новой безопасности» и «возрождения и обновления» / «*rejuvenation and renewal*»¹.

Зато 10 декабря 2003 г. Вэнь Цзябао во время своего визита в США выступил с речью в Гарвардском университете, в которой и употребил термин «мирное возвышение»². Его риторика носила позитивный характер, использованные слова и выражения наделены положительной коннотацией. *Развитие/development* (13), *мир/peace* (10), *права человека/human rights* (7), *мир и развитие/peace and development* (2), *взаимное понимание/mutual understanding* (2). Фраза о взаимном понимании, совместном процветании без единообразия/*co-existence, co-prosperity without uniformity, without sameness* свидетельствует о твердом намерении Китая сохранить собственный путь развития, расширяя при этом возможности сотрудничества с другими странами.

5. «Мирное возвышение» в выступлениях Ху Цзиньтао

В серьезности намерений руководства Китая продвигать новую амбициозную внешнеполитическую концепцию не осталось сомнений после того, как она стала звучать в речах Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао, ориентированных как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию (выступление перед членами Постоянного комитета Политбюро по случаю 110-летнего юбилея со дня рождения Мао Цзэдуна в декабре 2003 г., во время официального визита во Францию в январе 2004 г.³, в речи перед членами Политбюро в феврале 2004 г.).

¹ Premier Wen calls for win-win development path for Asia. http://en.people.cn/200311/02/eng20031102_127404.shtml

² "Turning Your Eyes to China"--Speech by Premier Wen Jiabao at Harvard University"

<https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceun/eng/xw/t56090.htm>

³ Hu Calls for More Sino-French Cooperation in Business. <http://www.china.org.cn/english/international/85607.htm>

26 декабря 2003г. Ху Цзиньтао произнес речь для широкой аудитории на форуме в честь 110-летия со дня рождения Мао Цзэдуна, опубликованную новостным агентством Xinhua¹, в которой он воздержался от употребления термина «мирное возвышение», построив выступление на анализе достижений Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и текущей политики КПК, ориентированной на интересы народных масс, открытость внешнему миру и собственный путь развития, обозначая при этом развитие Китая как благо и вклад в развитие всего мира и подчеркивая, таким образом, роль Китая как глобального игрока. В речи можно выделить следующие ключевые слова и словосочетания: развитие/development (35), социализм с китайской спецификой/socialism with Chinese characteristics (16), возрождение/rejuvenation (8), демократическая революция/democratic revolution (7), Три представительства/Three Representations (6), великое возрождение китайской нации/Chinese nation great rejuvenation (4), открытость/open up (4), опора на собственные силы/self-reliance (3), агрессия Западных стран/aggression of Western countries (2), самосовершенствование/self-improvement (2) новая эра/new era (1).

6. Пресс-конференция Вэнь Цзябао

В марте 2004 г. на полях второй сессии 10-го Всекитайского собрания народных представителей Вэнь Цзябао² и Министр иностранных дел Ли Чжаосин³ дали две пресс-конференции, в ходе которых оба использовали словосочетание «мирное возвышение».

Вэнь Цзябао, отвечая на вопросы журналистов, использовал следующие слова и словосочетание развитие/development (26), мир/peace (13), сотрудничество/cooperation (11), стабильность/stability (9), возвышение Китая/China's rise, rise of China (7), единство/unity (6), один Китай/one China (5), мирное воссоединение [с Тайванем] / peaceful reunification (3), мирное возвышение/peaceful rise (3), демократия, демократический/democracy, democratic (3), взаимный/mutual (3), мир и стабильность (2). Он отметил, что Китай становится более могущественным/China becomes more powerful, что можно трактовать как прямое заявление о внешнеполитических амбициях.

7. Пресс-конференция Ли Чжаосина

Отвечая на последний, прямой вопрос журналиста об отношениях с Вашингтоном и о том, является ли мирно возвышающий Китай благом или вызовом для его соседей и США, Ли Чжаосин упомянул «новую концепцию безопасности» и назвал «мирное развитие Китая самым большим вкладом в глобальный мир и развитие». В целом, в ответах на вопросы представителей китайских и зарубежных СМИ звучали следующие ключевые слова: развитие/development (21), Тайвань/Taiwan (16), права человека/human rights (15), мир/peace (13), унилатерализм / unilateralism (6), мультилатерализм/multilateralism (4), взаимное доверие/mutual trust (4), стабильность/stable (3), большие страны/big countries (3), вмешиваться/interfere (3), вызов/challenge (3), демократические права/democratic rights (3), законные права и интересы / legitimate rights and interests (2), Пять принципов мирного сосуществования/Five Principles of peaceful Coexistence (2), политические права/political rights (1). Выражение «дипломатическая работа Нового Китая/diplomatic work of New China», употребленное Ли Чжаосином.

Идентичной риторики придерживался и Министр обороны Китая Цао Ганчуань во время визита в Таиланд в апреле 2004 г.⁴ Он подробно разъяснил суть внешнеполитической стратегии «мирного возвышения», фактически опираясь на тезисы Вэнь Цзябао и используя аналогичную лексику.

8. Мирное возвышение Китая и возможности для Азиатско-тихоокеанского региона

В 2004 г. концепция «мирного возвышения» была фактически выведена из официального публичного дискурса. 18 апреля 2004 г. на «круглом столе» на тему: «Мирное возвышение Китая и экономическая глобализация» Чжэн Бицзянь выступил с речью «Мирное возвышение Китая и возможности для Азиатско-тихоокеанского региона» [5, с. 29-36]. В отличие от его

¹ Speech at a forum in commemoration of Comrade Mao Zedong's 110th birth anniversary. <http://academics.wellesley.edu/Polisci/wj/308S/Readings/HuonMao110.htm>

² Full text of Chinese premier's press conference. http://en.people.cn/200403/15/eng20040315_137493.shtml

³ Full text of Chinese FM's press conference. http://en.people.cn/200403/07/eng20040307_136794.shtml

⁴ Zhongguo fang zhang caogangchuan zai taiguo yanjiang chanshu heping jueqi

Министр обороны Китая Цао Ганчуань выступил в Таиланде с речью, объясняя путь «мирного возвышения». <http://mil.news.sina.com.cn/2004-03-31/2200190573.html>

прошлогодного доклада данное выступление было в большей степени ориентировано на азиатское сообщество, хотя в ней упоминались и «большие державы», и «союзнические отношения некоторых стран с США» как гаранты стабильности в регионе. Был сделан значительный акцент на сложности, с которыми сталкивается Китай на «пути мирного возвышения». Он подчеркнул, что данная тенденция берет начало в 1978 г., на третьем пленарном заседании XI съезда Компартии Китая. В речи можно выделить следующие смысловые слова и словосочетания: возможность / opportunity (21), мирное возвышение/peaceful rise (18), развитие/development (17), сотрудничество/cooperation (11), вызовы/challenges (8), мир/peace (8), общий/common (7), риск/risk (4), крупные державы/big powers (3), общий/mutual (3), взаимный выигрыш/win-win (3), Chinese characteristics/китайские характеристики (2), сообщества с общим интересом / communities of common interest (2), globalization/глобализация (3). Риторика выступления, позитивные коннотации, частая апелляция к самой концепции, как и фраза о том, что наступила новая эра стратегических возможностей (new era of strategic opportunities) свидетельствуют о том, что Чжэн Бицзянь на момент своего выступления видел в ней значительный потенциал для внешней политики Китая.

Тем не менее, несмотря на то, что концепция «мирного возвышения» была одной из основных тем форума¹, Председатель КНР Ху Цзиньтао не использовал эту формулировку в своем выступлении².

Хотя, спустя всего несколько месяцев, в сентябре 2004 г. (а также неоднократно в последующие годы [6]) формулировка «мирное возвышение» ещё не единожды звучала в выступлениях её автора, Чжэн Бицзяня (начиная с Италии [5, р. 37-43]), и сама тема продолжает обсуждаться в экспертных и академических кругах в Китае и за рубежом до сих пор, из дискурса официальных лиц КНР она пропала.

Заключение

Анализ трагических попыток Германии и Японии первой половины XX века захватить мировое лидерство военным путем привел китайских аналитиков к формулировке новой внешнеполитической концепции Китая с акцентированием ее мирного характера. Объективный (по М. Фуко) характер дискурса, в котором выражаются и концепции, означает зависимость их лингвистического, риторического оформления от восприятия мира и оформления своего знания о нем, которое, в свою очередь, также зависит от дискурса, представляющего, таким образом, определенные объективные рамки восприятия и результаты этого восприятия. В рассматриваемом случае, концепция «мирного возвышения» была сформулирована и затем заменена на концепцию «мирного развития» на основании социально-политической (индивидуальной и институциональной) рефлексии того, каков Китай сегодня и как он себя сегодня изучает и понимает. Это изменение дискурса имеет не риторический, а социально-рефлексивный характер, является следствием переопределения китайскими интеллектуалами и политическим руководством своего и страны состояния, места и возможностей в системе международных отношений, которые во многом уже не нужно специально подчеркивать вследствие того, что рост силы и международного влияния КНР стал таким значительным, что перешел в категорию самоочевидного.

Литература

1. Морина Л.П. Концепт «политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 4. С. 134–141.
2. Braham P. Key Concepts in Sociology. Los Angeles: Sage Publications, 2013. 224 p.
3. Litvak N., Pomozova N. Chinese Diplomatic Discourse for Europe: A Change of Style // Russia in Global Affairs. 2021, Vol. 19, No.1 January – March, pp. 50–69.
4. Robert L. Suettinger. The Rise and Descent of "Peaceful Rise". China Leadership Monitor, No. 12. Pp. 1-2.
5. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997-2005. Brookings Institution Press. 2005.
6. Zheng Bijian. China's Road to Peaceful Rise Observations on its Cause, Basis, Connotation and Prospect. Routledge. London. 2011. 352 p.

¹ World sees chance as China pursues peaceful rise. http://en.people.cn/200404/26/eng20040426_141493.shtml

² Full Text World sees chance as China pursues peaceful rise of Hu Jintao's Speech at BFA Annual Conference 2004 http://www.china.org.cn/features/2004-04/24/content_1093897.htm

Pomozova Natalia Borisovna, Ph.D., Assistant Professor, Russian State University for the Humanities (15, Chayanova str., Moscow, 125047, Russian Federation). E-mail: npomozova@mail.ru

**SOCIOLOGICAL DISCOURSE-ANALYSIS OF THE CONTEXT
OF THE "CHINA'S PEACEFUL RISE" CONCEPT (2002-2004)**

Abstract

From the standpoint of sociological discourse-analysis and reflexive sociology, the article examines the discursive context of the concept of the "peaceful rise of China" based on the speeches of its author, Zheng Bijian, and Chinese officials who used this formulation in their speeches from 2002 to 2004. In the study, based on the biographical facts of the author of "peaceful rise", socio-political reflection is shown, as a result of which the concept was formulated. After analyzing the historical experience of the attempts of the rapid rise of Germany and Japan and the attitude towards it in the West, Zheng Bijian proposed to focus the foreign policy vector of the PRC on a peaceful attitude. Subsequently, the most important was the rejection of the concept of "rise" in favor of "development", which was the result of the corresponding sociological reflection.

Keywords: peaceful rise, socio-political reflection, sociological discourse analysis, China, Zheng Bijian, Hu Jintao, sociology of international relations, foreign policy, reflective sociology.

References

1. Morina L.P. Koncept «politicheskoe» v sovremennykh diskurs-analiticheskikh issledovaniyakh // Vestnik SPbGU. Ser. 17. 2015. Vyp. 4. P. 134–141.
2. Braham P. Key Concepts in Sociology. Los Angeles: Sage Publications, 2013. 224 p.
3. Litvak N., Pomozova N. Chinese Diplomatic Discourse for Europe: A Change of Style // Russia in Global Affairs. 2021, Vol. 19, No.1 January – March, pp. 50–69.
4. Robert L. Suettinger. The Rise and Descent of "Peaceful Rise". China Leadership Monitor, No.12. Pp.1-2.
5. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997-2005. Brookings Institution Press. 2005.
6. Zheng Bijian. China's Road to Peaceful Rise Observations on its Cause, Basis, Connotation and Prospect. Routledge. London. 2011. 352 p.

УДК 316.3

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-224-230

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В НАУКЕ**

Скуднова доктор философских наук, профессор кафедры психологии,
Татьяна Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Дмитриевна Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
(347936, Россия, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48).
E-mail: skudnovatd@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена обоснованию социальных функций образования в контексте приоритетов антропологических и аксиологических смыслов. Основное внимание уделено развитию акмеологической культуры личности, нового мышления и реализации креативного потенциала социальных субъектов в контексте антропологического подхода.

Ключевые слова: антропологическая парадигма, целеполагание, смысловые ориентиры, социальная мобильность, социальная субъектность, саморазвитие, социальное проектирование, социальные антропопрактики.

Социальная функция современного высшего образования состоит в подготовке студентов к профессиональной и социальной роли созидателей в современном обществе, развитии творческой активности, готовности и способности личности адаптироваться к постоянным социокультурным изменениям, к непрерывному самообразованию, социальной активности и ответственности в условиях новой нормальности. Феномен «образование» давно стал предметом исследований в философии, социальной психологии, педагогике, культурологии, антропологии. Социологические аспекты понятия «образование» как социального института проявляются в показателях социального статуса индивида, степени его адаптированности и социализированности в окружающей действительности. Одним из первых исследователей социальных функций образования был основоположник социологии образования Эмиль Дюркгейм [6].

В России источником развития социологии образования можно считать работы Питирима Сорокина, посвященные социальным функциям образования и высшей школы, а также вопросам социальной и культурной стратификации [14].

Развитие социологической науки и философии образования в настоящее время характеризуется «антропологическим поворотом», сущность которого заключается в повышенном интересе ученых к проблемам человека и его роли в социуме. Предметом социально-философского анализа и смыслом образования становятся ключевые социокультурные и экзистенциально-духовные проблемы человека (В.С. Библер, О.И. Генисаретский, П.С. Гуревич, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, Г.П. Щедровицкий и др.). В.С. Библер полагал, что «исходя из особенностей современных форм мышления и деятельности, должен быть по-новому понят сам смысл образования» [3, с. 21]. Образованный человек в настоящее время – это, прежде всего, субъект культуры и социума, активный, компетентный, креативный, обладающий новым мышлением и антропологическим мировоззрением. Таким образом, приоритетными направлениями развития образования становятся антропологические и акмеологические цели и смыслы, о чем писал М.М. Бахтин, подчеркивая, что культура – это способность к пониманию и возникновению личностных смыслов, развитие индивидуальности, уникальности «Я», с которым можно вступать в диалог [2]. Результативность и эффективность образования как части культуры в связи с этим определяется созданием психолого-педагогических условий для развития способности к пониманию себя и смысла своей жизнедеятельности, к целеполаганию и становлению субъектной, социально значимой жизненной позиции.

Кризисное состояние философско-методологических основ современного образования побуждает ученых к поиску новых методологических ориентиров, социальных функций и смыслов деятельности высшей школы (А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, О.И. Генисаретский, Б.С. Гершунский, А.П. Огурцов, В.В. Платонов и др.) [9]. Университеты как центры культуры призваны в период переживаемого нами глобального кризиса, получившего название «межэпохальный зазор», осуществлять антропологическую экспертизу разрабатываемых социальных проектов, формировать новую этику межличностных отношений, способность выживать в условиях новой нормальности. Мы полагаем, что «такая глобальная задача может быть решена через гуманизацию и антропологизацию образования. Философская рефлексия как общечеловеческая ценность должна рассматриваться как основной механизм саморазвития в процессе образования в условиях современной цивилизации» [10, с.31]. Антропологическая ориентация образования связана со смыслом понятия «антропная цивилизация», который отражает ожидаемое состояние общества, в котором ключевой фигурой будет человек. Антропная цивилизация возникает в процессе «антропологического синтеза», смены схематизмов мышления, стереотипов сознания и поведения, личностной самореализации в ходе самообразования и самосовершенствования.

Развивая идею русского философа С.И. Гессена о том, что педагогика – это прикладная философия, А.П. Огурцов и В.В. Платонов пишут: «Две формы дискурсивной практики – философия и педагогика, две формы стратегии исследования оказались взаимодополнительными, и постепенно начала складываться общая установка и общая стратегия. С одной стороны, философская рефлексия, направленная на осмысление процессов и актов образования, была восполнена теоретическим и эмпирическим опытом педагогики... С другой стороны, педагогический дискурс, переставший замыкаться в своей области и вышедший на «большой простор» философской рефлексии, сделал предметом своего исследования не только конкретные проблемы образовательной действительности, но и важнейшие социокультурные проблемы времени» [9].

Высшее образование в нашей стране претерпевает существенные изменения, связанные с переходом от предметно-знаниевой к человекообразующей парадигме, в рамках которой главной целью становится создание условий для индивидуализированного сопровождения процесса саморазвития и самостановления профессионала как социального субъекта. Новые цели, содержание, ценности и смыслы образования невозможно реализовать путем прямого педагогического воздействия. Актуальными остаются до настоящего времени антропологические взгляды выдающегося классика отечественной психолого-педагогической науки К.Д. Ушинского, изложенные им в работе «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Он отмечал, если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях.

К.Д. Ушинский считал, что в университетах должны быть созданы антропологические кафедры и факультеты, основной воспитательно-образовательной задачей которых было бы комплексное изучение целостного человека [16]. Современные ученые и исследователи его творчества сходятся в мнении, что ключевые идеи и основные положения «Педагогической антропологии» К.Д. Ушинского не только не утратили своей актуальности, но до конца еще не приняты профессиональным сообществом педагогов высшей школы, в то время как именно сейчас наступило «время Ушинского», момент истины, то есть эпоха внимательного его прочтения и понимания. Сформулированный и научно обоснованный в предисловии его знаменитого сочинения «Человек...» принцип антропологизма, чрезвычайно актуален для современной психолого-педагогической науки и социальной практики и должен быть реализован во всей его полноте в содержании образовательной деятельности вузов. Для решения этой и других не менее актуальных социальных функций образования должен быть принципиально по-новому переосмыслен сам институт образования как особый философско-антропологический и онтологический феномен, характеризующий процесс становления человеческого в человеке на основе «живого знания» о закономерностях развития социально-антропологической целостности личности [11, 12].

Антропологический поворот в науке и образовании вызван, по мнению ученых, кризисом самого человека (М.К. Мамардашвили) который «...может произойти и частично уже происходит в силу нарушения онтологических законов, по которым устроено человеческое сознание и связанная с ним «пристройка», называемая цивилизацией» [17, с. 318]. Глобальная проблема кризиса человека как социокультурный вызов современной российской высшей школе послужила мощным стимулом развития психолого-педагогической антропологии – системной науке о человеке и законах его становления и развития в образовании. Б.С. Гершунский утверждает: «Сфера образования, несомненно, имеет самое непосредственное отношение к происходящим в мире событиям, в том числе и к тем негативным тенденциям, которые все более явственно дают о себе знать. Ибо причиной их, в конечном счете, является сам человек, утративший способность активно противостоять Злу во всех его проявлениях, потерявший Веру в нравственные, духовные ценности Мира и Смысл человеческой жизни, лишившийся жизненных ориентиров и не находящий ответов на важнейшие мировоззренческие вопросы ни в науке, ни в религии, ни в образовании» [5, с. 14]. Ученый интерпретирует словосочетание «смысл жизни» как ключевое понятие, ценность и цель деятельности современного образования. В качестве важнейших задач современной высшей школы рассматривается удовлетворение потребности человека в поиске смысла жизни, своего предназначения, развитии способности к самопознанию, саморазвитию и самореализации в обществе. Среди социальных функций современного высшего образования можно выделить формирование нового самосознания, жизненных целей, ценностно-смысловых оснований, человекообразных целей и содержания социальной деятельности.

Глобальные социальные вызовы XXI века, ситуация пандемии, неопределенности, нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне породили дефицит смыслов социального взаимодействия, понимания и доверия. В условиях глобального кризиса может быть единственным способом сохранения цивилизации выступает усвоение антропологической культуры, антропологизация образования, позволяющая приобрести «живое знание» о самом себе как субъекте жизнедеятельности, авторе своей судьбы, смысле жизни и об отношениях в социуме. В связи с этим, актуальность приобретают понятия: «понимание», «целеполагание», «смыслжизненные ориентации», «ценностные ориентации», «социальная активность личности», «стратегия жизни» (К.А. Абульханова) [1].

Особое внимание ученых сосредоточено также на исследованиях, посвященных процессу формирования в образовании нового, нелинейного мышления и антропологического мировоззрения, в котором внутренний мир человека как социального субъекта является приоритетной ценностью [11]. В рамках антропологического подхода к модернизации российского образования остается актуальной социальная функция развития ценностного отношения личности к окружающей действительности, креативности, раскрытия творческого потенциала в профессиональной деятельности [13]. Существование множества подходов и концепций становления человека в условиях полипарадигмальности в науке определяет необходимость концептуального обоснования антропологической направленности и междисциплинарности в исследованиях социальных функций образования. Становится очевидным и общепризнанным фактом

современной науки проблема антропологизации гуманитарного и психолого-педагогического образования как глобальная тенденция развития общества.

Самым ярким представителем философской антропологии XVIII века был Иммануил Кант, считавший, что человекознание призвано быть фундаментальной наукой в силу того, что ее главный предмет – это человек, а цель – изучение человека. В своей работе «Антропология с прагматической точки зрения» он писал: «Цель всех успехов в области культуры, которые служат школой человеку, – применять полученные знания и навыки к миру, – но наиболее важный предмет в мире, к которому эти знания могут быть применены, – это человек, поскольку он есть собственная последняя цель» [8, с. 138].

Несомненно, роль психолого-педагогического образования на современном этапе развития российского социума исключительно велика. В условиях углубления социально-антропологического кризиса сама сфера образования должна стать пространством профессионально-личностного творческого саморазвития каждого субъекта, создавать необходимые условия для самореализации личностного потенциала и формирование активных субъектов социальной деятельности в жизнеспособном обществе. Профессионально-личностное становление, развитие творческих ресурсов каждого – актуальнейшие и важнейшие ценности и цели современной системы образования, отвечающего на вызовы трансформирующегося социума развитием и максимальной реализацией человеческого капитала.

Антрополого-гуманистическую цель современного образования состоит, таким образом, в обеспечении условий для развития в каждом человеке социальной субъектности как потребности и способности к саморазвитию и самореализации своего творческого потенциала в процессе созидательной социальной деятельности. Развитие человеческого потенциала как приоритетная идея современного образования выдвигает в свою очередь задачу создания психолого-педагогических условий развития социальной субъектности человека в процессе профессионального становления. Важно подчеркнуть, что на современном этапе социального развития человеческое измерение, человекообразность (В.С. Степин) становится предметом междисциплинарных исследований [15].

В современном мире отчетливо осознается, что прогресс культурно-исторического развития социума опосредуется, определяется и детерминируется консолидацией усилий всех социальных институтов развития человеческого потенциала, важнейшим из которых является психолого-педагогическое образование. В современных условиях полипарадигмальности исследований социальных функций образования выделяется антрополого-гуманитарное направление, ключевым понятием которого является человекообразность. Центральной идеей человекообразной парадигмы образования становится проблема восхождения человека к социально-антропологической целостности (САЦ), рассматриваемой как идеальная форма целостного человеческого бытия, существующая как ваймодополняющее единство структурных уровней: общества, групп, общностей и отдельного человека. САЦ интерпретируется нами как онтологическая категория, смыслообразующая цель и ценность профессиональной подготовки профессионала, обладающего способностью и готовностью к целенаправленной внутренней акмедеятельности, саморазвитию и самосозиданию, с одной стороны, и гуманистической направленностью на развитие другого человека; активной социальной позицией и способностью сознательно воздействовать на окружающую действительность, изменять и совершенствовать ее [10]. Ставится новая образовательная задача – создание пространства целостного развития и становления человека будущего, обладающего универсальными способами творческой деятельности и основами креативного мышления. Этот новый образ образования требует пересмотра традиционных представлений о нем: недостаточно формирования у студентов профессиональных знаний, умений и навыков, а также социально значимых компетенций. Наряду с психолого-педагогической поддержкой процесса социализации личности студента как важнейшей функции образования, особая роль принадлежит индивидуализации и антропологизации воспитательно-образовательного процесса в высшей школе.

Таким образом, можно утверждать, что в системе современного российского образования возникли серьезные социальные проблемы, которые диктуют необходимость комплексных, междисциплинарных, человекообразных научных исследований, предметом которых является феномен человека, его всестороннее изучение, развитие и становление на всех ступенях образования.

Антропологический подход как важнейший методологический ориентир психолого-педагогического образования предполагает изучение и развитие Человека не только как объекта и предмета воспитания, но, прежде всего, как активного субъекта социальной деятельности и социокультурных преобразований.

Несмотря на то, что современные исследования в области антропологии образования ведутся многими отечественными учеными (А.Г. Асмолов, Б.М. Бим-Бад, О.И. Генисаретский, Н.М. Невзоров, А.Н. Орлов В. И. Слободчиков, А.В. Хуторской и др.), а антропологический подход рассматривается как один из методологических оснований психолого-педагогической деятельности, все же особую роль приобретает проблема разработки и внедрения в воспитательно-образовательный процесс высшей школы антропопрактик саморазвития и социальной самореализации, так как проблема социального самоопределения личности – центральная для овладения субъектом своим профессиональным становлением и креативной деятельностью в процессе жизнедеятельности. Образование как социальная антропопрактика – это процесс социализации и индивидуализации личности, развитие и становление целостного человека, раскрытие его творческих потенциалов и сущностных сил как единства природного, социокультурного и духовно-экзистенциального.

Содержание социальной антропопрактики в вузе составляет осознанное и целенаправленное проектирование таких жизненных ситуаций, в которых осуществляется профессионально-личностное самоопределение и развитие социальной субъектности. Самодетерминированность, управляемость, осознанность, снятие жизненной неопределенности, творение индивидуальности, формирование Я-концепции, наполнение себя жизненным смыслом и социокультурным контентом – важнейшие функции социальных антропопрактик в образовании. Другими словами, социальные антропопрактики – это рефлексивные, мыслительные, проектные практики работы с человеком, направленные на его саморазвитие и раскрытие креативного человеческого потенциала.

Саморазвиваться означает стать субъектом жизнедеятельности, занять активную позицию, самостоятельно реализовать жизненные цели, принять на себя социальную ответственность за жизненные стратегии и результаты профессиональной деятельности в социуме. Саморазвитие в психолого-педагогическом образовании означает субъектность собственного преобразования, соединение творца и творения, сочетание социальной ответственности и самореализации. Рефлексивные антропопрактики помогают трансформировать «живое знание» и «живое мышление» (В.П. Зинченко) в реальные качественные профессионально-личностные самоизменения в процессе личностного-роста [7]. Социально-активная, созидательная профессионально-личностная позиция как ожидаемый результат антропопрактик необходима современному человеку в ответ на социальные вызовы и ситуацию неопределенности современного мира. В переживаемой в настоящее время ситуации пандемии и самоизоляции лучше себя чувствуют люди, способные к пониманию, саморефлексии, целеполаганию, смыслообразованию, видящие перспективу и готовые ответить на вызовы социума, выбирая стратегию роста и саморазвития.

По утверждению социологов и философов, тема саморазвития и самореализации в социуме уже попала в топ социокультурного пространства и сферу научных междисциплинарных исследований. Необходимо, чтобы эта проблема стала не только популярной в культуре и социуме, но и попала в образовательный контент высшей школы в качестве социальной проблемы и ключевой компетенции профессионалов. Несмотря на то, что в психолого-педагогическом образовании компетенция, связанная с готовностью и способностью к саморазвитию давно включена в число базовых компетенций выпускников, до сих пор остается актуальной проблема внедрения социальных антропопрактик в воспитательно-образовательный процесс высшей школы.

Важно понимать, что в современном социуме во всем мире эта стратегия уже давно является признаваемой и востребованной в силу личностных (обретение точки опоры, личностного стержня) и социально-экономических условий (выгода саморазвития, социальный статус и успех). Выбирая путь саморазвития и профессиональной самореализации, человек должен уметь проектировать позитивную стратегию своей жизни [18]. В связи с этим возникает еще одна важнейшая задача социальной антропотехнологии – формирование навыков социального проектирования, основ профессионально-педагогической культуры, центральным моментом которой является развитие креативности, проективности, инновационности, что в итоге наиболее полно воплощает сущность современного высшего образования и его социокультурную функцию.

Образовательное проектирование реализует общечеловеческую потребность личности стать активным социальным субъектом, готовым к проектированию себя и собственного жизненного пути. Следует подчеркнуть, что социальное проектирование в психолого-педагогическом образовании это не самоцель, а средство, обеспечивающее процесс самопознания и саморазвития личности на основе рефлексивной социальной деятельности. В этой связи социальная деятельность в образовании является проектом самопостроения человека-профессионала.

Таким образом, социальные антропотехнологии – это уникальные практики, которые помогают развивать навыки проектирования индивидуальной образовательной стратегии, преодолеть дефицит смысла, понимания и доверия. Деятельность педагога-психолога как одна из антропологических человековедческих профессий (наставник, тьютор, коуч, фасилитатор, психотерапевт и др.) основывается на психологических практиках, антропотехнологиях саморазвития, а потому овладение будущими специалистами социальными антропопрактиками выступает условием прогрессивного развития и совершенствования общества. Психолого-педагогическая антропология должна стать базовым гуманистическим курсом в педагогических вузах, в рамках которого можно реализовать развивающий потенциал проектных и социальных антропопрактик в целях решения задач на саморазвитие, понимание, доверие и смысл. Это важнейшая ценностная задача и стратегическая цель образовательной политики XXI века, направленной на восстановление единства индивида и социума.

Исходя из вышеизложенного следуют выводы об общественно приоритетных направлениях социально-антропологических исследований: междисциплинарное обоснование жизненного развития и социальной активности личности, проектирование и моделирование антропоориентированных подходов в гуманитарном образовании, разработка и внедрение инновационных подходов и социальных антропотехнологий, направленных на практическую помощь человеку в процессе самопознания, саморазвития, самореализации в профессии и самоопределения в обществе. Социальные антропотехнологии помогают решать задачи развития человеческих ресурсов и человеческого фактора в процессе социального взаимодействия и креативной деятельности, задачи развития социокультурной и коммуникативной среды, прогрессивного развития человека и общества.

Литература

1. Абульханова К.А. Стратегия жизни. М., 2001. 299 с.
2. Бахтин М.М. К философии поступка. М., 1996. 176 с.
3. Библер В.С. Диалог культур. М., 1989.
4. Генисаретский О.И. Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.: «Мысль», 2004.
5. Гершунский Б.С. Философия образования. М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. 426 с.
6. Дюркгейм Э. Социология образования / Под ред В.С. Собкина, В.Я. Нечаева. М., 1996.
7. Зинченко В.П. Перспектива ближайшего развития развивающего образования // Психологическая наука и образование. 2000. Том 5. № 2.
8. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. М., 1994. Т. 7. 138 с.
9. Огурцов А.П., Платонов В.В. Педагогическая антропология: поиски и перспективы // Человек. 2002. № 1-2. С. 71–87.
10. Скуднова Т.Д. Философские основы антропологизации педагогического образования. Ростов-на-Дону, 2007. 350 с.
11. Скуднова Т.Д. Социально-философские основания трансформации педагогического образования. Социально-гуманитарные знания. М., 2009. 290 с.
12. Скуднова Т.Д. Психолого-педагогическая антропология. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2018. 353 с.
13. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М., 2000. 397 с.
14. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. М., 1992. С. 297–307.
15. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2007. 382 с.
16. Ушинский К.Д. Избранные педагогические соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1974. 440 с.
17. Хуторской А.В. Педагогические основания Доктрины образования человека в Российской Федерации: Доклад к заседанию Бюро Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО 27 января 2015 года [Электронный ресурс] // Вестник Института образования человека; 19.01.2015 г. – <http://eidos-institute.ru/journal/2015/0119.htm>
18. Человек в системе наук / Ред. И.Т. Фролов. М.: Наука, 1989. 504 с.

Skudnova Tatyana Dmitriyevna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Psychology, A.P. Chekhov Taganrog Institute (Branch) of Rostov State University of Economics (48, Initsiativnaya Str., Taganrog, 347936, Russian Federation). E-mail: skudnovatd@yandex.ru

SOCIAL FUNCTIONS OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL TURN IN SCIENCE

Abstract

The article is devoted to the rationale of social functions of education in the context of priorities of anthropological and axiological meanings. The focus is on the development of the acmeological culture of personality, new thinking and the realization of the creative potential of social actors in the context of the anthropological approach.

Keywords: *anthropological paradigm, purpose, semantic orientation, social mobility, social subjectivity, self-development, social design, social anthropopractices.*

References

1. Abul'hanova K.A. Strategiya zhizni. M., 2001. 299 p.
2. Bahtin M.M. K filosofii postupka. M., 1996. 176 p.
3. Bibler V.S. Dialog kul'tur. M., 1989.
4. Genisaretskij O.I. Kul'turno-antropologicheskaya perspektiva // Inoe. Hrestomatiya novogo rossijskogo samosoznaniya. M.: «Mysl'», 2004.
5. Gershunskij B.S. Filosofiya obrazovaniya. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Flinta, 1998. 426 p.
6. Dyurkgejm E. Sociologiya obrazovaniya / Pod red V.S. Sobkina, V.YA. Nechaeva. M., 1996.
7. Zinchenko V.P. Perspektiva blizhajshego razvitiya razvivayushchego obrazovaniya // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2000. Tom 5. № 2.
8. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya // Sobr. soch. M., 1994. T. 7. 138 p.
9. Ogurcov A.P., Platonov V.V. Pedagogicheskaya antropologiya: poiski i perspektivy // CHelovek. 2002. № 1-2. P. 71–87.
10. Skudnova T.D. Filosofskie osnovy antropologizacii pedagogicheskogo obrazovaniya. Rostov-na-Donu, 2007. 350 p.
11. Skudnova T.D. Social'no-filosofskie osnovaniya transformacii pedagogicheskogo obrazovaniya. Social'no-gumanitarnye znaniya. M., 2009. 290 p.
12. Skudnova T.D. Psihologo-pedagogicheskaya antropologiya. Moskva-Berlin: Direkt-Media, 2018. 353 p.
13. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Psihologiya razvitiya cheloveka. M., 2000. 397 p.
14. Sorokin P. Social'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P. CHelovek, civilizaciya, obshchestvo / Pod red. A.YU. Sogomonova. M., 1992. P. 297–307.
15. Stepin V.S. Filosofiya nauki. Obshchie problemy. M., 2007. 382 p.
16. Ushinskij K.D. Izbrannye pedagogicheskie soch. v 2-h t. T. 2. M., 1974. 440 p.
17. Hutorskoj A.V. Pedagogicheskie osnovaniya Doktriny obrazovaniya cheloveka v Rossijskoj Federacii: Doklad k zasedaniyu Byuro Otdeleniya filosofii obrazovaniya i teoreticheskoy pedagogiki RAO 27 yanvarya 2015 goda [Elektronnyj resurs] // Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka; 19.01.2015 g. – <http://eidosis-institute.ru/journal/2015/0119.htm>
18. CHelovek v sisteme nauk / Red. I.T. Frolov. M.: Nauka, 1989. 504 p.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Шахбанова

Мадина

Магомедкамиловна

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский
федеральный исследовательский центр РАН (367030, Россия,
Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75).
E-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Религиозное возрождение сильнее затронуло канонические территории распространения исламского вероучения, причем для этого имелись объективные факторы. Рост значимости религиозного фактора, в данном контексте, исламского в социальной жизни общества, стремление духовных лиц доминировать в общественной жизни, особенно в системе образования, способствовали повышению интереса исследователей к религиозной тематике. Поэтому изучение состояния религиозной сферы, религиозности, ее типов, специфики культового поведения населения являются актуальными, ибо от положения в данной сфере зависит стабильность общества. Эмпирические данные свидетельствуют, что массовому сознанию городского населения Дагестана характерно обозначение ключевой роли исламского фактора в обществе. В установках опрошенных горожан доминирует позиция, обозначающая ассоциацию опрошенных с исламом, при этом можно наблюдать, что подгруппы самоидентифицирующиеся как «убежденно неверующие» и «неверующие» подчеркивают свою принадлежность мусульманскому вероучению, что является подтверждением существования культурной или формальной религиозности. Кроме того, обозначение опрошенными веры в мистические силы является одним из показателей деформации их религиозной самоидентификации, что может выразиться в деструктивных процессах в религиозной сфере. Эмпирические данные показывают, что доля «чистых» религиозных типов среди опрошенных по всему массиву небольшая, но по подгруппам процентные показатели отражают их тип религиозности, при этом религиозное поведение по интенсивности не соответствует конкретно взятому типу религиозности.

Ключевые слова: религия, религиозность, типы религиозности, городское население, городское пространство, ислам, культовое поведение, верующий, неверующий, атеист, религиозные правила.

Введение

Проблема религиозности и выраженность ее типов в массовом сознании населения, соответственно, изучение культового поведения, характерного каждому конкретно взятому типу религиозности заметно актуализировались в постсоветский период. Массовая религиозность россиян активно заявила о себе в 1990-х годах, в период острых социально-экономических и политических трансформаций, размывания устоявшихся представлений о жизни, кризиса государственной идентичности. Этот период можно определить как время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности «советского человека», равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы [1, с. 46].

Однако ради справедливости следует отметить, что в науке внимание к этому аспекту религиозной сферы всегда присутствовало, соответственно, религиозность и ритуальное поведение были предметом пристального интереса религиоведов, причем для этого имелись веские основания.

В статье рассматриваются типы религиозности городского населения Дагестана, обозначены позиции, которые позволяют классифицировать опрошенных как «убежденно верующих», «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих».

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана проведен 2020 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 563.

Обсуждение

Среди российских исследователей существует критическое отношение к индикаторам измерения религиозности, поэтому, например, Е.А. Кублицкая против включения в систему показателей уровня религиозности конфессиональной самоидентификации, т.е. отнесение себя

к последователям определенной религиозной общности с мотивацией того, что «ученые, которые считают этот показатель необходимым, не учитывают устойчивость ориентации на отождествление конфессиональной и национальной принадлежности» [2, с. 98]. Автор не разделяет данный тезис, ибо исходит из того, что человек независимо от отношения к религии (верующий/неверующий) в определенных социальных сферах (похоронных, при заключении брака и т.д.) соблюдает предписания вероисповедания, которому он принадлежит, поэтому только обозначение своего отношения к религии (верю – не верю) не должно быть основанием для игнорирования данного параметра при исследовании религиозности населения. Если обратиться к исламу, то даже глубоко верующего человека из мусульманского вероисповедания может вывести определенные действия, поступки, даже произношение определенных слов.

В рамках исследования религиозности городского населения важным является установление для опрошенных значимости принадлежности к определенной религии, которое демонстрирует существующие в массовом сознании разных по типу религиозности групп идентификации с конкретно взятым вероучением или мировоззрением, т.е. проявляется «культурная религиозность», суть которой заключается в ассоциации человека, независимо от отношения к религии (верующий – неверующий), с определенным вероучением.

Эмпирические данные на вопрос **«К какой религии Вы себя относите?»** показывают превалирование доли респондентов, обозначающих свою принадлежность мусульманству (80,6 %), причем здесь можно отметить позицию одной пятой части неверующих и каждого шестого опрошенного из подгруппы убежденно неверующих. Далее, (46,5 %) в подмассиве колеблющихся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию», впрочем, как и утверждение неверующих (26,3 %) и одной девятой части убежденно неверующих.

Дальнейший анализ показывает, что больше половины опрошенных в подгруппе убежденно неверующих и одна треть неверующих обозначает реально соответствующее их самоидентификации суждение «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист». Анализ по возрастному признаку показывает, что больше половины опрошенных во всех подгруппах относят себя к исламу. Размытое отношение к религии – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» демонстрирует одна пятая часть в возрасте «от 60 лет и старше» и каждый восьмой опрошенный в когорте «от 40 до 50 лет». По сравнению с другими подгруппами, в подмассиве «от 50 до 60 лет» больше самоидентифицирующихся как атеисты (6,0 %). Анализ по образовательному признаку показывает, что уровень образования респондентов практически не отражается на обозначении ими своего отношения к вероучению: свою принадлежность исламу демонстрируют 69,4 % опрошенных с базовым средним, 80,3 % средним, 84,0 % средним специальным и 80,8 % высшим образованием. При этом доля придерживающихся атеистических установок в подмассиве с высшим образованием статистически незначима (4,1 %). Таким образом, полученные на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» результаты показывают, что опрошенное городское население Дагестана независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса самоидентифицируется как «мусульмане», кроме того, доля обозначающих приверженность атеистическому мировоззрению среди них статистически небольшая, исключение закономерно составляют подгруппы, относящиеся по типу религиозности к убежденно неверующим и неверующим.

В рамках данного исследования представляется необходимым показать результаты исследования по годам: если доля обозначающих свое отношение к определенному вероучению (76,5 % в 2014 г. и 80,6 % в 2020 г.) и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист» не сильно изменилось, то можно наблюдать, что в разы увеличилось количество придерживающихся позиций «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» (0,9 % в 2014 г и 8,6 % в 2020 г.), что свидетельствует об определенных трансформациях в массовом сознании респондентов. Правда, необходимо оговорить, что вышеприведенные суждения отмечены небольшой долей респондентов, хотя следует иметь в виду, что даже когорта, обозначающая свою религиозную принадлежность и отношение к религии, при этом не отличается интенсивностью культового поведения.

Таким образом, эмпирические данные ярко продемонстрировали, что больше половины убежденно неверующих, одна треть неверующих не считает себя последователями какого-либо вероучения, хотя среди них есть часть, которая отмечает свою принадлежность исламу. А это может являться подтверждением характерной данным подгруппам культурной или формальной религиозности – когда не верят в существование Всевышнего, но обозначают себя

последователем, например, мусульманства, а также в определенных ситуациях следуют религиозным нормам, например, в семейно-брачной, похоронно-обрядовой и т.д. В этой связи вполне справедливо звучит утверждение М.М. Мчедловой, что «одним из важнейших контекстов современной религиозной ситуации... является причисление себя к той или иной конфессии» [3, с. 165].

Несмотря на то, что отношение к вере является личным, закрытым пространством человека, но имеет большое значение установление характерных горожанам мировоззренческих убеждений, поэтому с целью глубокого изучения религиозных установок городского населения Дагестана, респондентам был задан «контрольный вопрос» **«Вы верите в Аллаха?»**. Данные на этот вопрос показывают, что в массовом сознании городского населения с большим перевесом доминирует позиция «верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им» (84,4 %), но при этом можно констатировать наличие определенной непоследовательности в их установках. Так, одна пятая часть в подгруппе неверующих и каждый шестой опрошенный в подмассиве убежденно неверующих обозначает свою веру в Бога, что противоречит изначально демонстрируемой ими неверию в сверхъестественные силы. Более того, подгруппа убежденно неверующих при декларировании неверия в Аллаха, одновременно верит в существование сверхъестественных и мистических сил (22,2 %). Существование такой позиции в массовом сознании горожан свидетельствует о наличии нетрадиционной религиозности, ключевым признаком которой является рост компенсаторной функции религии (Е.А. Кублицкая).

Такую же картину можно наблюдать при анализе по возрастному признаку: так в вопросе «К какой религии Вы себя относите?» когорты «от 40 до 50 лет» выбрала суждение «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» (12,0 %), однако в этой подгруппе, по сравнению с другими, больше придерживающихся позиции «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им» (90,4 %), что ставит под сомнение их реальное отношение к вероучению. Далее с повышением уровня образования опрошенных растет доля, обозначающих свое отношение к вере, хотя исследователи придерживаются позиции, что чем выше образовательный статус респондента, тем должен быть ниже уровень его религиозности, которая данными авторского опроса не подтверждается. Более того, можно увидеть, что в подмассиве с базовым средним образованием, по сравнению с другими подгруппами, больше доля отметивших вариант ответа «я не верю в Аллаха, я атеист» (5,6 %), впрочем, как и в возрастной категории «от 60 лет и старше» (6,7 %). Сравнение эмпирического материала по годам (2014 и 2020 гг.) показывает увеличение доли обозначающих свое отношение к вероучению, при снижении количества атеистов и верующих в мистические силы (с 84,4 % в 2014 до 90,1 % 2020 г.). Видимо, можно согласиться с позицией, что «неверие... объясняет отсутствием религиозного воспитания и религиозных семейных традиций» [4, с. 105].

Таким образом, результаты исследования позволяют выявить когорты нерелигиозных респондентов, которые 1) не самоидентифицируются с конкретным вероисповеданием, соответственно, не демонстрируют какое-либо культовое поведение; 2) одновременно обозначают свою принадлежность исламу, что было выявлено эмпирическими данными на вопрос «К какой религии Вы себя относите?». Кроме того, выбор респондентами позиций «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом» является свидетельством проявления деформированной религиозной идентичности, которая может стать основой возникновения радикальных и экстремистских настроений в массовом сознании, особенно подрастающего поколения.

В рамках исследования соответствия типа религиозности, обозначения своего отношения к вере, важным является анализ культового поведения, ибо очень часто встречается несогласованность между самоидентификацией человека с конкретным вероисповеданием и его реальным поведением. Изучая религиозное возрождение, типы религиозности, особенности религиозного поведения исследователями, к сожалению, не были подробно рассмотрены многие аспекты религиозной сферы, среди которых ключевыми, по мнению автора, являются «вхождение человека в религию», отношение к вероучению (кто стал верующим и почему?), интенсивность соблюдения религиозных норм, причины обращения к Аллаху, социально-демографические параметры верующих, причем важным является социальный портрет верующего. Разумеется, отечественные исследователи рассматривали данные вопросы, но при этом отсутствовала глубина изучения мотивации обращенности вчерашнего атеиста в религию.

Частичный ответ на данный вопрос можно найти в исследовании И.А. Юрасова и О.А. Павловой [5, с. 27]. Можно утверждать, что в постсоветский период в массовом сознании населения произошёл слом прежней идеологии, причем кардинально, и данный процесс протекал очень болезненно, способствуя появлению сложных, противоречивых тенденций в общественной жизни и сознании. Автор согласен с мнением, что на фоне религиозного возрождения наблюдается, наряду с ростом религиозности, важности соблюдения конфессиональных постулатов и норм, если можно так выразиться, «окрашивание» вчерашних атеистов в глубоко верующую когорту населения. Несомненно, здесь имеются и свои сложности, обусловленные прежней идеологической системой, которая не позволяла верующим людям открыто проявлять свои религиозные чувства и вести активное культовое поведение. Появление слоя людей, демонстративно участвующих в публичных религиозных праздниках, но при этом не соблюдающих базовые положения своего вероисповедания, вызывает множество вопросов: «К какому типу религиозности их относить?». О возросшей роли религиозного компонента в жизни человека свидетельствует возросший интерес к религиозным знаниям, стремление обучаться в исламских учебных заведениях [см. 6–7].

Анализ религиозной активности/пассивности городского населения актуализирует вопрос установления степени их религиозности (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?»
(%, вторая цифра – опрос 2014 г.)**

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	60,0	24,7	7,0	0	0	34,7/26,0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	36,1	61,3	20,9	10,5	27,8	46,0/53,2
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	2,4	10,0	32,6	5,3	1,1	8,8/10,0
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	1,0	1,1	25,6	42,1	0	4,3/3,4
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	0	0,4	7,0	21,1	5,6	1,6/1,5
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха	0	0,7	0	15,8	55,6	2,7/1,6

Результаты исследования констатируют доминирование в массовом сознании одной второй части респондентов суждения «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», при этом только одна треть опрошенных ассоциирует себя по мировоззренческим установкам с категорией убежденно верующих, ибо всегда соблюдает религиозные предписания и обряды. Можно наблюдать существование почти 3-кратной разницы между когортой «убежденно верующих» и «верующих», всегда соблюдающих религиозные предписания. Подгруппе «верующих» ближе позиция «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», которую разделяет каждый третий опрошенный в подмассиве «убежденно верующих» и одна четвертая часть из подгруппы «убежденно неверующих».

Определенную сложность представляет выявление критерия отнесения к категории реально верующих, и, видимо, здесь нужно опираться не только на самоидентификацию

опрошенных, но и следует более пристальное внимание уделить религиозному поведению респондентов – периодичности соблюдения ими религиозных постулатов. Также обращают на себя внимание установки колеблющихся, которые самоидентифицируются с противоположных позиций: с одной стороны, считают себя «убежденно верующими», но при этом «вообще не соблюдают религиозные предписания и обряды» (одна треть), с другой, каждый четвертый опрошенный отметил вариант ответа «скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды». Такая же непоследовательность в мировоззренческих установках характерна и подгруппе убежденно неверующих, которая отметила совершенно противоречащие друг другу суждения: «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды» и «я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха».

По мнению автора, можно констатировать характерную городскому населению формальную религиозность: с одной стороны, демонстративное равнодушие религиозному учению, с другой, подчеркнутое следование религиозно-обрядовой его части. Кроме того, такая позиция в массовом сознании может быть обусловлена еще и тем, что необходима основа воспитания, прививания подрастающему поколению нравственных установок, а это, по мнению людей, возможно через обращение к этической базе вероисповедания. Таким образом, можно утверждать, что рост религиозности, кроме уровня религиозного сознания (доля лиц, идентифицирующих себя с верующими), сопровождается и религиозной практикой, которая прослеживается через частотность посещения культовых зданий (мечетей), совершение молитвы, соблюдение религиозных правил и т.д.

Заключение

Анализ типов религиозности городского населения Дагестана показывает, что подавляющая часть респондентов независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса ассоциирует себя с исламом, причем обращает на себя внимание осознание себя мусульманином подгруппами причисляющих себя к неверующим и убежденно неверующим. При этом одна вторая часть самоидентифицирующихся как колеблющиеся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию»; доля обозначающих свое атеистическое мировоззрение небольшая. Кроме того, исследование выявило существование когорты, придерживающейся позиций – «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом», что является основанием для утверждения о существовании у респондентов деформированной религиозной самоидентификации. Кроме того, данная категория может быть причислена к нетрадиционным верующим, которым характерно интенсивное проявление нетрадиционной религиозности, то есть признание существования сверхъестественной или мистической силы. Сравнение результатов исследования по годам показывает изменение в установках городского населения: если доля обозначающих осознание своей принадлежности к конкретной религии осталась почти на прежнем уровне, то по некоторым позициям наблюдается их трансформация – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист».

Рассмотрение религиозности в рамках, предложенного П. Хиллом 2-х уровневое измерения религиозности показывает, что опрошенным характерно проявление как диспозиционной религиозности, которая выражается через суждение «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», причем его разделяют респонденты самоидентифицирующиеся как неверующие и убежденно неверующие. Функциональная религиозность городского населения проявляется через, во-первых, самоидентификацию с определенным вероисповеданием, в данном случае с исламом, во-вторых, интенсивность религиозной практики (частота посещения религиозных служб, молитвы, пост и т.д.). Результаты исследования показывают большой разрыв между тем, что должен делать верующий человек (совершать намаз, соблюдать пост, выплачивать религиозный налог, совершить паломничество и регулярно посещать мечеть, праздновать религиозные праздники, читать религиозные тексты, посещать религиозные службы) и реальным его культовым поведением. Более того, одна восьмая часть опрошенных не соблюдают ни одно из предписаний культового поведения ислама при одновременной самоидентификации себя как «убежденно верующий».

Литература

1. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103.
3. Мchedlova М.М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 146–178.
4. Баранников В.П., Матроница Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 102–107.
5. Юрасов И.А., Павлова О.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7 (125). С. 24–29. DOI: 10.24158/tpor.2018.7.3.
6. Рамазанов Р.О. Мусульманское образование и его роль в формировании религиозной идентичности // Диалог культур в глобализирующемся мире. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала, 2020. С. 53–56.
7. Рамазанов Р.О. Вопросы мусульманского образования в современном российском обществе: состояние и тенденции // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе. Сборник статей. XVI Агаевские чтения. Махачкала, 2020. С. 178–188.

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragzskogo St., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: madina2405@mail.ru

**RELIGIOUSNESS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN
(ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)**

Abstract

The religious revival has more strongly affected the canonical territories of the spread of the Islamic faith, and for this there were objective factors. The growing importance of the religious factor, in this context, the Islamic one in the social life of society, the desire of clergy to dominate public life, especially in the education system, contributed to the increased interest of researchers in religious topics. Therefore, the study of the state of the religious sphere, religiosity, its types, the specifics of the cult behavior of the population are relevant, because the stability of society depends on the situation in this area. Empirical data indicate that the mass consciousness of the urban population of Dagestan is characterized by the designation of the key role of the Islamic factor in society. The attitudes of the interviewed townspeople are dominated by the position indicating the association of the respondents with Islam, while it can be observed that subgroups self-identifying as "convinced non-believers" and "non-believers" emphasize their belonging to the Muslim faith, which is a confirmation of the existence of cultural or formal religiosity. In addition, the designation by the respondents of belief in mystical forces is one of the indicators of the deformation of their religious self-identification, which can be expressed in destructive processes in the religious sphere. Empirical data show that the share of "pure" religious types among the respondents throughout the entire sample is small, but for subgroups the percentage indicators reflect their type of religiosity, while religious behavior in intensity does not correspond to a specific type of religiosity.

Keywords: religion, religiosity, types of religiosity, urban population, urban space, Islam, cult behavior, believer, non-believer, atheist, religious rules.

References

1. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya // Sociologicheskij zhurnal. 2017. T. 23. № 3. P. 44–63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya // Sociologicheskie issledovaniya. 1990. № 5. P. 95–103.
3. Mchedlova M.M. Religioznaya situatsiya v Rossii i ee regionah // Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / Pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2018. P. 146–178.
4. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve // So-ciologicheskie issledovaniya. 2004. № 9. P. 102–107.
5. YUrasov I.A., Pavlova O.A. Diskursivnoe issledovanie religioznoj identichnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2018. № 7 (125). P. 24–29. DOI: 10.24158/tpor.2018.7.3.
6. Ramazanov R.O. Musul'manskoe obrazovanie i ego rol' v formirovanii religioznoj identichnosti // Dialog kul'tur v globaliziruyushchemsya mire. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhduнародnym uchastiem). Mahachkala, 2020. P. 53–56.
7. Ramazanov R.O. Voprosy musul'manskogo obrazovaniya v sovremennom rossijskom obshchestve: sostoyanie i tendencii // Duhovno-nravstvennye i ideologicheskie problemy v sovremennom obshchestve. Sbornik statej. XVI Agaevskie chteniya. Mahachkala, 2020. P. 178–188.

УДК 338

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-237-244

**HIGH-TECH INDUSTRIES IN CHINA AND RUSSIA:
PRESENT SITUATION AND IMPACT ON ECONOMIC DEVELOPMENT**

**Wang
Yuchan**

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Southern Federal University
(88, Maxim Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: yuvan@sfedu.ru

Abstract

The competition of major countries in the world is mainly the competition of technological innovation, and technological innovation is manifested through high technology. In recent years, the competition of high-tech industries has become the world's major economies stepping up to seize the commanding heights of the new round of technological revolution and high-tech industries. This article provides a comparative analysis of the current situation of high-tech industry development in China and Russia. China and Russia have their advantages in the development of high-tech industries, but they are also different. China's high-tech industries are relatively large in scale and develop at a faster rate, and exceeded Russia in the exports, the proportion of exports in manufacturing, and R&D expenditures. But the proportion of scientific research personnel in China is far lower than in Russia. So China and Russia should take corresponding measures to develop high-tech industries.

Keywords: High-tech industries, economic development, R&D expenditures, scientific research personnel, regulatory measures, export, competition, global economy, manufacturing, technological innovation.

Introduction

In recent years, high-tech industries have shown a rapid development momentum in the world. The development of high-tech industry and the impact on economic growth have increasingly attracted the attention of academia, industry, and governments at all levels, and there are many related research results [1].

At present, the researches in China mostly focus on the impact of high-tech industries on the overall national economy, regional belts, provinces (municipalities), single industries, and microeconomic entities. On the macro level, the impact of research and development (R&D) expenditures in high-tech industries on economic growth is positive; the number of patent applications has a significant positive impact on economic growth. In general, high-tech industry innovation factors can effectively promote economic growth [2-3].

High-tech industries can form new economic growth points by expanding the scale of the industry; through the spillover effects of knowledge and technology, drive the optimization of economic structure; through industrial upgrading, improve the efficiency of production factors, and then promote economic development [4]. The high-tech industry not only plays an important leading role in creating new growth points, transforming traditional development engines, and adjusting the industrial structure, but also helps to promote the transformation of economic growth mode [5]. At the meso-level, it is mainly reflected in the impact of high-tech industries on regional economic development.

Scholars have analyzed the present situation of the development of high-tech industries in Beijing, Shaanxi Province, Chongqing and other regions, and found that there are problems in the coordinated development of high-tech industries. They have proposed different industrial development strategies for different regions, and rationally optimize the regional layout to promote the economic development of various regions [6-11]. At the micro level, high-tech industries have a positive impact on the development of enterprises, and the larger the scale of the enterprise, the stronger the knowledge absorption capacity, the more obvious the positive impact [12].

The economic research of the other countries' experts and scholars in their own countries mainly focuses on the high-tech industry and economic globalization, the innovation of the high-tech economy, and the function of high-tech in the national economy. In terms of high technology and economic globalization, some scholars believe that in the past fifty years, the development of high-tech industries has become the main driving force of the global economy. As more and more countries and regions introduce high-tech industries, the economy is bound to be affected by the process of globalization [13]. In terms of high-tech economic innovation, the high-tech industry is the most advanced industrial field in the contemporary era. In the future, the development of the world economy will mainly be high-tech. The political economy of all countries is also concentrated on high-tech. How to maintain the innovation of a high-tech economy has become the concern of all countries. The high-tech industry is the leading industry for the development of the modern economy, used as the engine of innovations [14-15]. In terms of the function of high technology in the world economy, scholars have pointed out that the inconsistency of the growth rate of high-tech industry R&D personnel and high-tech industry in some countries affects the global and national economy [16].

Above all, the development of high-tech industries has not only changed the traditional industries and the entire world economy but has also been the "leading industry" for the economic growth of countries around the world and the "strategic industry" for enhancing national competitiveness. In the past several decades, the development of high-tech industries in the United States, Japan, Western Europe, East Asia, and some newly industrialized countries all have made important contributions to the economic growth of the country and the region. However, the present situation and development trends of high-tech industries in various countries are different, and their contribution to the economy is not completely the same. This research is dedicated to studying the current development status of China and Russia's high-tech industries, to learn from each other and complement each other.

The definition standards and characteristics of high-tech industry

Whether in China or other countries, there are different expressions of the concept of high-tech; the qualitative concepts are basically the same. The content, period and characteristics of the institutionalization of high-tech industries are given in Table 1.

Table 1

The institutionalization of high-tech industries [Baidu Database]

Year	Country	Institutionalization	The definition of high-tech industry
1971	United States of America	National Academy of Sciences of the United States first proposed the concept of high technology (High-Tech) in the "Technology and National Trade"	Various production sectors that rely on advanced science and engineering technology
1979-1981	United Kingdom	British government	A group of industries containing information technology, biotechnology, and many other technologies that are at the forefront of scientific and technological progress
1982	Japan	Newsweek and Business Week have successively published "Japan's High Technology" and "High Technology Special Collection"	The technology group which is established on the basis of contemporary cutting-edge technology and next-generation science and technology
1983	France	France government	Only when a new product is produced on the production line, has a high-quality workforce, has a certain market and has formed branch technology
1996	Russia	"Russian Scientific Development Doctrine" and "Science and Technology Policy Law"	High-tech industries which are mostly create sophisticated equipment and advanced technologies. The key characteristic of advanced technologies in the production of hightech products is that they cannot be replaced by the technologies of preceding generations
1991	China	State Science and Technology Commission	The collection of enterprises engaged in the research, development, production and technical services of one or more high-tech and its products based on high-tech. It is an industry with high research and development investment and a large proportion of research and development personnel

Summarizing the definition of high-tech industries in various countries, it is not difficult to find the key technologies of the industry are often difficult to develop, but once they are successfully developed, they have higher economic and social benefits than normal. High-tech industries are knowledge-intensive and technology-intensive industries. The leading technology of the product must belong to the established high-tech field and must include the process or technological breakthrough that is at the forefront of the high-tech field.

So far, there is no uniform international standard for quantitatively defining high-tech industries. Two standards are used widely currently: one is the standard established by the US Department of Commerce. It includes four main indicators: the proportion of R&D expenditure in sales; the proportion of scientists, engineers, and skilled workers in all employees; the leading technology of the product must belong to the identified high-tech field; the leading technology of the product must include the process or technological breakthrough that is at the forefront of technology in the high-tech field [1].

The second standard is set by the International Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) [1]. It is based on the statistics of the International Standard Industrial Classification, and mainly uses the R&D intensity which is the proportion of R&D expenditure in output value as the criterion for defining high-tech industries. Those industries with a proportion of more than 3% are high-tech industries, with 1% to 2% are medium-tech industries, and with less than 1% are called low-tech industries.

The main characteristics of the high-tech industry are as following:

- knowledge and technology are intensive, the proportion of scientific and technological personnel is large, and the staff culture and technical level are high;
- the consumption of resources and energy is low, the products are diversified, software-based, the batch is small, the update is fast, and the added value is high;
- more investment in research and development;
- high industrial growth rate [17].

Taking the information industry as an example, the output value of the information industry has accounted for 40% to 60% of the gross national product in developed countries, and the annual growth rate is 3 to 5 times that of the traditional industry.

Through the World Development Bank, the Russian Federal National Bureau of Statistics, and the National Bureau of Statistics of China, the "World Development Indicators" (2008-2018), the "Russian Statistical Yearbook", the "National Report on the Development of Russian High-Tech Industries", and the "Chinese National High-Tech Industries Statistical Yearbook (2008-2018), China Statistical Yearbook (2008-2018), and use comparative analysis methods to analyze the contribution of high-tech industries to the economy.

The present situation of high-tech development in China and Russia

To understand the current situation in the high-tech industries of China and Russia it is needed to compare and analyze such aspects as industrial scale, personnel, R&D investment, and industrial distribution.

From the perspective of industrial scale, China's high-tech industry has formed a relatively large scale, and some sectors have become highly competitive in the world market and have a large share. Throughout 2008-2017, the main business income and total export volume of high-tech industries in major countries in the world show that China is in a leading position. In terms of total exports, in 2008, China's total exports of high-tech industries were US\$340,118 million, 1.5 times that of the United States and 67.1 times that of Russia during the same period [18-19]. In 2017, China's total exports of high-tech industries reached US\$504,381 million, which were 4.5 times that of the United States and 54.9 times that of Russia during the same period. Overall, the export value of China and Russia's high-tech industries is on the rise, and the average annual growth rate is 4.5% and 6.8% respectively (Figure 1). In terms of the proportion of high-tech industry exports in manufacturing, from 2008 to 2017, the proportion of high-tech industries in the United States and Japan in the manufacturing industry has shown a downward trend as a whole [18-19]. The United Kingdom has continued to maintain its above 20%; the trends in China and France are basically the same, basically showing an upward trend before 2015 and a downward trend after 2015; Russia as a whole shows an upward trend and maintains a ratio of about 10% (Figure 2).

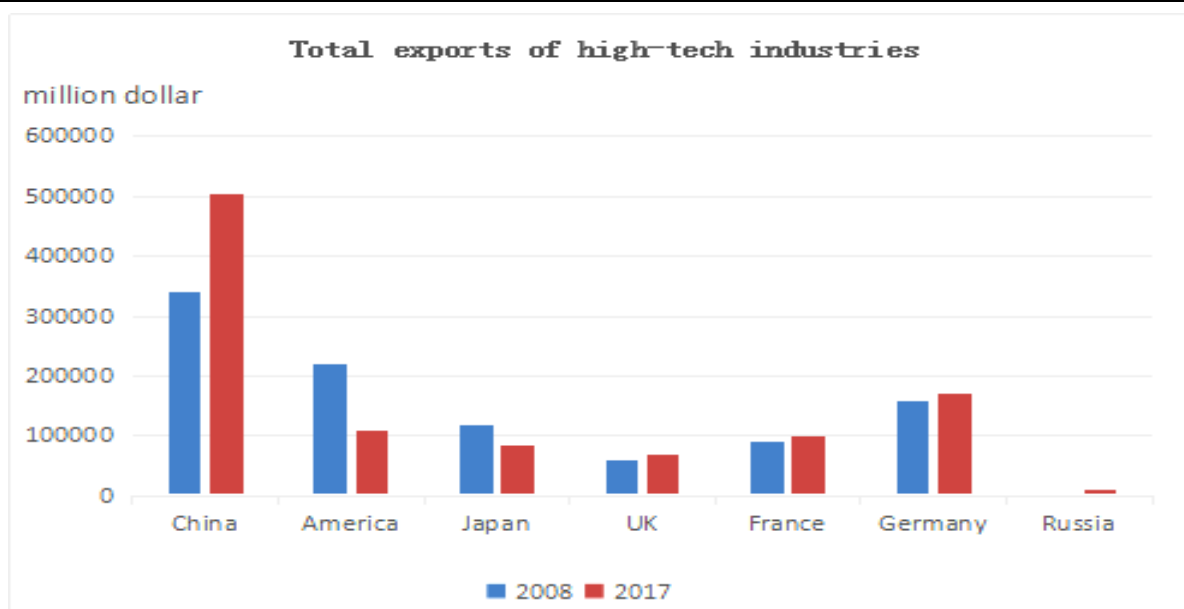

Fig. 1. Total exports of high-tech industries in major countries (2008-2017y) (World Development Indicator2008-2017;
China Statistical Yearbook (2008-2017)

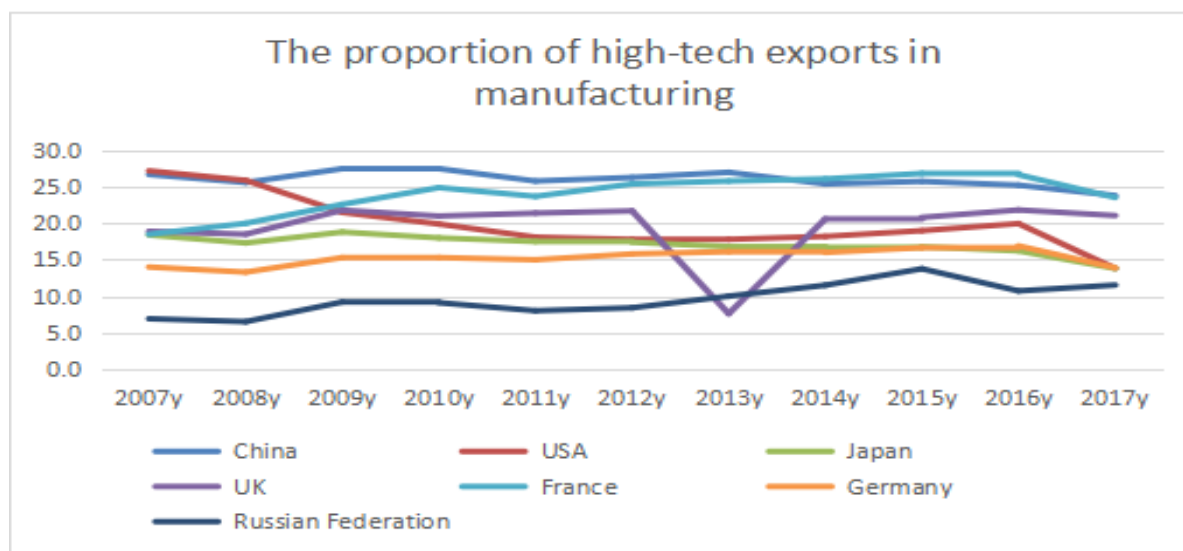

Fig. 2. The proportion of high-tech exports in manufacturing in major countries (2008-2017y) (World Development Indicator2008-2017)

From the Number of departments and R&D personnel perspective, after more than 20 years of development, the number of high-tech sectors and the number of employees in China has generally increased. From 2008 to 2017, the number of Chinese high-tech enterprises showed a trend of first rising, then falling, and then slowly rising. The total number increased from 25817 in 2008 to 32027 in 2017. In 2011, the number has shown a downward trend. Since 2012, it gradually picked up again. The number of employees has increased from 9,447,700 in 2008 to 13,176,645 in 2017, but has declined since 2016 [19-20]. According to statistics of incomplete data from Russia, the number of high-tech sectors in Russia has also been increasing in recent years. The R&D personnel in this article are mainly professionals engaged in the conception and creation of new knowledge, new products, new procedures, new methods or new systems, as well as professionals engaged in project management. Comparing the number of R&D personnel per million people in China and Russia, China has shown a continuous upward trend since 2009 [19-24].

At the same time, the number of R&D personnel in Russia was much higher than that in China, and remained at about 3,000 per million people (Figure 3). There are also data showing that high-tech industries provide more opportunities for Russian employment, and the number of employees' accounts for about one third of the total number of employees in Russia. In terms of the number of R&D personnel in a million populations as a measure of a country's high-tech industry indicators, Russia lags behind the average level of developed countries such as the European Union, the United States, and Germany, while China lags far behind Russia. There is still a lot of room for China to develop the number of scientific researchers.

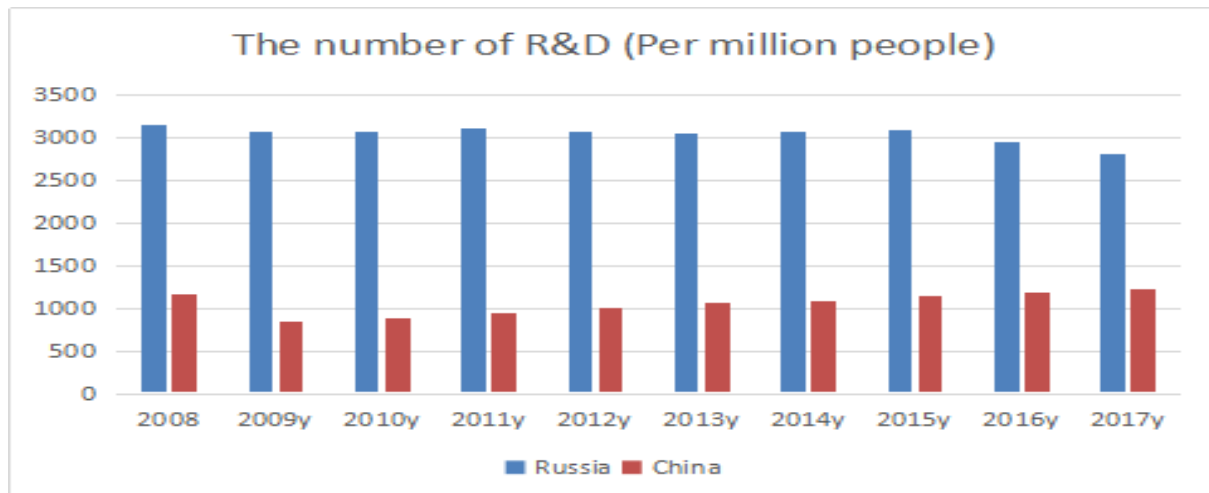

Fig. 3. The number of R&D (Per million people) in China and Russia(2008-2017y) (China Statistical Yearbook(2008-2017y); Chinese National High-Tech Industries Statistical Yearbook (2008-2017y); <https://eng.gks.ru/>)

From the funding perspective, the investment in R&D expenditure reflects the importance a country attaches to the field of scientific research and invention. The International Organization for Economic Cooperation and Development defines a high-tech industry as a high-tech industry where a company's R&D expenditure and the industry's output value are more than 3% [24]. According to this standard, in 2008, the proportion of R&D expenditure in China's high-tech industry to the output value of the industry was 8.09%; the proportion in 2012 was 10.3% [20-21]; due to the lack of data on the total output value of the high-tech industry in 2017, the proportion of R&D expenditure in that year cannot be calculated in detail. However, looking at China's overall investment in high-tech industries in the past decade, it is on an overall upward trend. Russia's investment in scientific research funding is much higher than that of China (Figure 4). In terms of the ratio of R&D expenditure to GDP, China is showing an upward trend year by year, while Russia remains at 1% [18-20]. In terms of the corresponding royalties of intellectual property rights, China's royalties are relatively high, and they have increased by multiples after 2017 (Figure 5).

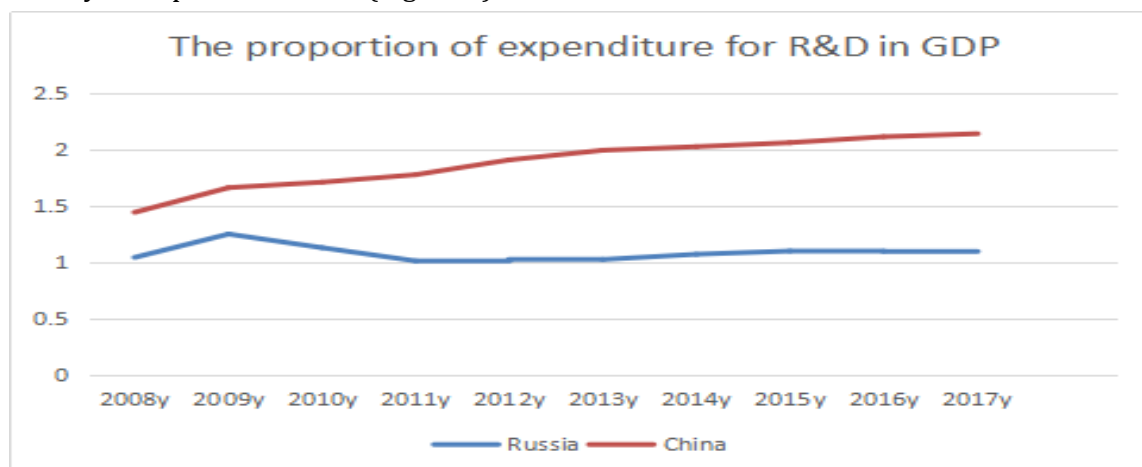

Fig. 4. The number of R&D (Per million people) in China and Russia (Chinese National High-Tech Industries Statistical Yearbook (2008-2017y); <https://eng.gks.ru/>)

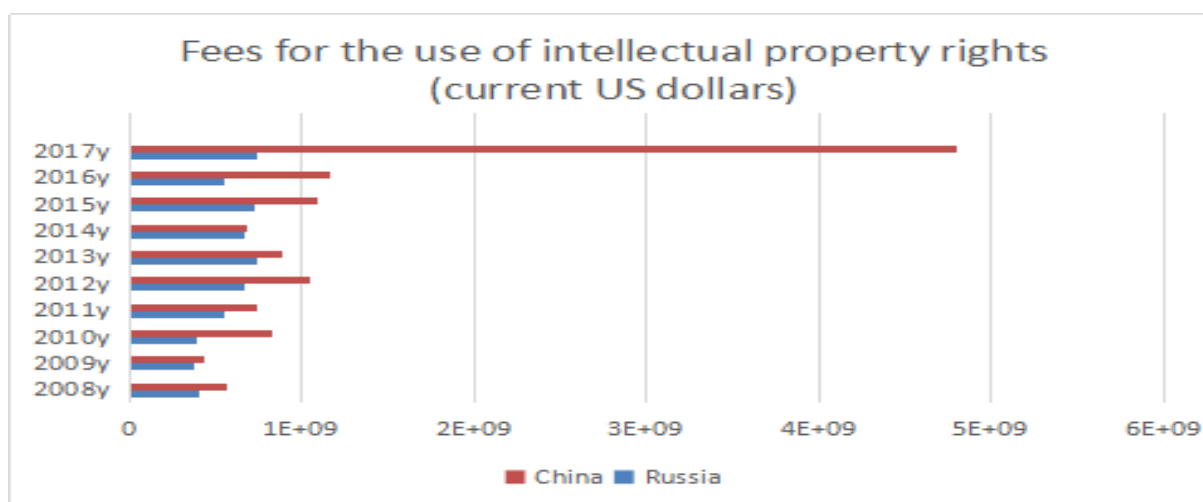

Fig. 5. The fees for the use of intellectual property rights in China and Russia(2008-2017y) (World Development Indicator; Chinese National High-Tech Industries Statistical Yearbook (2008-2017y); <https://eng.gks.ru/>)

In terms of geographical distribution, China's high-tech industries are currently concentrated in the coastal regions of Guangdong and Jiangsu, with Tibet being the least. This is closely related to the earlier development of China's eastern coastal areas, where the state's investment in the eastern area is much higher than that in other areas, and Tibet is a plateau area, which is not convenient for development. Russia's high-tech industries are characterized by uneven development and are currently concentrated in Moscow, Moscow Oblast, and St. Petersburg.

The impact of high-tech on economy

Since the 1980s, the vigorous development of high-tech industries has had a huge impact on the world economy and opened up an unprecedented bright prospect for human society. Comparing the present situation of high-tech industries in China and Russia, it is not difficult to find that high-tech industries have a greater degree of contribution to the GDP. Generally speaking, it is manifested in the promotion of economic aggregates, economic restructuring and upgrading, and improvement of comprehensive benefits.

High-tech industries can form a new economic growth point. The driving force of high-tech industries on the economy is much higher than other industries. Studies have shown that 60-80% of economic growth in developed countries is driven by technological progress, and the proportion of high-tech industries in the industry has reached 30-40% [25]. Although the proportions of China and Russia are relatively low, the existing high-tech industries have played an irreplaceable role in the new economies of the two countries.

High-tech industries can adjust and optimize the industrial structure. The development of high-tech industries can not only radiate and influence traditional industries, and promote the upgrading of traditional industries with modern technology, equipment and advanced technological processes; but also improve the technological content of traditional industrial products, and can also promote the differentiation and substitution of traditional industries. Both China and Russia have used information technology and new material technology to transform traditional manufacturing, biotechnology to transform traditional agriculture, and the use of forestry technology, water conservancy technology, and resource technology to improve the environment.

High-tech industries can improve enterprise technological innovation ability and market competitiveness. The efficiency and risks of the high-tech industry have attracted the attention of many businesses. With the increasing demand for high-tech products in the society, the gradual development and improvement of the high-tech industry and the strong support of the government have reduced its risk and made a large number of businesses invest in business and get huge profits.

In addition, high-tech industries not only play an active role in promoting the coordinated development of social resources and the ecological environment, but also play an important role on the road to economic globalization. In short, the growth of high-tech industries will produce a strong multiplier effect, drive the development of related industries, and thus drive the rapid growth of the entire national economy, which is bound to have a long-term and far-reaching impact on the economies of China and Russia.

Conclusion

High-tech industries are on the rise in both China and Russia. China's high-tech industries are relatively large in scale and develop at a faster rate. They have exceeded Russia in the exports, the proportion of exports in manufacturing, and R&D expenditures. But the proportion of scientific research personnel in China is far lower than Russia.

In response to these shortcomings, Russia should further expand the scale of the high-tech industry market and expand product demand. There was a widely used argument that "the Russian market is too narrow for modern start-ups" [20-21]. For China, it is necessary to increase the investment of scientific research personnel in terms of funding and treatment, expand the proportion of scientific research personnel, and provide continuous development momentum for the high-tech industry.

Due to data limitations, this article is only based on part of the present situation of high-tech industries in China and Russia, and analyzes the impact on the economy as a whole. Compared with other industries, the impact of high-tech industries on the economy needs to be further improved.

References

- [1] Hu Y., Wu X.G. Understanding the definition of high-tech industry. *Technical Economics*, 2001. 03:p.23-25.
- [2] Wang Y.H., Peng D.Y. Research on the impact of high-tech industry on economic growth from the perspective of innovation drive. *Journal of Beijing University of Posts and Telecommunications (Social Science Edition)*, 2019. 21:p.38-47.
- [3] Huang H., Shi A.H. An Empirical Study on the Impact of High-tech Industry R&D Investment on Economic Growth – GMM Estimation Based on 30 Provincial Panel Data. *Journal of Jimei University (Philosophy and Social Edition)*. 2016. 19:p.36-44.
- [4] Zhang J.D., Zhao X. The impact mechanism of high-tech industry on economic growth and development suggestions. *Economic Aspects*, 2017. p.81-86.
- [5] Xu B. Research on the interactive relationship between my country's high-tech industry and regional economy. *Central University of Finance and Economics*, 2016.
- [6] Jiang F.X., Su W.J. A Study on the Impact of the Same Structure of High-tech Industries in the Yangtze River Delta on Regional Economic Growth – An Empirical Analysis Based on Spatial Econometrics. *Jiangsu Social Sciences*, 2012. P. 77-85.
- [7] Wang X.R. Research on the impact of Beijing's high-tech industry agglomeration on economic growth. *Capital University of Economics and Business*. 2019.
- [8] Wang J.L., Gao Z. Study on the impact of the coordinated development of high-tech industries on regional economy – Taking Shaanxi Province as an example. *Modern Marketing (Information Edition)*, 2020. P. 184-185.
- [9] Zhao S.F. Research on the impact of high-tech industries on economic growth: Taking Beijing as an example. *Journal of Inner Mongolia University of Finance and Economics*, 2017.15: p. 48-51.
- [10] Zhang X.X. Research on the impact of Chongqing's high-tech industry on the quality of economic growth. *Southwest University*, 2019.
- [11] Li Y.C. Research on the impact of high-tech industries on economic development in Gansu Province. *Lanzhou University of Commerce*, 2013.
- [12] Xie Z.Y., Wang J. The impact of open innovation on enterprise R&D efficiency – an empirical study based on panel data of high-tech industry. *Science Research Management*, 2020. 41:p.22-32.
- [13] Bardhan A.D., Jaffee D.M.& Kroll C.A. *Globalization and a High-Tech Economy*. Springer Science & Business Media, Inc, 2004.

- [14] Peng C., Khachidze V., Lai I.K.W., Liu Y.D., Siddiqui S. & Wang T. Innovation in the High-Tech Economy. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013.
 - [15] Frolov I. E., Ganichev N. A., & Koshovets O. B. Long Term Forecast of the Production Capacity of High-Tech Industries in the Russian Federation. Studies on Russian Economic Development, 2013. 24: p. 229–236.
 - [16] Samsonova T.A., Fesyanova O.A. Prospects for the Development of High-Tech Sectors of the Economy of the Russian Federation. Springer, Cham. 2020.
 - [17] Li Y.C. Research on the Evolution Law and Development Model of Information Industry. PhD thesis, Wuhan University, 2005.
<https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CDFD9908&filename=2006031433.nh>
 - [18] World Development Indicator (2008-2017).
 - [19] China Statistical Yearbook (2008-2017).
 - [20] Chinese National High-Tech Industries Statistical Yearbook (2008-2017).
 - [21] <https://eng.gks.ru/>
 - [22] National report on innovations in Russia. Report prepared by a team of authors led by Evgeny Borisovich Kuznetsov.
 - [23] Sustainable Development Goals in the Russia Federation.
 - [24] Yang J.W., Zhou F.Q., Hu X.P. Industry Economy, Shanghai Xuelin Publishing House, 2004.
 - [25] Han M. The impact of high-tech industry on economic development. Capital Economy, 2001. 08:p.9-10.
-

Ван Юйчань, аспирант, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88). E-mail: yuvan@sfedu.ru

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ОТРАСЛИ В КИТАЕ И РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация

Конкуренция крупнейших стран мира представляет собой во многом конкуренцию технологических инноваций, которые проявляются в настоящее время через высокие технологии. В последние годы крупнейшие экономики мира активизировались, конкурируя в высокотехнологичной сфере, для захвата лидирующих позиций на рынке на новом витке технологической революции. В данной статье проводится сравнительный анализ современного развития высокотехнологичной промышленности Китая и России. В исследовании определено, что Китай и Россия имеют различные преимущества и ограничения в развитии высокотехнологичных отраслей. Высокотехнологичные отрасли Китая относительно крупны по масштабам и развиваются более быстрыми темпами, опережая Россию по объему экспорта, доле экспорта в обрабатывающей промышленности и расходам на НИОКР. Но доля научно-исследовательских кадров в Китае гораздо ниже, чем в России. В соответствии с этим сделан вывод о том, что Китай и Россия должны учитывать как собственный потенциал, так и опыт друг друга при выработке мер по развитию высокотехнологичных отраслей промышленности.

Ключевые слова: высокотехнологичные отрасли, экономическое развитие, расходы на НИОКР, научно-исследовательский персонал, регулирующие меры, экспорт, конкуренция, мировая экономика, обрабатывающая промышленность, технологические инновации.

МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

**Глуховская
Дарья
Михайловна** аспирант кафедры региональной социологии и моделирования
социальных процессов Института социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
(344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
E-mail: bru.dasha@yandex.ru

Аннотация

В статье медиапространство рассматривается как предмет исследования в социологическом дискурсе. Обозначена взаимосвязь между социальным пространством и медиапространством. В результате анализа научной литературы автором выделены подходы, применяемые к изучению медиапространства, в числе которых: социально-структурный, системный, институциональный, интеграционный, функциональный, социализационный, имажинитивный и коммуникативный.

Ключевые слова: медиапространство, социальное пространство, медиа, социологический дискурс, социальное пространство, институциональный подход, массовая информация, информационное общество, социологические теории.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовалось повышением градуса исследовательского интереса к социологическому анализу дефиниции медиапространства как новому явлению постиндустриального общества. Большая научная актуальность исследования данного явления связана со стремительным и тотальным распространением сети Интернет и новых медиа, сутью которых являются информационно-коммуникативные ресурсы, открывающие инновационные способы получения, распространения и обмена информации и доставки конечного медиапродукта посредством медийного пространства [1].

Анализируя определение «медиа», обратимся к исследованиям Л. Кенг, Р. Пикард, Р. Тоузе. Данные ученые в своей книге «Интернет и массмедиа» отмечают, что «медиа» выступает таким понятием, которое имеет отношение к определенным технологиям, при помощи которых потребители получают конкретное содержание того или иного контента [2].

В рамках данной работы мы рассматриваем медиапространство как предмет исследования в социологическом дискурсе. В связи с этим необходимо обозначить тесную взаимосвязь между социальным пространством и медиапространством. Об этой взаимосвязи, как показывает анализ научной литературы, говорят как классики мировой социологии, так и современные социологи.

Проводя анализ термина «медиапространство», нельзя не согласиться с И.Н. Блохиным, что с точки зрения социологической теории прослеживается тесная связь с социальным пространством [3, с. 23]. Данное подтверждение можно найти в работах П.А. Сорокина, который занимался разработкой понятия «социальное пространство» на основе концепции социальной стратификации и социальной мобильности. По мнению П.А. Сорокина, данные процессы связаны с положением индивида в пространстве и времени. То есть, индивиды и социальные группы имеют определенное место в социальном пространстве, которое определяется ученым как взаимосвязь с другими группами населения.

Однако в информационную эпоху социальная стратификация и социальная мобильность изменяют свою специфическую особенность и влияют на изменение социального пространства. По мнению И.Н. Блохина, структурой социального пространства «являются коммуникативные связи между его агентами и группами – связи, отличающиеся друг от друга плотностью, площадью ареала (поскольку речь идет именно о пространстве) и интенсивностью взаимодействия. Все перечисленные характеристики – плотность, площадь и интенсивность – эмпирически наблюдаемы и, следовательно, измеряемы» [3, с. 23]. При этом ядром, которое организует медиапространство, по мнению В.Н. Бузина, является массовая информация, порождаемая в эпоху информационного общества. Данное обстоятельство показывает, что «все объекты (социальные институты, социальные организации, группы и отдельные личности), имеющие отношение к производству и потреблению информации, должны органично входить в это пространство» [4, с. 10].

Подобным образом рассуждает и Е.Н. Юдина, полагающая, что социальное пространство включает в себя медиапространство. По мнению Е.Н. Юдиной, социальное пространство является социокультурным феноменом, который возникает в новое время из-за распространения и поглощения большого количества информации, которая представлена в рамках физического, символического пространства и пространства социальных отношений [5]. Таким образом, Е.Н. Юдина обоснованно полагает, что медиапространство – это составляющая часть социального пространства, которая дает возможность осуществлять социальные практики, связанные с производством и потреблением разного рода информации [5].

Проведенный анализ научной литературы по выбранному полю исследования, дает возможность выделить ряд подходов, в рамках которых интерпретируются различные аспекты исследования этого явления в социологическом дискурсе [6]. При этом важно подчеркнуть, что общесоциологические подходы к категории пространства как социальной реальности во взаимосвязи с социальной структурой представлены в работах П. Сорокина, П. Бурдье, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др.

Методологические основания теории социальных полей, разработанные французским социологом П. Бурдье, выявляют широкие возможности для социологической интерпретации медиапространства на основе социально-структурного подхода, где медиапространство оценивается «как институциональная сфера, социальное поле, система средств массовой коммуникации» [7]. Так, Е.Г. Ним, характеризуя одно из трех измерений медиапространства, говорит о том, что это «переданное», репрезентированное с помощью средств медиа социальное пространство. В этом случае речь идет о медиаобразах и медиатекстах, как результате медийного «картографирования» социальной реальности [8].

Л.Б. Зубанова, руководствуясь теорией социальных полей, определяет медиапространство как социальное поле, позволяющее применять потоки информации. С теоретической точки зрения, медиапространство представляет собой зону реальных и потенциальных контактов каждого их участников коммуникации [9, с. 6]. Медиапространство содержит в себе символы, которые отражают то, что происходит в реальном мире [9, с. 6]. Основываясь на функциональный подход, Л.Б. Зубанова отмечает тот факт, что в рамках медиапространства происходит систематизация неопределенности современной жизни человека, «выполняя функции референции (создания образцов, легитимизирующих социальные практики и нормирующих отношения к ним) и репрезентации (производство и оформление способ мышления, существующих в обществе в разных социальных группах)» [9, с. 7].

Необходимо обозначить, что понятие «медиапространство» было введено в социологический дискурс в конце XX в. американским социально-культурным антропологом А. Аппадурай, который, анализируя культурное измерение глобализации, пишет о медиапространстве. По его мнению, глобализация выступает как утрата связи между социальными процессами и физическим пространством [10].

А. Аппадурай указывает на то, что в рамках глобализации может быть образовано пять культурно-символических пространств-потоков: этнопространство, создаваемое за счет туристического потока, а также в результате переселений иммигрантов и беженцев; технопоространство, которое создается потоком новых информационных технологий; финанспоространство – детерминируемое потоком капиталов, идеопоространство – образующееся потоком идеологием; и, наконец, медиапространство – пространство, созданное потоком образов, продуцируемых обществом [10].

Подобная точка зрения по отношению к медиапространству обнаруживается и у российских исследователей Е.М. Николаевой и П.С. Котляр, справедливо замечаящих, что на сегодняшний день медиа неразделимы с социумом, т.е. находятся с ним в единой и прочной взаимосвязи, не существуют в отдельности от общества и его групп. По словам исследователей, медиа встроены в социальную реальность и насыщают ее определенными нарративами [11].

Таким образом, здесь прослеживается социально-имажинитивный подход к пониманию медиапространства.

Канадский теоретик-социолог Герберт Маршал Маклюэн, активно работающий в русле социологического дискурса исследования медиапространства, полагает, что все СМИ выступают в качестве агентов, внедряющихся в окружающий мир личности и ее сознание, изменяющих коммуникативное взаимодействие, а также формирующих новые способы мировосприятия,

социализации, установок личности и даже самого образа жизни индивидов и групп. Появление медиапространства как нового медиа, по его мнению, сопряжено с изменениями взаимосвязей, установившихся ранее, а также тем медийным расширением личности, которое сегодня именуется медиасредой или медиапространством [12].

Интерес указанного исследователя сегодня сосредоточен на определении возможностей изучения влияния медиапространства, и к таким возможностям данный исследователь относит:

- во-первых, рассмотрение медиапространства (среди масс-медиа) как системы, которая состоит из коммуникационных средств, однако не в их суммарном эквиваленте, а с позиций синергетического эффекта;
- во-вторых, анализ влияния медиапространства как неуловимого, малозаметного для сознания индивидов и групп, не имеющего материальной оболочки, но при этом связывающего их с объективным социальным пространством;
- в-третьих, рассмотрение медиапространства как постоянно трансформирующегося и видоизменяющего не только сознание и установки индивида и группы, но и социальное пространство в целом.

Если резюмировать социологический анализ медиапространства, предложенный Г.М. Маклюэном, то здесь можно выделить системно-коммуникативный подход (медиапространство как система, включающая в себя коммуникационные средства) и социализационный подход (медиапространство как агент формирования новых способов социализации и установок личности).

Объективный интерес к рассмотрению медиапространства в коммуникативном и социализационном подходах представляет и теория социального действия М. Вебера, где социальное действие выступает в качестве элементарной единицы социального пространства. Однако в условиях виртуального и опосредованного коммуникативного взаимодействия ориентация «на других людей» утрачивает свое первостепенное значение в процессе традиционной социализации, трансформируясь в медиасоциализацию (процесс интеграции личности в медиапространстве). Медиасоциализация выступает как получение социального опыта в процессе медиапрезентации.

В соответствии с социологическим фокусом рассмотрения медиапространства уместно сказать о таком новом для современного социологического дискурса понятии, как «медиаконвергенция», введенном О.И. Молчановой и описанной в ее монографии. В понимании О.И. Молчановой понятие «конвергенция» в сфере медиа означает «интеграционные процессы по основному значению латинского слова «convergere» – приближаться, сходиться», при этом процессы медиаконвергенции следует понимать как «фактор необратимого влияния на жизнедеятельность общества, как совокупность идей, принципов, норм и правил обеспечивающих баланс, при котором общество может успешно развиваться» [13, с. 6].

В таком (конвергентном) ракурсе, предложенном О.И. Молчановой, обнаруживается социально-интеграционный подход к рассмотрению медиапространства.

И.М. Дзялошинский, занимающийся проблемой современного медиапространства России, в своей одноименной книге попытался подвергнуть социологическому анализу все многообразие существующих концепций к медиапространству.

По мнению И.М. Дзялошинского «медиапространство» употребляют «как в ньютоновском смысле – некая условная территория, на которой размещается информация и ее носители и куда время от времени заходят производители и потребители массовой информации; так и в лейбницеvском понимании – как система отношений между субъектами по поводу производства, распространения, переработки и потребления массовой информации. Однако самый главный признак медиапространства заключается в том, что действия всех названных выше субъектов определяются нормами и правилами, присущими социальному институту, именуемому медиа» [14].

В рамках такой интерпретации можно говорить об институциональном подходе и рассмотрению медиапространства как вновь возникшего общественного института, инициированного условиями развития медийного социума. По мнению С.И. Шелонаева, под институционализацией медиапространства понимается процесс институциональной динамики, которая необходима для восполнения недостатков в рамках борьбы за ресурсы поля [15, с. 14].

Отечественный исследователь В.Н. Бузин, в попытке объединить деятельностный подход с институциональным, системным и структурно-функциональным, дает новое определение категории «медиапространство», определяя его «сложной открытой социальной системой, которая создается в процессе целостного коммуникационного взаимодействия следующих социальных институтов: аудитории средств массовой коммуникации, производителей/авторов контента для СМИ и самого контента, техническими средствами, служащими для передачи этого контента, собственно средствами массовой коммуникации» [4, с. 13].

Подводя итоги данной публикации, важно подчеркнуть многообразие подходов к пониманию медиапространства в социологическом дискурсе и интеграции классических и современных подходов к его осмыслению. Кроме того, можно сделать вывод о том, что в социологическом дискурсе категория медиапространства видится достаточно популярной и актуальность данной категории служит обоснованием дальнейшей разработки и социологической концептуализации феномена медиапространства.

Литература

1. Гафиатулина Н.Х., Брусенцева Д.М. Медийное пространство как источник активности террористической организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 38–40.
2. K $\ddot{u}$ ng et al. 2008 – K $\ddot{u}$ ng L., Picard R. G., Towse R. The Internet and the Mass Media. Los Angeles; London: Sage Publ., 2018. 196 p.
3. Блохин И.Н. Медиапространство как социологическая категория // Век информации. 2016. № 1. С. 22–30.
4. Бузин В.Н. Медиапространство в структуре социального пространства // Социум и власть. 2012. № 2 (34). С. 9–13.
5. Юдина Е.Н. Медиапространство как культурная и социальная система: монография. М.: Прометей, 2005. 160 с.
6. Брусенцева Д.М., Гафиатулина Н.Х. Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиапространстве. Ростов н/Д., 2018. 99 с.
7. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
8. Ним Е.Г. Медиапространство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. 2013. №14. С. 31–41.
9. Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интеграции // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. №2 (14). С. 6–17.
10. Appadurai, A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Public Culture. 2.2, Spring, 1990; P. 1–24.
11. Николаева Е.М., Котляр П.С. Медиапространственная коммуникация: проблема аксиологических ориентаций // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 3. С. 30–38.
12. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека // Understanding Media: The Extensions of Man. М., 2007.
13. Молчанова О.И. Социальное управление процессами конвергенции в современной медиасфере: монография. М., 2019. 240 с.
14. Дзялошинский И.М. Современное медиапространство России. М: Аспект Пресс, 2015. 312 с.
15. Шелонаев С.И. Медиапространство: опыт социологического анализа: монография. СПб., 2012. 178 с.

Glukhovskaya Daria Mikhailovna, Graduate student in Sociology, Department of Regional Sociology and Social Process Modeling, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal university (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).
E-mail: bru.dasha@yandex.ru

MEDIA SPACE AS A SUBJECT OF STUDY IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE

Abstract

In this article, the media space is considered as a subject of research in sociological discourse. The relationship between social space and media space is outlined. As a result of the analysis of scientific literature, the author singles out the approaches applied to the study of the media space, including: socio-structural, systemic, institutional, integration, functional, socialization, imaginative and communicative.

Keywords: *media space, social space, media, sociological discourse, social space, institutional approach, mass information, information society, sociological theories.*

References

1. Gafiatulina N.H., Brusenceva D.M. Medijnoe prostranstvo kak istochnik aktivnosti terroristicheskoy organizatsii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2017. № 6-7. P. 38-40.
2. Küng et al. 2008 – Küng L., Picard R. G., Towse R. The Internet and the Mass Media. Los Angeles; London: Sage Publ., 2018. 196 p.
3. Blohin I.N. Mediaprostranstvo kak sociologicheskaya kategoriya // Vek informacii. 2016. № 1. P. 22-30.
4. Buzin V.N. Mediaprostranstvo v strukture social'nogo prostranstva // Socium i vlast'. 2012. № 2 (34). P. 9-13.
5. YUdina E.N. Mediaprostranstvo kak kul'turnaya i social'naya sistema: monografiya. M.: Prometej, 2005. 160 p.
6. Brusenceva D.M., Gafiatulina N.H. Model' protivodejstviya osveshcheniyu deyatel'nosti terroristicheskoy organizatsii v mediaprostranstve. Rostov n/D., 2018. 99 p.
7. Burd'e P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki. M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aleteya, 2005. 576 p.
8. Nim E.G. Mediaprostranstvo: osnovnye napravleniya issledovaniy // Biznes. Obshchestvo. Vlast'. 2013. №14. P. 31-41.
9. Zubanova L.B. Sovremennoe mediaprostranstvo: podhody k issledovaniyu i principy integratsii // Vestnik CHelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2008. №2 (14). P. 6-17.
10. Appadurai, A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Public Culture. 2.2, Spring, 1990; P. 1-24.
11. Nikolaeva E.M., Kotlyar P.S. Mediaprostranstvennaya kommunikaciya: problema aksiologicheskikh orientacij // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. Vyp. 3. P. 30-38.
12. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka // Understanding Media: The Extensions of Man. M., 2007.
13. Molchanova O.I. Social'noe upravlenie processami konvergencii v sovremennoj mediasfere: monografiya. M., 2019. 240 p.
14. Dzyaloshinskij I.M. Sovremennoe mediaprostranstvo Rossii. M: Aspekt Press, 2015. 312 p.
15. Shelonaev S.I. Mediaprostranstvo: opyt sociologicheskogo analiza: monografiya. SPb., 2012. 178 p.

ФАКТОРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ*

Дивеева Ксения Александровна	аспирант кафедры социологии, Сибирский федеральный университет (660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79).
Васильева Ольга Владимировна	Е-mail: kseniya-fedyukina@yandex.ru
Васильева Ольга Владимировна	ассистент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет (660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79).
Васильева Ольга Владимировна	Е-mail: yuoolyyaa@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена обсуждению религиозного сегмента в интернет-пространстве и роли социальных медиа в жизни мусульман, а также оценке рисков, связанных с функционированием социальных сетей для мусульманского сообщества России в целом. Авторы обсуждают результаты исследования, проведенного в октябре-декабре 2020 года методом количественного и качественного контент-анализа материалов, размещенных в открытых для исследователя в группах, каналах, на личных страницах лидеров общественного мнения среди мусульманского сообщества в следующих социальных сетях: Вконтакте, Telegram, Instagram, Facebook, Youtube. В исследовании применен новый подход к анализу контента социальных сетей и его оценки с точки зрения реакций пользователей на определенные темы. Результаты анализа позволили выделить несколько тем, на которые мусульмане в большей степени реагируют в социальных сетях, оставляя цифровые следы: комментарии, лайки/дизлайки, репосты.

Ключевые слова: социальные сети, факторы радикализации, мусульмане, религия, ислам, религиозный сегмент, средства массовой информации, конфликтный потенциал, религиозная принадлежность.

Введение

Сегодня Интернет является неотъемлемой частью современного человека вне зависимости от возраста, пола национальной и религиозной принадлежности. С внедрением интернет-технологий в жизнь мусульманского общества религиозные практики претерпевают изменения. Распространенными становятся такие понятия, как онлайн-мечеть и «кибер-мусульмане», которые проявляют активность, общаясь на форумах, блогах, в социальных сетях. Актуальным стал феномен «виртуального имама», когда любой мусульманин может распространять информацию исламского содержания (например, проповеди, фетвы, полезные религиозные практики и т.д.) При этом формат взаимодействия с аудиторией пользователей может быть разным: с личных страниц известных мусульман или внутри сообществ (групп, каналов). По тематике и направлению содержания выделяются три основных: 1) миссионерское (делающее упор на пропаганде Ислама), 2) прикладное (предназначенное для практикующих мусульман), 3) научно-исламоведческое (предоставляющее информацию научного и аналитического характера) [1].

В ряде научных статей, посвященных изучению роли интернет-ресурсов в жизни мусульман, например, в работе В.З. Гарифуллина, отмечается, что наряду с традиционными средствами массовой информации появилось много других источников в Интернете, где на регулярной основе распространяется информация исламского содержания [2, с. 132]. Авторы исследований классифицируют исламские ресурсы в интернет-пространстве на 4 сегмента [3]:

- 1) Официальные сайты центральных религиозных организаций той или иной территории.
- 2) Интернет-версия религиозных исламских периодических изданий и сайтов, где размещены лекции, видео, аудио и другая полезная информация для мусульман.
- 3) Социальные медиа: сообщества, группы, каналы в основных социальных сетях: «Вконтакте», «Facebook», «Одноклассники» «Twitter» и «Youtube», «Telegram», «Instagram», которые выступают как новостным источником для мусульман, так и пространством для выражения мнений, обсуждения актуальных вопросов, а также дискуссий.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31642.

4) Мобильные приложения: исламский контент на основе мобильного программного обеспечения предназначен для работы на мобильных устройствах, таких как смартфоны и планшетные компьютеры.

Наряду с новыми возможностями, которые появились в результате интеграции интернет-технологий в повседневную жизнь мусульман, стоит отметить и негативную сторону данного процесса. Серьезными проблемами в условиях возрастающей роли интернет-технологий и расширения границ интернет-пространства являются распространение негативных стереотипов и установок относительно мусульман, экстремистских идей, исламофобии, вербовки представителей мусульманского сообщества в ряды экстремистов и террористов [4, с. 155]. При этом особую роль в этом процессе играют социальные сети. С появлением социальных сетей, таких как Facebook, Twitter, Youtube механизмы вовлечения новых adeptов в террористическую деятельность по всему миру получили широкие возможности: «социальные сети легко и быстро связывают людей с широкой аудиторией, создавая массовое движение единомышленников» [5, с. 175]. Кроме того, сам процесс радикализации и приобщения к террористической деятельности имеет несколько стадий. Исследование, которое провел Б. Досж среди исламской подростковой молодежи в Голландии (возраст испытуемых варьировал от 12 до 21 года), позволило установить 4 стадии радикализации, связанных с формированием радикальной системы убеждений: 1) воспринимаемая нелегитимность власти; 2) воспринимаемое ингрупповое превосходство, все остальные группы воспринимаются как худшие, нижестоящие, не заслуживающие доверия; 3) воспринимаемая дистанция по отношению к другим людям, к тем, кто отличается по своему стилю жизни или убеждениям; 4) воспринимаемая социальная разобщенность, чувство отчуждения. Период отчуждения ведет к перерождению, обретению истинной веры. Эти составляющие через общую установку к насилию влияют на готовность к актам насилия [6, с. 587].

Таким образом, нельзя недооценивать роль социальных сетей в жизни современного человека. Поэтому предметом нашего исследования стали риски радикализации коренных тюрко-мусульманских сообществ России, связанные с функционированием виртуальных социальных сетей. Под рисками радикализации в исследовании понимаются темы, сюжеты, отдельные публикации, комментарии в социальных сетях, содержащие конфликтный потенциал для тюрко-мусульманского сообщества и вызывающие негативную реакцию пользователей.

Методология исследования

Исследование проводилось авторами в период с 1 октября по 31 декабря 2020 г. методом количественного и качественного контент-анализа. Исследованию подвергнут контент доступных для исследователя, открытых источников в социальных сетях. Среди них отобраны наиболее популярные группы (сообщества), каналы и личные страницы лидеров общественного мнения (далее ЛОМ) для мусульманского сообщества в следующих социальных сетях: Вконтакте, Telegram, Instagram, Facebook, Youtube. Популярность источников оценивалась на основе критериев референтности и релевантности для тюрко-мусульман. Под релевантностью в данном контексте понимается соответствие контента источника интересам и запросам пользователя в конкретный момент времени, под референтностью – высокий уровень доверия тому или иному источнику. Способ отбора источников для анализа включал метод «умных выборов», когда с помощью одного ресурса удавалось выйти на другой более содержательный ресурс, тем самым, охватывая большее количество релевантных источников. Авторами было проанализировано 13 групп, каналов, сообществ и 8 личных страниц лидеров общественного мнения в указанных социальных сетях. В общей сложности за период исследования в 21 источнике было вычитано более **1240** публикаций, включенных в выборочную совокупность, из них было выделено **498** сюжетов, соответствующих целевым¹ тематикам.

Единицей контент-анализа в настоящем исследовании является «**сюжет**». Под «сюжетом» понимается какое-либо событие или ряд связанных между собой и последовательно развивающихся событий, которые имеют значение для мусульманского сообщества. Понятия «публикация» и «сюжет» не являются тождественными, поскольку одна публикация может содержать более одного сюжета, либо не содержать его вовсе.

¹ Целевыми тематиками считаются темы, актуальные для тюрко-мусульманского сообщества в исследуемый период времени.

При анализе сюжетов учитывалось: частота упоминания в указанных социальных сетях; тональность (позитивная/негативная); количество просмотров, лайков (дизлайков при наличии), репостов; наличие комментариев и их характер.

На основе данных критериев нами были разработаны коэффициенты *вовлеченности аудитории* в анализируемые сюжеты, обозначенные как коэффициенты обратной связи:

1. K_I обратной связи. **Коэффициент первичной (или т.н. оперативной) обратной связи** (частное от деления суммарного количества лайков и дизлайков к посту, содержащему целевой сюжет, на общее число просмотров данного поста * 100);

2. K_{II} обратной связи. **Коэффициент вторичной (или т.н. осмысленной) обратной связи** (частное от деления числа комментариев к посту, содержащему целевой сюжет, на общее число просмотров данного поста * 100);

3. K_{III} обратной связи. **Коэффициент третичной (или т.н. активной) обратной связи** (частное от деления числа репостов поста, содержащего целевой сюжет, на общее число просмотров данного поста * 100);

4. $K_{ср}$ обратной связи. **Средний коэффициент обратной связи** (среднее арифметическое коэффициентов первичной, вторичной и третичной обратной связи).

Данные коэффициенты позволяют посмотреть на публикации с точки зрения того, насколько активно они были восприняты аудиторией. Данный способ анализа дает возможность рейтинговать сюжеты не просто по частоте упоминания или количеству просмотров соответствующих публикаций, но с учетом реакций на них со стороны пользователей.

Результаты и обсуждение

В результате проведенного контент-анализа **по частоте упоминания сюжетов** был выявлен топ-5 значимых для тюрко-мусульманского сообщества тем, которые встречались во всех анализируемых источниках:

1. конфликт в Нагорном Карабахе (149 упоминаний);
2. «Charlie Hebdo», карикатурный скандал во Франции и убийства в Европе, ультиматум Макрона мусульманам (121 упоминаний);
3. проблемы со строительством мечетей в разных городах (46 упоминаний);
4. особенности исламской религиозной практики в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 (42 упоминания);
5. статус татарского языка в Республике Татарстан, стратегия развития татарского народа (21 упоминания);

Стоит отметить низкую комментарийную активность представителей тюрко-мусульманского сообщества по поводу данных событий. Так, большинство публикаций не имеет комментариев (несмотря на значительное количество просмотров). Исходя из этого, можно предположить, что более активное обсуждение значимых для мусульман событий происходит в закрытых каналах, чатах или сообществах, либо в личных беседах.

Среди двух типов источников, включенных в выборочную совокупность (первый тип источников – сообщества, второй – личные страницы лидеров общественного мнения) наибольшая активность аудитории зафиксирована на личных страницах (каналах) лидеров общественного мнения в социальных сетях. У второго типа источников значительно выше основные показатели вовлеченности аудитории: количество просмотров – 50856, лайков – 881, комментариев – 513. В сообществах эти значения ниже: количество просмотров – 2103, лайков – 29, комментариев – 119.

Не менее важным показателем является **активность восприятия со стороны аудитории указанных тем**. Так, на основе подсчета коэффициентов обратной связи сформирован рейтинг тем, имеющих наибольшую вовлеченность и вызвавших максимальную осознанную реакцию пользователей:

1. проблемы со строительством мечетей в разных городах ($K_{ср}$ обратной связи = 3,2);
2. запрет ДУМ РФ на браки с немусульманами ($K_{ср}$ обратной связи = 2,7);
3. конфликт в Нагорном Карабахе ($K_{ср}$ обратной связи = 1,6);
4. потеря крымскотатарского языка, статус и изучение крымскотатарского языка в школах, ассимиляция крымских татар ($K_{ср}$ обратной связи = 1,4);
5. статус татарского языка в Республике Татарстан, стратегия развития татарского народа ($K_{ср}$ обратной связи = 1,1);

На остроту восприятия данных тем указывают как общие показатели вовлеченности (количество просмотров), так и количество осознанных реакций на них (лайки/дизлайки, комментарии, репосты). Темы, у которых коэффициент средней обратной связи наиболее высокий, воспринимались аудиторией наиболее активно, по сравнению с другими.

Таким образом, анализ доступных для исследователя сообществ, каналов, личных страниц лидеров общественного мнения тюрко-мусульманского сообщества показал, что в той части социальных сетей, где обсуждаются актуальные вопросы для мусульманского сообщества, риски радикализации представителей тюрко-мусульман имеют место. Данные риски связаны с обсуждением в них ряда тем, которые остро воспринимаются в тюрко-мусульманской среде. Проведенный анализ позволил выделить ряд факторов риска, связанных с обсуждением указанных тематик:

- нарастание социальной напряженности, обусловленной дискриминационными настроениями относительно статуса коренных мусульманских народов в России, их языка, традиций и возможностей сохранения своей культуры и религии;
- формирование конфликтного восприятия отдельных событий, связанных с изменением традиционных религиозных практик мусульман.

Ключевые области риска радикализации коренных тюрко-мусульманских сообществ, связанные с функционированием виртуальных социальных сетей, определяются темами, вызывающими наибольшую реакцию у пользователей – это, прежде всего, вопросы *статуса тюрко-мусульман на территории России, межконфессиональных отношений, традиционных ценностей мусульман, строительства мечетей, сохранения национального языка и развития татарского народа*. Соответственно, именно поддержание данных областей жизни мусульманского сообщества в гармоничном состоянии лежит в основе позитивного социального самочувствия большинства мусульман.

Эффективным средством предотвращения масштабирования указанных рисков, на наш взгляд, является комплексный подход к работе с социальными сетями. Комплексный подход включает, с одной стороны, мониторинг социальных сетей (а именно – той части источников, которые являются релевантными и референтными для тюрко-мусульманского сообщества) на предмет возникновения конфликтного восприятия новостной повестки. С другой стороны, такой подход предусматривает замещение негативной новостной повестки позитивными публикациями, официальным и авторитетным разъяснением вопросов, по которым возникает конфликт (в том числе опровержение фейковой информации). Такая работа с обсуждением актуальных вопросов среди тюрко-мусульманского сообщества в социальных сетях позволит снизить рискогенный потенциал социальных сетей, а в ряде случаев – нивелировать указанные факторы радикализации.

Литература

1. Сафиуллина-Ибрагимова Р.Р. Что проповедуют «Шейх-Google» и «Фейсбук-муфтий»? (теологические вопросы в мусульманской блогосфере и мобильных приложениях) // IX Международный форум «Ислам в мультикультурном мире» 27 сентября 2019. [Рукопись].
2. Гарифуллин В.З. Роль мусульманских СМИ в обеспечении этноконфессиональной толерантности в Татарстане // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Вып. 80. С. 131–134.
3. Abdul Kabil Khan Jamil. The Image of Islam in Russian Online Information Space // The Image of Islam in Russia. International conference. Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies 6-8 October. 2016. P. 29-31. URL: https://www.i-res.uu.se/digitalAssets/658/c_658768-l_1-k_abstracts-and-biographies.pdf (дата обращения: 4.03.2021)
4. Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 152–165.
5. Robin Thompson. Radicalization and the Use of Social Media // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, No. 4. P. 167–190.
6. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 586–604.

Diveeva Ksenia Alexandrovna, Post-Graduate Student of Sociology Department, Siberian Federal University (79, Svobodny St., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation). E-mail: kseniya-fedyukina@yandex.ru
Vasilyeva Olga Vladimirovna, Assistant of Sociology Department, Siberian Federal University (79, Svobodny St., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation). E-mail: yuoolyyaa@gmail.com

FACTORS OF RADICALIZATION OF THE MUSLIMS COMMUNITY OF RUSSIA IN SOCIAL NETWORKS

Abstract

The article is devoted to a discussion of the religious segment in the Internet and the role of social media in the life of Muslims, as well as assessing the risks associated with the functioning of social networks for the Muslim community of Russia as a whole. The authors discuss the results of a study conducted in October – December 2020 according to the method of quantitative and qualitative content analysis of materials posted in groups, channels open to the researcher, on the personal pages of opinion leaders among the Muslim community in the social networks: V Kontakte, Telegram, Instagram, Facebook, Youtube. The study takes a new approach to analyzing and evaluating social media content in terms of user reactions to certain topics. The results of the analysis made it possible to identify several topics to which Muslims react to a greater extent in social networks. The reactions of users expressed in digital traces (comments, likes / dislikes, reposts).

Keywords: social networks, radicalization factors, Muslims, religion, Islam, religious segment, media, conflict potential, religious affiliation.

References

1. Safiullina-Ibragimova R.R. CHto propoveduyut «Shejh-Google» i «Fejsbuk-muftij»? (teologicheskie voprosy v musul'manskoj blogosfere i mobil'nyh prilozheniyah) // IX Mezhdunarodnyj forum «Islam v mul'tikul'turnom mire» 27 sentyabrya 2019. [Rukopis'].
2. Garifullin V.Z. Rol' musul'manskih SMI v obespechenii etnokonfessional'noj tolerantnosti v Tatarstane // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 21 (312). Vyp. 80. P. 131–134.
3. Abdul Kabil Khan Jamil. The Image of Islam in Russian Online Information Space // The Image of Islam in Russia. International conference. Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies 6-8 October. 2016. P. 29–31. URL: https://www.ires.uu.se/digitalAssets/658/c_658768-l_1-k_abstracts-and-biographies.pdf (data obrashcheniya: 4.03.2021)
4. Gajvoronskaya I.B., Fomina T.F., Amanzholova B.A. Verbovka v ekstremistskie i terroristicheskie organizacii posredstvom seti Internet // Psihologiya i pravo. 2020. Tom 10. № 4. P. 152–165.
5. Robin Thompson. Radicalization and the Use of Social Media // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, No. 4. P. 167–190.
6. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 586–604.

УДК 338.1

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-254-258

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА МЕЗОУРОВНЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Индарбаев аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ
Асхаб (125993 (ГСП-3), Россия, г. Москва, Ленинградский просп., 49).
Алиевич E-mail: askhab13@gmail.com

Аннотация

В ходе исследования были рассмотрены различные причины появления нового фактора риска, а также рассмотрены всевозможные последствия его проявления. Целью исследования является проанализировать влияние фактора риска пандемии на реализацию инвестиционных инфраструктурных проектов мезоуровня регулирования и разработать модель управления рисками инвестиционного проекта. Рассмотрены и проранжированы различные инфраструктурные отрасли по уровню потерь в период пандемии. На основании изученных проблем и взглядов к системному управлению рисками был предложен авторский подход по формированию модели управления рисками инвестиционных инфраструктурных проектов мезоуровня регулирования.

Ключевые слова: инвестиционные проекты, факторы риска, мезоуровень регулирования, управление рисками, пандемия, региональные проекты, экономический кризис, система управления, инфраструктурный сектор.

В настоящий период развития очередного экономического кризиса, обусловленного всемирной пандемией новой коронавирусной инфекцией COVID-19, оценка эффективности рисков управления и реализации инвестиционных инфраструктурных региональных проектов государственных программ приобретает все более значимый характер. Вызванный современными

обстоятельствами кризис отличается тем, что он носит достаточно затяжной характер и достаточно сложно спрогнозировать его окончание.

На сегодняшний день разработано много методических подходов к формированию системы управления инвестиционными рисками. Однако инвестиционные риски реализации государственных программ имеют свою специфику и проблемы управления на уровне региона

Стоит отметить, что на данный момент очень большие потери понесли инфраструктурные компании, в том числе и транспортные.

По результатам аналитических отчетов наибольшие потери в выручке понесли воздушные перевозки. На рис. 1 представлены распределения потерь инфраструктурных отраслей РФ в период первой волны пандемии.

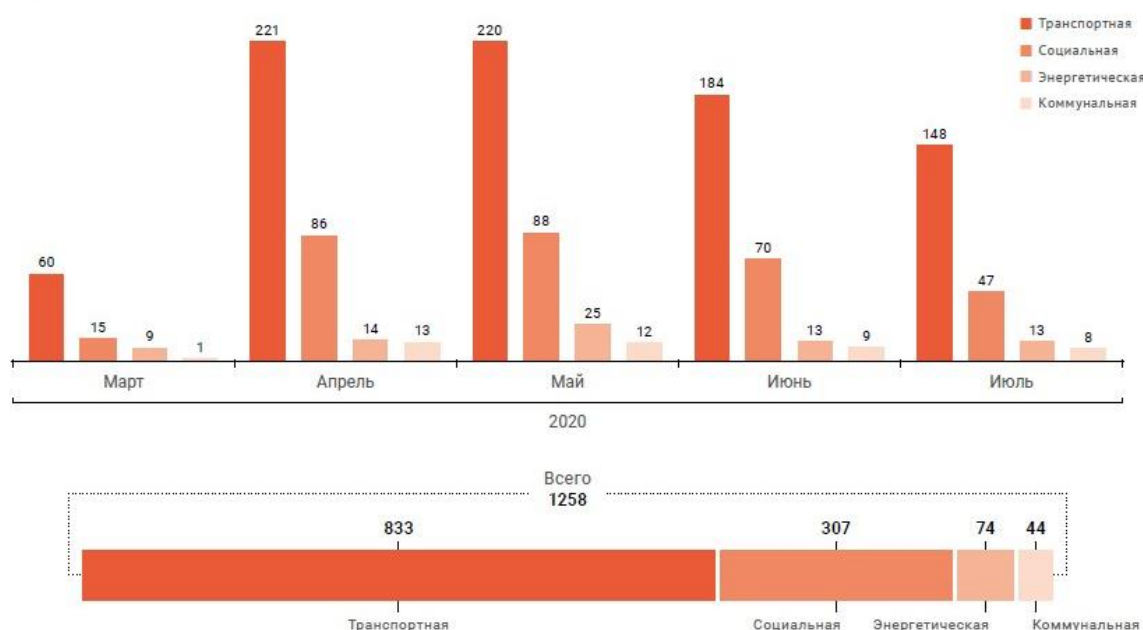

Рис. 1. Потери инфраструктурных отраслей РФ в период март-июль 2020 год [2]

Таким образом, исходя из данных, представленных на рис. 1, стоит отметить, что максимальные потери понесла транспортная отрасль, затем социальная, энергетическая и коммунальная.

Исследовав также структуру потерь инфраструктурного сектора транспортной отрасли, отмечено, что авиакомпании понесли максимальные убытки, на втором месте оказались железнодорожные компании. Их убытки составили 105 млрд руб., что более чем в четыре раза меньше, чем убытки авиакомпаний. Наименьшее место в структуре потерь выручки заняли внутренние водные пути, каршеринг и платные автомобильные дороги.

Очевиден тот факт, что происходящие события в мире отрицательно влияют на мировые экономические процессы, и в частности, на реализацию транспортных инфраструктурных инвестиционных проектов государственных программ.

Таким образом, можно сделать вывод о появлении и усилении отрицательного влияния нового фактора риска – риск пандемии. Данный фактор риска, как показала практика, отрицательно влияет на реализацию инвестиционных проектов государственных программ. Его последствия могут выражаться в следующем:

- задержка сроков реализации проекта;
- задержка финансирования проекта;
- увеличение стоимости проекта за счет дополнительных расходов, вызванных мерами защиты в период пандемией;
- увеличение стоимости проекта за счет роста цен на ресурсы и т.п.;
- задержка начала реализации проектов по причине задержки бюджетного финансирования и финансового положения частных инвесторов на фоне мирового экономического кризиса.

Задержка реализации инфраструктурных проектов в первую очередь окажет отрицательное влияние на региональном уровне, так как по расчетам Института экономической политики США, \$100 млрд инфраструктурных вложений приводит к созданию до 1 млн рабочих мест. А по оценке ВШЭ, каждый инвестированный в инфраструктуру рубль приносит до семи рублей в ВВП [2].

Однако, несмотря на усиливающийся экономический кризис, стоит отметить и рост интереса к ГЧП проектам.

Например, в Омске в конце мая 2020 года объявлен конкурс на заключение концессии по созданию спортивного комплекса (200 млн руб.), в Самарской области – на реконструкцию детского оздоровительного лагеря (256 млн руб.). Объявляют конкурсы и на строительство школ, объектов освещения, ЖКХ и в других сферах [2].

Причиной такого роста могут быть несколько факторов. К ним обычно относят:

- гарантированное получение дохода от вложенных денег, хотя и в долгосрочной перспективе;
- подробное структурирование проектов, что способствует более тщательной оценке факторов риска;
- разделение отдельных групп факторов риска между государством и частным инвестором.

Стратегия управления региональными инвестиционными рисками определяется на уровне руководства региона, так как вся система, направленная на управление инвестициями, должна действовать в едином режиме, подчиняться общим правилам и работать на реализацию заранее утвержденного и оцененного стратегического плана. Управление инвестиционными рисками региона должно осуществляться в рамках единой стратегии и быть направленным на решение двух основных задач:

- сохранение базовых инвестиционных ресурсов региона и имеющихся показателей развития;
- создание дополнительных ресурсов и рост инвестиционной привлекательности региона [5].

Основной целью формирования системы управления рисками инвестиционных проектов определяется снижение факторов рисков и других опасностей до приемлемого уровня, и как результат увеличение шансов на достижение целей и реализации национальных проектов и программ в условиях неопределенности [3].

С этой целью, по мнению Сильвестрова С.Н., необходимо сформировать и обосновать концепцию управления рисками. Концепция управления определяет:

- порядок анализа риска, который в общем случае включает анализ, идентификацию, описание, классификацию, оценку и ранжирование;
- порядок обучения, переподготовки сотрудников и руководителей, формирования экспертов по управлению рисками;
- основания и порядок для принятия управленческих решений, уровни ответственности и полномочий собственников рисков, соответствие процессов управления рисками законодательным требованиям и целям социально-экономического развития;
- уровни толерантности рисков, порядок планирования мер управления рисками, источники финансирования исполнения мер, мониторинга и контроля.

Проблемы, с которыми сталкивается разработка концепции федеральной системы управления рисками, начинаются прямо с принятых международных и отечественных стандартов. Многие из них содержат противоречивые трактовки и требования, не позволяющие сформировать четкие цели и задачи концептуальных основ управления рисками [4].

В отношении принципов формирования системы управления инвестиционными рисками на мезоуровне стоит выделить, что основным принципом является управление не отдельными рисками, а применение интегральных методов в целях управления рисками инвестиционных проектов государственных программ в рамках реализации национальных проектов.

Процесс управления рисками в различных сферах хозяйственной деятельности предприятий всегда будет отличаться своими специфическими чертами и характеристиками, однако существуют общие принципы, которых стоит придерживаться во всех рискованных ситуациях. К ним относят [1]:

- риски выявляются и оцениваются с четким указанием ответственности за риск и обязанностей по принятию мер;
- формируется суждение о важности рисков;
- в некоторых случаях рассматриваются меры по снижению риска и составляются альтернативные планы действий для непредвиденных ситуаций;
- проводится анализ воздействия принятых мер на статус риска и по результатам составляется отчет;
- информация и решения должны эффективно доводиться до сведения соответствующих аудиторий [1].

На основании сложившейся ситуации в отношении мирового экономического кризиса, обусловленного пандемией COVID-19, что ухудшило ситуацию в отношении реализации инфраструктурных инвестиционных проектов на уровне регионов и выявленных последствий снижения эффективности реализации инвестиционных проектов в результате реализации риска пандемии, а также рассмотренных требований к формированию концепции и принципов системы управления рисками сформируем концепцию и принципы системы управления рисками инвестиционных проектов на мезоуровне регулирования.

Система управления рисками инвестиционных проектов мезоуровня регулирования должна быть системно-целостной совокупностью методов, инструментов идентификации профиля риска, выбор методов оценки и анализа, приемов управления и регулирования с учетом региональной специфики, направленных на превентивные мероприятия по управлению и минимизации факторов риска, способных снизить эффективность реализации проекта. Эффективность в данном понимании выражается не только в уровне прибыли, но и в сроках запуска в эксплуатацию.

Системное применение инструментов и методов выработки комплексной системы управления инвестиционными рисками проектов регионального уровня управления представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Система управления инвестиционными рисками проектов
регионального уровня управления**

№ п/п	Элемент системы управления рисками	Методы воздействия	Результат
1	Идентификация рисков ИП	Методы самооценки, экспертной оценки, сценарного анализа	Перечень рисков конкретного ИП
2	База данных индикаторов рисков и определение ответственных лиц за контроль факторов риска по направлениям	Методы экспертной оценки, мозгового штурма, экономико-математические и статистические	Информационная база данных мониторинга рисков
4	Анализ и оценка совокупного риска ИП	Методы экономико-математического моделирования, экспертной оценки, логические и статистические	Количественная характеристика параметров риска ИП
5	Выбор инструментов риск-менеджмента ИП	Методы уклонения, локализации, диссипации, сокращения, компенсации, социальные, психологические и т.п.	Управленческие решения минимизации рисков ИП
6	Мониторинг и контроль отклонений факторов риска ИП мезоуровня регулирования	Сплошной и промежуточный контроль, финансово-экономический анализ, статистический контроль	Выявление отклонений и разработка защитных, превентивных мер
МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ИП МЕЗОУРОВНЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ			

Источник: составлено автором

Предлагаемая автором модель управления инвестиционными рисками проектов государственных программ на региональном уровне управления скоординирована с управлением на других уровнях реализации ИП и направлена на формирование превентивной модели проактивного управления рисками инвестиционного проекта мезоуровня регулирования, так как предполагает контроль индикаторов, сигнализирующих о наступлении рискованных событий.

Литература

1. Авдийский В.И., Безденежных В.М. К вопросу о формировании принципов организации федеральной интегративной системы управления рисками (ФСУР) / Концепция федеральной системы управления рисками в области экономической безопасности / Сборник материалов всероссийского симпозиума «Проблемы стратегического управления», Москва, 20 февраля 2018 г. / Под ред. С.Н. Сильвестрова. М.: Когито-Центр, 2018. 133 с.
2. Жундриков А., Якунина Е., Галактионова А., Фомина М. Инфраструктура и пандемия. Сценарии потерь и восстановления отрасли / Аналитический обзор [Электронный ресурс] https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2020/scenarii_poter_i_vostanovleniya_otrasli_infraone_research.pdf Дата обр. 12.09.2020 г.
3. Капустина Н.В., Ступникова Е.А., Оленина О.А., Герасимов М.М. Классификация факторов риска инвестиционных проектов развития транспортной инфраструктуры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 126-130.
4. Сильвестров С.Н. Концептуальные основы формирования федеральной системы управления рисками // Концепция федеральной системы управления рисками в области экономической безопасности / Сборник материалов Всероссийского симпозиума «Проблемы стратегического управления», Москва, 20 февраля 2018 г. / Под ред. С.Н. Сильвестрова. М.: Когито-Центр. 2018. 133 с.
5. Тхакушинов Э.К. Системное управление инвестиционными рисками в регионе: теория, методология и инструментарий: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / Тхакушинов Эдуард Китович; [Место защиты: Белгород. гос. технол. ун-т им. В.Г. Шухова]. Белгород, 2007. 54 с.

Indarbaev Askhab Aliyevich, Postgraduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky prosp., Moscow, 125993 (GSP-3), Russian Federation).
E-mail: askhab13@gmail.com

RISK MANAGEMENT OF THE MESOLEVEL INVESTMENT PROJECT IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract

In the course of the study, various reasons for the appearance of a new risk factor were considered, as well as all possible consequences of its manifestation. The aim of the study is to analyze the impact of the pandemic risk factor on the implementation of meso-level investment infrastructure projects and to develop a risk management model for the investment project. Various infrastructure industries are considered and ranked according to the level of losses during the pandemic. Based on the studied problems and views on systemic risk management, the author's approach to the formation of a risk management model for investment infrastructure projects of the meso-level of regulation was proposed.

Keywords: investment projects, risk factors, regulatory meso-level, risk management, pandemic, regional projects, economic crisis, governance system, infrastructure sector.

References

1. Avdijskij V.I., Bezdenzhnyh V.M. K voprosu o formirovaniy principov organizacii federal'noj integrativnoj sistemy upravleniya riskami (FSUR) / Konceptsiya federal'noj sistemy upravleniya riskami v oblasti ekonomicheskoy bezopasnosti / Sbornik materialov vserossijskogo simpoziuma «Problemy strategicheskogo upravleniya», Moskva, 20 fevralya 2018 g. / Pod red. S.N. Sil'vestrova. M.: Kogito-Centr, 2018. 133 p.
2. ZHundrikov A., YAkunina E., Galaktionova A., Fomina M. Infrastruktura i pandemiya. Scenarii po-ter' i vosstanovleniya otrasli / Analiticheskij obzor [Elektronnyj resurs] https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2020/scenarii_poter_i_vostanovleniya_otrasli_infraone_research.pdf Data obr. 12.09.2020 g.
3. Kapustina N.V., Stupnikova E.A., Olenina O.A., Gerasimov M.M. Klassifikaciya faktorov riska investicionnyh proektov razvitiya transportnoj infrastruktury // Gosudarstvennoe i mu-nicipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 1. P. 126-130.
4. Sil'vestrov S.N. Konceptual'nye osnovy formirovaniya federal'noj sistemy upravleniya riskami // Konceptsiya federal'noj sistemy upravleniya riskami v oblasti ekonomicheskoy bezopasnosti / Sbornik materialov Vserossijskogo simpoziuma «Problemy strategicheskogo upravleniya», Moskva, 20 fevralya 2018 g. / Pod red. S.N. Sil'vestrova. M.: Kogito-Centr. 2018. 133 p.
5. Thakushinov E.K. Sistemnoe upravlenie investicionnymi riskami v regione: teoriya, metodologiya i instrumentarij: avtoreferat dis. ... doktora ekonomicheskikh nauk: 08.00.05 / Thakushinov Eduard Kitovich; [Mesto zashchity: Belgorod. gos. tekhnol. un-t im. V.G. SHuhova]. Belgorod, 2007. 54 p.

НАРКОСИТУАЦИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА 2020 г.: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА

Калиниченко Яна Николаевна научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,
Сибирский юридический институт МВД России (660131, Россия,
г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20). E-mail: ya_kalinichenko@mail.ru

Аннотация

В последние годы в целом по России отмечается некоторое снижение нарконапряженности. Однако проблема употребления психоактивных веществ продолжает оставаться актуальной. В статье на основании данных социологического исследования, проведенного в формате ежегодного мониторинга, проанализирована наркоситуация в Красноярском крае в 2020 г. Полученные результаты приводятся в сравнении с 2019 г., что позволяет не только оценить остроту проблемы, но и ее динамику. В статье обращается внимание на молодежь, ее отношение к данной проблеме и вовлеченность в наркопотребление. Автором предлагаются некоторые меры, которые могут улучшить наркоситуацию в крае.

Ключевые слова: ежегодный мониторинг, Красноярский край, наркоситуация, наркотизм, наркотизация, наркопотребление, наркозависимость, социальное окружение, социальная проблема, качество жизни.

На сегодняшний день подверженность российского общества влиянию наркотиков и зависимость от них, реально имеет огромный негативный потенциал, способный разрушить социальную среду, подорвать демографический и социально-экономический потенциалы страны [1, с. 148]. Проникновение наркомании во все сферы жизни человека приводит к тому, что социально активные граждане вследствие физической и социальной деградации перестают участвовать в семейной, политической, трудовой и других видах жизнедеятельности общества. Наркотизация общества, если ей не противодействовать, при безответственном отношении самого общества и тех институтов, которые призваны обеспечить социальное здоровье нации, может привести к гибели социума за период меньший средней продолжительности жизни одного поколения [2].

Наркомания явление в большей или меньшей степени присущее всем регионам нашей страны. Не исключением является и Красноярский край, где согласно нормативным документам¹, в целях изучения, контроля и своевременного принятия управленческих решений, направленных на стабилизацию наркоситуации, ежегодно проводится социологический опрос граждан.

Так, в 2020 г. всего были опрошены 2558 (+19,2%)² респондентов - жителей Красноярского края от 14 до 60 лет, что составляет 0,1% от общего числа проживающих на указанной территории. В опросе участвовали женщины – 60,4%, мужчины – 39,6%, по возрасту: респонденты от 14 до 29 лет составили 20,9%, от 30 до 49 лет – 47,7%, от 50 до 60 лет – 21,3%, что в основном соответствует половозрастной структуре региона.

Анализ результатов обработки эмпирических позволяет говорить о том, что проблемой наркомании в крае в 2020 г. озабочены около 6% населения, что несколько ниже, чем в 2019 г. В 2020 г. чаще отмечали наличие проблемы наркомании в обществе респонденты от 14 до 17 лет (8,8%) и 40-49 лет (6,4%), то есть дети старшего возраста, стоящие на пороге самостоятельной жизни, и их родители. При сопоставлении рейтинга наиболее значимых проблем, население в 2020 г. отметило качество медицинского обслуживания (более 18,2%), качество дорог (17,5%), состояние жилищно-коммунальной сферы (16,6%), безработицу (15,1%).

¹ Положение о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации : утв. постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485; Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (третий пересмотр) : утв. протоколом заседания Государственного антинаркотического комитета от 15 апреля 2017 г. №32.

² Здесь и далее по тексту в скобках указывается «+» - увеличение или «-» - уменьшение по сравнению с 2019 годом.

О распространении наркомании в регионе 12,9% (-0,7%) опрошенных считают, что в местах проживания респондентов она очень распространена, 43,7% (-4,7%) полагают, что распространена, не более чем в других регионах, и лишь 6,3% (-1,0%) считают, что данная проблема не актуальна для региона. Вместе с тем 33,6% (+6,4%) не смогли дать свою оценку, что косвенно может говорить о том, что эта категория также не сталкивалась с наркоманией как социальной проблемой в местах проживания. У населения несколько снизилась напряженность в оценке уровня распространения наркомании в районе места проживания, хотя данное снижение находится в районе естественной погрешности.

Среди основных причин наркотизации региона респонденты выделяют: моральную деградацию, вседозволенность (22,1%), неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (19,0%), излишняя свобода, отсутствие организованного досуга (13,9%), влияние наркобизнеса, доступность наркотиков (11,3%), безработица, экономические проблемы (10,5%). В 2020 году несколько повысилась негативное влияние таких факторов, как «Моральная деградация общества, вседозволенность» (+2,6%), «Плохая работа правоохранительных органов» (+1,1%). Молодые люди 14-17 лет чаще всего называют «Неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие». Старшие возрастные группы – «Моральную деградацию общества, вседозволенность».

Для эффективного решения проблемы противодействия распространению наркомании в регионе респондентам предлагалось оценить значимость и определить эффективность антинаркотических мероприятий: 14,1% респондентов отметили значимость ужесточения мер принуждения и наказания; практически такое же количество опрошенных указали необходимость расширения профилактической работы с молодежью; 12,9% выделили ценность проводимых физкультурных и спортивных мероприятий с населением; более 10% сделали выбор в пользу проведения информационной работы с обучающимися, организации с их участием тематических лекций и бесед непосредственно в образовательных учреждениях.

Существенным фактором наркотизма является наличие предложения наркотиков на наркорынке, доступность приобретения их наркозависимыми. По мнению 26,8% респондентов, наркотики достать «Сравнительно легко», 11,3% - «Очень легко». Варианты ответов «Трудно» и «Очень трудно достать» наркотики отметили 5,8% респондентов. Больше половины опрошенных (56,1%) отметили, что не знают трудно или нет достать наркотики. Следовательно, можно предположить, что данную категорию не только не интересуют наркотики, но и то, что они не имеют даже разового опыта их употребления, что в их ближайшем социальном окружении (на работе, в образовательном учреждении, местах проведения досуга и проживания) нет наркозависимых. О положительной тенденции по противодействию наркопотреблению указывает и то, что существенно снизилось количество респондентов, считающих, что наркотики достать «Сравнительно легко» и «Очень легко», кроме того возросло количество респондентов, выбравших вариант ответа «Не знаю». Необходимо обратить внимание на то, что респонденты 14-17 лет чаще всего по сравнению с другими возрастными группами выбрали индикатор «Сравнительно легко» и «Очень легко», а также, что среди данной группы молодежи меньше всего тех, кто отдал предпочтение выбору «Не знаю».

Наркомания – социальное явление, поэтому на распространение существенное влияние оказывает социальное окружение, уровень коммуникации между людьми и прочие механизмы взаимодействия. В 2020 г. более 78,4% респондентов указали на то, что они не общаются с людьми, употребляющими наркотики, однако 15,1% респондентов выбрали индикатор «Да, в кругу моих друзей, знакомых такие люди есть», 5,7% – «Да я знаю много таких людей», 0,8% – «Да, все мои знакомые, так или иначе, употребляют наркотики». Среди респондентов группы 14-17 лет отмечен некоторый рост указавших, что они знают много людей, употребляющих наркотики (+2,2%).

Повысилась востребованность сети Интернет как источника информации о движении наркотиков. К его услугам чаще всего прибегали молодые люди 14-17 лет (более 20%). В 2020 г. также отмечался рост интереса к Интернету для получения информации об особенностях наркотического опьянения.

Среди сдерживающих факторов наркопотребления респонденты указали: осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков (42,8%, +5,9%), раннюю смерть (11,6%, -1,3%), опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами В и С (10,0%, -0,2%),

полное привыкание (9,4%, -0,3%). При значимости для несовершеннолетних фактора «Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков», данный вес фактора для данной группы респондентов значительно меньше, чем его значимость для других возрастных групп. Для молодежи более существенным, чем для других возрастных групп является фактор «Ранняя смерть».

Несмотря на то, что в 2020 г. несколько снизилась опасность кооптации новых наркопотребителей, она продолжает оказывать существенное влияние на наркобезопасность региона. Около 20% опрошенных указали, что им ранее предлагали попробовать наркотики, количество тех, кто ответил, что им наркотики не предлагали, увеличилось на 5%. По возрастным группам чаще всего положительный ответ выбирали респонденты, младших возрастных групп: 14-17 лет и 18-29 лет (21,1% и 25,9% соответственно).

Существенное значение для снижения уровня наркотизации имеет способность человека как потенциального наркопотребителя сказать «нет». 93,2% респондентов ответили, ответили, что они бы отказались в подобной ситуации, 3,1% «Исходили бы из того, какой наркотик», «Повели бы себя в зависимости от ситуации и настроения», «Попробовали бы»; 3,7% не смогли четко определиться и выбрали ответ «Не знаю». В 2020 г. 2,9% респондентов положительно ответили на вопрос «Пробовали ли Вы наркотические вещества?». Отрицательно – 97,1% опрошенных, что на 2,1% больше, чем в 2019 г. По возрасту чаще других выбирали индикатор «Да» респонденты возрастной группы 14-17 лет (6,0%). В 2020 году не отмечено увеличение по сравнению с 2019 г. количества респондентов ни в одной возрастной группе, кто подтвердил бы факт употребления наркотиков.

Среди причин, которые способствуют употреблению наркотиков, респонденты отметили следующие: глупость, нахождение на дистанционном обучении, условия жизни, за компанию, любопытство, отсутствие альтернативного досуга, плохая компания. Наиболее существенный фактор «Любопытство».

Более 50% респондентов, из тех, кто ответили, что они имеют опыт разового, периодического или постоянного, употребления наркотиков, по результатам опроса в 2020 г. указали то, что опыт первой пробы наркотиков они получили в возрасте от 16 до 29 лет. Данный возрастной период охватывает две группы респондентов по возрасту 16-17 лет (продолжительность 2 года) и 18-29 лет (продолжительность 10 лет). Если период 18-29 лет отметили 37,8% респондентов, то период 16-17 лет – 24,3%, что указывает на самую большую интенсивность возможной первой пробы именно молодыми людьми в возрасте 16-17 лет. Небольшое количественное значение респондентов, имеющих опыт употребления наркотических средств, не позволяет с высокой степенью вероятности относиться к количественным результатам опроса, вместе с тем, они позволяют определить наиболее проблемный возраст, когда респонденты получили первый опыт наркопотребления, более того это распространяется с высокой степенью вероятности и на генеральную совокупность в целом.

Анализ ответов респондентов, употребляющих наркотики показал, что большинство – это те, кто ранее пробовали наркотики, но перестали употреблять (более 65%), около 30% опрошенных наркопотребителей употребляют наркотики от случая к случаю, около 8% – регулярно, постоянно, ежедневно.

Среди самых востребованных наркотиков в 2020 г. респондентами были отмечены следующие психоактивные вещества: марихуану, травку, амфетамины, курительные смеси, «соль», спайс. Среди ответов встречался и такой, как «не знаю».

Наиболее доступным и распространенным способом приема наркотических средств и психотропных веществ респонденты, употребляющие данные вещества, отметили: курение, вдыхание. Однако большинство опрошенных наркопотребителей уклонились от ответа, поэтому говорить о том, что наркопотребители используют только данные способы можно с высокой степенью вероятности.

Среди причин распространения наркомании в 2020 году основными были указаны: за компанию (31,3%) и менее вредны для организма (по 20,8,3%). Для респондентов 14-17 лет основным фактором является «Менее вредны для организма» (27,3%), второе место занимает фактор «За компанию» (18,2%); для респондентов 18-29 лет - «За компанию» (33,3%), «Уже привык» (26,7%).

Существенное значение для всестороннего анализа наркоситуации, профилактики наркомании, предупреждения первой пробы наркотиков имеет анализ того, в какой обстановке она обычно происходит, возможных проблемных мест и социального окружения, которые прямо или косвенно создают располагающую обстановку, где ослабляет внутренний контроль человека за принятием решений и своими действиями. Наиболее часто первое употребление наркотических веществ происходит в местах, где низка вероятность контроля за поведением субъекта со стороны окружающих, кому действия потенциальных наркопотребителей не безразличны, вдали от родителей, педагогов и прочих субъектов социального контроля. Существенно увеличилось количество получения первого опыта употребления наркотиков в учебных заведениях, на работе. Несмотря на то, что индикатор «На улице, во дворе, в подъезде» в 2020 г. отметили 25% опрошенных, что на 13% меньше по сравнению с прошлым годом, это место остается наиболее привлекательной и комфортной для первой наркопробы. Более 20% указали, что первое знакомство с наркотическими средствами они получили в образовательном учреждении. Респонденты 14-16 лет наиболее часто отмечают местом первой пробы «Улицу, двор, подъезд» (23,5%). Респонденты 18-29 лет в перечне наиболее вероятных мест чаще всего выбирают «В гостях у друзей, знакомых» (35,3%).

Анализ ответов респондентов на вопрос «Кто впервые предложил Вам попробовать наркотик?» показывает следующее: «Кто-то из знакомых» (35,3%, -15,8%), «Коллеги по учебе, работе» (20,6%, +18,5%), «Друзья, с которыми я встречаюсь после учебы, работы» (17,6%, -10,1%), «Сам решил попробовать» (17,6%, +13,3%). Несмотря на то, что по результатам опроса 2020 г. количество респондентов, которые отметили, что впервые им предложили попробовать наркотик кто-то из знакомых, уменьшилось более чем на 15,0%, данный субъект кооптации новых членов остался самым значимым. Подростки 14-17 лет чаще всего указывали, что наркотик впервые им предложил кто-то из членов семьи (57,1%), на втором месте количество выборов «Друзья, с которыми я встречаюсь после учебы, работы» (28,6%). Респонденты 18-29 лет чаще всего выбирали индикатор «Кто-то из знакомых» (66,7%).

В рамках определения доступности наркотиков в исследуемом регионе представляют интерес и способы их получения наркопотребителями. Более 45,0% (-15,8%) опрошенных из числа употребляющих наркотики отметили, что их угощают, более 19,0% (+19,4%) указали, что получают наркотики в обмен на различные услуги, около 13,0% (-6,6%) – покупают. Кроме того, остаются доступными некоторые ингредиенты, позволяющие самостоятельно изготовить наркотическое средство. Около 13,0% (+0,7%) респондентов выбрали индикатор «Другим образом», не указав, каким конкретно. Чаще всего угощают молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет (60,0%).

В 2020 г. выявлены следующие способы получения респондентами денег на наркотики: 32,0% (+18,1%) – зарабатывают, 12,0% (+3,7%) – берут деньги у друзей и знакомых, 8,0% (+2,4%) – всякими незаконными путями. 32,0% (-20,8%) респондентов ответили, что они вообще не покупают сами, возможно это именно та часть респондентов, которая за получение наркотиков оказывает какие-то услуги. В целом, в ходе исследования выявлено, что почти каждый третий наркопотребитель приобретает наркотики на заработанные деньги. Вместе с тем такие показатели можно поставить под сомнения по двум причинам: во-первых, незначительная репрезентативность объема наркопотребителей в выборочной совокупности; во-вторых, лицо, регулярно употребляющее наркотики, не имеет возможности постоянно работать и быть загруженным делами, поскольку в таком случае у него не останется времени на употребление наркотиков. Постоянное употребление влечет увеличение суммы расходов.

В 2020 г. ответы на открытый вопрос: «Где Вам удастся доставать наркотики?» свидетельствует об использовании наркопотребителями возможностей всемирной сети Интернет для приобретения наркотиков. Около трети опрошенных указали на Интернет и интернет-магазины. Таким образом, не просто важно проводить профилактические мероприятия антинаркотической направленности в сети Интернет, а повышать эффективность деятельности правоохранительных органов по предупреждению распространения наркотиков во всемирной сети.

Анализ результатов социологических исследований наркоситуации в формате ежегодного мониторинга позволяет говорить об относительной стабильности состояния проблемы для Красноярского края на протяжении последних лет при некотором изменении веса отдельных показателей в большинстве в пределах естественной погрешности, которую допускают социологические

исследования – до 5,0%. Вместе с тем результаты изучения ежегодного мониторинга позволяют сделать выводы и предложить рекомендации по дальнейшей нормализации наркоситуации в крае.

В качестве первоочередных задач по противодействию и профилактике наркомании, среди населения и молодежи, прежде всего, рекомендуется усилить пропагандистскую работу в образовательных организациях, среди родителей, направленную на разъяснение опасности наркотиков для физического, психологического, интеллектуального здоровья, а также на осознание каждым человеком личной и общественной ценности здорового образа жизни, занятия спортом и социально одобряемым творчеством; развивать досуговую инфраструктуру региона с учетом потребностей населения.

Необходимо отметить, только осознав, что проблема затрагивает не конкретного человека и его семью, а все общество в целом, и объединив усилия на уровне государственной власти, органов местного самоуправления и каждой отдельной семьи в сфере антинаркотической профилактики, получится не только улучшить социальную и наркоситуацию в регионе, но и повысить качество жизни его населения.

Литература

1. Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. 2017. № 10. С. 147–157.
2. Шинкевич, В.Е., Бен Е.Н., Маслодудова Н.В., Ступина С.А., Калинин Я.Н., Молоков В.Н. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае : монография Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. 208 с.

Kalinichenko Yana Nikolaevna, Scientific Researcher of Scientific-Research and Editorial and Publishing Department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (20, Rokossovskogo St., Krasnoyarsk, 660131, Russian Federation). E-mail: ya_kalinichenko@mail.ru

DRUG SITUATION IN THE KRASNOYARSK TERRITORY ON THE RESULTS OF ANNUAL MONITORING 2020: STATE AND DYNAMICS

Abstract

In recent years, in Russia as a whole, there has been a slight decrease in drug tensions. However, the problem of the use of psychoactive substances continues to be relevant. The article analyzes the drug situation in the Krasnoyarsk Territory in 2020 based on the data of a sociological study conducted in the format of an annual monitoring. The results obtained are compared with 2019 that allows not only assessing the immediacy of the problem, but also its dynamics. The article draws attention to young people, their attitude to this problem and their involvement in drug use. The author proposes some measures that can improve the drug situation in the region.

Keywords: annual monitoring, Krasnoyarsk Territory, drug situation, drug addiction, drug abuse, drug addiction, social environment, social problem, quality of life.

References

1. Teplyashin P.V. Sostoyanie narkoprestupnosti v Rossijskoj Federacii: osnovnye kriminologicheskie pokazateli i tendencii // Lex Russica. 2017. № 10. P. 147–157.
2. SHinkevich, V.E., Ben E.N., Maslodudova N.V., Stupina S.A., Kalinichenko YA.N., Molokov V.N. Sostoyanie i perspektivy obespecheniya narkobezopasnosti sociuma: po rezul'tatam monitoringovyh issledovaniy v Krasnoyarskom krae : monografiya Krasnoyarsk : SibYUI MVD Rossii, 2019. 208 p.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КЕНИИ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТОВ

Мусеве аспирант, Московский педагогический государственный университет
Одри (119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1).
Халенья E-mail: amuseve@mail.ru

Аннотация

В последние два десятилетия многие страны субсахарской Африки реализуют институциональные реформы, направленные на развитие сектора социальной защиты пожилого населения. В статье приведены результаты экспертного исследования, проведенного среди 50 специалистов из Кении, представляющих органы власти, международные и неправительственные организации, академический сектор и медиа. По результатам исследования сделан вывод о существовании экспертного консенсуса относительно успешной институционализации социальной защиты пожилых за последнее десятилетие. Помимо достижений (увеличение бюджетного финансирования, реформы управления сектором, информатизация, внедрение универсальной пенсии) эксперты назвали и ряд проблем: недостаточность финансирования, проблемы с информированием, необходимость более тесной координации действий различных акторов.

Ключевые слова: пожилые люди, старение, социальная защита, пенсионное обеспечение, институциональные реформы, социальная политика, экспертный опрос, Кения, Восточная Африка.

Введение

Пожилое население – наиболее быстрорастущая демографическая группа в современных обществах, не только влияющая на их социальную структуру, но и определяющая направление развития социальной политики. Современные стандарты социальной защиты, воплощенные, в частности, в Принципах ООН в отношении пожилых людей, требуют от государства целенаправленных усилий по развитию системы институтов, обеспечивающих материальную независимость этой социально-демографической группы, качественное медицинское обслуживание и долговременный уход, возможности для достойной, активной и безопасной жизни, социальной интеграции и инклюзивности [1]. Реализация этих принципов в развивающихся странах требует масштабных институциональных реформ сектора социальной защиты и решения целого комплекса сложных социально-экономических и политических проблем, начиная от нехватки средств и низкой относительной долей трудоспособного населения и заканчивая неразвитой финансовой инфраструктуры в сельской местности, низким качеством администрирования, коррупцией и nepотизмом при распределении ограниченных ресурсов. Поиск эффективных механизмов и разработка результативных социальных политик является поэтому важной и актуальной задачей для социальных наук, ориентированных на проблемы социального развития.

Республика Кения – государство в Восточной Африке, которое характеризуется большинством типичных для субсахарской Африки особенностей и проблем, важных для социальной защиты пожилого населения: преобладанием молодого населения, сложными климатическими условиями, доминированием неформального сектора в экономике, высокой долей сельского населения, нехваткой кадров для медицинского и социального обслуживания, продолжающейся эпидемией ВИЧ, сложной этнополитической структурой, региональными дисбалансами [1-3]. Несмотря на это, Кения является одним из лидеров континента в области реализации институциональных реформ, направленных на управление социально-демографической политикой и повышение уровня социальной защищенности пожилых людей. Так, еще в 1960-х гг. Кения первой из всех субсахарских стран начала реализовывать политику планирования семьи, обеспечившую постепенное снижение рождаемости и заложившую предпосылки для увеличения доли трудоспособного населения – важного условия стабильности пенсионной системы [4].

После политических трансформаций начала XXI в. начала складываться целостная система институциональной поддержки пожилых людей. Если раньше в стране существовал разрозненный набор программ, охватывающих небольшое число населения, то в новом столетии произошло конституционное и законодательное закрепление социальных обязательств государства

в отношении пожилых людей, значительно увеличено финансирование социальных программ, внедрен целый ряд контрибутивных и неконтрибутивных механизмов, включая универсальные пенсии Inua Jamii Senior Citizens' Scheme (IJSC) для лиц старше 70 лет [5; 6]. Чтобы дать независимую оценку содержания проводимых институциональных реформ, достигнутых результатов, проблем и перспективных направлений дальнейшего развития, нами было проведено экспертное исследование, ставшее частью более комплексного социологического исследования проблем социальной защиты пожилого населения в современной Кении.

Методы

Экспертное исследование было проведено осенью 2020 года методом формализованного письменного интервью. К участию в исследовании были приглашены специалисты, профессионально занимающиеся вопросами социальной защиты пожилых людей. Всего в исследовании приняли участие 50 экспертов, в том числе:

- представители центральных органов власти – 26%;
- представители региональных и местных властей: 24%;
- специалисты международных организаций: 18%;
- представители НКО, академических институтов и медиа: 32%.

Все эксперты имеют высшее образование и опыт работы, непосредственно связанный с социальной защитой, и занимают ответственные должности. 60% проинтервьюированных экспертов имеют магистерскую степень, 24% – докторскую. Средний стаж работы в сфере социальной защиты составляет 9,6 лет (медианный – 8,5 лет), а в своей организации – 5,9 лет (медианный – 4 года). Таким образом, обследованная группа является высокопрофессиональной и позволяет дать достоверную оценку позиции экспертного сообщества по ключевым вопросам социальной защиты пожилых людей в Кении.

Результаты и обсуждение

Международно-признанный нормативный подход к социальной защите пожилых людей определяет пять принципов, которым она должна соответствовать в современном обществе: независимость (стабильный доход, поддержка в семье и сообществе, возможность работать и иметь жилье и т.п.); участие (в общественной жизни, разработке социальной политике, инклюзивность); забота (доступность медицинских услуг, легальной поддержки, долговременного ухода и пр.); самореализация (развитие своего потенциала, доступ к образованию, культуре, досугу); достоинство (отсутствие эксплуатации, дискриминации и плохого обращения)¹. Эксперты оценили по 5-бальной шкале степень, в которой эти принципы реализуются в современном кенийском обществе. Общая оценка оказалась умеренной; в наибольшей степени в стране реализован принцип независимости (3,3 балла, ст. откл. = 0,5), в наименьшей – принцип заботы (2,8 балла, ст. откл. = 0,4). Средняя оценка принципа достоинства составила 3,1 балла (ст. откл. = 0,5), участия – 3,1 (0,4), самореализации – 2,9 (0,4).

То, что общий уровень реализации принципов ООН в современной Кении носит умеренный характер, не вызывает удивления: институциональная система социальной защиты находится в состоянии становления и пока не способна обеспечить высокий уровень соответствия международным стандартам, но при этом уже предоставляет некоторые базовые гарантии. Относительно более высокая оценка реализации принципа независимости объясняется тем, что складывающаяся система социальной защиты пожилых людей направлена, в первую очередь, на решение их базовых материальных проблем и повышение доступности пенсионного обеспечения и других форм финансовой поддержки. В свою очередь, реализация принципа заботы требует развития инфраструктуры социальных услуг и кадрового обеспечения, в том числе в сфере долговременного ухода, которая требует не только значительных инвестиций, но и длительного времени на подготовку кадров. Реализация этого принципа поэтому сталкивается с наибольшими проблемами.

Важно отметить, что две основные подгруппы экспертов – представители центральных и местных/региональных властей оказались наиболее различающимися в своих оценках: последние

¹ United Nations Principles for Older Persons. Adopted by General Assembly resolution 46/91 of 16 December 1991. Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/OlderPersons.aspx> (дата обращения: 05.03.2021).

выразили более скептическое отношение к степени реализации принципов ООН. Мы полагаем, это отражает их большую приближенность к реальному положению дел в системе социальной защиты. Различие между двумя этими группами экспертов отчетливо проявилось и при оценке роли государства в решении финансовых проблем пожилых людей.

Эксперты из центральных органов власти склонны оценивать вклад государства в создание условий для реализации принципа независимости существенно выше, чем специалисты из региональных и местных органов власти: 3,9 и 3,4 балла по 5-бальной шкале, соответственно. При оценке роли государства в решении медицинских проблем эксперты из центральных органов власти также характеризуют ее существенно более позитивно, чем остальные группы. Это также может свидетельствовать о различиях в опыте и типичных ситуациях, с которыми различные эксперты имеют дело в своей профессиональной деятельности.

Эксперты, специализирующиеся на вопросах социальной защиты, представляют собой ценный источник информации при оценке эффективности и результативности социальной политики Республики Кения. Все опрошенные эксперты признают, что за последние десять лет ситуация с социальной защитой пожилых людей улучшилась, причем 82% считают, что эти улучшения являются значительными. Из нескольких утверждений, характеризующих политику кенийского государства в отношении пожилых людей, абсолютное большинство (96%) выбрало вариант, соответствующий максимальной степени вовлеченности: «Правительство полностью осознает важность социальной защиты и стремится реализовать современную социальную политику в отношении пожилых людей».

Экспертов попросили назвать самые важные изменения в системе социальной защиты пожилых людей, которые произошли в последние годы и сильнее всего повлияли на ситуацию в этой сфере. Среди полученных ответов, безусловное лидерство принадлежит началу реализации программы универсальных пенсий IJSC. Ее прямо назвали 18 экспертов (36%). Вторым по значимости направлением институциональных реформ стали административные изменения в системе социальной защиты, в частности – передача части функций социальной защиты на местный (окружной) уровень. К числу других важных изменений относится расширение покрытия программ денежных переводов, в том числе субсидирование затрат на медицинское обслуживание в рамках программы OPSD, общий рост бюджетного финансирования сектора, а также внедрение современных ИТ в деятельность страховых фондов NSSF и NHIF.

Два главных компонента институциональной системы социальной защиты пожилых людей – это пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание. Признавая и высоко оценивая значимость всех действующих в Кении пенсионных схем, большинство экспертов (84%) тем не менее признают, что их размер достаточен лишь для удовлетворения самых базовых материальных нужд. К числу главных препятствий для получения пенсий (открытый вопрос) эксперты отнесли: неграмотность и/или недостаточную информированность; несоответствие потенциальных бенефициаров формальным критериям для получения выплат (возраст, официальный стаж и др.), недостаточный доход или отсутствие культуры сбережения для участия в контрибутивных схемах.

Что же касается медицинского обслуживания, то главными барьерами эксперты считают отсутствие страховки и недостаток средств (либо у граждан, либо у государства). Однако также отмечается дефицит медперсонала, особенно специалистов в области гериатрии, территориальная удаленность лечебных учреждений и ряд других проблем. Повышение доступности медицинского обслуживания связывается, прежде всего, с дальнейшим развитием двух механизмов: системы медицинского страхования NHIF и программы OPSD (субсидирование стоимости медицинских услуг для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями).

Пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание в современных обществах относятся к числу наиболее ресурсоемких элементов системы социальной защиты, что особенно важно в свете тенденций роста доли пожилого населения. В этой связи особую роль играет финансовая устойчивость ключевых программ, обеспечивающих доход и доступность медицинских услуг в пожилом возрасте. Последние годы характеризуются устойчивым ростом бюджетного финансирования сектора социальной защиты в Кении¹.

¹ Kenya Social Protection Sector Review – 2017. Nairobi: Republic of Kenya, 2017. 221 p.; Inua Jamii Senior Citizens' Scheme. International Labour Organisation, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.developmentpathways.co.uk/wp-content/uploads/2019/05/Inua-Jamii-Country-Brief-1.pdf> (дата обращения 05.03.2021).

Однако уровень финансовой устойчивости большинства действующих в стране программ оценивается как средний. Наиболее устойчивыми считаются две главные страховые системы пенсионного обеспечения: Национальный фонд социального страхования (NSSF) и Пенсия для гражданских служащих (CSPS).

Эксперты оценили уровень их финансовой устойчивости на 4,2 и 4,3 балла по 5-бальной шкале, соответственно. Это соответствует опыту наиболее развитых мировых стран, в которых именно социальное страхование является основой институциональной системы социальной защиты пожилых людей, гарантирующей предсказуемый и стабильный доход в старости¹.

Новая универсальная пенсия IJSC также считается относительно устойчивой (3,7 балла). Однако большинство других действующих схем социальной защиты пожилых людей, как в области материальной поддержки (в денежной и натуральной форме), так и в области медицинского обслуживания, оцениваются экспертами как заметно менее устойчивые.

Способность институтов социальной защиты выполнять свои функции зависит не только от стабильности и достаточности финансирования, но также от качества администрирования и управления. Проведенный экспертный опрос позволил оценить некоторые важные аспекты качества институтов социальной защиты. К числу традиционно болезненных проблем для этого сектора в Кении, как и других странах Африки, относятся трайбализм и исключение отдельных социальных групп [5]. Однако абсолютное большинство опрошенных экспертов согласилось, что в настоящее время трайбализм и межэтнические отношения не являются фактором, оказывающим существенное влияние на имплементацию программ социальной защиты. Аналогично, 96% проинтервьюированных специалистов отрицают, что какие-то меньшинства исключены из программ социальной поддержки. Это позволяет с осторожностью заключить, что значимость двух названных проблем постепенно уменьшается.

К числу более значимых проблем институциональной организации социальной защиты следует отнести вопросы взаимодействия государства и общества. Эксперты оценили три аспекта такого взаимодействия: информирование (о программах социальной защиты), вовлечение (стимулирование обращения с идеями, вопросами и озабоченностями при разработке социальных программ) и отчетность (о результатах и эффективности программ). Наиболее высокую оценку получил аспект вовлечения: 86% выразили согласие с соответствующим утверждением.

В отношении аспекта отчетности такой позиции придерживаются 60% экспертов, а в отношении аспекта информирования – лишь 30%. При ответе на уточняющий вопрос об информационном аспекте взаимодействия, большинство (52%) указало, что информация, хотя и понятна, но не достигает всех, кому она предназначена, а еще 34% ответили, что информация недоступна для целевых аудиторий. Соответственно, это последнее направление деятельности государственных институтов следует считать наименее успешным.

Кенийское экспертное сообщество единодушно в признании необходимости институциональной модели социальной защиты, которая должна заменить традиционные формы социальной поддержки пожилых, основанной на ведущей роли семьи и в особенности детей. При этом важно подчеркнуть, что, хотя эксперты признают ведущую роль государства в выстраивании современной институциональной системы, экспертное видение ее будущего основано на мультиакторной модели. Детальный анализ позволил дать следующую картину распределения функций между различными акторами, которое отражает экспертный консенсус относительно будущего социальной защиты в Кении (табл. 1).

Представленные выше результаты отражают ответы экспертов на открытый вопрос о функциях различных акторов в системе социальной защиты, которая необходима в кенийском обществе. Полученные результаты позволяют сделать два главных вывода. Во-первых, приведенные данные позволяют определить основные сферы ответственности, с которыми связывается деятельность акторов.

Особенно обратим внимание на роль негосударственных акторов. От международных организаций эксперты ждут прежде всего ресурсную и консультационную поддержку, от НКО – непосредственное участие в оказании социальной помощи, а от коммерческого сектора – повышения социальной ориентированности.

¹ International Labour Organization. World Social Protection Report 2017-19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals. Geneva: ILO, 2017. 431 p.

**Основные функции социальной защиты, которые, по мнению экспертов,
должны выполнять отдельные институциональные акторы**

Актор	Функции социальной защиты	Доля экспертов, указавших данную функцию, %
Центральные власти	1. Разработка политики	30
	2. Ресурсное обеспечение	26
	3. Координация, взаимодействие с внешними партнерами и другими акторами	22
	4. Исследования, мониторинг и оценка	14
Региональные власти	1. Реализация политики	52
	2. Разработка политики	34
Местные власти	1. Администрирование и оказание социальных услуг	32
	2. Информационное посредничество (информирование населения и обратная связь с органами власти)	22
	3. Определение получателей поддержки	16
	4. Имплементация политики	10
	5. Взаимодействие с региональной и центральной властью	8
	6. Вовлечение и мобилизация общин	8
Международные организации	1. Финансирование, мобилизация ресурсов	30
	2. Исследования, аналитика и оценка	32
	3. Помощь в разработке стратегий, политик и реформировании сектора	22
Общественные организации	1. Прямая социальная помощь и поддержка	64
	2. Обучение (пожилых людей и тех, кто о них заботится)	10
	3. Продвижение и мобилизация общин	10
Частные компании	1. Корпоративная социальная ответственность и социальные программы для работников	32
	2. Обучение и подготовка	14
	3. Партнерство с органами власти в области социальной защиты	12
	4. Продвижение	12
	5. Прямая социальная помощь и поддержка	8
Страховые компании, фонды	1. Обеспечение надежности, качества и доступности услуг	40
	2. Информирование, продвижение и образование	26
	3. Партнерство и взаимодействие с другими акторами	16

Учитывая, что роль негосударственных акторов в настоящее время оценивается как очень скромная, можно предположить, что существует значительный потенциал расширения их участия в социальной защите. Во-вторых, в экспертных суждениях отчетливо отражен запрос на взаимодействие и партнерство различных акторов: органов власти, поставщиков социальных и медицинских услуг, международных организаций, НКО, частного сектора, страховых фондов. Учитывая ограниченность ресурсов, которыми располагают государство и основные доноры, эффективная координация и распределение сфер ответственности представляется ключевым фактором развития социальной политики.

Заключение

С начала XXI века многие страны Африки реализуют реформы, направленные на расширение социальной защиты уязвимых групп населения, в том числе пожилых людей. Реализация институциональных реформ не может не сталкиваться с существенными трудностями, а пандемия COVID-19 способна значительно осложнить реализацию социальной политики в ближайшем будущем. В этих условиях особое значение имеет тиражирование и масштабирование успешного опыта реализации институциональных реформ и программ социальной защиты.

Кения может считаться одним из примеров относительно успешной и последовательной реализации социальной политики, направленной на постепенную имплементацию современных принципов в отношении пожилых людей. Экспертное сообщество единодушно в позитивной оценке усилий кенийского правительства в реформировании сектора социальной защиты, внедрении механизма универсальных пенсий и расширении бюджетного финансирования основных программ. Однако сохранение этих позитивных тенденций требует постепенного перехода к более финансово устойчивым страховым программам, повышения качества взаимодействия государства и общества и более точного распределения функций между государственными, коммерческими и негосударственными акторами.

Литература

1. Organisation for Economic Cooperation and Development. Social Protection in East Africa: Harnessing the Future. Paris: OECD, 2017. 94 p.
2. Африка: социальные и политические условия реализации Целей устойчивого развития (ЦУР). М.: Институт Африки РАН, 2018. 270 с.
3. Африка: новая стратегическая реальность / Под ред. Н.С.Кирабаева. М.: РУДН, 2020. 255 с.
4. Fendall N.R.E., Gill J. Establishing family planning services in Kenya: a review // Public Health Reports. 1970. Vol. 85. P. 131–139.
5. Wanyama F.O., McCord A. The politics of scaling up social protection in Kenya. WIDER Working Paper. No 2017/114. UNU-WIDER, 2017. Режим доступа: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/163088/1/887555950.pdf> (дата обращения: 05.03.2021).
6. Мусеве О.Х. Эволюция института социальной защиты пожилых людей в Кении // Russian Economic Bulletin. 2020. № 4. С. 281–285.

Museve Audrey Khahlenya, Graduate Student, Moscow Pedagogical State University (1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation). E-mail: amuseve@mail.ru

INSTITUTIONAL REFORMS IN SOCIAL PROTECTION OF OLDER PEOPLE IN KENYA: THE VIEW OF EXPERTS

Abstract

Over the past two decades, many countries in sub-Saharan Africa have implemented institutional reforms aimed at developing the social protection sector for older people. The present study reports findings from a survey of 50 Kenyan experts drawn from governmental, non-governmental and international organizations, the academic sector and the media. The study reveals that the institutionalization of the sector during the last decade is consensually described as generally successful. Experts point out both the achievements in sector development (increased budget funding, better governance and administration, IT adoption, the introduction of a universal pension) and several problems such as insufficient funding, poor information dissemination and lack of coordination among key actors.

Keywords: older people, ageing, social protection, pension provision, institutional reforms, social policy, expert survey, Kenya, East Africa.

References

1. Organisation for Economic Cooperation and Development. Social Protection in East Africa: Harnessing the Future. Paris: OECD, 2017. 94 p.
2. Afrika: social'nye i politicheskie usloviya realizacii Celej ustojchivogo razvitiya (CUR). М.: Institut Afriki RAN, 2018. 270 p.
3. Afrika: novaya strategicheskaya real'nost' / Pod red. N.S. Kirabaeva. М.: RUDN, 2020. 255 p.
4. Fendall N.R.E., Gill J. Establishing family planning services in Kenya: a review // Public Health Reports. 1970. Vol. 85. P. 131–139.
5. Wanyama F.O., McCord A. The politics of scaling up social protection in Kenya. WIDER Working Paper. No 2017/114. UNU-WIDER, 2017. Rezhim dostupa: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/163088/1/887555950.pdf> (data obrashcheniya: 05.03.2021).
6. Museve O.H. Evolyuciya instituta social'noj zashchity pozhilyh lyudej v Kenii // Russian Economic Bulletin. 2020. № 4. P. 281–285.

**«СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ» В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА:
О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ НОВАЦИЯХ В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР****Мэн****Юйфэн**

аспирант, Южный федеральный университет
(344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
E-mail: 552094367@qq.com

Аннотация

Статья посвящена теоретическим новациям в официальном политическом дискурсе КНР, нашедшим отражение в программной речи Си Цзиньпина на XIX Всекитайском съезде КПК. С опорой на традиции политического дискурс-анализа, автор показывает, что развернутая в дискурсе китайского лидера идеологическая формула о «богатой и могущественной, демократической и цивилизованной, гармоничной и прекрасной модернизированной социалистической державе» представляет собой общее имя для оригинальной системы концептов. Подчеркивается, что в ключевом понятии данной системы, «социализме с китайской спецификой в новую эпоху», амбициозная программа социалистической модернизации Китая под руководством КПК соединяется с идеей «великого возрождения китайской нации», понятой в конфуцианском духе.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, КНР, КПК, социализм с китайской спецификой, новая эпоха, возрождение китайской нации, китайская мечта, экологическая цивилизация, прекрасная жизнь.

Прошедший в октябре 2017 г. XIX Всекитайский съезд КПК стал неординарным событием в политической жизни современного Китая. На съезде были определены стратегии и программа действий китайских коммунистов на годы и даже десятилетия вперед. Одновременно съезд стал окончательной легитимацией нового поколения китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином. Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить в связной форме моменты новизны официального политического дискурса современного Китая, как они нашли отражение, прежде всего, в программной речи Си Цзиньпина на упомянутом форуме китайских коммунистов.

В России анализ официального политического дискурса относят к предметной области политической дискурсологии как политологической субдисциплины [1]. Соответственно, автор данного исследования опирался на методологический инструментарий политического дискурс-анализа, прежде всего на концептный подход, как его развивает известный российский политолог М.В. Ильин [2].

Если мы обратимся к речи лидера китайских коммунистов на XIX съезде КПК, то в ней в качестве главной стратегической цели, которую планируется реализовать к середине нашего столетия, указывается построение в КНР (как раз к ее столетнему юбилею) «модернизированной социалистической державы»¹. В официальном дискурсе современного Китая в роли синонимов этого базового концепта можно встретить выражение «великая держава с китайской спецификой», а также целый веер выражений с ключевым словом «держава». Так, в упомянутой речи Си Цзиньпина говорится о необходимости превратить Китай в «державу с передовой обрабатывающей промышленностью», «морскую державу», «полноценную торговую державу», «социалистическую культурную державу», «спортивную державу», «державу образования» и не в последнюю очередь – в «ответственную державу, стремящуюся активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления». Самый расширенный вариант этого «державного» концепта в речи Си на съезде звучит как превращение Китая в «богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу».

Чтобы заметить новейшие концептуальные смещения в традиционной для КНР теории социализма с китайской спецификой, достаточно взглянуть на частоту использования ее базовых концептов, как это обнаруживается в речи Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (см. табл. 1).

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 03.11.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 06.04.2021). Далее все прямые цитаты из данного документа будут приводиться без указания источника.

**Частота терминов, выражающих понятие китайской модели социализма
в речи Си Цзиньпина на XIX съезде КПК**

Термин	Частота
рабочий класс	1
капитализм	1
коммунизм	4
марксизм (марксистский)	10
марксизм-ленинизм	5
демократия (демократический)	58
правовой	34
модернизация	29
инновация (инновационный)	45
реформа (реформирование)	71
социализм	22
социализм с китайской спецификой	36
социализм с китайской спецификой в новую эпоху	27
китайский марксизм (китаизация марксизма)	3
китайская нация	18
(великое) возрождение китайской нации	33
китайская мечта	30
экология (экологический)	21
экологическая цивилизация	12
прекрасная жизнь	13

Мы видим, что типичные для классического советского марксизма концепты (рабочий класс, капитализм, коммунизм) здесь редуцированы. Правда, в речи Си более двух десятков раз упоминается термин «революция» и производные от него лексемы. Однако собственно к «социалистической революции» из этих терминов имеют отношение не более половины, тогда как прочие представляют собой разного рода метафоры революционности: «новая великая революция» как политика реформ и открытости в эпоху Дэн Сяопина; «смелые революционные самопреобразования» наших дней; «революционные технологии»; «глубинная революция в области управления государством»; «новая мировая революция в военном деле» и т.п.

Эти метафоры «социалистической революции» выступают здесь не просто популярным изложением концепта революции, но моделью «порождения новых смыслов при помощи механизма метафоризации» [2, с. 9]. Одновременно это создает концептуальный (а не чисто вербальный) эффект преемственности политического курса КПК, который концептуально остается «революционным» на любом историческом этапе и в любой сфере общества.

Как видно из таблицы, на первый план в речи Си Цзиньпина выходят концепты, выражающие национальные амбиции китайского социализма с учетом актуальных проблем эпохи: технологических прорывов, управленческих рисков, экологических вызовов и т.д. Значительная часть этих концептов зашифрована в определениях «державы» в упомянутой выше фразы о превращении КНР к середине этого века в «богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу».

Так, богатство и могущество Китая подразумевает здесь не просто мощную экономику на основе научно-технического прогресса; конкретнее, китайское руководство взяло курс на форсированное создание «государства инновационного типа», в котором технологические новшества мыслятся в качестве стратегической опоры для создания модернизированной системы экономики, реализации проектов «цифровой Китай», «умное общество» и т.п. Особое значение придается при этом фундаментальным исследованиям перспективного характера с подготовкой большого контингента стратегически ценных научно-технических кадров международного уровня.

Одним из принципиальных условий реализации этих задач китайские коммунисты считают ускоренное совершенствование того, что в КНР называется «системой социалистической рыночной экономики». Важным элементом этого процесса выступает совершенствование

системы права собственности с целью превращения ее в рычаг повышения эффективности производства, установления справедливой конкуренции и недопущения административных и рыночных монополий. В свою очередь, ключевым условием работы этого механизма выступает умное госрегулирование посредством монетарной политики и осмотрительной макрополитики.

В целом, реформирование и модернизация мыслятся как перманентный режим всей китайской экономики, включая отношения собственности. (Неслучайно в приведенной выше таблице эти термины – одни из наиболее часто употребляемых). Это прогрессивное развитие по умолчанию предполагает режим всесторонней экономической открытости страны миру.

Как заявил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК, «открытые двери Китая не закроются, они будут распахиваться все шире». В этом стратегическом контексте следует понимать и международную китайскую инициативу «Один пояс, один путь». Данный мегапроект видится китайскому руководству как средство усиления международного веса страны, показатель ее могущества. Эта мощь предполагает для нынешнего руководства Китая большее, чем в эпоху Дэн Сяопина, внимание к военному строительству. В речи Си на последнем съезде КПК ставится задача создания «армии инновационного типа». Такая армия «должна быть всегда готова к бою» и «развертывать военное обучение, имитируя реальную войну». Но речь идет не только об усилении экономики и вооруженных сил; КНР ставит своей целью активное участие в «создании международных отношений нового типа и сообщества единой судьбы человечества». На это в обозримом будущем будет направлена дипломатия «великой державы с китайской спецификой».

По словам китайского политолога Ань Ямэй, проект «Один пояс, один путь» направлен на активное содействие построению сообщества единой судьбы человечества и на укрепление дружбы и сотрудничества с соседними странами. Сверх того, Си выдвинул стратегическую идею совместного построения «сообщества единой судьбы в киберпространстве» [3].

К упомянутым выше определениям китайской державы относятся также «демократическая и цивилизованная», и за этим стоит целый ряд концептов, подчас оригинальных, из официального политического дискурса нынешней КНР. Прежде всего, Си Цзиньпин концептуально подтверждает роль компартии в политической системе КНР, объявляя правление КПК «главной гарантией положения народа как хозяина страны и управления государством на правовой основе». Данная установка полностью отвечает положению Устава КПК о том, что «руководство со стороны Коммунистической партии Китая – самая сущностная особенность социализма с китайской спецификой, а также наиважнейшее преимущество социалистического строя с китайской спецификой»¹.

С учетом этого следует понимать и широко пропагандируемый в Китае концепт «социалистической консультативной демократии» (社会主义协商民主 – шэхой чжуи сешан миньчжу). Данный концепт предполагает, что «все дела можно решить путем обсуждений, а дела, касающиеся всех, всеми вместе и обсуждаются». Консультативная демократия не выставляется Си Цзиньпином в роли фигового листка гражданского общества для «авторитаризма КПК», как любят выражаться критики китайского социализма; напротив, она открыто объявляется «важнейшим способом осуществления партийного руководства». Аналогичным образом, первым условием того, что в Китае называют «правовым государством», «правовым правительством» и «правовым обществом», тоже объявляется руководство со стороны коммунистов. Как видно из табл. 1, термин «правовой» весьма часто используется Си Цзиньпином в его выступлении на XIX съезде КПК.

Акцент на сущностную роль компартии в реализации социализма с китайской спецификой составляет одну из важнейших новаций в доктрине Си Цзиньпина по сравнению с эпохой Мао и Дэна. Соответственно, в партийном концепте Си повышается роль «всестороннего устроения» внутрипартийной жизни как условия предотвращения партийной и государственной коррупции в силу политического доминирования КПК. Это устроение выражается, прежде всего, в нулевой толерантности по отношению к коррупционерам.

¹ Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК // XIX Всекитайский съезд КПК. 2017-11-03. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536.htm (дата обращения: 06.04.2021)

Впечатляющие результаты антикоррупционной кампании Си Цзиньпина отмечают даже зарубежные обозреватели¹. Согласно данным Национального бюро статистики Китая, степень удовлетворенности строительством некорруптированного партийного аппарата и антикоррупционной работой КПК с 75% до XVIII Всекитайского съезда выросла до 92,9% в 2016 г.² В своей речи на XIX съезде КПК Си Цзиньпин описывает борьбу с коррупцией метафорами, показывающими продуманный и системный подход к делу: «мы настойчиво ‘били и по тиграм, и по мухам’ и ‘охотились на лис’. ... Все плотнее плелась ‘клетка’ ограничения власти, призванная сдерживать коррупционные порывы чиновников». И здесь мы имеем дело с метафоризацией как способом развития смыслового содержания политического концепта, а не просто с риторическим упражнением. Имя этого концепта – «революционное самопреобразование» или «самореволюционизация» компартии Китая. В такого рода практике строгий самоконтроль коммунистов сочетается с постоянной самокритикой и обновлением их партийного менеджмента. Данный принцип получает дальнейшее развитие в концептах, исполненных специфически китайского цифрового символизма: «три строгости и три честности», «четыре вредных поветрия», «четыре формы контроля над соблюдением дисциплины» и т.п.

Наконец, среди упомянутых выше определений китайской державы мы видим «гармоничная, прекрасная». И это тоже не просто красивые слова, а имена для продуманной системы концептов. Прежде всего, это выражает проблему гармонизации социальных отношений, обострившуюся в КНР с началом имущественной поляризации населения как эффекта рыночной экономики. Уже у Ху Цзиньтао идеологической реакцией на эту проблему стало положение о «человеке как основе» [以人为本 – и жэнь вэй бэнь]. Выдвинутую Си Цзиньпином сходную идею «народа как центра» [以人民为中心 – и жэньминь вэй чжунсинь] директор Издательства Китайской Академии общественных наук Чжао Цзяньин считает «важной идеологической инновацией», причем более научной и понятной в сравнении с положением «человек как основа»: «если взгляд на развитие ‘человека как основы’ был выдвинут в противовес модели ‘материальное как основа’, то идея развития ‘народ как центр’ выдвинута с точки зрения качества развития» [4, с. 58].

Действительно, в своей речи на XIX съезде КПК Си Цзиньпин заявляет, что Китай, решив проблему обеспечения миллиардного населения питанием и одеждой, в целом реализовал цель, поставленную еще в начале этого века тогдашним главой КНР Цзян Цзэмином: построить «сяокан» – общество среднего достатка, или «среднезажиточное общество». Как следствие, теперь на первый план выходит потребность людей в хорошем качестве жизни, что выражается в повышении уровня не только материальных, но и культурных запросов. А к последним лидер китайских коммунистов относит растущие требования людей в сфере демократии, законности, равенства, справедливости, безопасности, экологии и т.д.

Качество развития стоит и в центре концептов «прекрасная жизнь» [美好生活 – мэйхао шэнхо] и «прекрасный Китай» [美丽中国 – мэйли чжунго], которые занимают немаловажное место в официальном идеологическом дискурсе современной КНР. Выражение «прекрасная жизнь» означает принцип сбалансированности и гармоничности жизни граждан в ситуации, когда «главный вопрос развития производительных сил состоит не в ‘отсталости’, а в ‘неравномерности, неполноте’» [4, с. 56]. Но идея прекрасной, гармоничной жизни несет в себе и глобальное измерение, что в политическом дискурсе современного Китая выражается концептами вроде «единая судьба человечества» (人类命运共同体 – жэньлэй гунтун минюнь), «экологическая цивилизация» (生态文明 – шэнтай вэньмин) и др.

Концепт единой судьбы человечества выражает прежде всего нравственный принцип: совместными усилиями решать общие для человечества проблемы путем диалога, а не вражды, в условиях политической многополярности и культурного разнообразия. Глобальная социальная

¹ China's Soft-Power Deficit Widens as Xi Tightens Screws Over Ideology, the China Brief, Brookings Institution // The Jamestown Foundation. Global Research & Analysis. December 5, 2014. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-soft-power-deficit-widens-as-xi-tightens-screws-over-ideology> (дата обращения: 06.04.2021)

² 全面从严治党 永远在路上 - 来源: 中国经济网 - 《经济日报》2017.08.17 [Всестороннее соблюдение строгой партийной дисциплины, всегда в пути // Сеть китайской экономики – «Экономический ежедневник». 17.08.2017]. URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201708/17/t20170817_25063498.shtml (дата обращения: 06.04.2021)

гармония мыслится здесь не как утопическое мечтание, а как принцип делового взаимовыгодного сотрудничества. Это предполагает веру в то, что интересы социальных акторов можно гармонизировать на локальном и глобальном уровне, и в этом смысле нет проблем, которые нельзя было бы решить мирным способом.

Важнейшей из таких проблем является экология, гармонизация отношений человека и природы. В материалах XIX съезда КПК речь идет о развитии «экологической цивилизации» как части «глобального экоцивилизационного строительства». С одной стороны, эта тема оказывается важным элементом в нарративе о великом возрождении китайской нации, усиливая его цивилизационную составляющую. Причем формирование экологической цивилизации Си Цзиньпин характеризует как «огромный перспективный план, рассчитанный на процесс бесконечного развития китайской нации». С другой стороны, концепт экологической цивилизации наполняет национальным смыслом тезис о единой судьбе человечества. По словам китайского ученого Сун Лэя, уже XVIII съезд КПК сформулировал «всесторонний план строительства социалистической экоцивилизации, которая содержит китайский цивилизационный ген» [5, с. 156].

Именно в контексте «гармоничной синергии человека и природы» в официальный дискурс вносится понятие «прекрасного Китая», означающее создание народу благоприятной социальной и природной среды для жизни и труда. Сюда относится и среда культурная. В этой связи впечатляет рыночная технологичность культурной политики китайского руководства: речь идет о системе «культурных индустрий» и «культурных рынков», о культивировании новых форм «культурного бизнеса».

Одновременно это означает поставленную на поток «мягкую силу» Китая, то есть, целенаправленное расширение его культурного влияния на мир. В дискурсе Си Цзиньпина выражение «мягкая сила» причудливым образом объединяет дух высоких технологий с высоким духом китайской философии. Действительно, в «soft power с китайской спецификой» чувствуются аллюзии на конфуцианскую идею окультуривания варваров посредством образца для подражания, а не грубой силы¹; да и среди современных китайских марксистов уже давно не считается идеологической ересью ссылаться на древних китайских мудрецов. О «великом дао» Поднебесной говорил Си Цзиньпин в своем докладе на последнем съезде КПК; о растущей популярности конфуцианских идей у политической элиты современного Китая пишут и российские авторы. В частности, А.А. Крушинский отмечает глубокую связь концепции «сяокан» с традиционными для Китая конфуцианскими представлениями [7].

Китайские авторы также указывают на реализацию некоторых идей конфуцианства в нынешней политике КПК [8, с. 216]. Китайский исследователь Ван Вэй отмечает, что возрождение конфуцианства в КНР «всё больше напоминает пиар-кампанию», которая «может повлечь за собой внутренние изменения в политической сфере» [9, с. 43].

Конфуцианское идейное наследие в известном смысле помогает идеологически обосновать смысл правового государства в условиях монополии КПК на власть, поскольку западным представлениям о верховенстве закона на основе разделения властей здесь противопоставляется практика разрешения социальных конфликтов на основе неписаных моральных норм и отеческой заботы верховного правителя. Некоторые западные авторы усматривают специфику китайской правовой системы во взаимном дополнении верховенства правового закона (на которое Си Цзиньпин ссылается в своей речи на XIX съезде КПК целых 13 раз!) и верховенства добродетели, генетически связанной с традиционными для Китая политико-правовыми теориями [10].

Конечно, идейное новаторство Си является относительным – оно покоится на традиции, заложенной Мао Цзэдуном; и справедливо было замечено, что еще до Си Цзиньпина китайские вожди в лице Мао и Дэна практиковали специфический стиль мысли и действия, в котором прагматизм «реалистического подхода» творчески сочетался с волюнтаризмом «раскрепощенного сознания» [11, с. 90]. Но это не значит, что концептуальный смысл доктрины Си мельче идей его предшественников, хотя такое мнение в научной литературе встречается.

¹ «Учитель хотел поселиться среди варваров. Кто-то сказал: «Там грубые нравы. Как вы можете так поступать?». Учитель ответил: «Если благородный муж поселится там, будут ли там грубые нравы?». См.: [6, с. 157].

Так, известный британский востоковед Родерик Макфаркуар скорее скептически оценивает масштаб новизны и влияния идей Си Цзиньпина. Эти идеи, по его словам, «не обладают интеллектуальной правдоподобностью марксизма-ленинизма и, конечно же, не вызывают тех массовых страстей, что были характерны для Мао Цзэдуна в зените его славы»¹.

Такая позиция, на наш взгляд, недооценивает специфику новизны идей, озвученных Си Цзиньпином, а также глубину отличия его общего политического профиля от Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. И здесь можно сослаться на проницательного Стива Цанга², усматривающего в опоре Си Цзиньпина на китайскую компартию важное отличие от Мао и Дэна, которые по разным причинам эту опору ослабили (что проявилось как в опыте «культурной революции», так и в протестах на площади Тяньаньмэнь).

Но акцент на ключевую роль компартии дополняется в доктрине Си и концептом «новой эпохи». А в китайском общественном сознании главным маркером новой эпохи традиционно считается ее основное противоречие (в этом сказывается влияние категориального аппарата диалектического материализма). В материалах XIX съезда КПК это противоречие определяется как «противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития».

Ранее формулировка главного противоречия, одобренная третьим пленумом ЦК 11-го созыва КПК в 1978 г., звучала как «противоречие между растущими материальными и культурными потребностями населения и отсталым общественным производством» [12, с. 17]. По мнению китайских авторов, изменение основного противоречия эпохи отражает переход от противоречия «нехватки количества» к противоречию «нехватки качества»³.

Хотя представленная в речи Си Цзиньпина на XIX съезде КПК новая формулировка основного противоречия эпохи может у россиян старшего поколения вызвать ассоциации с программой построения коммунизма в СССР, за этим у китайского лидера стоит довольно трезвая и сдержанная оценка исторического этапа, на котором находится китайское общество. По словам Си, «наша основная реальность осталась неизменной – мы по-прежнему находимся, и еще длительное время будем находиться на начальной стадии социализма, остается неизменным и международный статус Китая как самой большой в мире развивающейся страны». В этой скромном позиционировании можно видеть продолжение заложенной Дэн Сяопином максимы для Китая: скрывать свою силу и выжидать своего часа. Однако многие китаисты, напротив, подчеркивают отход Си от этого принципа, в какой мере того требует «великая мечта о великом возрождении китайской нации».

Ключевую роль в этой связи (см. таблицу 1) приобретают концепты «китайской нации» (中华民族 – чжунхуа миньцзу) и «китайской мечты» (中国梦 – чжунгомэн) как важнейшие элементы понимания «китаизации» вообще и «китаизации марксизма», в частности. В нарративной связке оба эти концепта представлены выражением «осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации» — (实现中华民族伟大复兴的中国梦 – шисянь чжунхуа миньцзу вэйда фусин дэ чжунгомэн). При этом очевидна взаимосвязь концептов китайской нации, китайской цивилизации (中华文明 – чжунхуа вэньмин) и возрождения китайской нации. Коммунизм толкуется в контексте этого возрождения, а сама нация понимается в примордиалистском ключе – как культурно-цивилизационная общность с пятитысячелетней историей и мировым статусом.

Важно заметить, что концепт «китайской мечты» ни в коем случае не выглядит здесь альтернативой мечте социалистической. «Великая китайская мечта» оказывается в одной теоретической плоскости с «новой великой программой партийного строительства», с коммунистической партией как «руководящим ядром» в развитии социализма с китайской спецификой. Соответственно, «без руководства компартии Китая возрождение нации неизбежно стало бы

¹ MacFarquar R. China: The superpower of Mr. Xi // The New York Review. August 13, 2015. URL: <http://www.nybooks.com/articles/2015/08/13/china-superpower-mr-xi/> (дата обращения: 06.04.2021)

² Tsang S. What is Xi Jinping Thought? // Society & Culture. Feb 11, 2019. URL: <https://www.chinausfocus.com/society-culture/what-is-xi-jinping-thought> (дата обращения: 06.04.2021)

³ 陈晋. 深入理解我国社会主要矛盾的转化 - 来源: 北京日报 2017-11-13 [Чэнь Цзинь. Понятие трансформации основных противоречий в нашем обществе // Бэйцзинжибао 13.11.2017]. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/1113/c40531-29641540.html> (дата обращения: 06.04.2021)

утопией». Тем самым картина приобретает известную завершенность: социализм видится в ней ядром пятитысячелетней истории китайской нации, КПК – ядром китаизированного социализма и «становым хребтом нации», а национальный вождь Си Цзиньпин – ядром КПК.

Было бы некорректным представлять «китайскую мечту» как сугубо утопический концепт; скорее, это идеологический конструкт для модернизационной программы, причем весьма амбициозной. Как заметил российский политолог А.Б. Рахманов, «СССР был социалистической сверхдержавой XX в., а Китай является социалистической сверхдержавой XXI века» [13]. С ним согласились бы и китайские авторы, которые также видят свою страну наследницей сверхдержавы СССР, ставшей жертвой своего высокомерия, помноженного на упущенные шансы своевременной модернизации [14].

В заключение отметим, что кратким ответом на вопрос о том, в чем состоит новизна идей Си Цзиньпина, может служить концепт социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Имеется в виду социализм, главной задачей которого является осуществление социалистической модернизации и тем самым – великого возрождения китайской нации. Таким образом, концепт социализма с китайской спецификой в новую эпоху связывает в один узел социалистическую модернизацию и национальное возрождение, при этом ключевым оказывается концепт «новой эпохи», который привнес в современный политический дискурс Китая именно Си Цзиньпин.

Литература

1. *Негров Е.О.* Официальный политический дискурс в современной России: стратегии развития // Политэкс. 2009. Т. 5. № 4. С. 105–114.
2. *Ильин М.В.* Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 430 с.
3. 安雅梅. 习近平新时代中国特色社会主义思想与21世纪世界社会主义的发展 // 南方论刊 - 茂名, 2018. No. 9. P. 4-7 [*Ань Ямэй.* Идеи социализма с китайской спецификой, предложенные Си Цзиньпином в новейшую эпоху и развитие мирового социализма в 21 веке // Журнал Юга. 2018. № 9. С. 4–7].
4. *Чжао Цзяньпин.* Китаизация марксистской философии. Великий исторический процесс реформ и открытости в Китае // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 45–62.
5. *Сун Лэй.* «Китайский путь» – путь социализма с китайской спецификой // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 152–157.
6. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 363 с.
7. *Крушинский А.А.* «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 135–148.
8. *Ли Сянянь.* Концепция «национальной политики» Конфуция в прошлом и настоящем // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. Вып. XXXIII. № 332016. С. 212–218.
9. *Ван Вэй.* Цели и содержание политических курсов «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» и «Один пояс – один путь» // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6 (59). С. 41–45.
10. *Garrick J., Chang Bennett Y.* «Xi Jinping Thought» Realisation of the Chinese Dream of National Rejuvenation? // China Perspectives. 2018. Vol. 1. No. 2. P. 99–105.
11. *Бальчиндоржиева О.Б., Цырендоржиева Д.Ш.* Теория социализма с китайской спецификой: сущность, тенденции развития, связь с модернизацией Китая // Вестник ЗабГУ. 2013. № 10 (101). С. 89–94.
12. 刘渊. 马克思主义中国化70年发展的实践与逻辑 // 四川大学学报 - 成都, 2019. No.4. P. 14-20 [*Лю Юань.* Практика и логика развития китаизации марксизма за семьдесят лет // Журнал Сычуаньского университета. 2019. № 4. С. 14–20].
13. *Рахманов А.Б.* Развитие Китайской Народной Республики в XXI веке и антиномии социальной философии марксизма // Вестник Московского университета. 2013. № 3. С. 19–25.
14. 余伟民. “超级大国”的自负是苏联衰落的重要原因 // 探索与争鸣. - 上海, 2011. No.1. P. 18-19 [*Юй Вэйминь.* Самоуверенность «сверхдержавы» – важная причина падения Советского Союза // Исследование и дискуссия. Шанхай, 2011. № 1. С. 18–19].

Meng Yufeng, Graduate Student, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: 552094367@qq.com

**"SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS" IN THE ERA OF XI JINPING:
ON CONCEPTUAL INNOVATIONS IN THE OFFICIAL POLITICAL DISCOURSE
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

Abstract

The article is devoted to the theoretical innovations in the official political discourse of the People's Republic of China, which were reflected in the program speech of Xi Jinping at the XIX National Congress of the CPC. Drawing on the traditions of political discourse analysis, the author shows that the ideological formula developed in the Chinese leader's discourse about "a rich and powerful, democratic and civilized, harmonious and beautiful modernized socialist power" is a common name for the original system of concepts. It is emphasized that in the key concept of this system, "socialism with Chinese characteristics in the new era", the ambitious program of socialist modernization of China under the leadership of the CPC is combined with the idea of the "great revival of the Chinese nation", understood in the Confucian spirit.

Keywords: Xi Jinping, Mao Zedong, Deng Xiaoping, China, CCP, socialism with Chinese characteristics, new era, rebirth of the Chinese nation, Chinese dream, ecological civilization, beautiful life.

References

1. Negrov Ye.O. Ofitsial'nyy politicheskiy diskurs v sovremennoy Rossii: strategii razvitiya // Politeks. 2009. T. 5. № 4. P. 105–114.
2. Il'in M.V. Slova i smysly: opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatiy. M.: ROSSPEN, 1997. 430 p.
3. Anya May. Idei sotsializma s kitayskoy spetsifikoy, predlozhennyye Xi Jinpingom v noveyshuyu epokhu i razvitiye mirovogo sotsializma v 21 veke // Zhurnal Yuga. 2018. № 9. P. 4-7.
4. Jianying Zhao. Kitaizatsiya marksistskoy filosofii. Velikiy istoricheskiy protsess reform i otkrytosti v Kitaye // Svobodnaya mysl'. 2020. № 3. P. 45–62.
5. Sun Ley. «Kitayskiy put'» – put' sotsializma s kitayskoy spetsifikoy // Vlast'. 2017. T. 25. № 11. P. 152–157.
6. Drevnekitayskaya filosofiya. Sobraniye tekстов v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1972. 363 p.
7. Krushinskiy A.A. «Kitayskaya mecha» i kategorii traditsionnoy kitayskoy mysli // Problemy Dal'nego Vostoka. 2015. № 5. P. 135-148.
8. Li Xianyang. Kontseptsiya «natsional'noy politiki» Konfutsiya v proshlom i nastoyashchem // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya. 2016. Vyp. XXXIII. № 332016. P. 212–218.
9. Wang Wei. Tseli i soderzhaniye politicheskikh kursov «Kitayskaya mecha o velikom vrozozhdenii kitayskoy natsii» i «Odin poyas – odin put'» // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2018. № 6 (59). P. 41–45.
10. Garrick J., Chang Bennett Y. «Xi Jinping Thought» Realisation of the Chinese Dream of National Rejuvenation? // China Perspectives. 2018. Vol. 1. No. 2. P. 99–105.
11. Bal'chindorzhieva O.B., Tsyrendorzhieva D.Sh. Teoriya sotsializma s kitayskoy spetsifikoy: sushchnost', tendentsii razvitiya, svyaz' s modernizatsiyey Kitaya // Vestnik ZabGU. 2013. № 10 (101). P. 89-94.
12. Liu Yuan. Praktika i logika razvitiya kitaizatsii marksizma za sem'desyat let // Zhurnal Sichuan'skogo universiteta. 2019. № 4. P. 14–20.
13. Rakhmanov A.B. Razvitiye Kitayskoy Narodnoy Respubliki v XXI veke i antinomii sotsial'noy filosofii marksizma // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2013. № 3. P. 19–25.
14. Yu Weimin. Samouverennost' «sverkhderzhavy» – vazhnaya prichina padeniya Sovetskogo Soyuza // Issledovaniye i diskussiya. Shankhay, 2011. № 1. P. 18-19.

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК ЧАСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

Подгайко магистрант, Южный федеральный университет
Алексей (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
Андреевич E-mail: A.Podgayko@mail.ru

Аннотация

Экономика знаний может выражаться определенным следствием институциональной эволюции в национальной экономике. Институт, представляя собой норму и правило, имеет основную задачу – принуждение к выбору. Возможные варианты выбора, которые находятся на разных кривых безразличия, будут иметь соответственно разные следственные исходы. Так, действие одного института, который принуждает осуществить менее полезный выбор, может ограничить вас в эффективности ваших рыночных коммуникаций и сделок. Эффективность института зависит от предлагаемого варианта выбора: если фокальная точка находится в точке Равновесия по Нэшу – это эффективный институт. Но не всегда эффективность институциональной среды гарантирует экономическое развитие и достижение экономики знаний. Государство, определяя институты в национальной экономике при решении проблем кооперации, координации и распределения намеренно должно ограничивать в ряде случаев эффективность рыночных обменов, чтобы поставлять качественные общественные блага. Определенным следствием взаимодействия с институциональной средой будет формирование неявного знания у людей. Неявное знание будет также первообразной институтами. Для того чтобы институты умело минимизировали транзакционные издержки, необходимо достигнуть идеи социальной солидарности в обществе, чтобы сам институт более легким способом поставил фокальную точку. Как достичь социальной солидарности, как институты влияют на формирование экономики знаний, как институты будут решать проблемы координации, кооперации и распределения: ряд вопросов, которые поднимаются в статье.

Ключевые слова: экономика знаний, неформальные институты, идеи, экономическое развитие, социальная солидарность, неявное знание, институциональная среда, общество, трудовые отношения.

Неявные знания и институты

Формирование экономики знаний – один из основных идейных мейнстримов современного общества. Ровно как формирование государства всеобщего благосостояния, социального государства и т.п. Если говорить кратко, то экономика знаний – определенный этап развития и эволюции институциональной среды, который выражается в том, что в экономике, знания выступают основным фактором производства [1]. Объясняется это тем, что повышение социальной культуры общества приведет к тому, что люди в обществе будут больше думать и больше понимать, что происходит в окружающей среде. Плюс повышение технической культуры общества приведет к формированию более эффективных технологий, что положительным образом должно сказаться на экономическом развитии. В области государственного управления, в связи с этим, тоже должна произойти определенная смена парадигмы. При высокой социальной культуре общества, понятие вертикали власти и бюрократии должны если не полностью исчезнуть, то минимизироваться точно [2].

Дело в том, что при условии того, что люди будут в экономике думать, они более умело смогут предъявлять спрос на общественные блага и требовать качества общественных благ. Если же государства будет прятаться от своих налогоплательщиков посредством крупной бюрократии и использовании легитимных прав насилия, то это скажется более существенно на самом государстве, так как люди начнут задавать вопросы о перераспределении собственно уплаченных налогов. Какая-то вертикаль власти, в любом случае, должна быть сохранена, так как не в каждом кейсе минимизация транзакционных издержек и максимизация эффективности рыночных обменов будут способствовать экономическому росту. Например, при решении проблемы распределения оружия в обществе, государство, для экономического развития, будет вводить институты, которые минимизируют эффективность рыночного обмена, тем самым декларируя и реализуя общественное благо на коллективную безопасность.

Вертикаль власти будет гарантировать использование права насилия в отношении тех участников рынка, кто минимизирует транзакционные издержки в условиях проблемы распределения оружия. Во многом, описанная абстракция объясняет действие формальных институтов, и именно формальный институт – основной инструмент влияния на экономику, на выбор и поведение со стороны государства. Причина этому достаточно ясна – гибкость. Формальные институты очень гибкие. Государство не имеет никаких транзакционных издержек для того, чтобы влиять на формальную институциональную среду: издавать законы, предписания и т.п. От того как институты будут действовать, как сильно будут минимизировать транзакционные издержки в экономике, будут ли фокальные точки попадать в точку равновесия по Нэшу, будут зависеть формы неявного знания в обществе.

В экономической науке неявному знанию уделяется масса внимания, так как они также определяют выбор. Если находится в ортодоксальном плену старого институционализма, неявное знание называлось бы институтом.

В оригинальном определении Торстейна Веблена институт был формой мысли человека [3]. Можно сделать даже определенный вывод о том, что форма неявного знания может идентифицировать саму конвенцию «неявное знание». Если кратко, то неявное знание кажется некоторым опытом взаимодействия контрагента с институциональной средой. «Неявность» заключается в том, что знание не имеет кода, и, соответственно, его нельзя передать в чистом виде. То есть в ходе взаимодействия с институтами, акторы в экономике просто привыкают делать тот или иной выбор, или начинают формировать собственные убеждения и взгляды на жизнь. Но в чем «неявность»? Кажется, что взгляды можно описать и передать, их можно, казалось, придать коду. О своих привычках тоже можно сказать. Но дело в том, что, говоря о привычке, вы не можете передать эту самую привычку, вы можете передать информацию о ней. Если вы каждый день встаете в 6 часов утра, потому что институты, регулирующие трудовые отношения и условия вашего сотрудничества с работодателем предписывают вам приходить на работу в 8.30 утра каждый будний день, и вы будете об этом говорить всем вокруг, что надо вставать в 6 утра, люди не будут этого делать лишь по причине того что вы об этом говорите. Они будут это делать в случае выработки такой формы неявного знания у них, как опыта взаимодействия с институтами в экономике.

Данная концепция объясняет такую науку как риторика, точнее факт ее необходимости. Если бы природа дала человеку способность передавать привычки, убеждения, профессиональные способности, и культурные аспекты, то в навыках коммуникации, наверное, не было никакой нужды, так как процесс и так упрощен. Основная задача риторики – убедить вас в чем-то, сформировать неявное знание как часть вашего mindset. Не говоря уже об образовании, когда основная цель образования – формирование профессиональной и социальной культур внутри человека. Это тоже формы неявного знания. Ученик, смотря как решает примеры учитель, не научится в мгновение решать их также, так как ему необходим опыт взаимодействия с институтом. Смотря на процесс решения примеров учителем, ученик не принимает культуру, а исследует ее. Процесс исследования – форма взаимодействия с институтом. То есть процесс исследования как форму формирования внутренней культуры можно изобразить схематично:

Неявное знание 1 – Явное знание – Явное знание – Неявное знание 2

Неявное знание, не обладая кодом, передано быть не может, об этом уже было сказано. Тогда, чтобы предпринять попытку передачи, его необходимо кодифицировать. Но кодифицированное знание уже будет явным. Явное знание не имеет склонности к субъекту, оно существует вне его, так как это просто набор символов, который можно передать. Переданное знание человек может обработать по-своему, что может сформировать другое, отличное неявное знание от того, которое стоит в начале цепи.

Процесс образования ориентирован именно на это, на формирование культуры, и описанная цепь – это основной механизм образовательного процесса. Только суть в том, какое это неявное знание, и как риторика позволяет вам в ходе образовательного процесса формировать явное знание о неявном. Но неявные знания связаны с институтами напрямую, так как они отражают их в умах людей, то важно понять и объяснить процесс взаимодействия института, и неявного знания. Институт, как правило и норма, принуждает делать выбор. Отсюда формируется неявное знание, как опыт взаимодействия с институтом.

Неявное знание, выражаясь убеждением, может формировать явное знание в виде идеи. Идея может формировать институты. Получается замкнутый круг, с первого взгляда. Но это больше похоже на бесконечную спираль, так как в процессе взаимодействия могут утрачиваться и добавляться информационные ячейки в силу того, что исследовательский процесс – основная форма взаимодействия института и неявного знания, и он предусматривает субъективность актора. И институт, который формировал неявное знание, может не совпадать с институтом, который сформирован идеей. Если несовпадение заметно, то данный процесс следует именовать институциональной эволюцией, если же совпадения не обнаружены, то институциональной инерцией. О свойствах институциональной инерции в науке давно известно под термином «Эффект колеи» или же «Path Dependence» [4].

Эффект колеи предусматривает то, что в ходе движения по спирали институты будут совпадать, соответственно «в среднем» формы неявного знания будут схожи. Схожие формы неявного знания формируют схожие идеи, которые формируют ровно такие же институты, которые предусматривают предыдущий выбор (из-за схожести идей) [5]. Соответственно, ни о каком экономическом развитии не может идти и речи. Имеется в виду именно экономическое развитие, а не экономический рост. Экономический рост, в первую очередь, это эволюция метрик, описывающих экономику. Рост ВВП, ВВП, сокращение амортизации, уменьшение количества безработных и т.п.

Экономическое развитие – смена структуры выбора. Развитие, конечно, может не быть положительным, новые институты могут ваши транзакционные издержки минимизировать уже не так сильно, отсюда эффективность рыночных обменов будет падать. Но может быть развитие и со знаком плюс. Транзакционные издержки минимизируются еще сильнее, эффективность обмена растет что будет отражением уже другого типа экономики. В том числе и экономики знаний. Экономика знаний будет выступать следствием выбора в экономике, формой следствия многочисленной смены витков спирали в виде институциональной эволюции. Но дело в том, что, как и институты влияют на выбор, так и неявное знание влияет на выбор. Убеждение в том, что надо строить социализм советского типа, не приведет к тому выбору, при котором надо строить экономику знаний, так как экономика знаний не может существовать в рамках марксизма-ленинизма по определению того, что в рамках советского социализма люди должны думать нарративами, и неявное знание разных людей должно совпадать. Для этого необходимо понижать социальную культуру, так как культурная передача зиждется на том, что оба актора будут разными субъектами и обладать разными субъектными свойствами. В рамках нарративного мышления субъектные свойства культурной передачи у акторов должны нивелироваться [6]. Соответственно, неявное знание тоже должно быть определенное для экономического развития в определенную сторону. Если брать во внимание тот факт, что национальная экономика эволюционирует в сторону экономики знаний, то необходимы идеи социальной солидарности.

Социальная солидарность и экономика знаний

Говоря простым языком, социальная солидарность представляет под собой достаточно интересный компонент институциональной матрицы. Суть в том, что процессы социальной солидарности предусматривают практику договоренности в рамках общества. Если общество будет солидарно в принятии того или иного выбора, то в указанную схему спирали институциональной эволюции можно добавить такой компонент как «идеология» [7].

Общество солидарно в том, что экономика знаний нужна, что инновации должны преобладать над технотехтурами, которые характеризуют экономики большинства современных стран, поэтому необходимо формировать путь развития. Это и будет идеология. То есть какие институты должны быть изначально сформированы, какие должны быть идеи, какие формы неявного знания и какие должны быть новые институты. Идеология будет изначально определять движение по спирали институциональной эволюции, учитывая каждый следующий компонент заранее. Но в чем необходима социальная солидарность для формирования экономики знаний, и какие институты должны появляться и эволюционировать для этого? В-первых, это институты в области образования. Социальная солидарность людей должна будет сформировать неформальный институт, который заставляет делать выбор в пользу получения качественного образования [8].

Можно заметить, что в XX в. экономическое развитие всей мировой экономики было форсировано. Свидетельством данного факта будут: развитый научно-технический прогресс, освоение

космоса, создание микропроцессоров, новых типов оружия и так далее [9]. И причина этому – увеличение количества лет обучения и радикальное понижение безграмотности. Достаточно логичным выглядит факт того, что в институциональном устройстве национальной экономики, которую в науке принято именовать «Экономика знаний», где знания выступает основным фактором производства, а главной практикой ориентирования в информационной среде будет умение думать, количество знаний прямо будет влиять на уровень экономического развития.

Образование как процесс передачи социальной и технической культуры и процесс исследования неявного знания, и, соответственно, его формирования у других людей, будет очень важным институтом в данной экономической реальности. Если образование влияет на формирование неявного знания, то лишь процесс получения неявного знания и его большого количества не будет являться гарантией формирования экономики знаний, соответственно, в рамках идеологии оно должно быть сформировано определенным образом. Должны быть исследовательские практики, определенные механизмы риторики и определенные начальные формы неявного знания, которые запустят движение по идеологии. В этом вопросе тоже должна быть социальная солидарность.

Действие неформального института позволит формальным предписаниям быть не столь жесткими, что создаст некоторую иллюзию свободы выбора, что некоторым образом позволит снять напряжение в обществе. В противном случае обществу будет необходима сильная вертикаль власти, от которой может быть недалеко до провалов государства в виде эффектов особого интереса или поиска политической ренты, а идеология будет частью уже не экономического развития, а формой индульгенции действиям бюрократического аппарата.

Социальная и экономическая историография может дать много случаев, когда идеология в условиях сильной вертикали власти была направлена на то, что защитить бюрократию и повысить транзакционные издержки на многие сферы экономической жизни общества: СССР, КНР, Чили времен Хунты Пиночета, Испания времен Франко и т.п. В обществах данных стран была идеология, была сильная вертикаль власти, и идеология делала все, чтобы всячески оправдать действия собственного правительства в условиях провалов государства. Чтобы полностью исключить такой исход, необходимо развивать процессы социальной солидарности в области формирования неявного знания, позволяющего формировать экономику знаний. Какое это неявное знание? Убеждения необходимости изучения фундаментальных дисциплин, повышения срока образовательных программ, необходимость международной кооперации с развитыми экономиками постиндустриального типа.

Изучение фундаментальных дисциплин во многих случаях может не нести технической культуры, и, соответственно может быть развит нарратив «Если это знание нельзя продать за деньги, то оно бесполезно». Но это далеко не так. Фундаментальные знания, как таковые, действительно могут не выступать техническими и профессиональными компетенциями во многих отраслях экономики, но именно фундаментальная наука может открыть человеку взгляд на мир с абсолютно разных сторон, будет принуждать его думать, и именно на такую валюту будет осуществляться продажа знания. Не за деньги, не за заработную плату, а за умения ориентироваться и думать. Думать и понимать. В чем будет выражаться острая необходимость социальной солидарности? В том, что на определенные исходы в матрице вариантов выбора сформированы транзакционные издержки, и для того чтобы институту было легче проявить свою основную функцию как минимизация транзакционных издержек, и должна быть солидарность как форма неявного знания и как реализованная практика, для того чтобы обществу не создавать такой институт, который будет более радикально себя проявлять. Например, можно вспомнить известный кейс в рамках решения проблемы координации, как дилемма заключенного. Интерпретационный вариант абстрактной матрицы 2*2 представлен ниже:

Таблица 1

Матрица решений в условиях кооперации

Первый преступник/ /Второй преступник	Давать показания на первого преступника	Не давать показания на первого преступника
Давать показания на второго преступника	-5, -5	0, -10
Не давать показания на второго преступника	-10, 0	-3, -3

Есть множество путей решения данной институциональной проблемы [10]. Один из основных путей решения – это санкция. Условно, чтобы вывести точку парето-оптимума (то есть где оба молчат), в точку Равновесия по Нэшу (где оба дают показания), то необходимо увеличить срок с трех лет до шести за то, что преступники не сотрудничали со следствием, тогда оба начнут давать показания, так как молчать смысла никому нет.

Но есть и другой путь формирования рутины сотрудничества, и в данном конкретном примере он кажется практически недостижимым. Это солидарность. Преступники изначально осознают, что принесли вред обществу, и для того чтобы снизить любые государственные издержки, будь то деньги, которые потрачены на следственные мероприятия, человеко-часы сотрудников правоохранительных органов, и, наконец, издержки времени, оба преступника будут вести себя солидарно ответственно, так как издержки, которое государство и общество понесло в результате совершения суда над ними, можно было перенаправить на поимку других преступников, тем самым государство, экономя деньги, позволит снизить налоговую нагрузку на своих граждан в определенной временной перспективе.

Рутины формируются из знаний, в том числе и неявных. И это не только убеждения. Это также различного рода общественные привычки, формы коллективного действия, формы мысли. То есть все, что раньше классики институционализма, такие как Коммонс и Веблен интерпретировали как институт, уже в современном новом институционализме инструмент формирования рутин. В чем же плюс солидарности по сравнению с санкцией? В том, что солидарность позволит экономить на издержках общества, так как обеспечение преступников в тюрьме в течение 6 лет будет дороже, чем в течении трех или пяти. Хотя исход, где оба будут отбывать наказание в течение 6 лет он маловероятен по причинам того, что обоим будет невыгодно молчать, но он все-таки возможен. При солидарности вы исключаете возможность «дорогого» исхода. Как это касается экономики знаний? Все очень просто. Как было сказано ранее, институты привлекают вас к выбору, и та череда выборов, которые будет совершать общество в итоге сформируют определенный уровень экономического развития. Солидарность как рутина в условиях определенной сформированной фокальной точки нивелирует большое количество транзакционных издержек, а государство, выступая как основной институциональный инноватор в структуре национальной экономики, при решении проблемы кооперации не будет вынужден вводить большое количество санкций, а также свое легитимное право насилия, которое в концепции естественного государства является основным инструментом власти по Дугласу Норту, будет уменьшено еще и качественно, что в определенных перспективах принесет выгоды обществу в сторону уменьшения внешних эффектов [11].

Выводы и заключение

При разработке данной гипотезы, которая ставится в статье о том, что именно социальная солидарность – есть та рутина, которая при определенном исходе будет обществу наиболее полезна при решении различных институциональных проблем и формировании экономики знаний, встал вопрос: насколько это применимо на практике? Безусловно, в плоскости координат практики и реальной жизни все не так просто. Потому что выработка социальной солидарности – это долгая работа над распространением определенных идей, убеждений, идеологий, и всего того, что будет в умах людей формировать то самое неявное знание, которое нужно государству, нужно экономике, нужно для институциональной эволюции.

Но есть еще и обратная сторона медали, которая строится на конкуренции неявных знаний. Например, в условиях индустриальной экономики основным типом управления является техноструктура. То есть общество людей, которое обладает определенным особым явным знанием о фирме, о продукте, и обладает неявным знанием в области управления предприятием и в области убеждения, что реализованная управленческая модель является исконно правильной и оптимальной. Но в экономике знаний основной моделью управления является инновация. То есть неявное знание уже строится не на управленческих возможностях, а на возможности и умении генерировать идеи, которые будут полезны. И здесь будет конфликт. Техноструктуры и люди, в них входящие, не заходят отломить кусок хлеба и отдать его инновациям, а те, в свою очередь, будут пользоваться своими преимуществами, чтобы этот кусок хлеба попросту отобрать. Подобно смене доминирующей технологии, наверняка должен произойти трансформационный спад, только в данном случае должна произойти не трансформация технологии, доминирующей в обществе и в экономике, а институциональной среды.

В историографии многих государств такой процесс именуется революцией, и история может предоставить множество фактов и кейсов таких процессов. Просто каждая революция имеет романтический подтекст, а прагматический расчет очень часто нивелируется, и что очень важно, чтобы люди, которые замыслили революцию, формировали институты так, чтобы фокальные точки были парето-оптимальны, чтобы экономика проходила путь технологического и институционального развития. Экономика знаний – это далеко не предел и не тупик институциональной траектории, наверняка общество и экономическая наука придут к большему. Тем самым, резюмируя, заметим, что революция – это очень дорого. Люди платят своими жизнями, в том числе и экономический фундамент будущего общества строится на крови людей. И социальная солидарность общества будет эти издержки экономить. Зачем воевать, когда люди солидарны по тем или иным вопросам? В этом просто нет нужды, и цена конкуренции при социальной солидарности уйдет в другую плоскость, подобно эволюции экономических систем, когда с каждым новым витком менялись доминирующие формы конкуренции (от войны до борьбы за прямые финансовые инструменты), менялась и цена конкуренции (от смерти до банкротства).

Литература

1. Дэвид П. А., Форэ Д. Экономические основы общества знания // Terra Economicus. 2003. Т. 1. № 1. С. 29–55.
2. Тупиха Н.А. Бюрократические транзакционные издержки как фактор торможения экономики России : дис. Краснодар, 2008.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 334 с.
4. Подгайко А.А. Зависимость от предшествующего пути развития и нарративная экономика: парадоксальность экономической объективности // Journal of Economic Regulation. 2020. Т. 11. № 2. С. 64–72.
5. Вольчик В.В. Институты, экономическая координация и неявное знание // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 2. С. 17–22.
6. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи и институты // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 2. С. 150–168.
7. Кирдина С. Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 1. С. 101–115.
8. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 2. С. 146–162.
9. Нуреев Р.М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем)+ Приложение. – Scientific magazine" Kontsep, 2017.
10. Щепаньский М. Дилемма заключенного // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2019. Т. 9. № 1. С. 66–72.
11. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки // Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Podgayko Alexey Andreevich, Master's Degree Student, Southern Federal University (105/42, B. Sadovaya Str., Rostov-On-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: A.Podgayko@mail.ru

SOCIAL SOLIDARITY AS PART OF THE INSTITUTIONAL MATRIX IN THE KNOWLEDGE ECONOMY

Abstract

The knowledge-based economy can be expressed as a certain consequence of the institutional evolution in the national economy. The institution, representing the norm and the rule, has the main task-the compulsion to choose. Possible choices that are on different indifference curves will have correspondingly different investigative outcomes. So, the action of one institution that forces you to make less useful choices may limit you in the effectiveness of your market communications and transactions. The effectiveness of the institute depends on the proposed choice: if the focal point is at the Nash Equilibrium point, it is an effective institute. But the effectiveness of the institutional environment does not always guarantee economic development and the achievement of the knowledge-based economy. The state, when defining institutions in the national economy in solving problems of cooperation, coordination and distribution, should deliberately limit in some cases the effectiveness of market exchanges in order to supply high-quality public goods. A certain consequence of interaction with the institutional environment will be the formation of implicit knowledge in people. Implicit knowledge will also be a primitive form of institutions. In order for institutions to skillfully minimize transaction costs, it is necessary to achieve the idea of social solidarity in society, so that the institution itself can more easily set the focal point. How to achieve social

solidarity, how institutions influence the formation of the knowledge-based economy, how institutions will solve the problems of coordination, cooperation and distribution: a number of issues that are raised in the article.

Keywords: *knowledge economics, informal institutions, ideas, economic development, social solidarity, implicit knowledge, institutional environment, society, labour relations.*

References

1. Devid P. A., Fore D. Ekonomicheskie osnovy obshchestva znaniya // Terra Economicus. 2003. T. 1. № 1. P. 29–55.
2. Tupiha N.A. Byurokraticheskie transakcionnye izderzhki kak faktor tormozheniya ekonomiki Rossii : dis. Krasnodar, 2008.
3. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. M.: Progress, 1984. 334 p.
4. Podgajko A.A. Zavisimost' ot predshestvuyushchego puti razvitiya i narrativnaya ekonomika: paradoksal'nost' ekonomicheskoy ob"ektivnosti // Journal of Economic Regulation. 2020. T. 11. № 2. P. 64–72.
5. Vol'chik V.V. Instituty, ekonomicheskaya koordinatsiya i neyavnoe znanie // Terra Economicus. 2011. T. 9. № 2. P. 17–22.
6. Vol'chik V.V., Maslyukova E.V. Narrativy, idei i instituty // Terra Economicus. 2018. T. 16. № 2. P. 150–168.
7. Kirdina S. G. Teoriya institucional'nyh matric: v poiskah novoy paradigmy // Zhurnal socio-logii i social'noj antropologii. 2001. T. 4. № 1. P. 101–115.
8. Vol'chik V.V., Maslyukova E.V. Reformy, neyavnoe znanie i institucional'nye lovushki v sfere obrazovaniya i nauki // Terra Economicus. 2019. T. 17. № 2. P. 146–162.
9. Nureev R.M. Ekonomicheskaya komparativistika (sravnitel'nyj analiz ekonomicheskikh sistem)+ ePrilozhenie. – Scientific magazine" Kontsep, 2017.
10. SHCHepan'skij M. Dilemma zaklyuchennogo // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni YAnki Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sociologiya. Biologiya. 2019. T. 9. № 1. P. 66–72.
11. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki // Konceptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2011.

УДК 332

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-284-292

ОТНОШЕНИЕ ГРАЖДАН К ПАРТИСИПАТИВНЫМ ПРАКТИКАМ, РЕАЛИЗУЕМЫМ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Туманян магистрант, Национальный исследовательский Томский государственный
Гарник университет (634029, Россия, г. Томск, ул. Советская, 59).
Вагинакович E-mail: tumangar@mail.ru

Аннотация

В статье опубликованы результаты исследования, направленного на выявление ожиданий и потребностей граждан от партисипативных практик и реального отношения к их реализации. Проведено социологическое исследование методом глубинного интервью, где граждане, проживающие на территории Томской области, подробно высказывались о деятельности Законодательной Думы Томской области. На основании результатов социологического исследования проведен анализ сайта органа власти и его страниц в социальных сетях. Результаты социологического исследования и анализа электронных страниц говорят о крайне неэффективной информационной политике и слабой культуре электронного взаимодействия с гражданами. На основании изложенных мероприятий сформулированы рекомендации для устранения проблем и совершенствования партисипативных технологий.

Ключевые слова: общественное участие, партисипативность, субъект РФ, граждане, менеджмент, государственное управление, законодательная власть, орган власти, информационная политика, партисипативные технологии.

Для исследования ожиданий граждан, связанных с партисипацией в деятельность Законодательной Думы Томской области, из всего спектра методов социологических исследований было выбрано – глубинное сфокусированное интервью. Глубинное сфокусированное интервью способно в деталях изучить мнение информанта при его использовании, как метод исследования. Информант при помощи интервьюера и при его модерировании детально озвучивает своё представление по определённому вопросу или проблеме. Каждое отдельно взятое интервью способно всесторонне рассмотреть различные аспекты изучаемого вопроса, предоставляя исследователю индивидуальное представление каждого отдельно взятого информанта. Интерактивный характер беседы и создание доверительной атмосферы позволяют в достаточной мере раскрыть установки респондентов и провести исследование с необходим нам уровнем информативности.

Подобные результаты мы не сможем получить при анализе информации в сети «Интернет», опросах и других количественных методах социологических исследований. Тематические

блоки интервью сформулированы, исходя из направленности исследования, и подробно раскрывают его тематику. К задачам глубинного интервью можно отнести: Выявление информированности акторов о деятельности Законодательной Думы Томской области; Выявление предпочтительных каналов коммуникаций; Выявление удовлетворенности получаемой информацией; Выявление готовности к участию в принятии публичных решений; Выявление мотивов к участию в партисипации; Выявление предпочитаемых методов партисипации; Выявление предпочитаемого формата участия (онлайн/офлайн).

Исследование проводилось в период с 10 по 24 марта 2021 г. и имело следующую выборку: Общее количество участников – 13, из которых, женщины – 8 респондентов, мужчины – 5 респондентов. Возраст участников: молодёжь (18-35 лет) – 4 респондента, средний возраст (35-60 лет) – 7 респондентов, старший возраст (60-80 лет) – 2 респондента.

Расшифровки интервью:

1. Уровень информированности и предпочитаемые каналы информации

Как хорошо Вы знакомы с деятельностью Законодательной Думы Томской области? Что именно Вам известно?

– Поверхностно. Избирается на 5 лет по смешанной избирательной системе, председатель – Козловская О.В. Информант 1 – Ж, 20 лет, студент.

– Имею представление на уровне университетской программы. Дума разрабатывает и принимает законы Томской области, формирует и принимает бюджет области. Информант 2 – Ж, 25 лет, студент.

– Плохо. Знаю, что там принимаются законы на уровне субъекта федерации, выдвигаются инициативы. Информант 3 – Ж, 37 лет, бухгалтер.

– С Законодательной Думой Томской области я знакома поверхностно. Известно ее местоположение, структура и состав. Так же знакома с их деятельностью. Информант 4 – Ж, 38 лет, сотрудник вуза.

– Не очень хорошо. В Думе рассматриваются и принимаются законы. Информант 5 – Ж, 41 год, индивидуальный предприниматель (ИП).

– Нет так хорошо, как хотела бы. Знаю, что они принимают законы, принимают бюджет и практически ничем полезным не занимаются. Информант 6 – Ж, 45 лет, офисный работник.

– С деятельностью Законодательной Думы Томской области знакома крайне поверхностно. Имею представление о полномочиях Законодательной Думы и слышала про Молодёжный парламент, о его полномочиях и о новом его созыве. Информант 7 – Ж, 52 года, сотрудник ВУЗа.

– Раньше была Государственная Дума Томской области, с её работой знакома. О новой Думе мало слышу. В Думе законы принимают, решают, как нам жить. Информант 8 – Ж, 62 года, преподаватель.

– Знаком на среднем уровне. Известно мало чего, нечего не говорят в СМИ. Информант 9 – М, 22 года, студент.

– Почти никак не знаком, нигде не слышно новостей. Мне только известны некоторые депутаты. Информант 10 – М, 31 год, аспирант.

– С деятельностью знаком, но новости получаю крайне редко. Областная дума, осуществляет законодательную, представительную функции. Состоит из депутатов. Дума принимает основной закон Томской области, утверждает бюджет Томской области и многое другое. Информант 11 – М, 41 год, бизнесмен.

– Думаю, что средне. Известно очень мало, только то, что я могу прочесть в законах, иногда по телевидению что-то показывают. Очень скрытная организация. Информант 12 – М, 46 лет, государственный служащий.

– Не так хорошо, как хотелось бы. Практически нечего не известно, принимают законы и думают, как сделать жизнь людей лучше. Информант 13 – М, 65 лет, пенсионер.

Что Вас интересует в деятельности Думы? По каким каналам Вы узнаете о ней? Как Вы хотели бы получать информацию о деятельности Законодательной Думы Томской области? Удовлетворяет ли Вас получаемая информация? Почему?

– Разработка бюджета. Новости читаю через социальные сети, мессенджеры, сайт Думы. Информация не удовлетворяет, потому что чаще всего она несодержательная и краткая. Информант 1 – Ж, 20 лет, студент.

– Выборы в Думу и разработка законов. Сайт Думы, соцсети городских пространств. Наверное, через соцсети. Мне так удобнее, да и общаюсь там часто с людьми. Затрудняюсь ответить, по сути дела практически никогда нечего не говорят. Информант 2 – Ж, 25 лет, студент.

– Те действия, что отражаются на мне, непосредственно. Узнаю через интернет. Хотела бы получать информацию в виде небольших статей-отчетов, представленных в тезисном виде в социальных сетях. Не удовлетворяет, потому что её нет. Информант 3 – Ж, 37 лет, бухгалтер.

– Больше интересуюсь ее работой над законопроектами и правотворчеством на федеральном уровне. Иногда из Новостей на телеканале «Россия 1». Было бы здорово распространять информацию через группу в VK либо создание канала в телеграмме. Пока меня все устраивает. Все что мне необходимо, я нахожу на сайте. Информант 4 – Ж, 38 лет, сотрудник вуза.

– Интересно, как происходит процесс рассмотрения. Информацию получаю через социальные сети в новостных группах о Томске. Возможно, хотела бы получать информацию с помощью уведомлений на Госуслугах. Мне достаточно получаемой информации, Дума ничем не занимается, странно, что даже такая информация есть. Информант 5 – Ж, 41 год, ИП.

– Процессы обсуждений по принятию законов. Повседневность депутатов, их работа. Что-то из этого иногда попадает случайно в сети. Обычно, либо у них ничего не происходит, либо они тщательно скрывают свою деятельность. Ну, информацию я предпочитала бы получать в социальных сетях, была бы рада боту в мессенджерах. Новостная рассылка более всего мне подходит. Меня не удовлетворяет получаемая информация. Я как избиратель, хотела бы знать, чем занимаются мои представители. Информант 6 – Ж, 45 лет, офисный работник.

– Меня интересует изменение налоговой политики региона, поддержка малых и средних предприятий, вопросы здравоохранения. Всё узнаю из официального сайта Законодательной Думы Томской области, больше, к сожалению – негде! Хотелось бы получать сообщения о важных изменениях, связанных с работой Думы в мессенджерах, чтобы не приходилось обращаться к официальному сайту. Информацию я не получаю. Вот поэтому и не удовлетворяет. Информант 7 – Ж, 52 года, сотрудник вуза.

– Я же практически не знаю, чем они занимаются. Изредка по телевизору показывают что-то, да в газетах читаю. Видела, что цветы дарят на 8 марта, но я ничего не получала. Пусть рассказывают, как людям помогают, проблемы решают. Я телевизор раньше больше смотрела, сейчас внуки телефон подарили, научили новости читать. Если в телефоне новости бы появлялись, я бы с удовольствием читала. Информация не удовлетворяет меня. Так ничего же не получаю я из этой информации. Информант 8 – Ж, 62 года, преподаватель.

– Меня интересуют процессы принятия решений и разработка законов. В ВКонтakte бывают новости на страницах городских сообществ, но нечасто, я бы сказал, что – довольно редко, оттуда и узнаю. Хотел бы получать короткими текстами в сообществах ВКонтakte и рассылкой ботов в мессенджерах. Нет, не удовлетворяет, её катастрофически мало. Информант 9 – М, 22 года, студент.

– Реализуемые проекты и разрабатываемые законы. Всё узнаю в городских новостных ботах мессенджеров. Информация не удовлетворяет, так как почти ничего не происходит. Информант 10 – М, 31 год, аспирант.

– Интересуют принимаемые законы, а также деятельность депутатов. Информация поступает в основном с социальных сетей. Искусственным путём, информацию можно найти на официальном сайте Думы и пр. Возможно, я хотел бы получать информацию официальной рассылкой в социальной сети, либо через новостные порталы. В основном информация удовлетворяет, зависит от её полноты в новости. Информант 11 – М, 41 год, бизнесмен.

– Мне лично интересна их работа по созданию новых законов и реформированию старых. Всё приходится искать самому. Мне удобнее получать новости в социальных сетях, был бы рад боту в мессенджерах. Новостная рассылка мне подходит. Нет, такая информация не может удовлетворять. Её категорически мало. Информант 12 – М, 46 лет, государственный служащий.

– Пусть рассказывают о результатах своей работы. Обычно, мне друзья и родственники рассказывают, в других местах ничего не слышу и не читаю, нет информации. Если заведут в Одноклассниках страницу, было бы неплохо. Много провожу там времени. Я не получаю информацию, следовательно, ничего меня не удовлетворяет. Информант 13 – М, 65 лет, пенсионер.

2. Готовность к участию в партисипации и мотивы акторов

Считаете ли Вы, что жители Томской области должны иметь возможность влиять на принятие решений областной Думой? Почему Вы так думаете? Какие областные законы, по Вашему мнению, нужно обязательно согласовывать с гражданами? Вы когда-либо участвовали в процессах принятия решений Законодательной Думой (общественные обсуждения, опросы и т.д.)? Почему?

– Да, потому что депутаты представляют интересы жителей области, являются их представителями, но это всё на бумаге. Соберите людей, спросите, что их интересует. Должны обсуждаться вопросы социальной направленности. Нет, не участвовала. Информант 1 – Ж, 20 лет, студент.

– Жители и так принимают решение путём прямых выборов своих представителей. А представители думают, что и так знают всё за граждан, возможно оно так и есть, раз люди не жалуются. Затрудняюсь ответить, экология, наверное. Принимала участие на публичных слушаниях, но только раз. Попала туда случайно, по учебе. Информант 2 – Ж, 25 лет, студент.

– Да, потому что в условиях демократии люди должны иметь право влиять на решения, которые касаются их жизни. Все законы, которые прямо или косвенно затрагивают распределение областного бюджета, должны обсуждаться. Нет, не знала, что там можно участвовать. Информант 3 – Ж, 37 лет, бухгалтер.

– Сложно ответить на этот вопрос. Тут две стороны одной медали: с одной стороны, при принятии тех или иных решений необходимо участие томичей. Однако, рассматривая вопрос, с другой стороны, то можно понять, что многие томичи не обладают достаточными знаниями для решения проблем. Так же для регулирования каких-либо вопросов необходимо иметь объективность и оценивать всю ситуацию с разных сторон, чего не может достаточное количество граждан. Я больше склоняюсь к тому, что нужно узнавать мнение граждан на проект какого-либо закона, которое можно принять к сведению при внесении изменений либо при принятии закона. Знаю, что такая практика у Законодательной Думы имеется, поэтому считаю, что ее нужно продолжать. Учитывая мое мнение на предыдущий вопрос, никакие законы не надо согласовывать. А вот узнавать мнение, то с такими областными законами, которые касаются здравоохранения, образования и природных ресурсов. К сожалению, не участвовал. Правотворческая деятельность, меня привлекает, но возможностей для участия не нашла. Информант 4 – Ж, 38 лет, сотрудник вуза.

– Думаю, что должны, источник власти по Конституции её народ, пусть он и принимает решения. Я считаю, что это необходимо и важно. Должны обсуждаться законы, касающиеся социальной сферы. Не участвовала, не знаю, как можно участвовать в таких процессах. Информант 5 – Ж, 41 год, ИП.

– Я считаю, что они уже давно должны были начать этим заниматься. Вузовский же город, у нас всё передовое, а Дума, к сожалению – Советская! На самом деле, согласовывать надо все законы. Такая практика распространена на западе, чем же мы хуже? Разве в Томске существует возможность повлиять на решения Думы? Не слышала. Информант 6 – Ж, 45 лет, офисный работник.

– Думаю, должны. Люди уже готовы к такому, мир вокруг меняется и не стоит на месте. Должны обсуждаться все вопросы. Люди решат, как лучше и правильнее. В общественных обсуждениях, опросах, не участвовала, поскольку информацию о них не получала. Информант 7 – Ж, 52 года, сотрудник вуза.

– Да, должны. Обычные люди лучше знают, что им нужно. Даже не знаю, все законы надо согласовывать, наверное. Нет, я нигде не участвовала. Люди простые могут в таком участвовать? Информант 8 – Ж, 62 года, преподаватель.

– Да конечно, все законы должны приниматься ради жителей г. Томск, по закону все жители имеют право голосовать. Не могу точно сказать, какие именно законы надо согласовывать, всё зависит от заинтересованности общества той или иной темой. Я не участвовал в таких процессах. Не знал, что в такой деятельности можно участвовать. Информант 9 – М, 22 года, студент.

– Это должно происходить совместно, но окончательное решение всегда за Думой. Мне кажется, что у нас ещё не развит тот уровень гражданского общества, где люди могут принимать окончательное решение. С гражданами необходимо согласовывать обустройство и облагораживание территорий, экологию. Нет, мне не доводилось принимать участие в таких мероприятиях. Не слышал о наличии таких возможностей. Информант 10 – М, 31 год, аспирант.

– Жители любого региона должны в той или иной мере влиять на решения и законы, по которым этим самым жителям – жить. Возможно, круг законов для согласования надо определить по инициативе населения, но с определёнными ограничениями, так как существуют сферы, в которых населения будет некомпетентным, чтобы влиять на принятие того или иного закона. Также отмечу налогообложение, расходная/доходная часть бюджета. Сам в таком никогда не участвовал. Информант 11 – М, 41 год, бизнесмен.

– Однозначно! Жители области обязаны иметь такую возможность, это гражданский долг. Работая вместе, мы сделаем нашу область лучше. Всё и всегда должно обсуждаться. Но мне не предоставляли таких возможностей, поэтому ни в чем не участвовал. Информант 12 – М, 46 лет, государственный служащий.

– Да, эти самые решения касаются жителей области. Должны согласовывать: налоги, образование, траты бюджета. Я от Вас услышал, что возможно участвовать в таких вещах. Информант 13 – М, 65 лет, пенсионер.

Слышали ли Вы о наличии проекта «43 депутат – общественное мнение», опросах и общественных обсуждениях Законодательной Думы? Вовлекались ли в деятельность Общественного совета, Совета общественных инициатив или Молодёжного парламента? Стали бы Вы принимать участие в перечисленных мероприятиях или деятельности перечисленных организаций? Почему?

– Не слышала и не вовлекалась. Сложно сказать, у нас всё показное, думаю: чтобы пыль в глаза пустить. Информант 1 – Ж, 20 лет, студент.

– Нет, обо всём этом слышу впервые. Да, стала бы. Но в такую деятельность берут далеко не каждого. Информант 2 – Ж, 25 лет, студент.

– Не слышала, тем более не вовлекалась. Нет, не стала бы, потому что убеждена, что мое участие в подобных мероприятиях ничего не изменит, я о них даже не слыша. Видимо это фикция. Информант 3 – Ж, 37 лет, бухгалтер.

– Да слышала о таких проектах. На официальном сайте можно увидеть реализацию одного из проектов, а именно, результаты опросов, содержащиеся в аналитических отчетах. Самым ярким примером в моей голове всплывает опрос, где проспект Ленина хотели переименовать в «Университетский проспект». Но результат опроса показал, что жителям Томска прижилось старое наименование проспекта. Сама в работу не вовлекалась. С удовольствием приняла бы участие. Мне не безразлична жизнь сограждан. Информант 4 – Ж, 38 лет, сотрудник вуза.

– Нет, ничего не слышала. Возможно и стала бы, чтобы получить новый опыт и повлиять на развитие области. Информант 5 – Ж, 41 год, ИП.

– Об этом тоже не слышала. Вы мне новый мир открываете. Там же надо общаться с депутатами, чтобы в такие структуры попадать. Ну, я стала бы участвовать. Это же интересно, я плачу налоги, причем с каждым годом всё больше, но ничего не меняется. А потом, если стану участвовать я, потом мой сосед, потом коллеги и так далее, то станет меньше произвола и коррупции. Люди будут лучше думать о депутатах, когда станут с ними общаться, стереотипы же устоялись у нас. Информант 6 – Ж, 45 лет, офисный работник.

– К сожалению, о данном проекте я не слышала, обязательно прочту о нём. В деятельность Общественного совета, Совета инициатив или Молодёжного парламента не вовлекалась. Стала бы вовлекаться, с удовольствием. Чтобы влиять на политику. Информант 7 – Ж, 52 года, сотрудник вуза.

– Нет, не знала. Участвовать стала бы. Страна у нас демократическая, надо людям тоже давать власть. Информант 8 – Ж, 62 года, преподаватель.

– Нет, не слышал, ничего не могу сказать. Думаю, стал бы участвовать в принятии решений. Никогда в таком не участвовал, не могу сказать, как буду относиться к развитию событий. Информант 9 – М, 22 года, студент.

– Нет. Это, скорее всего, не работающие организации и лишние строчки в бюджете. Возможно я поработал бы над различными вопросами, только если была бы гарантия, что мой голос реален. Из чувства долга и небезразличности к будущему, других мотиваций не надо. Информант 10 – М, 31 год, аспирант.

– К сожалению, не слышал. В деятельность не вовлекался. Непременно принял бы участие, при возможности и наличии необходимых ресурсов, так как граждане должны быть активными. Информант 11 – М, 41 год, бизнесмен.

– Читал невнятные новостные сообщения на сайте Думы. Концепции у проектов хорошие, реализация нулевая. Очень удивлюсь, если кто-либо из опрошенных вовлекался в перечисленные практики. Конечно, я стал бы принимать участие, это наша обязанность, от этого зависит будущее наших детей, нашего региона и страны. Люди уже готовы к настоящей демократии. Информант 12 – М, 46 лет, государственный служащий.

– Нет, впервые слышу. Возможно я и принял бы участие, зависит от того, кто и как будет всё организовывать. Информант 13 – М, 65 лет, пенсионер.

3. Предпочитаемые методы и формат партисипации

Как именно Вы хотели бы принимать участие в деятельности Законодательной Думы ТО? Почему так? Вам предпочтительнее онлайн или офлайн активности? Почему?

– Я не определилась. Хотя, не против состоять в одном из общественных советов. Онлайн, мне привычнее. Информант 1 – Ж, 20 лет, студент.

– В качестве помощника депутата. Еще интересно было бы принять участие в обсуждении законов. Форма участия для меня не имеет значения, главное – это участие и желание. Информант 2 – Ж, 25 лет, студент.

– Я бы пообсуждала с депутатами их работу. Офлайн, т.к. при живом общении не может возникнуть недопонимания по той или иной причине, но онлайн можно лучше изъясняться. Пусть для разных людей будут разные возможности. Информант 3 – Ж, 37 лет, бухгалтер.

– Названные выше проекты были актуальны, так давайте развивать их и приглашать людей к участию. Проекты есть, а работают они, это уже другой вопрос. Предпочитаю и тот и другой формат активности. Плюсом офлайн является проведение достаточного времени вне дома, присутствует прямой контакт с коллегами/людьми. Онлайн формат хорош тем, что есть возможность решить некоторые вопросы удаленно. Информант 4 – Ж, 38 лет, сотрудник вуза.

– К сожалению, не знаю, как это можно сделать. Но я готова участвовать практически в любой форме. Приемлемы любые варианты. Однако офлайн мне кажется более привлекательным. Информант 5 – Ж, 41 год, ИП.

– Мне интересны любые возможности. Пусть Дума предложит, скажет «завтра приходи-те» и обсуждайте, или отправит письмо с просьбой проголосовать, думаете, мне будет сложно? Нет! Я только за. Надеюсь, мои слова дойдут до адресатов. Я больше онлайн люблю. Мне кажется, что все сейчас любят онлайн. Но если пригласят на заседание или обсуждение, найду время и постараюсь пойти, всё от работы зависит. Информант 6 – Ж, 45 лет, офисный работник.

– Мир развивается, пусть создают приложение, где можно к депутатам обращаться, обсуждать с людьми проблемы. Предпочла бы онлайн формат, пандемия. После пандемии буду также к онлайн склоняться, но, если офлайн будет что-то, я лично не против. Информант 7 – Ж, 52 года, сотрудник вуза.

– Мне без разницы. Пусть власть придумывает, молодые подскажут, а мы поддержим. Наше время уходит, пусть молодёжь своё будущее развивает. Я бы очно ходила. Но сейчас опасно это, можно же через интернет всё организовать и спросить моё мнение, я и отвечу. Информант 8 – Ж, 62 года, преподаватель.

– Если участвовать, то хотелось бы, чтобы всё было чисто и прозрачно, с пониманием что мой голос важен. Наверное, онлайн, потому что в онлайн режиме можно четко сформулировать мысль и донести до человека, плюс что ни куда ходить не надо. Информант 9 – М, 22 года, студент.

– Через опросы, возможно изредка через встречи с депутатами. Офлайн, конечно-же лучше для старшего поколения, молодежи удобнее онлайн. Поэтому, мой выбор очевиден – онлайн. Информант 10 – М, 31 год, аспирант.

– Не задумывался. Конечно, желания и реальность могут оказаться далеки друг от друга, но принять участие в рассмотрении какого-либо закона – достойная практика. Для меня офлайн активность выглядит более респектабельной. Но необходимо отметить, что, пандемия изменила парадигму человеческой жизни, в том числе и политическую, следовательно, «онлайн» предпочтительнее «офлайн». Информант 11 – М, 41 год, бизнесмен.

– Через публичные обсуждения. Таким образом активные граждане могут рассказать о своих идеях, как депутатам – непосредственным избранныкам, так и согражданам. Разницы особой нету, каждая возможность хороша по-своему. Но, я бы остановился на онлайн. Времени, как всегда категорически мало, а онлайн всегда под рукой. Информант 12 – М, 46 лет, государственный служащий.

– Озвучивать своё мнение депутатам и согражданам. Каждый должен быть услышан. Мы депутатов избираем, а они потом на 5 лет теряются из поля зрения, и непонятно, чем вообще занимаются. Я бы лично поговорил с людьми, мне так комфортнее. Но, могу и комментарий в Одноклассниках написать, мне не сложно, всегда под рукой телефон. Информант 13 – М, 65 лет, пенсионер.

Результаты глубинного интервью говорят о низком уровне информированности граждан о деятельности Законодательной Думы, граждане либо не знакомы, либо знакомы поверхностно с её полномочиями и ролью в жизни общества, уровень удовлетворенности информированностью о её деятельности нулевой. Положительной тенденцией является интерес со стороны респондентов к получению информации о деятельности Думы. Респонденты предпочитают онлайн источники информации в социальных сетях и мессенджерах. О сайте Думы практически не осведомлены, информацией оттуда не пользуются.

Респонденты заявляют о необходимости участия в деятельности Думы, используя при этом такие категории, как: гражданский долг; общественная полезность; безразличность к судьбе региона; отсутствие доверия к власти. Причем, такая тенденция сохраняется во всех возрастных группах.

Респонденты считают необходимым публичные обсуждения законов, связанных с: налогами, бюджетом, экологией, образованием, благоустройством и строительством, что может указывать на приоритетность данных направлений для граждан, либо на проблемы и социальное недовольство в данных сферах.

Примечателен тот факт, что респонденты не информированы о партисипативных практиках, реализуемых Думой, из чего следует, что никакого участия в их реализации не принимали. Но, с другой стороны респонденты были удивлены наличием различных возможностей для участия и изъявили желание принять участие в ходе их реализации. Характер мотивов респондентов связан с чувством долга перед обществом и регионом, чувством сопричастности к развитию региона и низким уровнем доверия к властям.

Респонденты отметили, что предпочтительнее для них участие в быстрых онлайн опросах и публичных обсуждениях. Прозвучали мнения, что одновременно с онлайн публичными обсуждениями было бы полезно реализовывать открытые общественные обсуждения в офлайн формате, что будет способствовать гражданской консолидации и приобретению новых знакомств. Отмечается, что респонденты, при офлайн обсуждениях будут чувствовать себя ближе к власти, но все респонденты больше склоняются к онлайн форматам взаимодействия, что связано с большей удобностью данного формата. По всем форматам взаимодействия с Законодательной Думой Томской области респонденты выступили за внедрение онлайн практик.

Проанализировав международный опыт, а также, учитывая потребности граждан к переносу активностей в электронный формат, актуализируется необходимость распространения онлайн формата в практики Законодательной Думы Томской области. Использование онлайн форматов в процессах взаимодействия законодательных органов с гражданами – воспринимается, как определенный уровень зрелости публичного управления и эффективности администрирования [1], хотя выбор онлайн или офлайн формата взаимодействия всегда вызывает споры в обществе [2], наиболее предпочтительна дуалистическая практика с совмещением обоих методов, что положительно влияет на инклюзивность [3].

В страновом аспекте использование цифровых технологий в деятельности законодательных органов представлено следующим образом: во многих государствах эти технологии реализуются, в совокупности составляя внушительный корпус цифровых инструментов самоуправления. В пример можно привести Бразилию, Колумбию, Великобританию, Эстонию, Францию, Канаду и др. Отмечаются такие формы электронного участия, как общественные обсуждения на сайтах законодательных органов, электронные голосования (Великобритания), в т.ч. по обсуждаемым законопроектам с помощью приложений для мобильных устройств (Колумбия), краудсорсинг идей и предложений по внесению проектов законов [4], поправок в законодательство на общественных сайтах, в приложениях и в соцсетях, создание электронных петиций и сбор цифровых подписей для изменения законов (Эстония, Франция, Канада), совместное составление законопроектов на общественных платформах (Франция). На сайте Британского парламента представлен широкий спектр онлайн-возможностей для граждан участвовать в его работе и тем самым влиять на решения: связь с депутатом парламента или лордом, высказывание мнений о законах, создание и подписание петиций, участие в деятельности комитетов и представление доказательств для расследования, регистрация для голосования.

Все респонденты указывали на проблемы с каналами получения информации о деятельности Законодательной Думы Томской области. Она слабо представлена в социальных сетях и не представлена вовсе в мессенджерах. Законодательная Дума имеет всего 3 аккаунта в социальных сетях: ВКонтакте – 10 подписчиков; Twitter – 697 читателей; Facebook – 1713 подписчиков. Предлагается пересмотреть информационную политику Законодательной Думы. Провести полное обновление ее страниц в социальных сетях, создать страницы в мессенджерах. Информационная стратегия Думы отстает от тенденций современности, информация должна быть бронированной и интересной.

Предоставление формализованной, бюрократической информации с большим количеством текста не интересно для акторов. Современные форматы предполагают большое количество визуального сопровождения текста, наличие качественных картинок и коротких видео. Законодательная Дума должна предлагать гражданам не только информацию новостного характера, но и разнообразные полезные подкасты и интересные факты.

Информация в современности является продуктом для использования массового потребителя и в бесконечном количестве информации она должна быть интересна и привлекательна, должна соответствовать трендам. Предлагается ввести в социальных сетях Законодательной Думы

ряд рубрик со следующей информацией: факты о законодательстве; новости российского законодательства; прямые эфиры с депутатами; публичные вопросы депутатам; интересные факты об области; новости Томской области, не связанные с Думой.

Предлагается создать канал Думы на сайте YouTube. Предлагается наполнять данный канал прямыми трансляциями событий Думы, а также иными активностями депутатов. У Думы отсутствует аккаунт в одной из самых популярных социальных сетей современности – Instagram. Для вовлечения молодежи в свою деятельность, либо информирования о ней, существует острая необходимость создания аккаунта в данной социальной сети. Соответственно, для информирования и вовлечения старшего поколения необходимо создать аккаунт в социальной сети – Одноклассники.

В современности очень популярны мессенджеры, в особенности Telegram и WhatsApp, в которых существует возможность создания своей группы или канала, где подписчики получают информацию и новости. Важно, что подписчики и заинтересованные лица могут оставлять комментарии и обсуждать различную информацию, данный аспект положительно отразится на процессе создания обратной связи с гражданами. Как правило, законодательная власть позиционирует себя, как защитника институтов демократии [5], следовательно, её деятельность должна активно освещаться, чтобы у граждан не было поводов сомневаться в деятельности законодателей.

Совершив первый шаг и выстроив эффективную информационную политику, можно переходить ко второй стадии партисипации, а именно – консультациям. На базе всех аккаунтов социальных сетей должны быть созданы онлайн опросы и обсуждения, где граждане открыто смогут делиться информацией и обсуждать различные вопросы. Очень важно на данной стадии приобщать депутатский корпус к участию в процессе привлечения акторов в социальные сети. Депутаты могут выходить в прямые эфиры и вести онлайн консультации с гражданами через аккаунты Думы. Граждане приветствуют подобные активности и положительно смотрят на возможность общения с народными избранниками. Коммуникация с представителями власти способна облегчать сотрудничество во взаимоотношениях граждан-государство [6]. Отклик всегда важен для граждан, не получая внимания со стороны органов власти они способны разочароваться в их деятельности и потерять доверие [7].

На данной стадии важно пересмотреть политику формирования консультативных, экспертных и совещательных организаций при Законодательной Думе Томской области. Существуют проблемы с возможными конфликтами интересов и аффилированностью членов перечисленных организаций с депутатским корпусом, что может привести к разочарованию граждан деятельностью всей Думы. Также, в случае сомнительных практик формирования данных органов ставится под сомнение объективность их деятельности и существования в целом. Состав Общественного совета, который обладает контрольными функциями за деятельностью Законодательной Думы, формируется и утверждается с участием депутатского корпуса, то есть, контролируемый орган – формирует контролирующий, что однозначно ставит под сомнение объективность существования Общественного совета.

Можно отметить, что деятельность общественных структур при Думе освещается очень слабо, что также может приводить к различным проблемам. Предлагается в рамках данного этапа организовать более открытые практики формирования и деятельности консультативных, экспертных и совещательных организаций при Законодательной Думе Томской области. Консультативные органы обладают определенным авторитетом [8] и важно поддерживать их независимость и открытость. Необходимо минимизировать участие Законодательной Думы, депутатов, фракций и партийных представителей в процессах формирования перечисляемых общественных структур. Общественность должна иметь возможность участвовать в процессах их формирования и делегировать своих представителей. Ярким примером могут стать процессы перехода Молодёжных парламентов ряда субъектов РФ на выборный формат формирования, представители молодёжи выбирают, кто будет их представлять в консультативном органе при законодательном органе власти.

При эффективной реализации двух перечисленных выше этапов необходимо начать реализацию этапа общественного участия. На данном этапе граждане должны быть максимально вовлечены в деятельность Законодательной Думы Томской области. Предлагается создание единой платформы, либо мобильного приложения для реализации партисипации. Можно развернуть деятельность по примеру Республики Татарстан, где все НПА законодательного органа власти должны проходить общественные (публичные) обсуждения, а замечания граждан должны учитываться при их доработке. Опросы граждан на данном этапе должны носить

не только консультативный характер, на их основании должна формироваться повестка Законодательной Думы, приоритетные вопросы и проблемы в её работе.

Соуправление не должно быть очередным модным словом [9], ведь именно партисипация призвана разрешить кризис представительной демократии [10]. Только глубокие трансформации в политике вовлечения граждан в соуправление могут исправить ситуацию и изменить общественное мнение относительно Законодательной Думы Томской области.

Литература / References

1. *Arayankalam J., Khan A., Krishnan S.* How to deal with corruption? Examining the roles of e-government maturity, government administrative effectiveness, and virtual social networks diffusion // *International Journal of Information Management*. 2021. № 58. Article № 102203.
2. *Klierova M., Kutik J.* One Stop Government – Strategy of Public Services for Citizens and Businesses in Slovakia // *Administratie si Management Public*. 2017. № 28. P. 66–80.
3. *Pflughoeft B., Schneider I.* Social media as E-participation: Can a multiple hierarchy stratification perspective predict public interest? // *Government Information Quarterly*. 2020. № 1. Article № 101422.
4. *Rossini P.G., Maia R.C.* Is political participation online effective?: A case study of the e-democracy initiative conducted by the Brazilian chamber of deputies // *Handbook of Research on Advanced ICT Integration for Governance and Policy Modeling*. 2014. № 1. P. 345–366.
5. *Inya O.* "The legislature is the engine room of democracy": Constructing ideological worldviews through proximation strategies in Nigerian Senate debates // *Discourse and Society*. 2021. № 2. P. 196–213.
6. *Allen B., Taminda L., Bickerton S., Cho W.* Does citizen coproduction lead to better urban services in smart cities projects? An empirical study on e-participation in a mobile big data platform // *Government Information Quarterly*. 2020. № 1. Article № 101412.
7. *Schaupp L., Carter L., McBride M.* E-file adoption: a study of US taxpayer's intentions // *Computers in Human Behavior*. 2010. № 4. P. 636–644.
8. *Geddes M.* The webs of belief around «evidence» in legislatures: The case of select committees in the UK House of Commons // *Public Administration*. 2021. № 1. P. 40–54.
9. *Tamano K.* Deliberative Democracy and the Paradox of Participation // *International Journal of Japanese Sociology*. 2021. № 1. P. 122–139.
10. *Offe C.* Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. №3. P. 14–27.

Tumanyan Garnik Vaginakovich, Master Student, National Research Tomsk State University (59, Sovetskaya St., Tomsk, 634029, Russian Federation). E-mail: tumangar@mail.ru

ATTITUDE OF CITIZENS TO PARTICIPATORY PRACTICES IMPLEMENTED AT THE LEVEL OF A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract

This article publishes the results of a study aimed at identifying the expectations and needs of citizens from participatory practices and a real attitude towards their implementation. A sociological study was carried out using the in-depth interview method, where citizens living in the territory of the Tomsk region spoke in detail about the activities of the Legislative Duma of the Tomsk region. Based on the results of the sociological research, an analysis of the website of the authority and its pages on social networks was carried out. The results of research and analysis of electronic pages indicate an extremely ineffective information policy and a weak culture of electronic interaction with citizens. Based on the measures outlined above, recommendations were formulated to eliminate existing problems and improve participation.

Keywords: public participation, participation, constituent entity of the Russian Federation, citizens, management, public administration, legislative power, government body, information policy, participatory technologies.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЕ

**Щербаков
Вадим
Валериевич**

магистрант кафедры "Экономика и управление",
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41).
E-mail: svv7474@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию направлений усовершенствования системы управленческого учета предприятия в конкурентной среде на примере мебельной компании. Отдельное внимание уделено стадиям прохождения процесса усовершенствования, также акцентировано внимание на построении системы стратегического и тактического учета, развитии системы учета основных средств и учета по центрам ответственности.

Ключевые слова: управленческий учет, основные средства, затраты, центр ответственности, информационные технологии, конкуренция, основные средства, диагностика, мебельное производство.

Функционирование предприятий на сегодняшний день в условиях финансовых потрясений, неустойчивости экономической системы, усиливающегося давления глобализации и интеграции требует поиска новых организационных форм ведения бизнеса, кардинальных изменений в стратегии развития [1].

Очевидно, что такая ситуация актуализирует перед субъектами хозяйствования широкий спектр проблемных вопросов, что обуславливает потребность активно внедрять и использовать качественно новые формы управления. И основная в данном случае причина заключается не только в ожесточающейся конкуренции, цикличности экономического роста и падения и перманентно возникающих финансовых кризисах. На сегодняшний день претерпевают существенных трансформаций формы и способы ведения бизнеса, модели предпринимательской деятельности, кроме того, открываются новые возможности достижения эффективного управления, на рынок выходят новые хозяйственные структуры различных форм собственности, получают новые импульс международные экономические связи. Соответственно синхронно с этими трансформациями должна развиваться и система учета на предприятии, в том числе, управленческий учет, являющийся неотъемлемым элементом экономической информации, который необходим для управления на всех уровнях, особую значимость приобретает усовершенствование его инструментария, методов формирования и использования информации.

Как свидетельствует ведущая международная практика, сегодня управленческий учет представляет собой один из самых результативных и эффективных инструментов аккумуляции, обработки и обеспечения необходимой информацией руководства предприятия, которая должна соответствовать постоянно изменяющимся и дополняющимся общепризнанным требованиям [2].

При этом, необходимо отметить, что концепция управленческого учета на промышленных предприятиях во многом зависит от специфики отрасли, особенностей производственного процесса предприятия, его положения в цепочках создания стоимости.

Таким образом, выше обозначенные обстоятельства вынуждают сосредоточить акценты научного осмысления на построении четкой и прозрачной модели организации управленческого учета, как основного средства контроля за эффективным использованием материальных, трудовых и финансовых ресурсов предприятия, что и предопределяет выбор темы данной статьи.

Публикации современных авторов освещают направления развития управленческого учета в контексте его адаптации к актуальным требованиям экономики, международных глобализационных процессов, динамично меняющейся внутренней и внешней среды предприятий. Из числа наиболее известных ученых следует отметить Wickramasinghe Danture, Allain Elodie, Gunarathne A.D. Nuwan, Яркову И.В., Кучерову Е.П., Гусарову Л.В.

В то же время, принимая во внимание факт значительной проработанности рассматриваемой проблематики, ряд вопросов еще остается открытым, некоторые аспекты активно дискутируются и обсуждаются, так и не найдя на сегодняшний день конечного решения. Так, например,

острой является проблема выявления особенностей организации управленческого учета на современном предприятии, которые бы соответствовали актуальным вызовам рынка и позволили в динамичных условиях современности достигать поставленных целей и задач. Кроме того, наряду с важными научными результатами, в контексте методического обеспечения организации управленческого учета, все еще остаются нерешенными проблемы преимущественно его практического использования.

Таким образом, основываясь на обозначенных выше фактах, можно отметить, что цель статьи заключается в исследовании и обосновании ключевых направлений совершенствования системы управленческого учета в конкурентной среде на примере мебельной компании.

Изучение особенностей работы мебельных компаний свидетельствует о том, что управленческий учет для нужд руководства ведется по-разному, но к числу общих принципов его организации относятся следующие: удовлетворение информационных потребностей менеджмента в процессе принятия решений; использование принципа выгод и затрат по отношению к построенной модели; многообразие использования различной по временным аспектам информации; конфиденциальность информации, распределение ее по степени допуска.

В связи с этим считаем, что усовершенствование управленческого учета требует для мебельной компании составления и обоснования индивидуального проекта, в рамках которого будут учтены особенности и специфика производства, уникальность организации бизнес-процессов. В тоже время данный проект должен основываться на универсальных для этой отрасли правилах ведения учета.

Прежде всего, необходимо отметить, что усовершенствование системы управленческого учета является трудоемким процессом, для успешного прохождения которого, по мнению автора, необходимо выделить ключевые этапы.

1 Этап. Диагностика. На данном этапе формализуются основные требованиями к системе управления предприятием, проводится анализ бизнес-процессов, изучается организационная структура и другие основополагающие, которые позволят выбрать цели и приоритетные направления развития системы управленческого учета.

2 Этап. Метрологическое обоснование. Выбор модели управленческого учета. Обозначение ключевых объектов и порядка учета расходов, обоснование наиболее приемлемых методов расчета себестоимости выпускаемой продукции.

3 Этап. Документирование. Разработку регистров и форм отчетности. Построение системы документооборота, оптимизация информационного обмена на предприятии.

4 Этап. Автоматизация. Выбор и программного обеспечения, формирование внутренней информационной сети, интеграция различных систем учета в единый контур.

5 Этап. Организация. Это завершающий этап, который предусматривает утверждение выбранной методики в приказе об организации управленческого учета.

Учитывая жесткую конкуренцию на рынке и необходимость укреплять свои позиции в выбранном сегменте, а также расширять деятельность на перспективные сферы, считаем, что ключевыми направлениями усовершенствования системы управленческого учета мебельной компании с точки зрения повышения эффективности стратегического планирования, являются следующие:

- повышение скорости принятия управленческих решений, которые позволят адекватно и оперативно реагировать на изменения внешнего бизнес-окружения;
- согласование стратегических и оперативных планов развития компании. Введение комплексной системы показателей, в которой будут отражаться все результирующие индикаторы деятельности компании;
- смещение акцентов с внутреннего на внешнее бизнес-окружение.

Кроме того, принимая во внимание тот факт, что для мебельной компаний, представляющей производственный сектор промышленности, ключевое значение имеют основные фонды, особый акцент необходимо сделать на усовершенствовании системы их учета и анализа.

Во-первых, с учетом возрастающей конкуренции следует согласовать стратегическое и тактическое управление основными средствами. Связано это с тем, что информация об основных фондах способна оказать существенное влияние на принятие ряда управленческих решений, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе, о чем наглядно свидетельствует информация, приведенная в табл. 1.

Таблица 1

**Особенности стратегического и тактического управления основными фондами
мебельной компании**

Признак сравнения	Тактическое управление	Стратегическое управление
Уровень подчиненности управления	Стратегический контур управления основными фондами	Стратегическое управление финансово-хозяйственной деятельностью компании
Цели	Краткосрочные (текущие)	Долгосрочные
Методы достижения целей и способы решения задач	Использование внутреннего потенциала и возможностей	Активизация потенциала развития компании
Характер решаемых задач	Повторяющиеся	Новые, неповторяющиеся
Ожидаемые результаты	Рост эффективности	Достижение намеченных целевых установок и темпов роста
Фактор времени	Не принимается во внимание	Принимается во внимание
Степень риска	Минимальная	Допустимая
Природа основных факторов влияния	Внутренняя среда компании	Внешнее бизнес-окружение

Во-вторых, по мнению автора, одним из возможных вариантов решения задачи аккумуляции данных об основных фондах является использование специального реестра. Чтобы упростить процесс накопления, систематизации и анализа данных, можно осуществлять на предприятии учет согласно национальным стандартам и требованиям с внедрением специальной информационной системы ERP-класса.

Также представляется возможным модифицировать бухгалтерские данные по определенным правилам в международный формат, либо же внедрять отдельный учет основных фондов в двух параллельных информационных системах.

Очевидно, что системам параллельного учета требуются значительные затраты времени и средств, а далеко не каждый субъект хозяйствования может себе это позволить [3]. В данном контексте наиболее оптимальным, по мнению автора, для мебельных компаний является способ преобразования данных из национальной системы учета в международный формат. Однако необходимо отметить, что данный метод является эффективным и дает хорошие результаты только в том случае, если вся отчетность формируется своевременно, регистры ведутся качественно и подробно и все это требует не значительных расходов.

Реализовать на практике данное предложение можно, если обеспечить сближение различных видов учета предварительно приняв ряд следующих мер:

- 1) выбор методов ведения учета;
- 2) наполнение информационной базы;
- 3) проведение стандартизации учетных процессов.

Анализ деятельности отечественных мебельных компаний свидетельствует о том, что у большинства из них отсутствует либо организована неверно система учета по центрам ответственности. В большинстве своем используемые технологии и приемы не соответствуют обозначенным требованиям. Это не позволяет компаниям обеспечить эффективное управление расходами и издержками в местах их формирования.

В связи с этим представляется целесообразным на мебельных компаниях поэтапно внедрять управленческий учет затрат с использованием контроллинга. Последовательность этапов внедрения и соответствующих им процедур представлена в табл. 2.

Отдельного внимания в процессе совершенствования управленческого учета заслуживает определение перечня отчетов и их детализация. Традиционно для формирования управленческой отчетности информация поступает как с внутренней, так и внешней среды [4].

**Алгоритм внедрения управленческого учета расходов мебельной компании
с использованием методологии контроллинга**

Первый этап
Анализ действующей системы учета расходов. Выбор целевых ориентиров внедрения системы учета. Формализация результирующих показателей, которые необходимо достичь. Оценивание текущего состояния системы учета расходов. Описание порядка и процедуры передачи данных
Второй этап
Руководителю следует выбрать те структурные подразделения, которые будут анализироваться, сравниваться и по которым будет приниматься решение. Это могут быть производственные линии, магазины розничной сети, складские процессы, отдельные группы изделий, комплектующих, торговые точки. Если у компании есть административный аппарат (менеджер по закупкам, бухгалтер и т. д.), их также необходимо учитывать, в качестве отдельного объекта анализа. В разрезе каждого центра ответственности рассчитываются контрольные показатели, которые служат основой для составления отчетности.
Третий этап
Распределение ответственности за внедрение и организацию системы управленческого учета расходов. Утверждение плана выполнения работ и графика, в которых будет содержаться подробное описание всех необходимых действий и мероприятий со сроками выполнения. Принятие распорядительного документа об учетной политике затрат и результатов деятельности.
Четвертый этап
Выбор источников поступления информации и сбор необходимых данных
Пятый этап
Систематизация данных по однородным классификационным признакам
Шестой этап
Выбор критериев для оценки имеющихся ресурсов
Седьмой этап
Генерирование отчетов и заполнение регистров с использованием полученных данных

В управленческий контур мебельной компании, и соответственно в систему управленческого учета, включена большая часть сотрудников, в состав которых входят не только работники бухгалтерии, как это типично для финансового учета [5]. Это связано с тем, что, помимо традиционных бухгалтерских, активно применяются и нефинансовые индикаторы, которые формируют отделы логистики, маркетинга, материально-технического снабжения, менеджмента, управления персоналом и т.д. Поэтому составляемая отчетность должна охватывать все сферы деятельности компании. Отчеты тесно связаны между собой и являются дополнением друг друга, в связи с этим важно, чтобы в процессе анализа информации руководитель мог составить целостное представление относительно эффективности структурных подразделений и рабочих процессов [6].

Таким образом, поводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

В современных условиях хозяйствования обеспечению долгосрочного, эффективного функционирования и развития промышленных предприятий, в том числе по производству мебели, а также достижению ими оперативных и стратегических целей будет способствовать использование в процессе управления системы управленческого учета и отчетности.

Предложенные в статье направления усовершенствования управленческого учета позволят эффективно решить поставленные задачи перед руководителями мебельных компаний, обусловленные отсутствием единых методологических подходов и достаточной практики ведения управленческого учета, а также агрессивными действиями конкурентной среды.

Литература

1. Алиев Х.М. Особенности интеграции управленческого и бухгалтерского учета на уровне методологии, техники учета и автоматизации // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 1183–1186.
2. Carl S. Warren Financial and managerial accounting // Boston, MA: Cengage, 2020. 189 p.
3. Boyd Joseph. Creating relevance in managerial accounting // Journal of education for business. 2020. Volume 95: Number 5; pp 331-334.
4. Ray Proctor. Managerial Accounting: Decision Making and Performance Management. Harlow, United Kingdom: Custom Publishing, 2019. 287 p.
5. Horngren's financial & managerial accounting. The managerial chapters. Harlow, England: Pearson, 2019. 298 p.
6. Field experiments in managerial accounting research / Sofia M. Lourenço. Boston, Massachusetts: now, 2019. 80 p.

Shcherbakov Vadim Valerievich, Master's Student of the Department of Economics and Management, Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogol St., Vladivostok, 690014, Russian Federation). E-mail: svv7474@mail.ru

IMPROVING THE MANAGEMENT ACCOUNTING SYSTEM OF AN ENTERPRISE IN A COMPETITIVE ENVIRONMENT

Abstract

The article is devoted to the study of directions for improving the management accounting system of an enterprise in a competitive environment on the example of a furniture company. Special attention is paid to the stages of the improvement process, and attention is also focused on building a system of strategic and tactical accounting, developing a system for accounting for fixed assets and accounting by centers of responsibility.

Keywords: *management accounting, fixed assets, costs, responsibility center, information technology, competition, fixed assets, diagnostics, furniture production.*

References

1. Aliev H.M. Osobennosti integracii upravlencheskogo i buhgalterskogo ucheta na urovne metodologii, tekhniki ucheta i avtomatizacii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2020. № 5 (118). P. 1183–1186.
2. Carl S. Warren Financial and managerial accounting // Boston, MA: Cengage, 2020. 189 p.
3. Boyd Joseph. Creating relevance in managerial accounting // Journal of education for business. 2020. Volume 95: Number 5; pp 331-334.
4. Ray Proctor. Managerial Accounting: Decision Making and Performance Management. Harlow, United Kingdom: Custom Publishing, 2019. 287 p.
5. Horngren's financial & managerial accounting. The managerial chapters. Harlow, England: Pearson, 2019. 298 p.
6. Field experiments in managerial accounting research / Sofia M. Lourenço. Boston, Massachusetts: now, 2019. 80 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МЧС РОССИИ

Яковлева Ольга Ивановна аспирант, Институт социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук (117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32).
E-mail: Olga200663@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется и оценивается текущий уровень знаний о содержании и факторах успешной профессиональной социализации сотрудников МЧС в рамках ведомственной системы образования. Общеизвестно, что профессиональная социализация сотрудников МЧС, обеспечивающая их готовность к выполнению задач по предотвращению и реакции на чрезвычайные ситуации, требует развития широкого спектра качеств: социальных, психологических, мотивационных, профессиональных, физических, волевых. Однако на сегодняшний день практически отсутствуют достоверные сведения о том, какие факторы внутренней среды ведомственных вузов оказывают влияние на успешную социализацию. Ситуация усугубляется отсутствием целостной системы управления, целенаправленно сфокусированной на профессиональную социализацию курсантов.

Ключевые слова: Министерство по чрезвычайным ситуациям, МЧС, Россия, профессиональная социализация, курсанты, высшее образование, психологическая подготовка, профессиональная адаптация, личностные черты, профессиональная роль.

Введение

Профессиональная социализация – важный процесс, сопровождающий переход индивида от социальной роли новичка, постороннего по отношению к некоторой области профессиональной деятельности, к роли профессионала, способного не только компетентно выполнять свою работу, но и характеризующегося особыми социальными, психологическими и личностными чертами и установками, необходимыми для функционирования соответствующих социальных институтов. Профессиональная социализация выражается, с одной стороны, в приобретении специальных профессиональных компетенций, а с другой – в развитии мотивации и профессиональной направленности, жизненных целей и стратегий, связанных с освоением определенной профессии, а также развитием профессиональной идентичности [1; 2]. В этом смысле, успешная профессиональная социализация выражается в готовности и способности индивида полноценно выполнять профессиональную роль в рамках соответствующих институтов.

Профессиональная социализация является универсальным социальным процессом в системе «человек-профессия», который может быть более или менее успешным. Он осуществляется в различных формах и контекстах, начиная от спонтанной социализации при приходе в профессию или конкретную организацию, и заканчивая продуманной систематической работой институциональных акторов по формированию необходимых профессиональных компетенций, качеств и идентичности. Для большинства профессиональных областей в качестве главного институционального агента социализации выступают профессиональные образовательные организации [1].

В структуре деятельности образовательных организаций традиционно выделяются два компонента: образовательный и воспитательный, тогда как их способность обеспечивать успешную профессиональную социализацию оказывается гораздо менее изученной и очевидной. Этот недостаток внимания усугубляется тем, что различные профессиональные области характеризуются принципиально разными условиями труда (службы), содержанием профессиональной деятельности, институциональной и социально-ролевой спецификой. В данной статье анализируется текущий уровень знаний о профессиональной социализации в образовательной системе подготовки профессиональных спасателей – вузах, подведомственных Министерству РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС РФ).

Особенности и содержание профессиональной социализации специалистов МЧС

В большинстве развитых стран система предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий представляет собой сложную, многоуровневую и разветвленную систему институтов, обеспечивающую реализацию широкого перечня профессиональных задач. В России эта система существует в рамках деятельности МЧС, функционал которого охватывает

такие направления, как гражданская оборона (аварийно-спасательные работы, оповещение и эвакуация населения, ликвидация последствий ЧС, поддержание порядка в зонах ЧС, обеспечение устойчивого функционирования организаций в условиях ЧС и др.), координация деятельности государственных органов и служб, разработка рекомендаций, выработка политики в области предотвращения и ликвидации последствий ЧС, контрольно-надзорная деятельность, оказание финансовой помощи населению, международное сотрудничество, научно-технологическая деятельность, разработка информационных систем и др.

Такой широкий функционал требует сложных и диверсифицированных профессиональных ролей, обеспечивающих эффективность решения задач, стоящих перед МЧС. Более того, МЧС РФ, как и аналогичные ведомства в других странах, становится главной государственной структурой в условиях чрезвычайных ситуаций, получая очень широкие полномочия и неся ответственность за принятие жизненно важных решений. Это обуславливает целый ряд специфических требований, предъявляемых к профессиональной роли специалистов МЧС и выходящих далеко за рамки наличия специальных знаний и навыков. Более конкретно, большинство профессиональных ролей в структурах МЧС предполагает высокий уровень личной ответственности, способность принимать быстрые и правильные решения в критических ситуациях, физическую подготовку, психологическую устойчивость.

В связи с этим профессиональная социализация работников МЧС должна обеспечивать широкий перечень характеристик, определяющих их готовность к выполнению профессиональных задач и соответствие своей роли. Применительно к подготовке специалистов противопожарной службы, являющихся наиболее массовым звеном профессионалов МЧС, в рамках ведомственных вузов, российские специалисты выделяют шесть компонентов профессиональной готовности:

- физический: работоспособность, функциональные возможности и резервы организма, необходимые для борьбы с пожарами;
- мотивационный: чувство долга, ответственность за успешное решение профессиональных задач;
- ориентационный: понимание особенностей и условий профессиональной деятельности;
- профессиональный: компетентность, владение специальными знаниями, умениями и навыками, способность к анализу ситуации и выбору правильных методов и способов действия;
- волевой: эффективный самоконтроль, управление собственными эмоциями, чувствами, поведенческими реакциями;
- оценочный: адекватная самооценка своих способностей и уровня готовности к профессиональной деятельности [3, с. 162].

Такая структура профессиональной готовности определяет нормативные и ролевые ожидания, предъявляемые к сотрудникам МЧС, и задает ключевые направления профессиональной социализации, релевантные не только для противопожарной службы, но и для других областей деятельности МЧС. При этом приведенный авторами перечень, возможно, является неполным и может быть расширен. В частности, важным элементом профессиональной роли спасателя является способность к командной работе, эффективному взаимодействию и лидерству в критических ситуациях [4].

Не менее важным является ценностно-нормативный аспект профессиональной деятельности: именно интернализация специфических социальных норм считается необходимым элементом профессиональной социализации в системе МЧС [5]. Наконец, профессиональная социализация выпускников вузов может быть успешной только в случае соответствующего профессионального целеполагания – то есть, при осознанном и ответственном выборе жизненных и профессиональных стратегий, связанных с выбором профессии спасателя (в широком смысле) и службы в структурах МЧС [6].

Факторный анализ, проведенный группой российских специалистов по результатам экспертного опроса, позволил выделить несколько групп качеств, с которыми связывается успешная социализация молодого специалиста МЧС [7]. Наиболее значимая группа качеств включает в себя активность, способность принимать верное решение в условиях недостатка времени и информации, умение распределять внимание и отдавать команды, целеустремленность, стремление к развитию и др.

Факторы профессиональной социализации курсантов учебных заведений МЧС

Главный научно-практический вопрос, связанный с профессиональной социализацией специалистов МЧС, заключается в выявлении факторов, способствующих ее успеху, и, в особенности, тех из них, которые обеспечивают ее до фактического начала службы, то есть, на этапе получения образования. С общетеоретической точки зрения, принято выделять несколько уровней факторов профессиональной социализации обучающихся в учебном заведении [1]:

- *макроуровневые*: престижность профессии, уровень зарплат в отрасли, востребованность выпускников на рынке труда, наличие профессионального сообщества и др.;
- *мезоуровневые*: внутривузовские процессы, качество и условия обучения, профориентация, организационная среда, менеджмент и т.п.;
- *индивидуальные*: ценностные ориентации, социальные установки, мотивы и пр.

Однако общая теоретическая схема не дает понимания того, какие именно факторы и в какой степени оказывают влияние на отдельные аспекты профессиональной социализации в рамках определенной профессии. Следует отметить, что текущие знания о факторах профессиональной социализации специалистов МЧС являются в настоящее время неполными, фрагментарными и в недостаточной степени подтверждаемыми надежными эмпирическими данными.

В настоящее время можно назвать всего несколько работ, которые базируются на эмпирических исследованиях профессиональной социализации курсантов и выпускников вузов МЧС. Практически все эти исследования проведены на материале вузов противопожарной службы, которые составляют основную часть ведомственных вузов.

Наиболее важный вклад в понимание факторов профессиональной социализации внесли исследования В.А. Шубина, которые, однако, отражают реальность десятилетней давности [8; 9]. В частности, на основании данных социологического опроса, он выявил, что наиболее значимыми факторами профессиональной социализации являются личный пример командиров и их воспитательная работа. То есть, по оценке самих курсантов качество и характер социальных отношений в рамках служебной социальной иерархии имеют ключевое значение для принятия и интернализации социально-профессиональных ролей. Это ценный результат, который показывает, что внутриорганизационная социальная среда оказывается более важным фактором социализации, чем внешние социально-структурные условия, связанные, например, с престижностью профессии или общественным признанием. Однако проверка этих данных в современных условиях и с использованием более сложных и развернутых методов исследования была бы крайне полезной.

В ходе психологического исследования, проведенного М.Н. Грибовой, вопрос о факторах успешной социализации не был в центре внимания. Тем не менее, она обосновала ряд социально-психологических условий, способствующих успешной профессиональной социализации: необходимость целенаправленных усилий по формированию профессиональных качеств, своевременную профилактику деформаций, создание системы психологического сопровождения, включающего профессионально-психологическую оценку и мониторинг, создание организационных возможностей для профессионального роста и др. [5].

В некоторых работах обращается внимание на педагогические средства и технологии формирования отдельных аспектов профессиональной социализации: гражданской ответственности, профессиональной направленности и некоторых других [10–12]. Однако целостную эмпирически- и теоретически обоснованную модель профессиональной социализации они, к сожалению, не образуют.

Анализируя институциональные механизмы профессиональной социализации в системе МЧС нельзя не учитывать и социально-управленческие факторы, связанные с организацией и управлением в рамках всей системы МЧС. Основными институциональными агентом профессиональной социализации работников МЧС обоснованно считаются ведомственные вузы. Однако необходимо отметить, что согласно имеющимся данным, ведомственные вузы обеспечивают новыми кадрами структуры МЧС меньше чем на половину [13, с.46]. Это означает, что механизмы и формы профессиональной социализации в рамках ведомственных вузов носят фундаментально ограниченный характер.

Не менее важно и то, что в рамках МЧС пока не сложилось целостной системы управления образовательными организациями, сопоставимыми, например, с эффективно функционирующей

системой высшего военного образования в системе Министерства обороны. Названные факторы могут рассматриваться как одна из причин недостаточного уровня профессиональной готовности обучающихся и проблем адаптации специалистов МЧС, на которые обращают внимание некоторые специалисты [1; 13].

Заключение

Профессиональная роль спасателя характеризуется сложной структурой, включающей широкий спектр психологических, социальных, профессиональных, физических, моральных характеристик. Профессиональная социализация в системе МЧС России пока носит во-многом стихийный, слабо организованный характер, что не позволяет полностью раскрыть потенциал сотрудников и обеспечить рост эффективности структур, занятых в противодействии чрезвычайным ситуациям.

Существующий уровень знаний о факторах успешной профессиональной социализации является недостаточным для разработки целостной, рациональной системы, которая способствовала бы эффективному принятию профессиональных ролей до фактического поступления на службу, в рамках образовательной деятельности. Проведение комплексных исследований и интеграция их результатов в систему управления ведомственным образованием представляет поэтому важную научно-практическую задачу, актуальную для современного состояния МЧС России.

Литература

1. Клименко В.А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 92–102.
2. Перинская Н.А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 209–211.
3. Болотин А.Э., Аганов С.С., Довженко М.С. Структура готовности выпускника вуза ГПС МЧС России к профессиональной деятельности // Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. 2015. № 1. С. 159–163.
4. Баскин Ю.Г., Нишанбаев Ж.Т. Педагогические условия формирования качеств лидера у обучающихся в вузах государственной противопожарной службы МЧС России // Проблемы управления рисками в техносфере. 2013. № 1. С. 144–149.
5. Грибова М.Н. Особенности профессиональной социализации курсантов вузов государственной противопожарной службы МЧС России. Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 2014. 26 с.
6. Шубин В.А. Профессиональные стратегии как фактор успешности профессиональной социализации курсантов вузов ГПС МЧС РФ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. №4. С. 120–127.
7. Порошин А.А., Бобринев Е.В., Кондашов А.А. и др. Разработка математической модели оптимизации процесса профессионального становления молодого специалиста в системе МЧС России // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 4. С. 67–73.
8. Шубин В.А. Профессиональная социализация курсантов вузов государственной противопожарной службы. Автореф. дисс... канд. соц. наук. Пенза, 2011.
9. Шубин В.А. Факторы профессиональной социализации курсантов вузов государственной противопожарной службы МЧС России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 85–93.
10. Зубов И.В. Средства, формы и методы формирования гражданской ответственности, обучающихся в ведомственных вузах МЧС России // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. № 3-2. С. 47–49.
11. Чапская Я.М. Педагогическая технология формирования профессиональной направленности у обучающихся в вузах ГПС МЧС России // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». 2011. № 7. С. 171–175.
12. Психолого-педагогические проблемы становления личности сотрудника МЧС России и преподавателя ОБЖ: сб. трудов секции №17 ХХІХ МНПК «Предотвращение. Спасение. Помощь», 21.03.2018. Химки: ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России, 2019. 71 с.
13. Харин В.В., Шишков М.В., Лазарева Э.В. и др. Проблемные аспекты профессиональной адаптации молодых специалистов ФПС ГПС МЧС России // ВІТР. 2013. Vol. 32. Р. 43–52.

Yakovleva Olga Ivanovna, Graduate Student, Institute of Socio-Economic Population Problems of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation).
E-mail: Olga200663@gmail.com

**PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF STUDENTS
IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS EMERCOM OF RUSSIA**

Abstract

The article analyzes and evaluates the current level of knowledge about the content and factors of successful professional socialization of EMERCOM employees within the Ministry's education system. It is widely recognized that the professional socialization of EMERCOM employees, ensuring their readiness to fulfill the tasks of preventing and responding to emergencies, requires the development of a wide range of qualities: social, psychological, motivational, professional, physical, moral. However, at present, there is practically no reliable information about the university-level factors of successful socialization. The situation is aggravated by the lack of an integrated management system purposefully focused on the professional socialization of cadets.

Keywords: Emergency Control Ministry, EMERCOM, Russia, professional socialization, cadets, higher education, psychological training, professional adaptation, personality traits, professional role.

References

1. Klimenko V.A. Professional'naya socializaciya studentov: strukturno-funkcional'naya model' // *Sociologicheskij al'manah*. 2012. № 3. P. 92–102.
2. Perinskaya N.A. Professional'naya identichnost' // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2018. № 2. P. 209–211.
3. Bolotin A.E., Aganov S.S., Dovzhenko M.S. Struktura gotovnosti vypusknika vuza GPS MCHS Rossii k professional'noj deyatel'nosti // *Nauchno-analiticheskij zhurnal Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii*. 2015. № 1. P. 159–163.
4. Baskin YU.G., Nishanbaev ZH.T. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya kachestv lidera u obuchayushchihsya v vuzah gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii // *Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere*. 2013. № 1. P. 144–149.
5. Gribova M.N. Osobennosti professional'noj socializacii kursantov vuzov gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii. Avtoref. diss... kand. psihol. nauk. M., 2014. 26 p.
6. SHubin V.A. Professional'nye strategii kak faktor uspešnosti professional'noj socializacii kursantov vuzov GPS MCHS RF // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. 2010. № 4. P. 120–127.
7. Poroshin A.A., Bobrinev E.V., Kondashov A.A. i dr. Razrabotka matematicheskoy modeli optimizacii processa professional'nogo stanovleniya molodogo specialista v sisteme MCHS Rossii // *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire*. 2018. № 4. P. 67–73.
8. SHubin V.A. Professional'naya socializaciya kursantov vuzov gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby. Avtoref. diss... kand. soc. nauk. Penza, 2011.
9. SHubin V.A. Faktory professional'noj socializacii kursantov vuzov gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. 2010. № 3. P. 85–93.
10. Zubov I.V. Sredstva, formy i metody formirovaniya grazhdanskoj otvetstvennosti, obuchayushchihsya v vedomstvennyh vuzah MCHS Rossii // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2013. № 3-2. P. 47–49.
11. CHapskaya YA.M. Pedagogicheskaya tekhnologiya formirovaniya professional'noj napravlenosti u obuchayushchihsya v vuzah GPS MCHS Rossii // *Nauchno-teoreticheskij zhurnal «Uchenye zapiski»*. 2011. № 7. P. 171–175.
12. Psihologo-pedagogicheskie problemy stanovleniya lichnosti sotrudnika MCHS Rossii i prepodavatelya OBZH: sb. trudov sekcii №17 XXIX MNPK «Predotvrashchenie. Spasenie. Pomoshch'», 21.03.2018. Himki: FGBVOU VO AGZ MCHS Rossii, 2019. 71 p.
13. Harin V.V., SHishkov M.V., Lazareva E.V. i dr. Problemnye aspekty professional'noj adaptacii molodyh specialistov FPS GPS MCHS Rossii // *BiTP*. 2013. Vol. 32. P. 43–52.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, звание, организация (вуз), полный почтовый адрес организации, контактные данные автора (электронная почта, телефон для связи);

- аннотация 10-12 строк;

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

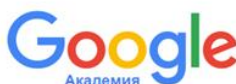
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2. 2021

Выход в свет 30.06.2021. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 2507-21

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru